

**70-летию
битвы под Москвой
и героической обороны
Тулы посвящается...**

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ТУЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

МЫ ПОМНИМ...

**Книга воспоминаний
и размышлений
поколений**

1941

Часть 2

**Авторы проекта,
редакторы-составители
Ю.М. Осипов, Л.И. Ростовцева**

Тула 2012

ББК 63.3(2)6
УДК 316.3+94(47)
М 94

М 94 **Мы помним... 1941. Часть 2.** Книга воспоминаний и размышлений поколений / под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К, 2012. — 444 с.: ил.

Книга является продолжением издания 2010 года, посвященного 65-летию Великой Победы.

Перед читателем возникает панорама тех далеких, ушедших в историю дней битвы под Москвой и героической обороны Тулы в суровом 1941 году, когда решалась судьба Отечества.

Авторы четырех поколений делятся своими воспоминаниями и размышлениями, рассказывают о подвигах своих отцов, дедов и прадедов в годы Великой Отечественной войны, публикуются материалы из семейных архивов.

Предназначена для историков, социологов, философов, экономистов и преподавателей, учащихся, для всех, кому дорого прошлое и будущее нашей страны.

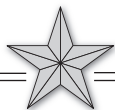
ISBN 978-5-8125-1723-6

© Коллектив авторов, 2012
© Тульский филиал РГТЭУ, 2012
© ЦОН при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012

Часть I

О войне из первых уст (продолжение)

Глава 6. Герои рядом

БЛАГОДАТНОЕ НАСЛЕДСТВО

*Хрунова Юлия Алексеевна, 41 год,
кандидат педагогических наук,
доцент Тульского филиала РГТЭУ,
г. Тула*

В изучении и осмыслении истории нашей страны, помимо официальных сведений и исследований ученых, большое значение имеют свидетельства очевидцев событий. И если мы не имеем возможности услышать свидетелей важнейших исторических событий отдаленных эпох, то XX век дает нам такую привилегию. Эта привилегия состоит в уникальных воспоминаниях наших старших родственников, благодаря которым мы можем посмотреть на прошлое через призму истории семьи.

О Великой Отечественной войне написано огромное количество научных, документальных и художественных произведений, снято много кинофильмов. Все они призваны показать ее в многогранных аспектах. Но наиболее ярко в своей нравственной силе эта великая война предстает именно в воспоминаниях очевидцев тех событий. Какой трогательной, необъясняемой словами любовью к Родине наполнены рассказы наших родственников, переживших войну. И эта любовь непостижимым образом как дар, как завещание переходит к нам: от любимого сердца к любимому сердцу. О такой любви говорится в книге воспоминаний моего дяди, космонавта Евгения Васильевича Хрунова «Космос — впереди ясная цель» (Тула, 2008).

«Родился я в сентябре 1933 года в деревне Пруды Тульской области, недалеко от Куликова поля, того самого поля, где шестьсот лет назад великий русский народ под предводительством князя Дмитрия Донского сошелся в жестокой сече с Мамаевым войском...

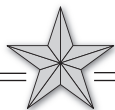
В ноябре 1941 года всего в нескольких километрах от Куликова поля были остановлены, а затем разгромлены фашистские орды...

...В мае 1941 года я успешно окончил первый класс. Наступило лето. На полях зрел богатый урожай. Люди трудились и жили счастливо. Когда зреет богатый урожай, крестьянину всегда весело. Родители становятся мягче, ласковей с детьми. На улице празднично, любая работа спорится, и как-то не устаешь от нее. Скажу больше: когда зреет хороший урожай, зимой больше праздников.

В это время мы слышали страшное слово «война». Женщины заголосили, старики как-то потемнели, стали строже. Лишь молодые парни, которые еще не понимали, что такое война, не знали всей ее тяжести, с удалой радостью рвались на фронт. В течение недели из нашей деревни в армию ушли три группы мужчин. Шла всенародная мобилизация. Деревня как-то сразу притихла, смолк смех, вечерами не стало слышно песен и звуков гармонии. Даже мы, дети, еще не понимая всей тяжести трагедии, ужаса разразившейся беды, интуитивно ощущали надвигавшуюся грозу и тоже притихли, повзрослели. Из-за нехватки керосина смолк гул тракторов на полях. Наши матери, взяв в руки серпы и косы, пошли убирать хлеба. Фронт придвигался все ближе к нашей деревне. А однажды мы стали свидетелями воздушного боя, окончившегося трагически для нашего летчика. Это было перед заходом солнца. После довольно долгого головокружительного боя четыре фашистских летчика подбили наш «ястребок». Он задымился, упал на землю и взорвался. Мы стояли, сжав кулачки, с глазами, полными слез, горя ненавистью к фашистам. Несколько дней мы не играли, а только обсуждали все детали воздушного боя.

После этого случая желание стать летчиком во мне еще более окрепло. Мы стали играть в военные игры всерьез, искали диверсантов, парашютистов и очень хотели помочь взрослым в их трудной работе на победу, хотели защищать нашу Родину.

Как-то в сентябре перед вечером мы играли на лугу и вдруг услышали звуки моторов. Прямо на нас с горки быстро неслась колонна мотоциклистов. Шум, пыль, дым какие-то крики. Все ближе и ближе. Видны отдельные машины. Это были фашисты. Они сидели с повернутыми руками мундиров, в касках, и у каждого был пулемет на руле. Нас как ветром сдуло. Мы разбежались, прячась, куда кто мог. Было страшно. Было любопытно. Сердце щемило. Мы такими и представляли фашистов по плакатам: закатанные рукава, автоматы, наглый взгляд, сильные машины... Настали черные дни оккупации. Занятия в школе прекратились, и мы целыми днями ничего не делали. Приближалась зима, а хлеб на полях остался наполовину неубранным. Однажды ночью, проснувшись, я увидел за столом отца и незнакомого человека. Мать поставила перед ним миску со щами, но ложку взять он не мог: пальцы его рук были покрыты огромными волдырями. Руки ему перевязали. Несколько дней он находился у нас, а затем ночью ушел за линию фронта, которая проходила километрах в десяти от села. Позднее я узнал, что это был командир Красной армии, попавший в окружение, а затем в плен. После допроса его морозной ночью вывели на расстрел — в одной гимнастерке и носках. Ему удалось бежать. Наш домик стоял в стороне, и он решил скрыться у нас. Когда Красная армия погнала фашистов на запад, он снова зашел в наш дом — уже в армейской форме. Благодарил отца и мать за помощь и

сказал, легко потрепав меня по щеке: «Мы еще побродим по Берлину!» Он писал нам письма более года, а потом мы узнали, что он погиб в районе Курской дуги.

Мне было восемь лет, и все воспринималось еще по-детски. Особенно запомнилась ночь 6 декабря 1941 года. Накануне весь день шла артиллерийская подготовка. Фашисты подожгли всю деревню. Копоть и дым закрыли солнце... С наступлением темноты наш страх усилился. Пожары не прекращались. Мать спрятала нас в подвал, где мы сидели всю ночь, прижавшись друг к другу и слушая пулеметную и пушечную стрельбу. Шел упорный бой. Нам уже стало казаться, что мы отличаем стрельбу наших автоматов от немецких... Утром деревню заняли передовые части Красной армии, конница генерала Белова.

Так рано довелось мне узнать, что такое война, разрушение, голод и смерть, плач безутешных матерей. Многие из нас остались без отцов, потеряли старших братьев. И это навсегда оставило в сердце след.

Весной собирали на поле прошлогоднюю картошку и варили ее. Собирали щавель, крапиву, лебеду, все, что можно было пережевать и проглотить. И если до войны, собирая ягоды, грибы, мы как бы играли, нам не были в тягость и дальние походы, и тяжелые корзинки, и холодная вода в речке при ловле рыбы и раков, теперь это была наша работа. Мы помогали матерям кормить семьи.

Наступил 1942 год... Возобновились занятия, но школа почти не отапливалась. Чернила замерзали, мы сидели в верхней одежде, а иногда даже в шапках. Тетрадей не было, писали на газетах, оберточной бумаге. На весь класс приходилось по одному учебнику. Поэтому после занятий часто оставались в школе и учили урок сообща. Но трудности не замечались. Ведь самое страшное — фашистская оккупация — было позади, наша армия продолжала гнать врага».

Из рассказов моей бабушки Аграфены Николаевны Хруновой, матери Евгения Васильевича, я помню, что деревенские женщины во время оккупации выносили хлеб нашим пленным. Пленных гнали по снегу колоннами, и надо было так осторожно и быстро передать хлеб, чтобы немецкие конвоиры не заметили. Что заставляло наших женщин под страхом смерти делать это? Что заставляло делать это мою бабушку, имевшую в 1941 году уже пятерых детей и ожидавшую следующего ребенка? Такими сильными и сплоченными русских людей в годы Великой Отечественной войны делало благодатное чувство любви. Эта любовь побеждала голод, холод, усталость, помогала одним без мужчин растить детей, вести хозяйство, работать в поле. Это мужество видели их дети, и это было величайшим нравственным уроком для них. Сестра моей бабушки Мария Николаевна Максимова в годы войны была бригадиром женской полевой бригады. Трудно представить объем и тяжесть труда этих женщин. Но в старости она говорила с радостью о своей жиз-

ни, с любовью вспоминала тех, с кем работала. Значит, счастье — не в комфортной эгоистичной жизни, в чем пытается убедить нас западная идеология, а в жертвенной жизни и любви к людям, к Родине, Руси непобедимой. Эти нравственные уроки напомнила нам Великая Отечественная война, которые мы должны непременно усвоить.

ПОБЕДУ ПРИБЛИЖАЛИ ВСЕ

*Белов Александр Георгиевич, 63 года,
научный сотрудник ГУК «Музей военной истории
Тульского края», кандидат экономических наук,
г. Тула*

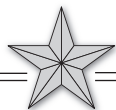
Великую Победу общими усилиями ковали и убеленный сединами отец-офицер в штабной землянке, и совсем юный сын-новобранец в своем окопе, и усталая мать на сооружении оборонительных укреплений, и старшая сестра, добровольно ставшая сестрою милосердия, и младший брат, недостающий до станка, но каждодневно по двенадцать часов занятый производством снарядов для фронта.

930 боевых вылетов

Практически рекордное количество боевых вылетов в ночь за линию фронта совершил во время Великой Отечественной войны Герой Советского Союза, военный летчик 1 класса, гвардии полковник в отставке Леонид Васильевич Рыков, которому 15 февраля 2011 года исполнилось бы 90 лет.

Он родился в простой крестьянской семье в удмуртской деревне Князево. В начале тридцатых вместе с родителями переехал в город Ижевск. Когда Леня увидел парящий в облаках самолет, у него появилась мечта стать летчиком. После семилетки работал слесарем на машиностроительном заводе и учился без отрыва от производства в местном аэроклубе. Окончив двухгодичные курсы, был принят в Пермскую военную авиационную школу пилотов, которую прошел в ускоренном режиме за год и направлен в разведывательный авиаполк Киевского особого военного округа.

Великая Отечественная застала его под Житомиром. Здесь еще весной он познакомился с юной выпускницей медицинского техникума Машей, которая в конце войны стала верной женой. Не забыть ему 22 июня 1941 года: «В первый же день мы понесли большие потери, многие из нас остались без самолетов — часть их успели отогнать на

запасной аэродром, часть была уничтожена на летном поле...». Оставшись без машины, летчик рыл окопы близ аэродрома, устанавливал огневые наземные точки, участвовал в обороне Киева.

Оказавшись в январе 1942 года в 598-м полку ночных бомбардировщиков, всю войну Леонид Рыков летал на У-2, позже переименованных в По-2, которых наши солдаты называли «летающей этажеркой», а немцы — «рус фанер». Но этот «небесный тихоход», созданный авиаконструктором Н.Н. Поликарповым как сугубо учебная машина, легко выходил из штопора и мог даже сесть на опушке леса. Неутомимые труженики войны, они использовались и как разведчики, и как связные, и как санитарные самолеты, а главное — как ночные бомбардировщики. Уже в феврале летчиками полка был совершен массированный налет на один из аэродромов противника под Харьковом и уничтожено около тридцати вражеских самолетов.

Леонида не раз хоронили заживо, отправляя домой «похоронки»: «Это было под Харьковом в марте 1942 года. Ночью в сильный снегопад взорвали большой склад боеприпасов, но на обратном пути самолет был подбит. Удалось посадить его на макушку холма, что нас спасло. У меня сотрясение мозга, контузия, у штурмана Петра Ростовцева сломана рука. Нашли нас только дней через пять», — вспоминал впоследствии летчик.

В январе 1943 года, летая в окруженную под Сталинградом группировку немцев в 35-градусные морозы, он совершал за ночь до десятка боевых вылетов, нанося противнику огромный ущерб. «Помню, была морозная лунная ночь, — рассказывал ветеран. — Подлетаем к вражескому аэродрому. Возле него кружатся немецкие транспортные самолеты. Один из них садится на летное поле, и тут же падают наши бомбы. Самолет горит. Немцы спохватились и открыли ураганный зенитный огонь. А мы пошли на дерзкую хитрость — зажгли свои бортовые огни и мигаем ими: свои, мол. Зенитки замолкли. Заходим на следующий круг. Наши бомбы вновь ложатся на аэродром, где уже море огня. Мы удаляемся, а вражеские зенитчики палят нам вдогонку из всех сил».

Однако не всегда все заканчивалось столь благополучно. Так, перед началом Курской битвы гвардии лейтенант Рыков получил задание доставить из штаба танковой армии секретные документы и офицера связи: «Ко мне привязался «мессершмитт». Я маневрирую и так, и

Летчик Л.В. Рыков. 1940 г.

эдак — он наседает. «Мессер» загнал меня на передовую, и тут я решаюсь, пикирую. Потом делаю «горку» и разворот на 180 градусов —

С женой Марией. 1945 г.

скорее к своим! Слышу взрыв в моторе, ощущаю запах горящего масла — все, думаю, отлетался. Упал, а следом в землю врезался, не успев вывернуться, и «мессершмитт».

Он сражался в небе над Днепром, освобождал Белоруссию и Польшу, помогая местным партизанам и варшавским повстанцам. В ночь на 24 октября 1944 года под Винницей совершил одиннадцать боевых вылетов. И каждый такой вылет требовал колоссального напряжения моральных и физических сил. Над целью его самолет попал в зенитные прожекторы, подвергся сильному обстрелу и получил 114 пробоин. Но мужество, хладнокровие и выдержка командира спасли самолет и экипаж. Войну гвардии старший лейте-

нант Л.В. Рыков закончил под Берлином, пройдя путь от начинающего пилота до опытного заместителя командира эскадрильи.

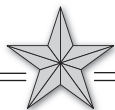

*Ветеран войны и труда.
1981 г.*

Хоть именовалась эта авиация легко-моторной, но крайне рискованной была боевая работа летчиков-ночников. Недаром его подвиги отмечены двумя орденами Красного Знамени и Отечественной войны 1-й и 2-й степени, орденами Богдана Хмельницкого 3-й степени и Красной Звезды.

«С начала боевой работы на фронте товарищ Рыков показал себя смелым и отважным воздушным воином. За весь период совершил 930 боевых вылетов. Первый в полку применял и освоил ночное фотографирование. Совершил около ста полетов для фотографирования войск противника, а также вылетов к партизанам и повстанцам Варшавы. Кроме того, совершил свыше 300 полетов на связь, летал в непосредственной близости от линии

фронта, при любой погоде днем и ночью, подвергался неоднократному обстрелу наземных войск противника. Товарищу Рыкову, как лучше-

му летчику полка, всегда поручались самые сложные и ответственные задания, которые он выполнял с честью», — писал 7 февраля 1945 года командир 44-го гвардейского бомбардировочно-авиационного Донского полка гвардии подполковник Васильев в наградном листе на представление Л.В. Рыкова к Герою Советского Союза. Это высокое звание ему было присвоено год спустя после Победы — 15 мая 1946 года.

*Сын Героя В.Л. Рыков и директор школы № 15
О.Н. Ковех в школьном музее. 2011 г.*

После войны он продолжил службу в военно-транспортной авиации, которая дислоцировалась тогда в Туле. Поэтому с нашим краем связаны свыше сорока лет его жизни и деятельности. В 1958 году ушел в запас, имея 39 лет выслуги в Советской армии. Но до последнего дня гвардии полковник в отставке Л.В. Рыков оставался в строю. Еще почти тридцать лет трудился заместителем начальника отдела в проектно-институте «Тулгражданпроект», участвовал в работе областного комитета защиты мира и областного совета ветеранов войны и труда, встречался с молодежью, вел обширную переписку более чем с сорока школами страны.

По выходе на пенсию заслуженный им отдых продолжался всего три месяца. Он скоропостижно скончался 30 декабря 1988 года, но в Туле многое напоминает о нем: улица Рыкова в Пролетарском районе, мемориальная доска на доме, где он жил, и музей боевой славы его имени, открытый два года назад в 15-й средней школе, во многом благодаря совместным усилиям ее инициативного директора Ольги Николаевны Ковех, а также вдовы Марии Андреевны и сына Владимира, свято чтущих память своего мужа и отца.

Это хороший пример в деле увековечивания памяти туляков-Героев Советского Союза, внесших значительный личный вклад не только в

победу нашего народа над фашизмом, но и в патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Ах, война, что ты сделала, подлая...

С этим человеком случайно познакомился дюжину лет назад. Меня поразил тогда лучистый взгляд его умных глаз. Он признался, что участвовал в Великой Отечественной войне, но говорить о ней не хочет. Почувствовав, что за подобным отказом скрывается какая-то неординарная история, узнал номер домашнего телефона и вскоре посетил его приют спокойствия, расположенный в самом эпицентре наших каменных джунглей.

Туляк Валерий Александрович Литвинов родился на исходе осени 1924 года. Учился в 13-й средней школе, как и многие сверстники, занимался спортом: играл в футбол, катался на коньках и лыжах. Его

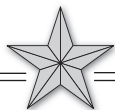

Отец А.В. Литвинов

отец до войны возглавлял промышленно-строительный отдел только что открытого машзавода.

Когда осенью сорок первого над нашим городом нависла угроза нашествия оккупантов, семья Литвиновых вместе с заводом эвакуировалась в Златоуст. Там Валера окончил десятилетку и мог бы, наверное, претендовать на бронь, учитывая, что отец руководил на заводе производственным цехом. Но этой мысли оба даже не допускали. «Как бы мы тогда смотрели в глаза людям», — недоумевает ветеран, отвечая на прямой вопрос, продиктованный поголовным стремлением нынешних его одногодков «откосить» от армии.

Сразу после школы, когда ему не исполнилось еще восемнадцати лет, Валерий Литвинов поступил в гвардейское артиллерийско-минометное училище им. Красина в Миассе, которое готовило первых специалистов по «катюшам». Но поздней осенью 1942 года из-за рваных сапог и мерзопакостной погоды он простудился и всерьез заболел ревмокардитом. После лечения в своей медсанчасти и челябинском госпитале комиссия признала его ограниченно годным. Путь к возвращению в училище курсанту был закрыт, и его направили на Урал в запасной полк, затем — минометчиком в действующую армию, в 258-й стрелковый полк 140-й стрелковой дивизии. Литвинов участвовал и в боях местного значения, и в кровавом месиве на Курской дуге, где 25 июля 1943 года получил первое тяжелое ранение.

Вот как это было: «Наша часть находилась во втором эшелоне. Но после неудачного наступления почти вся дивизия оказалась разбита. Связи никакой не было, окопы сравнились с землей. Пришлось мобилизовать оставшиеся силы, и продолжать наступление на поселок. Будучи наводчиком 82-мм миномета, с остатками своей минометной роты по совершенно открытой местности шел вперед, а немцы, отступая, продолжали вести огонь, как вдруг почувствовал жгучую сильную боль». Врачи констатировали сквозное осколочное ранение левой голени с повреждением большого берцового нерва. Этот минометный осколок, задевший нервные окончания, оставил неизгладимый след на всю жизнь. Более четырех месяцев провел юноша в госпиталях Курска и Ельца, Кинешмы и Ленинграда, пока в начале декабря того же года, едва научившегося ходить на костылях, хромающего, с сильными болями его не направили автоматчиком в 268-й стрелковый полк 48-й стрелковой дивизии.

Рядовой В.А. Литвинов

Он участвовал в окончательном прорыве 900-дневной блокады Ленинграда, а 14 февраля 1944 года в ожесточенном бою под Нарвой получил второе ранение в правую ногу, осложненное газовой гангреной. Как гласит справка из архива военно-медицинских документов, это было «сквозное пулевое ранение мягких тканей правой голени и правого бедра с повреждением седалищного и бедренного нервов, а также мягких тканей грудной клетки».

«Наш ротный старший лейтенант направил трех бойцов, включая меня, в разведку. Пройдя вдоль опушки леса километра два, мы ничего опасного не обнаружили. Вернувшись, пошли впереди роты по узкой просеке, но попав в засаду, были обстреляны яростным огнем автоматных очередей. Мы побежали по замерзшей реке, а кругом рвались снаряды. Многих ранило, еще больше наповал убило. Санитаров поблизости не было видно. Поэтому, когда меня ранило, я из последних сил полз по снегу с гранатой в руке и не помню, как очутился в медсанбате», — со слезами вспоминает ветеран.

Ему снова пришлось пройти через целый ряд госпиталей в Ленинграде, Вологде и Туле. В родной город он прибыл в начале июня, а выбыл из эвакогоспиталя № 2782, расположенного в здании нынешней 20-й гимназии, только 22 июня 1944 года, ровно через три года по-

сле начала войны. Врачебно-трудовая экспертная комиссия на сей раз однозначно признала его инвалидом Великой Отечественной войны, не годным к военной службе.

К этому времени война для гвардии рядового Литвинова была закончена. Но отчаянная борьба за выживание молодого человека, в не-

Студент. 1951 г.

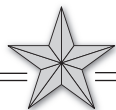
полные двадцать лет ставшего инвалидом, только начиналась. Несмотря на постоянные боли, Валерий поступает в Тульский механический институт, успешно его заканчивает по оборонной специальности и направляется военпредом на машиностроительный завод, где занимается морскими установками. Затем работает инженером-проектировщиком в институте «Гипрошахт».

Однако не проходящие ни на секунду боли, усиливающиеся к вечеру, называемые на медицинском языке каузалгическим синдромом, не давали ему возможности полноценно трудиться. Если у нас заболели зубы или голова, мы принимаем обычно таблетку, и боль проходит. А тут нестерпимо жгучая боль резко усиливается при волнениях, воздействии шума и света, прикосновении су-

хим предметом. Лишь музыка немного отвлекает от постоянных болевых ощущений. Особенно тяжело переносить их в состоянии покоя, тогда как при ходьбе, преодолевая боль, становится чуть-чуть легче. Точно так же действуют на организм человека с резко повышенной болевой чувствительностью разнообразные природные катаклизмы — дождь, снег, град.

Поэтому и работу проектировщика Валерию Литвинову вскоре пришлось оставить. Несколько лет его лечили консервативными методами, но без особого успеха. В 33 года сделали операцию, после которой боли прекратились на четыре месяца, а затем возникли вновь и держатся до сего времени. На шесть сантиметров ему удлиняли пятку, и ходить он мог только в специальной ортопедической обуви. Рубашки надевает самые тонкие, фланелевые, чтобы не раздражать нервные окончания. Но оставшиеся тяжелые рубцы и внутренние спайки не давали ни минуты покоя.

Однако Валерий Александрович не привык сидеть без дела. С детства увлекаясь ихтиологией, он решил посвятить себя аквариумистике — разведению декоративных пород рыб. К тому же водная стихия в отличие от сухого микроклимата позволяла забыть о терзающей, изматывающей боли. Так что среди надомных работ лучше для него трудно было и сыскать.

Вскоре он становится высококвалифицированным специалистом на новом для себя поприще: не только в теории, но и на практике узнав, где какие у нас пруды и что в них водится. Два десятка лет он исправно сдавал в магазин «Природа» выращенную своими руками продукцию. Да вот только в трудовой стаж эти годы ему очень долго не хотели засчитывать, так как индивидуальная трудовая деятельность в тот период никем не поощрялась.

Гвардии рядовой, дважды орденосец, бывший комсорг минометной роты и здесь проявил недюжинную стойкость, продолжая идти своей дорогой. И добился все-таки поставленной цели, получив изрядную прибавку к пенсии.

Около четверти века оставшись совсем один после смерти родителей, так и не создав семьи и не имея детей, он не озлобился на людей, хотя оснований более чем достаточно. Так, в прошлом году у него украли из дома кровью и болью заработанные им на войне ордена Отечественной войны

1 степени и Славы 3 степени, а также дорогую сердцу медаль «За оборону Ленинграда». Эти святые для него реликвии так и не были найдены правоохранительными органами. Не получает он особой помощи и от органов социальной защиты.

Хотя боль по-прежнему не отступает, до предела истощая его нервную систему, Валерий Александрович, несмотря на преклонный возраст — 87 лет, держится молодцом, не жалуется на свою судьбу и идет по жизни с высоко поднятой головой, как и положено воину-победителю.

Он живет в частном доме с большим садом, напоминающим райский уголок, где растут не только привычные нашему климату яблони и груши, но и редкий для здешних мест виноград. В светливой повседневности трудно найти другого, столь же выдержанного и уравновешенного человека, в котором потомственная интеллигентность удивительным образом сочетается с очищающим воздействием выпавших на его долю испытаний. Кто-то не выдержал бы и сломался, но только не инвалид войны Литвинов, который стоически несет свой крест более 67 лет. Даже невооруженным глазом видно, что через страдания душа его не ожесточилась и не очерствела, а еще больше возвысилась на пути к просветленности.

Ветеран войны

Засекреченная звезда первой величины

Он родился 22 июня 1911 года, ровно за тридцать лет до начала Великой Отечественной войны, и за полвека до начала космической эры, в которой ему было суждено сыграть весьма значимую роль. За выдающиеся заслуги в развитии ракетной техники и обеспечение успешного полета человека в космос ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Но даже сейчас, когда гриф секретности снят, о нем мало кто знает из земляков.

Костя Руднев появился на свет в интеллигентной семье учителя тульской гимназии. Успешно окончив опытно-показательную школу, как именовалась тогда школа № 6, он целых три года отработал электромонтером.

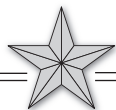
Когда в 1930 году открылся Тульский механический институт, который в народе сразу окрестили «пистонным», оказался в числе первых его абитуриентов. В студенческую пору дружил с будущим известным гроссмейстером по шахматам А.А. Котовым и стал одним из первых выпускников по проектированию и производству автоматического оружия.

Впоследствии он признавался: «Немало в моей жизни было добрых наставников, но самые теплые слова благодарности хочу отнести Михаилу Алексеевичу Мамонтову, привившему мне интерес к конструированию».

Выпускник Ленинградского военно-механического института преподавал в новом вузе баллистику и гидравлику, работая одновременно в конструкторском бюро оружейного завода. Там не хватало инженеров, и он решил переучить лучших студентов на оружейников, предложив им работу в ПКБ. Его выбор пал на трех «отличников» — Мишу Пастухова с инструментального дела, Володю Полюбина — с горячей и Костю Руднева — с холодной обработки металлов. Каждому из них пришлось практически делать по два дипломных проекта — по своей кровной и специальной теме, — просиживая после работы до полуночи на протяжении нескольких месяцев.

Будучи еще студентом, Костя Руднев трудился инженером-конструктором ЦКБ-14 (ныне КБП), был даже председателем совета общества «За овладение техникой» на Тульском оружейном заводе. В самом начале своей инженерной деятельности вместе со слесарем-механиком В.П. Котовым при участии конструкторов В.Н. Салищева и В.А. Галкина разработал новый вариант синхронного автомата, принятого в 1936 году в производство.

Вскоре он стал руководителем исследовательского отдела в конструкторском бюро, затем начальником производства и главным инженером ТОЗа. В октябре 1941 года вместе с эвакуированным предприятием был направлен в город Медногорск, где в оренбургских степях,

практически на голом месте начал действовать завод № 314, младший брат старейшего оружейного.

В начале 1943 года Константин Николаевич Руднев назначен директором этого крупного машиностроительного предприятия Наркомата вооружения. Он непосредственно участвовал в разработке авиационного пулемета ШКАС, под его руководством началось поточное производство самозарядной винтовки СВТ и освоение авиационной пушки ШВАК.

Грамотный, энергичный и волевой руководитель много сделал не только для технического усовершенствования производства, но и для улучшения жизни и быта тружеников завода в эвакуации. По его заданию из Тулы привозили семена для посадки овощей и белокрылых голубей, которые несли тепло родного города. Как тонкий психолог, он каким-то шестым чувством узнавал, когда начальники цехов доходили до предела, вызывал к себе, сажал в машину и вез в дом отдыха. «Переночуем в раю — и заряд на целый месяц!» — вспоминали об этом времени коллеги.

Но прежде всего он был человеком дела. За полтора года его руководства завод семь раз награждался переходящим Красным знаменем, а на счету самого Константина Николаевича шесть орденов Ленина, два Трудового Красного Знамени, а еще — Октябрьской революции и Отечественной войны.

Его организаторский талант и техническая эрудиция продолжали раскрываться и дальше на всех ответственных постах, которые он занимал после войны. Директор научно-исследовательского института машиностроения в Москве, начальник Главного управления союзного министерства, заместитель министра вооружения и оборонной промышленности, председатель Госкомитета по оборонной технике, наконец, заместитель председателя Совета Министров СССР.

Последние пятнадцать лет своей жизни К.Н. Руднев руководил министерством, которое являлось флагманом научно-технического прогресса. Он обладал поистине редкой для середины XX века технической многогранностью: в качестве министра приборостроения, средств автоматизации и систем управления занимался созданием АСУ «Олимпиада-80», ставшей его лебединой песней, и единственный из всех союзных министров решился на перевод деятельности своего министер-

*Полковник К.Н. Руднев
в годы войны*

ства на полный хозяйственный расчет, что было в застойные времена сродни подвигу.

Будучи председателем Госкомитета СССР по координации научно-исследовательских работ и руководителем Государственной космической программы, он стоял во главе подготовки и проведения первых космических полетов, внес большой вклад в укрепление оборонной мощи страны, создание ракетной техники, развитие отечественного приборостроения, внедрение научных достижений в производство.

На титуле книги «Утро космической эры», подаренной первым космонавтом Вселенной в день присвоения нашему земляку звания Героя Социалистического Труда, сделана красноречивая надпись: «Дорогому Константину Николаевичу Рудневу в память о первом космическом полете под Вашим непосредственным руководством. 30.12.61. Ю. Гагарин».

Заслуги К.Н. Руднева в развитии космической техники посмертно отмечены правительственным постановлением о присвоении его имени Орловскому производственному объединению и создании там специального музея. А вот на его малой родине в Туле ничего подобного до сих пор пока нет.

Их вклад в победу

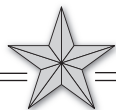
По иронии судьбы два известных на весь мир конструктора-оружейника родились практически в один день. 14 ноября 2011 года исполнилось бы 95 лет Герою Социалистического Труда, лауреату Государственной премии, заслуженному изобретателю России Николаю Михайловичу Афанасьеву. А днем позже — 89 лет со дня рождения еще одного лауреата Госпремии, заслуженного конструктора РФ Игоря Яковлевича Стечкина.

Первый из них появился на свет на берегах Невы в Петрограде, а второй — в городе Алексине на Оке. Но с Тулой каждого из них связывает свыше шестидесяти лет сознательной жизни. Оба пришли в знаменитое ЦКБ-14 (ныне КБП) одновременно в 1948 году. Работали в одной комнатухе. И оба около полувека прожили в одном доме по улице Гоголевской.

«Я — туляк»

«Тула как нельзя лучше соответствует моему призванию, — сказал однажды Игорь Яковлевич. — А может, такое призвание и появилось потому, что я живу в Туле — городе оружейников, мастеров».

Для него не было вопроса — куда пойти учиться. Конечно же, в Тульский механический институт, на машиностроительный факультет, оружейно-пушечное отделение. Осенью сорок первого без экзаменов он был зачислен на первый курс. «Как и положено, учеба началась

с помощи колхозу. Непривычное это еще было дело, но ничего — осилили, а главное — сдружились», — рассказывал впоследствии замечательный конструктор. Вернулись в Тулу из колхоза в начале октября, когда фашисты были уже на подступах к области. Срочно нужно было строить оборонительный рубеж на реке Оке возле Черепети: «Наш участок был недалеко от моста. Ночью его усиленно бомбили, и слышен был бой. Утром сделали разметку, начали копать и валить лес. К обеду пошли разговоры, что немцы уже на этой стороне и что надо уходить, чтобы не попасть в плен».

Уходили оттуда пешком по открытому месту под обстрелом вражеского самолета, пока не вышли на узкоколейку, где наткнулись на поврежденный состав: «Два вагона сошли с пути. Несколько железнодорожников пытались их поставить на рельсы. Совместными усилиями это удалось сделать — и в Тулу мы уже въехали, а не вошли».

Освобожденный от службы в армии по зрению, девятнадцатилетний Игорь Стечкин эвакуировался вместе с семьей на Урал, где поступил работать слесарем в депо. Сначала трудился на подъемке, а потом в инструментальном цехе. Но вскоре получил вызов из Ижевска, куда эвакуировался наш механический институт, который был слит здесь с Московским высшим техническим училищем имени Н.Э. Баумана.

Все студенты должны были, кроме учебы, работать на заводах. Будущему конструктору пришлось трудиться шлифовщиком на местном мотозаводе: «После работы сидишь на занятиях — в глаза хоть спички вставляй, но что-то слушаешь, что-то пишешь. Записывать приходилось на случайных книгах или брошюрах между строк — какие уж тетради или бумагу достанешь в эвакуации! А на заводе норму выполнять надо... Нагрузка была, конечно, здоровая. Но все это как-то по тем молодым годам было легче. Помню, даже ходил в секцию рукопашного боя. Осваивал штыковой бой, шпажный бой, на эспадронах...»

Только через год смог Игорь Стечкин вернуться в Тулу, где по инициативе Михаила Алексеевича Мамонтова началось восстановление института: «Казалось, прошло немного времени, но как изменились студенты за год! Исчезли беззаботность, легковесность. Стали серьезнее, даже суровее. Это не те школяры, что пришли в институт в сентябре 1941 года. Большинство успело принять участие в войне. В нашей группе Н. Карнеев, К. Рудаков, Л. Захаров носили на себе ее страшный

И.Я. Стечкин

след. А сколько бывших студентов не вернулось из горнила войны», — с горечью вспоминал И.А. Стечкин.

Дипломной работой у него стал самозарядный пистолет калибра 7,65 мм. Он получил разрешение на изготовление опытного образца и, с блеском защитив дипломный проект, тут же показал его в действии, произведя несколько выстрелов холостыми патронами, что вызвало шок у всех членов Государственной экзаменационной комиссии.

А уже через три года был принят на вооружение нашей армии 9-мм автоматический пистолет системы Стечкина, за который 28-летний молодой специалист был удостоен Сталинской премии II степени. Новоиспеченный лауреат признавался потом: «Помогали и Николай Михайлович Афанасьев, и Макаров, чувствуя свою ответственность за меня. Мы так и остались с тех пор в хороших, товарищеских отношениях».

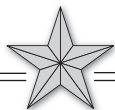
Так уж получилось, что умер Игорь Яковлевич в день своего рождения, если считать по старому стилю, за год до своего восьмидесятилетия, накануне полувекового юбилея принятия на вооружение в спецподразделениях его основного детища, известного во всем мире под индексом «АПС».

Его благословил сам Жуков

Конструкторский дар Н.М. Афанасьева проявился очень рано и вначале был направлен в самое мирное русло. Еще во время учебы в техникуме механизации сельского хозяйства он изобрел подметальную машину и машину для посадки картофеля, а также работал над картофелеуборочным комбайном. Поступив затем в научно-исследовательский институт лесного хозяйства в Пушкино, некоторое время занимался разработкой плуга-автомата для лесных посадок.

Но в самом начале Второй мировой войны, в сентябре 1939 года, был призван в армию и служил в танковых войсках на Дальнем Востоке, на границе с Монголией. Там у него впервые проявился интерес к конструированию оружия. После знакомства с популярным тогда учебником А.А. Благонравова «Основы проектирования автоматического оружия» молодой сержант по собственной инициативе занялся разработкой скорострельного двуствольного авиационного пулемета. Ему выделили уголок, где вечерами пришлось немало покорпеть над чертежами.

Замполит батальона сообщил о его замыслах в штаб армейской группы, которой в ту пору командовал Герой Советского Союза, легендарный командарм Георгий Константинович Жуков, известный своими подвигами на Халхин-Голе. При личной встрече будущий маршал Победы начал с упреков: «Ты чем, сержант, занимаешься? Ведь тебя с твоим пулеметом японские шпионы уволочут, и нам тебя днем с огнем

не сыскать». Но дальше сменил показной гнев на милость: «Хочешь — не хочешь, но придется ехать в Москву. Тебе пару месяцев хватит, чтобы все привести в порядок?»

На втором этаже здания штаба в Улан-Баторе открыли класс, поставили у дверей часового, и ровно через два месяца комиссия военных «технарей» доложила Г.К. Жукову, что вещь получилась стоящая. Это был проект двуствольного авиационного пулемета с весьма оригинальной для того времени автоматикой. Обращаясь к Николаю перед отъездом с напутственным словом, он рекомендовал пробиваться непосредственно к тогдашнему наркому обороны Ворошилову, а от себя выписал сопроводительную бумагу: «Всем военным представителям по пути следования сержанта Афанасьева прошу оказывать содействие».

До Ворошилова дойти, конечно, так и не удалось, но на Щуровский научно-исследовательский полигон стрелкового и минометного вооружения под Москвой он все-таки попал. Однако начавшаяся вскоре Великая Отечественная война спутала все планы. Несмотря на бронь, Николай Афанасьев настойчиво атаковал командование рапортами с просьбой направить его на фронт. И вот осенью сорок первого он прибыл к месту назначения в Рязань, в отдельный запасной автотранспортный полк, где его поставили начальником боепитания батальона.

В течение двух недель этот батальон держал оборону в двадцати километрах от областного центра, пока не прибыла 330-я стрелковая дивизия. Перейдя в наступление, наши войска освободили город Михайлов и дошли до Ефремова. В декабре 1941 года Афанасьев был отправлен со своей частью в тыл, на север Урала. Сидеть без дела он не мог и, будучи настоящим конструктором по призванию, поставил на колеса аэросани.

В феврале 1943 года его вновь отозвали на подмосковный полигон, где он победил в конкурсе по разработке предохранителя от двойного заряжания минометов. Тогда на фронте при очередном заряжании минометы часто вместо выстрела рвались в клочья, отчего невольно погибали бойцы расчета.

Когда успешно закончились испытания на живучесть, в мае 1944 года Государственный комитет обороны принял решение: в течение двух месяцев обеспечить все фронты предохранителями конструкции Афана-

Н.М. Афанасьев

сьева. Свыше десятка заводов, в том числе и Тульский машиностроительный, напряженно работали над этим заданием государственной важности. Отличаясь высокой степенью надежности, предохранитель конструкции Афанасьева спас тысячи жизней нашим бойцам. Но когда союзники-американцы хотели купить лицензию на производство этого предохранителя, Сталин поставил на документе резолюцию — «отказать».

Королёвы — не короли, а защитники родной земли

Старейшина

Участник обороны города Тулы Роман Сергеевич Королёв — поистине старейшина среди всех ветеранов Великой Отечественной, проживший почти 104 года.

Он родился в один год с Л.И. Брежневым в деревне Кошелевка Ленинского района, аккуратно на Покров Пресвятой Богородицы. Здесь же окончил три класса сельской церковно-приходской школы и с ранних лет стал помогать своему отцу по хозяйству. А хозяйство по тем временам было довольно обеспеченное и насчитывало две лошади, три коровы, несколько овец плюс молотилка, которой не по годам умело заправлял Роман.

Когда в конце двадцатых годов на село надвинулась угроза сплошной коллективизации, отец Сергей Матвеевич все продал, купил дом в Заречье и переехал в Тулу. Тогда в эпоху индустриализации здесь начали открывать новые производства, и многие, особенно молодежь, потянулись в город.

Роман сначала пошел работать в артель «Металлист», а затем целых шесть лет трудился на Тульском оружейном заводе до сокращения штатов в пулеметном производстве. Его брат Иван в то время работал в Ревякинской артели. С тех пор неразрывно связан с этим предприятием, которое ныне именуется ОАО «Ревякинский металлопрокатный завод», и Роман Сергеевич, проработавший здесь свыше тридцати лет слесарем-инструментальщиком.

Когда началась Великая Отечественная война, Роман Королёв уже на следующий день был призван в армию и направлен в 732-й зенитно-артиллерийский полк, особо отличившийся в обороне города Тулы.

Вот как вспоминал об этом суровом времени сам Роман Сергеевич: «22 июня война началась, а 23 в три часа утра мне принесли повестку. Приезжаю на сборный пункт. Там, оказывается, наш 732-й полк уже сформирован. Набор был ребят 1922 года рождения. На опорном пункте ночь переночевали, утром нас подняли — и в баню. Там сразу обмундировали и — в Криволучье».

Роман Королёв воевал с первого до последнего дня войны, и с первого до последнего дня он был участником обороны Тулы. «Немец старался всячески взять город, — продолжил свой рассказ ветеран. — Ему надо было в Туле отдохнуть, а потом — в Москву. Наша седьмая батарея стояла в Криволучье. Конечно, погибли ребятки молодые, но свое дело сделали».

В ту пору 732-й зенитно-артиллерийский полк, которым командовал майор М.Т. Бондаренко, имел в своем составе десять батарей среднего калибра и две батареи малокалиберной зенитной артиллерии. Это соединение принимало непосредственное участие не только в отражении налетов фашистских бомбардировщиков на Тулу, но и яростных танковых атак Гудериана.

Владимир Королёв (слева) со старшим братом Романом (в центре) и родителями. 1946 г.

За время боев на подступах к нашему городу 732-м полком было уничтожено тринадцать самолетов, 49 танков, пять бронемашин, двадцать артиллерийских орудий, пятнадцать минометных батарей, двенадцать пулеметных точек и свыше двух тысяч вражеских солдат и офицеров. Недаром командир огневого заслона Михаил Трофимович Бондаренко уже в ноябре 1941 года был награжден орденом Красного Знамени, а впоследствии ему присвоено звание Почетного гражданина города Тулы.

И в этом есть крупица ратного труда Романа Сергеевича Королёва, который начинал с подносчика снарядов к 85-мм пушке, затем освоил специальности всех номеров расчета, а заканчивал войну под Берлином храбрый сержант уже командиром зенитного орудия. Он участвовал в сражениях на Орловско-Курской дуге, охранял переправу через

Днепр под Киевом, несколько раз был ранен, лишившись от осколка снаряда пальцев на левой руке. За проявленные отвагу и мужество при защите Родины сержант Королев был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и многими медалями.

После демобилизации он вернулся в поселок Ревякино на свой завод, где долгие годы являлся одним из лучших наставников молодежи. За долголетний и добросовестный труд был награжден орденом «Знак Почета». Будучи уже на заслуженном отдыхе, Роман Сергеевич принимал активное участие в работе Совета ветеранов и в творческой деятельности хора ветеранов войны при доме культуры поселка Ревякино.

Секрет его активного долголетия прост: он никогда не пил, не курил, зато мед вкушал и гостей угощал. По натуре Роман Сергеевич — открытый, добрый, веселый человек. Живет бывший пушкарь вместе с супругой Любовью Андреевной на окраине Ревякино в уютном домике возле леса, где всегда свежий воздух. На приусадебном участке есть пасека и сад, и огород.

А еще, конечно, большую роль сыграла семья, которая одарила его генами долголетия: отец Сергей Матвеевич прожил девяносто лет, мать Мария Антоновна и сестра Прасковья — 93, а бабушка Даша — свыше 95 лет. Не меньшее значение имеет любовь и привязанность родных и близких. Родители прожили в мире и согласии более семи-десяти лет, воспитали девятых детей, из них семеро — участники Великой Отечественной войны.

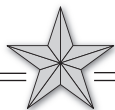
Семеро смелых, или Вся королевская рать

Когда Отечество оказалось в опасности, все пятеро братьев — Роман и Иван, Александр, Владимир и Михаил — ушли на фронт, где участвовали в боях с немецко-фашистскими захватчиками каждый на своем участке.

Тридцатилетний Иван, рядовой пехотинец, попал в окружение и погиб в самом начале войны под Смоленском. Третий по старшинству брат Александр, управляя самоходной установкой СУ-76, был ранен осколком в живот в 1944 году. Демобилизованный сержант А.С. Королёв после войны долгое время трудился рабочим на Косогорском металлургическом заводе.

Младший брат Михаил в семнадцать мальчишеских лет попал на Балтийский флот, где в последний год войны служил моряком на торпедном катере. Прикипев к морю, он остался жить в Таллинне и работал мастером на заводе.

Не обошла стороной война и двух сестер. Анастасия была медсестрой, а когда пришла долгожданная победа, окончила торговый техникум и в дальнейшем связала свою жизнь с этой сферой. Мария, будучи сварщицей по специальности, строила разрушенные немцами

мосты, затем трудилась на железной дороге. Ее судьба сложилась поистине драматически: искалеченная войной, она так и не вышла замуж, не имела возможности иметь детей.

Все Королёвы без исключения достойно прошли испытания и лишения, уготованные им нелегкой военной порой. И это понятно: ведь они защищали свою Родину, свой дом, свою семью. В итоге шестеро из семи, хоть и были порядком покалечены войной, но вернулись с фронта живыми.

О Владимире — разговор особый. В период обороны Тулы семнадцатилетний парнишка работал слесарем на оружейном заводе, изготавливая запчасти для стрелкового оружия, а при воздушной тревоге бежал дежурить на крышу цеха, чтобы уничтожать зажигательные бомбы.

*Владимир Королёв с младшим братом
Михаилом (слева) и родителями. 1947 г.*

После разгрома фашистов под Москвой он попал во вторую эвакуацию с оружейного завода в город Саратов на завод «Трактородеталь». В самом начале весны 1942 года Володя, которому не было еще восемнадцати лет, подал заявление в военкомат о добровольном призыве в армию.

Учитывая, что паренек смысленный, комиссия рекомендовала его в военное училище связи, по окончании которого он был направлен командиром отделения в Пензенскую область для подготовки кадров в запасной полк. В начале августа сорок третьего с третьей по счету подготовленной им группой связистов он оказался во 2-й танковой армии на огненной Курской дуге.

За год до окончания войны его перевели в 33-ю гвардейскую мотострелковую бригаду, с которой он впоследствии форсировал Днепр, освобождал Молдавию и Белоруссию, Румынию и Польшу, штурмовал Берлин. Трижды был ранен, причем последний раз рядом с рейхстагом 1 мая 1945 года, за день до его капитуляции, но поле боя никогда не покидал.

В предгорьях Карпат шесть раз восстанавливал прерванную связь и награжден своей первой медалью — «За боевые заслуги». В Польше получил вторую медаль — «За отвагу», а потом и орден Славы третьей степени. Как это было, можно понять из чудом сохранившегося письма с фронта 65-летней давности, присланного его родителям от командования подразделения.

«Действующая армия. 29.10.44. Многоуважаемые Сергей Матвеевич и Мария Антоновна. Ваш сын Владимир в нашей части находится с июня месяца сего года. Мужество и отвагу он показывает в боях с фашистскими захватчиками. В трудных условиях боя под непрерывным огнем противника Владимир всегда на своем месте, всегда сумеет обеспечить непрерывной связью подразделения. Вот один день из боевой жизни Вашего сына Владимира: подразделение вело ожесточенный бой. Враг любой ценой старался помешать нашему продвижению, телефонная связь непрерывно прерывалась от огня артиллерии противника. Презируя опасность и смерть, Владимир 23 раза выходил на линию, исправлял повреждения и тем самым содействовал выполнению задания подразделения».

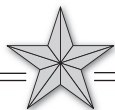
А ведь каждый из этих 23 выходов в течение одного дня мог стать последним. Он и дальше продолжал делать незаметную, но такую важную работу — обеспечивать связь командира батальона с ротами. Километры телефонных проводов и тысячи повреждений на линии связи прошли через его умелые руки. В феврале сорок пятого, накануне Дня Советской армии, он был отмечен еще одним таким же орденом — второй степени, а за участие в боях за Потсдам и Берлин — высшим орденом солдатской Славы.

«Я и в разведку ходил, и семь раз за два фронтовых года заменял погибших или раненых командиров взводов, — вспоминает Владимир Сергеевич. — Но самое страшное на войне не месиво дыма и огня, пота и крови, а стоящие перед глазами лица изможденных детей — пленников фашистских концлагерей, которых мне пришлось освободить из застенков Майданека».

Герой войны — герой труда

Закончив войну в звании гвардии старшего сержанта, Владимир Королев вернулся на родную землю. Работал в заготовительных организациях, а затем мастером и начальником отделения на заводе «Арсенал». В середине пятидесятых тридцатилетний коммунист откомандирован на восстановление разрушенного сельского хозяйства области в числе «тридцатитысячников».

Когда в горячую страду его избрали председателем отсталого колхоза «Красная слобода» Воловского района, «здесь наблюдалось только сонное молчание на фоне золотых полей пшеницы да голодное мычание

дюжины обгорелых после пожара на ферме тощих коров. В формировании стада помогли соседние колхозы, дав еще дюжину коров. Самое трудное было настроить людей на работу. Колхозники ни в поле, ни на ток не выходили, а надо во что бы то ни стало спасать урожай», — говорит Владимир Королёв.

Тогда на заседании правления колхоза новоиспеченный председатель предложил ночную работу комбайнов с выдачей авансом за каждую пятидневку по три килограмма зерна на трудодень. Этот стимул сработал, и люди убедились, что новый председатель слов на ветер не бросает.

Владимир Королёв с матерью и сестрами. 1976 г.

Утепление фермы, четкий режим кормления и круглогодичный зеленый конвейер позволили уже в следующем году увеличить надой молока от каждой коровы почти в пять раз. Еще через год отстающий колхоз стал передовым в области, а его председатель был награжден орденом Ленина. Тогдашний руководитель области А.И. Хворостухин даже ходатайствовал о награждении энергичного председателя колхоза званием Героя соцтруда. Но руководство страны решило ограничиться высшим орденом.

В шестидесятые годы, вернувшись на родной завод, В.С. Королёв был выдвинут на работу в ЦКБ-14, известное ныне, как КБП. Трудился сначала мастером, затем начальником лаборатории, пока ему не предложили возглавить Одоевский консервный завод. И здесь за досрочное выполнение пятилетнего плана, успешное строительство жилья и благоустройство поселка Владимир Сергеевич был удостоен ордена «Знак Почета».

И эта награда оказалась далеко не последней. Спустя два десятка лет за безупречный труд ему вручили орден Дружбы народов, а к сорокалетию Победы наградили и орденом Отечественной войны первой степени.

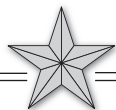
ЖИЗНЬ РАДИ ЛЮДЕЙ

*Кутепов Владимир Семенович, 73 года,
доктор технических наук, профессор ТулГУ,
г. Тула*

В ночь на 21 июня 2001 г. на 77-м году жизни преставился митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай. Символичной и совсем не случайной датой смерти митрополита Николая стало 21 июня — канун Великой Отечественной войны. Митрополит Николай был участником этой страшной войны, он и умер как солдат, словно от прямого попадания осколка разорвалось на части его натруженное сердце. Это был его пятый инфаркт. Для очень многих нижегородцев смерть владыки Николая — огромная человеческая утрата. Говорят, что незаменимых людей нет, но это неправда, уход каждого человека — потеря для общества, а уход святителя — скорбь для многих тысяч людей знавших его и связавших с ним свои надежды и веру. Почти четверть века возглавлял митрополит Николай Нижегородскую кафедру. А для многих нижегородцев именно с его именем связано возрождение Церкви в крае.

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (в миру Кутепов Николай Васильевич) родился 4 октября 1924 г. на хуторе Кутепове Больше-Калмыкского сельсовета Болоховского района Тульской области в семье крестьянина. По окончании средней школы в г. Туле он вступил в ряды Советской армии и был зачислен в Тульское оружейно-пулеметное училище, из которого январе 1942 г. добровольно пошел на фронт. Воевал рядовым в 1-й Гвардейской армии Рокоссовского под Сталинградом. В одном из боев был дважды ранен. Потерял сознание. В результате обморожения пережил ампутацию трети ступней обеих ног, демобилизован осенью 1943 года. Инвалид Великой Отечественной войны. Кавалер ордена Отечественной войны второй степени и медали «За боевые заслуги», награжден орденом Трудового Красного Знамени за активную миротворческую деятельность и «Золотой медалью» Советского фонда мира. Владыка Николай имел церковные награды: орден святого князя Владимира 2-й степени (1963), орден Преподобного Сергия Радонежского 2-й степени (1981).

Пастырское служение владыки Николая началось в 1946 году в чине иподиакона. В сентябре 1944 года он поступил на первый курс Тульского механического института. Будучи студентом, прислуживал за архиерейскими богослужениями в должности иподиакона, а в октябре 1946 года назначен секретарем Тульского архиепископа. В 1947 году Николай Кутепов выбыл из числа студентов Механического института и начал подготовку для поступления в Духовную семинарию. В сентябре 1950 года поступил в третий класс Московской

Духовной семинарии, которую окончил в 1952 году. В том же году Николай Васильевич уволился с должности секретаря Тульского архиепископа и в 1953 году был принят в клир Вологодской епархии и назначен на должность сверхштатного псаломщика при череповецком кафедральном соборе, а 12 июля того же года рукоположен в сан диакона с назначением в приход Казанской церкви г. Устюжны. В 1954 году отпущен из клира Вологодской епархии для продолжения богословского образования и поступил на первый курс Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) Духовной академии, которую окончил в июле 1958 года со званием кандидата богословия. В августе 1958 года был назначен на должность помощника инспектора и преподавателем Киевской Духовной семинарии, а в ноябре 1959 года рукоположен в сан священника. В том же году рукоположен во священника. Почти сразу вслед за этим (20 декабря) принимает монашество. Был последним постриженником Киево-Печерской Лавры перед ее закрытием. В 1961 году возведен в сан архимандрита.

1961–1963 гг. — епископ Мукачевский и Ужгородский.

1963–1969 гг. — епископ Омский и Тарский.

1969–1970 гг. — епископ Ростовский и Новочеркасский.

1970–1976 гг. — епископ Владимирский и Суздальский.

В 1970 году владыка Николай был назначен на Владимирскую кафедру с титулом епископа Владимирского и Суздальского, которую возглавлял до 1976 года. 9 сентября 1972 года возведен в сан архиепископа, в 1976 году — переведен в Калужскую епархию (с титулом Калужский и Боровский) за поддержку протестов верующих во Владимире в связи с временным закрытием Успенского собора XII в. для реставрации фресок. Верующие боялись, что церковь к ним больше никогда не вернется, как это часто случалось с церквями и монастырями, включая Киево-Печерскую Лавру. По-видимому, архиепископ Николай разделял эти опасения, хотя деньги на реставрацию поступали в большей части от Церкви. В данном случае дело обернулось иначе: собор вернули для регулярных служб в 1979 г. по завершении обширного ремонта и реставрации. Но случилось бы это, если бы не шум, поднятый верующими?..

С 1977 года по 21.06.2001 г. архиепископ Николай Нижегородский (до 1990 года Горьковский) и Арзамасский. В 1991 году (25 февраля) возведен в сан митрополита. Почетный гражданин Нижнего Новгорода. Член Синодальной Библейской комиссии с 1990 года. Председатель комиссии по систематизации и описи документов Патриарха Тихона, переданных РПЦ из Архива КГБ СССР. На Архиерейском Соборе 1997 года выступил против канонизации царской семьи, заявив, что ответственность за гибель новомучеников российских лежит на совести Николая II, «в здравом уме и твердой памяти» отрекшегося от престола.

О войне владыка Николай вспоминать не любил. На вопрос: «Как Вы воевали?» говорил всегда одно: «Воевал, как все воевали, в самом высоком звании — рядовой». Он не любил говорить о своих ногах. Было такое впечатление, что митрополит сам о них не помнит. Служил многочасовые службы, часто ездил по области. Ни разу не показал, как тяжело ему подчас не только ходить, но даже стоять. Лишь однажды, в частном разговоре, он разоткровенничался и рассказал, как именно проходила ампутация:

«Военный госпиталь, походный. Медикаментов не хватало. Мне дали жестяную кружку водки, потом сунули в зубы палку, сказали: терпи. Один доктор навалился на меня, а другой стал пилить... Я, пока операция шла, эту палку так искусал... Должны были полностью стопы убрать, до пяточной кости, но доктора меня пожалели, видишь, все-таки бегаю как-то...»

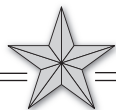
«Бегаю, — именно так он говорил даже тогда, когда ноги болели нестерпимо, когда спустя пятьдесят лет раны открывались, и костные осколки продолжали выходить, — непосильного креста Господь никому не дает!».

Многочасовые службы, особенно в дни больших церковных праздников и поста... После них он приезжал домой в обуви, пропитанной кровью. Ходил он легкой, стремительной походкой, невозможно было заподозрить, что у него частично ампутированы ступни обеих ног. Но он никогда никому не жаловался, служил много и часто. Потеряв в страшной войне ноги, он был безмерно благодарен Господу за то, что он сохранил ему жизнь. Только на службы владыка брал с собой архиерейский посох, в быту ходил без палочки. Преодолевать трудности было для него естественно, он не считал, что делает что-то особенное, это была его жизненная позиция.

Владыка вспоминал отца, который умер в 43-м, как человека сурового и справедливого, за которым, как за каменной стеной, никогда не было страшно:

«В моем роду все дяди по линии отца были людьми могучими, здоровыми и все служили в царской гвардии. Один из них, Семен Федорович Кутепов, остался в армии и после революции воевал в Великую Отечественную и даже вошел в русскую литературу в образе генерала Серпилина в романе Константина Симонова «Живые и мертвые».

Владыка Николай настоял на том, чтобы к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне в Нижегородском кремле был установлен памятник, изображающий великомученика Георгия Победоносца. Именно 6 мая 1945 г. в день памяти св. великомученика Георгия Победоносца закончилась Великая Отечественная война, и только по политическим соображениям И.В. Сталин перенес дату подписания мира на 9 мая. Он воспринимал вечный огонь как негасимую лампаду, зажженную в память погибших на полях сражений, в блокадном Ленин-

граде, в тылу. «Лики их всех запечатлены на небесной иконе перед Господом, — говорил он. — И горят перед этой иконой негасимые лампы — вечные огни».

«В моей жизни, — говорил владыка, — было три человека, которые сыграли огромную роль в моем становлении. Всю свою жизнь я стремлюсь в чем-то походить на них. Первым стал архиепископ Виталий (Введенский). Второй — митрополит Антоний (Марченко), человек архисложной судьбы. Я долгое время иподиаконствовал при нем, был его личным секретарем и вторым келейником.

Владыку Антония обвинили в антисоветской деятельности, арестовали и отправили «в места не столь отдаленные» на 25 лет, а ему в ту пору было 67. Он погиб в лагерях. Я очень переживал, именно тогда впервые и подумал о том, чтобы принять монашество. За то, что я был связан с митрополитом Антонием, меня целый месяц держали, если так можно выразиться, «под домашним арестом». В девять часов утра я являлся в органы государственной безопасности, где меня «мариновали» до двух часов ночи, а в два часа начинался допрос. Потом меня отпускали домой поспать, а с утра все повторялось снова. Тульский епископ от меня отказался, даже написал в Священный синод, чтобы в Тулу меня священником не присылали, и тогда третий важный человек в моей жизни — владыка Вологодский Гавриил (Огородников) — не побоялся и принял меня вопреки всему.

Есть документ, свидетельствующий об отношении властей к молодому епископу: «Определенную озабоченность вызывает деятельность молодых правящих архиереев, которые в разное время привлекались к зарубежной работе, а внутри страны нередко проявляют религиозную активность, не считаясь с рекомендациями уполномоченных совета и местных органов власти. К их числу относятся архиереи Николай Владимирский, Владимир Иркутский... и другие».

Владыка перенес два инфаркта, врачи ограничили его рабочее время, но он все равно продолжал принимать до последнего человека:

«Я старая лошадка, коли запрягли, то буду тянуть, пока не упаду». Тяжелее всего ему было переносить необходимость лечения. Чуть становилось полегче — владыка уже на ногах: «Не могу больше, все бока отлежал».

На самом деле все было не так просто, как следовало из отчетов и докладов. 1990-е годы, действительно, стали поворотными в мировоззрении целой страны. Но это были лишь первые ростки, только начало длительного процесса, полного новых драматических событий в жизни народа и Русской православной церкви. Богоборческие силы в России не собирались ни сдавать, ни ослаблять своих позиций.

Однако уже в 1988 году в стране открыто прошли юбилейные торжества, посвященные 1000-летию христианства на Руси. После десяти-

тилетий гонений на Церковь в СССР казалось чудом, что подготовка и само празднование проходили с широким положительным освещением событий в СМИ, при активном и открытом участии духовенства и верующих. Владыка Николай выступил по горьковскому телевидению, интервью с ним было опубликовано в областной газете. В Горьком по-прежнему действовали лишь три небольших храма, на окраине города, поэтому праздничные богослужения, в которых участвовало все духовенство области, состоялись в кафедральном соборе города Арзамаса.

Росло количество прихожан, значительно вырос поток ходатайств о регистрации православных религиозных обществ и о передаче верующим церквей. В апреле 1989 года решением Совета по делам религий Горьковскому епархиальному управлению был передан Спасский собор — для его реставрации и использования в качестве кафедрального. В Спасском соборе немедленно и интенсивно начали реставрационные работы, с одновременным проведением в нем богослужений по субботним и воскресным дням.

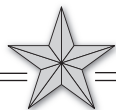
В том же году Владыка Николай поставил вопрос перед руководством области о передаче Церкви комплекса зданий Печерского Вознесенского монастыря. И вскоре древнейший монастырь города, находившийся на тот момент в совершенно разоренном состоянии, был передан управлению епархии.

За годы своего служения на нижегородчине владыка Николай освятил престолы более четырехсот храмов, благодаря его усилиям возродилась жизнь в девяти нижегородских монастырях. Главным для него было желание людей возродить свой храм в своем селе или городе. Жизнь показала, что он был прав. Не торопил событий, он ждал решения прихода, прекрасно понимая, что только когда люди сами восстановят разрушенную церковь, все перетерпят, сплотятся в единую общину, тогда Церковь станет для них подлинным домом молитвы.

Он глубоко уважал священников, сумевших наладить добрые отношения со своей паствой, так как только народная любовь смогла сохранить Церковь в самую тяжелую для нее пору гонений и уничтожения. Владыка любил общаться с деревенскими бабушками. Он был с ними прост и ласков, вселял в них надежду, благословляя на долгий и трудный подвиг — восстановление храма, и всегда был первый, кто жертвовал на храм.

Отличительной чертой владыки Николая было бережное отношение к традиции, сохранению духа старины. Он не стремился к необоснованным новшествам, главное было благоговейное отношение к трудам предков, построивших удивительные храмы, написавшим прекрасные иконы.

На его долю выпала тяжелая и радостная обязанность — восстанавливать церкви, доведенные до руин. Он заставлял дотошно искать подлинные чертежи, документы, фотографии и старался восстановить

храм в первозданном виде. Не любил показуху... Именно при нем в епархии был создан церковно-реставрационный совет, который привлекал к работе лучших специалистов.

В 2001 году в Нижегородской епархии имелось уже 376 приходов. Были возрождены 9 монастырей: среди них — Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский — один из православных мировых духовных центров, древний Макарьевский монастырь, Благовещенский и Вознесенский мужские монастыри в самом Нижнем Новгороде. Трудami Владыки Николая открылась Нижегородская духовная семинария, а также Нижегородское епархиальное женское училище, Выксунское духовное училище, более сотни воскресных школ для детей и взрослых. Появилось 20 православных периодических изданий (среди них — возрожденная газета «Нижегородские епархиальные ведомости», историческое издание Вознесенского Печерского монастыря «Нижегородская старина»), 3 теле- и радиопередачи для православных.

Митрополит был противником роскоши и не раз говорил, что нужно очень бережно и ответственно тратить деньги, которые наши нищие сограждане отрывают от себя и несут в храм.

В митрополите гордыня отсутствовала совсем — он был очень простым и естественным в обращении, практически любой человек, записавшись на прием к митрополиту, мог с ним встретиться. Даже в последние годы жизни, когда здоровье стало подводить, владыка не отменил личный прием. Он принимал людей три дня в неделю, среди его посетителей были люди самых разных национальностей, профессий, политических взглядов, слоев общества. Ему всегда можно было дозвониться в кабинет или домой. Он никогда не прятался за спины секретарей и келейников (их, кстати, у него не было), мог даже дать нагоняй за то, что его постеснялись побеспокоить вечером, чтобы решить какой-нибудь важный вопрос.

Митрополит любил молодежь и всегда охотно встречался со студентами различных вузов. Обладая колоссальным духовным и жизненным опытом, он не боялся острых тем, дискуссий, споров. Легко держал внимание зала. Нижегородские ученые всегда могли прийти к нему на прием, и он с неподдельным интересом относился к их трудам и научным открытиям.

Он был очень прост в быту. Во время поста на столе были картошка, запеченная в духовке, капуста и грибы, которые он засаливал сам. Особым лакомством был черный хлеб домашней выпечки, который он резал очень тонкими, почти прозрачными ломтиками. Рыбу ели только в Благовещение, в Вербное воскресенье и Лазареву субботу ели икру. Больше разносолов в дни поста не было. Супы всегда были постные. Вообще владыка питался по завету преподобного Серафима Саровского: «оставляя место Святому Духу».

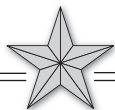
Прием посетителей он начинал в 10 утра, и принимал до 3 часов дня, после обеда шел в келью отдохнуть. В 5–6 часов вечера летом шел в сад, иногда в беседке принимал тех, с кем не успевал переговорить на приеме. Изредка копался в земле или занимался деревьями. Очень любил живность: кур разных пород, фазанов, перепелок, собак и кошек. Он любил с ними возиться, хотя почти не имел на это времени, но и нескольких минут ему хватало, что приласкать своих питомцев. Вечером он не ужинал, а только пил чай, если не было поста — на столе был сыр. Если в доме жили гости, то ужин готовился. Быт был очень простой и он ценил это.

Митрополит терпеть не мог кликуш и экзальтированных особ. «Не сотвори себе кумира из живого человека, — говорил он. — Священник может и имеет право на ошибку, он человек». И одной из удивительных черт его характера было то, что если он понимал, что был не прав, то мог попросить прощения. Это примиряло его с людьми.

Митрополит был одним из активнейших инициаторов возвращения городу его исторического имени — Нижний Новгород. Он очень любил город, хорошо знал его историю, собирал материалы по истории епархии.

«Он был столпом, на который всегда можно было опереться». Под этим девизом была организована фотовыставка памяти митрополита Николая (Кутепова) в Законодательном собрании Нижегородской области. Проведение выставки именно в Законодательном собрании глубоко знаменательно и символично, поскольку на нижегородской земле именно митрополит Николай начал процесс взаимодействия духовной и светских властей, расцвет чего пришелся на период губернаторства Ивана Петровича Складорова, который ныне возглавляет фонд памяти Владыки. Еще ранее, до своего губернаторства, на протяжении 15 лет Складоров взаимодействовал с Владыкой сначала на посту мэра города Арзамас, затем в должности вице-губернатора Нижегородской области и мэра Нижнего Новгорода.

Как отмечали выступающие, эта выставка посвящена человеку, которого в Нижегородской области не просто знают, уважают и ценят, но — любят. Он творил добро, нес Божие слово, был справедливым, честным, имел фронтовые ранения и защищал свою Родину, интересы нашего государства всегда и везде. Последний период его служения пришелся на самые, наверное, сложные годы нашей истории. И когда все вокруг клекотало, бурлили страсти, сталкивались политические и экономические интересы, Владыка Николай сумел своей мудростью, своей терпимостью, своим уважением ко всем где-то примирить, где-то успокоить, где-то по-отечески пожуричь. Даже один только перечень того, что сделано было Николаем Васильевичем за 27 лет его руководства епархией, заставляет задуматься: а ведь следует учитывать, что власть в половине времени, ему отведенном, не способствовала Церкви, а кое-кто, кто способствовал — по полной схеме «получал

по шапке» за подобную вольность. Владыка был участником Великой Отечественной войны и не переставал воевать за истину и после, уже на службе Церкви Христовой.

Народное почитание памяти Владыки среди нижегородцев несомненно. Об этом свидетельствуют и многочисленные рассказы, и даже легенды о Владыке, и те живые цветы, которые всегда на его могилке в часовне возле кафедрального собора, и посетители, которые всегда перед службой спешат к дорогому пастырю.

РОДНОЕ ИМЯ НА ОБЕЛИСКЕ

*Преснова Нина Михайловна,
пенсионерка,
г. Кашин Тверской области*

*Мальчишки мои,
Дорогие друзья,
Как рано легли вы,
А встать вам нельзя.
О, если б я чудо
Могла совершить —
От вечного сна вас,
Друзья, воскресить!..*

Вот уже 70 лет отделяют нас от начала самой кровавой и жестокой битвы в истории человечества — Великой Отечественной войны. Миллионы советских солдат и офицеров погибли в той чудовищной схватке. Среди них был мой родственник Валерий Михайлович Волков. Ему было всего 19 лет...

Его отец, Михаил Михайлович, был человеком необыкновенно талантливым и интересным. Увлекался литературой, искусством, историей, политикой, шахматами, хорошо рисовал. Мог смастерить все — от детской заводной игрушки и самоката до радиоприемника. Работал он техником на кашинской телефонной станции, считался одним из высококвалифицированных специалистов.

Самым близким человеком для Вали (так звали его родственники и друзья) была мама, Анна Михайловна, женщина веселая, ласковая, беспредельно любившая и мужа, и единственного сына.

Непререкаемым авторитетом для Валерия был брат матери — дядя Миша, заядлый охотник и грибник, балагур и заводила, знавший толк

в ружьях, собаках, кроликах и рыбалке. Не без влияния дяди Валя завел кроликов, а потом вырастил из щенка и «по науке» выдрессировал красавицу овчарку. И когда Валя отправлялся куда-нибудь с друзьями — Колей Третьяковым, Котей Молчановым, Колей Завьяловым, Гешей Зайцевым, Колей Кузнецовым — его всегда сопровождала верная Булька.

В.М. Волков — учащийся зооветтехникума

Валя учился в первой школе, а после восьмого класса поступил в ветеринарный техникум.

Вскоре началась война. Жизнь резко изменилась. Нависла угроза над Москвой, немцы взяли Калинин, фронт приближался к Кашину. Жители рыли щели и окопы, сооружали бомбоубежища, работали в госпиталях, ездили на заготовку дров и торфа. Студентов привлекали к расчистке дорог от снега, к разгрузке вагонов на станции. А когда в Кашинском районе был создан погранзаслон, многие ребята, и Валя в том числе, стали бойцами истребительного батальона.

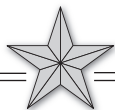
Первой на войну отправилась Булька. Рассказывали: в Москве, в Измайлове, был создан особый питомник, где находилось несколько тысяч собак, которые проходили специальное обучение, чтобы выполнять на фронте роль связных, санитаров, искателей мин, подрывников вражеских танков. Тяжело было расставаться с верным другом, но Валерий понимал: идет война, тут не до сантиментов...

Осенью его призвали в армию в войска связи. Положение на фронтах становилось все более тревожным. В военной школе в Чебоксарах, где он оказался, учеба шла по ускоренной программе.

Весной следующего 1943 года Валерий в звании младшего лейтенанта был уже на фронте. «Я — гвардеец, командир взвода связи. Скоро буду бить фашистских гадов», — писал он родителям.

Воевать ему пришлось в пятой стрелковой дивизии 11-й гвардейской (бывшей 16-й) армии, которая участвовала в боевых действиях на северном фасе Орловско-Курской дуги. В письме, датированном 1 апреля 1943 года, Валя сообщал: «У нас весна. Занимаемся больше на улице, вся грязь моя. Времени свободного почти нет... Жив, здоров, но все же трудновато...».

Что это были за «занятия на улице», о которых в условиях военной цензуры писать было, естественно, нельзя? С ранней весны на этом участке фронта шла подготовка к сражению.

Перед 11-й армией стояла задача прорвать оборону врага, с северо-запада выйти в тыл к немцам, укрепившимся в Орле, и все сделать так, чтобы наше наступление было внезапным и успешным. Предстояло преодолеть мощные вражеские укрепления, которые создавались немцами около двух лет; штурмовать превращенные в крепости города Карачев и Навля.

5 июля 1943 года началась Курская битва. Каждому роду войск, каждому подразделению была отведена своя роль. Связисты должны были в любое время, днем и ночью, при обстрелах и бомбежках обеспечивать бесперебойную связь, восстанавливать поврежденные линии.

23 августа был освобожден Харьков, а 26-го Валя погиб в бою под деревней Речица Карачевского района Орловской (ныне Брянской) области. В это время его 5-я гвардейская стрелковая дивизия, освободив Карачев, отбивая яростные контратаки врага, продолжала наступать южнее Брянска.

Бой под Речицей был одним из эпизодов этого наступления.

*Почему все не так? Вроде все как всегда:
то же небо — опять голубое,
тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только он не вернулся из боя.*

Валин отец на фронт не призывался по болезни. Гибель единственного сына родители переживали тяжело. Как могли, поддерживали их знакомые и родственники. Анна Михайловна долго не верила похоронке: «Это — ошибка! Валерик жив!»

Материнскую веру подкрепляли тогдашние кашинские «экстрасенсы», гадавшие на блюде. Помнится это таинственное полуночное действо при свете коптилки. Дух кого-нибудь из великих, вызванный через форточку односложно утверждал: «Жив». А на вопрос, о ком он сейчас думает, блюде, вращаясь по кругу от буквы к букве, выдавало: «Мамуся» — так Валя называл мать. Но чудес, как известно, не бывает. Тогда, не слушая ничьих уговоров, Анна Михайловна уговорила мужа поехать на Орловщину, чтобы найти Валину могилку. Летом 1944 года, когда фронт ушел на запад, неутешные отец и мать отправились в дальний путь. Проехав через перепаханную войной страну, они добрались до указанного в похоронке места.

Деревни Речица не было. Кругом лежали поля, заросшие бурьяном, по которым бродили стаи расплодившихся волков. Повсюду были видны следы недавних жестоких боев. Земля таила в себе опасность подорваться на mine. Жители Речицы, лишившиеся крова, ютились в землянках. Военские захоронения еще не были приведены в порядок...

Родители Валерия вернулись в Кашин потрясенные. Могилу сына они не нашли. Так, сложенные этим огромным горем, с саднящей раной в сердце, и жили они в своем домике на улице Свободы. Михаил Михайлович ушел из жизни в 1948 году, Анны Михайловны не стало в 1977-м.

Между тем нас, близких родственников, не покидала мысль отыскать место, где был похоронен Валерий. Нужные сведения удалось

*В.М. Волков —
младший лейтенант
5-й стрелковой дивизии
11-й гвардейской армии*

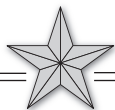
найти через военкомат города Карачева. И вот в августе 1985 года мы с Еленой Николаевной Иустиновой, которой Валерий также приходился двоюродным братом, пустились в дорогу. Поезд до Брянска, рейсовый автобус Брянск–Карачев и далее переполненный ПАЗик везет нас в Речицу.

Автобус остановился в поле. Нам показали направление, куда нужно идти. Долго шли по бескрайней всхолмленной равнине. Ни дороги, ни тропинки не было, только заросшие травой укрепления, обвалившиеся землянки да безымянные памятники — безмолвные свидетели грозных военных событий. К вечеру, пройдя километров пятнадцать, мы наконец добрались до Речицы. С дороги она не видна, дома возродившейся деревни располагаются на склонах широкого и длинного оврага, по дну которого бежит ручей — «рэцица» по местному говору.

Склоны лога более сорока лет хранили следы жестоких боев — они были изрыты траншеями, воронками от бомб и снарядов. Да и сам ручей похож на противотанковый ров. У встречного пожилого мужчины (им оказался бригадир местного совхоза Александр Павлович Емельянов) мы спросили про братскую могилу.

— Здесь недалеко, на другом берегу. Могил у нас несколько, — объяснил он и вызвался нас проводить.

По мостику мы перешли на противоположный берег, поднялись по склону. Светлый обелиск из бетона с вмурованными в него белыми мраморными плитами возник перед глазами как-то неожиданно на опушке березовой рожицы. Мы положили на холм букеты полевых цветов и стали читать длинный, около трехсот фамилий, список. Вдруг на одной из плит увидели: «Волков В.М., младший лейтенант». Мгновение встречи с Валею потрясло нас. Мы стояли и плакали. Слезы текли и по щекам Александра Павловича...

Около могилы собрались жители Речицы. Вечерело, и нам посоветовали постучаться на ночлег к директору местной школы Е.С. Коробовой. Узнав, откуда и зачем мы приехали, Евгения Степановна отвела нам, совершенно незнакомым ей полуночницам, самую большую комнату в доме. Утром порадовалась тому, что мы нашли погибшего брата. Познакомилась с семьей, рассказала о своем совхозе, о школе, о традиционных встречах ветеранов в День Победы.

Втроем мы снова пошли к обелиску, долго стояли возле него. Евгения Степановна расспрашивала о Валерии. Думалось: обязательно приедем сюда еще не раз...

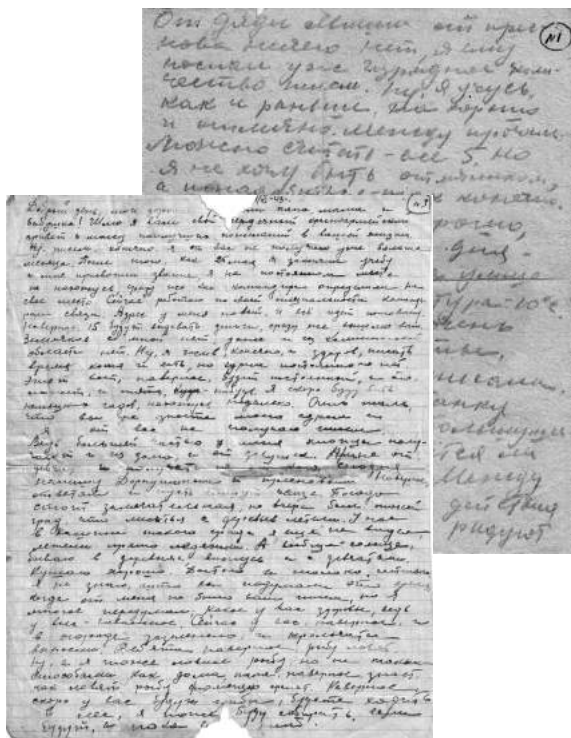
Конечно же, побывали в школе. Встретиться с ребятами, поблагодарить их за то, что они ухаживают за солдатскими могилами, не удалось: была пора каникул. Прошли по школьным коридорам... Пахло яблоками. Урожай из школьного сада лежал прямо в классах. Посмотрев экспонаты и стенды школьного музея, оставили в подарок материал о Валерии, альбом с его школьными рисунками, набор открыток с видами Кашина и тогдашнего Калинина.

Память о Речице храним и в фотографиях. Переписка с Евгенией Степановной и ее учениками длилась около десяти лет. А вот задуманная новая поездка на встречу с братом так и не удалась: планы похоронили перестройка, а теперь уже и возраст, здоровье.

Горсть речицкой земли, принявшей прах Валерия, привезли мы в Кашин, на могилу «Мамуси».

Как-то спокойнее на душе, когда знаешь, что далеко-далеко отсюда, среди бескрайней русской равнины стоит под высокими березами обелиск, на мраморе которого высечено дорогое нам имя Вали.

Прошло 66 лет с того времени, как закончилась Великая Отечественная война. Родилось и выросло уже не одно поколение, которое знает о войне только по книгам и кинофильмам. Но в памяти

Письма с фронта от Валерия Волкова

нашего народа навсегда останутся подвиг и весь тот путь, которые прошли советские люди к Победе.

Опушка березовой рощицы, памятник павшим за Родину. Здесь похоронено около 300 человек.

Одна из надписей гласит:

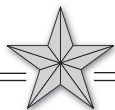
«Волков В.М., младший лейтенант»

Сколько бы лет ни прошло с того трагического дня, когда началась война, в памяти народной всегда будут живы безмерное страдание военных лет и огромное мужество народа. Не ради славы воевали и погибали люди, ради жизни на земле...

И ЭХОМ ОТЗЫВАЕТСЯ ВОЙНА

***Белевская (Журавлева) Валентина Владимировна, 58 лет,
инженер-экономист, поэтесса,
г. Тула***

В последние годы судьба меня свела с замечательным человеком — Николаем Николаевичем Капраловым, ветераном Великой Отечественной войны, подполковником МВД в отставке. Родился он в 1924 г. в Лаптевском (ныне Ясногорском) районе Тульской области, в сентябре 1942 г. был призван в армию, после обучения назначен стрелком полка береговой охраны Северного флота в Мурманской области. В декабре 1942 г. был в составе 942-го артиллерийского полка и сражался на Калининском фронте, с июля 1943 г. по июнь 1945 года воевал на 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах. Награжден орденом Отечественной войны, двумя медалями «За отвагу», двумя

медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией».

Он много и интересно рассказал мне о своей жизни, о службе в милиции, о военных годах. Некоторые эпизоды из его военной жизни я записала почти дословно. Думаю, это будет интересно и современному читателю.

«В нашей деревенской школе было только четыре класса, пятый заканчивал в Слободке, шестой — у брата отца в Туле, седьмой — в Гайдаково. Потом поступил в Тульский механический техникум железнодорожного транспорта. Отучил только первый курс, и началась война. Техникум эвакуировали вглубь страны, а я не мог бросить свою семью и поехал к родным в деревню.

...Вспоминаю первую встречу с врагом. Мы жили в селе Никольское Ясногорского района. Немцы поселились в нашем доме, принесли сена, расположились отдыхать. Молодые, здоровые. Мой четырехлетний братишка Женя увидел на их сапогах снег и начал обметать, чтобы не промокли, как делал это для нас, родных. Он еще ничего не понимал... А у меня все сжалось в душе от злобы. Фашисты довольно смеялись и говорили: «гут», подставляя ноги малышу.

В нашей деревне немцы назначили старостой двадцатилетнего парня Федора. Неплохой был парнишка, недавно женился на учительнице начальных классов.

Потом прибыли еще немцы. А утром неожиданно собрались и ушли. У них была своя разведка, которая доложила, что скоро подойдут отряды русских солдат.

За населенным пунктом находилась вышка бывшего военного лагеря. Рядом с вышкой стоял домик, где жил охранник. Немцы были уверены, что он разведчик, вывели его в огород и расстреляли. А к обеду следующего дня пришли наши военные-сибиряки, в полушубках, ушанках и валенках. Расстреляли вновь назначенного старосту Федора за пособничество врагу. Когда немцы застряли в низине на мотоциклах, они вызвали Федора и приказали найти лошадей. Что он вскоре и сделал — у него просто не было другого выхода. Вот и все пособничество. Вот так практически на моих глазах погибли два невинных человека. Один от рук фашистов, второго наши расстреляли. Тогда я понял, как жестока и несправедлива война. И человеческая жизнь ничего не стоит. Немцы ушли под Тулу, мы знали, что родной город не взяли, отстоял рабочий полк.

Принимал я участие в обороне Ленинграда. Наш полк долго сдерживал натиск врага. Помню сильные бои за железнодорожную станцию «Дно», расположенную недалеко от Ленинграда. Взяли мы эту станцию и город Любань с большими потерями. Помню, как подбил танк, снаряд угодил в башню, и сразу машина вспыхнула. ...Эстонию взяли легко, а вот Латвию с большими потерями. Немцы при отступлении пытались

вывести все свое имущество, продукты питания. Наш отряд перехватил около двухсот немецких автомобилей. Были отбиты и продукты. Помню вкус колбасы в огромных жестяных банках и разнообразные консервы.

Дошел до Германии и видел, как над Рейхстагом водрузили красное знамя. После этих знаменательных событий полк был дислоцирован в Мурманск, а затем направлен в Японию. Окончание войны застало в дороге, как раз в Средней Азии, здесь и прослужил до 1948 года. При обороне Ленинграда был тяжело контужен, наполовину потерял слух и зрение.

Наш полк перебрасывали с одного места на другое, туда, где было труднее. Сражались под Сталинградом. Тысячами гибли люди, мы теряли боевых друзей. Гибли не только люди. Но почему-то слезы наворачиваются и сегодня, когда вспоминаю о фронтовых собаках. Был жестокий бой. В помощь солдатам прибыли 25 дрессированных овчарок. К ним привязывали взрывчатку и отдавали команду: «Вперед!» И они бросались под танки. Таким образом было подбито двадцать пять фашистских танков. Видя, как гибнут псы, бойцы плакали. Но война жестока. Такие средства были необходимы, чтобы сохранить жизни людей.

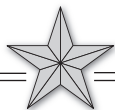
На войне порой врезаются в память совсем не героические эпизоды... На Ленинградском фронте командир полка Посессор (такая странная была у него фамилия) с Украины, разъезжал по артиллерийским батареям со своей любимой женщиной — красавицей хохлушкой. Мы в минуты затишья между сражениями с завистью смотрели на них, слушали, как она смеется. Солдатам на передовой подруг заводить было не положено.

...Начальник штаба, москвич, назначил меня связным артполка. Это было в марте 1944 года. Я умел обращаться с лошадью, так как вырос в деревне. Скакал верхом по 20 километров по вызову с донесениями, по требованию командования выезжал с пакетами и с провизией, консервы возил, хлеб.

...За войну подбил не один танк. Помню все как сейчас. Танк несется на меня. Я стреляю под правую гусеницу, танк крутится на левой и поворачивается правым боком. Я сбиваю ему башню. Стрелял из 76-миллиметровой пушки.

В один из боев на Ленинградском фронте на нас шли пять танков. У нас было четыре орудия. Два танка подбил я, два — сосед, а пятый сбежал. Прибыл командир полка и приказал своему делопроизводителю оформить наградные материалы нам на ордена. Делопроизводитель присел на пенек и начал писать представления. В этот момент прилетел «мессершмитт» и срезал того самого писаря. Командира полка перевели в другую часть, бумаги пропали. И не получили мы ничего за тот бой. Да и не ждали особо.

Я служил в армии до 1948 года, после — двенадцать лет в пожарной части. Окончил 10 классов, потом Московский экономический

институт и поступил в органы внутренних дел, где верой и правдой прослужил добрые 30 лет. В настоящее время — неунывающий пенсионер. А что еще остается. Столько всего перетерпел... Интересуюсь политикой, переживаю за молодежь. Очень люблю поэзию и хорошие песни. Часто вспоминаю войну и плачу...».

Сегодня я каждый день рядом с Николаем Николаевичем, являюсь его помощницей, собеседницей и другом. Мы много говорим о прошлом, вспоминаем военные песни, читаем стихи, поскольку поэзия вдохновляет, продлевает годы жизни. Ему нравятся мои стихи. Вдохновленная его рассказами о войне, я написала стихотворение.

День Победы

Сегодня город ожил очень рано,
И в праздничном убранстве вся страна.
Из года в год вас меньше, ветераны,
В историю уходят времена.

Но мир... Он — на коленях перед вами,
Ведь вам благодаря он жив и светел,
И полыхает огненное знамя,
Что яростно трепал победный ветер.

И до сих пор все кровоточат раны,
И эхом отзывается война.
Из года в год вас меньше, ветераны,
И веселится праздная страна.

Простите нас за то, что не успели,
Простите нас за то, что не смогли,
За то, что песен ваших не допели,
За то, что Родину не сберегли...

Рассыпался, как гроздь рябины красной,
Державы нерушимой монолит.
Мы знаем, что вы с этим не согласны,
И оттого душа сильнее болит.

Но сквозь года, и ветры, и бураны
Вы, сохранив достоинство и честь,
Опять в строю, как прежде, ветераны,
А это значит: мир на свете есть!

ЗНАМЕНОСЕЦ ТУЛЬСКОГО РАБОЧЕГО ПОЛКА

*Лялина Галина Николаевна, 61 год,
медсестра, пенсионерка,
член Новомосковского литературного объединения,
г. Донской Тульской области*

*Враг наступал на Тулу... Это было.
Но сколько б лет ни минуло с тех пор,
Достоин светлой памяти Журило,
Комвзвода, знаменосец и шахтер.
Он много раз бывал в огне сраженья
И в мирной жизни к трудностям привык.
Он заслужил почет и уваженье
Как ветеран, как бывший фронтовик.*

Г.Н. Лялина

1941 год! Фашисты рвались к Москве, но на их пути, «ощетинившись штыками», встала Тула.

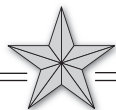
26 октября 1941 года был сформирован Тульский рабочий полк. В его состав вошли рабочие-ополченцы Тулы и близлежащих городов и населенных пунктов, в том числе Сталиногорска (ныне Новомосковск). Командиром полка был назначен капитан (а в последствии генерал-майор) А.П. Горшков, комиссаром — старый коммунист, участник гражданской войны Г.А. Агеев.

Одним из взводов командовал Журило Николай Ильич. О нем, первом знаменосце Тульского рабочего полка, и пойдет речь.

Перед началом войны он работал главным механиком шахты № 26 треста «Сталиногорскуголь». Осенью 1941-го года в Сталиногорске сформировался истребительный батальон, командиром которого стал Н.И. Журило.

Вскоре этот батальон влился в состав Тульского рабочего полка, а Николай Ильич возглавил взвод бойцов, поменяв мирное горняцкое занятие на военное дело. Шахтерская закалка, дисциплина, ответственность, инициатива очень пригодились ему во время ведения боев при обороне Тулы.

Первым боевым заданием ополченцам было вывезти с элеваторов более миллиона пудов зерна. Враг приближался к Туле. Надо было спешить, и бойцы днем и ночью грузили зерно, отправляя эшелоны в тыл. Фашистские летчики засекли объект и стали бомбить и обстреливать с бреющего полета. Вот тут-то командира взвода и выручила шахтерская смекалка. Он и его напарник Василий Короб разломали

телегу. Один конец оси вкопали в землю, а на другой надели колесо и поставили пулемет, закрепив его наглухо. Сиденьем для пулеметчика послужило седло от велосипеда. Когда утром налетели самолеты и начали бомбить, они с Василием Коробом не спрятались в укрытие, а метнулись к пулемету. «Резанули» вражескому самолету «под брюхо». Подбили. Из-под него рванул клуб черного дыма, а спустя мгновение, сильный взрыв потряс землю.

После этого фашисты стали опасаться бреющих полетов. Задание было выполнено, зерно вывезено в тыл.

Во время обороны Тулы был не один случай, характеризующий Н.И. Журило как находчивого, героически отважного и заботливого командира. Вот как необычно повел он себя, когда после очередной атаки противника заметил, что бойцы стали падать духом. «Еще одного натиска врага могут не выдержать. Надо сделать что-то такое, чтобы поднять патриотический дух взвода», — промелькнули в голове мысли. И Журило решился на смертельно-опасный поступок. Он выскочил из укрытия на бруствер и с пулеметом пошел в полный рост вдоль позиции своего взвода. Казалось, что сама смерть пришла в растерянность и отступила.

Выпустив всю пулеметную ленту в сторону вражеской пехоты, он скрылся в окопе. Его бойцы воспряли духом и с честью выдержали очередной бой, который был очень жестоким и кровопролитным. Погибших и раненых оказалось 46 человек. Убитых похоронили на Всехсвятском кладбище, а оставшиеся в живых продолжали стойко держать оборону.

В этих боях и фашисты жестоко поплатились. Только за 29 и 30 октября под Тулой было уничтожено 65 вражеских танков и полегло огромное количество пехоты [1].

Больше недели шли непрерывные бои. Враг не прорвался в город — Тула выстояла. Ее защитники с радостью приняли весть о том, что 7-го ноября в Москве, на Красной площади, состоялся парад наших войск.

8-го ноября новая радость — вручение Красного знамени. По решению Тульского городского комитета обороны за проявленные стойкость и мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками при обороне Тулы Тульскому рабочему полку было вручено Красное знамя. Его вручал председатель городского Комитета обороны В.Г. Жаворонков командиру полка А.П. Горшкову, который четко скомандовал:

— Командир взвода Журило! Ко мне!

Комвзвода вытянулся перед ним по форме, а командир полка торжественно добавил:

— Назначаю знаменосцем полка! — и протянул знамя.

Журило поцеловал красный шелк знамени и бережно взял в руки древко. Затем дал клятву оправдать высокое доверие и свято хранить знамя.

Мог ли он тогда подумать, что, спустя 25 лет ему придется нести это самое знамя по улицам города-героя Тулы, а позже, в одну из годовщин Победы — по площади Ленина в городе Донском?

В конце декабря 1941-го года Тульский рабочий полк выступил для освобождения города Калуги и его близлежащих территорий. Позднее тульские ополченцы были зачислены бойцами 766-го стрелкового полка 217-й дивизии.

С 1941 по 1945 гг. Тульский рабочий полк (766 стрелковый) прошел боевой путь от города Тулы до Инстенбурга. Бойцы полка участвовали в боях за Калугу, Юхнов, село Павлово и село Мальцево на реке Угра, Сухиничи и реку Жиздру, Карачев, Брянск, Почеп, Унечу, Добруш, Клинцы, Гомель, Рогачев, Бобруйск, Стобцы, Пружаны, Остров-Мозовецки, Найденбург, Алленштейн, Браунсберг, Кенигсберг (ныне Калининград) и Инстенбург (ныне Черняховск).

Так закончился славный героический путь Тульского рабочего полка. 1236 дней и ночей он достойно нес Красное знамя, врученное под Тулой. В августе 1945-го полк был расформирован. Вместе с этим полком закончил свой ратный путь и первый знаменосец, старший лейтенант Журило Николай Ильич.

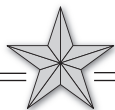
За мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны, он был награжден орденами Отечественной Войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды и многими медалями.

После войны ему довелось организовывать колхозы, восстанавливать разрушенные хозяйства. В 1960-м году он с семьей обосновался в небольшом шахтерском поселке Руднев Донского района Тульской области, где я родилась и живу до сих пор, и где проживает дочь с внуком легендарного знаменосца.

Жил он активной жизнью. Будучи на пенсии занимался патриотическим воспитанием подрастающего поколения. Оказывал помощь Рудневской школе № 8 в организации Музея боевой славы. Музей функционирует с тех пор, вот уже более 30-ти лет. Не изменяя своим высоким человеческим качествам, Н.И. Журило прошел весь свой послевоенный жизненный путь достойно, с почетом и уважением и закончил его 8-го октября 1989 года на 80-м году жизни.

Литература

1. Архив Музея боевой славы МОУ СОШ № 8 г. Донского Тульской обл.

КОНСТАНТИН ПОВАРОВ — РУКОВОДИТЕЛЬ СЕЩИНСКОГО ПОДПОЛЬЯ

*Василенко Оксана Николаевна, 37 лет,
заведующая Сещинским музеем
интернационального подполья,
п. Сеща Дубровского р-на Брянской области*

Константин Яковлевич Поваров родился в 1920 году в д. Бельской, в 5 км от станции Сещинская ныне Дубровского района Брянской области. Окончил 9 классов Сещинской средней школы. Вступил в комсомол. Затем учился в Воронежском офицерском училище, окончил его весной 1941 года в звании лейтенанта. По специальности был радистом.

В начале Великой Отечественной войны был на фронте. Вместе с сослуживцами попал в окружение. Удалось прорваться. С ними был раненый комиссар. Перед его кончиной Поваров рассказал ему о родном селе, о Сеще. И комиссар посоветовал ему идти на родину. «В Сеще аэродром. Ты комсомолец... Сам обдумаешь, что делать...».

Костя понимал, что в занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи. Создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Около полуночи в среду, 22 сентября 1941 года, Константин Поваров подошел к родной деревушке Бельской, затерявшейся в овражистых полях. Долго копался под старым ометом соломой, пока не спрятал рацию. «Мать, увидев сына, заплакала: от него пахло сырой землей и кровью. Красноармейская шинель, в которую он был одет, вся истрепана, словно ее пропустили через мялку, в которой давят льняную солому. Даже пуговиц нет, вместо ремня — потрепанная брезентовая опояска... Бледные скулы над впалыми щеками, жесткая печать губ, на лбу тонкие, но уже

К.Я. Поваров

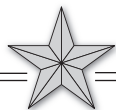
заметные морщин. Один рукав шинели разорван, виднелась голая рука, от запястья до плеча, мелкие раны сочились...».

Костя сразу же сообщил своим родным о решении пойти к немцам в полицию. Глаза отца потемнели, стали недобрыми. Отчужденно встретили взгляд Кости и дядя, и мать, а младшие братики словно испугались. Отец всю ночь курил, мать плакала. А утром, словно по уговору, пришел в дом Поваровых «дядя Коля» — Никишов Николай Артемьевич. Работал он колхозным агрономом, а когда пришли немцы, начал создавать агентурную сеть. С виду незаметный, с добрым простеньким лицом, улыбчивый и открытый для людей, он часто появлялся в деревнях, прилегающих к Сеще и Дубровке. Никто из немцев не обращал внимания на мастера, обслуживающего деревенский движок. Никто не знал, что коммунист Никишов был оставлен райкомом партии в качестве агентурного разведчика партизанских отрядов. Он подбирал людей, действующих в определенном направлении: Сещинском, Дубровском, Рославльском, Кричевском, Клетнянском, Пригорьевском.

Никишов на второй день узнал о появлении Константина Поварова в Бельской, а время для разведчика дороже всего на свете. Он уже все продумал, и, придя в семью, где его хорошо знали, был принят как свой человек. Именно он объяснил родным Кости необходимость внедрения в немецкую армию. И только теперь Константин Поваров неторопливо рассказал о людях, с которыми он уже связался. Упомянул своего двоюродного брата из деревни Яблонь Бориса Савекина, назвал врача Надю Митрачкову, учителя Андрея Кабанова. Оказалось, что и дядя Василий Северьянов уже в курсе. И только теперь Марфа Григорьевна облегченно вздохнула: «Совесть у нас одна. Все мы замешены одной бедой. Всем вместе нам и одолевать эту беду. Принимай, Костя, на свое сердце и плечи полицейскую тяжесть. Тяжел и труден твой путь. Будем помогать тебе...».

Стать полицейским? Все в душе Кости содрогается. Быть с этими продажными людьми, изменниками Родины, торгующими своей совестью ради немецкого пайка и возможности грабить своих людей? Выносить полные презрения взгляды односельчан? Какое мужество надо для этого? Дома под полом радиоприемник. Каждый час Родина зовет на борьбу с врагом. Сообщая в Москву сведения о Сещинском аэродроме, помогая бомбить его, где уже сейчас более двухсот самолетов, разве он не спасет жизнь тысячам советских людей?

Сещинский староста Гавриил Зинаков, к которому Костя обратился за содействием, долго отмачивался. Не знал Константин Поваров, что на эту должность Зинаков вступил по заданию дяди Коли. Зинаков был дальним родственником Поваровых, и мысль видеть кого-то из своих в полиции была ему противна. Староста переговорил с началь-

ником полиции Коржиновым, и тот охотно согласился. Дело улажено. Советский лейтенант Константин Поваров превращается в полицейя.

Нелегко далось ему это превращение. Жители Первомайской улицы п. Сеща видели, как долго Константин сидел на крылечке одного из домов, нервно курил папиросу за папиросой, потом решительно встал и пошел в полицейское управление.

Вот она, авиабаза фельдмаршала Кессельринга. Сюда танки Гудериана пришли 9 августа 1941 года. Однако овладеть полностью Рославльским шоссе фашистам не удалось. Очень сложная получалась обстановка: в Дубровке — немцы, а ниже, по Десне, километрах в десяти — части 50-й армии генерала М. Петрова (16 августа был образован Брянский фронт под командованием генерала А.И. Еременко). Тяжелые бои шли ежедневно. Гитлеровцы рвались на Брянск, на Тулу, чтобы с юго-восточной стороны осадить Москву. Народ поднялся на великую битву, чтобы защитить от врагов свою землю, свое Отечество. Одни сражались в частях Красной армии, другие — в партизанских отрядах, третьи — в подполье. Цель у всех была одна — разгромить и прогнать врага. И эта благородная цель рождала небывалый энтузиазм, мужество и отвагу.

Уже в первые дни войны фашисты создали два фронта: истребительный и идеологический. Они начали шельмовать и просто грубо, дерзко уничтожать нашу культуру. Их целью было растлить душу советских людей, посеять панику, неверие, озлобленность, всеми мерами создать такую обстановку, чтобы выращивать корпуса предателей, палачей. И именно подпольщики должны были терпеливо, настойчиво, ежедневно рассеивать фашистский обман, утешать, ободрять тех, кто сомневается, тех, кто потерял надежду, обнаруживать тех, кто отрекся от Родины, кто предал ее. Должны были стать глазами и ушами партизан, действовать осмысленно и целесообразно, вести войну без выстрелов.

Константин Поваров начинает собирать вокруг себя верных людей. Первыми членами его подпольной группы стали родные Кости: отец Яков Николаевич, мать Марфа Григорьевна и живший в их семье сводный брат отца Василий Яковлевич Поваров-Северьянов. Вскоре в группу Поварова вошли два очень ценных подпольщика. Это были рабочие-коммунисты братья Никифор и Семен Антошенковы. Шофер Никифор Антошенков стал полицейским вместе с Поваровым, а Семен превратился в трубочиста. Эта безобидная, на первый взгляд, должность была удобной для разведки: трубочист мог легко засидеться на кухне, поговорить с солдатами, что-то подсмотреть, а иногда и приемник послушать.

Теперь остро встал вопрос о переселении Кости Поварова в Сещу. Ведь жить дома, в Бельской, неудобно. Много можно прозевать. Ко-

стя снял комнату в большом доме у Анны Антошенковой в Сеще. Горячее чувство любви связало Константина с молодой женщиной. Аня прекрасно пела и плясала. Живая, остроумная, она вскоре стала желанной гостьей на всех пирушках полицейских. Она быстро освоилась и вошла в свою роль. Начальник полиции, бывший грузчик, 28-летний Константин Коржинов, усиленно волочился за веселой солдаткой. Аня смеялась: «Перепьют полицейские и начинают хвастаться своими прошлыми и будущими делами. А мне, как разведчице, только того и надо».

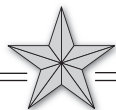
Костя редко ходил на эти вечеринки. Спокойный, выдержанный, всегда вежливый и исполнительный, он пользовался авторитетом у немцев, и вскоре очень сдружился с главным переводчиком комендатуры Отто Геллером, на угощения которого он не жалел денег.

Много разведанных шло к Поварову, но не всегда была возможность передать их через линию фронта. К 1942 году положение начинает меняться: завязываются связи с другими патриотическими группами и прежде всего с большим Дубровским подпольем. В декабре 1941 года директор Радичской школы Андрей Иванович Кабанов становится заведующим отделом культуры в Дубровской фашистской райуправе. Это он связал Константина Поварова с руководителем Дубровского подполья, учителем черчения и труда Дубровской средней школы Алексеем Павловичем Сергутиным, работавшим в райуправе инспектором по всем мельницам района и наладившим снабжение партизан мукой с многих мельниц. Поле деятельности Константина значительно расширилось.

В деревне Яблонь, в 6 км от Сещи, жил двоюродный брат Константина, бесстрашный подпольщик Борис Савекин. Он связал Костю с патриотической группой, созданной в этой деревне учительницей Анной Ильиничной Павловой. И в декабре 1941 года Поваров и Антошенков с белыми повязками полицейских на рукавах на лыжах приезжали в Яблонь якобы за тем, чтобы купить там сено. Но с Павловой они встретились уже после смерти Бориса. Кто-то из полицеев заметил его с партизанами. Вскоре фашисты без всякого суда и следствия расстреляли Бориса. Это была тяжкая потеря, и Костя клялся себе, что никогда не простит фашистам ни смерти Бориса, ни тысячи других смертей.

Костя Поваров тщательно укреплял подполье. Сергутин Алексей Павлович работал в немецкой управе главным мельником, имея пропуск, ездил по деревням и селам, встречался с нужными людьми, собирал информацию, передавал ее Поварову. Николай Артемьевич Никишов часто бывал в доме Поваровых, приносил листовки и мины, забирал свежие данные.

Василий Власов ежедневно принимал по радио сводки Совинформбюро. Читали их и на деревообрабатывающей фабрике, где работали

Храмченков, Перхунов, Степанов. Они расширили круг надежных людей, среди которых регулярно зачитывались сводки Совинформбюро и советские газеты, привозимые от партизан рябчинским мельником Лучиным.

Надежда Митрачкова работала в немецкой управе врачом в Радичском медпункте под руководством районного врача, дубровского подпольщика Грабаря. Лечила партизан, до выздоровления прятала их у себя на чердаке, передавала в партизанский отряд медикаменты, выдавала Поварову больничные листы, и это давало ему возможность заниматься подпольной работой днем — встречаться с подпольщиками, ездить в Рогнедино и встречаться с Пономаревым, бывшим школьным инспектором, теперь передовым в округе бургомистром. Поваров знал, что Пономарев принял свою должность по заданию Рогнединского партизанского отряда и уже проявил себя опытным разведчиком.

В январе 1942 года 10-я армия заняла Киров Калужский. Теперь армейским разведчикам стало легче проникать на оккупированную фашистами территорию. По одиночке, по двое, даже целыми группами они переходят линию фронта и пробираются к Сещинскому аэродрому. Партизанская и армейская разведка хорошо знала дом Поваровых. Дверь дома, выходящая в сад, никогда не закрывалась на ночь. Марфа Григорьевна рада была, что наконец-то принимает участие в большом деле, которому посвятил себя ее любимый сын.

Все разведчики, приходившие в дом Поваровых, находили здесь радушный прием, для всех было раскрыто доброе сердце Марфы Григорьевны. Разведчица Зина Антипенкова вспоминала: «Бывало, приползем мы с Шурой Черновой к тете Марфуше мокрые, грязные, голодные. Она нас обмоет, обогреет, накормит, а главное, ласковым словом утешит, успокоит...».

Разведчики дали Марфе Григорьевне подпольное имя «Мать». Многие говорили, что она похожа на «мать» Горького, потому что так же, как и она, отдала всю свою душу тому большому делу, которое составляет весь смысл жизни ее сына. Она прекрасно понимала, какая грозная опасность нависнет над всей семьей, если немецкие холуи заметят, что к ним в дом по ночам приходят советские разведчики. А всего за два дома от них жил староста деревни, уже несколько лет враждовавший с Поваровыми.

В январе 1942 года Константин Поваров установил тесную связь с разведчиком отряда «Славный» Григорием Харитоновичем Сафоновым, который стал часто бывать в доме Поваровых, приносил листовки, забирал важные сведения, а весной 1942 года обратился с просьбой достать «языка» — человека, хорошо знающего все, что делается в Сеще на аэродроме. Константин узнал, что один из сещинских переводчиков будет пьянствовать в доме полицейского в неболь-

шой деревушке возле Дубровки. Поваров и Сафонов тоже пришли в гости, споили хозяина и переводчика до потери сознания, потом связали «языка», и Григорий Сафонов увез его в отряд, а оттуда он на самолете был переправлен в Москву.

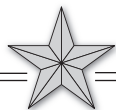
В феврале 1942 года восстанавливается Дубровский партизанский отряд, разбитый и рассеянный по группам при прорыве немцами фронта на Десне в начале октября 1941 года. Константин Поваров уже в феврале устанавливает с ним связь и вскоре передает политруку одной из рот Николаю Михайловичу Демичеву план аэродрома с указанием мест стоянки самолетов. На карте, привезенной Поваровым, значились все гарнизоны, полицейские станы, участки, сколько в них вражеских солдат, помечены были дома старост-предателей, наиболее злобных полицаев, приговоренных партизанским судом к смерти. Помечены были и дома партизанских семей, остро нуждающихся в материальной помощи.

Семьи Поваровых и Морозовых еще до войны знали друг друга. И когда еврейке, укрывавшейся в доме Морозовых, Анне Пшестелепец угрожала опасность, Аня Морозова увела ее из Сеци в Бельскую, где ее спрятала Марфа Григорьевна в своем доме.

В 1941–1942 годах Константин Поваров часто встречался с Анной Морозовой. Встречи эти проходили в доме Марии Титовны Антошеноквой. Иногда они были заранее назначены, а порой приходилось посылать сынишку Антошеноквой за Поваровым. Константин, как опытный разведчик, давал Ане указания по работе и получал от нее сведения. На квартире у Поварова в Сеце они никогда не встречались, так как свекор и свекровь Ани Антошеноквой неприязненно относились к Косте, поэтому им не доверяли. Надо было скрывать от них встречи Поварова и Морозовой. Ни один человек из обеих групп, кроме Марии и Никифора Антошеноквых, не подозревал об этих встречах.

С поляками Поваров стал работать раньше, чем Морозова. С марта 1942 года связным с ними был Иван Иванович Куцанов. Он часто под видом семейного праздника приглашал к себе поляков для обсуждения планов совместной работы. А многие жители Сеци видели Поварова, катающегося на велосипеде вместе с поляками в небольшой дубовой роще за поселком. Все эти прогулки использовались для деловых переговоров.

Когда нужно было знать, что делается в Рославле, врач Надежда Игнатьевна Митрачкова брала пропуск к родным своего мужа и там встречалась с Любовью Владимировной Олимпиевой, своей довоенной знакомой, подпольщицей из группы Григория Ивановича Иванова. Обе они потом были расстреляны в Рославле в одну и ту же ночь летом 1943 года.

В марте 1942 года началась совместная работа с присланным из Москвы разведчиком — лейтенантом Василием Васильевичем Алисейчиком. С ним были еще три человека: радист Сергей Школьников и комсомолки-разведчицы Зина Антипенкова и Шура Чернова, ранее работавшие в отряде Владимира Рябка.

В мае 1942 года был освобожден весь Рогнединский район. На освобожденной территории были восстановлены партийные и советские органы, колхозы. Рогнединский бургомистр уехал вместе с немцами под Гобики. Машину захватили жирятинские партизаны. Узнав, что это Пономарев, тут же расстреляли его. Никаких документов о том, что он на подпольной работе у Пономарева не было. Так погиб ценнейший для Родины разведчик. Никто не знает, где могила патриота. Его хоронили немцы вместе с трупами своих солдат, но остался Пономарев честным и чистым перед своим народом.

После этого случая многим подпольщикам были выданы партизанские справки. Но и они, попади в руки фашистов, могли послужить причиной гибели. Взял «шелковку» и Поваров. Тогда никто и не мыслил, что эта «шелковка» станет причиной гибели подпольщиков.

1 мая 1942 года началось большое партизанское наступление. Были освобождены многие деревни Дубровского и Рогнединского районов. Немцы и полицейские бросились спасаться в Сещинскую. Даже деревня Яблонь в 6 км от Дубровки оказалась свободной. Около нее и обосновалась группа Алисейчика, установив там рацию для связи с Большой Землей.

Но «Малая Земля» существовала недолго. Около 20 июня фашисты, собрав большие силы, перешли в наступление. Запылали села около Десны. Партизаны с большими потерями должны были отступить, поэтому связь с ними у Поварова и его группы была временно потеряна. В это время Василий Алисейчик и Сергей Школьников, заболевшие сыпным тифом, прятались в лесу. Партизанам с трудом удалось их вывезти и отправить на Большую Землю. Школьников вскоре умер, а Алисейчик потом долго продолжал работать разведчиком в Белоруссии.

В эти трудные дни тяжело раненный партизан Дубровского района Николай Евсеевич Ширшнев попал в дом к Поваровым. Марфа Григорьевна и Яков Николаевич дали ему приют, зная, что за укрытие раненого партизана им грозила смертельная опасность. В сарае в сене они устроили комнату, куда три раза приходила врач Надежда Игнатьевна Митрачкова. Марфа Григорьевна меняла повязки, кормила больного, ухаживала за ним.

Вдруг в Бельскую неожиданно приехал Никифор Иванович Антошенок и сообщил, что в полицию подан донос о том, что Поваровы прячут раненого партизана. Сам начальник полиции Коржииков соби-

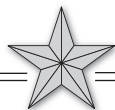
рался произвести обыск по всей деревне, начиная с дома Поваровых и их родственников Кузнецовых, сын которых Николай был в партизанском отряде. Звание старшего полицейского не избавляло Константина от слежки за ним тайных агентов гестапо. Яков Николаевич и Миша Поваров быстро переправили Ширшнев в Коханово, и полиция никого не обнаружила в Бельской.

С мая 1942 года начинается усиленная бомбежка Сечинского аэродрома советской авиацией. У группы Поварова появляется новый вид работы: надо сообщать в штаб армии результаты этих бомбежек. Сам Константин и Никифор Антошенков еще легко могут проходить на аэродром. Костя даже проводит туда разведчиков. Два раза он проходит по дороге к больнице вместе с разведчицей Шурой Черновой, изображая флиртующую пару. Были случаи, когда он проходил на аэродром вместе с партизанским разведчиком, одетым в немецкую шинель, под которой была советская форма.

К подсчету разбитых при бомбежке фашистских самолетов привлекают отца и дядю Константина. Фашисты по наряду сгоняют население на ремонт аэродрома. И тут одноногий Яков Николаевич проявляет «фашистский патриотизм». Он добровольно приезжает на аэродром на лошади на работу, захватив с собой своего 15-летнего сына Мишу и двух мальчишек-подростков Семена и Николая Митрачковых, — братьев врача Надежды Игнатьевны. Немцы не обращают внимания на то, что во время перерывов мальчишки бегают по аэродрому. Юные подпольщики подсчитывали количество совсем разбитых или только поврежденных самолетов, что было важно для Красной армии.

Константина очень тяготил временный перерыв связи с разведчиками из-за Десны. Разведчицы группы Алисейчика Зина Антипенкова и Шура Чернова не могли вернуться обратно в пославший их отряд Владимира Рябка, так как немцы стояли по Десне. Целый месяц с помощью Поварова они вынуждены были скрываться. Зина жила в Радичах в семье Митрачковых, разыгрывая из себя дальнюю родственницу-полудурочку. Наконец Поварову удалось перебросить ее, А.И. Чернову и Н.А. Никишова в отряд Ф.С. Данченкова. Они пришли туда 2 июля 1942 года. Н.А. Никишов связал Ф.С. Данченкова с Поваровым. И хотя связь с задеснянскими партизанами позднее восстановилась, но с этого времени работа К. Поварова идет с 1-й Клетнянской партизанской бригадой. Сам Данченков три раза встречается с Никифором Антошенковым и Константином Поваровым в д. Струковка в доме агентурного разведчика Елизара Терентьевича Полукова. Часто туда приходили Шура Чернова и Зина Антипенкова, и Костя передавал им собранные сведения.

Другой канал связи идет через братьев Антошенковых и жену Семена Ивановича Евдокию Федоровну. Сведения из Сечинской пере-

даются в Сергеевку учительнице Анне Корнеевне Седенковой, а она передает их в Струковку Елизару Полукову. Разведка работает активно. Получив от подпольщиков точный план расположения самолетов, горючего и боеприпасов, советские летчики все чаще появлялись над аэродромом. После каждой бомбежки Поваров сообщал Данченкову результаты. Их передавали поляк Ян Маньковский и чех Ванделин Робличка. Завязалась цепочка — поляки передавали Морозовой, она — Поварову, он — дубровцам, а Сергутин, имея пропуск свободного передвижения по району, встречался с Данченковым и его разведчиками.

Через Отто Геллера Костя Поваров узнал, что в партизанский отряд гестапо отправило двух русских. Их страшно избивали, затем анестезировали и опять избивали. Они должны были убить Коршуна (Данченкова), тогда их родных отпустят и определят на хорошую работу. Костя отправил брата Мишку в Алешню к Митраковичу, чтобы тот предупредил Сергутина, а Сергутин — Данченкова.

Еще с весны 1942 года расширилась связь Поварова с деревнями в сторону Рославля — Сеславлем, Мирошками, Долгим. Два раза Константин сам проводил политбеседы с надежными людьми в овраге у Сеславля. Устанавливается тесная связь с Григорием Кимовичем Цацуриным, Дмитрием Ивановичем Барановым и минером — окруженцем Иллариончиковым из д. Долгое.

Тяжелые часы пришлось пережить Косте Поварову, когда его арестовали после захвата партизан у д. Узкое, где был лагерь военнопленных. В этот день была назначена встреча Поварова с партизанами. Все как будто бы было предусмотрено, но какой-то предатель сумел донести об этом в гестапо. Поварова арестовали, но его выручил чех В. Робличка, работавший в комендатуре, и главный переводчик Отто Геллер, не желавший терять такого щедрого «друга», как Поваров, постоянно устраивавший ему пирушки на полученные от партизан марки. Благодаря им Константин легко доказал свою невиновность и был освобожден.

В августе–сентябре 1942 года Константин вместе со своей группой проводит ряд диверсий при помощи мин нажимного и натяжного действий с большим количеством тола. Поваров помогает товарищам доставлять эти мины к заранее назначенному месту, а ночные подрывники закладывают их там, где надо. Иллариончиков был опытным минером, и ему удалось спустить под откос железнодорожный эшелон, а Куцанову — взорвать небольшой мостик у Пригорья, тоже на железной дороге. Несколько немецких автомашин было взорвано на проселочных дорогах. И вдруг неожиданная катастрофа...

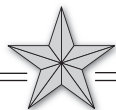
23 сентября 1942 года были убиты взрывом мины на дороге за Струковкой Константин Поваров и Елизар Полуков, у которого Ко-

стя остановился на ночлег. Ночью партизаны из отряда Данченкова заминировали дорогу на Деньгубовку. Это были те ребята, которым было поручено сорвать вывоз картофеля в Сещу, — ведь картошка была партизанским хлебом. Рано утром из Сергеевки шла крытая немецкая машина и наскочила на мину. Немцы поняли, что дорога заминирована и в других местах. Тогда они пришли в село и выгнали все население на поиски мин, в том числе и Полукова с Поваровым. Трое мужчин решили пустить по дороге лошадь с бороной — на длинных вожжах, чтобы от взрыва не пострадал правящий ею человек. Но тут подошел солдат с миноискателем и, видимо, не доверяя крестьянам, сказал, что сам проверит дорогу. В это время из Деньгубовки шел обоз с картошкой — немцы забирали продукты и в глубинных селах. Совсем недалеко от передней лошади миноискатель показал, что здесь заложена мина. Надо было осторожно отвести лошадь от опасного места, чтобы снять найденную мину. Крестьяне боялись подходить, а немцы толкали их прикладами в спину. Поваров и Полуков, видя, что могут быть большие жертвы, остановили крестьян и решили сами вывести лошадь. Поваров встал с одной стороны, Полуков — с другой. Но посреди дороги оказалась зарытой вторая мина. И едва лошадь, которую Полуков взял под уздцы, сделала шаг, как мина взорвалась. Лошадь с возом подняло в воздух и отбросило в сторону. Полукову оторвало обе ноги и всю нижнюю часть туловища. Поваров же был убит взрывной волной. Немцы разогнали людей, взяли подводу и, положив в нее трупы, отправили в Сергеевку.

В семье Поваровых в это время находились наша подпольщица Павлова и разведчица 10-й армии Прудникова. В дом вбежала Анна Антошенкова, вся в слезах и сообщила о гибели Кости. Родители ездили сначала в Струковку, а затем в Сещу, поэтому в Сергеевку они попали только к вечеру, где на кладбище обнаружили свежую могилу, в которой похоронили Поварова и Полукова вместе.

Анна Антошенкова стала расспрашивать крестьян об одежде Кости: она зашивала в плече пиджака «шелковку», которую выдал Данченков, подтверждающую, что Поваров Константин — разведчик Красной армии. Поиски пиджака ни к чему не привели. Только на третий день она узнала от начальника полиции, что пиджак и все документы забрал агент СД «Черный Глаз» — Франц Миллер. Ему без усилий удалось доказать, что подпись Данченкова на кусочке шелка является подлинной.

Подпольщики Дубровки и Сещи к 1943 году в своих группах насчитывали уже свыше 150 человек. В этой большой группе очень сложно было обеспечить полную конспирацию. А фашисты усиленно старались внедриться в эти группы. Чудом удалось спастись только ин-

тернациональной группе подпольщиков во главе с Аней Морозовой. В этом была также большая заслуга Кости Поварова.

За семьей Кости Поварова и членами его группы фашисты организовали круглосуточную слежку. В первую очередь под подозрение попал Алексей Павлович Сергутин. Как только ему сообщили, что немцы собираются его арестовать, он выехал в деревню Чет, в которой партизанами были разыграны его арест и расстрел. Однако «Черный Глаз» этому не поверил, хотя руководители СС и гестапо были уверены, что Сергутина расстреляли партизаны.

Вместо Сергутина подпольную организацию стал возглавлять Андрей Иванович Кабанов. 8 марта 1943 года он выдал связному чистый бланк пропуска в Рославль, а через три дня Кабанов был арестован. 14 марта забрали его жену Ольгу с дочерью, старухой матерью и отправили в Рославль.

Главный врач Дубровки Грабарь, начфин управы Горбачев, а с ними и ветврач Новиков, как только почувствовали, что за ними в любую минуту могут приехать фашисты, ушли в лес, к партизанам, но за них жестоко расплатились родственники и друзья. Была замучена в Рославльской тюрьме Дороденкова, у которой жил Грабарь.

Служба СС совместно с гестаповцами обрушила внезапно жестокий удар по подпольщикам Дубровки, Сещи, Жуковки, Клетни, Рославля и окрестных деревень. Франц Миллер по указанию оберштурмбанфюрера СС Вернера проводил молниеносные аресты. Были схвачены Анна Антошенкова и два ее брата, работавших вместе с Костей Поваровым до его трагической гибели, а также староста Сещи Зинаков, который настойчиво рекомендовал Поварова для работы в полиции. При обыске у Марфы Григорьевны нашли газеты «Правда», «Красная Звезда» и партизанскую газету «Мстители». Фашисты избили Марфу Григорьевну и заступившегося за нее сына Мишу. Ваню, другого сына, мать назвала соседским мальчиком и, лежа на полу, указала ему дверь. Ваня все понял и помчался в другую деревню к родственникам. Искалеченных мать с сыном отправили в тюрьму Рославля. Отец Поваровых, Яков Николаевич, инвалид, участник Гражданской войны, в это время портняжничал в соседней деревне. Его уговаривали не ходить в Бельскую, но его сердце не выдержало. Он успел только переночевать дома и на следующий день также был отправлен в Рославль, увезли и его брата.

В тот же день арестовали Надежду Игнатьевну Митрачкову, прекрасного врача, которая так много помогала партизанам медикаментами. Из всей семьи Митрачковой не взяли в этот раз только двух мальчиков, которые тяжело болели тифом. Взяли и Егора Лучина, мельника Рябчинской мельницы, через которого была организована цепочка по передаче срочных сведений командованию 1-й Клетнян-

ской бригады. Вскоре забрали и Ивана Жарикова, работающего по восстановлению железной дороги. Он совершал больше диверсий, чем ремонта. Его сестра Настенька была арестована на следующее утро.

Марфу Григорьевну Поварову, ее родственников, Митрачкову, Жарикова и других подпольщиков после невыносимых зверских пыток отвезли на кладбище Рославля и там расстреляли. Расстреляли также Якова Николаевича Поварова и его брата.

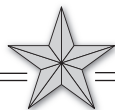
Прежде чем расстреливать, их пытали горячим железом, загоняли иглы под ногти, страшно избивали. А на Жарикове в поле тренировали овчарок.

Всего в тюрьме Рославля находилось свыше 700 человек. Те из них, кого не успели фашисты уничтожить, были заживо сожжены в этой тюрьме. Гестапо и служба СД во главе с Вернером стремились скрыть следы своего преступления от советского народа. Однако этого им не удалось. Из восьми человек, бежавших из тюрьмы, двоим удалось скрыться, никакие поиски с овчарками не смогли их обнаружить.

О трагедии семьи вскоре узнал старший сын Поваровых, Сергей. В это время он был курсантом танкового училища. Вот что он писал своей тете:

«Милая тетя Шура! Несмотря на то, что меня не покидало в боях мужество, присущее воину РККА, все же из глаз катятся слезы, которые в данный момент вышли из моего подчинения... Мою мать, отца, Мишу арестовали немцы и угнали неизвестно куда, так как семья была партизанской. В 1941 году Костя и Борис, наш двоюродный брат, вышли из окружения. Костя погиб патриотом своей Родины, взорвавшись на мине, похоронен в пятнадцати километрах от Сежи. Шестью месяцами раньше немцы зверски замучили Бориса за связь с партизанами, но он никого не выдал. Дядю Василия немцы угнали с обозом, его больше нет. Остался в живых единственный братишка Ваня. О! Милый несчастный мальчик! Вот единственное, что осталось после такой катастрофы... Несчастье никогда не изгладится в жизни. Вот что наделала нам война, инициатором которой был самый хищный из всех зверей в облике человека — Гитлер... Милая тетя Шура, я просил и тетю Тоню, чтобы она берегла и воспитывала Ваню, пока не кончится война. Потом я возьму его к себе в армию.

Несколько слов о себе. До Отечественной войны я, как вам известно, работал на Кировской железной дороге строительным железнодорожным мастером. И когда враг вплотную подошел к городу Петрозаводску, я устанавливал второй путь у самого Петрозаводска. В июне 1941 года ушел партизанить в тыл к финнам. Одиннадцать раз ходил через кордон в тыл и два раза с воздушным десантом. Таким образом, я партизанил с июля 1941 года до октября 1942 года, пока не получил ранение, правда не тяжелое, в правую

ногу. Лежал в госпитале в Беломорске. В январе месяце 1943 года, по выздоровлении, меня направили учиться в танковое училище, где и нахожусь... Заверяю Вас, тетя, и всех тех, кто знает меня, что за своих родителей и родных я многократно отомщу, не пожалею здоровья и жизни для окончательного разгрома врага.

Вечная слава честно павшим защитникам Родины... Еще раз клянусь перед всеми погибшими нашими родными мстить врагу до последней капли крови, до последнего вздоха Сергей Поваров».

Это было последнее письмо от Сергея Поварова. Он погиб как герой в начале 1944 года.

Ваня Поваров скрывался у родственников до освобождения Красной армией Брянщины. Его воспитывали родные тети, он отслужил в Красной армии необходимый срок, затем жил в городе Петровске на Волге. Работал до 1991 года токарем ремонтного завода.

За заслуги перед Родиной Константин Яковлевич Поваров был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

В деревне Сергеевка находится могила героя, за которой постоянно ухаживают учащиеся Сещинской средней школы имени Константина Яковлевича Поварова.

17 сентября 1968 года в Сече был открыт памятник героям Сещинского интернационального подполья.

На высокой стеле, символизирующей складки развевающегося знамени, изображены барельефы Константина Поварова, Анны Морозовой и

Могила К.Я. Поварова

Памятник героям Сещинского интернационального подполья

героя польского народа Яна Маньковского. Четкие слова высечены на памятнике:

«Вам, героям живым
И героям со славою павшим,
Этот памятник наш и наша любовь на столетья.
В братстве русских, поляков и чехов —
Ваше бессмертие».

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

*Пищулин Владимир Иванович, 75 лет,
доцент Елецкого государственного университета
им. И.А. Бунина, член Союза писателей «Воинское содружество»,
г. Елец Липецкой области*

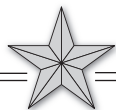
Мне хочется рассказать о замечательном человеке, патриоте, защитнике Родины Георгии Николаевиче Вавилове. Я горжусь тем, что он был моим родственником — мужем моей тети Зинаиды и отцом двоюродной сестры Эмилии.

Родился Георгий Николаевич Вавилов 9 декабря 1912 года в городе Ельце Орловской, ныне Липецкой, области, в доме № 22 по улице И.В. Сталина в семье служащего. Отец его, Николай Петрович Вавилов, работал бухгалтером в горфинотделе города Ельца. Мать, Вавилова Анна Александровна, была домохозяйкой.

Георгий рос сильным, талантливым, любознательным мальчиком, много читал. После окончания в 1927 году семилетней школы он поступил в Елецкое педагогическое училище, где серьезно занялся литературным творчеством: писал стихи, рассказы, очерки. Творчество Георгия было замечено преподавательским коллективом, который рекомендовал его в редакцию газеты «Красное знамя». В 1930 году после окончания училища он был назначен инструктором этой газеты.

В 1934 году Георгий полюбил миловидную девушку Зиночку, работницу железнодорожной станции города Ельца. Вскоре была сыграна свадьба. Глубокие чувства к дорогой женщине он сохранил в сердце и душе до конца своей жизни. 8 августа 1935 года в семье Вавиловых родилась девочка. Родители называли ее Милочкой.

С ноября 1934 года по октябрь 1936 года Георгий по призыву служил в 17-м Елецком стрелковом полку 6-й Орловской стрелковой дивизии, в котором, после окончания полковой школы, в звании сержанта

командовал отделением пулеметной роты. В полку считался лучшим младшим командиром.

После демобилизации Г.Н. Вавилов вернулся на прежнюю работу, где был назначен ответственным секретарем редакции газеты «Красное знамя» и избран председателем местного комитета союза работников печати.

21 февраля 1940 года Елецким городским военкоматом Георгий Вавилов был направлен на курсы усовершенствования командного состава запаса в город Мичуринск, которые он окончил 3 августа того же года.

Учитывая международную обстановку, как настоящий патриот, Г.Н. Вавилов остался служить в РККА.

В августе 1940 года Георгию присвоено звание лейтенант. Он назначен адъютантом батальона 401-го стрелкового полка 120-й стрелковой дивизии, сформировавшейся в городе Ливны Орловской области. Учитывая его организаторские способности и глубокие знания военного дела, уже через два месяца, в октябре 1940 года, он становится помощником начальника штаба того же стрелкового полка.

В этой должности лейтенант Георгий Вавилов встретил войну, которая длилась для него 1248 дней и ночей: до 7 марта 1945 года.

Используя архивные сведения, мне удалось воссоздать его боевой путь в основных сражениях Великой Отечественной войны.

19 июля 1941 года в результате прорыва обороны наших войск южнее Смоленска и захвата 2-й немецкой танковой группой города Ельня противник создал важный укрепленный плацдарм, с которого планировал возобновить наступление на Москву.

Против группировки противника была введена в бой 24-я армия Резервного фронта, в состав которого вошла 120-я стрелковая дивизия, переброшенная железнодорожным транспортом из Ливен под Спас-Демянск Смоленской области. Ведя оборонительные бои, 24-я армия скрытно готовилась к наступательной операции в районе города Ельня.

Сержант Вавилов, 1936 г.

Перед 24-й армией была поставлена задача встречными ударами под основание Ельнинского выступа окружить и уничтожить группировку немецко-фашистских войск и в дальнейшем наступать на запад.

30 августа дивизии 24-й армии перешли в наступление и прорвали вражескую оборону. Отразив сильные контратаки, к 4 сентября северная и южная ударные группировки армии глубоко охватили немецко-фашистские войска, оборонявшиеся в выступе.

Под угрозой окружения противник начал отходить из района Ельни. 5 сентября наступающие в центре стрелковые дивизии ворвались в Ельню и к утру 6 сентября освободили город. Преследуя противника, войска 24-й армии продвинулись в западном направлении на 25–30 километров и 8 сентября вышли к рекам Устром и Стряна. В ходе Ельнинской операции части 24-й армии нанесли поражение двум танковым, одной моторизованной и семи пехотным немецким дивизиям.

Оборонительные и наступательные бои под Ельней принесли помощнику начальника штаба 401-го стрелкового полка лейтенанту Вавилу Г.Н. и его сослуживцам по 120-й стрелковой дивизии большую славу. В ходе этих боев они проявили исключительную доблесть и мужество.

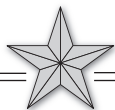
«За стойкость в обороне и решительность в наступлении, высокую дисциплину, массовый героизм, проявленный личным составом подразделений 120-й стрелковой дивизии, приказом Народного Комиссара обороны И.В. Сталина № 318 от 26 сентября 1941 года дивизия была преобразована в 6-ю гвардейскую, а полки 401, 474, 540 дивизии соответственно в 4, 10, 25-й гвардейские полки. Одновременно участвующие в Ельнинской операции 100, 127, 153, 161 и 107 стрелковые дивизии 24-й армии были переименованы в 1, 2, 3, 4, 5 гвардейские дивизии».

Так родилась в Красной армии первая гвардия. Первыми гвардейцами стал весь личный состав 1, 2, 3, 4, 5 и 6 гвардейских дивизий.

Принимая гвардейское знамя, личный состав 6 гвардейской дивизии дал клятву, что в предстоящих боях с немецко-фашистскими захватчиками гвардейцы будут продолжать показывать образцы храбрости, мужества и стойкости, а дивизия проявит себя новыми героическими подвигами и славой.

С 5-го октября 1941 года гвардии лейтенант Г.Н. Вавилов продолжает воевать против фашистских захватчиков под Мценском Орловской области, куда была перебросена 6-я гвардейская дивизия, составившая ядро 1-го гвардейского корпуса 26-й армии Брянского фронта. Главная цель армии — остановить танковую группировку Гудериана, прорвавшую Брянский фронт и наступавшую через Орел на Тулу и Москву.

О том, как выполнили поставленную задачу гвардейцы 6-й гвардейской стрелковой дивизии под Мценском, рассказал в своих мемуарах генерал Д.Д. Лелюшенко, командовавший в то время 1-м гвардей-

ским корпусом: «Мне хорошо запомнились спокойствие, воля, умение руководить в той сложной обстановке командиров и офицеров частей и подразделений 6-й гвардейской дивизии. Это под их руководством гвардейцы совместно с танкистами нанесли сокрушительный удар по гудериановскому танковому острию, направленному через Тулу на Москву, остановили его на реке Зуша, где по 24-е октября удерживали свои позиции. Это были дни огромного боевого напряжения, когда приходилось отражать непрерывный ожесточенный натиск большого количества немецких танков. В это время для защиты Москвы была развернута в районе Тулы новая 50-я армия Брянского фронта».

В течение ноября 1941 года Г.Н. Вавилов со своим 4-м гвардейским полком 6-й гвардейской дивизии в составе 3-й армии продолжал громить фашистские орды в районе городов Теплое и Ефремов Тульской области, прикрывая Тулу и Москву с юга.

О том, как воевал елецкий богатырь Георгий Вавилов в тот очень трудный для нашей Родины период, можно судить по рассказу одного из его однополчан В.И. Стебакова.

«Я хорошо помню своего фронтового товарища Георгия Вавилова, так как служил с ним в одном и том же соединении. Когда позволяла обстановка мы встречались и разговаривали. Помню случай, как по военному подтянутый, крепко сложенный, с трубкой во рту сидит он в тесной землянке недалеко от передовой и рассказывает о том, как прошел бой, навязанный гвардейцам гитлеровскими войсками два дня тому назад. Бой был жесткий и скоротечный. Гвардейцы сражались мужественно, храбро, фашисты понесли большие потери. Он с восхищением рассказывал о своих однополчанах, проявивших в этом бою самоотверженность и героизм. И только о себе не сказал ни слова. А ведь Георгий вместе с небольшой группой гвардейцев, когда погиб командир, смело бросился на врага и огнем автомата, гранатами уничтожил много гитлеровских захватчиков. Будучи раненым, он не покинул поле боя, своей отвагой воодушевлял воинов на героический подвиг во славу Родины. И это был не единственный случай, когда гвардеец-журналист отличился в бою. Он не единожды шел впереди наступающих подразделений, добиваясь выполнения боевого задания».

В период оборонительных боев под Москвой Георгий отправлял домой письма: «Мы пока что отступаем, — писал он своей жене Зинаиде, — но отступая, наносим мощные удары по врагу, изматывая его силы. В наших сердцах, в сердцах всех воинов Советской армии месть. Придет время, мы пойдем в наступление, мы разобьем врага, и знамя нашей Великой Победы будет лететь над поверженным Берлином».

Изгнание гитлеровских захватчиков, о котором Георгий писал в письмах, началось в декабре 1941 года, когда советские войска Калининского, Западного и Брянского фронтов, измотав противника в

ожесточенных оборонительных боях под Москвой, перешли в контрнаступление против ударных группировок фашистских соединений, в результате которого эти группировки были разбиты. Понеся большие потери, остатки немецких армий, бросая технику и вооружение, поспешно начали отступление.

Успешно преследовали противника соединения Брянского фронта. В составе 3-й армии Брянского фронта громили фашистов 4, 10, 25 и 34 гвардейские полки 6-й гвардейской стрелковой дивизии.

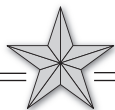
За образцовое выполнение боевых задач в ходе наступления Командующий юго-западного направления маршал Советского Союза Тимошенко объявил благодарность всему личному составу дивизии.

В непрерывных оборонительных и наступательных боях рос опыт и авторитет помощника начальника штаба 4-го гвардейского полка гвардии старшего лейтенанта Вавилова Георгия Николаевича как штабного офицера и командира. Он, как и другие офицеры штаба полка, большую часть времени проводил в подразделениях. Как лучше расставить подразделения и огневые средства для прорыва обороны противника, какой участок надежнее прикрыть, где выгоднее разместить инженерные сооружения, в каких направлениях целесообразно атаковать противника, в каких местах разумнее оборудовать пункты управления. Эти и другие задачи оперативно приходилось решать Г.Н. Вавилону совместно с командирами батальонов и рот. При ранениях или гибели командиров Георгий Вавилов неоднократно с автоматом в руках возглавлял боевые операции строевых подразделений полка. В качестве примера, он 14.12.1941 года в боях за совхоз «Дубики» Тульской области лично руководил боем. Противник силой до 2-х рот перешел в контрнаступление. Г.Н. Вавилов принял все меры по его отражению. В результате чего противник бежал, оставив 25 кавалерийских лошадей с седлами, четыре повозки с имуществом, было убито и ранено 7 офицеров и множество солдат. 11.12.1941 года в боях за село Красное Г.Н. Вавилов руководил ночной атакой. В результате село Красное было освобождено, противник бежал, оставив на поле боя убитыми более 40 человек, 3 противотанковые пушки, 30 винтовок, много снарядов, мин и другого имущества.

Вышестоящее командование высоко оценило его боевую деятельность в ходе оборонительной и наступательной операций под Москвой, представив его к награждению орденом Красного Знамени.

С мая месяца 1942 года по февраль 1943 года основные сражения Великой Отечественной войны развернулись на территориях Воронежа, Сталинграда, Кавказа.

С целью предотвратить переброску резервов противника с Брянского фронта в район основных боевых действий, на Орловских землях силами 3-й армии, в которую входила 6-я гвардейская дивизия, про-

водилась идея активной обороны. В соответствии с нею планировались и осуществлялись частные наступательные операции с ограниченными задачами.

Начальник штаба 4-го гвардейского полка гвардии капитан Г.Н. Вавилов вместе со всем личным составом своей части неоднократно принимал участие в вышеуказанных операциях в различных районах Орловщины, не давая немцам снять и отправить часть своих соединений на помощь разбитым немецким армиям на юге России.

В июне месяце 1942 года гвардии капитан Вавилов был назначен начальником штаба 10-го гвардейского стрелкового полка 6-й гвардейской дивизии для улучшения работы штаба этого полка.

За умелое руководство штабами 4-го и 10-го полков в ходе частных наступательных операций в августе 1942 года капитану Вавилову было присвоено воинское звание «гвардии майор».

В должности начальника штаба 10-го гвардейского полка гвардии майор Г.Н. Вавилов участвовал в боях по уничтожению и изгнанию гитлеровцев с родной земли и в зимней наступательной операции 1943 года.

Совместно с другими частями 6-й гвардейской дивизии 10-й гвардейский полк сосредоточился в районе города Ливны и 22 января 1943 года перешел в наступление, пройдя с упорными боями более 65 км. Были освобождены десятки населенных пунктов. Полк подошел вплотную к городу Змеевка Орловской области — важному узлу сопротивления немцев, прикрывающему город Орел с востока.

Как опытный журналист, Георгий Николаевич, даже находясь в действующей армии, не мог не писать. И поэтому довольно часто его статьи и заметки появлялись в газете «Звезда Советов» 6-й гвардейской дивизии.

Трудно без волнения читать его фронтовые стихи, исполненные искренностью и чистотой человеческих чувств.

Кто из нас подумал о разлуке

*Не все судьба голубит нас,
Всему свой день,
Всему свой час!*

М.Ю. Лермонтов

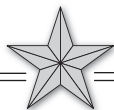
Кто из нас подумал о разлуке
В голубые солнечные дни?
Молодость являлась нам порукой.
В нашем счастье, искренней любви
Мы с иными мыслями дружили,
День труда был радостен для нас,

Чувства нашу голову кружили,
Горек был один разлуки час.
Годы шли торжественной стопой,
Мы мужали вместе со страной.
Но поднялся враг
Разбойничьей войною,
Завязался наш последний бой.
Я ушел. Не жаркими слезами
Ты на фронт отправила меня...
Широко раскрытыми глазами
Ты смотрела грустно на поля.
Твой наказ был короток и ясен:
— Родина зовет тебя, иди!
Побеждай врага, мой воин красный,
Ждет тебя награда впереди.
Сколько сотен, тысяч километров
Разделяет нас в суровый год?
Может быть, с попутным ветром
Слух к тебе не радостный придет.
Ты не верь! Я воином умелым
Тяжкий путь с товарищем пройду.
Духом крепкий, невредимый телом
Выиграю битву и приду!

28.07.42 г. Жорж

Прощай, мой лес

Зеленый лес,
Тенистый бор...
Колышет ветви
Нежный ветер.
Ведут березы разговор.
Я здесь покой
Нежданный встретил.
Но это миг,
Одна мечта,
Пришла она мне
После боя.
Зеленый лес,
Мои поля
Не знают сна

И мирного покоя.
Отсюда шлют
Туда, к врагу
Свинцовый ливень
Батарей...
Букет березы
На лугу
Сожженный вихрем
Тихо тлеет.
Дубравы тень
В себе таит
Резервы брони
И моторов,
Сердец твердеющих
Гранит,
Ненависть
Воспаленных взоров.
Покоя нет!
В суровый год,
В суровый день
Не до мечтаний.
Прощай, мой лес,
Идет народ,
И я иду
На поле брани.
Желанных встреч
Ты помнишь дни,
В саду
Под вербой молчаливой?
Придут!
Наступят вновь они,
И я вернусь
К тебе счастливый.

12–25.07.42 г. Жорж

Весна 1943 года подходила к концу. Гитлеровское командование активно готовилось к тому, чтобы летом вырвать из наших рук стратегическую инициативу, изменить ход войны в свою пользу. Местом для осуществления этих планов оно выбрало так называемый Курский выступ — участок фронта между Орлом и Белгородом.

Учитывая большой боевой опыт штабной работы, авторитет среди командного состава, высокие способности гвардии майора Г.Н. Вавилова,

3 июня 1943 года его назначили помощником начальника оперативного отдела штаба 17-го гвардейского корпуса, который готовился к обороне в основании Орловского выступа Курской дуги. Здесь немецкое командование планировало разгромить советские войска летом 1943 года.

Необходимо было быстро установить деловые взаимоотношения с командованием корпуса и со своими подчиненными частями.

Курская битва началась наступлением 5-го июля 1943 года крупных группировок немецко-фашистских войск из района Орла и Белгорода в направлении города Курска.

Для наступления на орловско-курском направлении гитлеровское командование сосредоточило 7 танковых, 2 моторизованных и одиннадцать пехотных дивизий. Главная ударная группировка на этом направлении должна была нанести основной удар через Поньры и Ольховатку по Курску. Чтобы пробить советскую оборону на узком фронте мощным тараном, командование немецко-фашистских войск сосредоточило все силы на одном ольховатском направлении.

В 5 часов утра 5 июня орловская группировка немецких войск начала наступление в направлении Ольховатки и вклинилась в нашу оборону.

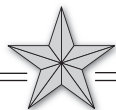
Командующий Центральным фронтом маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский принял решение утром 6 июня нанести контрудар силами 17 гвардейского корпуса по вклинившемуся противнику и сорвать его план дальнейшего развития крупного наступления на Курск. В течение нескольких дней гвардейцы 17-го гвардейского корпуса стойко держали оборону на занятых рубежах.

9-го июля, сделав еще несколько попыток на ольховатском направлении, враг прекратил бесплодные атаки. Наступление гитлеровских войск на орловско-курском направлении позорно провалилось.

За четверо суток немецко-фашистские войска потеряли до 42-х тысяч убитыми и ранеными, а также 800 танков и самоходных орудий. В короткий срок отборные гитлеровские дивизии были обескровлены и потеряли способность вести наступательные действия.

Попытка немецко-фашистского командования взять реванш за поражения, вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования и развернуть широкие наступательные действия летом 1943 года потерпели полный крах. Окончательно и бесповоротно был предрешен исход Великой Отечественной войны. Героические Советские Вооруженные силы навсегда положили конец попыткам врага прорваться в глубинные районы Советского Союза и захватить Москву.

Командующий Центральным фронтом маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский дал следующую оценку действиям гвардейцев 17-го гвардейского корпуса в Курской битве: «Контрудар 17-го гвардейского стрелкового корпуса помешал противнику продвинуться на ольховат-

ском направлении, что предопределило провал наступления всей орловской группировки фашистов».

Такую же оценку действиям 17-го гвардейского корпуса в Курском сражении дал командующий 13-й армии генерал-лейтенант Н.П. Пухов.

«Соединения 17-го гвардейского корпуса, обороняясь на одном из главных направлений Центрального фронта, сорвали замысел гитлеровского командования по прорыву обороны на северном фасе Курской дуги, обескровили противника в тактической зоне обороны и создали условия для перехода в контрнаступление».

Успеху разгрома 17-м гвардейским стрелковым корпусом фашистских войск на своем участке фронта в оборонительных боях Курской битвы способствовала четкая и организованная работа офицеров оперативного отдела вместе с гвардии майором Г.Н. Вавиловым, которые быстро и грамотно разрабатывали боевые документы для штаба корпуса, доводили их до подчиненных частей, контролировали их выполнение, непрерывно оценивали обстановку, положение своих войск и войск противника, возможное соотношение сил и средств, вскрывали замысел и намерения немецкого командования и докладывали своему командованию правильные выводы и предложения по разгрому наступающих фашистских частей.

Многие офицеры оперативного отдела часто находились в подчиненных дивизиях, где помогали успешному решению поставленных перед ними боевых задач.

За умелые действия во время Курской битвы, за мужество, самоотверженность и высокое мастерство всему личному составу корпуса была объявлена благодарность от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

Утром 15 июня 1943 года дивизии 17-го гвардейского стрелкового корпуса в составе 13-й армии перешли в наступление.

После Курской битвы в августе–сентябре 1943 года гвардии майор Г.Н. Вавилов с оперативным отделом 17 гвардейского стрелкового корпуса принимал самое активное участие в освобождении Украины от гитлеровских захватчиков, которое началось с Черниговско-Припятской наступательной операции.

В ходе этой операции 17-й гвардейский корпус 28 августа совместно с 9-м танковым корпусом прорвал оборону противника, вырвался на оперативный простор и освободил ряд населенных пунктов на Левобережной Украине, в том числе города: Глухое, Конотоп, Бахмач, Нежин. Далее форсировал реки: Десну, Днепр, Припять, захватил ряд плацдармов на правом берегу Днепра и Припяти, имевших в дальнейшем важное значение для освобождения Киева и Правобережной Украины.

За успешные действия в Черниговско-Припятской наступательной операции 17-му гвардейскому корпусу в числе других частей 60-й

армии 1-го Украинского фронта трижды объявлялась благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина и гремели артиллерийские салюты в городе Москве. Многие офицеры и солдаты корпуса получили правительственные награды. Гвардии майор Г.Н. Вавилов за эту операцию был представлен к награде орденом Отечественной войны 1-й степени.

Вместо ордена Отечественной войны 1-й степени ему был вручен орден Красного Знамени.

После Черниговско-Припятской операции гвардии майор Г.Н. Вавилов с 12 октября по 20 декабря участвовал в разгроме фашистских армий в Киевской стратегической наступательной операции 1-го Украинского фронта, в состав которого входила 60-я армия совместно с 17-м гвардейским стрелковым корпусом.

В ходе этой операции был освобожден город Киев и ряд других городов и населенных пунктов Киевской области, разгромлено 15 дивизий противника, захвачено в плен 41 000 солдат и офицеров, уничтожено 1200 орудий и минометов, 600 танков, 90 самолетов, 1900 автомашин и много другой боевой техники.

17-й гвардейский корпус совместно с другими частями 60-й армии в ходе наступления создал внешний фронт западнее Киева, препятствуя резервам противника прорваться к фашистским частям, окруженным войсками 38-й армии в Киеве.

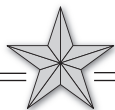
В результате гитлеровская группировка в Киеве была уничтожена, а сам город освобожден 6 ноября 1943 года.

Неоднократные попытки вражеских войск вновь захватить Киев и отбросить наши части за Днепр не увенчались успехом.

В ходе Киевской наступательной операции Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин вновь неоднократно объявлял в приказах благодарность нашим войскам, а Москва салютовала артиллерийскими залпами.

Первогвардеец Георгий Вавилов в составе гвардейского корпуса с 24 декабря по 30 января бьет гитлеровских захватчиков и в последующей за Киевской Житомирско-Бердичевской наступательной операции. В ходе последней наши войска продвинулись на запад от 80 до 200 километров, освободили полностью Киевскую и Житомирскую области, а также ряд районов Винницкой и Ровенской областей, разгромили восемь танковых дивизий, уничтожили много боевой техники и личного состава противника.

В ходе этой операции 28 января 1944 года погиб начальник штаба 68-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 17-го гвардейского стрелкового корпуса, Герой Советского Союза гвардии полковник Шевченко Борис Демидович. Временно исполняющим обязанности начальника штаба этой дивизии был назначен гвардии майор Г.Н. Ва-

вилов. В новой должности Георгий Вавилов с 11 марта по 14 апреля принял участие в Проскурово-Черновицкой наступательной операции, которая завершилась крупным успехом 1-го Украинского фронта.

После выхода частей Советской армии к государственной границе война не закончилась. В первомайском Приказе 1944 года Верховным Главнокомандующим Советской армии И.В. Сталиным ставилась задача: «преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в собственной берлоге, вызволив из немецкой неволи наших братьев поляков, чехов, словаков и других 23 союзных с нами народов Западной Европы, находящихся под пятой гитлеровской Германии».

Учитывая важность карпатского стратегического направления и в особенности предстоящих боевых действий в горных условиях, 30 июня 1944 года ставка Верховного Главнокомандующего приняла решение выделить из состава 1-го Украинского фронта часть войск и создать из них 4-й Украинский фронт, в который была включена 18-я армия вместе с 17-ым гвардейским стрелковым корпусом.

В ходе реорганизации 68 гвардейская стрелковая дивизия была выведена из состава 17-го гвардейского корпуса и оставлена в подчинении 1-го Украинского фронта, а временно исполняющий обязанности начальника штаба этой дивизии гвардии майор Г.Н. Вавилов возвращен в оперативный отдел штаба корпуса, где приступил к исполнению своей прежней должности помощника начальника оперативного отдела.

*Жорж Вавилов и его фронтовой друг
Павел Копылов, 22.09.1944 г.*

Выполняя приказ Главнокомандующего, 17-ый гвардейский стрелковый корпус в июне 1944 года приступил к боевым действиям в горно-лесистой местности по освобождению Закарпатской Украины и Чехословакии.

Только с 23 июля по 10 августа корпус вместе с другими частями 18-й армии уничтожил и ранил свыше 11500 солдат и офицеров противника,

52 танка, 96 орудий, 458 пулеметов, взял в плен свыше 10000 человек, захватил 335 орудий, 54 танка, 5278 винтовок и автоматов.

За успешное выполнение боевых заданий вышестоящего командования Приказом Верховного Главнокомандующего 17-й гвардейский стрелковый корпус получил название «карпатский», а помощник начальника оперативного отдела штаба гвардии майор Г.Н. Вавилов был представлен к очередной награде орденом Отечественной войны 2-й степени.

В январе 1945 года, когда 17-й гвардейский стрелковый корпус шел с боями по Словакии на запад, освобождая ее города и села от непрошенных гостей, в нем произошли кадровые изменения командования, которые повлияли на дальнейшую судьбу большого патриота своей Родины Г.Н. Вавилова.

Убыли к новому месту службы в штаб 18-й армии боевые сослуживцы Г.Н. Вавилова: командир корпуса генерал-майор А.И. Гастилевич, начальник штаба корпуса полковник В.И. Шуба и начальник оперативного отдела штаба корпуса подполковник А.П. Тофановский.

Это был спаянный, сработавшийся коллектив единомышленников, прошедший большую школу современной войны, успешно решавший любые боевые задачи, поставленные вышестоящим командованием.

Уход из корпуса боевых друзей Г.Н. Вавилова вызвал в нем желание перейти из оперативного отдела штаба на другую должность, о чем он неоднократно заявлял новому командованию корпуса.

8 февраля 1945 года приказом по корпусу он был назначен командиром 2-го стрелкового батальона 229 попрадского ордена Суворова стрелкового полка 8-й стрелковой ямпольской краснознаменной дивизии 17-го гвардейского карпатского стрелкового корпуса.

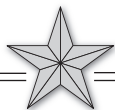
В новой должности первогвардеец Г.Н. Вавилов бил гитлеровцев до 7 марта 1945 года. На этот день командованием корпуса была запланирована очередная наступательная операция по дальнейшему освобождению Словакии. По плану этой операции 17-й гвардейский корпус должен был наступать из района Яблонки в общем направлении Бобров–Сланица.

В армейском архиве сохранился боевой приказ № 002 штаба 8-й стрелковой дивизии, в котором сообщается об обороняющемся противнике в полосе наступления 229 стрелкового полка и ставится задача этому полку по прорыву обороны и уничтожению противника.

1. Противник подразделениями 1-го батальона 13 горнострелкового полка 4-ой горнострелковой дивизии немцев обороняется по западному берегу реки Кровань, имея боевое охранение на высотах 768 и 662.

Резервы: усиленная рота пехоты в районе села Бобров.

2. 229 стрелковому полку надлежит прорвать передний край противника на рубеже мосток на шоссе на дороге Винярцикувка–Бобров, с ближайшей задачей овладеть рубежом реки Кровань (в своих

границах), в дальнейшем овладеть западной и южной опушкой рощи, что южнее высоты 650, и развивая наступление в направлении церкви, что южнее села Бобров, к исходу дня овладеть южной окраиной Сланцы, имея боевое охранение у моста на шоссейной дороге Сланцы-Устье и на проселочной дороге западной отметки 594.

В день начала наступления, 7-го марта, авиаразведка обнаружила большие колонны противника, которые двигались по шоссейным дорогам к селу Бобров.

Недооценка сил противника сыграла роковую роль в судьбе 2-го стрелкового батальона.

Согласно донесению № 52 восьмой стрелковой дивизии в штаб корпуса от 7 марта 1945 года, вначале наступление развивалось успешно: «В 7.00 без артиллерийской подготовки батальоны 229-го стрелкового полка атаковали передний край противника и ворвались в траншеи. Освободив траншеи, они начали преследование, заняли ближайшие высоты, выбили противника с оборонительного рубежа по западному берегу реки Кровань. Таким образом, в 11 часов ближайшая задача была выполнена. Преследуя противника, к 12.30 батальоны полка подошли к селу Бобров.

У села Бобров произошло непредвиденное. Противник предпринял сильную контратаку, но не силами роты, о которой говорилось в приказе № 002 штаба 8-й стрелковой дивизии, а силами 1243 и 1247-го штурмовых пехотных полков и 888-го охранного батальона с участием артиллерии, самоходных орудий и бронетранспортеров, о подходе которых докладывала авиаразведка.

В результате мощного контрудара противника 2-й стрелковый батальон попал в окружение, штаб полка с остатками подразделений отступил от села Бобров на восток и закрепился в 1 км северо-восточней высоты 614.

Из-за недооценки сил противника в корпусе не были также своевременно подготовлены необходимые резервы для отражения такого контрудара немцев и оказания помощи 2-му стрелковому батальону.

Кроме того, погодные условия в первый день наступления были крайне неблагоприятные. Сильная снежная пурга скрывала цели противника.

О том, в каких условиях дрался 2-й стрелковый батальон с нападавшими со всех сторон превосходящими силами противника, говорят скудные строки донесений заместителя командира полка по политической части 229-го стрелкового полка в политотдел штаба 8-й стрелковой дивизии: «Во 2-м стрелковом батальоне обморозилось 8 человек. Обморожение произошло при следующих обстоятельствах. Батальон выполняет боевую задачу при сильном ветре и снегопаде. Противник обстреливает батальон с трех сторон. Разводить костры нет возмож-

ности»; «Опасаясь за 2-й стрелковый батальон, который по данным командира батареи 108 минометного полка, находится в тылу противника»; «По сообщениям старшего лейтенанта Наумова, вышедшего из окружения, 2-й стрелковый батальон находится в тылу противника и пытается выйти к нам».

Вскоре наступление 17-го гвардейского корпуса было остановлено. Части 8-й стрелковой дивизии закрепились в трех километрах, не доходя села Бобров, где приступили к подсчету потерь личного состава и составлению заявок на пополнение.

Штаб 229 полка проводил поиск и узнавал судьбу не вышедших из окружения солдат и офицеров. На одну из групп офицеров был дан запрос во фронтовой госпиталь о возможном наличии в нем следующих офицеров: Гвардии майора Г.Н. Вавилова, старшего лейтенанта Н.Т. Пасова, старшего лейтенанта И.Н. Метелева, лейтенанта Н.Т. Политова, лейтенанта М.И. Умерханова, лейтенанта Н.А. Голубева, младшего лейтенанта А.Н. Шапарь.

По завершению поиска после каждой фамилии вышеперечисленных офицеров появились записи:

1. Гвардии майор Вавилов Георгий Николаевич — командир 2-го стрелкового батальона 229-го стрелкового полка пропал без вести в бою 7 марта 1945 года в районе села Бобров Тростянского округа. Чехословакия.

2. Гвардии старший лейтенант Пасов Николай Трофимович — командир 1-го стрелкового батальона 229-го стрелкового полка убит в бою 7 марта 1945 года в районе села Бобров Тростянского округа. Чехословакия. Похоронен. Труп остался на территории, занятой противником.

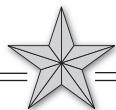
3. Гвардии старший лейтенант Метелев Иван Александрович — командир роты стрелкового батальона 229-го стрелкового полка убит в бою 7 марта 1945 года в районе села Бобров Тростянского округа. Чехословакия. Похоронен. Труп остался на территории, занятой врагом.

4. Гвардии лейтенант А.В. Политов — командир взвода 2-го стрелкового батальона 229-го стрелкового полка пропал без вести в бою 7 марта 1945 года в районе села Бобров Тростянского округа. Чехословакия.

5. Гвардии лейтенант М.И. Умерханов — командир взвода 2-го стрелкового батальона 229-го стрелкового полка пропал без вести в бою 7 марта 1945 года в районе села Бобров Тростянского округа. Чехословакия.

6. Гвардии лейтенант Н.А. Голубев — командир взвода 2-го стрелкового батальона 229-го стрелкового полка убит в бою 7 марта 1945 года в районе села Бобров Тростянского округа. Чехословакия. Похоронен. Труп остался на территории, занятой врагом.

7. Гвардии младший лейтенант А.Н. Шапарь — командир взвода противотанковых оружий 2-го батальона 229-го стрелкового полка убит

в бою 7 марта 1945 года в районе села Бобров Тростянского округа. Чехословакия. Похоронен. Труп остался на территории, занятой врагом.

Село Бобров было освобождено советскими войсками только через несколько недель. Место, где сражались и погибли в окружении гвардейцы 2-го стрелкового батальона, было перерыто воронками от снарядов, гусеницами самоходных орудий и бронетранспортеров. На такой земле было затруднительно отыскать тела всех солдат и офицеров, погибших в бою 7 марта 1945 года.

О судьбе гвардейцев 2-го стрелкового батальона и его командира сообщил в письме Зинаиде Николаевне Вавиловой друг и сослуживец Георгия Николаевича по 229-му стрелковому полку полковник Бирюков И.С. Приводим краткое содержание этого письма со слов жены Г.Н. Вавилова: «Его друг полковник Бирюков И.С. писал, что Г.Н. Вавилов погиб у села Бобров под Прагой. Место это расположено в горах, и дорога к выходу шла по горной местности, которая была блокирована немецкими частями. Фашисты на это место бросили авиацию, самоходные орудия и т.д. Батальон был разбит. Его друзья и адъютант 9 дней вели раскопки, пытаясь найти тело Георгия Вавилова, но это было трудно — в таком котловане осталась одна взрытая земля».

Поэтому судьба многих гвардейцев 2-го батальона не была установлена. В извещениях на их родину сообщалось, что они «пропали без вести».

Подобное извещение из военкомата города Ельца получила вскоре и супруга Георгия, Зинаида Николаевна Вавилова: Ваш муж, гвардии майор Вавилов Г.Н, командир батальона, уроженец г. Ельца Орловской области пропал без вести в бою 7 марта 1945 года в районе села Бобров Тростянского округа. Чехословакия».

Хотя командованию 229-го стрелкового полка не удалось выяснить последние часы и минуты жизни гвардейцев 2-го стрелкового батальона во главе с их бесстрашным командиром гвардии майором Г.Н. Вавиловым, можно с уверенностью утверждать, что, как и во всех предыдущих боях, они дрались геройски до последнего патрона, до последнего вдоха и мужественно приняли смерть в неравном бою от пуль немецких автоматчиков, осколков рвущихся снарядов и гусениц самоходных орудий и бронетранспортеров. Все они остались верны гвардейской присяге и девизу: *«Ни шагу назад, умираю, но не сдаюсь»*. Покрывая себя славой, советская гвардия в Великой Отечественной войне сыграла решающую роль в освобождении нашей страны и стран восточной Европы от немецко-фашистских захватчиков и в Победе над гитлеровской Германией.

Нет! Георгий Вавилов не пропал без вести и не ушел в неизвестность. И пусть мы не знаем последних мгновений его жизни, но мы помним, что он на всех фронтах демонстрировал непоколеби-

мую веру в Победу, стойкость, отвагу, верность и любовь к России и своему народу. Интересы Родины для него были высшим мерилom человеческих поступков.

Благодаря таким, как ельчанин Георгий Вавилов, устояла перед очередным набегом вражеских полчищ и победила Великая Русь. Он — достойный сын своего народа, подлинный герой нашего времени, человек удивительной и яркой судьбы, в лихую годину сумевший ценой своей жизни защитить любимую Родину от лютого врага, спасти человечество от фашистского рабства.

Низкий поклон и вечная память этому прекрасному человеку, который был образцом для других в мирной жизни и на войне. С него должны брать пример настоящее и будущее поколения елецкой молодежи. Он должен жить в сердцах и памяти патриотов всей России и в первую очередь его земляков до тех пор, пока будет жить и процветать на земле Великая Россия.

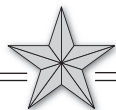
ПОДВИГ ПОЛИТРУКА СОЛОМИНА

*Пищулин Олег Владимирович, 40 лет,
инженер отдела ТСО Елецкого государственного
университета им. И.А. Бунина,
г. Елец Липецкой области*

Мой папа руководит музеем Боевой Славы ЕГУ им. И.А. Бунина. Я тоже вместе с ним занимаюсь поиском наших земляков — выпускников Елецкого рабфака и учительского института, ветеранов Великой Отечественной войны. Так, мне удалось найти Николая Георгиевича Соломина, участвовавшего в освобождении города Ельца и Елецкого района (село Воронец) от немецко-фашистских захватчиков. В этом году мы отмечаем 70-летний юбилей этой операции. В музее оформлен стенд, посвященный подвигу политрука Николая Соломина. Проводя экскурсии по музею Боевой Славы, я обязательно рассказываю школьникам и студентам о его подвиге.

Николай Георгиевич Соломин — уроженец Липецкой области, выпускник Елецкого учительского института. С боями он прошел по фронтовым дорогам до самого фашистского логова.

Не о каждом политруке роты писала в годы войны «Сталинская правда», но о подвиге Николая Соломина она рассказала достаточно подробно: отряд из 19 человек под командованием командира взвода вел бой в течение 35 часов и уничтожил более 100 солдат противника

(53 из них из своей снайперской винтовки уничтожил сам командир). Было это в деревне Бекетово Колпнянского района Орловской области.

Ночью командиры группы стояли на краю обрыва и глазами, красными от бессонницы и от напряжения недавнего боя, всматривались в весеннюю даль, где еще слышались короткие очереди автоматов и чертили небо огоньки трассирующих пуль. Внизу, в овраге трещали побуревшие льдины, неумолчно журчал озорной весенний ручей. Пришла весна, полная теплого ветра, воды, запаха свежести, древесного сока и талого чернозема.

— Пропал, — вздохнул комиссар, опуская бинокль. — А ведь храбрый мужик-то был! Все молчали. Суровая этика войны научила фронтовиков просто и скупко говорить о погибших товарищах и молча, в себе переживать горечь утрат. Так было и сейчас.

Внезапно часовой насторожился, прислушался и взял наизготовку.

— Стой, кто идет? Один — ко мне. Остальные — на месте!

Хрустнула ветка. Из темноты, тяжело переставляя ноги, показался человек. Когда он подошел поближе, стало видно его почерневшее от усталости лицо со спекшимися губами.

— Да ведь это Соломин! — крикнул кто-то.

— Вот легок на помине!

— А мы-то здесь подумали...

Командир взвода Александр Трусов безмолвно подошел к Соломину и также молча обнял его. И тут на глазах боевого комвзвода все впервые за время войны увидели слезы.

Политрука роты Николая Соломина считали погибшим. Все видели, как ночью во время нашего наступления в районе села Б., он с группой бойцов прорвался за линию вражеских дзотов, по пояс в воде миновал искусственные препятствия, устроенные немцами вокруг села, вышел из-под перекрестного огня трех вражеских пулеметов и повел бойцов в центр укрепленной немцами деревни.

На рассвете 19 храбрецов, пробираясь от избы к избе, взрывая немцев гранатами, круша прикладами, расстреливая из автоматов, пробрались в самое логово зверя, в осиное гнездо, свитое здесь немчурой. Наконец, бойцы очутились на выгоне, где стояли каменные стены двух полусожженных колхозных сараев. Один из них, большой сарай, был расположен в 50-ти метрах от другого меньшего размера, под прямым углом. Светало. Где-то справа раздавалось «ура», кругом слышался треск пулеметов.

Выбрав в качестве укрытия меньший сарай (он был ближе к домам, где засели немцы), 19 смельчаков проделали в его каменных стенах амбразуры и открыли огонь. Позиция оказалась удобной: немцы возле домов и в дзотах еще не замечали группу Соломина, а огонь их пулеметов не доставал наших бойцов за стеной сарая. Но в этой позиции были

и свои серьезные недостатки: когда рассвело, Соломин увидел, что от своих они прочно отрезаны огнем немецких пулеметов и большим сараем, в котором оказалась группа фашистов.

Через некоторое время немцы определили, что в малом сарае находятся советские бойцы. Долговязый, тонкий немец закричал на ломанном русском:

— Алле, алле, рус зольдат, здавайс! Цурюк!

Еще несколько немецких солдат стояли и сидели на толстых стенах большого сарая. Они сидели к нашим в профиль и были заняты обстрелом одного из наступающих справа подразделений.

Политрук Соломин отлично разглядел все это в оптический прицел своей винтовки и быстро, один за другим сделал три выстрела.

Снайпер Н.Г. Соломин

Три немца кубарем полетели со стены в грязь и больше уже не поднялись. Один из них был пулеметчиком, двое — стрелками.

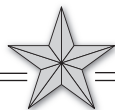
Оставшиеся в живых немцы тут же соскочили внутрь сарая и спрятались за его стенами. Раздался их пронзительный свисток, и вверх взлетела ракета.

Тотчас из домиков на другой стороне ручья высыпали немцы. Первый же из них был сражен пулей Соломина. Второго и третьего, бросившегося к упавшему, постигла та же участь. Четвертый и пятый упали через полторы минуты. А через 5 минут возле домиков валялось уже 8 трупов немецких солдат и офицеров.

Животный страх и бешеная злоба охватили немцев. Они попрятались за дома и больше уже не высывались. Трое «самых смелых» выгля-

нули, чтобы оценить обстановку, но тут же упали замертво. У Соломина появились особая острота зрения и гибкость движений. Его приказания звучали резко и твердо. Вражеских солдат метко разили и его боевые товарищи: связной Астахов, замполитрука Гульбич, сержант Кравченко, красноармейцы Анопко, Ягофаров, Жданов и другие. Немцев, появившихся дальше 300 метров, без промаха бил из своей снайперской винтовки сам Николай Соломин.

Через некоторое время фрицы открыли бешеный огонь из пулеметов и минометов. Но они немного ошиблись, вообразив, что стрельба

ведется из большого сарая, а не из малого, ближнего. Уничтожая каждого высунувшегося наблюдателя, Соломин не дал немцам возможности хорошенько разглядеть, откуда ведется огонь красноармейцев. Одним только был недоволен политрук: мины противника недостаточно метко попадали в большой сарай.

— Неважные у них стрелки, — сказал Николай Георгиевич — надо им помочь. И с этими словами, он одним выстрелом сразил немца, который попытался просигнализировать минометчикам, что они ведут огонь по своим.

Немцы начали поднимать над сараем свои каски и махать ими в воздухе, стремясь хоть таким способом дать знак своим. Но каждый раз метким выстрелом одного из 19 русских парней каска выбивалась из рук держащего его фашиста.

В эти часы политрук и снайпер Соломин чувствовал необыкновенный прилив сил и энергии. Он и его бойцы досылали мелкие пули в разные концы деревни, не обнаруживая себя и вызывая в стане врага общую панику: его меткими выстрелами было уложено еще 14 фашистов.

Наконец, немцы решили хотя бы ценой жертв, штурмом со всех сторон одновременно, но взять сарай и находящихся в нем людей. Для этого они стали накапливать силы в домике невдалеке от малого сарая. Шли в этот домик они обходным путем через ручей. От глаз наших снайперов дорожку загораживали ветки кустарника. Тогда боец Коваленко ползком добрался до кустарника и обломал ветки, мешавшие прицеливаться.

Теперь все немцы, спускавшиеся по тропинке в обход, оставались лежать там навеки.

Невероятно, но до 3-х часов дня немцы так и не смогли узнать, где находится группа советских бойцов. Они все свои усилия сосредоточили на своей же немецкой огневой точке, то есть на большом сарае, полагая, что там и засел «рус зольдат».

Только после 3-х часов дня одному немцу чудом удалось выскользнуть из большого сарая и сообщить, наконец-то, своим, где прячутся красноармейцы. И почти сразу же минометный огонь был перенесен на малый сарай. Трое из наших бойцов были убиты.

Но меткий винтовочный огонь не прекращался. Еще 9 фрицев пали замертво, в ответ на смерть трех боевых товарищей Соломина.

Потеряв надежду выбить наших бойцов из колхозного сарая, превращенного в маленькую, но надежную крепость, сотни немцев, вооруженных автоматами, просят огневого подкрепления. По сараю начинает бить артиллерия. Немцы стреляют бронебойно-зажигательными снарядами. Погибают еще три советских бойца: рядовой Жданов, лейтенант Сенько и еще один, фамилия которого не известна, трое были ранены, в том числе и Соломин, но он продолжал руководить боем. Меткий винтовочный огонь из маленькой, осажденной со всех сторон

крепости, не утихал. Сержант Охотников уничтожил 8 немцев, 18-летний Коваленко и 19-летний Стоевский убили по 7 фрицев каждый. Троиш сразил Владимир Варилко и четырех — Владимир Стельмах.

— Ребята, экономьте патроны! — предупреждает Соломин, укладывающая еще одного фрица.

— Стрелять только наверняка!

— Экономим, политрук, — отзывается Стельмах.

— Решено: до последнего, потом в рукопашную, — добавляет Стоевский. — Только через наши трупы войдут эти гады сюда, — кричит Коваленко.

В это время Соломин замечает, что у ближайшего к сараю домика появляется новый пулеметчик. Это совсем молоденький солдатик. Он быстро залегает в канаву, и Соломин видит сквозь линзы своего оптического прицела, как тот отбрасывает пилотку, надевает шлем, ложится поудобнее... и очередной выстрел политрука отправляет фашистского выкормыша на тот свет к его арийским прабабушкам.

К вечеру немцам удастся накопить в большом сарае немало солдат. Они готовятся штурмовать малый сарай. 13 оставшихся в живых героев вставляют запалы в ручные гранаты. Сгущаются сумерки, и мертвенно-бледный свет многочисленных немецких ракет придает панораме боя фантастические очертания.

Патроны на исходе, и Соломин отдает приказ: взять раненых, забрать все документы убитых, все оружие и приготовиться к прорыву.

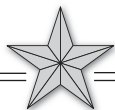
Когда одна немецкая ракета стала угасать, а другая еще не зажглась, герои оставили укрытие и бросились между большим сараем и немецким дзотом. Когда зажглась новая ракета, они залегли. Ничего не подозревая, немцы по-прежнему обстреливали малый сарай.

Погасла ракета, и 13 смельчаков продолжили путь к своим.

В два часа ночи, после непрерывного 35-часового боя, группа бойцов Николая Соломина вернулась в свою роту. В этом исключительном бою бывший студент Николай Соломин уничтожил из своей полуавтоматической винтовки с оптическим прицелом 53 гитлеровца, а всего 19 бойцов вывели из строя более 100 солдат противника.

Через некоторое время дивизионная газета «Сталинская правда» под крупным заголовком «Боец и командир, бей врага по-соломински» отмечала, что 35-часовой бой, который вели в тылу врага наши бойцы, показал их умение в совершенстве владеть русской винтовкой. В руках опытного бойца она — грозная сила. Против винтовок 19 советских воинов не устояли ни автоматы, ни пулеметы, ни минометы, ни даже артиллерия врага.

С именем Николая Соломина в дивизии связано множество славных боевых страниц. Высокий, худой, с острым взглядом, всегда подтянутый, аккуратный, он вызывал всеобщее уважение.

Зачинатель снайперского движения в дивизии, он умело сочетал политработу с активным обучением снайперскому мастерству бойцов своей роты. Позже он был назначен инструктором снайперского дела 13-й армии.

Однажды перед днем Победы Николай Георгиевич, беседуя с корреспондентом одной из газет, раскрыл секрет своей сверхметкой стрельбы на фронте: «Незадолго до войны я окончил осоавиахимовскую школу снайперов. Взял I место на областных соревнованиях общества «Спартак» в парной стрельбе по движущимся мишеням.

Вообще я был спортсменом, занимался хоккеем, лыжами, плаванием. Но больше всего любил стрелковый, кавалерийский и мотоциклетный спорт. А в наградном кармане моего пиджака я долго носил три маленьких книжечки, которые побывали со мной в том 35-часовом бою: удостоверение «Ворошиловского всадника», права спортсмена-водителя мотоцикла и билет снайпера».

Как видно из слов Николая Георгиевича, он заранее готовил себя к предстоящей решительной схватке с врагом, боевому экзамену, в котором проверяются все основные качества человека. И этот суровый экзамен он и его боевые друзья выдержали на отлично как верные сыновья своей Отчизны.

После победы Н.Г. Соломин продолжил военную службу. В звании генерал-майора он вышел в отставку, успев передать молодым бойцам свой богатый боевой и жизненный опыт.

Николай Георгиевич умер 11 июня 1989 года. Но осталось его обращение к молодому поколению. Вот оно:

«Прошло уже много лет после войны. Многие стирается в памяти, но память о товарищах, друзьях, с кем рядом шел к Великой Победе, никогда не сотрется. Многие миллионы прошедших через горнило войны моих сверстников, — не дошедших до атакованного населенного пункта, не успевших преодолеть проволоку концентрационного лагеря, не доплывших до берега форсируемой реки, в жизни не брившихся, не докуривших последней папиросы, не получивших девичьего поцелуя, кроме прощального поцелуя матери, провожавшей на фронт, — отдали свою жизнь за великое дело Победы. В мае 1975 года мне выпало счастье встретиться с живыми свидетелями Победы, из тех, кто воевал в 13-й армии и в нашей 148-й Краснознаменной ордена Суворова Черниговской дивизии.

Головы участников встречи давно убелены сединой. Все они без передышки после тяжелых испытаний много сделали для послевоенного восстановления нашей Родины, не жалея сил передавали свой боевой и жизненный опыт младшим поколениям. Передавали и до сих пор передают этот опыт с большой отеческой заботой, чтобы научить молодых людей любить и защищать свою Родину так, как любили и

любят ее представители старшего поколения, пролившего свою кровь на фронтах Великой Отечественной войны.

Очень хочется, чтобы молодое поколение всегда следовало боевым и трудовым традициям своих отцов и старших братьев.

Н. Соломин»

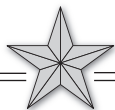
СВЯЗИСТ

*Веренич Марина Ариевна, 48 лет,
заместитель директора по воспитательной работе
ГУО «Гимназия №6 г. Бреста имени Маршала
Советского Союза Жукова Г.К.»,
г. Брест, Республика Беларусь*

Мне довелось познакомиться с этим замечательным человеком на одном из классных часов в 2004 году. В то время в гимназии обучался его внук Алексей Лозаненко, который однажды сообщил, что его дед настоящий герой. Я попросила мальчика собрать материал о дедушке и пригласить его на встречу с гимназистами. По сей день чувства восхищения этим человеком, его подвигом переполняют мое сердце. Мне хотелось, чтобы о нем знали и им гордились не только его близкие и родные, жители города Бреста, но и его земляки, смоляне, а также туляки и москвичи, организовавшие замечательный конкурс эссе «Я горжусь, подвигом отцов, дедов и прадедов», и все те, кто возьмут в руки книгу «Мы помним...».

Герой Советского Союза Константин Фролович Лозаненко родился 4 декабря 1923 г. в небольшой деревеньке Степаново, в исконно русских местах, что находятся в Смоленской области, в семье крестьянина-бедняка. Рос он физически крепким, так как рано познал тяжкий крестьянский труд. В 1932 году родители переехали в город Ярцево, где стали работать на прядильно-ткацкой фабрике имени В.М. Молотова. Когда началась война, семья эвакуировалась в Пензенскую область, в село Константиновку Терновского района, где Константин сначала работал в колхозе, а потом был призван в армию. За короткое время овладел специальностью связиста и в августе 1942 года был отправлен на передовую, в самое пекло, под Сталинград. В составе 76-го укрепительного района под Сталинградом 26 августа получил первое боевое крещение.

Первое время молодому необстрелянному солдату, конечно, было страшно вато обеспечивать бесперебойную связь во время боя, когда над головой постоянно кружат вражеские бомбардировщики, рвут-

ся снаряды, свистят пули. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают, привыкать пришлось быстро, ведь связь — это глаза и уши командиров.

После разгрома вражеских войск под Сталинградом Константин Фролович был переброшен под Белгород в 25 стрелковый корпус, 133 отдельный гвардейский батальон связи. В июле 1943 года немецкие войска прорвали оборону на Белгородском направлении, перешли в наступление и продвинулись вглубь на 5–12 км. Вскоре были остановлены и обращены в бегство. Наши войска стали преследовать отступающего противника. Связисты, конечно, всегда были на переднем крае.

Когда наши войска подходили к Днепру, необходимо было установить проводную связь через реку, чтобы обеспечить успешное ее форсирование. Командир роты связистов поручил эту ответственную задачу, умеющим плавать добровольцам: рядовому Лозаненко, сержанту Белойваненко и старшему сержанту Чернышову. Ими были подготовлены два телефонных аппарата, провод, покрытый озокеритом, чтобы не было утечки тока.

Утром 25 сентября 1943 г. они подошли к реке Днепр и стали наблюдать за правым берегом, на котором находилось большое село Бородаевка.

Видно было, как там свободно передвигались немецкие солдаты и офицеры. Удалось засечь много огневых точек противника. Справа от наших солдат находился остров, на котором также находились немцы. Когда стало темно, на воду были спущены лодки; на одну из них установили деревянный барабан с проводом и товарищи отплыли. Рядовой Лозаненко оставался дежурить у телефонного аппарата на левом берегу реки. Неожиданно со стороны противника в воздух взвились осветительные ракеты, и вся группа наших бойцов стала видна на поверхности воды, как на ладони. Противник тут же открыл ураганный огонь со всех видов оружия. На правом берегу завязался бой. Нужно было срочно налаживать связь с правым берегом. Лозаненко нашел лодку, загрузил провод и спешно отправился на правый берег, вслед за товарищами. Стало рассветать. Бой не прекращался, вокруг рвались снаряды, трещали автоматные очереди. Метрах в семидесяти от правого берега им

*Герой Советского Союза
К.Ф. Лозаненко*

были обнаружены остатки разбитой лодки. Привязал провод к лодке, огляделся и тут заметил, что с правого берега к нему плывут два человека. Это были сержант Белойваненко и старший сержант Чернышов.

Соединившись с товарищами, Лозаненко решил достать барабан с проводом на поверхность воды. Первая попытка была неудачной, его отнесло течением. Со второго раза барабан был поднят, и затем провод был успешно протянут до правого берега. Подключили телефонный аппарат и связь, которую так долго ждало командование, была установлена. В течение 11 суток, пока переправлялись наши части, связистам приходилось вместе с пехотинцами отбивать по 10–15 атак противника в день, передавать координаты огневых точек. За форсирование реки Днепр, обеспечение бесперебойной связи многим пехотинцам и связистам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

После освобождения города Кировограда в феврале 1944 года К.Ф. Лозаненко был отозван в Москву и направлен в военное училище связи. День Победы 9 мая 1945 года он встретил в городе Киеве в училище связи. Для него этот день стал самым радостным днем в его жизни. По окончании училища он был направлен в звании младшего лейтенанта в г. Миргород на должность командира взвода связи. В честь 30-летия Победы над немецко-фашистскими захватчиками ему было присвоено военное звание майор. В настоящее время К.Ф. Лозаненко подполковник запаса, находится на заслуженном отдыхе.

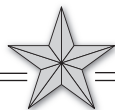
Когда Герою Советского Союза Константину Лозаненко исполнилось 85 лет, ветерана тепло поздравили представители городского исполнительного комитета и комитета по труду, занятости и социальной защите облисполкома, руководители городской и областной ветеранских организаций. «Ваша биография изобилует примерами мужества и героизма, — обратился к юбиляру заместитель начальника отдела идеологической работы горисполкома Сергей Дубина. — Ваши высокие нравственные качества отмечают все, кто Вас знает. И сегодня я говорю Вам: мы Вас помним, Вы нам нужны!..». Константину Фроловичу преподнесли в подарок от горисполкома микроволновую печь.

Ветеран от души поблагодарил за внимание и попросил фотокорреспондента «БВ» «щелкнуть» его на память вместе с собравшимися в этот торжественный день у него дома.

...А я храню сочинение моего ученика, внука К.Ф. Лозаненко:

«Был знойный июнь 41-го. Мог он остаться обычным днем, разве что с радостными моментами для некоторых людей: кто-то родился, кто-то женился, кто-то отпраздновал свой первый школьный бал. Но стал тот 22-й день июня черным в судьбе миллионов, в том числе белорусов, каждый четвертый из которых погиб в огне войны.

Годы отодвигают все дальше и дальше этот горький день начала Великой отечественной войны. Прошло много лет. Сколько новых

людей родилось! Дети войны стали уже стариками. На месте руин поднялись новые города. Но память о той страшной войне живет. Потому что у бабушки висит над кроватью портрет ее отца — совсем молодого. Потому что болят у дедушки раны и стонет он по ночам. Потому что написаны пронзительные книги о той войне. Потому что смотрят с экрана герои той войны. Потому что живы еще люди, прошедшие военные ад.

В нашей семье дедушка рассказывает о военных годах. Он всегда говорит: «Война отбирает у человека все, что ему дорого, угрожает и самой жизни». Как только началась Великая Отечественная война, дедушка был призван в Красную армию. Он участвовал в обороне Сталинграда, сражался на Воронежском, Степном и 2-м Украинском фронтах. За мужество, проявленное в боях, был награжден орденом Отечественной войны второй степени и медалью «За отвагу». За героизм, проявленный при форсировании Днепра, дедушке Лозаненко Константину Фроловичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза.

Дате начала Великой Отечественной войны суждено остаться черной. О ней напоминают колокола Хатыни, мемориал Брестской крепости, череда фамилий на памятниках, безымянные могилы. Победа наших воинов вызывает у меня чувство благодарности к своим отцам и дедам, стремление быть достойным их ратной и трудовой славы. Они победили и завоевали для нас право жить под голубым, мирным небом. А мы должны оказывать посильную помощь ветеранам. Рядом с нами и они молодеют душой.

Нет, никто не забыт и ничто не забыто!»

НАСТАВНИК

*Залетин Сергей Викторович, 49 лет,
инструктор-космонавт-испытатель
Центра подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина,
депутат Тульской областной Думы,
г. Звездный Московской области*

Что такое подвиг? Кто-то из великих сказал, что это те особенные наши поступки, которые живут дольше нас. Именно поэтому мы помним и поныне подвиг участников битвы под Москвой и защитников Тулы, хотя прошло уже семь десятилетий с той жестокой и страшной осени сорок первого года.

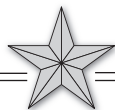
Вспоминая героев Великой Отечественной войны, мы не всегда до конца осознаем роль той самой «памяти народной», которую надо беречь, чтобы не допустить новые войны, чтобы не повторить ошибок прошлого, чтобы новые поколения не выросли циничными и жестокими.

В детстве мне очень повезло: оно пришлось на мирное время, в окружении замечательных учителей и наставников, в атмосфере гордости за свою страну, уважения к старшему поколению, ощущения, что все по плечу человеку труда — стоит только захотеть. Нас учили на подвигах героев замечательные учителя и наставники, «вкладывающие» свою душу в любое дело, за которое они принимались. Кроме того, они воспитывали своим примером и оказывали огромное влияние на судьбы учеников.

В школе у нас был военрук — подполковник Виктор Андреевич Сидоров. После третьего класса он пригласил нас, несколько человек, в кружок по основам военного дела. Занимался с нами через день после уроков общефизической подготовкой, стрельбой из мелкокалиберной винтовки, зимой — лыжами, летом — легкой атлетикой. При этом, конечно же, не обходилось без душевных разговоров на разные темы. Мы обсуждали героев книг и кинофильмов, советовались по поводу возникающих проблем и жизненных планов, расспрашивали его о войне. Он сильно повлиял на то, что я стал летчиком. А еще однажды мы увидели в небе марш боевых истребителей МиГ-17, и моя мечта стала целью жизни. В 1983 году я поступил в Борисоглебское военное училище, освоил несколько типов самолетов.

А в детстве мне очень нравилась книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Я был поражен мужеством и силой воли отважного летчика Алексея Маресьева. Без ног, на протезах он научился не только ходить, танцевать, но и летать, вести воздушные бои. Позднее, когда я служил летчиком-истребителем в Смоленской области, я отчетливо понял мотивы того огромного желания летчика вернуться в строй. Это был гвардеец, заместитель командира эскадрильи 63-го гвардейского истребительного авиаполка. Любой гвардеец уже по определению герой, он причастен к подвигам своей гвардейской части. Поэтому огромное значение имело переименование отличившихся в ходе Смоленского сражения под Ельней четырех стрелковых дивизий (100-й, 127-й, 153-й и 161-й) в гвардейские (1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю, соответственно) в сентябре 1941 г.

Гвардейцами были и трижды Герои Советского Союза летчики-асы Иван Никитович Кожедуб (1920–1991) и Александр Иванович Покрышкин (1913–1985). К сожалению, большинство современной молодежи не знает этих имен, а мы, советские мальчишки восхищались их подвигами. Каждый знал, что на счету Кожедуба было 62 сбитых

самолета противника, больше всех среди советских летчиков. В своих книгах «Служу Родине» и «Верность Отчизне», он описывает свои впечатления интереснее, чем в некоторых детективах. В советское время считалось, что Покрышкин сбил 59 вражеских самолетов, сейчас цифры называются разные (мне встречались до 113). К концу Второй мировой войны он стал самым известным в мире летчиком. Известно, что немцы боялись появления его самолета уже с весны 1943 г. «Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!» — предупреждали немецкие посты оповещения, используя агентуру. Он автор ряда интереснейших книг: «Крылья истребителя», «Твоя почетная обязанность», «Небо войны», «Познать себя в бою», «Тактика истребительной авиации». Он писал: «Самым главным, самым священным для меня всегда был долг перед Родиной. Я не останавливался перед трудностями, если они вставали на моем пути, не хитрил ни перед своей собственной совестью, ни перед товарищами. В бою старался как можно лучше выполнить поставленную задачу...» [1, с. 327].

Сегодня фальсификаторы истории пытаются всячески преуменьшить подвиги наших летчиков — якобы немецкие асы имели на своем счету больше сбитых самолетов, по несколько сотен. Но дело в том, что учет воздушных побед осуществлялся немцами и нами по-разному. В зачет нашим истребителям не шли сбитые самолеты, если они падали над территорией противника, то есть не было вещественных доказательств. К тому же, наша национальная специфика — когда, например, опытный Покрышкин не раз записывал сбитые им самолеты на счет молодых летчиков для поднятия их духа.

Для того, чтобы уметь отличить правду от лжи, нам необходимо сохранение той самой «памяти народной» с ее темными и светлыми сторонами. Необходима связь отцов с сынами, связь поколений. Подвиги отцов — основа для подвигов сынов. Когда я проходил жесткий и длительный конкурсный отбор в отряд космонавтов (сначала из 64-х человек был выбран в числе шестерых, потом остался один из этой шестерки), не раз с благодарностью вспоминал военрука Сидорова. Именно он научил терпеть, не бояться трудностей, добиваться поставленной цели. А для этого надо быть крепким и физически, и умственно, и нравственно.

Литература

1. Покрышкин А.И. Небо войны. М., 1975.

Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний

НАШЕ ВОЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

*Наумова Галина Романовна, 64 года,
доктор исторических наук, профессор исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
действительный член Академии философии хозяйства,
г. Москва*

Историю писать, с нашей точки зрения, можно только тогда, когда за людьми, делавшими эту историю, уже закрылась дверь. Тогда можно стучать в эту дверь, открывать ее, думать о том, что там было.

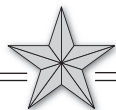
На лихом коне...

Не каждое поколение, жившее на земле, сталкивается с военными испытаниями, и не все люди, принадлежащие к одному поколению, выносят на своих плечах победу. Хотя причастными к войне в той или иной форме оказываются все.

Не написана еще история тех, кто вынес на своих плечах победу в Великой Отечественной войне. Да, мы знаем, что жертв среди мирного населения было в численном отношении больше, чем среди фронтовиков. Жертвами войны стали блокадники Ленинграда, жители, перемещенные немцами в тыл германской армии, брошенные в концлагеря, истребленные захватчиками жители центральной России, и о них надо помнить и думать всегда.

Жертвы войны и герои войны. Наши отцы были героями войны. Они на своих офицерских плечах вынесли ее удачи и неудачи. Тяжесть неудач тоже была на них. А груз победы был почти невыносим, поскольку на плечи тех, кто выжил, лег вес победы, принадлежавший и тем, кто не выжил.

Для историков всегда важен источник. Тем более важен источник, максимально приближенный к человеку. Потому так любим мы пись-

менно зафиксированные и устные воспоминания, дорожим каждым сказанным словом. Как она начиналась, война, для каждого из тех, кто дошел до победы, и для тех, кто не дошел. Казалось невозможным дойти до победы тем, кто принял в ней участие в ее первые дни. Мой отец Наумов Роман Кузьмич (1912–2003) дошел. Вот его воспоминания (записано с его слов в 2000 году).

Ленинградское кавалерийское училище (лето–сентябрь 1938 г.). Забрали молодца. Всего два человека из призывников имели среднее образование, художник Поляница и я. Заведующий ленинской комнатой, политический деятель, комиссар предложил: «Сейчас идет набор в Ленинградское кавалерийское училище». После длительного сопротивления дал согласие. Меня соблазнил 45-суточный отпуск. Отгулял. Первое Краснознаменное ЛКУ.

Обучение в училище. Вспоминается светлое, чистое, хорошо организованное пространство. Манежи замечательные. Кони замечательные. Велась целенаправленная подготовка офицерских кадров. Бывшее Константиновское, дореволюционное. Отличные офицер-преподаватели, все офицеры царской армии. Командир кавалерийского цикла — Кузинин. Он нас и воспитывал. Он нас муштровал с достоинством, тщательностью, добросовестностью. Строгий офицер. Жена с ним здесь же была, жила здесь же, в училище. Она его на фронте вытащила с поля боя.

Уход за конями. Как в кавалерии, так и в артиллерии уходу за конями уделялось первостепенное значение. Ежедневно четыре часа чистки, скоблечки, расчесывания, мытья. Тренировки на конях. Курсанты исполняли все приемы: соскакивать на ходу, рубить пашкой, переворачиваться в седле, вольтижировка, акробатика — все отрабатывалось.

Сама чистка очень тщательная, ни один человек за собой так не ухаживает, как кавалерист за конем. Конь разрешает ухаживать. Все инструменты очень чистые. Коренник «Ехидный» москвичу Савину пока тот ремень на позвоночник не положит не дает себя чистить.

В училище коней совершенно диких доставляли. Это называли «ремонт». Как зверь в стойле, на цепи, чтобы разрешил чистить, а надо обучить, чтобы можно было ездить. Сначала Кузинин гоняет на веревке «ремонтного», гоняет и лупит до пены. У комвзвода был конь, Разбойник, так и загнал себя. В Луге на аэродроме загнал. Коню одевалось мягкое седло. Он встает на задние ноги и переворачивается. Примерно один месяц гоняют с мягкими седлами. Потом — настоящее седло. Бегают, манеж шикарный. Тогда Кузинин курсантов в седло. Конь и курсант привыкают и становятся неразделимой единицей. В то время в артиллерии пушка, коренник и два пристяжных.

Теоретическая подготовка. Училище давало только среднее образование. Но была и культурная программа, воспитательная. Напротив технологическое училище, оттуда приглашали девушек. Девчонки в очередь, чтобы пропустили на вечера. Их спрашивали: «К какому курсанту?», и вызывали избранника. Вечера бывали часто. Торжественно, красиво. Танцы со всем необходимым этикетом.

Началась финская война, и нас забрали. Попал в досрочный выпуск в чине младшего лейтенанта. Распределили в 314-й пехотный полк, заместителем командира батареи.

Финская кампания — тяжелейшее испытание воинской доблести, мужества, неприхотливости. Финская армия была хорошо подготовлена, исходя из условий местности. Подготовка индивидуальная выше, чем у нас.

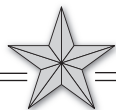
Стояли под Ленинградом на реке Сестре. Обывательское мнение, что война не нужна, но простая дивизионная артиллерия могла обстреливать Ленинград — на таком расстоянии находились финны. Первое время находились в обороне. Никаких эксцессов. Видели, как их повара носят жратву. Эхо в лесу. Мирно, тихо сосуществовали.

В район нашей дивизии прилетел снаряд. Откуда прилетел — никто не может определить. Наше правительство сочло, что это провокация, и объявило войну.

Началась финская война, тяжелейшая, в суровых зимних условиях. Потери колоссальные. Финны вели умную оборонительную войну. С нашей стороны техника, а у них — индивидуальная подготовка.

Ехал в штаб за деньгами по тропинке сквозь болота. Конь провалился, я упал под коня и сломал ногу. Деньги привез, и меня отправили в госпиталь, в Ленинград. Я шел пешком 20 километров по шоссе. В госпитале в Ленинграде один месяц в гипсе. После этого отправили служить в Медведь. Старые царские казармы. Был командиром курсантского взвода. В Медведе пять тысяч человек. Четвертый запасной артиллерийский полк. Из Медведа после комплектования пополнения я — заместитель коменданта эшелона, станция Шимск, примерно три-четыре тысячи человек.

Приехали в Териоки в самый разгар войны. Териоки взяты. Я видел эту войну в Териоках. Там вели войну казаки. А у финнов женский батальон смерти, им командовала жена русского офицера. Парк в центре города, батальон попал в окружение в парке. Им предложили сдаться, они не соглашались сдаться в плен, и казаки отправили парламентариев для ведения переговоров — пять человек. Все шло нормально, потом у командира батальона нервы сдали. Она оттолкнула пулеметчиц, села за пулемет и в упор расстреляла делегацию. Казки в

отместку весь батальон порубили на куски саблями. Ни одной не оставили. Трупы собрали и сложили в сарай.

Я вернулся в Медведь обучать курсантов. Война с финнами закончилась, перемирие состоялось. Запасной артиллерийской полк расформировали, и меня перевели в Ленинград, в 252-й Краснознаменный артиллерийский полк, на Охту. Охтенские казармы, командир взвода, потом зам. командира батареи.

Обычная армейская жизнь, 1939–1940 годы. Но в армии все знали, что войны с немцами не миновать. Переговоры шли, но армия готовилась к серьезной войне. Хотя батальонный комиссар и агитаторы успокаивали, но кадровые офицеры и солдаты понимали: войне серьезной быть. И противника знали; знали, что он сильный, что туго будет. Знали, чего не хватало: не имели авиации, не было хороших танков. Т-26 называли «смертью», «братской могилой». Знали, что новая техническая документация была, знали, что заводы вывезли в Свердловск, что танки делали там, а самолеты собирают везде. У нас была только артиллерия. Наша артиллерия лучше, мобильнее германской, кадры хорошие. Еще Аракчеев создал. До конца войны наша артиллерия не уступала немецкой в дальности, точности, мобильности.

22 июня 1941 года. Наша 70-я Краснознаменная стрелковая дивизия стояла в лагерях Левашово, Песочная, Осиновая Роща. Нам комиссары из политуправления фронта продолжали читать лекции, дезориентировали своей пропагандистской болтовней. О том, что немцы сосредоточили свои дивизии на границе, мы уже знали.

22 июня 1941 года я решил поехать на станцию Куоккала, в музей Репина. У Репина в студии стоял незаконченный портрет Пушкина. После осмотра музея пошел в ресторан, на Октябрьский проспект, перекусить. Хороший ресторан. И в это время по радио объявили: «Выступает министр иностранных дел В.М. Молотов». Он объявил, что Германия напала на Советский Союз, и идут бои на границе, в стране всеобщая мобилизация. Я попросил официантку быстро рассчитать. Я остановил проезжавший ЗИС, водитель подвез меня до станции, и я вернулся в дивизию. Палатки были сняты, все собрано, ждали приказ о марше. Наша дивизия была полностью укомплектована. Солдаты, которые пришли на подготовку, домой не вернулись, остались в дивизии, и по приказу вся дивизия ночью снялась, была переброшена на Карельский фронт и заняла оборону против финской армии, по «Линии Маннергейма» (царский конюшенный генерал), где мы простояли один месяц, даже двадцать дней всего. Все солдаты наши участвовали до этого в финской кампании.

ПИСЬМА С ВОЙНЫ — ДУХОВНОСТИ НАШЕЙ ИСТОКИ

*Материал подготовлен
Советом музея МБОУ «Дубровская №1 средняя
общеобразовательная школа»
имени генерал-майора Никитина И.С.
Руководитель — Жукова Т.Г.,
п. Дубровка Брянской области*

*И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств перечтем.*

И. Уткин

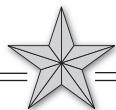
Все дальше уходят от нас грозные годы Великой Отечественной войны, но не меркнет со временем слава героев. Мир подвига неисчерпаем. Имена многих героев, рядовых и маршалов минувшей войны, мы знаем по книгам, спектаклям, песням, кинофильмам. Но есть источники, которые потрясают сильнее и глубже. Это — фронтовые

*Фронтовые письма выпускников школы
И. Власова, С. Попова, М. Головнева*

письма. По статистике военных лет, с 1941 по 1945 год в армию и на флот ежегодно доставлялось до 70 млн писем и примерно столько же шло с фронта родным и близким. Они шли не в конвертах, на них не было марок. Они были сложены треугольниками. На письмах и на открытках ставились специальные штампы: «Проверено цензурой». В этих письмах надежда и мечта, любовь к матери, жене, детям, к родному Брянскому краю, Отечеству. Их писали в окопах, землянках, блиндажах, на полевых аэродромах, лафетах пушек,

на броне танков, в отсеках боевых кораблей. Писали под гром канонады и в минуты затишья. В обороне и на марше, в короткие минуты привала. В этих письмах человек предстает перед нами обнажено,

во всем своем естестве, ибо не может он лгать в предсмертные часы и минуты ни себе, ни миру. Живые, подлинные слова, пришедшие к нам из тех далеких «сороковых, роковых», сегодня звучат с еще большей силой. Эти слова незримой нитью протянулись из прошлого в будущее, нерасторжимо связав многие поколения узами святой исторической памяти.

В музее Дубровской средней школы № 1 уже много лет бережно хранятся бесценные реликвии — фронтовые письма выпускников, погибших в боях за Родину.

«...Здравствуй, мама! С приветом Саша. Я решил написать тебе... Мама, мне хочется написать тебе много-много, но не хочется делать этого впустую, так как я не уверен, получишь ли ты мое письмо. Если получишь, то пиши все и обо всем: кто жив, кто погиб. Мама, сейчас я не в авиации, я — танкист. Почему я стал танкистом, напишу позже. Мама, я уже не тот Саша, которого вы знали в 41 году. Военное звание мое — техник-лейтенант. Одним словом, офицер Красной армии. Пока до свидания, целую вас... Передавай привет моим друзьям. Мама, обязательно напишите мне обо всем и обо всех. Мой адрес: полевая почта 32600. Целую. Саша».

Старший лейтенант Александр Семенович Головнев, 1923 года рождения, погиб в бою под Киевом в 1943 году.

Карл Павлович Якутенко родился 19 декабря 1923 года. За пять дней до начала войны окончил среднюю школу в Дубровке. Добровольцем записался в местный истребительный батальон. В ночь с 25 на 26 июня, патрулируя местность, Карл и его школьный друг Николай Борисов (позже он станет храбрым партизаном-подрывником, легендарным разведчиком Первой клетнянской партизанской бригады, будет награжден орденом Красного Знамени, а в самом конце войны погибнет под Варшавой) с помощью местных жителей задержали в деревне Федоровка шпиона-диверсанта.

Вскоре Карл получает повестку и отправляется в Майкоп для учебы в бронетанковом училище. 17 декабря 1941 года он пишет матери и сестре Лене: *«Учусь в БТУ неплохо, имею благодарность от старшины и командира батальона. Взысканий нет».* В письме он спрашивает о своих друзьях (он вообще очень часто в письмах вспоминал своих друзей, просил рассказать об их судьбах, выслать адреса): *«Где Володя Резников? Где Миша Липкин?»* (Миша Липкин, смелый летчик-истребитель, будет громить фашистов под Москвой и Сталинградом, под Курском и Белгородом, под Брянском и Минском. Он погибнет в бою 12 декабря 1943 года.).

Из письма К. Якутенко матери: *«Продолжаю учиться. Учусь довольно хорошо. Здесь чисто летняя погода. Деревья уже распустились. Кругом зелень. Красота. Поменьше волнуйся. Обо мне не беспокойся.*

Я не думаю осрамить фамилию Якутенко. И будь уверена, мамочка, что не один Курт, Ганс и Фриц найдут себе могилу под гусеницами моей машины. Гитлер будет разбит. Будь уверена. И капля моего труда будет влита в это всеобщее дело».

Карл рвется на фронт, в бой, в самую гущу событий: *«Скоро мы сядем на грозные машины, и проклятым палачам никогда не видеть от нас пощады. Это будут страшные бои. И свидетелями их будут толькодохлые фашисты да мы».*

В июле 1942 года курсант Якутенко успокаивает маму: *«Мамочка! Прошу обо мне не беспокоиться. Мы с тобой после разгрома гитлеровской саранчи еще походим в лес за грибами! Ведь верно?!»*

Фашисты все ближе подходили к Майкопу. В один из дней курсантов бронетанкового училища бросают в бой. Враг отступил. Многие курсанты погибли или были ранены. Получил ранение и Карл Якутенко. В письме от 26 июля 1942 года он вновь успокаивает маму: *«Вы спрашиваете, чем я болел. Так, пустяк, маленькая царапина. А ты, мамочка, поменьше волнуйся. Ведь в конце концов я пойду на фронт».*

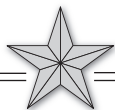
И вот радостная весть: учебе конец, их отправляют на фронт: *«Будем беспощадно бить немецкую сволочь. И будь уверена, мамочка, что мой танк будет не из последних».*

Три месяца командир танка Т-34 Карл Якутенко участвует в боях за Кавказ. Он опять получил ранение и вновь успокаивает своих: *«На фронте малость царапнуло, но это пустяк в полном смысле этого слова. Я тоже кое-кого царапнул, но, надеюсь, покрепче. Выходит, что я не только отквитал долг, но и дал еще взаймы. Вы, дорогие, за меня не волнуйтесь. Я вам говорил, что вам за меня краснеть не придется».*

После выздоровления — опять на фронт. Из письма от 1 декабря 1942 года: *«Наконец опять на фронт. Пишу прямо в вагоне эшелона, идущего для того, чтобы еще шире и глубже пробить дыру Ржев-Великие Луки. Грозные машины пока еще мирно стоят, покрытые брезентом. Но и под его широкими складками чувствуется величие стальных мстителей».*

Танковый взвод лейтенанта Якутенко в составе 100-й танковой бригады Центрального фронта с ходу вступил в бой. Задача — перерезать железную дорогу Ржев—Сычевка.

9 декабря 1942 года Карл Якутенко написал последнее в своей жизни письмо: *«Выбрал минуту, чтобы черкнуть пару строк. Нахожусь уже пять дней на фронте. Сегодня иду в атаку. И я горд сознанием того, что в бой иду коммунистом. Я в бригаде вступил в партию. И теперь буду громить проклятых фрицев с еще большей энергией. Ну, вот пока и все...»*

Лейтенант Карл Павлович Якутенко, 1923 года рождения, погиб в бою 12 декабря 1942 года. Похоронен в селе Аристово Сычевского района Смоленской области.

Со старой фотографии на нас внимательно смотрят из далекого 1939 года выпускники Дубровской школы. Среди них Борис Левитин. Борис был любимцем школы, секретарем комитета комсомола. За особые успехи в учении получил аттестат с отличием, который давал ему право без экзаменов поступать в любой ВУЗ страны. Левитин поступил в Московский институт стали и сплавов. Потом были советско-финляндская война, Ленинградское артиллерийское училище и фронт.

Первое письмо с фронта семья получила от Бориса 29 июня 1941 года: *«Здравствуйте, мои дорогие! Во-первых, сообщая, что я здоров. Не знаю, дойдет ли это письмо мое до вас. Ваши письма, которые вы писали мне в Лугу, я не получил. Ответить сразу не мог, так как с 22 июня, с момента начала войны, ни днем, ни ночью не было свободной минуты... Мои дорогие!*

Обо мне прошу не беспокоиться. Держите себя выдержанно, спокойно, как подобает гражданам советской страны...».

Борис Левитин

Как бы ни было ему трудно, он регулярно писал домой письма. Последнее письмо Борис Левитин написал 14 ноября 1943 года, за два дня до своей гибели. Как всегда краткое, но теплое: *«Здравствуйте, дорогие! Сообщаю, что я жив и здоров... Пишите, как вы там? Как здоровье мамы? Обо мне не беспокойтесь. Не так уж много осталось до нашей окончательной победы. А тогда непременно встретимся. Держитесь там, а мы здесь. Будьте здоровы. Целую крепко. Ваш сын и брат Борис».*

Старший лейтенант Борис Абрамович Левитин, командир артиллерийской батареи, погиб в бою 16 ноября 1943 года на Ленинградском фронте.

Станислав Попов в годы оккупации Дубровки врагом входил в состав комсомольско-молодежной подпольной группы, которую создала учительница начальных классов З.Н. Кулдыкина. Группа собирала разведданные для Дубровского партизанского отряда, где действовал подпольный райком комсомола, которым руководил храбрый партизан-разведчик А.И. Хадкевич. После освобождения района Станислав ушел в действующую армию.

14 ноября 1943 года он пишет родным: «...Живу сейчас хорошо. Каждый день хожу на занятия, изучаю снайперское дело. Были упражнения. 1-е я сделал плоховато, 2-е — поправил на “отлично”. Живу в п. Масловка, немногим меньше Дубровки, от Воронежа в 7 км. Пишите больше о жизни в Дубровке и в вашей собственной семье... В Орле я расстался со своими товарищами (Леней, Кимом, Володькой) и попал в школу сержантов... Числа 15–20 ноября, может быть, я буду уже в дороге, чтобы скорей добить проклятых немцев».

А 12 декабря 1943 года Станислав уже под Ржевом: «Здравствуйте, дорогие родные. Спешу сообщить вам о моем хорошем здоровье и отличном настроении. Скоро поедем добивать панов. Ехать, быть может, будем через Дубровку, так что встретимся в недалеком скором... Хотелось бы узнать о вашем здоровье, только это несбыточная мечта, так как плоховато с почтой. Сейчас я вспоминаю наше прощание и так сильно ругаю себя (мне казалось, я уезжаю только на один день, и ни с кем не попрощался). Ну, ничего, разлука наша должна скоро кончиться, и тогда мы снова будем вместе».

Через 10 дней Станислав Попов сообщает на родину, что его из снайперов перевели в артиллерию: «О своей жизни писать особо нечего, вы ее прекрасно знаете. Встаю в 6.30, затем завтрак, зарядка,

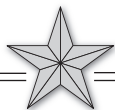

Старший лейтенант
Михаил Игнатов

туалет, занятия, обед, занятия, ужин, поверка, отбой. Плоховато, что я попал один из своей местности. Нас постепенно рассортировали: кого в пулеметчики, кого в стрелки, в минометчики и так далее. В дороге из Воронежа потерял своего товарища Станислава Новикова из Дубровки. При получении письма спешите дать ответ. Сильно хочется узнать о доме... Мой адрес: полевая почта 54269 «А».

В открытке с фронта маме Софье Владимировне в канун нового 1944 года Станислав Попов просит сообщить ему о судьбе школьных друзей: «Пишите больше о вашей жизни, о моих друзьях, передайте им мой адрес».

Мы не знаем, успел ли Станислав связаться со своими друзьями за те полтора месяца жизни, которые отпустила ему фронтовая судьба. В апреле 1944 года в дом Поповых на улицу имени Воровского, 19 принесли письмо, написанное чужим, незнакомым почерком. Сердце матери сразу почувствовало беду... «Уважаемая т. Попова! На Ваш запрос о сыне сообщаю: красноармеец Попов Станислав Григорьевич

11. 02. 1944 погиб в бою с немецкими фашистами. Извещение о его смерти Вам выслано. Обратитесь в райвоенкомат. За смерть Станислава мы отомстим».

Полевая почта часто приносила такие письма скорби. В четырех письмах — радость, а в пятом — похоронка. И почтальонки, пряча глаза, глотая слезы, не находя слов утешения, чувствуя свою невольную вину, всегда носили в сумках пузырьки с нашатырным спиртом. Они были и почтой, и «скорой помощью».

Боевые товарищи отомстили и за смерть старшего лейтенанта Михаила Игнатова. Его сестра Таисия Петровна передала в школьный музей письмо из воинской части брата: *«С 13 февраля 1945 года не стало у нас многоуважаемого и всеми любимого Михаила Петровича Игнатова. Он погиб на боевом посту как бесстрашный, смелый, геройский командир, глубоко верящий в нашу победу и до последних дней нахождения в нашей части все отдававший делу победы над врагом. За свою смелость и бесстрашие в борьбе с немецкими захватчиками награжден тремя боевыми орденами. Личный состав части поклялся жестоко отомстить за смерть Михаила Петровича немецким бандитам. Слава о нем как о талантливом и умелом командире прошла по всей нашей части».*

Ефим Якубович

Как самую ценную реликвию хранили в семье Якубовичей письма Ивана Толочко, фронтового друга ефрейтора Ефима Григорьевича Якубовича, погибшего в бою в конце 1942 года: *«Здравствуйте, дорогие родные... Письмо вам от фронтового друга вашего сына и брата Толочко Ивана Павловича. Хочу описать некоторые подробности гибели моего друга, выразить соболезнование и утешить вас... Ваш сын погиб смертью храбрых в боях за нашу родную землю в конце 1942 года. В том тяжелом бою за г. Богучар мы были вместе у одного миномета. Мы шли вперед, гитлеровцы яростно сопротивлялись. Вражеская пуля угодила в грудь товарищу. Я тащил его с полкилометра на плечах до яра, куда не залетали вражеские пули... Перевязал его, Ефим все молчал, сказал лишь раз: «Оставь меня, погибнешь ведь...» Чувствуя близкую смерть, он попросил меня написать родным... И на руках у меня скончался».*

Друг написал это письмо из Одессы, из действующей армии 1 мая 1944 года.

*Когда я вижу, как убитый
Сосед мой падает в бою,
Я помню не его обиды,
Я помню про его семью.*

*Мне представляется невольно
Его обманчивый уют.
...Он мертв уже. Ему не больно,
А их еще... письмом убьют.*

А второе письмо И.П. Толочко Якубовичи получили 9 июня 1944 года: «Чувствую себя лучше, когда знаю, что родным моего друга известна его судьба. Нас было восемь молодых ребят, мы вместе воевали зимой 1942 года. Теперь из восьмерых я остался один, а остальные погибли на Сталинградском фронте... Пишите мне все, дорогие, пишите как сыну, ведь я тоже с 22-го года рождения, у меня тоже родители старенькие... Мы с товарищем крепко били немца. Будут знать, как с нашей Родиной связываться... Ударим по немцу так, что он не найдет спасения и в Берлине. Кончится скоро война... Счастлив я. Третий год воюю, а пока жив. Был несколько раз ранен, но легко. Посылаю вам карточку и документы сына. Пуля пробила правую грудь».

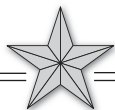

*Письма с фронта
(из экспозиции школьного музея)*

Это письмо из Бессарабии стало последним. А пробитый пулей комсомольский билет Ефима Григорьевича Якубовича, погибшего в декабре 1942 года в Сталинградской битве, бережно хранится в музее школы.

Рядом с комсомольским билетом Ефима Якубовича на музейном столе лежат учебник русской литературы Николая Фомкина, по которому он учился до войны, и его единственное письмо домой: «Добрый день, дорогие родные! С приветом к вам ваш сын Коля. Я жив и здоров, чего желаю и вам.

Дела мои хорошие. Получил комсомольский билет. Нас как партизан, я ведь был связан с партизанами, водят часто в кино. Мы имеем большое уважение и доверие. С питанием дело улучшается. Все идет хорошо. Скоро нас совсем оденут. Сейчас мне ничего не надо».

Сын просил свою мать Прасковью Федоровну письма ему пока не писать, так как нет точного адреса. Это письмо написано 22 ноября 1943 года в Брянске. Там обучались наши земляки, попавшие в действующую армию после освобождения района. А впереди были кровавые бои в Белоруссии, на реке Проне...

В Книге Памяти выпускников школы есть такая запись: *«Рядовой Сидоренков Дмитрий Сергеевич, 1923 года, погиб в бою у д. Пенная Лизнянского района Витебской области Белоруссии летом 1944 года».*

Три письма с фронта Дмитрия Сидоренкова, адресованные его матери Пелагее Стефановне, хранятся в нашем музее.

Из письма от 11 ноября 1943 года: *«Добрый день, дорогая мама и дорогая сестрица Валя. В первых строках своего письма я сообщаю, что жив и здоров, того и вам желаю в вашей счастливой, мирной жизни.*

Мама, сейчас я живу хорошо... Скоро вступим в бой с кровавым врагом. Мама, напиши мне, где сейчас находится папа, его адрес. Напиши мне о жизни в домашнем быту. Писать кончаю. Написал бы больше, но в землянке очень темно».

На третий день нового 1944 года Дмитрий Сидоренков пишет домой: *«Добрый день, дорогая мама и дорогая сестрица Валя. Шлю вам свой горячий, пламенный привет и желаю всего хорошего в вашей счастливой мирной жизни... Мама, я лечился в госпитале. Но сейчас я уже выздоровел, и меня выписали из госпиталя. Еду в действующую армию... Мама, прошу тебя — не волнуйся и не расстраивайся, береги свое здоровье, не беспокойся за меня. Какая моя судьба, так и будет. Ведь от судьбы далеко не уйдешь. Я в этом глубоко убежден».*

10 февраля 1944 года мать получила последнее письмо от сына: *«Шлю вам свой боевой, горячий, пламенный красноармейский привет и желаю всего хорошего в вашей счастливой, мирной жизни. Дорогая мама! Сколько я ни писал вам писем, получил ответ только на одно письмо. Когда находился в госпитале, я посылал вам свои фотокарточки, но не знаю, получили ли вы хотя бы одну... Дорогая мама! Сейчас я ухожу на фронт, брать...»*

Военная цензура густо закрасила чернилами название населенного пункта, в бою за который погиб наш земляк. И только из похоронки мать узнала, что сын сложил голову за деревню Пенная в Белоруссии.

Недолго учился в Дубровской школе Леонид Шах. Мальчик из дворянского рода попал сюда перед самой войной (до этого он учился в Смоленске). В годы оккупации сразу стал активным членом школьной комсомольско-молодежной группы, вел агентурную разведку по заданию Дубровского партизанского отряда. После освобождения района ушел на фронт. Домой писал нечасто, времени было мало, наши войска рвались на Запад.

В письме из Латвии 4 октября 1944 года он так говорит об этом: *«Имея немного свободного времени, решил написать письмо, ведь я*

сейчас довольно редко пишу вам... Сейчас мы здесь очень заняты, поэтому часто писать не можем. Ведь вы знаете, что скоро вся Совет-

Леонид Шах

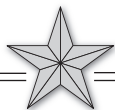
ская Прибалтика будет очищена от фашистской нечисти... Плохо только то, что редко получаю письма. Особенно от Гриши и Жени. Ким находится со мною... Шурка Шестаков ранен, но уже скоро снова вернется в строй... Напиши, что у вас нового. Какова у вас жизнь и вообще, как живет Дубровка...»

За всю войну не было в семье Шах большей радости, чем в тот день, когда они получили письмо от Леонида, написанное им в День Победы, 9 мая 1945 года. Значит, жив и скоро будет дома, ведь война-то кончилась! Он писал: *«Здравствуйте, дорогая мамочка и Галя! Поздравляю вас с праздником Победы. Дорогая мамочка! Простите, что последнее время очень редко писал, но ты, как видно, сама по-*

нимаешь по событиям, что я не имел времени для этого. Сейчас живу далеко от вас, возле далекой Эльбы. Живу неплохо. Скоро перееду на новое место. Сегодня праздную день нашей Победы и одновременно провожаю своего лучшего друга, с которым прошел вместе войну и перенес все ее тяготы, в Смоленское артучилище.

Не знаю, как ты отнесешься к моему решению, но я решил поступить в военное училище. Это решение вызвано многими причинами, о которых писать сейчас не буду, но скажу одно: по-моему, при моих обстоятельствах это самое реальное решение об определении своего места в жизни... Я уже не мальчик, каким ты знала меня раньше, но человек, переживший войну и, причем, взрослый, ведь мне уже 21 год, и решение мое твердо. Я не хочу, чтобы жизнь прошла зря, надо жить так, чтобы приносить пользу».

Но мечтам Леонида Шаха не суждено было сбыться. В письме командира части, в которой служил Шах, читаем: *«Уважаемый тов. Шах! Отвечая на Ваш запрос о смерти Вашего сына, младшего сержанта Шах Леонида Львовича, сообщаем, что он погиб 12 мая 1945 года при выполнении служебного задания. Выполняя обязанности разведчика подразделения, младший сержант Шах доблестно и самоотверженно боролся за освобождение нашей великой Родины от немецких захватчиков и уничтожал фашистов на их земле, за что был награжден правительственной наградой, медалью “За боевые заслуги”. Получал неоднократные благодарности тов. Сталина за участие в боях*

в составе части. Младший сержант Шах, безусловно, заслуживает высокого звания воина Красной армии, и часть чтит его память. Похоронен на германской территории в провинции Бранденбург на юго-западной окраине д. Миров (красноармейское кладбище)».

Героически погиб при штурме Берлина еще один выпускник школы, пулеметчик Иван Андреевич Трофимов. Он был призван в армию 20 октября 1943 года, через месяц после освобождения района от врага. 19 апреля 1945 года в бою за населенный пункт Зе-ебург пулеметчик Трофимов первым переправился через водный рубеж и своим станковым пулеметом прикрывал переправу своей части. В этом бою он уничтожил четырех гитлеровцев, взял в плен пятерых, а остальных обратил в бегство.

27 апреля 1945 года, обеспечивая продвижение вперед к населенному пункту Гатов наших частей и подразделений, Иван Трофимов уничтожил семерых гитлеровцев, подавил огонь двух пулеметных точек противника, отразил две контратаки.

28 апреля 1945 года в боях за город Шпандау пулеметчик Трофимов подбил два бронетранспортера противника, уничтожил двух офицеров, пленил 15 немецких солдат. При овладении центром города уничтожил пулеметную точку врага, захватив пулемет. Когда огневая позиция героя была обнаружена гитлеровцами, он погиб на боевом посту, сражаясь до последнего патрона.

За стойкость и мужество, отвагу и дерзость в бою красноармеец Трофимов Иван Андреевич был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

А за 17 дней до своей героической гибели Иван Трофимов написал последнее письмо на родину своей тете Елене Семеновне Зайцевой, такое лиричное и теплое: *«Здравствуй, Лена! Лена, в первых строках моего письма я спешу передать свой чистый сердечный горячий фронтовой привет... Во-вторых, сообщаю, что пока жив и здоров. Нахожусь недалеко от Берлина, на германской территории на реке Одер.*

Знаешь, Лена, скучно потому, что не получаю писем и не знаю, какие у вас новости. А так климатические условия хорошие, стоит теплая солнечная погода, вербы цветут, березы уже скоро покроются листвой. Все живет и оживает, как всегда... Вот, Лена, пока все. До свидания. С приветом Ваня Трофимов».

*Герой Советского Союза
Иван Трофимов*

Миллионы людей оказались оторванными от родного дома, семьи. В войну обострилось чувство любви к близким, родным. Оно было общим, понятным для всех. Любимая мама, жена, подруга, тепло родного очага — все это для солдата было частицей Родины, которую он защищал.

Чем дальше отдалается от нас время военной поры, тем ярче высвечивает оно молодые лица парней того времени. Это были надежные, крепкие, мужественные, добрые люди — это их руками осуществлялись великие дела, это они вынесли на своих плечах неслыханную войну. И, может быть, лучшая память о них сегодня — сохраненные солдатские письма. Как бесценные реликвии хранятся они в семейных архивах и передаются из поколения в поколение.

*Геройству лишних слов не надо,
Но каждый день и каждый час
Они со смертью жили рядом,
Чтоб оградить от смерти нас.
Чтоб мир наш стал еще чудесней,
Чтоб тишина царила в нем...
И им пришлось родным и близким
Писать под вражеским огнем.*

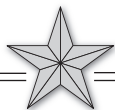
Фронтовые письма... В каждом листочке — боль и радость, муки переживаний и свет надежды. Фронтовые письма... Летопись Великой Отечественной...

ДВАЖДЫ ПРОПАВШИЙ

*Залесский Евгений Сергеевич, 72 года,
пенсионер, технический специалист (от ученика чертежника
до ведущего инженера-испытателя Конструкторского
бюро приборостроения),
г. Тула*

*Памяти отца, не вернувшегося с войны,
в честь 100-летия со дня его рождения.
По благословению о. Амвросия, игумена
Свято-Дмитриевского монастыря, что на Рязанищине*

Не солдатами рождаются дети, не для подвигов славных, но, по промыслу Божьему, для поисков, устройства и умножения счастья

всего человечества. Трудное дело жить в бедной многодетной семье, в дальней деревне, на скудной земле... И не удивительно, что мой отец, Сергей Федорович Залесский, повзрослев, сразу женился, отошел от крестьянства, и подался в «пролетарии». Профсоюзный стаж зарабатывал пожарным на лесоповале под Костромой. Трудолюбивый и толковый парень быстро обратил на себя внимание: его начальник, некто Зачесов, получив новое назначение на организацию пожарной защиты угольных месторождений в Тульской области, пригласил его поехать с ним.

Жена согласилась, и молодая семья оказалась в городе Щекине Тульской области. На строящемся там заводе «Кислотоупор» организовывали пожарную команду в составе двух конных ходов. Командиром был известный в городе специалист — Госелинг Алексей Петрович. По штату ему полагались трое помощников. Ими стали щекинцы Краснов Виталий Николаевич и Комаров Степан Иванович, а третьим назначили отца. И началась преинтереснейшая жизнь.

*Две смены ученья, тревоги, отбой.
И вот уж — крещение огнем и водой.
Сначала — неловко, потом — как и все,
Потом со сноровкой и в полной красе.
За вызовом вызов: дом, шахта, завод...
И каплей не высох, ан — снова в поход.
Лишь вздымлетя что-то — к брандспойтам скорей!
Такая работа у этих людей.*

Из поэмы автора «Рядовой». 1970 г.

В те времена не то что помощник, но и начальник пожарной команды (слово «противопожарный» в те времена не употребляли), были не чиновниками, а ведущими бойцами на пожаре. Одиннадцать лет на любимой работе принесли Сергею заслуженный авторитет. А в конце 1940 г. его вызвали в Тулу, и предложили самостоятельную работу в тресте «Октябрьуголь», что в г. Скопине нынешней Рязанской области. Так на Центральной электростанции (ЦЭС) появился новый начальник пожарной и вахтерской охраны — с кабинетом, телефоном, видами на будущее...

Но через полгода началась война, и в июле он надел форму рядового красноармейца. Рядового, поскольку окончил всего 5 классов (из них лишь 1 — в школе).

Два месяца служил в г. Скопине, в новой формировавшейся авиачасти, а в канун контрнаступления под Москвой в составе 657-го Отдельного батальона аэродромного обслуживания (БАО) был направлен на Калининский фронт — северное крыло Московского рубежа обороны.

Овладение городом Калининым было для нас стратегически важно, немцы это хорошо понимали, и сосредоточили против Калининского

*Пожарная команда завода «Кислотоупор»
г. Щекино Тульской обл.*

*Слева направо: Краснов В.Н,
Залесский С.Ф, Комаров С.И. Фото 1931 г.*

фронта невероятное количество техники. После тяжелых кровопролитных боев город был взят 16 декабря, на неделю позже заданного срока.

Письмо отца от 20.12.1941 г.

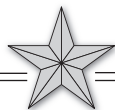
*Залесский С.Ф. — помощник
начальника пожарной охраны
«Щекиншахт». Фото 1940 г.*

«...И чем порадовать тебя не знаю, но опишу тебе успешные действия нашей Красной Армии против вшивой армии Гитлера. Шура, немцы бегут под губительными ударами наших бойцов, оставляя тысячами убитых, раненых, и массу военной техники. Шура, теперь уже можно твердо сказать, что скоро вся их армия будет уничтожена — война скоро закончится нашей победой. Шура, близится день встречи нас с тобой».

Из письма от 26.12.1941 г.

«Шура, я надеюсь, что в тех письмах было писано тобой много печальных слов о твоей тяжелой жизни, и много ласковых слов и милых для меня. Ах, как жаль, что их не удалось получить, ни одного письма. Шура, теперь пиши все снова, я жду с нетерпением.

Шура, вот сейчас пишу тебе письмо, только что пришел с работы, не успел отогреть ноги, вынул фотографию вас, и решил писать письмо. А когда я смотрю на вас, то как будто моя мысль тут

же доходит до тебя, и я вроде бы с тобой. Мне вспоминается... наша с тобой близость...»

Из письма от 15.01.1942 г.

«Шура, теперь я нахожусь в... от старого места 120 км. Я шел пешком этот путь, и остался очень доволен. Шура, эта дорога вся полностью усеяна разбитой немецкой техникой, и нет совершенно места свободного, где бы не было орудий, машин и другого вооружения, разбитого Красной Армией. А сколько убитых фашистов, так и счету нет. Теперь мы идем по городам и селениям, освобожденным от немцев. Всюду нас встречает население с радостью».

В своем батальоне отец исполнял обязанности сапера, связиста, позже, в обязанности отделения под его командой входило обустройство и камуфляж аэродромов, ремонт взлетно-посадочных полос.

С 657 БАО он прошел не одну сотню верст, обеспечивая боевую работу летчиков. Через полгода после взятия Калинина он стал помощником начальника пожарной команды батальона, а в августе 1942 г. — и ее начальником.

Из письма от 7.06.1942 г.

«Дорогая, сегодня, 7 июня, я получил твое письмо, за которое я сердечно благодарю тебя, что ты так сердечно, так заботливо пробираешь меня за то, что якобы я получил ранение в руку и скрываю от тебя. Как будто я и раньше скрывал от тебя кое-что в жизни. Шура, ты просишь, чтобы я быстро об этом описал тебе. Описываю все подробно: 21 мая мы перебазировались из г... (зачеркнуто ВЦ. — Е.З.), ближе к... (по данным ЦАМО — ст. Соблаго. — Е.З.), и ввиду разрушенной железной дороги стояли двое суток. Три немецких самолета налетели на наш эшелон, а потом еще и еще в течение дня. Мы открывали по самолетам активный винтовочный и пулеметный огонь, в результате чего сбили два немецких самолета. При последнем налете я стал отставать от эшелона по болоту. В это время недалеко от меня взорвалась бомба, и волной от этой бомбы перевалило меня через кустарник. И в то время, как я упал, сучком расцарапал себе правую руку — ладонь около большого пальца. Чтобы не загрязнить

*Залесский С.Ф. —
начальник пожарной
и вахтерской охраны
Скопинской ЦЭС. Фото 1941 г.*

ранку, я перевязал руку. Потом, не помню кто, спросил меня: «Ты что — ранен?». Я ответил, шутя: «Да». И эта моя маленькая шутка ушла так далеко, что дошла до тебя и наделала тебе законного беспокойства.

Вот, Шура, и все. Эта царапина была видна на руке 3 или 4 дня, а потом ее не стало...»

Отец был общительным, коммуникабельным человеком, искренне любящим Родину и свою семью. В одном из утраченных писем к жене он сообщал, что в армейской газете были опубликованы его стихи (цитирую по памяти. — Е.З.):

*Гитлеровские вояки, шулера и забияки,
Бегут из России от села до села,
От станции до станции.
Растеряли всюду бланки и квитанции.
Только зря кровь армейская льется:
Смерть в России для фашистов
И без квитанций выдается!*

Солдатское письмо-треугольник. На лицевой стороне — типовой штамп: «ПРОСМОТРЕНО ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРОЙ» с номером, и два почтовых штемпеля. Обычное начало: «Здравствуйте, горячо любимые Шура, Костя и Женя. Шлю... горячий привет, обнимаю и нежно целую». Женей, младшим двухлетним сыном был я, а Костей — мой старший 7-летний брат.

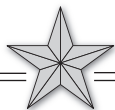
Письма — свидетели и участники его военной жизни, полны заботы и нежности к родной семье, родителям и землякам. Так хочется, чтобы современная молодежь по достоинству оценила умирающую ныне культуру переписки.

Из письма от 12.01.1942 г.

«Шура, обо мне не сомневайся, я живу хорошо. Шура, у меня есть деньги, 360 рублей, я их посылаю тебе. Знаю твое положение, хотя это ничтожно, но помогу тебе, чем могу. Ты знаешь, Шура, мою любовь к тебе и ребятам. Эти деньги я посылаю с..., который тебе их вышлет из Скопина. Шура, на конверте он напишет тебе его адрес, где он будет на квартире в Скопине. Ты... в Скопин и разыщи его... мне письмо, и передай... а я пишу и тороплюсь: он уезжает, а я сегодня со своими ребятами работаю на кухне, и сыт, и в тепле».

Из письма от 15.01.1942 г.

«Шура, сегодня 15 января, я повстречался со Сгибневым с механич. завода. Он мне сообщил радостное слово, что он от своей жены получил письма, и в одном из его писем есть привет мне от тебя.

Шура, я этому рад, что ты жива и хотя письмо лично от тебя я не получал, но все равно от души отдаю тебе мою большую благодарность. Он при этом сообщил, что в Скопине вы не получаете никакого снабжения, а 25 ноября 41 года — это... рашно. (Скопин, оккупированный 25.11.41 г., находится в 7 км. от поселка ЦЭС, и нашего дома. — Е.З.).

Шура, 12 января из нашей части поехал в Скопин наш воентехник Алексеев, который был при нашей части начальником пожарной охраны. Я с ним послал тебе 360 рублей. Он должен переслать тебе их из Скопина. Шура, эти деньги я специально старательно собирал лично для тебя, хотя на 2 или на 3 дня ты почувствуешь, что несмотря на трудное чрез меру время, но все же ты будешь знать, что есть у тебя единственный близкий человек, который заботится о тебе».

Из письма от 18.01.1942 г.

«Ты пишешь, что тебе выдали 300 гр. масла и что ребята хотели бы позвать меня в гости к маслу, и ты тоже — большое спасибо за заботу. Шура, я буду сыт тоже одним уже тем, что буду знать, что вы у меня сыты. Шура, мы тоже не голодаем. У нас в части питание очень хорошее — мясо и каша каждый день. А вчера вечером мы пошли в деревню купить молока. Нам дали 8 кило печеного хлеба, 4 литра молока и 6 штук яиц. И это нам на троих, а взяли с нас очень недорого. Сегодня мы празднуем, сыты — «пока некуда». В некоторых деревушках Калининской области народ настолько хороший и добрый, что даже не берут денег, если они тебя покормят молоком, щами и хлебом. Шура, ты пишешь, что население отдельное растащило все у вас на станции, что ты только поступила честно. Ну, Шура, этих людей найдут, и они будут привлечены, а твой честный поступок в это суровое время поможет нам лучше устроить жизнь».

Я тоже служу честно и благородно, как положено воину Красной Армии, и заверяю тебя, что я вернусь к тебе таким же честным гражданином, которым ты проводила меня. И тогда все погаснет, что мучило нас с тобой много времени»¹.

Из письма от 27.01.1942 г.

(Ответ на письмо мамы о бедах во время оккупации в г. Скопине — Е.З.)

«Шура, это письмо меня необъяснимо обрадовало, теперь я спокоен, что ты жива и здорова, вместе с Костей и Женей, что ты самые трудные дни пережила — вот это, Шура, меня очень обрадовало и

¹ Еще в самом начале работы отца на щекинском заводе «Кислотоупор» произошел досадный эпизод, когда в столовой члены его команды затеяли драку с прочими посетителями, не реагируя на приказ — прекратить! Тогда отец повысил голос и для убедительности поднял над головой пожарный топор. Ссора затихла, но на завтра его вызвали туда, куда бы ему не хотелось. Дело кончилось единственным в жизни разговором «с занесением». — *Прим. Е.З.*

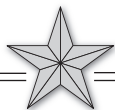
успокоило. Я теперь буду знать, что живешь в своей квартире, не голодаешь и ведешь свою одинокую жизнь честно и спокойно. Шура, за все то, что ты дружески описала мне, кроме искренней благодарности я тебе ничего в жизни не желаю. Я несколько раз прочел это письмо и все разы читал и чувствовал, что читаю как будто в первый раз. Шура, ты пишешь, что жила у Кудряшовых (в деревне, при угрозе оккупации. — *Е.З.*), и что они к тебе относились вполне прилично. Мы с тобой это хорошее отношение к тебе никогда не забудем в будущем и вполне хорошим расплатимся. Теперь ты перешла на квартиру свою, то это я тебя одобряю, сделала ты вполне умно, только прошу, эту квартиру ты занимай сама, никого не пускай ни в ту, ни в другую комнату. Шура, ты пишешь, что и как, что у тебя из комнаты растащили. Об этом не горюй, и что тебе пришлось отдать памятный шелк или что другое, то, моя миленькая, помни, что я жив и здоров, что у меня осталось много сил и пламенной любви к тебе, которыми ты будешь много окутана. Закончится война, будут восстановлены быстро заводы и фабрики, они для нас выработают не такие шелка...»

Из письма от 10.02.1942 г.

«...Ты пишешь, что тетя Ксюша научила Женю просить [Бога], чтобы я, Ваня и Петя вернулись домой. Шура, я это представляю, как наяву, что он эти слова повторяет. И когда я читал, то слезы невольно смачивали ресницы. Шура, я рад и горд за то, что имею такую скромную семью, такую, как ты и Костя с Женей, вы обо мне заботитесь постоянно и зовете меня, зовете ежедневно, так как жду я счастливого, радостного дня, который сблизит нас с тобой навсегда, и мои сухие губы коснутся милых твоих, и вот тогда наша с тобой жизнь и радость зашумят, как весной дерево, одевшись в зеленые листья. Шура, верь, это будет так».

Из письма от 20.02.1942 г.

«Шура, 18 февраля я получил от тебя ровно три письма, которые ты писала еще в декабре месяце. Шура, все эти письма настолько для меня милы и дороги, сказать невозможно. Шура, эти письма я читал по несколько раз, из этих писем я узнал, сколько трудов тебе пришлось перенести без меня. Шура, в одном письме ты пишешь, что было тебе грустно, ты беспокоилась о том, как тебя испугало сомнение моего последнего дня с тобой. Да, Шура, это было бы очень и очень трудно и безвыходно, и я рад за то, что это не совершилось. Шура, ты пишешь, что я для тебя и детей очень дорог и необходим — верю, и позволь заверить тебя, моя дорогая, что я живу только для тебя и для детей и во имя вас я тоже порою переживаю трудные минуты. В то время я вспоминаю о тебе, о ребятах, о наших прошедших днях, о пережитом нами с тобой, и мне становится гораздо легче, находятся новые силы, и забываю усталость, и снова хочется жить и стремиться к будущему».

Из письма от 28.03.1942 г.

«Передай привет Василию Павловичу и Кате (Агаповым — соседям. — Е.З.) и благодари их за чистоту отношений с тобой».

Из письма от 31.03.1942 г.

«Шурик, ты пишешь, что много мне приходится заботиться о вас. Да, Шурик, ты права — много, но как же, Шурик, кто еще, как не я может заботиться о тебе и детях. Ведь вспомни, как жили мы с тобой на протяжении 13 лет, сколько горьких дней мы пережили с тобой, по моей работе даже. Я сейчас вижу наяву, как ты душевно переносила внутреннюю тяжесть, скрывая от меня. Шурик, я не забыл ничего, я не забыл того дня, когда ты провожала меня в армию, провожала своего друга и отца 2-х детей, сама оставалась на произвол судьбы, среди только двух малых детей, в кругу чужих в такое суровое время. Твои крупные и светлые слезы тогда лились не на землю, они лились на мое близкое тебе сердце. Вот, Шурик, эти слезы я ношу всегда на сердце, и в минуту большой опасности они меня как будто спасают, и оставляют в живых. И тогда эти слезы соединяются с моими силами и воодушевляют меня, и я говорю про себя: нет, я вернусь, я буду жить, я буду счастье строить для народа и своей семьи, и это будет так скоро! Скоро!

Шурик, много я мог бы описать, но лучше расскажу тогда, когда встретимся. Я не забуду ничего, никогда. Шурик, я рад, что ты и ребята живы, прошу, береги здоровье, живи и жди меня. Я никогда не забуду милых моих детей, которые так нежно и нетерпеливо ждут своего папку. Дорогие, я далеко от вас, но мне хочется громко крикнуть, чтобы вы слышали: Костя и Женя, я слышу вас, я скоро приеду к вам...»

Из письма от 4.04.1942 г.

«Шура, я отлично представляю тебя, когда ты получаешь такое письмо и узнаешь, что твой муж (я) — жив. Мне видится, как ты весело вздохнешь, как радостно посмотришь на Костю и Женю, и как посветлеют твои милые усталые глаза, как у тебя создается надежда на нашу будущую жизнь, и на миг ты по-былому шутливо улыбнешься. Вот, Шура, это я предвижу больше чем верно. Шура, верь, что мы с тобой еще будем жить долго и весело, мы с тобой пройдем сквозь эти мучительные дни, столь опасные и жестокие. Вот в этом только и будь вполне уверена».

Из письма от 7.04.1942 г.

«Шура, это письмо я пишу в 10 часов вечера. Пришел с задания, поужинал, настроение по работе и службе хорошее, и решил писать письмо. На моем столике стоит маленькая коптиюшка, туманно отдает свой скучный свет на этот белый листочек, который записывается для тебя в маленьком домике Калининской области».

Из письма от 27.04.1942 г.

«Шура, вероятно, ты получишь это письмо в мае месяце. О, как было бы хорошо, если бы ты его получила в день твоего рождения 6 мая! Дорогая жена, поздравляю тебя с днем твоего рождения, желаю тебе от души долгой жизни и здоровья, и дожидаться в этом году долгожданного дня — возвращения меня с победой. Дорогая моя, в этот день ты одинока, тебя некому развеселить и утешить, но будь уверена, что моя мысль весь день будет о тебе, и ты чувствуй, что каждую минуту я думаю о тебе, что я с тобой, и ты возьми это письмо и смотри на него, как на меня, а я буду смотреть на твою фотографию, а ты на мою, и так мы друг друга увидим. Шура, опиши, получаешь ли ты хлеб и сколько. Продай или смени мой хромовый сапог, не томи сама себя и ребят, не жалея ничего — останетесь живы. А если останетесь живы, то будем счастливы, вместе все снова наживем. А я, как честный советский гражданин и воин, защищаю Родину с гордостью и любовью. Не сомневайся, Шура, я не посрамлю тебя, я вместе с большой Красной Армией добиваюсь победы над врагом в 42 году, и мы добьемся, и тогда я обогрею тебя любовью, сожалением (сочувствием? — Е.З.) и лаской, чего ты не видишь уже 10 месяцев».

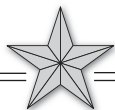
Из письма от 16.05.1942 г.

«Шура, ты пишешь, что тебя зовут в Вичугу. Клавдия (сестра мамы. — Е.З.), я благодарю ее за заботу, но, дорогая, жаль бросить это место. Я вернусь и хочу работать тут же, ведь у меня будет выслуга 5 лет, я могу получать 25 процентов за выслугу, а это составит 110 рублей в месяц кроме оклада, поэтому, Шура, прошу: потерпи еще несколько. Но если возможности жить тут больше нет, то пиши письмо. Шура, ты пишешь, что у тебя дело с огородом не вышло. Конечно, жаль, но если это так, то я с тобой согласен. Шура, ты сомневаешься, что кое-что многое прожила (обменяла на продукты. — Е.З.), то не сомневайся, не жалея и последнего, только будьте живы. Шура, ты пишешь, что сынок Костя на осень пойдет в школу, но не очень справный, и поддержать тебе его не чем. И я могу только сожалеть, а помочь не в состоянии ни чем. Шура, опиши, как он — парень серьезный, стал смекалистый или такой же шалун, подчас любитель шалить? Это же и о Жене. Ну, Шура, о работе просто не знаю, что тебе и посоветовать. Я понимаю, что работать тебе нет возможности в отдаленности от детей. Я напишу письмо Ярославкину (тогдашнему директору ЦЭС. — Е.З.), чтобы он устроил это дело — буду его просить».

Шура, мама пишет, что сильно голодает. Клашу (сестру отца. — Е.З.) взяли на трудовой фронт, на торф».

Из письма от 7.06.1942 г.

«Дорогая, ты благодаришь за письмо, которое я писал к твоим именинам. Шура, я знал, что для тебя это будет большая любезность, я

высчитывал время, чтобы ты его получила ровно 6 мая, но, видимо, на один день ошибся».

Из письма от 11.06.1942 г.

«Шура, если ты посадила огород, то я желаю тебе вырастить хорошие продукты для нашей с тобой семьи. Опиши, как здоровы ты и ребята, как живешь материально, это меня интересует и здорово беспокоит. И еще раз, Шура, прошу, не заботься, я жив и здоров, я вернусь к тебе и ребятам таким, каким ты меня проводила».

Из письма от 16.06.1942 г.

«Шура, ты слышала, что нам крепко досталось при переезде сюда и что я об этом мало писал тебе. Шура, когда вернусь к тебе, то расскажу больше. Шура, ты конечно, права в том, что отдельные счастливицы живут с семьями и мужьями, не видят горя и заботы. Ты права, но, Шура, масса и таких семей, которые остались сиротами, а поэтому, Шура, успокаивай, на них глядя, себя тем, что твой муж жив и здоров, что скоро настанет время жизни и для нас. Шура, немало людей, которые завидовали нам с тобой, но наша жизнь будет еще краше и лучше».

Из письма от 25.06.1942 г.

«И теперь остается только одно — скорее победить врага и остаться в живых, вернуться домой, к своей семье, чтобы обрадовать вас. Шура, день нашей победы подходит к нам все ближе и ближе, и день разгрома немцев все приближается. Теперь говорят везде и все, что немцы войну проиграли и что фашизм живет последние минуты. Это скоро мы увидим все сами. Ты пишешь, чтобы я выдержал свое обещание — возвратиться домой. Да, Шура, думаю выдержать, пройдет 2–3 месяца от силы эта война, и ей будет положен конец».

Из письма от 27.06.1942 г.

«Шура, я живу в поле на опушке леса. Построили небольшой лиственный шалашик и только трое в нем живем: я, Ключников и Гулявский».

Из письма от 4.07.1942 г.

«Шура, ты пишешь, что ждала конца войны. Да, Шура, этого ждем все, но скоро дождемся. Война кончится быстро, как враг перед смертью ни бесится, а быть может, и имеет успехи на ряде участков фронта ценою огромных потерь, но гибель его — в 1942 году».

Из письма от 14.07.1942 г.

«Приказ от... (ВЦ. — Е.З.) о разгроме немецкой армии в 1942 году будет Красной Армией выполнен».

Из письма от 5.08.1942 г.

«Работаю начальником пожарной охраны батальона, сколько времени придется работать в этой должности не знаю, но, однако, Шура, коротко скажу, что эта работа мне под силу и по душе. Это ты знаешь, что плохо я работать не привык, что в силах — все сделаю, чтобы при-

носить пользу Родине. Шура, пока, прошу, не заботься обо мне. Будет плохо, так опишу. Здоровье мое все такое же, как и при тебе было, об этом не жалею. Питание хорошее: 700 гр. хлеба, суп 3 раза в день, жирный в обед. На второе каша ежедневно. Так что я постоянно сыт, мне хотелось бы, чтобы и вы так были сыты, как и я. В первую очередь я рад за то, что вы живы и здоровы, я рад за то, что вы живете «ничего», кушаете свежие овощи, что своим личным трудом ты сама вырастила, об этом хорошо читать и приятно. Моя дорогая, ты пишешь, что сильно ты скучаешь обо мне. О, Шура! Если бы ты знала, как соскучал необъяснимо я по тебе, о ребятах, о доме, и обо всем, что нас плотно связывало в течение нашей с тобой жизни...

Пишу, а мысли склонны к работе, торопят они меня».

Из письма от 10.08.1942 г.

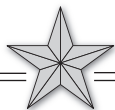
«Шура, пишу письмо в свободное время: я окончил работу, придя с ужина, начинаю писать письмо, которое завтра будет от меня далеко-далеко, все ближе и ближе к тебе. Оно пойдет туда, где находится самое милое для меня и дорогое, где ты и мои дети Костя и Женя. Оно пойдет туда, где после войны будет радость, будет счастье, будет жизнь. Шура, уже давно, как мы не видали друг друга, но когда я вспоминаю о вас, то получается, как будто бы я ясно вижу тебя и ребят, как будто я нахожусь вместе с вами и вижу ваши движения, и подчас не хочется верить, что возле меня нет вас. Вот, Шура, как жизнь нас тесно сомкнула своими узами, и даже не хочется думать, что я не вернусь к вам. Мне видится, что я такой же буду и вернусь, как говорил тебе. Помнишь, Шура? Конечно, ты от того спора не откажешься, и когда вернусь, то от тебя будет причитаться «пол-литра» и еще кое-что ...».

Из письма от 24.08.1942 г.

«Сейчас нахожусь в одной из школ рядом с Курским вокзалом. Скоро должны пойти на завтрак. Шура, по старому адресу больше не пиши, меня там больше нет. 21 августа я оттуда выбыл в г. Калинин на пере-сылный пункт. Шура, я жил в старой части до тех пор, пока моих знакомых и вообще старых, которые были в Скопине, никого не осталось. Всех их отправили на фронт. Остались там только 3 человека: Давыдов, Сгибнев и Петр Иванович Костин, которых тоже отправят на этих днях. Шура, я еду в г. Владимир, нам сказали в Калинин, что будем учиться в школе бронетанковых частей. На кого учиться — можно узнать только на месте, но, Шура, против учебы я, конечно, не возражаю и рад за такое событие. Да и то — во Владимире есть свои...»

Из письма от 24.10.1942 г.

«Моя милая, моя жизнь и радость — дорогая Шура, здравствуй, мои дорогие дети Костик и Женя, здравствуйте. Шлю вам всем свой горячий искренний привет и горячо целую вас по много раз — желаю вам в жиз-

ни доброго здоровья. Дорогая жена Шура, вчерашний день, 23 октября, я написал и отправил тебе письмо и как будто сегодня писать не соби-
рался, не о чем. Но сегодня что-то особенно вспоминается вся наша про-
шлая жизнь и видится современная, и вот я пишу обратно тебе. Шура,
я вспоминаю время прошлого года, когда я был в Скопине, когда я имел
счастье часто встречать тебя и ребят. О, Шура, какое это было хорошее
время! Как далеко оно теперь от нас. Вот, доходят последние дни, как
сравнивается целый год с того времени, как ты и я расстались. Теперь ко
мне никто не ходит, и я никого не жду. Никто ко мне не придет, только
жадно жду твоего письма, писанного тобой, знакомой, милой рукой под
властью твоих разумных мыслей. Дорогая, я никого не жду к себе, и
ко мне никто не приходит, но жди, Шура, меня, жди с нетерпением, и
я приду. Я возвращусь к тебе, и мне судьба даст силы и счастье только
потому, что ты ждешь меня — жди, и я вернусь. Если я буду ранен,
тяжело или легко, — буду ползти упорно, пускай твое ожидание даст
мне силы, и я вернусь, я буду снова твой. Вот, Шура, что я хотел опи-
сать тебе. Пишу о жизни: я в Кирове, жив и здоров, нахожусь на нарах,
смотрю в окно, как мелкий снег покрывает замерзшую землю. Скоро
начнется зима — вторая военная зима, которая должна ускорить гибель
отвратительных немцев.

Шура, я купил теплые портянки. Рукавиц теплых у меня нет, но
я сберег денег и думаю купить овчинные рукавицы. Ну, и дальше: на
фронт меня пока еще не отправили, когда поеду — сказать трудно.
Шура, напиши моей маме письмо, что-то она давно мне не писала и на
письма не отвечает. Жива ли она? Передай ей мой привет и пиши ма-
маше, и тоже шли мой привет (мамаша — мать мамы. — *Е.З.*). Нельзя
забывать наших старушек. Адрес мамы: И.П.О., Семеновский р-н, Гар-
монихинский с/с, д. Гармониха, Залесской Анне Абрамовне. Да, Шура,
помню, в детстве мы дразнили гордеевских «гордеевскими огладаями»,
а потом эта деревушка как стала близка для меня, я как будто вырос в
ней, она меня обогрела и принесла счастье, а счастье это, Шура, — ты.
Вспомним, Шура, как длинные зимние ночи и короткие летние вечера
мы с тобой проводили в течении 3-х лет. Шура, теперь бы хотя один час
увидать тебя, Костю и Женю, и я был бы счастлив бесконечно, но жди,
и я вернусь. Жди, Шура, ты, ждите, Костя и Женя. Ждите, я вернусь!
Целую вас, и с тем до свидания. Сережа».

Письма... дорогие, правдивые, живые свидетели не только истории
моей семьи, но истории всей страны! Искренние, простые слова...

Помню, как мама со слезами целовала эти треугольники, обнимала,
благодарила за них бессменного почтальона — тетю Фросю, читала со-
седям и повторяла: «Жив!!! Господи Боже, Слава Тебе! Слава!» И — на
колени.

1 ноября 1942 г., далеко за полночь. В полукилометре от затемненной станции Рязань-товарная, тихо остановился воинский эшелон, прибывший откуда-то с Урала. Над кабиной машиниста — козырек броневой стали, над вагонами — две пары сдвоенных крупнокалиберных

*Курсанты орг. п/я ОР-31,
г. Киров (Вятка).
Стоит Архипов, сидят:
слева — Шульга,
справа — Залесский*

пулеметов, да завеса чуть зримой мги от походных печурок. Вместо вагонных дверей — деревянные щиты, выставленные изнутри, а белизна досок тщательно затерта обыкновенной грязью. Кое-где щиты приоткрылись, несколько военных пробежали в середину состава, еще несколько спрыгнули — по нужде или размять ноги. Среди них подтянутый солдат. По всему было видно, что он уже побывал на войне.

Сколько времени длилась стоянка, побывал ли солдат в городе, когда и куда был отправлен далее — неизвестно. Но жена через неделю, получила долгожданное письмо.

Письмо от 1.11.1942 г.

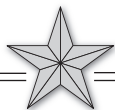
«Добрый день, здравствуйте, дорогая семья, Шура, Костя и Женя. Шлю вам свой горячий привет, и крепко целую вас несчетно раз. Шура, сегодня у меня день радости и грусти: нахожусь в своем об-

ластном городе Рязань, приехал из Кирова 1.11.42 г. Радостно потому, что в своем городе, а грустно потому, что недалеко Скопин, а попасть в него нельзя. Шура, куда из Рязани нас направят, неизвестно, об этом опишу дополнительно, но, вероятно, ближе к.... (зачеркнуто ВЦ, но, похоже, — «к Воронежу». — Е.З.). Шура, не беспокойся, все будет в порядке. Писем не пиши, пока адреса нет, мой адрес — поезд.

Шура, так я и не сумел дожждаться от тебя письма в Кирове, все мои ожидания остались напрасными. Хотелось бы узнать о тебе все, но — ладно, скоро буду в определенной части, тогда дождусь ответа.

Ну, дорогие, до свидания. Остаюсь — Сергей Залесский».

Красноармеец Сергей Федорович Залесский направлялся на фронт после окончания каких-то курсов в запасном полку РГК, дислоцированном в областном Кирове, куда был отозван из действующей армии. После письма из Рязани прошла неделя, другая, и Александра Петровна забеспокоилась. Ездил в военкомат, надоедала женам однополчан, подолгу молилась Богу и всем святым. Даже ходила к гадалке. Глаза не просыхали от слез. Письма больше не приходили. Перечитывала лишь старые.

Прошли годы... Окончилась война, пошел в школу старший сын.

— Мама, ну когда же приедет наш папка?

Только в 1946 г. красноармейца С.Ф. Залесского внесли в списки солдат, пропавших без вести «по последнему месту службы» в... 657 БАО. Только с тех пор дети стали получать пенсию за погибшего отца. Организация же 31 ОР так и не интересовалась, куда подевался ее курсант. Мало того, ЦАМО (Центральный архив Минобороны) много лет утверждал, что такого воинского образования на территории Кировской области вообще не существовало; у них до сих пор значится: «пропал без вести в августе 1942 г.» (это, когда он был направлен на учебу. — Е.З.). Получается, что солдат пропал... дважды.

Чудом и поддержкой близких семья пережила голодовку 1946 г. Пошел учиться и я. Мама выстояла, осталась в поселке, вырастила и выучила детей. Ради нас вдова «большого начальника» стала простой уборщицей. Шли годы, родились внуки и правнуки... О муже — ничего нового.

Так закончилась жизнь на земле простого человека, нашего соотечественника, честного воина, моего отца, которого я видел, слышал, но по малолетству не помню; которого люблю и помню лишь по рассказам добрых людей, по духовному родству.

К старости мать искренне уверовала, что все происшедшее с ее семьей было угодно Богу, а тяготы, выпавшие на ее долю, совершились именно по Божьему промыслу. Теперь она покоится близ монастырской стены Свято-Дмитриевского мужского монастыря, возрожденного стараниями благоусердного игумена Амвросия (Калабухова) с братией. В этой обители мы ежегодно поминаем ее — рабу Божию Александру и честного воина Сергия. Да не оставит Господь соединенные души их Своей милостью.

*Стихи я любовью к нему сотворил,
Хоть слова не помню, чтоб он говорил.
Но желтые письма и старый портрет,
Но книги, записки, трамвайный билет,*

*Но добрые люди и милая мать
Скупые этюды сложили в тетрадь.
А Вечная Слава погибших бойцов
Вручила мне право связующих слов.*

*Высокая тема, священная скорбь...
Пусть Память-поэма отыщет окоп.
Опустятся розы на русский подзол,
На всех, кто из прозы войны не пришел.*

Из поэмы автора «Рядовой», 1970 г.

Вера в помощь архива Минобороны, увы, исчерпана. В архивах ФРГ и Красного Креста (Женева) розыски продолжал благородный доброволец из Штутгарта немец Герберт Хагер. Ответ точный: «Нет, не значится».

Однажды в скорбном списке областного военкомата г. Волгограда я наткнулся на искомую фамилию, где отсутствовали имя и отчество. Но, к сожалению, радость оказалась преждевременной: «Пулеметчик 1118-го зенитно-артиллерийского полка, 3-й зенитно-артиллерийской дивизии РГК сержант ЗАЛЕССКИЙ, 1918 г. р., уроженец Одесской обл., Комминтерновского р-на, с. Поповка, призван в Красную армию в 1939 г. Кантемировским РВК, погиб 21 декабря 1942 г., похоронен: севернее выс. 127,7, н.п. Новодербеневского, Кагановичского р-на (ныне Суровикинского р-на) Сталинградской обл. Родственники проживали по месту рождения учтенного». Основание: ЦАМО, дон. 49572с. Указанная дивизия РГК входила в состав 5-й Танковой армии.

Ничто не сходилось с данными моего отца — однофамилец! А где же ты, отец? Ответом стало мое стихотворение «Истинная правда»:

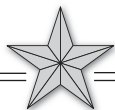
*Рассвет сверкнул и... оборвался,
И — тишина, и темь везде.
Война ушла, а я остался
В ее горячей борозде.*

*Сложилась наглухо траншея,
Перевернулась кверху дном.
И не понять, ребята, где я —
На этом свете иль на том?*

*Война ушла, а я остался,
Пропавший без вести боец.
Не долюбил, не надыхался,
Не отоспался, наконец.*

*Не помолился, не помылся,
Исподней пары не сменил.
И, как бы храбро я не бился,
Фашистов так и не добил.*

*Ушли — война и поле боя,
Где мне уже не пострелять.
Еще, быть может, и живой я,
Да стало некому искать.*

*Еще, быть может, будет завтра,
И, дай-то Бог, мы победим!
Но эта истинная правда
Легка ли детушкам моим?*

Прости, отец, что как ни бились, ни жена, ни дети твои не смогли отыскать места твоего упокоения. Но не сомневайся, мы любим тебя, мы гордимся тобой, мы верим в то, что жизнь на земле ты прожил и закончил достойно.

Верим и в то, что никто, кроме тебя, не исследовал для Господа тот вариант жизненного пути, которым прошел ты.

Вечная тебе память!

ОКТЯБРЬ СОРОК ПЕРВОГО В ЖИЗНИ РЯДОВОГО СОЛДАТА БЫКОВА

*Фомичева Алевтина Александровна, 77 лет,
старший лаборант кафедры «Строительство, строительные
материалы и конструкции» ТулГУ,
г. Тула*

Книга воспоминаний — это крик души человека, прошедшего войну, фашистские лагеря, голод, холод, унижения... Судьба хранила его. Он остался жив, не сломался, не пал духом. Все, что он пережил в плену, изложил в своих воспоминаниях. Ему чудом удалось сохранить маленькую, потрепанную записную книжку, где вкратце записывал даты и факты своей жизни. Сохранились и две фотографии, сделанные перед уходом на войну — его самого и жены. Это была единственная связь с прошлым, которая укрепляла в нем волю к жизни.

К сожалению, при жизни отца я была несправедлива к нему, к его записям... Уже потом, когда он ушел из жизни, я перечитала рукопись. Оказывается я просто не знала своего отца... Мне стало стыдно... но, увы, ничего уже нельзя вернуть. И вот, в год 65-летия Победы в Великой Отечественной войне я решила привести рукопись в порядок, опубликовать ее. Молодое поколение должно знать, какая была война, что такое плен глазами простого солдата.

Немного об отце. Быков Александр Григорьевич родился в 1906 г. 26 июня 1941 г. добровольцем пришел на призывной пункт, считая своим долгом защищать Родину. Обучался на курсах радистов. 27 сентября 1941 г., получив новое обмундирование, винтовку с 10-тью патронами,

рацию, он и четыре красноармейца были направлены на передовые позиции радистами в 147-ю танковую бригаду, в Смоленском направлении. Наша Красная Армия отступала. В котле, под Вязьмой, отец попал в окружение. Затем был плен, побег, болезни, голод, фашистские лагеря, отправка в Германию. В 1945 г. — освобождение, госпроверка личности, регистрация — и снова в строй. 3 июля 1946 г. — демобилизация, возвращение в Тулу. На работу устраиваться было сложно с клеймом пленного. Работал в системе Тулгорторга. После выхода на пенсию занимался военно-патриотической работой среди школьников, молодежи. Много читал. Имеет награды участника войны. Написал книгу воспоминаний, которую посвятил молодому поколению. Тяжелая жизнь дала о себе знать: он почти ослеп. Умер в возрасте 83 лет в 1989 году.

Вяземский котел

Наступило утро 11 октября 1941 г. — небо чистое, появилось яркое солнце, но оно нас не греет. Все дрожим от ночного заморозка. Окопы опустели. Воинов оказалось много, но мы не знали, кто они, разрозненные, отбившиеся от своих частей, как и мы, или иные воинские части?

Договорившись с ребятами, я пошел на разведку выяснить обстановку. Прошел большую территорию леса — всюду находились рядовые бойцы и младший комсостав, но среднего и высшего комполитсостава не видел. Так же отвечали и о комсоставе. Правда, я встретил одного старшего лейтенанта, спросил про обстановку, но он ничего не знал, также был осведомлен и младший комсостав. Ответ был один: ждем свыше распоряжения.

Придя удрученным к товарищам, я сообщил, что узнал; мы тоже решили ждать приказа. К 10 часам дня в небе появился вражеский самолет-разведчик, в километре от нас наши зенитчики обстреляли его. Но снаряды не достали цели, хотя и стреляли метко. Самолет появился и над нами. Один боец выстрелил по нему, но полет пули не был виден. Я решил тоже стрельнуть из винтовки, хорошо прицелился и выстрелил. Пуля была фосфорная и полет ее был виден — она угодила в пузо самолета. В этот же момент он круто свернул. Может, это совпадение, однако у нас всех наблюдавших людей осталось впечатление, что летчик свернул именно от моего попадания. А я думаю, вряд ли это так, ведь немецкие самолеты имели броневую защиту и пуля должна была срикошетить.

Итак, ждем приказа, а его все нет. А войска в этом лесном массиве скопилось очень много, и люди стоят без действия. Правда и то, что старая смоленская дорога не пустовала, по ней шел непрерывный поток в сторону Вязьмы.

Приказа не было, и мы, потеряв терпенье, в полдень покинули стоянку. Вскоре вышли на Смоленский тракт, влились в поток отступающих

войск. В пути происходили частые остановки: то колеса в повозке сломаются, то баллон ската автомашины спустил, и колонна стоит, пока все устроится. Перед вечером совсем остановились. Мы даже пешие хотели сторонкой пробиваться вперед, но вскоре послышалась стрельба, а затем вблизи нас стали рваться снаряды. Стало ясно: колонну остановили вражеские войска, значит, они впереди нас. Так в то время понимали мы, новички, не зная того, что немцы еще 06.10.1941 г. оказались в Вязьме и к 07.10.1941 г. закрыли путь к отступлению на восток нашим войскам!

Когда начали рваться снаряды, часть повозок и автомашин стали разворачиваться и спешно уезжать назад. Повернули и мы обратно. Недалеке находилась какая-то речушка, и мы спрятались под крутым обрывом берега. Здесь же оказался младший лейтенант, от которого мы узнали, что находимся в так называемом Вяземском котле. Известие это, морально на нас подействовало. Но, зная и видя здесь столько войск, особенно много нашей различной артиллерии, я был убежден, что такой силой можно пробить любое кольцо и поэтому уверенно ответил лейтенанту, что окружение нестрашно с таким количеством орудий. Но мой собеседник, немного усмехнувшись, проговорил: «Что толку от нее? Какой? Снарядов-то нет...». Продолжая, сказал, что главное — командование нам обещает сбросить боеприпасы и продовольствие!

Стало быстро темнеть. От речки потянуло холодом, и мы пошли в деревню. Но там оказалось, что все дома забиты людьми, да и вся улица забита транспортом. Хотя с трудом, но нам удалось поместиться в один дом, найдя место только для стоянки около двери, но лавки и пол были заняты спящими людьми.

Никулин с Васильевым ушли на улицу и долго не возвращались. А когда Никулин вошел в дом, тихо сказал: «Чего стоите, идите, там на улице, в машине, продукты берите, охраны нет». Мы с Мининым наотрез отказались, мотивируя тем, что это мародерство. Но Никулин ответил: «Эх, вы... Какое мародерство? Ведь мы в окружении, а это значит, что все достанется врагу». И увлек нас на улицу. Сам он залез в машину, бросил в вещмешок концентрат пшеничной каши и поштучке новых гимнастеров. После этого вернулись в дом, простояв на ногах около входной двери без сна.

Попытка выхода из «котла»

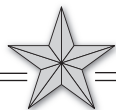
Наступило утро 12 октября 1941 г. Покинув дом, мы в кустах развели костер и стали варить кашу. С голодухи съели каждый по котелку, и затем потянуло на питье. Я отправился в деревню. От местной женщины узнал и название деревни — Пупово. Наполнил котелок водой. На обратном пути увидел брошенный кем-то новый газик (полуторку). Помня приказ Сталина не оставлять врагу ничего годного, вывел из строя всю питательную систему и пришел к товарищам.

Сидим и думаем, что же нам делать? В этот момент в небе появился немецкий самолет и начал сбрасывать листовки. Мой земляк, туляк Сергей, и тут не стерпел: поднял листовку, стал читать. Она была примерно такого содержания: «Вы находитесь в плотном кольце и ваше сопротивление бессмысленно. Поэтому немецкое командование предлагает добровольную сдачу в плен. Кто в течение часа не сложит оружия и не сдастся — пусть пеняет на себя». Прошел указанный срок, оружие никто не сложил, и немцы открыли по нашей зоне ураганный артиллерийский огонь. Всюду рвались снаряды и летели осколки. Мои ребята увидели окоп с одним накатом и быстро заняли его, для меня не оказалось места, я остался незащищенным. Но все обошлось хорошо. Обстрел закончился, и я пошел разведать обстановку. Проходя мимо многих групп красноармейцев, разговаривал с ними и не слышал, чтобы кто-то из них был трусом или паникером. Правда, в одном месте я заметил, что один боец разорвал свой комсомольский билет и бросил в костер. Я стал его упрекать, но он ответил, что сделал это, глядя на других: «В случае, если попаду в руки немцев, сочтут за беспартийного и оставят в живых».

Проходя дальше, наткнулся на ворох военного имущества. Среди них обнаружил две рации РВ — конечно, тоже вывел из строя! Затем, выйдя на опушку леса, я увидел главную магистраль — Смоленск—Москва и по ней движущийся непрерывный поток войск. Теперь я отчетливо понял, что это войска не наши, а немецкие, а когда глянул в сторону опушки, увидел — по полю, в мою сторону едет немецкий разъезд. Я быстро скрылся за кустами. Придя к товарищам, рассказал все, что видел, и мы тут же решили идти севернее Вязьмы на прорыв «кольца». Долго шли лесом, наконец, вышли в поле. Пошли мимо деревни стороной, но вскоре были обстреляны. Нам пришлось вернуться обратно. Здесь, в лесу, мы поняли: днем нельзя выходить на открытое место и отправились на юг. Лес оказался здесь нешироким, и мы очутились, на опушке. Невдалеке увидели большой блиндаж, я предложил ребятам осмотреть его. Но Сергей, видимо, устал и не пожелал идти, с ним остался и Васильев, а мы вдвоем с Николаем Мининым пошли. Подойдя к двери блиндажа, услышали приглушенные голоса. Установив, что речь русская, мы смело вошли внутрь. Помещение было просторное. На лавках сидели человек десять. Один из них надевал на себя обыкновенную воинскую гимнастерку, а в стороне, на полу, валялась гимнастерка с двумя кубиками и лежал ремень комсостава.

Не успели мы поздороваться, как надевавший гимнастерку грозно крикнул: «Кто вы, и зачем сюда попали?» Стало ясно, что он — командир.

Услышав наш ответ, он тут же сказал, обращаясь к своим красноармейцам:

— Ну, как договорились... Тогда пошли.

Все они встали и вышли из блиндажа на улицу. Мы тоже вышли и остановились у двери. Я все думал, о чем они договорились между собой? Если они пойдут на прорыв, так я и сам бы с ними пошел, благо есть командир... Но тут же установил, что они пошли в сторону, где находились немцы, видимо, сговорившись добровольно сдаться в плен.

Я возмутился и говорю Минину:

— Видишь, они пошли сдаваться в плен, а ну-ка, давай пульнем по изменникам Родины. И тут же приготовил свою винтовку к стрельбе. Но Николай взмолился и говорит: «Боже упаси стрелять, образумься! Кругом немцы, они тут же в ответ откроют огонь... Прошу, не тревожь их... Пока тихо, нас не трогают. Лучше идем к своим ребятам, поговорим о ночном походе». Вскинув винтовки на плечо, пошли к своим.

Придя на то место, где остались наши ребята, мы обнаружили, что их нет. На наш зов никто не отзывался. Мы отправились на поиски. Долго бродили по лесу, наконец, наткнулись на группу бойцов, а среди них находился старший лейтенант. Я обрадовался этому и примкнул к этой группе. Тут же узнаем, что этот лейтенант сагитировал эту группу идти на выход из окружения и взял на себя руководство ею. Причем, прежде чем идти, лейтенант подсчитал наличие патронов (винтовки у всех были), разделил их поровну. Среди бойцов нашелся младший сержант, он-то и был назначен замкомгруппы. Наступила ночь с 12 на 13 октября 1941 года, и мы тронулись в путь. Шли осторожно, вышли в открытое поле. Стороной прошли одну деревню. Впереди была другая и большая дорога. Неожиданно ракеты осветили небо. Вслед за этим начался обстрел нашей группы. Появились жертвы. Мы спешно, где ползком, а где перебежками, устремились вперед к лесу. Вошли в него, но территория леса оказалась небольшой. Однако близился рассвет, и мы решили, замаскировавшись, просидеть день, а в следующую ночь снова пробиваться на восток.

Наконец рассвело. День 13 октября предвещал быть теплым. Небо было чисто, солнце грело. Примерно в 10 часов дня наша зона подверглась обстрелу, а затем роща была окружена. После обстрела немцы через громкоговорители стали предлагать добровольно сдаваться в плен. Дали час на раздумье, а когда истек срок, они открыли автоматную пулеметную стрельбу и стали сжимать «кольцо». Мы не сдавались, изредка тоже вели стрельбу, расходовали патроны только по целям. Этого требовал наш командир — старший лейтенант. И вот на наших глазах он был сражен осколком мины.

О нем мне хочется сказать несколько добрых слов. Фамилию запамятовал, но лицо лейтенанта и сейчас помню. Человек был создан вожаком, умел влиять на массы. Не только был смелым, но и рассудительным. После его гибели, когда кончились патроны, мы с Николаем

отошли вглубь лесочка, облюбовали большой куст, спрятались в нем, полагая: если начнут прочесывать лес, могут не обнаружить нас.

Только обосновались, смотрю — вблизи валяется командирский ремень с кобурой. Я тут же расстегнул кобуру и вытащил новенький пистолет. Этой находке был очень рад. Пистолет являлся моим извавителем: Хорошо зная, что немцы коммунистов не оставляли в живых, даже издевались над живыми, я страшился попасть в руки этим извергам. Решил покончить с собой. Прежде чем произвести выстрел, осмотрел патронник, а он оказался пустой, без патронов. Мой друг Минин заметил мое смятение. Подошел ближе и говорит:

— Ты что? Не собираешься ли пристрелить себя?

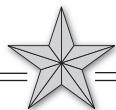
А когда услышал утвердительный ответ, с гневом выкрикнул: «Ну и дурак же ты! Война не бывает без пленных. У тебя на лбу не написано, что ты коммунист. Знаю только я один, но ты можешь положить-ся на меня. Ни при каких обстоятельствах не выдам тебя. А вот мой совет: лучше подумай о том, чтобы твой партбилет не попал в руки фашистам, быстрее уничтожь его, пока не поздно».

Долго колебался, хотел спрятать в ботинки и подумал, а вдруг при обыске немцы обнаружат, они могут использовать мой билет в шпион-ских целях под моим именем... Наконец разорвал билет на клочки и в разных местах закопал в землю.

Плен

Вскоре гитлеровцы приступили к прочесыванию рощи, а когда приблизились к нашему кусту с наведенными дулами, крикнули на ломанном русском языке: «Эй, русь, выходи, а то будем стрелять!». Мы вынуждены были подчиниться. Один из немцев ощупал наши карманы, затем погнали нас на дорогу. Здесь уже стояли десятка два таких же, как мы. После нас еще пригнали 15 человек пленных и строем погнали в сторону Смоленска. Вскоре впереди на магистрали вижу: стоит большая колонна людей, видимо, приготовлены для отправки вглубь тыла. К ней присоединили и нашу группу. Колонна из пленных была большая, примерно около двух тысяч человек. Потом еще с разных сторон пригнали до сотни человек. Построили всех в колонну по восемь человек в ряду. Перед отправкой трое немецких офицеров стали осматривать ряды пленных с головы колонны. Когда они подошли к нашему ряду, один из немцев грубо сорвал с моей головы пилотку, снял звездочку, а пилотку со злостью бросил на землю. После я узнал, что каждый немецкий солдат, если он предъявит начальнику советский значок-звезду — получал награду, как за уничтоженного русского солдата.

После завершения осмотра колонны перед строем выступил немецкий офицер, его слова переводил переводчик на русский язык. Фактически это был приказ. Мы обязаны соблюдать дисциплину, из

строю не выходить и не отставать в случае нарушения порядка без предупреждения. Тут же колонна тронулась на запад. По этой же дороге навстречу, в сторону Москвы, шло немецкое войско. В нем была и пехота. По внешнему виду она состояла как будто из спортсменов с длинными волосами и чубами. Идут гордо, как мясники и отъявленные головорезы. На нас смотрят искоса, ехидно улыбаясь. Проходя мимо этих сверхчеловеков, по-настоящему почувствовал себя оскорбленным и униженным.

Прошли около 10–12 км, перед нами раскинулось слева широкое поле, а справа — большой лесной массив. Около леса увидели труп убитого советского старшины. Сбоку лежит винтовка, крепко зажата в руке. При виде этого меня словно ударило током, невольно выступили слезы. Жаль было этого воина. Немного не добежал до леса и был сражен пулей. Даже умирая, не хотел из рук выпускать винтовку! А вот мы еще живы и не смогли по-настоящему защитить свою Родину. Очень мрачные мысли были у меня.

Когда свой взор обратил в поле, передо мной открылась как бы Бородинская панорама. Разница была лишь в том, что там были люди, а здесь все поле было усеяно повозками, машинами и различной артиллерией. В основном это была наша советская техника, орудия выглядели даже исправными. Настоящее кладбище. Мне кажется, немцы умышленно сосредоточили вблизи главной магистрали такое количество трофеев с целью пропаганды...

Путь наш был долгим. Шли быстро. Нас все время подгоняли. На 25-м километре показался полевой лагерь для военнопленных. Наконец, пройдя ворота, мы растворились среди людской массы. На территории лагеря горело несколько костров. У одного из них мы и устроились с Мининым. Обещанный ужин нам не дали. «Старожилы» здесь находились уже двое суток и тоже без пищи.

Они нам рассказали случай. Накануне в этот лагерь прибыли раненые. Их доставили на двух повозках. А когда утром пришли немцы за лошадьми, то их не оказалось. Не нашли и повозки, которые ночью были сожжены на кострах. Лошадей съели.

Узнав, что на территории есть вода в водоеме, мы решили сварить кашу. Уже был поздний вечер, темнота. Из пруда мы принесли котелок воды и сварили концентрат. Когда стали есть, вкус был отвратительный. С трудом съели, а потом появилась тошнота. И только утром мы узнали причину отвратительного вкуса пшенной каши и ее темного вида. Мы взяли воду не из чистого пруда, а из стойла, где стояло колхозное стадо коров.

После неудавшегося ужина мы легли спать. Вниз постелили одну плащ-палатку, а другой — моей — накрылись сверху. Тут же к нам подошел один неизвестный человек и чуть не плача просил поместить

его на нашу постель. Минин не хотел его принять, но я настоял и положил его рядом с собой. Прошло некоторое время. Чувствую, что моя плащ-палатка сползает. Ничего не подозревая, я ее дернул на прежнее место и вскоре уснул. В полночь проснулся от холода, а моей плащ-палатки и след простыл, вместе с ней исчез и человек.

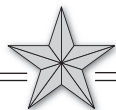
Рано утром 14 октября нас построили и погнали дальше. Погода стояла неустойчивая. Вначале появилось солнце, но вскоре скрылось в облаках. Прошли около 15 км, впереди показалась речка, а около нее толпились люди. Дойдя до нее, мы остановились. У берега стояли два больших котла, а около них лежала на земле куча вареной картошки, из которой немцы стали выдавать пришедшим по норме — полкотелка на двоих. К сожалению, нам с Мининым достался не картофель, как другим, а мятое месиво пополам с очистками и песком. Поели немного такой «прелести», тут же начались тошнота и рвота. Через 20 минут снова в пути. После обеда погода испортилась. Пошел дождь со снегом. К вечеру я совсем промок. Шинель столько приняла воды, что казалось, я несу какой-то тяжелый груз, к тому же промокли и ноги. Неожиданно нашу колонну свернули в поле и нас разместили в бывших окопных траншеях, причем строго предупредили: если кто из траншеи отойдет в сторону на пять шагов, будет расстрелян.

Окопы были мелкие. Днище сырое и с водой. Большинству пришлось находиться около них и делать разминку. Наконец дождик кончился, стало подмораживать. От холода я совершенно замерз, даже хождение не помогало. Из головы не выходила плащ-палатка, и я решил на тот же поступок, как поступили со мной. Отошел в сторону, вижу: четверо лежат на земле, укрытые плащ-палатками и крепко спят, мне легко удалось взять одну и вернуться к Минину.

Остановка в селе Троицкое

15 октября 1941 г. Мы снова в пути. Идем голодные, промокшие и ослабленные. Я вспомнил про домашнюю ветчину, решил использовать. Отрезал на ходу два куска сала — себе и другу, и тут же съели. Стало веселее. К часу дня пришли в село Троицкое. Нас разместили на территории церкви, которая была огорожена колючей проволокой. Здесь нам объявили, что организуется временный сборный пункт и будет налажено питание военнопленных.

Около проволоки собралось много детворы, предлагали хлеб, мясо и другие продукты в обмен на вещи. Недолго думая, я достал запасную новую гимнастерку и отдал девушке, а она взамен дала мне 200 г хлеба и 100–150 г вареного мяса. Жду, полагая, что и мой друг поступит так же, но, видимо, он пожалел менять свою гимнастерку. Не обращая внимания на это, я без обиды по-товарищески разделил пополам то, что выменял, и дал другу.

Вскоре немцы выдали нам по куску вареной конины, которую мы тут же съели. Проходя мимо сарая, увидели в нем солдат, вымолачивающих из снопов зерно. Мы тоже намолотили котелок ржи и, выйдя на пустошь, стали разводить костер и варить кашу.

Когда она была готова, мы услышали в сарае стрельбу и крики. Оказывается, немцы обнаружили, что русские потрошат снопы, и нескольких человек убили и ранили.

Пошел слух, что немцы хотят произвести обыск. Мы тут же свой котелок с кашей спрятали в прошлогодней прелой соломе, которую натаскали для сна под открытым небом. Сидим и ждем. Но немцев пока не видно.

Я решил пойти за водой. Взяв котелок, я направился к ограде, где стояла детвора. Стал подзывать одного мальчика и просить его, чтобы он налил воды из колодца и принес мне, но немцы, озлобленные, тут же отогнали всех «цивильных»... Стою у проволоки и горюю: что же делать? В это время в нашей толпе появился немец. Оглядев многих, стал подзывать к себе, вижу, он обращается ко мне. Я повернулся и хотел скрыться в толпе, но мне двое преградили путь и зло сказали: «Ты не слышишь, немец зовет тебя, а ты бежишь, из-за тебя и мы страдаем. Он сейчас откроет огонь». Я вынужден был идти к фашистам. Около него уже стояли двое и я, третий, подошел к ним. Немец с автоматом повел нас к кузнице, стоящей около леса. В голове появилась мысль, что кто-то меня узнал и, видимо, сообщил немцам, что я коммунист, и нас ведут на расстрел. Спрашиваю впереди идущего: «Куда нас ведут?». Но он тоже не знает и тоже озабочен (позже узнал, что он — москвич, бывший милиционер, звали Николаем).

С тревогой войдя в сарай, увидел там большой чугунный котел. Снова возникла мысль: «Значит нас хотят сварить в кипятке!» Немец нам стал что-то говорить, но мы стоим, как истуканы, ничего не понимая. Это разозлило его, он начал кричать: «Швайне, швайне!».

А затем, видимо убедившись, что мы не понимаем, махнув рукой, быстро куда-то ушел, а нас оставил в сарае. Дверь закрыл на замок. Вскоре немец вернулся с переводчиком. Им оказался русский еврей. Он-то и разъяснил нам, что его назначили старшим, а мы обязаны носить воду, дрова, варить картофель и раздавать его военнопленным. Вскоре привезли два воза картофеля, и мы всю ночь варили его, а утром, 16 октября 1941 г., стали раздавать по три картошки на человека. Многим не досталось. Снова варили день и ночь, теперь уже в двух котлах. К утру 17 октября 1941 г. картофеля наготовили много. На этот раз я был уверен, что всем хватит и я смогу встретить своего друга Минина, но его не было, не появился он и на следующий день... К дверям подходили люди — голодные, истощенные, некоторые умоляли, просили прибавки. Нарушая приказ немцев, я стал выдавать больше, чем положено. Заметив это, немец нанес мне два удара по

голове и отстранил от раздачи. Я думал, что меня выгонят наружу, но этого не произошло.

Встреча с товарищами

К вечеру 17 октября 1941 г. пригнали еще большую партию военнопленных. Около церкви все не могли разместиться, и их поместили в лощине, около нашего сарая. Среди ночи, видимо, запах вареной картошки привлек внимание, и большая толпа хотела вломиться в наш сарай, но немецкая охрана открыла автоматную стрельбу, пули летели и в наш сарай, мы вынуждены были спрятаться за котлами и картошкой. Позже мы узнали — немцы расстреляли около 50 человек, были и раненые... Убитых похоронили за лощиной в лесу. Утром 18 октября 1941 г. после раздачи картошки к сараю подошла женщина с немецким офицером и вызвала нашего старшего, Николая. Он вышел из сарая, и женщина сообщила ему, что он свободен, может идти с ней домой, она упростила немецкого офицера, чтобы он вернул ей мужа... и он разрешил. Но Николай наотрез отказался, поблагодарил ее и заявил, что должен разделить свою судьбу с другими... Женщина со слезами долго его упрашивала, но вынуждена была уйти домой. Мы стали упрекать Николая, что он не воспользовался таким случаем и обидел женщину, которая хлопотала перед немцами, чтобы дать ему свободу.

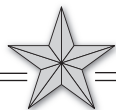
— Ведь, ты мог бы легко уйти в партизаны или попытаться перейти фронт.

Но Николай не раскрыл свою тайну... Однако рассказал, как познакомился с этой женщиной еще перед началом войны. Их часть находилась в этом районе. Будучи младшим командиром, он познакомился с ней и был в близких отношениях...

И все-таки Николай для нас остался загадкой; возможно, он сам сдался в плен, иначе как расценить его поступок. Кроме того, с людьми он не сближался, вел себя обособленно, замкнуто...

Хочется упомянуть о нашем старшем — еврее. Меня поразило поведение этого человека-двуличника. При новом хозяине он служил, как борзая собака, нам не давал покоя, все время грозил, что донесет немцам о нашем плохом служении. Потом его убрали от нас и расстреляли как еврея.

К вечеру этого дня в сарай привели двух истощенных лошадей. Из ноздрей вылезал гной, спины в ранах и тоже загнанные. Этих коней немец заставил кувалдой убить. Один из пленных с маху нанес удар по голове, лошадь как взбесилась... Начала метаться по сараю, чуть не подавила нас, и немец применил оружие. Быстро сняв кожу, стали варить конину. Привели еще одну лошадь, тоже побитая, но без нагноений, этого мяса мы отложили в сумки.

На следующий день, 19 октября 1941 г., эту конину и остаток картофеля раздали людям. Вдруг вижу: подходит Сергей Никулкин. Я схватил его за руку, поставил в угол и сообщил старшему:

— Это мой родной брат.

Так Сергей включился в работу вместе с нами.

Вскоре появился и Васильев, его тоже с трудом удалось оставить. Однако когда пришел прикрепленный немец, то хотел выгнать и Сергея, и Васильева, мы еле-еле убедили его, будто немецкий офицер привел обоих нам в помощь. Таким образом я приобрел друзей.

К вечеру привели еще двух лошадей, вид их был более приятный, вот их мясо мы и набили в мешки. Правда, я боялся, взял не более двух килограммов, а Сергей не растерялся — взял много, старший вообще набил сумку до отказа.

Примерно в полдень, когда работы у нас не было, я с разрешения старшего пошел искать Минина. Из сарая прошел мимо двух рядов охраны, никто не остановил, прошел всю территорию, где должен был находиться мой друг, но его нигде не оказалось. Видимо, был угнан или убит в перестрелке.

Вернулся обратно, подхожу к первому посту — меня не пропускают, показываю на сарай, говорю, что я работаю здесь и пытаюсь двигаться вперед, но вижу автомат, направленный на меня. Слышу сзади голос: «Отбегай скорей, сейчас застрелят». Я отскочил. Этот человек, похоже, слышал, когда я говорил немцу, что работаю на кухне, и по-немецки объяснил все часовому. Я пошел к сараю. Не дойдя 50 метров остановился и закричал:

— Эй, старшой, выйди...

А сам смотрю на второй пост немцев, волнуясь, что и здесь не пропустят. Но все обошлось благополучно. Как я потом ругал себя! Ведь я пошел в одной рубашке, полагая, что немцы обратят на это внимание и пропустят, но, увы, чуть не оказался в беде. Моя шинель и сумка оставались в сарае. Если бы не оказалось того человека, знавшего немецкий язык, остался бы я раздетым и наверняка, погиб бы.

Отправка на этап

Утром 20 октября 1941 г. от немца узнаем, что лагерь закрывается, приказ собирать вещи и выходить на улицу. От него мы получили по 400 граммов хлеба. На улице уже стояла колонна людей, тоже получивших хлеб. Мы пристроились к ней и ждем. Здесь мы тоже получили такую же порцию, хотя немцы спрашивали, почему не получили на кухне.

Наконец прибыл конвой, состоящий из финнов. Окружив нашу колонну, погнали на запад. Конвоиры оказались злые, как собаки, гнали нас, как скот, а кто отставал — пристреливали. Всего в пути пристрелили 15 человек. Это было впервые, и мы были потрясены.

День был пасмурным и холодным. К вечеру нашу колонну направили в поле и в ложбине приказали ночевать. Здесь откуда-то появился другой конвой с собаками-овчарками, который оцепил всю низину. Вскоре на русском языке объявили, где можно получить хлеб. Мы остались готовить себе ночлег, но многие пошли. Пошел и наш сосед, но обратно не вернулся — видимо, был убит в то время, когда была нарушена очередь за хлебом и немцы открыли огонь из автоматов по толпе... Вот так нас «учили» и расстреливали гитлеровские головорезы.

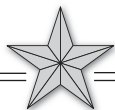
От холода и ветра всю ночь не спали. Утром 21 октября 1941 г. нас построили и начали обыскивать. Отобрали все хорошее: сапоги, ботинки, шинели, мыло. Боясь лишиться обуви, я порезал ботинки и грязью измазал шинель, но нас не обыскивали. Пошел дождь со снегом. Колонну спешно погнали дальше. В пути мы снова убедились, что немцы — изверги, ведь отбирая у пленных шинели и обувь, они оставили людей голыми и босыми. Эти несчастные отходили в сторону, пропуская строй, со слезами просили:

— Братцы, не дайте погибнуть. Если есть у кого в запасе (обувь или одежда), дайте...

Таких было больше десятка: одни были без обуви, но с обернутыми портянками ногами, другие — с голыми ногами вообще и в одних рубашках. Их страшные лица и отчаяние до сих пор стоят перед моими глазами. Трудно забыть такое зрелище. Но кто им мог помочь?!

Все они были пристрелены в конце нашей колонны. Это не выдумка, а настоящая правда. Я лично видел своими глазами и могу поклясться чем угодно...

Наконец проселочная дорога кончилась. Наша колонна пленных вышла на главную магистраль Смоленск–Москва. Идти стало легче. По этой дороге тоже шло фашистское войско, но оно спешило в обратную сторону, на Восток. В основном это были тыловые части, все грузовые машины были загружены до отказа. На одной машине виднелся миллионный знак. Но недолго мы пользовались этой дорогой. Неожиданно повстречался фашистский генерал с группой сопровождающих. Он резко отругал офицера нашего конвоя, что колонна заняла трассу, и приказал очистить дорогу. Нашу колонну, примерно две тысячи человек, согнали в сторону и погнали по пахотной глинистой земле. Ноги вязли в грязи, идти было трудно. Пройдя с километр, впереди увидели большой ручей или речушку. Передние ряды пленников свернули на магистраль, чтобы обойти воду, но по ним конвоиры открыли автоматную стрельбу. Многие были убиты и ранены, остальной же массе ничего не оставалось, как лезть в ледяную воду, глубина которой оказалась по пояс человека. Вся одежда набухла, в обуви хлюпала вода — в таком состоянии нам пришлось продолжать долгий путь.

Наши муки чуть-чуть облегчились, когда мы вышли на магистраль. В стороне на возвышенности виднелся разрушенный город Ярцево, на железнодорожной линии стояли обгоревшие вагоны и пульманы. В это время резко подморозило, наша одежда смерзлась, набухшие шинели стали, как лубок. Моя правая нога оказалась вся стерта, появились кровяные пузыри, и если бы не помогли мне Сергей с Васильевым, вряд ли я дошел бы до полевого лагеря.

Ночевка в лагере

В сумерках с трудом дошли мы до бывших оборонительных позиций и в окопах расположились ночевать (почти все траншеи были наполнены водой). Нам с трудом удалось отыскать один небольшой окоп, и семеркой (бывшие рабочие на кухне) мы заняли его. Сергей тут же взял котелок и отправился к небольшому костру сварить пшеничную кашу. Там на него набросились голодные старожилы-пленные и отобрали кашу. Вскоре группа этих голодных стала отнимать продукты у людей, которые только что прибыли с нами. Такая попытка была применена и по отношению к нам, но мы их отогнали. Наспех съев свою конину, я оставил ребят и пошел к старожилам в центр лагеря узнать обстановку.

Я увидел страшную картину. Во многих окопах лежали трупы, а кто еще был жив, выглядели, как скелеты. Оказалось, что их пригнали сюда раньше. Прибыло несколько партий, немцы пищи не давали никому, от истощения люди ослабли, и их оставляли здесь, а в тыл гнали только здоровых. Глядя на истощенных людей, что было в кармане, я все отдал этим мученикам и с тяжелым чувством вернулся к своим друзьям.

Наступило утро 22-го октября. Мы с Сергеем решили отыскать воду. Это оказалось непросто, т.к. вся вода в низине была перемешана с человеческой кровью. По-видимому, здесь шли жестокие бои, и вся земля была насыщена кровью, и когда шли дожди, она выступала наружу...

В одной колее решили утолить жажду. Я через носовой платок много глотнул, и тут же появилась тошнота.

Примерно в 10 часов дня послышалась команда строиться на этап.

Смоленский лагерь

Все, кто мог двигаться, вышли на магистраль; нас построили по восемь человек. Колонна была большая. На этот раз немцы выдали по одной восьмисотграммовой буханке глинистого хлеба на каждый ряд, т.е. по 100 граммов на человека, и тут же колонну погнали в Смоленск под усиленной охраной с овчарками. Так же, как и ранее, строго предупредили соблюдать порядок, из строя не выходить и не отставать, иначе будут расстреливать.

Прошли около двух километров, навстречу подъехали три легковые машины. Они остановились, из них вышли несколько немцев. Колонне приказали остановиться. Двое немцев ворвались в средние ряды, и насильно вытащили нашу девушку-медсестру из строя. Девушка, как могла, сопротивлялась и звала на помощь. К счастью, ее только сфотографировали на фоне колонны и отпустили обратно в строй. По правде сказать, мы ожидали худшего. Как только эти три машины тронулись в путь, вслед за ними погнались и нашу колонну.

Вскоре истощенные люди стали отставать, их тут же на наших глазах пристрелили. Эта же участь постигла еще нескольких человек, случайно оступившихся и оказавшихся в одном метре в стороне от строя. Этот варварский прием основательно потряс многих из нас, мы потеряли надежду дойти до Смоленска. Не покидала и меня такая мысль, когда прорвались кровавые мозоли на правой ноге и мне стало трудно идти. В одном месте были густые кусты, я решил бежать, но Сергей удержал меня и стал помогать, чтобы продолжить путь. Вскоре отважились на побег трое смельчаков. Они быстро покинули строй и побежали в глубину редкого леса. Немцы двоих подстрелили, одному удалось убежать метров на 600, но и его достала пуля. Таким образом, пока мы достигли лагеря, наша колонна потеряла 19 человек, все они были убиты в пути.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ КРИВОНОГОВЫХ

*Спиридонова Мария, 14 лет,
ученица 9 класса МВ(С)ОУ-О(С)ОШ №1,*

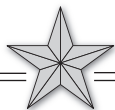
*Демченко Наталия Александровна,
учитель русского языка и литературы,
руководитель историко-литературного музея «Земля родная»,
г. Тула*

I

Старые письма.

Живая память ушедших поколений. Возможность увидеть прошлое, прикоснуться к нему, понять мысли и чувства тех, кто творил историю, жил, любил, страдал, строил великое государство, одерживал победы на полях сражений.

Старые письма позволяют заглянуть в душу человека, постичь ее глубину.

Старые письма — уникальная возможность проследить историю семьи в контексте исторического развития государства.

Вот и мы, вчитываясь в письма с фронтов Великой Отечественной войны, вглядываясь в фотографии и документы, попробуем написать историю простой тульской семьи Кривоноговых.

II

Василий Алексеевич и Анна Тимофеевна Кривонозовы, главные герои нашего исследования, родились в самом начале XX века.

Василий Алексеевич Кривонозов родился 28 декабря 1902 года и вырос в Туле, жил с родителями на Щегловской (Гнидина, ныне Калинина), а потом на Замочной улице. Рос в рабочей семье, как и большинство детей с рабочих окраин Тулы образования не получил. В церковно-приходской школе при храме Дмитрия Солунского научился читать по слогам, кое-как писать, производить несложные арифметические действия. В книжке красноармейца, полученной в 1924 году, так и записано: «образование — малограмотный». В 1919 году семнадцатилетним юношей пришел Василий Алексеевич на Оружейный завод и проработал на нем слесарем почти всю жизнь.

Анна Тимофеевна Кривонозова (в девичестве Котенева) родилась в деревне Кутепо во в 12 км от Тулы. Беззаботным детство девочки из крестьянской семьи не назовешь. Аня помогала матери по хозяйству: мыла полы, посуду, стирала, работала в поле и огороде, ухаживала за курами, доила корову, чистила двор. Учиться было некогда, да и зачем, считали в то время, женщине-крестьянке знать грамоту. В семье посещали воскресную школу только мальчики, братья Анны Тимофеевны — Василий и Федор.

Они-то и научили своих сестер (Марию, Веру, Анну) читать и писать печатными буквами.

Уже позже, в 1937 году, Анна Тимофеевна, имея четверых детей, окончила школу для малограмотных при 20 начальной школе Пролетарского района и получила Свидетельство Народного комиссариата просвещения за № 6.

В 1917 грянула Октябрьская революция, резко изменившая жизнь крестьянской семьи Котеневых. Оставив разоренное хозяйство, Котеневы-младшие в начале 20-х годов перебрались в Тулу, где можно было найти работу. Жили у родственников, братья устроились на оружейный завод, Анна перебивалась случайными заработками.

В 1923 году состоялось знакомство Анны Тимофеевны Котеновой и Василия Алексеевича Кривонозова.

Они поженились в феврале 1924 года в Туле. Василий Алексеевич уже пять лет работал на Тульском оружейном заводе. В декабре

1924 года родился первенец — сын Николай. Почти в то же время Василия Алексеевича забрали на действительную военную службу в Красную Армию, в войска связи Ленинградского военного округа. Вернулся он домой в июле 1926 года, а в марте снова устроился на оружейный завод слесарем. Руки у Василия Алексеевича были золотые, да и другого для себя поприща он и не представлял: отец, дед, дядя — все рабочие, все трудились на прославленном тульском предприятии.

В 1927 году в семье Кривоноговых родилась дочь Нина. Молодая семья жила в доме родителей Василия Алексеевича, вместе с его мамой. Дом был маленький: всего-то одна комната, перегороденная занавеской, крохотная кухонька да терраска — для растущей семьи тесновато. Василий Алексеевич работал в это время в магазинной мастерской оружейного завода, зарплату получал хорошую — 72 рубля 15 копеек в месяц. Решили на семейном совете часть денег откладывать и покупать материал для строительства нового дома. Кривонозовы обратились в Тульский городской отдел коммунального хозяйства и в августе 1928 года получили разрешение на постройку одноэтажного деревянного дома по ул. Замочной.

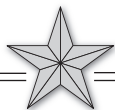
Как ни экономила семья деньги, их все равно не хватало на то, чтобы закупить необходимые материалы на постройку дома. Василий Алексеевич строил дом для своей семьи, ему хотелось, чтобы в этом доме всегда было уютно и тепло, чтобы здесь звучал детский смех, росли дети, а потом и внуки. Материалы закупал сам, выбирал тщательно, за ценой не стоял. В январе 1929 года Кривонозов В.А. обращается с заявлением в Тулгорбанк с просьбой выдать ему денег в сумме 1000 рублей. Деньги необходимы для достройки дома, т.к. «... не хватает следующих материалов (следует перечисление с указанием стоимости). ...Кроме вышеуказанного материала нужно заплатить плотникам за работу в сумме 200 рублей».

14 февраля 1929 года строительство посетила комиссия в составе сотрудника банка и члена горсовета, которые познакомились с ходом строительства, оценили общую стоимость недостроенного дома, рассмотрели вопрос о необходимости покупки заявленных материалов. В результате 2 апреля 1929 года был составлен Договор на получение кредита в сумме 500 рублей, рассчитанного на пятьдесят месяцев. Начиная с 15 мая 1929 года по 15 июня 1933 года, заемщик должен был выплачивать банку по 1 рублю 10 копеек ежемесячно.

К осени 1929 года строительство дома было завершено. Новый 1930-й год счастливая семья Кривоноговых встречала в собственном доме.

В 1930 году у Анны Тимофеевны и Василия Алексеевича родился третий ребенок — дочь Алевтина, через три года, в 1933 году — младшая дочь Тамара.

В общей сложности семья Кривоноговых прожила в доме, построенном отцом, 42 года. Отсюда уходили на фронт отец и сын Криво-

ноговы. Здесь праздновали свадьбы дочерей. В середине 50-х годов XX века семья старшей из них, Нины, построила позади свою усадьбу. В 1971 году оба дома были снесены, дочери получили отдельные благоустроенные квартиры. Анна Тимофеевна поселилась вместе с семьей младшей дочери Тамары в квартире на улице Калинина.

III

Война 1941 года оборвала мирную жизнь. Немцы подходили к Туле. В сентябре 1941 года остановился оружейный завод, и началась его эвакуация. С последним эшеломом 30 октября уехал на восток страны брат Анны Тимофеевны Кривоноговой Котенев Василий Тимофеевич с женой Надеждой Васильевной. Им предстояло на новом месте обустроить цехи и приступить к выпуску столь необходимой на фронте продукции оружейного производства. Собирались быстро, оставляли в Туле квартиру, нажитое годами тяжелого труда имущество, родных и близких. Ехали в неизвестность.

Сохранилось несколько писем от них, по которым можно представить, насколько трудно приходилось тем, кому, как считали некоторые, в то грозное время «посчастливилось попасть в эвакуацию».

Котеневы приехали в Златоуст в середине ноября 1941 года, им предоставили временное жилье, малопригодное для нормального существования. В письме от 01.04.1942 года Надежда Васильевна сообщает Анне Тимофеевне, что живут они по-прежнему: «...где мы живем, это помещение заливают так, что приходим с работы, отливаем воду, работенки прибавилось. Квартиру нам так и не дали». В письме она сетует на то, что некоторые жилье получше получают быстро, а их «заявления с визой директора пропали, теперь снова начинаю писать заявления. Какая обида, надежды мало, чтобы получить, так как везде, куда ни пойдешь, ответ один — нет и нет»¹.

В эвакуации семья Котеневых потеряла единственного ребенка, умершего в результате простудного заболевания, часто болели и взрослые: «...я была больна, теперь вот, как поправилась, так спешу ответить. Мы пока с Васей живы, здоровьем, правда, похвастаться не можем, но ничего не поделаешь... очень далеко ходим на работу, мало отдыхаем, мало кушаем — вот и причина нашего недомогания».

Анна Тимофеевна из последних сил старалась помочь семье брата, она понимала, как тяжело приходится ее родным, оказавшимся далеко от родного дома. В письме от 03.02.1943 года брат и его жена благодарят сестру за посылку: «Нюра, каждое письмо, вложенное в посылку, я облила горячими слезами. Как хочется увидеться со

¹ Орфография писем, использованных в исследовательской работе изменена. — Прим. автора.

всеми вами, но, наверное, еще не скоро и придется ли, так как условия жизни с каждым днем становятся затруднительнее в смысле питания. Конечно, только здесь, в Златоусте, так плохо, а в других городах совсем не сравнять со Златоустом (Эти строки, на наш взгляд, написаны специально для цензуры. Ведь жаловаться на плохую жизнь было опасно, могли посчитать за клевету на государство, одерживающее победы не только на фронтах Отечественной войны, но и в тылу). И тем более, мы оба работаем, чуть ли не каждый день поезд нас привозит с опозданием, отдыхать приходится совсем мало, да и боишься проспать. Сон беспокойный, но это только потому, что боишься опоздать на поезд. Будильник наш перестал звонить, поэтому мы боимся страшно проспать. У нас теперь из карточек вырывают по 200 грамм, кто опаздывает на работу. ... еще раз благодарим за посылку».

Вернуться из эвакуации в родную Тулу Котеневы смогли лишь после окончания Великой Отечественной войны, в конце 40-х годов.

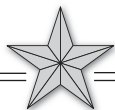
Война не обошла никого из большой и дружной семьи Котеневых. Муж сестры Веры, Дмитрий Васильевич Титов, воевал, был ранен.

Неприятная история произошла с братом Анны Тимофеевны — Федором, который неожиданно в начале 1942 года явился с фронта в родную деревню Кутепо, долго скрывался в доме жены на чердаке. Что произошло с ним на самом деле, сейчас сказать сложно, ведь живых свидетелей той давней и запутанной истории не осталось. Есть только взволнованные письма родных и близких, да обрывочные воспоминания Тамары Васильевны, младшей дочери Анны Тимофеевны. Возможно, Федор был ранен или контужен, оказался в тылу фашистов, а после их разгрома под Тулой сумел пробраться домой, не имея никаких документов (восстанавливать их пришлось позже). Есть и такая версия: получив контузию, он был комиссован, но документы, подтверждающие его ранение, оказались потерянными, вот и пришлось ему скрываться, чтобы не признали дезертиром и не расстреляли за трусость по законам военного времени. Сам Федор ничего не объяснял, сторонился этой темы, поэтому в письмах родных звучат нотки недоумения и тревоги.

01.04.1942. Златоуст. Письмо Нади и Васи Котеневых Анне Тимофеевне Кривоноговой: «...а насчет Феди нас очень огорчило известие. Ну, мы помочь в этом горе ничем не можем. Будем надеяться, может быть, обойдется все хорошо...».

19.06.1942. Письмо Василия Алексеевича Кривоногова жене: «...вы мне опишите, как там брат Федор, по каким документам живет...».

17.08.1942. 195 полевая почта 243 полка 2 эскадрона. Письмо Василия Алексеевича Кривоногова к жене: «...Нюра, вы не знаете, как тут находится. Это только знает брат Федя...»

08.01.1943. Письмо Николая Кривоногова матери: «...напишите также, что происходит в деревне и как дело обстоит с Федей. Я им послал уже несколько писем, но ответа не получил...».

Затянувшееся молчание родных, нежелание объяснить случившееся заставляет Николая по-другому посмотреть на поступки родственников. На место тревоги и сожаления приходит гнев, порождающий, может быть, не совсем оправданные обвинения: «...они там зажирили и ни на кого не обращают внимания. Есть такая пословица «Сытый голодному не верит». Так и они там. Ну ладно, будет и на нашей улице праздник, вспомнят и они нас. В особенности Паня¹ вспомнит не один раз, и, быть может, придет и будет кланяться в ноги. Ну ладно, об этом довольно, не нам их судить. Есть люди умнее нас и пусть они их судят...» (письмо Николая Кривоногова матери. 05.02.1943).

Вскоре ситуация прояснилась, отношения родных возобновились. На протяжении всей войны между родственниками шла активная переписка. Они высылали друг другу посылки, деньги, зачастую сами не имея всего необходимого. Вместе переживали гибель на фронтах Великой Отечественной войны родных и друзей.

IV

Война приближалась к Туле. Для семьи Кривоноговых наступили тяжелые времена.

25 октября 1941 года Василий Алексеевич Кривоногов и его семнадцатилетний сын Николай, пришедший на завод пятнадцатилетним парнишкой после окончания 8 классов в августе 1940 года, были уволены с Тульского оружейного завода в связи с его эвакуацией, о чем есть запись в трудовых книжках. Каждый день Василий Алексеевич, его сын, как и другие официально уволенные с завода рабочие, приходили в притихшие заводские мастерские. В дни обороны Тулы рабочие руки были необходимы: оружейники ремонтировали технику, подбитую на полях сражений, приводили в порядок поврежденные винтовки. Жену с дочерьми Василий Алексеевич отправил к сестре Анастасии в родную для Анны Тимофеевны деревню Кутепоно, подальше, как он надеялся, от ужасов войны.

Несколько недель, проведенных в доме сестры, оказались для Анны Тимофеевны страшным испытанием. Пусть на короткий срок, на несколько дней, оказались они на оккупированной гитлеровцами территории. Тамара Васильевна, младшая дочь Кривоногова В.А., вспоминала: «Помню, как однажды деревня замерла, казалось, что все ушли, бросив свои дома. Было жутко. Вдруг загрохотали мотоциклы, захлопали двери домов, раздались крики, плач, выстрелы. К нам в

¹ Жена Федора. — *Прим. автора.*

дом вошли какие-то люди с автоматами. Они громко разговаривали на незнакомом языке, смеялись, показывая на нас, прижавшихся в углу комнаты друг к другу.

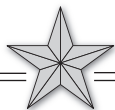
Хорошо запомнился один день. Нас пустили в дом погреться у печки (ночевали в погребе, боялись лишний раз выйти на улицу), за столом в комнате сидел какой-то военный, он что-то писал, а перед ним на столе лежали конфеты и печенье. Мы, детишки, так и замерли при виде такого богатства. Он поднял глаза, посмотрел на нас, потом на стол и захохотал. Угощения мы так и не получили. Долго плакали от голода и обиды. А ночью сестра Нина, самая старшая из нас, пробралась в дом и, взяв прутик, стала щекотать пятки спящему обидчику. Тот просыпался, ругался, но, никого не видя в темноте, снова ложился спать. Утром она рассказала нам о своем подвиге. Мы долго смеялись. Сейчас-то я понимаю, какой страшной расправой могла обернуться эта детская шалость».

Как только фашистов отогнали от Тулы, семья в конце декабря 1941 года вернулась в родной дом на улицу Замочную. Сын Николай, старшая дочь Нина пытались устроиться на работу, младшие пошли учиться в школу, а Василий Алексеевич со дня на день ждал повестки в действующую армию.

Провожать отца на фронт смогли пойти только маленькая Тамара и жена. Сбор был назначен на Площадке. Долго не подавали транспорт для новобранцев. Где-то играла гармошка, кто-то пел тихим голосом грустную народную песню, мужчины курили, а женщины и дети стояли с сторонке, тихо утирали слезы, вздыхали. Ожидание затянулось. Анна Тимофеевна решила сбежать на фабрику-кухню за горячим обедом для детей и мужа (С весны 1941 года одну из маленьких комнат в доме занимал квартирант Миша Петрушин. Он очень сдружился с Николаем, чем мог помогал Анне Тимофеевне, работая поваром на фабрике-кухне, часто приносил остатки готовых блюд). «Только она ушла, как подъехали машины. Отец едва успел вывести меня на дорогу и объяснить, как добраться до дома», — вспоминает Тамара Васильевна. Когда женщина вернулась на место сбора, там никого уже не было, попрощаться с мужем она не успела.

Для Анны Тимофеевны начались трудные дни. Ей, как многодетной матери, выплачивалось пособие в размере 200 рублей на каждого несовершеннолетнего ребенка. Любящий муж и отец, Василий Алексеевич Кривоногов даже с фронта старался помочь семье. Если предоставлялась возможность, высылал вместе с письмом 3 рубля, просил зря деньги не тратить, интересовался, что растет в огороде.

Сначала Василий Алексеевич служил поваром: «...Нюра, я стал поваром, как приехал в часть, так и стал варить...» (письмо от 03.05.1442), затем в комендантском взводе. Наконец его определили в санитарный эскадрон, где ему, городскому жителю, было очень трудно

привыкнуть к лошадям: «Занимаюсь с лошастью, ничего не понимаю, но приходится учиться» (письмо от 19.06.1942).

В своих письмах домой Василий Алексеевич части пишет том, как он скучает по жене, детям, интересуется их жизнью, учебой дочек, рассказывает о своей службе. Все трудности и невзгоды военного времени он воспринимал как свою судьбу: «Трудно, но что же делать, надо терпеть».

С августа 1942 года полк, в котором служил Василий Алексеевич, был отправлен на фронт. Война потрясла его своей ужасающей правдой. Он пишет по-настоящему страшные слова: «Только ждешь поскорее смерти». Читая письма с фронта, понимаешь, как тяжело было этому мирному человеку, любящему мужу и отцу, как страшно потерять все, не дожить до победы.

22.05.1942 г.

Нюра... мне очень скучно стало. Я хожу один, никого нет знакомых, очень скучаю. Если бы вы знали, как живут, но что же делать. Сядешь около окна, смотришь в окно. Куда идти, некуда... кормят у нас ничего, голодные не сидим. Нюра, я прошу вас, опишите мне все про всех и почаще пишите мне письма...

До свидания.

Остаюсь вашим мужем Василий Кривоногов.

195 полевая почта. Комендантский взвод.

02.06.1942 г.

...Нюра, опишите мне, что вы посадили в огороде... Нина, вы пишите мне все, что у вас в городе делается и чего вам дает Нюра. Как ребята? Слушаются вас или нет? Нина и Коля, живите и слушайте мать, не огрызайтесь... пришлите мне карточку свою, очень хочется посмотреть на вас всех.

Жду с нетерпением писем. Ваш папа жив и здоров Кривоногов Вася.

15.06.1942 г.

...Нюра, ты пишешь, трудно жить, я хорошо это знаю, но что же делать, приходится переживать утраты...

С августа 1942 года интонация писем меняется, в них больше грусти, тоски по дому, тягостных предчувствий.

17.08.1942 г.

...Нюра, я сейчас нахожусь на фронте. С 1 августа полк в окопах. Я пока жив, здоров, чего и вам желаю. Нюра, вы не знаете, как тут находиться, только тот знает, кто был сам. Очень трудно. Заболеешь,

поправиться нечем, помыться негде, ходим 3 дня не умываемся, воды не хватает.

Дети мои, чай вы меня больше не увидите, я очень плохо себя чувствую. Как сажусь писать письмо, так у меня слезы полились...

Мой адрес 195 полевая почта 243 полка 2 эскадрона, получит Василий Алексеевич (подпись).

В августе Василий Алексеевич узнал о том, что его сын Николай тоже находится на фронте. Он получил от него письмо и как православный человек успокаивает сына: «Коля, это наша с тобой судьба».

Последнее письмо от Василия Алексеевича в Туле получили в начале октября 1942 года. В ноябре 1942 года Василий Алексеевич Кривоногов пропал без вести. Он воевал на Ленинградском фронте. Ему было всего 40 лет. В семье остались только письма.

27.09.1942 г.

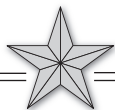
...я вам шлю свой сердечный привет. Я пока жив и здоров, того и вам желаю. ...Нюра, нахожусь на фронте, очень скучаю. Нюра, Колино письмо я получил. Коля пишет, мы скоро разобьем врага и вернемся домой. Нюра, что же вы перестали мне писать письма, мне очень трудно бывает. Все работаем, копаем окопы, некогда писать на марше, спать хочется. Нюра, почему Нина мне не пишет письма, бывало, я часто получал письма, мне очень весело было, а сейчас очень скучно. ...Нюра, нам очень бывает холодно, мы находимся в полях, морозы бывают, прыгаешь, а что делать. ...Целую вас всех крепко несколько раз. Пока до свидания. Жду ответа.

Ваш Василий Алексеевич.

V

На смену отцу в октябре 1942 года на фронт ехал сын, Кривоногов Николай Васильевич. Ему еще не было 18 лет. Он прожил очень мало, вся его рабочая биография в трудовой книжке занимает лишь несколько строк. Две записи: первая — «Принят учеником на завод № 314 2 августа 1940 года»; вторая — «Уволен в связи с эвакуацией завода 25 октября 1941 года». Николай рос трудолюбивым и ответственным человеком. Когда отца забрали на фронт, он остался старшим мужчиной в семье, как мог подрабатывал, старался помочь матери.

Вместе с другими туляками его отправили на Ленинградский фронт. Здесь в декабре, как только Николаю исполнилось 18 лет, его приняли в комсомол. Сложно представить, что творилось в душе парня, когда мать сообщила ему о том, что отец пропал без вести. Какие чувства руководили им, когда был зачитан приказ о направлении его на курсы младших

командиров. Учеба длилась неполных два месяца: строевая подготовка, политучеба, тактика, стрельбы. Время пролетело быстро, и 26 февраля 1943 года Николаю Кривоногову присвоили звание младшего сержанта и назначили командиром орудия. «Шлю вам свой чистосердечный командирский привет с наилучшими пожеланиями в вашей дальнейшей жизни. Мама, вы все можете меня поздравить со званием младшего сержанта...» — пишет Николай домой 26 февраля 1943 года.

Он мечтает попасть на фронт, бить фашистов, освободить города и села, приближать долгожданную победу. Он — настоящий комсомолец, дисциплинированный, бескомпромиссный, он молод, ему неведом страх. Николай, потеряв на войне отца, близкого и дорогого человека, осуждает других за трусость, призывает в письмах к мужеству и стойкости.

31.12.1942 г.

...Мама, в настоящее время я обучаюсь на курсах младших командиров и через месяц буду командиром. ...Мама, я знаю, что всем сейчас трудно жить, но я не знаю, какими советами я могу вам помочь. Мама, у нас здесь крепкая дисциплина. Например, подъем происходит за три минуты, нужно обуться и одеться и идти строиться. Чтобы раздеться и лечь спать, нужно 5 минут. Недавно у нас произошел такой случай. Один боец, будучи патрулем на железнодорожной станции положил левую руку под колеса поезда. Ему отрезало четыре пальца. Положил он руку с целью вернуться домой. Но военный трибунал приговорил его к расстрелу. И этого мерзавца расстреляли на глазах у всего полка. Мама, пример с таких гадов брать не приходится, потому что если мы все захотим домой, то кто же будет бить немцев...

Николай пишет домой часто, он скучает, хотя не хочет подавать вида. Война сделала его взрослым: после того, как на фронте пропал отец, именно он стал главным мужчиной в семье, он должен поддерживать мать, сестер, вселить в их души надежду на лучшее, утешить, успокоить.

13.10.1942 г.

Здравствуйте, мама, Нина, Аля, Тамара. Шлю свой сердечный привет. Прошу передать привет всем родным и знакомым. Мама, живу пока хорошо, уже три дня, как нам выдают паек. Остаюсь жив и здоров. Н. Кривоногов.

19.10.1942 г.

Привет из Ленинграда!

...Я жив и здоров. Благополучно добрались до Ленинграда...

12.11.1942 г.

...Мама, живу я пока ничего, хожу на работу. Мама, писем пока мне не пишете, потому что у меня нет адреса. Когда направят в часть, тогда пришлю вам адрес... А сейчас нет времени писать. Вечером темно, утром тоже, а в обеде отдыхаем.

25.11.1942 г.

...Шлю вам свой пламенный фронтовой привет.

...Мама, живу пока хорошо. Нахожусь на Ленинградском фронте... Мама, мы получили теплое обмундирование и живем хорошо...

02.12.1942 г.

...Мама, когда мне исполнилось 18 лет, в этот день меня приняли в комсомол. Так что теперь я комсомолец...

...Разрешите поздравить вас с днем сталинской конституции...

09.12.1942 г.

...как вы живете, как работает Нина, и как учатся Аля с Тамарой. ...Мама, вы, наверное, слышали по радио о наступлении наших войск в районе Сталинграда и центральном фронте. Надеюсь, что скоро придет то время, когда мы заживем снова тихо и спокойно...

02.01.1943 г.

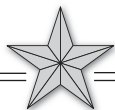
...Шлю вам свой сердечный пламенный привет с наилучшими пожеланиями в новом 1943 году...

Это письмо сижу и пишу в свободное от всего время. Мама, напишите мне, как вы встретили Новый год и как вообще живете, напишите поподробнее. Мама, когда я получил письмо от вас, то был очень весел. Пишите мне скорее, а то, возможно, скоро уедем на фронт. 1 января выпили по 100 гр. водки, одним словом, все хорошо...

05.01.1943 г.

...Мама, живу пока ничего, одет и обут тепло. Выдали ватник, брюки, теплое белье, нательное белье, валенки, ботинки. Хлеба дают столько же, сколько я получал дома, выдают также сахар, конфеты и прочее, одним словом, живу хорошо. Сейчас сижу на занятиях по топографии. Сижу, слушаю и пишу вам письмо. Большинство занятий бывает у нас на улице около орудия. Тренируемся изготавливать оружие к бою, подавать команды и прочее...

...Мама, как пришлет письмо папа, так пришли мне его адрес и напиши, что он пишет... (Надежда на то, что отец жив, не оставляет Николая, он верит в счастливый исход) ...Мама, возможно, скоро кончится война, и тогда вам немного полегчает (Удивительно, но о

себе после войны Николай не говорит ни слова). Но это все ничего, у вас, наверное, есть еще капуста и вам еще ничего, а вот прошлой зимой в Ленинграде было во много раз хуже, и то люди жили. Сейчас там хорошо, рабочие работают на заводах, ну, одним словом, все исправилось. Жизнь в Туле лучше всего, я это точно знаю... Мама, вы, наверное, слышали по радио или читали газеты, что скоро командиры будут носить эполеты. Скоро буду носить и я, а именно в первых числах февраля. Жаль только негде сфотографироваться. Пока до свидания, целую вас всех крепко. С красноармейским приветом Николай.

08.01.1943 г.

...Опять пишу письмо на занятиях по огневой службе. Сегодня мороз минус 23, и мы большую часть дня находимся в классе... В моей жизни ничего не изменилось. Живу по-прежнему сравнительно ничего. Если бы жили так и вы, то тогда было бы очень и очень хорошо...

23.01.1943 г.

...Срок моего обучения подходит к концу. Думаю, что скоро, а именно в середине февраля, мы поедem на фронт, на окончательный разгром немецких грабителей... Кормят нас хорошо, можно сказать очень хорошо. Хлеба дают 800 граммов, в завтраке 300 гр. хлеба и каша со свиным салом, в обеде щи с мясом и каша с салом и 300 гр. хлеба, а в ужине дают 200 гр. хлеба и щи с мясом и сахар. Одним словом живу очень хорошо, надеюсь, что скоро будет еще лучше...

31.01.1943 г.

...Свободного времени мало и письма пишу или на занятиях, или находясь в наряде. Но это понятно, что сейчас время военное и у всех свободного времени мало. Вы пишете, что у вас нет дров, и вы не дождетесь лета. Я тоже никак не дождусь лета. Мне хочется посмотреть на местность, где я нахожусь, летом. Но, наверное, мне не придется, потому что скоро уедем на фронт...

Оказавшись так близко от линии фронта, Николай начинает по-другому смотреть на свою жизнь, пытается заглянуть в будущее...

25.12.1942 г.

...Мама, мне ведь исполнилось восемнадцать лет, но я через эту войну ничего хорошего не видел, и, наверное, не увижу, потому что по окончании войны не скоро наладится жизнь по-прежнему. Но я знаю, что это будет не скоро и все же рано или поздно сбудется, и мы все проживем хорошо, т.е. по-прежнему или даже лучше...

6 марта 1943 года Кривоногов Николай уезжал на фронт в должности командира оружейного расчета.

23 марта 1943 года Николай погиб...

Уважаемая тов. Кривоногова!

Мы, группа товарищей Вашего сына, с прискорбием сообщаем Вам, что сын Ваш погиб сегодня смертью храбрых в борьбе с немецкими оккупантами. Выражаю Вам свое соболезнование.

Сандружинница Пальчевская.

Младший сержант Кривоногов Николай Васильевич захоронен в Ленинградской области в поселке Красный Бор.

VI

В ноябре 1942 года перестали приходить вести от мужа, в марте 1943 года пришло известие о гибели сына. Анна Тимофеевна осталась одна с тремя детьми 9, 12 и 15-ти лет.

Жили трудно. Анна Тимофеевна и старшая дочь Нина работали на оружейном заводе, младшие учились в школе. Денег не хватало даже на самое необходимое, питались в основном капустой да картошкой. На маленьком огорожке возле дома выращивали свеклу, летом продавали ботву на базаре.

Тамара Васильевна вспоминает: «Трудно мы жили, голодно. Помню, как однажды в школе я упала в обморок на уроке. Учительница испугалась, вызвали врача. Он осмотрел меня и написал маме записку, в которой просил кормить детей лучше. Мама долго плакала, гладила меня по голове, уговаривала потерпеть. Я терпела, есть не просила. А обмороки продолжались. Чтобы купить хлеб, надо было с раннего утра занять очередь в магазин, иначе могло не хватить. Эта тяжелая обязанность выпадала на мою долю. Помню, стоишь в очереди, спать хочется, холодно, а уйти нельзя».

Продолжить образование дети Кривоноговых не смогли, надо было работать, кормить себя.

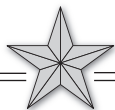
Нина Васильевна Грызлова, старшая из дочерей, во время войны работала на оружейном заводе, с 1949 года — на заводе им. Кирова. Умерла в 2002 году.

Алевтина Васильевна Сидорова (Кривоногова) во время войны училась в ФЗУ, потом работала на швейной фабрике, заводе им. Кирова.

Тамара Васильевна Костюхина (Кривоногова) во время войны училась в школе, потом работала на гармонной фабрике, заводе им. Кирова.

Анна Тимофеевна после выхода на пенсию жила с младшей дочерью Тамарой, умерла в 1989 году.

Письма с фронта бережно хранятся в семье до сих пор...

ДОБРОВОЛЕЦ ИВАН ОРЛОВ. ДНЕВНИК БОЕВЫХ ДНЕЙ. ГОД 1941-Й

*Алтунина Людмила Дмитриевна, 59 лет
корреспондент ТулГУ, ветеран труда,
член союза журналистов РФ,
член Тульского литературно-творческого объединения
православных литераторов «Ковчег»,
г. Тула*

Эти воспоминания были написаны ветераном И.Ф. Орловым в 2002 году. Он прислал их из Самары. В их основе — короткие дневниковые карандашные записи, которые вел Иван Федорович в течение всей своей долгой фронтовой судьбы в перерывах между боями. Уйдя на фронт со студенческой скамьи добровольцем, он прошел войну с первого ее дня до последнего. Некоторые его комментарии даны с позиций уже современного времени.

Полностью сохранен авторский стиль и многие подробности, которые может передать только очевидец и участник тех трагических и героических дней, ставших, пусть и недавней, но уже историей нашей страны, день за днем, с первого и до последнего мгновения войны правдиво оживающей перед читателем.

«...Родом я из города Гусь-Хрустальный Владимирской области. 1919 года рождения. В Тульский механический институт поступил в 1938 году, успешно сдав вступительные экзамены, на спецфак, специальность ОП — оружиено-пулеметная (стрелковые и артиллерийские системы и установки). Я — инженер-механик по автоматическому оружию. После окончания вуза, в 1949 году, был направлен на завод в г. Куйбышев (Самара) где и живу поныне. В дипломе так и написано: «...в 1938 г. поступил и в 1949 г. окончил полный курс ТМИ по специальности «Стрелковые и артиллерийские системы и установки... 21 февраля 1949 г. ему присвоена квалификация инженера-механика по автоматическому оружию...»

Учеба в вузе была прервана войной, поэтому и выходит, что студентом я был аж целых 11 лет!

Грянула война...

В 70-х годах я уже писал в газету «За инженерные кадры», как мы восприняли нападение Гитлера и как ушли на фронт. Но прежде чем начать свои воспоминания, еще раз хочу уточнить имена десяти ушедших студентов-добровольцев: Петр Соловьев, Костя Липский, Сергей Голованов, Яша Мельников, Иван Орлов, Павел Городилин, Алексей Ксенофонтов, Володя Макаров, Леонид Ермилов, Володя Масленников.

...В начале июля отправляли студентов на строительство оборонительных сооружений. Все мы должны были уехать на эти работы. Мы в числе большой группы студентов ночевали в городском парке, ждали отправки. Но рано утром пришли Яша Долгих и заместитель директора института Щеглов и, ничего не говоря, увели студентов 4-го курса спецфака в институт. Все думали, что нас повели на погрузку на другой вокзал. Около института тоже был митинг, и только там нам объявили, что мы должны начать учиться на 4-м курсе...

Но многие ребята решили добровольно уйти на фронт.

Сменили книги на винтовки...

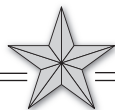
...Воевал я на Северо-Западном, Волховском, Западном, Ленинградском, 2-м Украинском фронтах в должностях зам. политрука батареи, комиссара батареи, командира батареи, начальника штаба дивизиона. Офицерское звание получил в бою в 1942 году. Окончил войну в звании капитана. Участвовал в битве за Ленинград в 1941–1942 годах, частично в 1943 и в 1944 годах, в прорыве блокады Ленинграда и освобождении городов Ельня, Смоленск, Териоки, Выборг, Бухарест, Будапешт, Вена и многих других.

...Уйдя из ТМИ добровольно на фронт 21 июля 1941 года, мы прибыли на Курский вокзал 22-го утром. В эту ночь была первая бомбежка Москвы. Затем из Москвы мы доехали до станции Кубинка — это в сторону Наро-Фоминска — и расположились в лесу. Здесь мы жили в палатках по 8–10 человек, обучаясь боевому уму-разуму. А затем в разное время, разными группами нас стали направлять на разные направления. Сначала было три направления: Северо-Западное, Западное и Юго-Западное.

Свои воспоминания о военных буднях я решил изложить на фоне отдельных выписок из своего фронтового дневника и кратких пояснений к ним, касающихся особенно тех боев, в которых пришлось участвовать.

Мои записи были сухими, лаконичными, порою наивными, а иногда возвышенными, но они искренние и правдивые. Отражают чувства, дух, настроения, патриотизм того времени. Они частично воссоздают фронтовую обстановку там, где я воевал, изнутри. Я их привожу так, как они были сделаны тогда, без всякой корректуры.

В моих записях нет оценки тактических или стратегических событий тех фронтовых операций, в которых я участвовал. Да этого я просто и сделать не мог в тот период, да и нельзя было, чтобы случайно не раскрыть военной тайны. Но по этим записям можно сейчас точно и правдиво определить, где я воевал, во взятии каких городов и населенных пунктов участвовал. Вел я записи в тетрадах карандашом, кое-где они затерлись, но проследить по ним мой боевой путь можно день за днем...

...По ним можно в какой-то мере проследить и начало боевого пути нашей студенческой десятки, можно не только узнать начало этого пути, но и отследить, уточнить фронтовые судьбы моих боевых товарищей, ушедших 21 июля 1941 года из стен Тульского механического института добровольно на фронт...»

Записи действительно представляют ценность как исторический материал. Здесь я привожу не все записи, присланные И.Ф. Орловым, а касающиеся только 1941 года.

1941 год

10 августа

Сегодня принял военную присягу на верность Родине, на верность нашему Великому Советскому Народу. С этого дня я решил вести дневник...

11 августа

Сегодня очередной день боевой учебно-тактической подготовки (6 часов утра)... Очень хорош наш комвзвода политрук-орденоносец Замятин. Требователен, но зато и показать, рассказать тоже может на «отлично». Политрук Замятин за боевые подвиги в финскую кампанию 1939–1940 гг. был награжден орденом Ленина.

7 сентября

Сегодня отправили на фронт 40 замполитруков из роты. Поехали на западное направление. Это лучшие товарищи из взвода... Меня оставили лишь только потому, что я являюсь комсоргом взвода. Но, очевидно, и мы, все остальные, скоро отправимся на фронт. И осуществится то, чего мы больше всего желаем, — бить фашистов. Это желание должно быть у каждого патриота, у каждого честного гражданина нашей Родины!

11 сентября

Курс военной учебы закончен. Едем на фронт! Из студентов ТМИ, кроме меня, едут Голованов, Макаров, Городилин, Ермилов, Соловьев, Липский, Ксенофонтов. Сборы прошли быстро. Получили белье, оружие и т.п. После митинга в клубе отправились на вокзал.

12 сентября

Наш путь следования: ст. Кубинка — Москва — Валдай. Эти строки пишу в поезде на 3-й полке. Едем в Ленинград — красавец-город, к которому протянул свою кровожадную костлявую руку фашизм. Из нашей студенческой десятки остался на месте учебы Володя Масленников — приболел. А Яша Мельников, как только мы прибыли в лес, за ст. Кубинка, был переведен в коммунистический батальон, т. к. он — член партии. Нас, комсомольцев-добровольцев, в этом лесу было несколько тысяч. Но там же готовились к боям и коммунистические добровольческие батальоны. Видимо, там были и другие добровольческие подразделения. В нашей группе, которая направлялась на

защиту Ленинграда, было человек двести. Перед отправкой на передний край нам присвоили звание зам. политруков (4 треугольника на петлицах. Погон тогда не было. Они были введены в 1943 году), выдали чистое белье, вещмешки (на солдатском лексиконе «сидор»), самозарядные винтовки Токарева (СВТ) и по 65 патронов.

13 сентября

Теперь находимся в распоряжении командования Северо-Западного фронта. Прибыли в село Добывалово под Валдаем. Будем охранять подступы к городу Ленина.

14 сентября

Вечером 13 сентября мы выехали в распоряжение дивизий непосредственно на линии фронта. Все наши студенты, кроме Липского, едут на одной машине. Едем ночью (км 150) через города Валдай, Крестцы к стыку озера Ильмень и реки Волхов под Новгород. Ребята, кроме меня и Лешки Ермилова (так мы в обиходе называем Леню Ермилова), получили назначения и выехали в части. Мы ждем назначений. Теперь везде со мной моя «жена» — винтовка СВТ ЧК 1164.

Только сейчас Лешка Ермилов и еще два товарища, зам. политрука Руженцов и Шахватов, направлены в артиллерию.

15 сентября

Меня тоже направили работать в тяжелую артиллерию зам. политрука в 448-й артиллерийский полк, 2-й дивизион, 6-ю батарею... Кто такой замполитрука? Это тот же солдат, только по должности с четырьмя треугольниками на петлицах. Какая его боевая специальность? Да такая, как прикажет командир или комиссар батареи. Я, например, был и связистом, и заряжающим, но больше всего — разведчиком. У артиллерийского и пехотного разведчика разные функции...

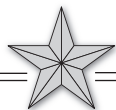
В 448-м артполку РГК были 152-мм пушки-гаубицы образца 1937 года. И снаряд у них был весом более 40 кг. Так что заряжающим было нелегко. А дальность стрельбы — 19 км.

Институт военных комиссаров был введен 16 июля 1941 года. В октябре 1942 года он был упразднен. Были введены должности заместителей командиров рот, батарей и др. по политчасти. С введением единоначалия в мае 1943 года эти должности были упразднены, но в батальонах, дивизионах и выше остались. Это я написал к тому, что по этому боевому должностному пути в начале войны я прошел.

16 сентября

Наш полк не дает противнику покоя на этом участке фронта. Он проявляет небольшую активность на участке 305-й стрелковой дивизии, которую мы поддерживаем огнем и в которую моих товарищей направили заместителями политруков...

Сейчас немало и превратно говорят о дружбе народов в довоенное, военное и послевоенное время. Так вот. Начал я воевать в 6-й

батарея. Здесь были бойцы восьми национальностей: командир и комиссар — осетины Слохов, Засеев; командиры взводов — украинцы Павленко, Крестопчук; командиры орудий — белорусы Бегун, Забавский; старшина Булегенов, заряжающий Дюсейнов — узбеки. Был связист — грузин Убилава. Был удмурт Олегин, был калмык (фамилию не помню). Все мы были люди разные по происхождению, образованию, культурному развитию и др., но жили мы в одних землянках, ели из одного котла и никогда ни разу между нами не было никакой неприязни друг к другу. Мы друг другу в боевой обстановке помогали. И именно это нам позволяло стойко переносить горечь потерь, фронтовые невзгоды и тяжесть боев. Ну а когда были успехи, мы все дружно радовались.

...Волею фронтовой судьбы мы с Леней Ермиловым оказались в одном, 448-м, артиллерийском полку. Я был зам. политрука в 6-й батарее, а он — в 4-й. Несколько раз мы с ним встречались. Потом он был ранен и после госпиталя служил уже в другой части.

Условия боев здесь, под Ленинградом, очень тяжелые — леса, болота, грязь, — дорог почти не было. Приходилось прорубать лес и настилать гати. Да к тому же рано наступили холода. А зима 1941–1942 гг. была очень суровой. Морозы иногда доходили до 40 градусов. Когда 14 октября немцы взяли г. Калинин, 8 ноября — г. Тихвин и подошли к Москве, наше положение стало совсем тяжелым. Буханку хлеба делили на 10–12 человек. С другими продуктами тоже было плохо. Но, несмотря на это, уныния и тем более паники не было.

14 октября

Сегодня от Ермилова узнал, что кого-то из друзей убило. Точно пока не известно... Выпал снег.

17 октября

Выдали зимнее обмундирование: теплое белье, ватные брюки, телогрейки, шапки-ушанки, теплые портянки, так что теперь любой мороз нам не страшен! Так работал тыл, помогал фронту.

В этот период нам было очень тяжело: мороз, грязь, холод. Приходилось, отступая, огнем сдерживать противника.

Я не буду перегружать свое повествование выписками из дневника, но командованием рассматривался и такой вариант: в случае еще большего ухудшения боевой обстановки взорвать наши тяжелые пушки и уйти в партизаны.

12 ноября

С утра наши после короткой артподготовки перешли в наступление и к вечеру заняли пос. Первомайский...

14 ноября

Наше наступление захлебнулось в Посаде. Немцы подтянули подкрепление... Бои были очень тяжелые, с большими потерями...

27 ноября

...Войска нашего правого фланга после взятия г. Малая Вишера продолжают наступать. Хотел бы я знать, где сейчас находится ТМИ. Я думаю, что его куда-нибудь эвакуировали. И хотел бы я знать, кто из ребят сейчас там учится.

Получается, мысленно я все время — студент...

...Реактивная установка «Катюша» в 1941–1942 гг. нами так не называлась. 4 декабря мы перешли в наступление. И здесь впервые увидели ее в работе!

4 декабря

С утра (4 часа 30 мин.), после короткой, но мощной артподготовки пехота пошла в наступление на Посад. Особенно сильно была «Раиса» или «мясорубка», которая пустила две очереди — одну по Отенскому, другую по Посаду...

8 декабря

Наши войска взяли Посад, Отенский. Дальше идут бои...

Почему я привожу эти выдержки? Кроме применения «Раисы» особенности наших боев были здесь еще и в том, что тут кроме немцев, против нас воевала испанская «Голубая дивизия», которую в этих местах начисто и разбили.

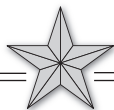
10 декабря

...Посад стерт с лица земли, а вместе с ним эти пресловутые добровольцы-испанцы из «Голубой дивизии». Они пришли к нам за легкой наживой — не вышло... Днем ходил в Посад. Видел кучи испанцев (между прочим, не видел ни одного убитого немца), одеты они в ботинки, френчи, жилеты... Только у офицеров есть нижнее белье, свитера... «Голубой» она, видимо, называлась потому что все их обмундирование имело голубоватый цвет.

Дальше мы форсировали реку Волхов и вклинились в оборону немцев в сторону Ленинграда.

31 декабря

В ночь с 30 на 31 мы переехали на новые огневые позиции (ОП) за Заречье. Проехали 46 км. Мороз более 30 градусов. Изрядно померзли, но все равно к назначенному сроку орудия были готовы к бою. Потом начали копать землянки. Это святой закон фронтовика: сперва подготовься к бою, а потом обустройвай ночлег...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА БЕЗГИНА¹

Наступила весна 1941 года. Наш колхоз «Красный борец» готовился к весенней посевной. Колхоз был тогда одним из лучших в районе. Посеяли, затем начался сенокос — все, как обычно у крестьян. В середине июня появились тревожные слухи, что надвигается война с Германией. Скоро эти слухи превратились в действительность. 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на СССР. Все как-то сразу изменилось, да и как иначе — война. Все начали работать на войну: нужен хлеб, лошади, полным ходом шла мобилизация. И пошло, и поехало.

Фрагмент дневника Николая Безгина

Летом стояла очень жаркая погода. Мы с ребятами часто были возле пруда. А война все приближалась и приближалась к нашей деревне. По дороге со стороны деревни Губарево к Шеламово шли наши солдаты. Их было довольно много. Без техники — одни люди и повозки. Сколько их прошло, не знаю. Но, по-видимому, их привезли эшелонам в Скуратово или на железнодорожную станцию Чернь. Уставшие, да и было довольно жарко, они сильно хотели пить. Когда они увидели наш пруд, многие кинулись к нему. Офицеры гонят вперед, не дают им пить, но справиться не могут. Все равно некоторым удавалось наполнить котелки, а офицеры ругаются, выливают воду. И так без конца, до самого позднего вечера. Видимо, какая-то дивизия продвигалась в западном направлении.

Вот тут-то мы поверили, что война приближается к нам. Все как-то стихло. А когда немцы были уже в Орле, мы почувствовали, что война уже совсем рядом. Стали приходить домой раненые, их отпускали —

¹ Подготовлено к печати внуком и сыном: Безгиным Евгением Михайловичем, учеником 11 класса Архангельской общеобразовательной средней школы Чернского района Тульской области, и Безгиным Михаилом Николаевичем, учителем истории. Биографию Безгина Н.И. см.: Мы помним... — Тула, 2010, с. 410–413.

так было легче сохранить людей. Они могли оказаться в плену у немцев, а то еще хуже — их могли расстрелять.

У нас в Шеламово была школа, которая располагалась в бывшем барском доме. 1 сентября мы начали учиться в этой школе, но проучились недолго. В конце сентября—начале октября стали опять приходить войска к нашей деревне и заняли всю близлежащую территорию: километров десять в ширину и в глубину километра на два. Заняли Борзенский овраг, Губарево, Денисово, Шеламово, Безгины. Все деревенские сады, шеламовский орешник, безгинский лес были заняты нашими солдатами. Начали рыть окопы, строить блиндажи. Располагалась какая-то крупная воинская часть, но техники никакой. Люди, лошади и повозки. Каждую семью заставили рыть у себя на огороде окопчик или небольшой блиндаж.

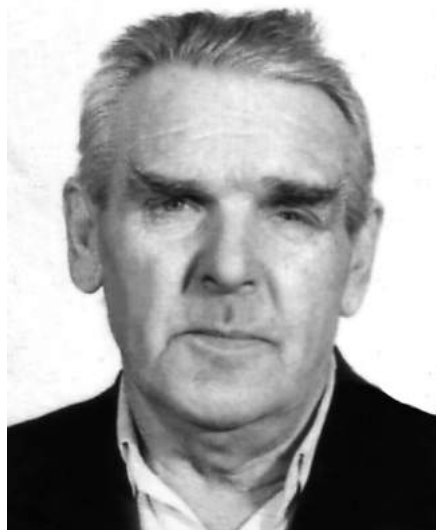
В домах, которые были получше, расположились штабы, многие офицеры тоже расположились по квартирам. Вся обстановка с виду была нормальной, но на самом деле это было не так. По левому берегу реки Зуша, от г. Мценска до с. Тшлыково, да и дальше, стояли немецкие войска. Они ждали удобный момент для наступления. И этот момент настал где-то в середине октября. Наши тоже зашевелились. Гражданскому населению было приказано, чтобы укрывались кто как сумеет. Семей десять у нас в Безгинах укрылись в подвал, который был под одной половиной большого дома. Дом до революции принадлежал Безгину Ивану Ивановичу (по прозвищу Пучок). Сидим тихо-тихо. Сколько времени — неизвестно, только тусклый огонек коптилки мерцает в темноте. Послышался шум в «рукаве» на порошках. Это человек тридцать наших солдат забежали в подвал — место позволяло. Но солдаты все лезут и лезут. Дверь оказалась приоткрытой, и было слышно, что творилось на улице. Сверлящий душу вой самолетов, свист падающих бомб, страшные взрывы. Все это вызвало в подвале крик, дети орут, женщины причитают. Коптилка потухла, страшный хаос происходит кругом, все ждут смерти. Проходит некоторое время, и люди успокаиваются, но начинают ругать солдат за все свои страхи. В приоткрытую дверь, кроме взрывов, слышны и другие звуки. Это гул моторов, скрежет гусениц танков, чужие голоса. Солдаты, которые были у нас в «рукаве», стали шептаться и замышлять что-то. Женщины в их шептании уловили страшный заговор. Оказывается, немцы видели, куда убегали русские солдаты, и подогнали к подвалу танк. Ствол орудия башни был направлен прямо в наш «рукав». Но выстрела не последовало. Нашим солдатам самим пришлось выйти и сдаться. Их разоружили, построили и куда-то увели. Нас же не тронули. Так немцы проявили гуманность к мирным жителям.

Прошло время. Ребята стали вылезать из подвалов и шнырять по садам, искать, что где плохо лежит. Вокруг стояли танки с «креста-

ми». Фрицы смотрят, но ребят не трогают. По всей видимости, это был передовой отряд немецких танков. Потом стали рваться снаряды. Это русская артиллерия со стороны Борзенок начала обстрел. Били часто, но бесприцельно. Через некоторое время немцы ушли в сторону Губарево. Советский обстрел все-таки нанес некоторый ущерб немецким войскам. Пока немцы отдыхали по садам в нашем селе, три танка были подбиты. Один танк с подбитой гусеницей стоял на площадке немного пониже места, где сейчас стоит памятник. Немцы закрыли его брезентом и рассчитывали, что он сохранится в таком же виде, каким его оставили. Но не тут-то было! Все растащили! Даже в середине танка сделалось пусто. Весь боезапас унесли. Кому было нужно и зачем? Видимо, пацанам. Я и то в середину танка лазил. Мы выламывали пули от крупнокалиберного пулемета, в гильзе находился порох в шелковых мешочках. Один раз я набрал в карман таких шелковых мешочков, зеркалац разных, и когда вылезал, наверное, зацепился за край люка башни, и у меня в кармане получился пожар. Нога сильно обгорела. Родители увидели это и начали допытываться где и что. Но я твердил одно: «Сжег на печке». Через некоторое время все успокоилось, а то быть бы мне битым. За эти танки немцы могли спросить очень строго, если бы все точно узнали. Могло плохо кончиться для всех, ведь там были многие наши односельчане. Но мне до сих пор непонятно, кто мог утащить громадный брезент, которым был накрыт один из немецких танков. Люди ничего не побоялись: ведь если бы немцы узнали и нашли — смерти не миновать. Второй танк стоял тоже подбитый, недалеко от верхнего пруда. Что с ним было, мне неизвестно. К нему мы особо не ходили. Было далеко. Страшно! Третий танк стоял уже на большаке за деревней, по дороге из Шеламово в Губарево. Под ним была громадная воронка: по всей видимости, он наехал на противотанковую мину.

Основная часть танковой армии Гудериана наступала по главной московской дороге в направлении на Тулу и Москву. Мост в г. Мценске был взорван, там еще были наши войска, и продвижение немцев было немного приостановлено. Довольно большое немецкое соединение, возможно танковая дивизия, направилась к деревне Миново. Рядом с поселком Марс немцы навели понтонную переправу, спокойно

Н.И. Безгин, 2005 г.

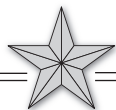
переправились через Зушу и направились дальше к Черни и Туле. Скорее всего, у немцев были наши старые карты, и они хорошо ориентировались на нашей местности.

Я до сих пор удивляюсь: бомбили самолеты, стреляли танки из пушек и пулеметов, а наших убитых было мало, я даже сказал бы, почти совсем не было. Метрах в пятистах от нашего огорода, у торца колхозного сада, лежали трое наших солдат. Один, видимо, был ранен. Так он себя добивал кинжалом от винтовки СВТ. Рука так и осталась с ножом у горла. Больше, где мы только ни лазили, убитых не видели. Винтовок, правда, валялось очень много. Мы из них все пробовали пробивать накаты блиндажей. Затыкали ствол в земляную насыпь наката и выстреливали один-два раза. Из ствола получался разорванный ствол-шар, нас это очень забавляло. И так одну за другой мы уродовали винтовки, хотя это было и опасно.

У братской могилы в с. Шеламово. «Поиск», 2009 г.

Немецкие танки один за другим начали отходить из Шеламово. Наши дальнбойные орудия продолжали обстрел деревни как попало. Моя мать Безгина Вера Ефимовна и соседка Шеламова Наталья Тихоновна задумали проверить военные повозки наших солдат. Ведь все разбежались! У нас в огороде стоял сарай для сена. Военные его приспособили под склад, ну, бабы и туда. Надо же так случиться — один из снарядов угодил прямо в угол этого сарая. Женщинам, правда, вреда никакого не было. Они побежали. Прибежали к нашему дому, а тут как раз немцы на машинах. Между нашим домом и Натальи Шеламовой было настолько узко, что машины могли проехать только колонной по одной. Короче, мы трое — я, мать и Наталья стоим около нашего дома. Снизу же от колодца показались немецкие машины и бронетранспортеры. Едут быстро, обгоняя друг друга, а возле нашего дома им пришлось

уже ехать колонной. А машины на гусеницах и на резиновых колесах. Часть их открыта, а в них сидят солдаты, офицеры, женщины в форме, и, глядя на нас, смеются. Тетка Наталья кричит нам: «Ну что стоите, давайте кланяйтесь!». Наверное, и кланялись, точно не помню. Немцы еще сильнее засмеялись и поехали дальше.

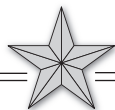
Через один-два дня прошел слух, что горит наша школа. Мы понесли туда. Был страшный ужас, с крыши летели листы железа, а немцы стояли и посмеивались. Оказывается, какая-то пехотная часть там отдыхала, немцы натопили сильно печку, от перегрева начался и пожар. Дом был срублен из сосны уже давно, сгорел, как свеча. Так что, когда появились немцы у нас в деревне, был причинен некоторый ущерб. От бомбежки самолетов сгорело два частных дома, была убита у кого-то корова, сгорела школа. Но школа — это случай. У немцев была цель — Москва! Вот они и укатили от нашей глухомани дальше. Все притихло, как будто и не было войны.

Еще когда немцы подходили к Орлу, поступила команда из района: угонять скот в тыл. Вот четверо мужиков, в том числе и мой отец, Безгин Иван Андреевич, погнали коров в сторону Венева. В деревне мужиков почти не осталось, а эти были белобилетниками и уже в годах. Недели через две они вернулись, и дело для меня пошло веселее. В один прекрасный день я копался в землянке, которую сделали до прихода немцев. Вдруг, как снег на голову, «красные конники». В полном вооружении, молодые, здоровые, веселые. У меня спрашивают: «Где отец? Зови». Я его позвал, у них начался разговор: где немцы и прочее, прочее. Они сказали, что сами все орловские и идут сдаваться немцам в плен. И ушли в сторону Редких дворов. Осталось семь лошадей. Красавцы! Лошади и амуниция в полном боевом снаряжении. Кожаные седла, подсумки разных размеров. В сумках фураж для кормления лошадей, разные попонки и прочая утварь для ухода за ними. Отец все с лошадей снял и убрал в сарай. Потом объявил мужикам, которые поближе, о лошадях. Стали разбирать. Себе отец, конечно, оставил лошадь получше. Красавица кобыла — вороная, высокая, хлесткая. Звали ее Лента. Соседи тоже взяли себе по лошади. Немцев было не видно. Да мы, пацаны, особо внимания на них и не обращали. Лошади ходили десятками. Почти у всех мужиков, кто остался, появились чужие лошади. Настало время частников. Мы тоже себе настраивали телегу, военный парный ходок. Отец переделал оглобли под одну лошадь, и начали возить дрова из леса, ведь приближалась зима. Бывшие колхозники, кто еще был дома, тащили все из колхоза: сено, солому, а порой и зерно. Наша деревня оказалась в стороне от войны. Это для нас было неплохо. Почти в каждом доме жили бывшие солдаты, которые становились работниками. Каждый, как мог, спасал свою жизнь.

Наступил декабрь 1941 года. Никто ничего толком не знал, ведь ни телефона, ни радио не было. Но земля слухом полнится. Наступили зимние холода, морозы, снег. Пошли разговоры, что немцы под Москвой терпят неудачи. Молодые парни, лет по 16–18-ти стали собираться в небольшие группы, но чем они занимались, мы не знали. Все на лошадях, с оружием. Все местные жители сильно волновались, говорили, что немцы угоняют многих в Германию. У нас, слава Богу, было все тихо, а вот с Редких дворов и соседних деревень часть молодежи угнали, когда немецкие войска отступали и были у нас в районе. Это числа 24 декабря 1941 года. Мужики, кто остался, собрались куда-то скрыться. И вот к вечеру собрался целый обоз: на санях, конные с оружием. Двинулись в сторону Жерлово. Сначала остановились в небольшом лесочке «Голубочки», но посчитали, что лес слишком маленький и немцы постреляют, как куропаток. Решили ехать и идти дальше к Жерлово и к большим лесам. Немцев пока не было видно и слышно. Тронулись мы уже к вечеру, было довольно холодно. Я поехал вместе с отцом. Он привез меня к бабке Марфуше, это мать моей матери, и оставил у нее. Оставил меня и нашу корову, мы вели ее с собой. Ночь переспали на печке, после мороза в тепле было так хорошо!

Утром стало как-то тревожно. Отца не было. Несмотря ни на что я подался на улицу. Хожу возле дома, меряю снег. Тут откуда ни возьмись к бабкиной избе подъезжает подвода, в ней сидит человек, в санях лежит зарезанный большой поросенок. Этот мужчина был наш сосед — Воскресенский Тимофей Федорович. Только он слез с саней, со стороны соседней деревни, от дома Коноваловых, показались люди. Это были немцы. Небольшой отряд немцев шел следом за Тимофеем. Впереди на лошади скакал, видимо, офицер. Верховой оторвался от строя и галопом помчался в нашу сторону. Воскресенский сразу сообразил, в чем дело, моментально скрылся у нас во дворе. Немец подскакал и начал рыскать вокруг, открыл стрельбу. Вскоре подтянулись и остальные. Они обложили все постройки дома, стреляли, ругались, но мужика не нашли. Тогда они подошли к саням и окружили их. Долго решали, что делать. Я стою рядом. Немцы отвязали корову от саней. Забрали лошадь с санями, поросенка и двинулись в сторону деревни Русино. Только они скрылись — вот тебе Тимофей. Я до сих пор удивляюсь, где он прятался.

Когда еще этот карательный отряд только показался от соседней деревни, за ним вслед взвилось пламя пожарища. Они, стало быть, начали жечь, но не всех подряд, а выборочно. Почему? Точно не знаю. На окраине деревни жил отважный человек. Если не ошибаюсь, то его фамилия — Коновалов. Когда немцы начали поджигать его дом, он несколько раз тушил его, пока немецкий офицер не выстрелил несколько раз и не убил защитника. Потом немцы уже двинулись на нашу «крюковку», но жечь пока не жгли.

Утром 25 декабря Тимофей Воскресенский уговорил мою бабушку отпустить меня к отцу. Он, скорее всего, знал, где все находятся. Мы собрались, взяли коров и отправились в Молофеевский лес. Почему так называется лес? У сторожа была фамилия Молофеев. Там же, в лесу, был у него и небольшой домик со всеми пристройками. Когда мы вышли от бабки, была метель, холод. Пошли прямо через поле, на небольшой лесок — Совиные Лапки. В лесу нам показалось немного тише да и теплее, коровам было немного лучше. Пошли быстрее. Я шел, а сам себя мысленно ругал. Зачем пошел с этим дядькой? Сам мерз и корову мучил. Был бы у бабки — было бы все нормально. Наконец дошли до сторожки, а там люду, лошадей, саней — уйма. На улице вокруг дома костры. Мужики сидят и греются у костров. Некоторые что-то варят. Меня сразу отправили в дом на печку. А там полно маленьких детей. Да у сторожа только своих было человек девять. Люди с улицы зайдут, немного погреются и уходят. За ними другие. И так всю ночь. На въезде в лес дежурили люди. Утром же все стали разъезжаться по своим домам.

Утром 26 декабря было уже известно, что наши деревни горят. Немецкий отряд карателей сделал свое черное дело. Видя, что Красная Армия приближается, фашисты начали все палить вокруг. Все три деревни: Жерлово-Лукино, Жерлово-Григорьево, Жерлово-Петрово — горели. Если бы человек 20–30 конных с оружием, а еще пулемет, немцев можно было всех перестрелять или же разогнать. Они были похожи на дохлых цыплят. Но не было хорошего руководителя, так наши деревни упустили. Очень жаль!

Утром 26 декабря 1941 года мы приехали к бабушке. Корову мы тоже привели назад. Кругом было пепелище, но ее небольшой домик был цел. Отец собрался и уехал в Шеламово. Целый день возил на санях сначала всю семью: детей, жену, свою мать. Потом возил сохранившееся имущество, ведь дом сгорел. Хорошо мать догадалась, и кое-что попрятала в снег на огороде. Шеламово сгорело дотла — один пепел. Люди всю ночь провели на улице. Вот отец за остаток дня сумел перевести все к бабушке. Стали мы жить все у нее. Так было до весны 1942 года. Интересное дело: кругом все дома пожгли, а этот домик остался. Я помню, и немцы ночевали в нем вместе с нами, а вот отец где был в это время, не знаю. Потом бабушка рассказывала, что зашел один немец и сказал своим что-то страшное. Они быстро собрались и ушли. Земля улавливает все на расстоянии: и канонаду, и движение техники, и передвижение людей.

Вскоре появились и наши красноармейцы. Офицеры приказывают идти вперед, не отрываться от немцев, чтобы они не смогли закрепиться. А солдаты — холодные, голодные — валятся с ног. Зимой куда быстро пойдешь: мороз, снег.

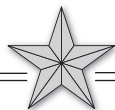
Мы все жили у бабушки. Анастасия Ивановна с семьей: два мальчика, она сама и бабушка их, да нас пять человек — мать Вера, я, Миша, Тоня и Тая. Всем пришлось жить в небольшом доме у бабки Марфуши. Хата была плохая, но главное — была печка, вот она-то нас и спасала. Кроме этого у нас на ночлег останавливались и советские солдаты — те, которые гнали убегающих фашистов. Человек по двадцать-тридцать отдыхали у нас в доме на полу. Мы все были на печке, да к печке еще были приделаны нары на уровне с ней. Сходить на улицу в туалет — не пройдешь. Солдаты говорят: «Лезьте по нам!» Сами лежат, как селедки в банке. Ну и правда пришлось пробираться по бойцам. Они, уставшие, совсем ничего не чувствуют. А бабки старые как ходили — и не знаю.

К концу декабря появились наши свежие войска. Говорили, что это сибиряки. Все были в новенькой амуниции, многие на лыжах. Их тут же кинули в бой на Шеламово и Редкие Дворы. А там до самой Зуши луговина, совсем ровное место. Левый берег Зуши немцы хорошо успели укрепить. Только наши подходят к реке — они открывают ураганный огонь из всех видов оружия. Мало кто вернулся оттуда живым и здоровым. Очень «поганое» место для наступления. Солдаты менялись то одни, то другие. Лошадей военных у всех отобрали. Они были помеченные. На заднем бедре у них был выжжен номер. Все военное имущество, которое находили — отбирали. Занимались этим специальные войска. Одного не помню: как призвали на фронт моего отца — Безгина Ивана Андреевича.

Нашим войскам сильно мешал немецкий самолет-разведчик — «рама». Он фиксировал расположение, передвижения наших войск и передавал фрицам. А они уже смело вели прицельный огонь. «Раму» много раз пытались сбить, но безуспешно, говорят, что она была бронированная и хорошо вооружена.

Наши войска были сосредоточены на большой территории, начиная где-то от Мценска и Крыльцово и дальше ниже по течению Зуши и Оки: по деревням Бабинково, Редкие Дворы, Красный Хутор, Троицкое-Бачурино, Сальница, Тшлыково, а дальше уже по Оке. И вглубь от линии фронта километров на 5–10 всё находились наши воинские соединения — от Редких Дворов до села Полтево. Здесь могла, пожалуй, разместиться целая армия. Гражданскому населению здесь было опасно находиться, да и среди него могли быть разные люди: диверсанты, провокаторы. Поэтому командованием было принято решение об эвакуации гражданского населения за 50 километров от линии фронта.

Упустил довольно интересный момент в конце декабря 1941–начале 1942 года, когда мы жили в доме у бабки Марфуши. В одно время мы все заболели страшной заразой — чесоткой. Болезнь очень страшная. Спасибо нашим военным докторам. Они лечили и нас, и, конечно,

военных. Мы все болели этой болезнью. Сидели на печке все голые, ведь в одежде было нельзя. По всему телу «лепешки», и все тело зудит и чешется. И вот все дети, две бабки сидели на печке и чесались. Страсть — не приведи Господь.

Весной 1942 года нас погрузили на военные повозки и отправили в Поповский Совет, в поселок Образцовый. Ехали почему-то долго до станции Скуратово, а там еще километров пять. Нас было одиннадцать человек. В основном дети, один одного меньше.

Определили к очень хорошей хозяйке. Ее звали Мария. У нее была взрослая дочь. Кроме нашей семьи и семьи Анастасии Ивановны у нее жила еще семья из Черни. Это тетя Тоня с дочерью Инной. Я с этой девчонкой сильно сдружился. Мы с ней были 1932 года рождения и почти все время, а это осень 1942—зима 1942—1943 годов, ходили вместе — и в школу, и по улице. Над нами бабы часто подшучивали и одно время даже предлагали жениться, но мы на это не обращали никакого внимания.

Жили очень дружно и ладно. Есть готовили всегда вместе. Кое-что добывали мы, но основной частью продукты были хозяйкины. У матери родился еще мальчик — Толик. Уже военный, но отцов. Он вскоре умер. Отчего, не знаю. Но голод, холод вокруг. Плохо было.

На станции можно было кое-чем поживиться. Вот мы, ребята 10–15-ти годов, и ходили туда. Около Скуратово была хорошая бахча, росли всякие овощи. Вот мы с ребятами и ходили туда, чтобы украсть что-нибудь. Ходили часто и приносили что-то. Сторожем был один молодой парень лет 16–17-ти. Один раз он нас подкараулил — мы в разные стороны, как саранча. Бежали в сторону дома. Пять километров неслись, как только ноги выдержали. Но никого он не поймал, а если бы дома узнали — побили. Иной раз идем на станцию, а тут налетают немецкие самолеты с желтыми крестами и сбрасывают бомбы на станцию. Иногда это бывало недалеко от нас, и мне казалось, что бомбы они сбрасывают и целятся прямо в нас. Самолеты пикировали со страшным воем. Было очень страшно, но нужно как-то жить, хотелось что-нибудь принести домой: там ждали гостинцев.

Время было уже к весне. Сначала мы играли все вместе с ребятами. Инна ушла домой одна, а я что-то с ребятами застрял. Потом иду домой по выгону, а она бежит мне навстречу и плачет. Я ее спрашиваю: «Ты почему плачешь? Что случилось?». А она еще сильнее плачет. Потом, когда она немного успокоилась, она мне сказала, что убили моего отца, пришла похоронка. Тут я понял, что к чему, и слезы потекли ручьем. Идем домой и плачем. Пришли, а я боюсь в дом заходить: там все — и взрослые, и дети — плачут, причитают. Когда я вошел, еще сильнее все заревели. Такое горе! Мочи нет! Мы с Инной ушли на огород и там оплакивали моего отца. Он был белобилетник, должен был

работать дома, а он сам добровольцем ушел воевать. А в 1943 году попал в страшную мясорубку под Ленинградом на Волховском фронте. Был дважды ранен — в правое плечо и еще куда-то. Писал, но я забыл, да и писем никаких не осталось. Осталась только небольшая фотография, видно, на документы фотографировался. У Инны отец погиб еще в советско-финскую 1939–1940 гг.

Потосковали, погоревали, но постепенно привыкли — и все затихло. В то время почти в каждый дом приходили похоронки. В Леонтьеве я закончил второй класс.

Летом в наших родных местах были сильные бои. Немцы упирались, хотели закрепиться на хорошо оборудованных позициях по Зуше и Оке. В ходе Орловской наступательной операции фашистские войска оставили Мценск, Орел, Болхов и отошли дальше на запад.

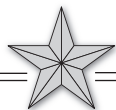
К концу лета 1943 года мы все собрались домой. Мать, Анастасия Ивановна, все дети уехали на чем-то раньше, а мне поручили вести нашу корову. Это около 50 километров. Вместе со мной шла еще одна женщина из Жерлово со своей коровой. Отошли километров 10, все было хорошо. Корова шла спокойно. Потом кто-то придумал бросить веревку. Корова моя совсем сдурела. Бежит и бежит. Я за ней. Никак не удастся остановить. Я бегом за ней, она еще быстрее от меня в обратную сторону. Устал и я, и эта тетка, хорошо навстречу встретила колонна солдат. Шли в сторону Черни. Один из них поймал мою корову, чем-то подманил и передал веревку мне. Видно, был сам сельский. Мы поблагодарили солдата. Я больше свою корову ни на секунду не бросал до самого дома. А дом был еще далеко, подходили только к Черни.

К вечеру пришли домой, в Жерлово-Петрово. Опять временно поселились в бабушкином доме. Немцы почему-то его не сожгли. Наши все уже были там. Анастасия Ивановна со своими ребятами тоже. Все разместились в небольшом домике, стали приводить все в порядок.

Наших войск уже не было видно, они ушли в сторону Орла и добивали там немцев. Нам же остались солдатские окопы, блиндажи, которыми были сплошь изрыты наши сады и огороды. Я помню, у нас в огороде была вырыта громадная яма, возможно, там стоял танк или машина. А может быть, был какой-то склад, но нам пришлось зарывать ее до самой осени.

1 сентября 1943 года мы пошли в школу. Школа находилась недалеко от кладбища, в доме бывшего священника. В то время почти в каждой деревне была своя начальная школа. Со всей округи жерловские, костомаровские, бобыльские ребята ходили в эту школу. Народу было много, ведь не учились больше двух лет. Большей частью переростки.

Анастасия Ивановна была директором, Анна Петровна (моя двоюродная сестра) — учителем, Наталья Андреевна (из деревни Кальна) —

учителем, Ольга Семеновна — учителем. Учителя все были молодые, энергичные, увлеченные. 3 и 4 классы мы занимались в этой школе.

Война от нас ушла на запад, было тихо и спокойно. Летом 1945 года мы переехали в Шеламово и там занимались строительством дома. Наша родная деревня была почти голая — пустыня. Многие дома погорели, были разрушены. Кто вернулся назад раньше, сумел кое-что построить. Мы пришли почти самые последние. Жили то у Афанасия Петровича, то у соседа Ивана Петровича, пока его сестра не разогнала нас.

Начали мы себе строить жилье. Небольшой шалаш, крытый дерном. Мать сложила печку. Так и зимовали: мы, корова, овцы. В то же время мы строили себе дом получше. Нашли в Безгинском лесу сруб-землянку и с братом Михаилом перевезли его домой — на свою усадьбу. Я был за плотника, было мне тогда 13–14 лет. Собрали общими усилиями и зимовали уже в новом доме.

У меня был тогда голубь, совсем ручной, жил с нами вместе. Всю зиму в доме находился, а потом взял и улетел. Так жалко было, но видно время его подошло, наверное, голубка. Вся белая-белая. Видимо, отбилась у кого-то. Ее кошка все время донимала, но не трогала, игрались.

Время было тяжелое, голодно. А было хорошо, весело, дружно.

Потом мать, Вера Ефимовна, купила сруб в деревне Губарево, правда не очень большой, и к нему стали постепенно достраивать другие пристройки. Хорошо помогли «шабашники» — отец с сыном с Украины. Они у нас долго жили. Помогли от души.

Парнишка этот очень хорошо играл на балалайке. Каждый вечер молодежь собиралась возле соседского дома Воскресенских. Там лежали бревна, и это было излюбленное место не только молодежи, но и людей постарше. Рыжий парень так хорошо играл, что даже взрослые пускались в пляс. Веселье часто заканчивалось далеко за полночь.

А днем опять работа. Мать наша ухаживала за скотом. Я ей помогал, да и в колхозе приходилось еще работать. Начиная с 1944 года, мы пахали на быках. На 3–4 пары было по два человека: один держит плуг, а другой подгоняет этих быков. Лошадей еще не было. С быками тяжело работать. Если запрямится, то хоть голоса: ляжет в борозду, и вся работа кончилась. Ругай, бей — никакого толку. Лежит — и хоть бы что.

Работали, развлекались, но и ходили в школу. С горем пополам закончил начальную школу в Костомарово. В пятый класс пошли в Троицкое-Бачурино. Из Шеламово до Троицкого-Бачурина пять километров и пять обратно. Каждый день по десять километров — порядочно. Когда день был еще большой, было нормально, а вот когда осень, грязь, дождь или мокрый снег — было хуже. Да еще занятия в школе были в две смены. Я учился неважно. Многое запустил. Очень

трудно давался немецкий язык и химия. Несколько раз бросал школу, но мать заставляла, и опять приходилось идти на занятия.

Когда становилось тепло, приходилось еще и работать в колхозе. Жить было тяжело. Крапиву, лошадиный щавель и все, что можно было есть, ели. Хорошо хоть корова, а матери еще доплачивали за погибшего отца.

Колхозы уже после войны поднялись «на ноги». Работы хватало всем. И старикам, и женщинам, и солдатам-инвалидам, и девчонкам с ребятами. Во время сенокоса работали и подростки лет 14–15, а то и моложе. Заработной платы никакой не было. Были трудовые книжки, куда записывались отработанные трудоводни, а в конце года рассчитывались. Конечно, большая часть выращенного колхозом шла государству, а нам доставались крохи, почти ничего.

Во время уборки хлеба было еще тяжелее. На взрослых раздавали пай, а косить, убирать приходилось и нам, пацанам. Сами готовили косу, крюки, вилы, грабли — и вперед. А ведь получалось! А после ужина до позднего вечера снопы стаскивали на носилках в крестцы, копны. А уже после возили в скирды, молотили и выполняли другие работы.

Было тяжело. Победили в войне огромной ценой. Многие погибли, не вернулись. Это лишь усиливало стремление людей к жизни. Колхозы с большим трудом росли и развивались, хотя некоторые люди в начале 50-х годов стали покидать деревни и уезжать в города.

Хочу сказать о своей матери, Вере Ефимовне. В 1943 году ей было всего 30 лет. Молодая, красивая, сильная, справедливая. Своих четверых детей сильно любила, но баловать не позволяла. Мне, как старшему, доставалось больше всего, но не так сильно. Она знала, что завтра мне опять идти на работу. Подкармливала тем, что получше. Ребята еще спят, а я уже уходил на работу. Но что поделать? Так и надо.

Председателем колхоза у нас была Татьяна Воскресенская, наша соседка, а бригадиром — Емельнова Ольга. Бригадир ходила по домам и «давала» наряды на работу. В одно утро бригадирша вот так зашла к председательскому сыну, Михаилу Воскресенскому, а тот не хочет никуда идти. Их бабушка, которой было лет 80, начала шуметь, ругаться на бригадира, сказала, что не пустит своего внука. «Иди, — говорит, — Кольку Безгина посылай, он толще будет. Бригадирша нам все рассказала. Мы с матерью и ребятами посмеялись, а идти пришлось мне. Соседский дружок был немного худощавее меня, тем более сын председателя.

Июль–август 1944 года. Уборочная страда. Война уже далеко на западе. Надо готовить инвентарь: косы, крюки, грабли, вилы, а затем и косить все. Сеяли в основном рожь, а затем делили на трудоспособ-

ных паями. Мужиков почти не было, поэтому работали женщины, а мы, подростки, помогали своим матерям. Косить рожь, овес, пшеницу нужно тоже уметь. Это не сено косить, есть свой секрет. Необходим крюк, особое устройство, которое одевается на косье, удерживает скошенную массу и помогает ровнее укладывать в рядок. У кого рядок не получался, бабы сильно ругали.

За день так наматываешься, да еще жара. Зерновые рано не косят, часов в 9–10. Короче, в самую жару. Мать все время вязала за мной. Эти «рушни» собирали в снопы, снопы в хрестец. 13 снопов — «хрестец», 4 хрестца — копна. Но это не все. Вечером все хрестцы начинают собирать в скирды. Носили на длинных палках почти до утра. Старички, которые были не на войне, становились на скирд и укладывали, да так чтобы было красиво, и, главное, чтобы не промочил дождь. Так эти скирды стояли до осени, а иной раз и дольше.

Практически все лето мы работали в колхозе. Осень, зиму и весну учились в школе. И так три года. Когда учились в школе, часто ходили помогать Распоповскому колхозу. Кому надо было в семилетку, ходили в Троицкое-Бачурино, а кому в начальную — восстановили школу у себя в Шеламово, в доме кулака Безгина Ивана Ивановича (Пучка). Так и жили...

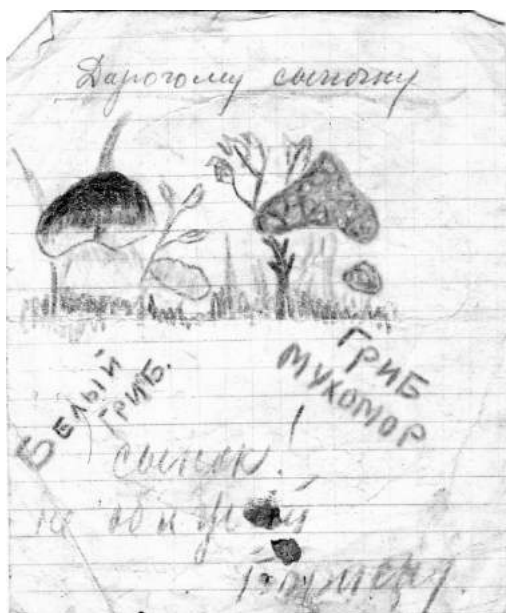
«ПРОСТО ТЫ УМЕЛА ЖДАТЬ...»

*Дубенский Глеб Глебович, 74 года,
генеральный директор ООО «Дом отдыха «Братцево»
Союза театральных деятелей РФ»,
декан технологического факультета ТулГУ (1984–2008),
кандидат технических наук, профессор, Заслуженный работник
высшей школы РФ, лауреат премии имени С.И. Мосина,
г. Москва*

Моя мать, Николаева Александра Михайловна, 1913 года рождения, появилась на свет в деревне Уваровка Можайского района в крестьянской семье. Получила образование 7 классов. Отец, Дубенский Глеб Глебович, родился в 1909 г. в Москве, получил инженерное образование. Его отец, мой дед Иван Иванович Дубенский — инспектор училищ города Москвы — был женат на француженке. Вероятно, поэтому в 30-е, когда сгустились сумерки репрессий, семья была выслана из столицы «за можай», в деревню Уваровку. Там отец и влюбился в умницу Сашеньку, женился, там же и я родился в 1937-м.

Июнь 1941-го. Мне чуть больше 3,5 лет, брату Бориске — 11 месяцев. Война застала нас в Тульской области — отец работал на заводе под городом Донской. Демобилизован он был 18 августа. Именно в этот день мать начала вести дневник.

Жили мы в двухэтажном бараке из двух подъездов; на каждом этаже по две квартиры. В одной из комнат трехкомнатной квартиры рас-

Письмо с фронта

полагалась наша семья. Большую часть в ней занимала огромная кровать, на которой мы спали все вместе. Запомнилось, что немцы, облюбовавшие нашу комнату для ночлега, не выгнали нас с этой кровати, а спали на соломе на полу. Их было трое. Четко помню, как кто-то из них держал меня на руках, а потом показывал матери фотографию своей семьи: жены и детей. Помню также страшный грохот ночью во время бомбежек и красное зарево — было страшно, Бориска плакал, но немцы относились к этому с пониманием.

...С нетерпением ждали от отца писем. Не только мать, что видно из дневника, но и я. Они начали приходить в 1942-м. Нам, детям,

отец рисовал картинки, через которые даже с фронта пытался воспитывать и развивать нас. Если собрать все эти изображения предметов, животных и задания к ним, получится детская книжка.

Погиб отец в 1944-м... Мать замуж больше не выходила.

Из дневника матери¹. Тульская обл., Бобрик Гора, 1941 г.

4 октября 1941 г.

Всю ночь не спалось, обдумывала, как и чем мы будем существовать в дальнейшем. С десяти вечера ходили за картошкой, но удалось принести один только мешок. Днем в час с четвертью была на юге зенитная стрельба все это, конечно, отзывается на нервах. Как идти работать? При малейшей опасности необходимо сына забирать с площадки. Девочка, которую

¹ Расшифровали записи и помогли подготовить дневник к публикации студенты 1 курса Тульского филиала РГТЭУ (специальность «Финансы и кредит») Иванов Дмитрий Анатольевич и Ефремова Мария Владимировна. Текст печатается в авторской редакции. — *Прим. ред.*

я взяла к Борьке, еще не совсем велика, чтоб сообразить с двумя ребятами, но все же я ей очень довольна. Борька всю начал передвижение на своих лапках. Хорошо выговаривает «где мама», очень любит няньку. Сынка ужасно доволен площадкой. Главное, дают блины со сметаной и кофе или сладкий чай с конфетой. В 10 отправила тебе две посылки. В большой: сапоги, носки, 3 портянки, шапка, мех. рукавицы, масло 800 гр., 2 рыбки, 2 головки чеснока, 10 ст. махорки, 2 кусочка сахара к чайку. Во второй 2 кг свинины, фуфайка, 1 портянка и колбаса, 10 открыток в конверте. Большого и достать нечего, да и денег нет. Все ничего, лишь бы ты, дорогой, получил от меня поддержку в питании, да вернулся живым.

5 октября

Встала в полседьмого. Накормила ребят. Погода хорошая, вынесла на балкон сушить картошку, которую думаю сберечь на зиму. А из головы не выходит: как и чем жить и как это ты там живешь. Дорогой мой, хоть бы дошла посылка. Вечером, сидя за ужином, вспоминали с сыном тебя. Он говорит: хорошо бы папка приехал, а дядя Коля остался бы там. Поплакали с ним на пару. Уложила их спать, а сама, пока хорошая погода, опять на добычу, за картошкой. Кончила в полчетвертого, ужасно устала и уснула мертвецким сном.

6 октября

Встала в 7, накормила ребят, сына отправила на площадку, а сама за разборку картошки, натаскала 25 ведер. Ходила за маслом русским, но его не дали, потому что мы прикреплены не к тресту. Ужасно досадно, написала тебе письмо. Хоть бы ты получал от нас письма и посылки. Ужасно устала с картошкой. Испортилась погода, ложусь в 12. Сынка просит написать тебе, что он стал умный и не хулиган и что Бориска сам ходит и стоит.

7 октября

Встала в полседьмого, в комнате холодно, сразу же затопила плиту. В 8 отправила сына на площадку, написала письмо тебе и т. Наташе. Сходила на почту и в магазин, достать ничего не удалось... Деньги все занимать не подо что. Пришла в 12-ть и вдруг приходит почта, принесла перевод от Ивана на 50 рублей, радости не было конца. Значит, завтра с утра можно рыскать насчет жратвы. Удалось стрельнуть одну курицу, значит, на эту неделю, кроме масла, обеспечена. Говорят, что немец от Тулы в 80 км. Не совсем приятно, но что делать, будем ждать, что будет.

8 октября

Разговор о немце начинается с утра. Говорят, по радио объявили, что Орел взят. Настроение подавленное, работы абсолютно никакой

нет, ужасное сокращение. Днем слышна вдалеке редкая бомбежка в стороне к Туле. Но все же хоть и бомбит немец, а в магазинах давка и все, что привозят, расхватывают моментально. От Ивана получила 50 рублей 7/X, а сегодня привезли мануфактуру хоть и с деньгами туго, но все-таки выкупила, а то за прошлый квартал пропала. На худой конец, если не вывернусь, то продам. Зато если уцелеет, будет 2 хороших платья и сынкам по хорошему костюму. День проходит почти в безделье, ходишь, чего-то ищешь, и так летит быстро время, даже досадуешь на то, что ничего не делаешь.

9 октября

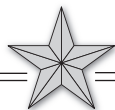
Встала в 6 утра, приготовила обед и завтрак, хотела ехать на базар продать самовар и таз, нужны деньги, задолжала 50 рублей, но отговорили до воскресенья, потому что будет больше народа из деревень. С утра новости: немецкий самолет в Дубовом бросил листовки. Призывает к себе бойцов, командиров и политруков перебежать. Хвалит, что у него больно уж хорошо. Сплошная глупость. Целый день едут из-за Тулы и из, под Тулы женщины на машинах, со всеми своими вещами. Некоторые уезжают и от нас. Тулу, говорят, порядочно бомбили. Но нам ехать некуда и не на что, пусть что будет, то и будет, уже в крайнем случае уедем к Анд. Ив. в деревню. Опять бессонные ночи, опять от думы головной. Если картошку продавать, не насытятся бы голодным.

10 октября

Болтают, что взяли Ряжск, но точно не знаем. Голова с утра наполняется тревогой, сложила все вещи, кроме кроватей да посуды, что будет — неизвестно, болтают, что 11 октября будет предложено эвакуироваться всем. <...> Сегодня получила от Ивана письмо. Шлю тебе поклон. Погода отвратительная — снег и грязь, ужасный холод. Как ты там со своими больными зубами с мокрыми ногами и в легком пальто, хоть бы дошли до тебя поскорее посылки, хоть ты ожил немного. Но вряд ли это сбудется, ведь от тебя я не получила с места стоянки ни одного письма, кроме через Николая. Сердце ужасно болит и за тебя, и за ребят, что делать с ними в такую ненастную погоду. Спасибо есть чего курить, кое-как делю бессонные ночи с табаком. А детки спят счастливым детским сном. Только нет тебя, дорогой.

11 октября

Днем слышна бомбежка в стороне Сталиногорска на севере. По городу и на горе везде и всюду беженцы, отступающие из-под Сталиногорска, Тулы и из-за Тулы. Уже давно объявлено по радио, что взяты Орел, Мценск, Елец, Мичуринск, вообще настроение ни к черту. На-

счет работы и думать не приходится. Все распродают наскоро и уезжают кто куда. Начальник базы нагрузил полон прицеп к трактору и вместе с какой-то семьей отправил свою, запас масла 2 ящика, круп, муки и конфет, а нам не на что даже килограмма иметь в запасе. Ну да и черт бы совсем, только вернулся ты, и все будет. Ночи почти все не сплю. Тоска и дума совсем изводят на нет.

13 октября

Встала в полседьмого, приготовив завтрак, отправила сына на площадку, убрала, сходила в магазин, масла стали давать 100 гр. на книжку. Досадно если не удастся достать в запас хотя бы 1 кг, голодно без масла на сухой картошке и хлебе. Денег осталось всего одна 5. Продать еще не знаю что? Твой пиджак боюсь обидеть тебя, решила продать новую клеенку и свой пиджак. <...> **Трест уже дал распоряжение** поджечь документы, на шахтах дают расчеты без задержки.

15 октября

Погода с утра морозная, решила продать твои 2 рубахи, пошла на базар. Продать не удалось, светлое не покупают, дают по 15 рублей. Обозленная пошла на базу просить лошадь для переезда. Пообещали дать, как будут свободные лошади. Тоска грызет душу до невозможности. От тебя ничего нет и никто не пишет... Целыми днями в ходьбе, устаю до невозможности, ноги от ходьбы распухают. Хорошо, что послала тебе 4 посылки, сейчас не принимают. Отметила день рождения сына блинами из тертой сырой картошки и 2 пышками за 38 коп., большего сделать не из чего. Пили чай, сынка принес 2 конфетки с площадки.

16 октября

Ходила в магазин, ничего не достала кроме 400 гр. масла сливочного, больше не нашла денег. Мясо покупать не на что, зарезали чужую курицу. В 7 вечера ходили за хлебом удалось достать 4 буханки и 18 булочек, немного высушила сухарей белых и черных, может, пригодятся. Хлеб достала через Аньку, за это пришлось ей уступить полкурицы. Но от тебя все нет и нет известий, жив ты или нет, на почту захожу ежедневно, но безрезультатно. Так с досадой и ложусь спать.

17 октября

Сына на площадку водить не велят. Закрывается трест, аннулируется банк, говорят, также шахты закрываются, народ выезжает. Утром достала еще буханку без карточки. В магазин не хожу, нет денег. Калуга горит страшно, если здесь будет проходить фронт, отступать не на чем, базы ликвидируются и уезжают в Сибирь.

19 октября

Ухожу из дома в 7, ребята накормлены в комнате только уюта абсолютно никакого нет, так больше похоже на сарай, чем на квартиру, вещи связаны, стоят на ходу, неуютно. Продала часы за 260 и джемпер за 75, вернулась на гору, удалось достать 400 гр. масла и 3 литра, керосина, зато с 7 утра и до 5-ти вечера не была дома. Где-то вдалеке слышны редкие взрывы бомбежки, погода отвратительная, холод собачий, хоть бы ты получил посылки. Был бы тепло одет и сухо обут, а то ведь простудишься и будешь кадыхать.

21 октября

Дорогой, если бы ты знал, как трудно одной без работы и денег, всякой помощи со стороны, обдумывать, прокормить, вероятнее всего, голодную зиму. Время пять часов, я уже на ногах, одетая, сижу жду рассвета, чтобы принести на всякий случай еще мешок капусты. И ничего, принесла, наскоро позавтракав, отправилась в магазин за свининой, решила достать хоть немного, чтобы хоть на заправку была, что достала 4 кило, хоть не слишком жирная, но зато со шкуркой, посолила с чесночком, может и ты вернешься к нам, попробуем вместе. Достала 2 пары носок, чулки и мыльца. Денег фукнула 83 рубля и не купить нельзя, ребят побаловать абсолютно нечем, хоть из супа кусочек мяска, молоко стало 6 руб. литр, брать не на что, а что ожидает впереди — неизвестно, вероятнее всего, голод. Эх, хоть бы еще раз встретиться вместе, а немец, говорят, под Можайском.

22 октября

Бессонные ночи изнуряют окончательно. Как встаешь, сразу слышишь новое о сдаче какого-либо города, паника с каждым днем, все более и более наводят панику на бедное безденежное население, кому не на чем и не на что выехать. Богатые уже все повыходились и поразъезжались. По радио утренние известия: бои по всему фронту, усиленные — под Можайском.

23 октября

...Деньги на ребят пока не высылают, нет топки, вот горе, а в остальном бы все ничего, керосину достала на всякий случай 2 литра, обещают дать шахтерку, в чужую квартиру перебраться боюсь выгонят, а в своей ужасно холодно, не знаю, как будем зимовать, если удастся. Ужасная досада на твоего знакомого. Опустил письмо на руднике 18/X, до сего время я его еще не получила. А немец уже взял Таганрог и, говорят, усиленные бои под Москвой. Если придется отступать, то прямо не знаю, куда деваться мне с моими крысятами, а они спят себе...

24 октября

В 5 начала рубить капусту, принесенную с поля, вдруг в полшестого, как раз перед окнами нашей квартиры в стороне от них послышались взрывы, их было шесть, гость очевидно, не рассчитал, линия как будто осталась невредимой. Не спала до полтретьего, что-то жутко, одна в квартире с ребятами, под утро, утомившись, уснула, а от тебя все нет и нет известий. 23 сдали Таганрог. Говорят, усиленные бои под Можайском, и как будто в самой Москве. Самочувствие, как говорят, ниже нуля. Как же ты? Вернешься ли к нам или нет? Надоело одним, и скучаем.

25 октября

В десять утра принесли извещение на деньги, сразу отправилась получать. Купить ничего не удалось, страшные очереди, да и особо нечего брать — нужны только жиры, а остальное пока что есть. Днем в 11 была сильная стрельба зениток в стороне севера. На 12 шахте бросил неприятель 2 бомбы — про последствия еще неизвестно. И вот, сидя в 9 вечера за столом, слышны глухие взрывы и гул самолетов, а детки спят крепким сном. Хоть бы вернулся еще раз обнять своих дорогих. Сегодня сынку угостили сахаром, он не съел, принес мне, пили с ним чай, он вспомнил о тебе: «Мам, если бы был наш папка, как дядя Коля, дома я бы ему тоже дал сахарку», — хороший мальчик, но баловень ужасный и наказывать вроде жаль, а если когда и накажешь, то он сразу вспоминает тебя: если бы был папка, ты бы меня не поругала, я бы играл с ним и не приставал бы к Бориске. Эх! Если бы вернулся!

26 октября

...Вчерашний день в Узловой у вокзала от бомбежки вылетели стекла, сгорело 2 дома, разбит состав с эвакуировавшимися, вроде страшновато, и надо жить для милых деток. Бориска заметно похудел без молока, но средств моих нет на молоко, хлеба надо запасти, а не на что, что будем делать дальше, не знаю. <...> Сегодня на ржаном поле спускался учебный самолет, сынка бегал смотреть, ужасно был доволен тем, что шофер брал его на руки и показывал мотор, как он говорит, чем заводится аэроплан, радости не было пределов, только ими и поддерживаю свою энергию, а то хоть давись.

27 октября

...За окном слышна глухая бомбежка, сегодня после усиленных боев наши войска оставили Сталино и идут упорные бои по всему фронту. Беспокоюсь за Бориску, что-то он сильно похудел, сегодня понос и сильно капризничает, боюсь, не заболел бы, а может, к зубкам, ведь они прорезались не все. От заботы ужасно измучилась, целыми

днями в поисках чего либо запастись, теперь главное мука и жиры. Хоть бы вернулся ты живым и здоровым, хоть бы получить от тебя единственное слово, что ты пока жив и здоров, ведь я от тебя, как приехал Николай, не имею никаких сведений. Эх! Если бы ты знал, как тяжело мне одной, а люди еще завидуют мне...

28 октября

Проснулись рано от гулов моторов автомашин, какая-то военная часть остановилась проездом около наших домов, беспокойства дали всем людям. Неприятель летает очень часто и может заметить, но что делать, не наша власть, не отгонишь самовольно. <...>

29 октября

Ночь прошла неважно, беспокоили все время машины, подъезжая на стоянку. По радио новостей особых нет, но по разговорам немец в 30 км от Тулы... Делать при таких обстоятельствах ничего не хочется, больше думаешь о том, как уходить и куда, если тут пойдет фронт.

30 октября

Впустую ходьба по магазинам, сильно волнуюсь за ребят, под носом второй день расположились из красноармейской части. Сдан г. Вязьма, бои под Тулой, Можайском. Ночуют 2 лейтенанта по авиачасти, за приготовление ужина и завтрака уплатили 60 руб. Очень досадно, что не пришлось достать сахара. От тебя все нет и нет никакого слуха, что еще больше усложняет обстановку жизни. Ночь всю не сплю.

31 октября

Части уходят, немец. самолеты делали обстрел из пулеметов как раз перед нашими окнами по авточасти, которые следуют из Орла на Рязск. Ужасная суматоха и сутолока в магазинах за хлебом, так и не пришлось достать. Карточки получила, а сахар за октябрь так и пропал, очень хочется чая с сахаром, но, к сожалению, его нет. Самолеты немца летают, но не бомбят, части армии вышли, а от тебя все нет и нет письма, где ты и что с тобой, не знаю, тоска по вечерам заедает до слез, хоть бы знать, что с тобой. Новостей по радио нет.

1 ноября

С утра, убравшись, замазала окна, сходила за хлебом, случайно достала кг пшена, с часу до 5-ти стоявшая в тисках. Надоело все ужасно, скорей бы конец войны. Хоть бы пережить мне с ребятами этот несчастный тяжелый год, да вернулся бы ты, жив и здоров. На фронте без перемен.

3 ноября

По радио передают направление боев под Москвой, Тулой и Калининградом. Где-то вдалеке к северу слышна бомбежка. Позавтракав, сходила за картошкой на Дубовск. поле, потом в магазин, но достать в магазине ничего не пришлось, так что решила сходить куда-либо на счет муки, но тоже не удалось, вообще жаль, что день прошел вничью. Кроме 3-х ведер принесенной картошки. Жду почту, но бесполезно от тебя и вообще от кого-либо нет ни слуху, ни духу, как о Пушкине, ужасно досадно, хотелось бы вместе по старинке встретить праздник, но что делать, может быть, еще и встретимся.

4 ноября

Встаю рано, ложусь поздно, от думы завелись головные вши, ничем не могу вывести, да и некогда. Ужасно страшусь голода с ребятами. Главное, мучает хлеб, по радио передают, противник ведет бои по всем фронтам в особенности на тульском и клинском направлениях, никто не пишет, не знаю кто и как и где обитает. От тебя тоже ничего нет. Достать ничего не удалось, кроме дров, и то хорошо.

5 ноября

...В 2 дня была бомбежка на руднике, сбросил бомбу на базе, но ничего не повредило. В 7 вечера опять бомбил рудник, разбита столовая дом за Комсомол. магазином, по улице к базе выбиты все стекла, был и пожар, в магазинах выбиты все стекла. В вокзале на Бобриках тоже нет стекол, бомба брошена за вокзалом.

6 ноября

По утреннему сообщению противник отогнан от Тулы на 120 км, с утра изредка слышны далекие взрывы, у нас ничего особенного не было, хотя и летали самолеты. На Узловой еще 3-го загорелся элеватор. Народ тащит кто только что может... Решили 8-го и мы сходить. Душа болит о тебе, в такую непогоду где-то ты и что с тобой, и о всевозможной голодовке с ребятами... Хоть бы вернулся ты живым, как-либо да устроились бы.

7 ноября

День пасмурный, а потому бомбежки не было и слышно. Измученная и злая, что не достала масла, напекла ребятам пирогов с кашей и картошкой, напились чая с пирогами, конечно, без сахара. Уснула, как умерла, а завтра надо на базу на счет хлеба.

14 ноября

Пробыла в магазине, ждали хлеба и мяса, мяса не привозили, хлеба не досталось. Это так начало входить у нас в моду — без хлеба ужинать,

и вообще жить на несчастных пирогах из черной муки, да и это для ребят счастье, что будет дальше, неизвестно, но надеяться положительно не на что. На деньги ничего не достанешь, и без денег ничего не сделаешь.

15 ноября

Хлеба второй день не достаю, живем на картошке и пирогах, ходила в столовую, думала взять обед на пробу и, может, хоть немного хлеба, но хлеба не было и за 2-е порции щей с мясом и 2-е порции котлет с кашей — это удов. 6 руб., нас не устроило, после котлеты сын попросил еще картошки мягкой, жаль, что нет масла, голодно вато ребятишкам, молоко 10 руб. литр, нет моих сил платить такие деньги. Это все ничего, но ты, дорогой, молчишь и молчишь, где ты и что с тобой в такой мороз в своей кепочке, очень и очень жаль, если ты не получил ни одной моей посылки, а из них бы было тебе тепло и подкрепился бы немного питанием.

16 ноября

С утра ходила на базар, дороговизна ужасная. <...> Эх, да это все чепуха, лишь бы вернулся ты, а там все будет. Затерли самогон, надеюсь, что выйдет все. Богородицк взят, Товарково тоже, слышатся целый день глухие орудийные выстрелы и пулеметная стрельба.

17 ноября

Хлеба в магазине не достала, живем на пирогах. На мельнице получилась неудача — выключили ток, смолоть не удалось. Решено идти ночью на Пучковскую, вечером с 9 прилажен аппарат на самогон на пол 10-го, уже закапала, родная, значит будет все — и смелем, и муки достанем. Растите, ребятишки, будем ждать отца, а фронт близко, наши части в Смородино и одна часть, конница, в Дубовом. Стрельба слышней, и чаще выстрелы слышны. Это вот не слишком радует, ну да что делать, что людям, то и нам, а может быть, мы еще и встретимся, дорогой.

19 ноября

С утра напекла свойских лепешек, потому что хлеб доставать слишком трудно, к тому же не зарегистрированы карточки, день был посвящен уборке в комнате и стирке без мыла, а есть один кусочек, его берегу специально для ребят. Писем ниоткуда нет, радио говорит плохо. Немец где-то под Узловой, стрельба слышна глухо. О тебе думаем всей семьей, потому что и Борька говорить стал «папа». Спать ложусь рано, завтра собираемся в деревню за мясом.

21 ноября

Праздник Михайлов день — по отцу память, никуда не хожу и ничего не делаю по дому, ребятам для праздника напекла своего хлеба

и сделала котлет. Они были очень довольны. Но не радует. Немец в Смородино, говорят, Узловую взял. Это дело хужей, наскоро днем сбегала на Рудник, получила пособие, случайно получила на 2 дня хлеб. За 16—17—18 хлеба не дают вообще, с хлебом дрянь. Спать ложимся рано, потому что завтра собираемся идти за аппаратом, на спирт можно кое-что достать, главное, хлеб.

22 ноября

Идти нельзя, стрельба усилилась, наши войска отступают на гору. Перед окнами на пшеничные поля установили 4-е зенитки. Страшно беспокоились ребята насчет выстрелов, но потом стихло, говорят, сбито нашими 2 самолета противника, к вечеру в 8 прибыла часть пехоты, расположилась в нашем доме и, конечно, у меня. Окапывались и после отдыхали. Ночь прошла кувырком, перестрелки шли бесперебойно. Все ходили ночевать в кирпичный дом, я никуда, ходил и Скворцов со своей семьей ночевать.

23 ноября

Жизнишка суетная, думаешь, что, куда и как сделать лучше. Все говорят, что немец обижает, обирает, не считаясь ни с чем. Гости не важней и деваться некуда, 2-е ребят и тряпье не унесешь далеко, решила остаться на месте, что будет, то и будет, кур резать жаль, может, пригодятся. В 5-м часу вечера часть ушла в наступление, всю ночь была слышна стрельба орудий и пулеметов. Военные уплатили 50 рублей, и кое-что дали из тряпья.

24 ноября

Позавтракав, ходили за морковью и картошкой в открытый подвал. Жаль, что не удалось взять с пасеки мед, разобрали большей частью военные, ну и мы принесли стакана 2. Поужинав, хотели пить чай. Это в 7 часов вечера, опять та же часть вернулась с поля боя на отдых. Наскоро согрела им чай и приготовила ужин, не успели отдохнуть, как их сняли куда-то еще. И лепешек им не пришлось покушать, из их муки тесто осталось для нас и немного муки ихней у нас. Стрельбы такой слышно не было, говорят, что немца отогнали на 70 км. Бедные, жаль их, и, думаю, тебе приходится не лучше, чем им. Но все-таки немецкие войска близки, в Смородине и Никольском. Ночь шла спокойно, но я решила никуда не уходить, пусть что будет, то и будет. Николай с Лизкой часто ночуют в подвале.

25 ноября

...В 9-м часу утра вернулась та же часть, опять наскоро готовлю завтрак, пеку лепешки и кормлю. Вдали слышна перестрелка с трех

сторон. Мои квартиранты быстро завтракают и поспешно уходят, по всему видно, что отступают. По слухам немецкие войска заняли рудник и как будто за 17-й шахтой в деревне Крутово в 11 часов зенитки получили пулеметный обстрел с самолета. В ответ наши не дали ни одной очереди, видимо, решено отступать. Под вечер с укреплений начали снимать зенитки. Ночь была слишком беспокойной, слышны были сильные взрывы орудий и минометной стрельбы. Хотя и страшно было, но все-таки я никуда не ходила, на меня глядя, и Нюрка сидела со мной. С 2-х все-таки улеглись спать.

26 ноября

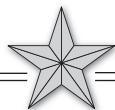
С утра слышна редкая, далекая, артиллерийская стрельба, но у нас все спокойно. Все носят рожь из стогов, решили и мы с Анютой запастись маленько. Набрали 4-е мешка колосьев, вернулись в 4-е вечера домой, принялись за готовку ужина и в 6-м часу вечера принимали новых хозяев Горы. Без боя и всего прочего мы перешли в руки немцев. Ничто плохого от них пока не видим, что будет дальше, неизвестно. Где-то ты, дорогой, и чувствуешь ли ты наше, вернее, мое переживание в этот период времени. Зашел один офицер, что-то побормотал по своему и ушел. Ночь спала паршиво.

27 ноября

Утром пекли лепешки и маленький хлеб, позавтракав, я осталась дома. Нюрка пошла на рожь. В 12 заходило несколько немцев, что-то по своему лопотали и ушли. Потом вошел один, взял лампу, постояв, ушел. Потом пришли еще 2, забрали половину хлеба, просили мед, сало и масло и ушли, вошел еще один, взял еще половинку хлеба и трое ребятни, посмотрев, что больше взять нечего, ушел. В сараях замки же поломаны, стоят лошади, дрова берут, ловят кур. Пришлось и мне зарезать своих любимиц, хоть, может быть, детки покушают, настроение отвратительное, мучительно, что ни черта не понимаешь по-ихнему. Вдруг началась с полседьмого до восьми перестрелка. Ребята стали пугаться ночной стрельбы. Никуда не отхожу, все время стараюсь уговорами отвлекать от сынкиных расспросов о стрельбе. Народ начал тащить больничное имущество. Нюрка принесла 3 стула и 4 скамеечки. Ребятки, я же не льщусь на это барахло, может, после и пожалею, но все-таки не хожу ни за чем, кроме съестного, если что где тащат. Где-то ты? И как-то переживаешь это время. Спать ложусь в 10, экономим свет каптюшки.

28 ноября

Ночь прошла без тревог, вечерняя перестрелка закончилась в 10-м часу. Наскоро натопили печь, напекли ребятам лепешек и хлеб, на-

скоро позавтракав, все прибрали. В 9 зашел один, просмотрел пустые комнаты, сунулся к нам, увидев грязь и кучу ребят, ушел. День ломается кувырком. Наскоро обедаем все, снова прибираемся, ходим, как отравленные. Сегодня решила бросить кормить Борьку, страшно гоняется и у самой стала кружиться голова, не даю грудь уже целый день. По разговорам, берет похоже все, ни с кем не считаясь. В 5-м часу появился с обыском, все оглядев, полез в корзину, но ничего не найдя, подошел к пирогам с морковкой, посмотрел, есть не стал и брать не стал, побормотав по-своему, ушел. Вечер спокоен, что будет ночью, не знаю. Сталиногорск, говорят, взят. Тула в кольце, может быть, и сдана. Газеты с месяц прекратились, радио молчит, сидим с каптюшкой.

29 ноября

Первая часть поселенцев с утра начала отправляться, где-то вдали слышна пулеметная стрельба с самолета. Из Дубового на место первых переселились вторые. Григ. Ник. комната, до сего времени никем не занимаемая, была закрыта — открыли. Меня заставили топить и убирать мусор. Мыть я отказалась. Попросили постели, дали им. Нюркины казенные матрацы у меня взяли, настольные часы и твои старые галоши, не знаю, возвратят или нет. Принесли 13 мешков, заставили выстирать, носят грязную посуду мыть. Один принес ребятам конфеты по 3 штуки и котелок супа, очень вкусный и жирный. Жаль, растащили все дрова, ну что делать, пусть тащат, лишь бы не трогали нас, не обижали. Стрельба затихла, пока ничего не слышно. Завтра к 10-ти часам утра собирают всех мужиков якобы для установления власти выбора президента. Чем что кончится, неизвестно, и когда уедут эти соседи, тоже неизвестно. Где ты и все остальные неизвестно, а очень и очень хотелось бы хоть на один час да встретиться.

30 ноября

В 6 утра заставили вымыть полы и убрать стол, за это дали булку хлеба и 1/2 стакана сахарного песка. Вымыли уборную и бывшую женькину комнату, за это сперли мое корыто, что чертовски жаль, ну да ничего не поделаешь, может быть, возвратят. Резали телка, отдали ноги и голову. Перед этим собрали 6 баб, чистили им картошки два молочных бидона. После отдали нам три курицы полуживые, но еще дышали. Оказались очень жирные. Так что день бы прошел куда лучше, да пропало корыто, что очень и очень жаль. Стрельбы не слышно, кроме 2—3-х орудийных залпов и то где-то далеко. Но где ты, дорогой! и все остальные — не знаю. Эта неизвестность бесит меня до крайности. Спать ложимся рано для экономии света шахтерки.

2 декабря

...Завтрак был мировой, холодное удалось на диво. Только нет тебя, а ты дорогой, возможно, голодаешь, хоть бы обед послать тебе, да где ты, не знаю. Собравшись уезжать, почему-то решили остаться, натащили ворох белья и дали 2 мешка своего мыла. Принесли 2 булки хлеба, ведро хорошего супа, очень вкусный и много мяса. Нюрке удалось спереть одну булку. Мужиков собрали на собрание и потом заставили пилить лес в парке, рыть окопы, по всему видно, что делают укрепления. Радио не работает, по разговорам под Тулой фронт прорван, только бы не было боя у нас, уж очень страшно за ребят мне.

3 декабря

Ночь прошла. Часов нет, встали и проснулись, не знаю во сколько. Соседи мои особо не беспокоят. Мою им посуду на завтра, они мне за это принесли три пары белья. День как всегда проходит. Решила ребятам сбрить волосы, но парикмахерская не работает, а то они обросли, как девочки. Под вечер уж больно сердце разрывалось в клочья, не нахожу себе места, что за причина, не знаю. Уж не заболел ли ты, дорогой, уж не попал ли ты в плен, прямо не придумаю, что и как, и чем объяснить. Но вот в шестом часу вечера разгадка моя открылась. Приехал Аверкин и с ним еще 2-е. Я бросила все, сразу побежала узнать о тебе. Говорить ни о чем не пришлось, потому что только пришел, и народа полна квартира. Только сказал, что ты пошел по направлению на Орехово-Зуево, а он прямо домой. Господи! Пусть судьба соединит нас снова, неужели детки еще раз не встретят отца! Даже не верится, ведь это будет для нас большим счастьем. Ах! Если б ты знал или хоть чувствовал, как устала я ждать тебя и томиться неизвестностью о тебе, ведь уже третий месяц, как я абсолютно не знаю о тебе ничего. Господи! Да скоро этому мученью конец? Скорей бы! скорей!.. нам соединиться вместе, никак не дожусь этой минуты счастья. А моя Анюта спит как у Христа за пазухой...

4 декабря

Сегодня с часу на час жду-поджидаю тебя, дорогой! И дума сводит с ума, неужели нам не свидеться, неужели Господь Бог не устроит встречу. Мы сидим в тепле и сыты, а ты, дорогой! Где ты? В такой мороз, так легко одетый и так плохо обутый. Господи, за что такое мучение, за что такая кара и страданье?! Неужели ж мы так перед Господом провинились? Неужели мы так прегрешили перед Господом. <...> Эх, Глеб! Глеб! Неужели не придется нам встретиться, неужели не придется тебе еще хоть раз обнять своих двух дорогих сынков? А какие они стали милые и большие. И сынка ждет тебя, спрашивает: «Ну что,

узнала, скоро папка придет?» Эх! Если б ты знал, как это все больно отражается на душе.

7 декабря

До обеда день прошел хорошо. Я сидела весь день с ребятами. Воскресные дни. Скучаю по тебе, тебя очень нам не хватает. Как ты там? Как чувствуешь себя? Как здоровье? Я ничего не знаю, как бы хотелось, чтобы ты был сейчас рядом со мной, с мальчишками, они по тебе очень сильно соскучились, спрашивают о тебе. Как ты, что с тобой? А я даже и не знаю, что отвечать порою... Приезжай к нам поскорее, мы тебя все любим и ждем.

8 декабря

Холод в комнате невыносимый. С пяти утра до 11-и дня, без перерыва топилась печь, и ребята ходили в пальто с посиневшими руками, так что решено было перейти в Григ. Никол. комнату. Сегодня детишки снова вспоминали о тебе. Спрашивали, когда ты приедешь домой. Мы по тебе скучаем. За что же с нами так судьба распорядилась? Когда же мы уже соберемся всей семьей вместе за одним столом, в тепле. Как же нам тебя не хватает. Как же я скучаю по твоим глазам, голосу, рукам, любимый!

9 декабря

Утро не отличалось никакими новыми событиями, и как будто день начался более-менее спокойно. Изредка заходят немецкие солдаты... В полшестого зашли 3 немецких солдата, осматривали всю квартиру, поговорили что-то там на своем непонятном языке, осмотрели все и ушли... В 9 часу подошла одна из частей немецких солдат, и вскоре 3 расположились на ночлег... Для ночлежников вскипятила чай, один, очевидно, главный, но очень простодушный, ребятам дал по конфетке, а мне сигарет 2 шт. Ночь с квартирантами прошла незаметно, тихо и мирно.

10 декабря

Убравшись и накормив ребят, сидела и смотрела на своих квартирантов. Что-то сильно они взволнованы, говорят о Епифани, Сталиногорске, Иваньково, Задонье, но что бы это значило, для нас неизвестно. Потом во 2—3 часу показалось сильное смятение немцев, со стороны Дубовой тронулись обозы обратно, как будто на отступление. Немцы второпях бросают фразы, что русские бом-бом. И действительно, слева 17-й шахты началась усиленная стрельба артиллерии и пулеметов... Стрельба была долгой, продолжительной. Я сразу вспомнила о тебе. А как ты там? Где ты? Ждем тебя с нетерпением!

11 декабря

Всю ночь длилась перестрелка до трех утра, потом все затихло. В 8 часу встречали с боя немецких солдат, прогнали много русских пленных, пронесли немецких раненых и убитых. Бой был, очевидно, за Дубовой. Вечером видно было, как русские, идя в наступление от леска 17 шахты, падали, сраженные немецкими пулеметами с кладбища. <...>

12 декабря

Всю ночь длилась стрельба из пулеметов, спать не пришлось почти ничего... Кое-как дождались рассвета, напекли пирогов и только что собирались завтракать, как вдруг в окно 2-го переплета через две рамы пролетела пуля, очевидно, из винтовки, рикошетом прошла чуть повыше косяка двери. Аня ахнула, а я успокаивала ее, как могла. Кое-как позавтракали и пошли с Анькой подыскать квартиру, в нашей оставаться опасно. Идут и едут все именно к нам всегда, да к тому же пулеметы на террасах. <...>

13 декабря

Ночь прошла более спокойной, чем вчера. Слышно было редкие пулеметные орудия, но где-то далеко в стороне родника. Утром как хорошо рассвело, пошли рассматривать старые квартиры, вернее, результаты вчерашнего бедствия. Оказалось, что не напрасно ушли мы из того дома — один из снарядов навесил наш дом, попал в крышу, минуя трубу, как раз над квартирой, где жили. Разрушило потолок наверху, а внизу обвалилась только штукатурка... Во втором доме тоже кое-что повредило, а Гришку-сварщика ранило осколком в голову, но не сильно, а вот девочку его 8 лет, ту ранили сильно, так что не известно, будет ли жить. Потом ходили за дровами на стадион... Увидели разведчиков и как-то радостно стало на душе. Немцев в поселке уже не было, очевидно отступили...

Некоторые ходили смотреть до Дубовой, много убитых, говорят. Вот сидим с сынишкой, вспоминаем о тебе, где ты? как ты? Увидимся ли? Встретимся ли?

14 декабря

Возвращаться на старую квартиру нет никакого желания, во всем доме ни души... Бой был под Дубовой большой, много погибло наших, но и немало полегло немцев. Деревня сильно пострадала от боя, много несчастных без крова.

16 декабря

Народ без дела не сидит. С утра пораньше все идут стираться. По разговору Таганрог, Николаев, Ростов и еще какие-то 2 города от-

биты, а Ленинградская область так совсем очищена... Сегодня, как никогда, жду тебя. Уж больно наскучалась я без тебя, хоть бы ты вернулся скорее.

ПЕРВЫЙ ГОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА (По страницам дневника Эберхарда фон Ханкследе)

*Цыганок Неонила Львовна, 55 лет,
учитель истории и обществоведения
ГУО «Средняя общеобразовательная школа № 2 г. Осиповичи»,
Республика Беларусь*

Среди литературы, посвященной Второй мировой войне, особое место занимает мемуарная литература. Большой интерес вызывают дневники, написанные непосредственно в ходе военных событий. К сожалению, такой литературы крайне мало. Поэтому военный дневник Эберхарда фон Ханкследе, служившего в 29-й моторизованной пехотной дивизии «Фальке», занимает особое место.

29-я моторизованная пехотная дивизия «Фальке» — боевое соединение вермахта. В польской кампании наступала во втором эшелоне 47-го моторизованного корпуса. 25 июня 1941 года прикрывала Слоним от контратак советских войск, в июле наступала на Смоленск, к 15 июля овладела частью города. 10 августа 1941 года находилась в Рославле, осенью действовала в составе 47-го танкового корпуса в районе Орла и Брянска, в 1942 году в составе 4-го корпуса 6-й армии была в Сталинграде, где и капитулировала [1].

Книга «22 июня 1941 г. Брест. В 3.15 батарея начинает стрелять...» Военный дневник Эберхарда фон Ханкследе» издана Минским международным образовательным центром им. Йоханнеса Рау в соавторстве с Дортмундским международным образовательным центром и Исторической мастерской ММОЦ им. Й. Рау в 2011 г. Мастерская — детище международной общественной инициативы. Ее координаторами стали Дортмундский международный образовательный центр, Минский международный образовательный центр, Союз белорусских еврейских общественных объединений и общин. Располагается организация в одном из зданий, находившихся во время Великой Отечествен-

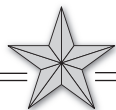
ной войны на территории Минского еврейского гетто. Ее сотрудники изучают историю Холокоста на территории Беларуси, помогают узникам концлагерей, печатают различную литературу, проводят большую общественную работу.

Среди книг, изданных Исторической мастерской, записки Эберхарда фон Ханкследена обращают на себя особое внимание. Впервые в белорусской историографии представлен дневник о военной повседневности солдата вермахта. Автор дневниковых записей, до войны — учитель математики, с завидной дотошностью фиксирует каждую деталь происходящего.

Записи начинаются 2 июня 1941 г. и заканчиваются в начале 1942 г., когда в результате болезни Эберхарда отправляют на лечение в Германию. В книге опубликованы записи солдата до октября 1941 г. И хотя дневник опубликован не полностью, он представляет несомненную научную ценность не только для историков, но для всех, кто интересуется вопросами Второй мировой войны.

Мы привыкли, что в литературе о войне описываются тяжелые бои, потери, сражения, но повседневной военной жизни уделяется мало внимания. Военных дневников советских солдат практически нет, потому что по разным причинам записи либо вообще не велись, либо уничтожались военной цензурой. Тем интереснее посмотреть на войну «изнутри», причем глазами нашего противника. Путь, который прошел Эберхард: Брест — Пружаны — Ружаны — Слоним — Столбцы — Барановичи — Койданово — Минск — Борисов — Ленино — Копысь — Толочин — Смоленск — Рославль — Волковичи — Бутырки — Сеща — Дубровка — Клетня — Любец — Ямполь — Собичев — Шостка — Ивот — Новгород-Северский — Середина-Буда — Суземка — Негино, охватывает территорию трех советских республик. Это Белоруссия, Россия, Украина.

Сначала Эберхард воспринимает войну как очередную работу. День 22 июня 1941 г. ничем для него не отличается от предыдущих: «Утром 1.45 пробудка. Светает. В 2 часа все готовы. 3.15 часа. Батарея начинает стрелять. Деревня Огородники на другой стороне Буга уже горит через 10 минут. Небо стало красным. Наступил день, солнце светит. 5.30. Геббельс читает прокламации Гитлера. 7.15. Нам только что принесли кофе...» [2, с. 12–13]. Он буднично рассказывает о наступлении, подробно описывает места, где проходит его часть, перечисляет продукты, которые им выдают на завтрак, обед или ужин, рассказывает о письмах, полученных из дому. Но постепенно становится очевидным, что война, которую вероломно развязала фашистская Германия, — нелегкое дело. Теперь на страницах дневника можно прочитать: «Перед нами картина ужаса. Здесь происходил жестокий бой. Везде погиб-

шие русские. Они лежат на улице, на краю дороги, сбитые машинами. В машинах и рядом сгоревшие трупы. Часто остаются только туловища. Это картина ужаса. Какую ценность имеет здесь жизнь человека? Никакую, совсем никакую» [2, с. 16].

Однако по-настоящему страшно Эберхарду становится, когда начинают погибать его сослуживцы. Удастся ли вернуться живым? Эта мысль неотступно преследует его, и, чтобы забыться, он играет в карты, пишет письма домой, изучает окружающую природу и жизнь.

Видно, что русская природа очень нравится солдату. В районе Рославля он сравнивает ее с Альпами: «Горный хребет с сосновым лесом на заднем плане, а впереди луга с лошадьми и пастухами и кустарники. Пшеничные поля, золотистые ржаные поля, картофельные, льняные сменяют друг друга... Высокие копны сена на дороге. Все гармонирует в этом ландшафте, где, наверное, любому захотелось бы побывать осенью» [2, с. 52].

В то же время он удивлен, почему то, что дано самим Богом, не используется местными жителями. Его поражает грязь, нищета, убогость жизни в белорусских и русских деревнях: «Сарай выглядит невероятно. Навоз лежит высотой в 20–30 см без соломы, как болото. В этом стоит скот. Мужчины все бородатые, с обвязанными тряпьем до икр ногами или босые. Они выглядят хуже, чем оборванцы. Женщины также» [2, с. 39]. В районе Дубровки он записывает в дневник: «... обеденное время, время уборки урожая в России с ее песчаными дорогами, гнилыми мостами, покрытыми соломой деревянными домами, широкими полями и болотами. Одинаковые деревни, одинаковые песчаные дороги, одинаковые поля и такие же одинаковые люди» [2, с. 67].

Как умный и образованный человек, автор пытается найти этому объяснение. На помощь ему приходит сама окружающая действительность. На подъезде к г. Шостка (Украина) их машина вдруг попала на хорошую мощеную дорогу, что было удивительно для советских дорог. Она вела к пороховой фабрике. Эберхард записал в дневнике: «На военные нужды не жалели ничего, даже несмотря на то, что народ прозябает в нищете и грязи» [2, с. 99].

Дневниковые записи Эберхарда фон Ханкследеа иногда содержат пересказ разговоров немецких военнослужащих об идущей войне. Почему война началась? Была ли она неизбежна? Как скоро она закончится? На эти и другие вопросы ищут они ответы темными ночами в бескрайних российских просторах. Интересно, что мысли Эберхарда и его сослуживцев почти полностью подтверждают выводы, содержащиеся в старых советских учебниках и подвергающиеся подчас современными историками сомнению. Однако разговоры автор дневников

записывал, что называется, по «горячим следам», поэтому вряд ли в них можно усомниться: «Укрепление нового государства и создание Великогерманского рейха, по мнению унтер-офицера К., непременно привело бы к войне. Это, за малым исключением, те же противники, которые пытались нас уничтожить в 1914 г. Сегодня вопрос для нас звучит — быть или не быть» [2, с. 92].

Из их разговоров видно, что может сделать пропаганда даже с образованными людьми. Эберхард фон Ханкследе не сомневается, что «в Европе следует покончить с евреями... С Францией необходимо быть достаточно лояльными, чтобы не попасться на ту же удочку, что и наши враги в Версале... Африка и азиатские районы на юго-западе Ирана, т.е. от Персидского залива до Красного моря, будут принадлежать Европе как ее естественные колонии. Америка, как и говорится в доктрине Монро, должна принадлежать американцам. Индия получит независимость, а Восточной Азии как самой густонаселенной области земного шара под руководством Японии будет передана Австралия в качестве зоны переселения. Примерно такой была картина, которая нам представлялась» [2, с. 92–93].

Очень часто Эберхард и его товарищи рассуждают о том, скоро ли закончится война. Несмотря на ожесточенные бои, большинство (но не автор дневниковых записей) уверено, что она продлится не далее сентября 1941 г. Однако есть многое, что позволяет усомниться в этом. Прежде всего — героизм русских солдат и офицеров. Сослуживцы Эберхарда побывали в Европе, и им есть с чем сравнивать. Иногда они поражаются тому, как воюют русские: «Разговариваю с обер-вахмистром В. Он говорит, что борьба во Франции была более ожесточенной, чем здесь, но более честной. Французы капитулировали, когда поняли, что дальнейшее сопротивление стало бесполезным. Русские, даже если это безрезультатно, продолжают бороться» [2, с. 36]. Солдаты вермахта не могут понять, почему противник воюет малыми группами, стреляет из засады? Они говорят, что от этой партизанской борьбы немецкая армия несет большие потери, чем в открытой борьбе. «Во Франции или Польше они бы уже давно сдались, считает вахмистр Г., но здесь русские продолжают фанатически бороться за идею» [2, с. 49].

Военный дневник Эберхарда фон Ханкследе дает нам новое прочтение уже, казалось бы, известных фактов. В статье А.А. Гавренкова «Роль Брянского фронта в битве под Москвой» описывается роль Брянского фронта в защите дальних подступов к столице: «14 августа 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования образовала Брянский фронт. В ту августовскую пору нужно было остановить, а если не остановить, то хотя бы задержать непомерной силы вра-

жеский натиск... Кровопролитные бои велись с неослабевающей силой» [3, с. 32–33].

Вряд ли солдат вермахта Эберхард фон Ханкследедн знал, части какого фронта воюют против них. Пожалуй, он об этом даже не задумывался. Гораздо больше его волновало все возрастающее сопротивление русских. 24 августа 1941 года он записал в дневнике: «Прошло некоторое время после наступления полночи. Большинство из нас спит, как и я. Потом мы просыпаемся. Грохочет, и наш дом каждый раз тихо сотрясается. Вдали слышны выстрелы, затем свистят гранаты, и после этого снова грохочет, дрожат стены и стыки». Бой идет на восточной окраине Дубровки, довольно далеко от месторасположения батареи автора дневника. Тем не менее, ему очень страшно, и он практически не может уснуть. Утром он узнает подробности ночного боя: «Сначала русские накрыли город или окраину Дубровки тяжелым артиллерийским огнем. Уже накануне вечером около 20.00 примерно 200 русских были переправлены через Десну. Это были лучшие рядовые. Им поручили в Дубровке ворваться в город и захватить, возможно, находящийся там штаб. После артиллерийской подготовки русские напали на нашу пехотную охрану, которая отразила атаку тяжелым пулеметным огнем. Некоторым русским удалось проникнуть в город и, чтобы вызвать панику, поджечь несколько домов. Большого добиться они не смогли. Они были вынуждены отступить...» [2, с. 69].

Эберхард и его сослуживцы не знали имена этих разведчиков-героев, а нам они известны благодаря работе поисковиков СОШ № 1 г.п. Дубровки под руководством учительницы истории Т.Г. Жуковой. В архиве местного историка — исследователя Николая Яковлевича Гееца ребята нашли уникальную запись воспоминаний очевидца этого боя Александра Афанасьевича Кротова, увы, уже ушедшего из жизни: «Во время войны я жил с родителями на улице Красной (ныне Ленина). В конце августа, когда наши войска были за Десной, поздно вечером началась стрельба на окраине поселка, недалеко от конца нашей улицы. Стрельба усилилась, когда от центра поселка и железнодорожной станции к месту боя прибыла немецкая пехота. В поселке находилось много техники, машин, мотоциклы, бронемашины. Из-за Десны по станции открыла огонь наша артиллерия. Загорелся пакгауз. Стрельба из автоматов и пулеметов была слышна на окраине около часа. А потом выстрелы все реже стали слышны на поле (в районе нынешнего первого микрорайона) и стихли совсем».

В материалах 11 отдела Архива МО по учету безвозвратных потерь названы имена разведчиков 279 сд, пропавших без вести под Дубров-

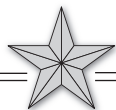
кой 24 августа 1941 года: Лури Константин Владимирович, лейтенант, командир разведотряда, Матусов Олег Леонидович, лейтенант, командир взвода, Коршунов Александр Иванович, Ковлягин Павел Фролович, Ликанов Анатолий Васильевич, Лазарев Александр Иванович, Голубев Вениамин Константинович, Родин Федор Григорьевич, Рачеев Владимир Александрович, Варюхин Николай Сергеевич, Давыдов Федор Иванович, Алексеев Алексей Дмитриевич, Ляпин Виктор Георгиевич, сержант, командир отделения, Новиков Владимир Михайлович, сержант, Макаров Павел Васильевич [4].

28 августа 2010 г. на месте гибели мужа побывала вдова Константина Лури со своей дочерью и внуками. Если бы она могла прочитать дневник немецкого солдата, то, наверное, еще больше гордилась бы мужем и его боевыми товарищами. Много страху нагнали они на немецких солдат, прежде чем героически отдали свои жизни за Родину!

А 26 августа 1941 г. захватчиков ждало новое испытание: «Сейчас около 12.25. Русские самолеты-бомбардировщики пролетают над нами в бреющем полете и стреляют из всех стволов. Их сопровождает самолет-истребитель. Мы бросаемся на землю... Со всех сторон сильный огонь, земля позади меня фонтаном рассыпается вверх, на высоту 2–3 метра. На самоходном противотанковом оружии лежат покрывала и брезент, двухсантиметровая подрывная граната прошла насквозь. Другая двухсантиметровая подрывная граната попала в деревянный крест, стоящий примерно в 4 метрах позади меня. Господь был со мной милостив... Медленно мы снова приходим в себя. Я сам до сих пор никогда не переживал подобной атаки...» [2, с. 72].

Дневник Эберхарда фон Ханкследе на пусть и опосредованно, но дает нам представление о тяжелейшем положении, в котором оказались бойцы и командиры Красной Армии в первый год Великой Отечественной. Довольно часто он пишет о том, что в плен захвачены советские воины. При этом отмечает: «Русские должны быть сильные, так как уже несколько дней, даже недель кольцо вокруг них сужается все сильнее и сильнее. Оба русских, которые сдались в плен этой ночью, переплыли реку. *Уже пять дней они не получали продовольствия*» [2, с. 48]. Через несколько дней новая запись: «Пять русских военнопленных идут нам навстречу, дают понять, что они военнопленные... *Больше двух дней они ничего не ели. Жители деревни дают им немного еды. В это время я проверяю их вещи*» [2, с. 73–74].

В немецкой армии все было по-другому. На ужин «какао, приготовленное на молоке, к нему хрустящие хлебцы, свежее масло, жареная

телятина, пакетик сыра, кусочек сахара, изюм и каждому по 10 сигарет. Я выпиваю много чашек, съедаю хлебцы с маслом...» [2, с. 41].

Практически на каждой странице автор перечисляет то, что они ели. 29 июля 1941 г. записывает в дневник: «На обед дают гороховый суп, на ужин пиво, кроме того, чай и пудинг, хлеб, масло, жаркое (телятина), сыр и по 20 египетских сигарет каждому» [2, с. 42].

Некоторые страницы дневника просто поражают: «Сейчас 19.00 вечера, солнце уже село, на огне стоит сковорода, в ней тушится картофель. Стол богат. Везде в кустарнике такая же картина. Играет граммофон, некоторые солдаты сидят за деревянными столами, играют в карты «скат», пишут письма, читают газеты или журналы. Другие играют «17 и 4», стоят в кучках и беседуют, а на деревнях стрекочут сверчки» [2, с. 58]. Просто идиллия! А если еще учесть, что агрессоры «одалживали» у местных жителей мед, молоко, яйца и другие продукты, то станет очевидна огромная разница в положении советских бойцов и немецких захватчиков в первые месяцы войны. И даже в этих неравных условиях наши воины били врага и побеждали!

В сентябре 1941 г. войска 29-й моторизованной пехотной дивизии «Фальке» повернули на Украину. Первое впечатление от украинских деревень благоприятно: «Жители... выглядят дружелюбнее, чем русские. И по большей части одеты поприличней, особенно молодые девушки. У них бодрые и свежие лица. Чаще всего пожилые женщины стоят с детьми на руках» [2, с. 79]. Но во всем остальном солдат вермахта ждали новые испытания. Бои становились все тяжелее, сопротивление Красной Армии — ожесточеннее. Все больше страниц дневника посвящено описанию сражений. Все чаще автор задает себе вопрос: вернусь ли я домой живым и невредимым?

На Украине произошла у Эберхарда интересная встреча, узнать о которой было бы особенно интересно современным учителям. Он познакомился с преподавателем математики, таким же школьным учителем, каким и сам был до войны. Встреча так поразила Эберхарда, что он записал не только имя и фамилию учителя — Семен Журило — но и его местожительство. Предыдущие встречи с местным населением оставили не самые приятные воспоминания, поэтому красивый дом учителя, цветы в палисаднике, и особенно познания в математике поразили автора дневника. Он записывает все формулы, которые предложил назвать Семену Журило, задачи, которые тот решил, и потом констатирует: «Я поражен его познаниями». В дневнике подробно описывается обычная деревенская школа в Советском Союзе: «Она состоит из 16 классов с 620 учениками и 18 преподавателями (1940–1941 гг.). Физкультура и рисование изучаются только

с 1-го по 4-й класс. В остальном: русский язык, украинский язык, немецкий язык (читать и писать, но не говорят и не понимают), математика, физика, химия, география, история, биология. Черчение, астрономия в 10-м классе» [2, с. 102].

Зарплата учителя тоже не оставила Эберхарда равнодушным. Он не может понять, как преподаватель с 25-летним стажем может получать 427 рублей в месяц, если, например, «пальто (простое), стоит 400 рублей, хорошего качества — 1000–1500 рублей, костюм (средненький) — 250 рублей, а хорошего качества — 1000 рублей» [2, с. 102]. Жаль, но и сейчас многое в белорусской школе (не знаю, может быть, и в русской?) по-прежнему удивило бы немецкого педагога!

Наверное, Эберхарду фон Ханкследену «повезло», что он заболел дифтерией и в 1942 г. был отправлен обратно в Германию, тогда как его часть пошла дальше на Сталинград. Повезло и нам, что его дневник уцелел в огне войны, не был уничтожен автором в мирное время и в неизменном виде дошел до наших дней. Повезло, что наступила перестройка, и мы можем прочесть воспоминания и дневники не только советских и германских генералов, но и рядовых той ужасной войны. В Германии уже опубликовано 9 военных солдатских дневников, в Беларуси пока — только один. В архиве Исторической мастерской в Минске хранятся еще два дневника солдат вермахта, которые ждут своего исследователя и издателя.

Все дальше уходит от нас война. Все меньше живых ее свидетелей. Но такие дневники, по словам сына Эберхарда Рюдигера Ханкследена, «позволяют изменить представление о войне в России не в плане ужасов, которые связаны с войной, это как раз было не новым, а в плане постоянного переплетения нападения, страха, ожидания, скуки, излишнего перенапряжения, абсурдных и опрометчивых приказов, нелепых случайностей, ежедневной рутины — и в то же время дружеских встреч с мирным населением, небольших меновых сделок, ознакомления с совершенно отличающимся отношением к жизни и труду и взаимного оказания помощи» [2, с. 8].

Для русских читателей некоторые страницы тоже окажутся неожиданными (описание быта немецких солдат на войне, отношения с местным населением, пленение и трофеи русских), но большинство из них вызовут гордость за свой народ, который в тяжелейших условиях войны не сломался, выстоял и победил!

Хотелось бы, чтобы книга, изданная в Беларуси, нашла своих читателей и в Брянской области. Ведь она еще раз подчеркивает, что без общих страданий, бед и сражений не было бы нашей общей Победы. Особенно нельзя забывать об этом молодым читателям, которым в первую очередь и адресован дневник Эберхарда фон Ханкследена.

Литература

1. 29-я моторизованная пехотная дивизия (Германия). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. «22 июня 1941 г. Брест. В 3.15 батарея начинает стрелять...» Военный дневник Эберхарда фон Ханкследена (серия «Дневники войны». Выпуск 1). — Минск, 2011.
3. Гавренков А.А. Роль Брянского фронта в битве под Москвой (30 сентября 1941 г.—март 1942 г.) // Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Люди. События. Факты: материалы круглого стола. —Брянск, 2011.
4. Жукова Т.Г. Есть память, которой не будет забвенья, и слава, которой не будет конца / Т.Г. Жукова // Брянская учительская газета. — 2009. — сентябрь.

НА СЛУЖБЕ В КРАСНОМ КРЕСТЕ (По страницам дневника Эрнста Гербера)

*Перевод — Имирбеков Замир Седрединович, 21 год,
Козюн Сергей Николаевич, 20 лет,
студенты 4 курса Тульского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Филиппова Г.В.,
г. Тула*

Ксерокопия книги «Швейцарец в лазаретах Восточного фронта 1941–42 гг.» попала нам в руки на занятиях немецкого языка в университете [1]. Дарственная надпись на книге гласила: «Подарок музею в Юхнове, который я посетил 24.05.97 через 56 лет после войны». Это оказалось очень интересное чтение, ведь еще многие факты о тех годах остаются неизвестными, тем более в интерпретации западных очевидцев.

Заинтересовало уже предисловие.

«Этот дневник, который я вел почти каждый день в 1941–1942 годах на Восточном фронте, пролежал в моем письменном столе более 25 лет. После окончания войны я написал несколько заметок для закрытого общества по просьбе моего товарища. Со смешанным чувством прервал я тогда предписанное нам молчание. Сейчас я не чувствую себя больше связанным, так как уже многие авторы подробно описали состояние в военных госпиталях в первые три года войны на Восточном фронте. Почти все из четырех миссий Красного Креста прошли без конфликтов с режимом. Мы — участники этих миссий — не давали клятву ни Гитлеру, ни Вермахту. Участие было

добровольным, но мы должны были действовать в соответствии с регламентом.

В моем дневнике я хотел описать события, переживания, которые остались в воспоминаниях у многих врачей и медсестер.

Многие отправлялись на фронт с миссией Красного Креста, ожидая приключений, а врачи — чтобы набраться опыта. Поводом мог служить и тот факт, что платили там в три раза больше, чем в госпитале, а комитет оплачивал страховку.

Мы многому тогда научились.

В военных госпиталях, к которым я был приписан, не говорили на политические темы и не проявляли симпатий к немцам. Маленькие колкости с немецкой стороны пресекались сразу. У меня в любом случае трудностей не было. В это время я был уверен в миссии Красного Креста и действовал соответствующе, как и многие другие мои соотечественники и соотечественницы.

Я прошу прощения у пострадавших и у русской девушки, которые обращались за помощью ко мне как к врачу. Из-за большой загруженности врачей мы, санитары, часто выполняли за них несложную работу и держали это в тайне.

Полученные на Восточном фронте знания и опыт пригодились мне. Я работал в операционном зале, мне пророчили даже работу в качестве ассистента врача. Я также хорошо освоил технику наркоза.

Участвуя с миссией врачей на Восточном фронте, я выполнял три задачи: реализацию идей Красного Креста на войне, оценку приобретенных знаний на военной службе для Швейцарии и повышение квалификации в моей прежней профессии санитаря.

Декабрь 1963. Эрнст Гербер»¹

7 октября

Каждый день я получаю от нашей медсестры Хани вакцинацию поочередно против дифтерии, ТРТ (брюшной тиф, паратиф, столбняк) и сыпного тифа.

Несмотря на вакцинацию, надо выполнять работы в больнице.

Я купил четыре овчиных шкуры, чтобы утеплить пальто и сшить шапку.

Меня заменят за 2–3 дня до отъезда, поэтому я смогу отдохнуть. Со многими друзьями и знакомыми я должен попрощаться.

10 октября

Прощание в госпитале. Мое радио я оставляю моему приемнику, потому что я надеюсь вернуться.

¹ Перевод текста дневника дан в сокращении [1, с. 3–58].

15 октября

Никто из дома не смог приехать меня проводить. Врачи прибывают со всех направлений. Коллега, который учился в Берне, увидел меня через окно и пожелал удачного возвращения. Незвестная девушка протянула пачку сигарет и сказала робко: «До свидания». Поезд отправляется. Сидим тихо и бросаем прощальный взгляд на родную страну. Миссия состоит из 15 опытных хирургов, 15 помощников врачей, 30 медсестер, вспомогательного оборудования, а также 15 водителей и переводчиков, трех секретарей. Семь машин с материалами отбыли в направлении Берлина и придут туда одновременно с нами.

Автомобили специально окрашены, на белом фоне красный крест. Но уже на границе белый фон закрашен коричневой краской, чтобы не бросаться в глаза. Мне знакомы главный врач, две медсестры, два хирурга и сестра Анни из нашей скорой помощи, фельдшер и нейрохирург. Уже в первые часы после отъезда кто-то предположил, что нас направляют под Гомель, в центр Восточного фронта. В пути мы видим пленных французских солдат, которые работают на полях.

16 октября

Рано утром мы прибываем в Берлин. После размещения врачей и медсестер в гостиницах, а младших чинов — в казармах, у нас есть время, чтобы посмотреть что-нибудь. Мы едем в машине в Потсдам. Основное шоссе покрыто сетью — камуфляж. Вечерний прием в швейцарском посольстве. Я ищу дерзко, как клоп, лучшие куски холодных закусок и пью шампанское.

Мне очень нравится мир в эти несколько часов.

17 октября

Лекции в Военной академии. Смотрим фильм о санитарной службе на фронте во Франции. Слушаем лекции о военно-полевой хирургии. А в пять часов банкет. Огромный круглый стол поставлен в одном из великолепных залов Военной академии. Рядом со швейцарцем сидит немецкий офицер. У нас много еды и питья, прогулка на свежем воздухе улучшает наше самочувствие.

Из концертного зала едем в паб. Везде музыка. Не каждый поверит, что мы из Швейцарии и завтра едем на Восточный фронт.

18 октября

Берлин, наконец, позади. Мы едем в Россию в санитарном поезде забрать раненых. Вполне комфортно садимся в пустой поезд по два человека в купе.

Пищи много. Забавно, что аппетит развивается внезапно. Шесть-десять кусков хлеба с джемом и кофе. Сразу после еды можно немного пройтись по поезду. Поезд оборудован так, что можно несколько недель жить без внешнего источника.

Лекции и игры помогают скоротать время. Есть новые люди, с которыми хотелось бы познакомиться ближе.

20 октября

Вчера вечером проехали Варшаву. Из-за темноты город был не виден. До сих пор мы не нашли никаких следов войны.

21 октября

Нас разбудили сразу после полуночи. Мы приближаемся к Березине и, проезжая по мосту, поем все вместе: «Наша жизнь подобна путешествию странника в ночи».

Мы вспоминаем наших соотечественников и предков и надеемся, что возвращаться назад будем в лучшем состоянии.

Утром мы проснулись и увидели первый снег. За завтраком комендант поезда сказал, что в Смоленске высота снежного покрова уже 60 см и санитарный поезд направляется туда. Теперь мы знаем конечный пункт нашего назначения. Никто не мог предположить, что этот город находится так далеко в России.

Перед Барановичами мы встретили первый поезд с пленными — примерно 40 железнодорожных вагонов. Открытые вагоны для угля, из которых видны только головы русских солдат. В составе насчитывается две-три тысячи человек. Впечатление ужасное. Их загрузили, как скот. Бороды и грязь искажают лица. Монголы, русские, украинцы — здесь все, кто живет в России. Чужие лица.

Барановичи — маленький город слева от железнодорожных путей. Железная дорога проложена, как и везде в России, не через город, а в обход.

От городского центра ничего не осталось. Только по руинам можно предположить, где он был. Немецкие солдаты объясняют нам, что русские взорвали центр.

Снова встречается санитарный поезд. Некоторые легко раненные открывают окна вагона и с любопытством смотрят на нас. У нас просят сигареты и спрашивают откуда мы. Многие думают, что необычная голубая форма — это новое подразделение или вновь объявленная голубая дивизия.

«О, нет! Мы из Швейцарии, из Красного Креста! — отвечаем мы, — будем заботиться о раненых».

«Вы с ума сошли! Чтобы добровольно приехать сюда?!» — звучит ответ.

Некоторые думают, что наш поезд — это начало внедрения военных из Швейцарии. Отчасти они правы. Еще кто-то добавляет, что у нас не все в порядке с головой, чтобы идти в ад Смоленска.

Там действительно не лучше, чем в аду. Везде царит хаос. Таким образом, картина Смоленска с его 200-тысячным населением нам ясна. Что нас ожидает?

Босоногие русские дети бегут вдоль вагона и просят хлеба и сигарет. Снегопад перешел в дождь. Наконец поезд снова трогается.

22 октября

Страна кажется бесконечной. Черная, коричневая необработанная земля, болота и дикие степи. Мы недалеко от Минска.

23 октября

Минск. Несколько часов мы ждем локомотива. Поезда с военнопленными от 80 до 100 вагонов едут в противоположном направлении. Если так пойдет и дальше, русской армии скоро не будет.

Русские дети снова попрошайничают. Один мальчик держит тощего гуся и просит за него сигарет. Один из врачей сжалился и отдал ему пачку. А что он будет делать с гусем? Мы не можем сами готовить, мы стоим на хорошем довольствии. Чем дальше мы углубляемся в Россию, тем больше расстояние между поселками, тем реже видно людей. Приходит комендант поезда и говорит нам, чтобы мы не боялись — на рельсах второго пути лежит огромное количество трупов. Мы проезжаем мимо. Это русские солдаты, которые умерли в вагонах для перевозки скота и угля и были сброшены с поезда. Через несколько дней их засыплет снег, и никто больше не увидит их.

Следующая остановка перед Смоленском называется Орша. Снова проезжает санитарный поезд и мы в сотый раз слышим, что это сумасшествие — добровольно ехать в Россию, в страну величайшего свинства. С немецкой точки зрения, это, конечно, так: Россия — это не Франция и не Голландия.

Раненых полно, и необходимо, чтобы мы пришли на помощь. Это другая сторона войны.

Снова поезд с военнопленными — уже десятый в течение двух дней. Мы в пути уже целую неделю. Орша встречает нас первой бомбежкой. Бомбы падают, к счастью, далеко.

24 октября

Мы все еще в Орше. До обеда должны въехать в Смоленск. Волнение велико. Повсюду видны следы разрушения.

Наконец, мы в Смоленске. Вокзал в руинах. Через завалы мы тащим наши рюкзаки и чемоданы к машинам, которые ждут нас. Сна-

чала через мост, потом по грязным широким улицам мы въезжаем в город. Если что-то здесь еще и напоминает о домах, то это камины, кафельные печи. Все остальное в руинах и покрыто пеплом. Вероятно, большинство домов этого города было построено из дерева. Мы выехали на окраину города и увидели, что есть еще целые дома, в которых можно жить. Перед войной в Смоленске было более 200 тысяч жителей, а сейчас, мы полагаем, осталось около 20 тысяч русских в черте города.

25 октября

Город выглядит безутешным. Вокруг бушевала война. Те русские, которые остались и многое уже пережили, знают, что такое ад.

27 октября

Первый рабочий день. Я занимаюсь аппаратом для переливания крови.

1 ноября

Три литра воды готовы для меня в квартире. Это великолепно. Не для питья, а только для мытья. Она мутная. Я весь искусан и чешусь — насчитал 40 следов от клопов, но самих их не вижу. Если бы только не было бороды! Щетина больше пяти миллиметров. Только офицеры бреются ежедневно. О сне больше речи не идет, до полудня потрачу время впустую. Увидел одного из наших шоферов. Он смеется над моей бородой и предлагает побриться электрический бритвой. Он ведет меня к своей машине, мастерит что-то с проводками от батарейки и с гордостью показывает свою бритву. Действительно, она функционирует, но процедура мне не нравится. Потом пришла мысль, что я могу отращивать бороду, это избавит меня от многих неприятностей. Борода также будет делать меня старше, что мне не повредит.

Незадолго до полудня я появляюсь у шефа на работе. Я надеюсь попасть в операционную, но постоянно приходится кого-нибудь заменять. Работа идет медленно. Каждый организует то, что он умеет. Однако, кажется, нет рентгена.

Еще несколько немецких санитаров и сестер выделены нам. К вечеру функции распределились. Старшей сестрой назначена моя «подруга» Анни. Вместе с сестрой Хеди и нашим шефом она была уже в Финляндии при миссии Красного Креста. Шеф и сестра Анни всюду вместе. Вместе с двумя немецкими санитарями и двумя русскими я получаю большой зал, за который должен отвечать.

Мне надо еще помогать в операционной и делать переливание крови. Санитар Франц выполняет все грязные работы.

2 ноября

В палате 7 бледный молодой солдат должен получить кровь. Это мое переливание не удастся так, как хотелось бы. Те два переливания в Смоленске — этого слишком мало, чтобы делать это безупречно.

Делаю чистку и стерилизацию. Это большая работа. В порядке ли все и готово ли для следующего использования? Правильно ли вложены три различных фильтра? Время и опыт помогут мне надежно выполнять эту работу.

6 ноября

Четыре дня прошли. Мы с шоферами сменили еще одну квартиру. На сей раз очень удачно: с железными кроватями и соломенными тюфяками. К тому же поблизости от военного госпиталя. Шофер Линдер организовал стол почти как дома.

После трех ночных дежурств с немецким врачом в соседнем военном госпитале у меня появился некоторый опыт. Основная работа — это борьба с инфекцией, удаление всех инородных тел и гнойников.

Говорят, что 3 ноября должен начаться первый массированный налет на пригороды Москвы. После дивизионных медицинских пунктов мы — один из госпиталей на передовой. Скоро будут тяжело-раненые.

У меня есть особая забота — пациент из Берлина. Ему 25 лет, он маленького роста и хилого телосложения. Осколком гранаты у него оторвана правая рука. На дивизионном медицинском пункте руку ампутировали, и раненого перенесли к нам. Состояние его плохое: лихорадка и инфекция.

Есть еще рядовой мотопехоты СС. У него нет видимых нарушений, но он жалуется на боли в спине. Врачи полагают, что он симулирует и только хочет увильнуть. У него «длинный язык» — никто не хочет с доносчиком иметь дело.

В 9 часов 30 минут внезапно раздалась стрельба зенитной пушки. Мы выбегаем из дома и видим далеко в небе огни двух бомбардировщиков. Вдруг прозвучали пять мощных взрывов, потом еще два, уже подальше. Нам повезло. Вечером сообщают о тяжелых воздушных налетах русских. Ожидаем и следующей такой же ночи, готовимся, чтобы ни один проблеск света не был виден из дома. Но ясное небо покрывается облаками, резкая смена погоды хранит нас от следующих бомбардировок.

7 ноября

Первый снег за наше пребывание в Юхнове. Прохладно, однако, не сильнее, чем у нас дома в нормальную зиму. В белом ландшафт выглядит гораздо красивее. Грязный коричневый цвет исчез.

В военном госпитале напряжение между немецкими и швейцарскими сестрами почти невыносимо. Скоро должно дойти до разрядки.

Сегодня вечером Хайнц пригласил меня поиграть в карты с другими санитарями. Я согласился. Мы играем, но я только знакомлюсь с этой игрой. Играют в «17 и 4» или в «старую тетю» на деньги, которых имеется вдоволь. Фортуна благосклонна ко мне, я выигрываю 70 марок через полтора часа. Я играл осторожно и не рисковал ничем. Другие проиграли много. В этой игре надо уметь вводить противника в заблуждение.

8 ноября

У меня 6 раненых, они транспортабельны. Сегодня они должны уезжать. Утром в семь часов транспортные средства готовы. Счастливики радуются, что они могут уехать. На Рождество они должны быть дома или в родном военном госпитале. Для многих глава «Россия» закрыта.

Вечером Хайнц ведет меня в русскую семью. Поводом является Регина, русская девушка, которая работает в нашем военном госпитале.

Дом наполовину занят немецкими солдатами. Так как дом имеет только два помещения, то присутствующие шесть женщин расположились в одном месте — в кухне-столовой. Выглядит скудно и просто, но чисто. Стены заклеены газетами. Каждая женщина имеет соломенный тюфяк. Мы сидим на лежанке.

К сожалению, мы понимаем очень мало. Распределяем шоколад и пьем принесенную бутылку красного вина. Оно лучше, чем польская или русская водка. Одна женщина жалуется на головную боль. Случайно у меня есть снотворное. Головная боль проходит. Я думал, что женщина уснет, но она не спит. Скоро мы прощаемся и расходимся по нашим квартирам.

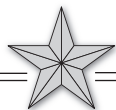
Ничего особенного не было в этом посещении. Они не понимали наш разговор. Надо было брать с собой шофера Линдера, который знает русский язык и смог бы переводить. Но он был занят.

10 ноября

Первый конфликт между Анни и Хеди. Я вмешиваюсь и помогаю Хеди, она права, по моему мнению.

Высокий немецкий офицер инспектирует наш госпиталь. Мы услышали, что была отражена атака под Москвой. Ожидаем сообщение о падении Москвы со дня на день.

Во второй половине дня Линдер идет на обмен к русским — выменял петуха за одну марку и пачку табака. Хорошее знание языка помогает ему легче идти на контакт. Это дает разнообразие в армейской пище.

В руинах ближних домов две комнаты были обставлены как запасной госпиталь. Раненые переносятся туда. Они нуждаются в небольшом уходе и уедут следующим транспортом. Обслуживание этих пациентов было возложено на доктора Бл.

12 ноября

Шоферы, действительно, умеют совершать бартерные сделки. Вчера яйца, а сегодня молоко. Скоро снова будет курица или петух.

Доктор Бл. тоже общается с русским населением. Несколько дней назад в госпиталь пришла русская женщина и попросила оказать ей помощь. Посовещавшись, врачи отказались, чтобы не было конфликта с немецкими властями.

Доктор Бл. был недоволен этим решением. Рискуя, он с шофером, навестил больную. У старой женщины была высокая температура и сильные головные боли. Доктор Бл. диагностировал абсцесс мозга. Сестра Розмари принесла инструменты и медикаменты. Привели в порядок обеденный стол. Доктор Бл. сделал классическую операцию. Через два дня этот дом хотели занять солдаты СС, для чего нужно было вывезти больную женщину, но доктор Бл. не разрешил это сделать. Как представитель Красного Креста, он даже хотел сообщить в высшие инстанции, чтобы этот дом оставили в покое.

Поступок доктора Бл. обсуждался русским гражданским населением. Русские стали появляться каждый вечер. Больные могли отдохнуть, а утром они просто исчезали.

17 ноября

Температура воздуха — 27°C, температура моего тела +38°.

Боль в горле не утихает. Пробудившись от дремоты, я слушаю музыку. На ближайшем перекрестке стоит корреспондентская машина, звучит полуденный концерт. Для нас, да и, я думаю, для многих — это первые музыкальные звуки за недели.

К вечеру приходит подтверждение, что русский танк на расстоянии 15 км от немецкого фронта вторгся на его территорию. Перед нами расположились города Малый Ярославец и Медынь, а также несколько деревень, такие как, например, Юхнов.

Предположительно, два полевых госпиталя на 1200 коек могли быть разрушены, спасся только персонал. Персонал должен спасти человеческие души. Раненые все пропали.

Вечером температура снова 38°.

18 ноября

Утром температура 37,3°. Почувствовав улучшение самочувствия, я решил написать 14-ое письмо на родину. Снова заканчивался запас

моих папирос. «Урожай», состоящий из 5 штук на день, мне совсем не по вкусу.

Полые трубы, с помощью которых крепились наши кровати, служили нам часто пепельницей. Они отворачивались, 3-х сантиметровые окурки снова шли в ход.

Лежать больно. Я ощущал через соломенный мешок три деревянные рейки, на которых располагался тюфяк.

К счастью, поставки молока были обязательными.

Шофер Линдер по-дружески оказывает мне услуги в лазарете. Врачи и медицинские сестры сильно заняты, поэтому обо мне некому позаботиться. Не оказалось ни одного врача, чтобы осмотреть мое больное горло.

Вечерняя температура снова 38°.

Линдер в белом фартуке (халате), как врач. Он прощупывает мой пульс, но никак не может его найти и через некоторое время говорит: «Ты обманываешь меня, пульс остановился». Там где Линдер искал пульс, его и не могло быть.

23 ноября

Сегодня воскресенье, рабочий день начинается в 9 часов. Я не имел никакого представления о том, какой сегодня день недели и что я приехал сюда в субботу. Я не отличал воскресенье от других дней, а отдохнуть на работе не представлялось возможным.

В 9.00 у нас праздничный ужин.

Сегодня привезли первых пациентов с газовой гангреной. Доктор Моло ампутировал быстро и четко — другого выбора не было. Если вовремя не ампутировать поврежденную конечность, то пациент может умереть за несколько часов от инфекции. Это необычный вирус, больному с гангреной очень не повезет, если поблизости не окажется врача или вирус не сразу удастся выявить.

К счастью, диагноз нетрудно определить: заражение раны и поражение тканей и других частей тела — обычные симптомы. Если инфекция уже прогрессирующая или есть образование газов выше колена или локтевого сустава, то уже слишком поздно. Сепсис уже нельзя остановить — больной умрет.

Меня представляют двум швейцарским врачам. За барак два отвечает Штадлер, за барак три — майор Е. Марквальдер. Им помогают немецкие ассистенты, медсестры и санитары.

24 ноября

Прошлой ночью меня разбудили мыши. Но я не испугался, когда увидел у себя на голове мышь. Макарову было трудно дышать. У него была астма, и очень часто ему не хватало воздуха.

Мы лежим рядом, разделенные только шерстяным одеялом.

Мы работаем с 9 часов утра до 3 часов дня, и с 4 часов дня до 6 вечера. Наш лагерь находится в 150 км от Юхнова и в 250 км от линии фронта.

Привезли нового раненого с раздробленной голенью, которую необходимо ампутировать. Я могу сказать, что работа доктора Моло, доктора Вайнахта и медсестер — великолепно. Сестра Ингрид дает наркоз, а сестра Гертруда готовит инструменты. Санитар накладывает жгут выше бедра и тем самым останавливает кровотечение. Доктор Моло делает узкий и точный надрез наполовину ноги до кости. Сделав второй надрез вокруг ноги, берутся за пилу. И через несколько минут ноги как не бывало. Края кости подпиливают, пережимают сосуды и перебинтовывают ногу. Санитар медленно снимает жгут, и только маленькие сосуды еще кровоточат, но их сразу перевязывают. Затем накладывают большую, пропитанную мазью повязку и забинтовывают рану. Через несколько дней этого раненого можно будет перевозить, но в Варшаве или в военном госпитале ему предстоит еще несколько операций.

1 декабря

Прогулка до вокзала. Там стоят пушки всех калибров. Вечером первые сверхурочные работы.

2 декабря

Шофер Верффели съездил в Смоленск, но почты для меня нет. Вместо этого он принес большого зайца, которого он «искусно переехал». Макаров забрал его, половину отдал хозяйке дома. Хорошая еда и выпитое вино «развязывают язык». Макаров сообщает, что заметил немецкие войска, которые направлялись в «нашу» сторону.

Российские военнослужащие приказывали отправлять женщин и детей в деревни, а мужчинам сжигать дома и присоединяться к войскам. Но никто не послушался, поэтому дома не были сожжены. Видимо, можно жить, несмотря на оккупацию.

Литература:

1. Im Dienst des Roten Kreuzes. Schweizer in Lazaretten des Ostfront 1941/1942. Tagebuch von Ernst Gerber / Luzern: Verlag Eugen Haag, 1963.

ИСТОРИЯ НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ!

*Эрика Фауска, 56 лет,
дипломированный инженер, заведующая лабораторией
компании «Heil-und Mineralbrunnen GmbH»,
г. Бад Лаухштаedt, Германия*

*Фанни Фауска, 28 лет,
учитель начальных классов,
г. Ерфурт, Германия*

Я часто слышала это выражение в течение последних месяцев от политиков по телевидению. Вероятно, это так, но судьбы многих людей похожи.

Моя семья живет в Германии. После Второй мировой войны до 1949 года эта часть страны была советской оккупационной зоной, с 07.10.1949 до 02.10.1990 г. — Германской Демократической Республикой. Теперь мы живем в ФРГ. С 01.01.2002 г. мы расплачиваемся общей с некоторыми европейскими странами валютой — евро.

*74-летняя Криста
и 79-летний Эрих*

Мои родители, Эрих Экнер и Криста Экнер (урожденная Кемпе), поженились в 1949 году. Оба родились в Польше (ныне округ Кротошин). Различными путями попали в Германию их семьи после Второй мировой войны: они убегали, их гнали, переселяли. Когда отец в 1985 году вышел на пенсию и у него появилось время, он начал писать краткую семейную хронику. Мой отец умер 04.06.2002 г. И теперь мы продолжаем фиксировать нашу семейную историю. С 1945-го по 1989-й годы никто открыто не говорил о

том, откуда приехала наша семья; с 1990 года официально появилась возможность поехать на бывшую родину.

Некоторые путешествия нужно совершать дважды

06.08.2000 г., Галле

6 августа 2000 года мы стояли на вокзале в Галле (Саксония-Анхальт, ФРГ). Мы — это мой отец Эрих, моя мать Криста и я. На ма-

шине я подвезла их до вокзала, так как отец уже не мог ездить на большие расстояния сам, хотя покупки в соседнем населенном пункте он совершал еще на своем «трабанте». В Галле после объединения Германии многое изменилось. Появились новые улицы, и машины на этих улицах стали ездить гораздо быстрее, чем раньше. Хорошо, что я смогла проводить родителей. Правда, отец хотел поехать в Кенигсфельд вместе с нами, своими детьми и внуками, но по какой причине это не получилось, я не помню.

Я беру мой фотоаппарат, встаю на край платформы и фотографирую родителей в ожидании поезда.

P.S.

Как я хотела бы сегодня их обнять и сказать: «Мне жаль, что мы не можем поехать вместе»! Тогда я не сказала этого.

07.08.2000 г., Кенигсфельд

Из Галле в Дрезден на поезде и оттуда с кузиной на автомобиле до Кенигсфельда в Полец — таков был маршрут поездки. Мой отец и моя мать хотели еще раз проехать по своей старой родине, посмотреть, что стало с ней. Они хотели показать своим детям и внукам, откуда они родом. Мой отец хотел знать какова теперь жизнь там, стала ли она лучше. Но они поехали только на один день и без нас туда, где он родился и вырос.

Крестьянские дворы в Кенигсфельде всегда располагались по обе стороны улицы. Земельные участки с пашней и поле начинались сразу за домом и были далеко друг от друга. На некоторых картах рядом с названием «Кенигсфельд» можно увидеть название «Канада». Может быть, жители так прозвали это место потому, что отдельные крестьянские дворы находились далеко друг от друга, а может, из-за того, что плодородная земля всегда давала хороший урожай, обеспечивавший крестьянам скромное существование.

И вот он перед домом №46 в Кенигсфельде. 56 лет тому назад, в мае 1944 г., он был последний раз здесь, на родительском дворе, во время своего фронтowego отпуска. Это был дом его деда, в котором бабушка умерла еще в 1910 году, в котором он сам родился и в котором жили его родители до 20 января 1945 года. Дед, который после этого остался жить в этом доме один, умер в ноябре 1948 года. Теперь Эрих вернулся, но деда уже не было.

В доме Экнер жила другая семья, которая переселилась сюда после войны с востока. Однажды, в 1973 году во время посещения школьных друзей моей матери в городе Кобылин, отец очень хотел поговорить с господином Зуликовски. Но, к сожалению, тот был очень недоверчиво настроен к моему отцу и не пошел на контакт. Я вспоминаю тот день. Вечером отец запивал свое горе водкой вместе с польскими друзьями.

И с каждой стопкой он все лучше говорил по-польски, может быть, даже ругался. До этого дня (мне тогда было 14 лет) я не знала, что мой отец так хорошо говорит на этом языке. Старый господин Зуликовски умер в 1984 году в возрасте 74 лет, а его жена — в 1993-м в возрасте 72 лет.

Теперь мой отец снова стоял здесь. Фрау З. пригласила его в дом и показывала ему, как они жили. Она хотела его угостить. Здесь, на фермерском дворе выращивали бычков. Фрау З., ее сын и его молодая жена вели хозяйство, в то время как супруг работал далеко отсюда, чтобы заработать денег на новый дом. Строить его они уже начали и собирались скоро в него переехать.

О чем мой отец говорил с фрау З., осталось тайной для нас. После стольких лет он все еще хорошо говорил по-польски. Может быть, он рассказал ей о том, что мы живем в Саксонии Анхальт, в Германии, что он уже сам дедушка и у него четверо внуков, которые уже давно ходят в школу. Дети получили хорошую профессию и теперь сами могут себя обеспечивать.

Вероятно, они говорили об этом.

Посещение было коротким.

Между тем моя мать сделала несколько фотографий дома. Когда отец прощался с госпожой З., у него на глазах были слезы.

Вернувшись, домой, он немного успокоился. Он еще раз увидел свою родину...

*Тоску по Родине мне не унять
Хочу друзей и старый дом обнять.
Утихла боль, немного отпустило,
Но все забыть едва ли хватит силы.
На Родине своей я странник и турист,
В осенний листопад опавший лист.
Хочу бродить с друзьями по аллеям,
Одну лишь мысль, в душе своей лелея.
Я снова здесь, я видел дом —
Я вырос и родился в нем.
Так тяжело в былое возвращаться.
Я снова здесь. Сказать «Привет!»
И попрощаться ...*

Тоска. Автор неизвестен¹.

P.S.

Какое отношение это имеет к истории?

После первой мировой войны, согласно Версальскому договору, прежние прусские территории, в том числе округ Познань, возвра-

¹ Из «Кротошинских записок» 1/2009.

лись Польше. Таким образом, немецкие поселенцы жили еще в Кенигсфельде, но уже в Польше.

Мой отец, Эрих Экнер, родился 16 сентября 1920 года в Кенигсфельде в провинции Познань. Он был первым ребенком Уильяма и Берты. В 1923 году родился его брат Хуго, в 1926 году — сестра Анна. Дед Эрнст Рудольф тоже жил на этой ферме. Крестьянское хозяйство было автаркическим (мой отец не использовал это слово, автаркический — значит «независимый»). Там еще не было электричества и водопровода.

В соседней деревне Гуминитц он пошел в школу. В 1934 году закончил ее. О школьной поре отец рассказывал мало. Он был хорошим учеником. «Только по рисованию и пению у меня были тройки, потому что не умел», — сказал он мне однажды.

3 июня 1934 года отец был конфирмирован¹. Он был 14-летним хрупким юношей.

*Конфирмация. Эрих сидит в центре,
рядом с кузиной Эрной. 03.06.1934.*

После окончания 8-го класса в 1934 году он работал на ферме своего отца. Он очень хотел получить профессию окружного лесника. К сожалению, были сложные времена и немцу в Польше лесником работать было невозможно и даже опасно. Сосед был убит браконьерами, поэтому дед запретил Эриху быть лесником.

В сентябре 1939 года началась Вторая мировая война.

Брату Хуго было еще только 16 лет. После того, как Эриху исполнилось 19 лет, с 1 октября 1939 года он начал работать в конторе на железной дороге в городе Кобылин. Через год, в октябре 1940 года, Эрих был призван в Вермахт и прошел военную подготовку. Затем он попал во Францию и был санитаром в полевом госпитале. 10 марта

¹ Конфирмация — у протестантов обряд приобщения к церкви юношей и девушек, достигших 14–16 лет. — *Прим. ред.*

1941 года он был отправлен в Восточную Пруссию для дальнейшего обучения. Оттуда был отправлен на восток, на границу с Россией.

*Эрих Экнер — водитель автомобиля
санитарного учреждения*

Когда началась война с Россией, они вошли в Латвию, Литву и Эстонию.

Они дошли до Новгорода и разместили там госпиталь.

Второго сентября 1942 года он получил свой первый отпуск на Родину.

Его брат Хуго ушел тем временем «добровольно» на фронт и участвовал в боевых действиях.

Когда мой отец в октябре 1943 года в очередной раз был в отпуске дома, он узнал, что его брат Хуго 3 мая 1943 года погиб на Восточном фронте.

30.09.2000 г., Лангенейхштэdt

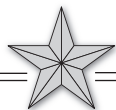
Господину случаю было угодно, чтобы моя дочь Фанни поступила учиться как раз в ту гимназию, где наряду с английским и французским языками изучался также и русский. У нас появилась возможность поехать в Тулу, в Россию, по программе обмена учащимися. В сентябре 2000 года в Германию приехал ученик из Тулы — Павел Филиппов, сын Галины Филипповой. Он был гостем нашей семьи как раз тогда, когда мой отец праздновал свое 80-летие.

09.08.2001 г., Лангенейхштэdt

Класс 13/3. Для урока истории моя дочь Фанни вместе со своим дедушкой написала это сочинение.

В плену после войны в Сибири

Вместе с моим дедушкой я хочу понять, что такое плен и как он его пережил. В 1941 г. началась военная кампания гитлеровской Гер-

мании против Советского Союза, реализовывался план «Барбаросса». Вначале Сталин не хотел принимать во внимание предостережения лондонского правительства. Но 22 июня 1941 года немецкие солдаты перешли советскую границу, и до октября Красная армия должна была быть уже уничтожена. И хотя Гитлер твердо был уверен в том, что враг будет быстро побежден, декабрь 1941 года, благодаря великолепно спланированному контрнаступлению Советов, стал поворотным, и тысячи немецких солдат были взяты в плен в течение месяца. Из этих пленных начала войны выжило всего десять процентов. После уничтожения Шестой армии под Сталинградом Вермахт должен был нанести все больше ответных ударов.

Только 5000 из 19 500 солдат, попавших в плен в «Сталинградском котле», смогли позднее вернуться на родину. В 1943 и 1944 годах каждый месяц захватывалось в плен около 20 000 немцев. Однако не только Красная Армия, а также и западные союзники продолжали борьбу за захваченные Вермахтом земли. Кольцо вокруг немцев сжималось. 25 апреля 1945 г. у Торгау на Эльбе в первый раз встретились русские и американские войска. Немецкие войска стали отступать в западном направлении, так как каждый хотел избежать ужасного советского плена. Но многие солдаты, в том числе и мой дедушка, были не в состоянии покинуть своего местонахождения до прихода Красной Армии. У многих был панический страх, так как все знали, что их ожидает. Военнопленные — это лица, попавшие во время международного военного конфликта в руки противника.

Согласно положению о сухопутных войсках, подписанному в Гааге в 1907 году и действующему по сегодняшний день, по отношению к военнопленным не должно применяться насилие, им гарантирована их личная собственность, свобода совести. Статья 20 гласит: после заключения мира военнопленные должны быть отпущены на родину в кратчайшие сроки. Эти основные положения дополняются Женевской конвенцией от 27.07.1929 года и третьим Женевским соглашением от 12.08.1949 года. А как все было на самом деле, я спросила своего деда Эриха Экнера.

«Я родился 16.09. 1920 г. в Кенигсфельде, провинции Познань. В октябре 1940 года был призван в армию в связи с чем оставил свою работу на немецкой железной дороге. Во время войны был шофером в санитарном подразделении и помогал вместе со своей воинской частью раненым. Мы базировались в Никельсвальде, недалеко от Данцига, когда 08.05.1945 г. получили известие о капитуляции Вермахта. Через четыре дня после капитуляции Красная Армия депортировала всех раненых, а меня и еще 36 человек персонала взяла в плен. Этапом были отправлены в Браунсберг, в казарму люфтваффе, откуда 3 июня 1945 года в вагонах для скота началась наша дорога в плен. Такой вид путешествия по тем временам можно назвать комфортным, ведь мно-

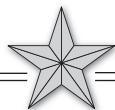
гие солдаты проделали этот путь пешком, а многие из них не дошли до лагеря, так как потеряли силы и мужество. Спустя десять дней, когда последний снег уже растаял, мои товарищи по несчастью и я вошли в лагерь, который должен был стать нашим прибежищем на многие недели, месяцы, а может, и на годы. Лагерь под Туринском был окружен высокими караульными башнями и забором из колючей проволоки, так что мысль о побеге даже не могла и возникнуть, да и куда бежать? Вокруг не было ничего кроме леса и пустоты, полнейшей пустоты. Наши бараки были оклеены газетами, а мох должен был защищать нас от трескучего мороза зимой. В некоторые дни термометр показывал минус 55°C, и только маленькая печь спасала нас от замерзания.

Что говорится в конвенциях и соглашениях по поводу военнопленных? Гуманное обращение, гарантированное право на собственность? Единственное, что мне принадлежало, были ножницы для ногтей, которые я прятал в моем соломенном тюфяке и которые хранятся у меня до сих пор.

Нас спросили о наших профессиях, и мы были разделены на рабочие команды соответственно нашему физическому состоянию. Все лето мы строили бараки для военнопленных в лесу, недалеко от лагеря. Они должны были прибыть только осенью. Но мы должны были спешить, так как уже в сентябре в мой день рождения земля, которая летом только слегка оттаяла, была уже, как камень. Потом я работал на заводе, где добывали известь. Тяжелая физическая работа на заводе и известь, которую я вдыхал каждый день, привели к тому, что в декабре 1945 г. я был отправлен в лазарет с тяжелым воспалением легких. И по сей день у меня проблемы с дыханием. Я не помню, когда вышел из лазарета: шестого или седьмого января. Я едва ли мог проделать трехкилометровый бесконечный путь до стройки при трескучем морозе, если бы мои товарищи меня не поддерживали.

Почти всегда я думал о еде и с нетерпением ждал время, когда наконец-то дадут хлеба, воды или супа из капусты. За работу мы получали мизерную зарплату. Но для чего деньги, когда нечего купить? С помощью одного гражданского, который работал в лагере, мне с товарищами удалось пронести в лагерь ведро картошки. Мы тайно варили ее и наслаждались. Я не могу даже представить, что было бы, если б нас застукали.

Многие товарищи умерли от недоброкачественной пищи. Неужели нельзя было как-то по-другому организовать питание и не давать в пищу протухшее мясо?.. Кроме того, не хватало свежей питьевой воды. Отсутствие всякой гигиены привело к тому, что начался тиф и другие болезни. Так прошел 1946 год в тяжелой напряженной работе, но я был благодарен судьбе за каждый новый день, который мне удалось прожить. На основании моего плохого физического состояния я был признан в августе 1946 года неработоспособным.

С моими родственниками я связался уже в августе 1946 г. Но так как мне было неизвестно местонахождение моих родителей, я написал моему дяде в Берлин открытку, содержание которой было проверено руководством лагеря. Так я узнал, что мои родители нашли убежище в Випре, а мой дед остался один дома в Кенигсфельде. В октябре я впервые смог связаться с моими родителями, и у меня появилась надежда на возвращение домой. Когда в августе 1947 года врач из лазарета предложил мне помогать ему в качестве переводчика, я отказался. Почему я должен поддерживать этот ужасный режим?.. Но потом я позволил себя уговорить, так как хорошая еда и ночлег в кабинете врача были вескими аргументами. Итак, я помогал врачу заботиться о больных.

С сентября 1947 года первые эшелоны с больными и стариками стали покидать Туринск. Но было ясно, что многие не перенесут это долгое путешествие домой. Лагерное начальство не считалось с этим, пленных хотели отправить домой. Все согласно Женевскому соглашению: военнопленные отпускаются домой после заключения мира в течение короткого срока. После окончания войны прошло уже более двух лет. А для некоторых этот «короткий срок» растянулся до середины 50-х годов.

«А ты? — спросил меня молодой врач, который был не намного старше, чем я. — Ты хочешь домой?». Что за вопрос? Каждый, кто здесь был, страстно хотел вернуться домой. Однако, несмотря на мою неработоспособность, мое физическое состояние было сносным. Врач обещал мне, что если он будет руководить эшелоном по отправке пленных, то возьмет меня.

С нетерпением я ждал ноября, а в начале декабря все было готово. Но не так-то мне легко все далось. Лагерного руководства мне было не избежать, а оно было против моего возвращения домой. Только благодаря этому молодому врачу, имя которого я, к сожалению, не знаю, сейчас я жив и могу рассказать о моих переживаниях.

Когда 3 декабря мы, наконец-то, покинули Туринск, я чувствовал себя очень плохо. Хотя на протяжении всего пути я был рядом с врачом, помогал ему раздавать еду и одежду пленным, страх не покидал меня. Каждый раз, когда поезд останавливался, я боялся, что кто-то вытащит меня и отправит еще дальше в Сибирь. 25.12.1947 года мы, наконец, прибыли на вокзал во Франкфурте-на-Одере. Я знал, что могу продолжить мое возвращение к родителям через три дня карантина. Я поблагодарил своего врача, и мы пожелали друг другу счастья. Что стало с моим врачом, не знаю. От моего товарища Альберта Шелнера, который был отпущен только в 1949 году, я узнал, что этот молодой врач никогда больше не работал в Туринске. Вероятно, я никогда и не узнаю, имело ли какие последствия для него мое спасение. Я благодарен ему от всего сердца.

29 декабря я наконец-то добрался до дома моих родителей. Тот день я запомнил навсегда, он был самым счастливым в моей жизни».

30 июля 2009 г., Лангенейхштэdt

Из ежедневной газеты «*Mitteldeutsche Zeitung*» (Саксония — Анхальт) о компенсации для вернувшихся из плена:

«Более 37000 бывших военнослужащих получают одноразовую компенсацию», — сообщило Министерство внутренних дел вчера, после истечения срока подачи заявления. Закон о компенсации вступил в силу 1 июля 2008 г. Имеются в виду военнопленные, которые вернулись из плена после 1946 года в Советскую оккупационную зону и в ФРГ.

Мой отец умер 04.06.2002 г. в возрасте 81 года и 8 месяцев, не дожив, как и многие другие, до этой компенсации.

Как раз в этом году исполняется 70 лет с начала войны с Россией.

Можем ли мы что-нибудь сделать сегодня для того, чтобы история не повторилась?

Не проходит и дня, чтобы об этом не говорили по телевидению.

4 июля 2011 г.

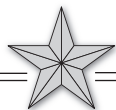
Перевод Г.В. Филипповой

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ

*Филиппова Галина Васильевна, 60 лет,
преподаватель немецкого языка
Тульского филиала РГТЭУ,
г. Тула*

Говорят, история не повторяется и судьбы у людей разные. Наверное. Но в жизни эти судьбы переплетаются самым невероятным образом. Через десятилетия встречаются потомки и переживают вновь и вновь истории своих отцов и дедов. И это уже их история, их жизнь, их судьба.

Война разделила людей на «своих» и врагов, разбросала по свету. Многие выжили, но так и не вернулись на родину. Для тысяч простых солдат, таких как мой отец, Селиванов Василий Сергеевич, возвращение домой было долгим и мучительным. Войны начинаются внезапно, вероломно, но никогда не заканчиваются неожиданно. Боль, страдания, жертвы, борьба, победы и поражения, страстное желание выжить и жить в мире приводят в конце концов к прекраще-

нию войны. Отзвуки страшных дней, страшных в равной мере как для победителей, так и побежденных, живут в сердцах, в памяти, в воспоминаниях, часто очень отрывочных. Более отчетливы только даты, вехи в военной судьбе.

Селиванов Василий Сергеевич родился 14 июля 1918 г. в селе Вослебово Скопинского района Рязанской области. В 1932 г. выехал из родного села в г. Ногинск Московской области к своей матери Селивановой Марии Андреевне, уехавшей туда на заработки. Осенью 1939 г. из Ногинска был призван на службу в армию и направлен в г. Прилуки Полтавской области.

С 22 июня 1941 г. находился в составе 196 саперного батальона. Военно-учетная специальность — повар войсковых кухонь-столовых. 21 сентября 1941 г. под деревней Круподеровка Полтавской области был ранен и попал в плен. Из Круподеровки был отправлен в Киев, а затем в Житомир, откуда весной–летом 1942 г. перевезен Польшу, в лагерь. Из Польши осенью 1942 г. был переправлен в лагерь в Германию. В памяти осталось только название — г. Оснабрюк (Osnabruck), федеральная земля Нижняя Саксония. Предположительно с весны–лета 1943 г. по май 1945 г. работал на фермах недалеко от города Меппен (Merpen) в частных хозяйствах. Работал у трех хозяев, жил в бараках для военнопленных. Хутора и деревни, где находились фермерские хозяйства, назывались «Гросс Берсен» и «Кляйн Берсен». Фермеры называли моего отца Вили. У одного из них была горбатая сестра или родственница по имени Мария. Когда жил у второго хозяина, работал два раза в неделю у двух стариков. Работа на ферме была только в летний период.

Зимой военнопленных перевозили в город для работы на заводах. Вероятно, это были города Меппен и Оснабрюк. На одном из заводов, где изготавливались снаряды, отец откатывал раскаленные заготовки от печи. Полагаю, это была очень тяжелая работа — иметь дело с пышущей жаром печью и горячим металлом. В другом месте пришлось строить железную дорогу по территории завода.

С наступлением советских войск немцы увели всех военнопленных вглубь страны. Освобожден отец был в мае 1945 г. союзниками. После этого он вернулся на ферму, где работал, и прожил там еще несколько дней.

Потом была проверка, после которой физически крепких отправили на войну с Японией, ослабленных — на сельскохозяйственные работы в советской оккупационной зоне. Отец попал на сельхозработы, где находился до осени 1945 г. Затем он был перевезен в д. Бучалки Кимовского района Тульской области. Здесь работал на строительстве шахты без права выезда до 1947 г. В 1948 г. переехал в поселок Липки Тульской области.

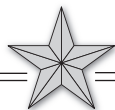
Одним из документов, подтверждающих нахождение отца в плену на территории Германии, является фотография, сделанная в Меппене в мае 1945 г.

Подлинность этой фотографии подтвердил господин Азелаге, бургомистр города Меппена, в письме, которое я храню в своем семейном архиве. «Фотографию вашего отца с двумя товарищами я показал нескольким старым жителям Меппена, — пишет он. — Они подтвердили, что снимок был сделан на школьном дворе гимназии города Меппена. Справа от сидящих мужчин можно увидеть спортивный зал школы, а слева здание, в котором жил дворник. Фотография школьного двора, которая случайно оказалась у меня, является тому подтверждением. Далее я могу Вам подтвердить, что тогда в деревне Гросс Берссен жил фермер Гир со своей сестрой по имени Мария, которая была горбатой. После опроса потомков выяснилось, что, к сожалению, нет больше лиц, которые могли бы подтвердить ваши данные. Теперешний хозяин мог только сказать, что в то время на усадьбе действительно работали военнопленные. Названная Вами деревенька Кляйн Берссен находится приблизительно в 2 км от г. Меппена. Ваши данные соответствуют данным того времени».

*Л.Д. Нестерова среди девушек-зенитчиц
(крайняя слева в предпоследнем ряду)*

...Даты и события соединяют судьбы разных поколений. Моя мать Нестерова Лидия Дмитриевна (в замужестве Селиванова) воевала на

фронте. Перед началом войны она закончила педучилище в г. Епифани (Тульская область, Кимовский район). Война для нее и еще многих женщин-зенитчиц закончилась в Польше, на родине Эриха Экнера. В 2008 году его дочь и внучка были у меня в гостях. Мы съездили в старинный город Епифань на традиционный праздник меда, попытались найти педучилище. К сожалению, от здания осталась только фундамент. Мне не удалось встретиться с Эрихом Экнером при жизни, но мой сын Павел жил в их семье во время стажировки, будучи школьником.

Его внучка Фанни видела моего отца в Туле во время своего посещения России. В июле 2002 г. в Германии Фанни показала мне свое сочинение о войне, о пребывании ее деда в плену в России. Через 9 лет я снова читаю это сочинение вместе со своими студентами. Они переводят его на русский язык. И это уже не просто школьное сочинение, а экскурс в незабываемую потомками историю.

Хочется еще раз вернуться в 1947 год. В декабре этого года Эрих Экнер начал свое возвращение домой из плена, из дальнего сибирского Туринска. В августе 1947 г. не так далеко от Туринска родился мой будущий муж Филиппов Борис Александрович.

В июле 2002 г. умер Эрих Экнер. Мой отец ушел из жизни в декабре этого же года. Наши семьи — семья Селивановых-Филипповых и семья Экнер-Фауска — дружат уже более 10 лет. Наши дети не раз встречались. Мои студенты переписываются с Эрикой Фауска.

Часть II

Великая
Отечественная
война
в ценностном
мире
современной
молодежи

Глава 8. Молодежь о патриотизме и подвигах непобежденных

НЕТ НЕИЗВЕСТНЫХ — ЕСТЬ НЕПОМНЯЩИЕ

*Забелина Анастасия Александровна, 23 года,
аспирантка кафедры истории России
Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого,
координатор проектов Международной общественной
организации «Поисковое объединение «Наша Победа»,
г. Тула*

Пробираясь по еще не проснувшемуся лесу, слышишь далекий и одновременно отчетливый голос прошедшего. Закрываешь глаза... в глубинах генетической памяти слышишь страшный крик. Смело идешь дальше. *Не мы, а они пали без вести на этих забытых полях.*

«Части Армии во второй половине дня продолжали наступление, в течение ночи, закрепляясь на достигнутых рубежах, вели разведку, подтягивали боевые порядки и готовились к наступлению с утра...» [1]. Оперсводка. Пока пробираешься, невольно заменяешь: «части... рубежи... порядки...» на «мальчишки вот за эту высоту погибли»...

«На стыке этих фронтов находился г. Белев. Он с близлежащими населенными пунктами играл роль мощного форпоста противника. Его значение было совершенно очевидным. Для 10-й армии не взять г. Белев означало иметь постоянную угрозу своему тылу при дальнейшем развитии наступления. Для 61-й армии... не взять Белев означало... быть зажатой между двумя прочно обороняемыми городами — Белевом и Болховом...», — пишет в своих мемуарах командующий 10-й Армией Филипп Иванович Голиков [2].

Это Белевский район. Такой, каким он был в 1941-м. Такой же одинокий, обезлюдивший, смертельно тоскливый. Каждую весну мы приезжаем сюда приоткрыть очередную страницу далекой истории, движимые култом павших героев.

Это небольшой участок местности под Тулой обильно полит кровью. Об этом не понаслышке знаем мы — поисковики. Все мы, как солдаты той войны, разные. И каждый из нас вкладывает свой небольшой труд в общее дело. Кто-то полевыми работами, кто-то — изучением архива, кто-то поиском родственников и имен погибших и пропавших, кто-то

организует экспедиции, а кто-то все это описывает и публикует. Так и мы с камерами, диктофоном двигаемся по лесу, словно просящему нас найти всех, кто здесь лежит.

Погибли и погибали здесь бойцы осенью и зимой сорок первого. Казалось бы, при современных технологиях имя каждого должно быть золотыми буквами выбито на почетном, достойном месте. Но до сих пор на множестве братских могил мы читаем написанную еще в 40–70-е годы надпись: «Здесь лежат 50 неизвестных солдат», «Спи спокойно, неизвестный солдат».

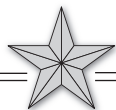
Почему так? Неужели тысячи подвигов неизвестны, имена не записаны и не переданы? Это не так. Рассекреченные архивы дают нам достаточно информации о тех, кто не вернулся, но почему до сих пор 30% имен на мемориалах и обелисках не нанесены или нанесены ошибочно? Почему потомки так и не могут узнать, где и при каких обстоятельствах погибли их отцы? Люди таким образом лишаются своего прошлого. Хотя вся информация об этом доступна теперь любому, у кого есть доступ в сеть. Многие еще не знают, что создан открытый для всех Объединенный банк данных «Мемориал» [3], в который из Центрального Архива Министерства обороны РФ, перенесена полная информация о погибших и пропавших без вести защитниках Отечества в годы Великой Отечественной войны.

Что война для меня? Это страх, трагедия и слезы... Иногда, мне кажется, трагедия не только в смерти, а больше в неизвестности...

Мой прадед по материнской линии пропал без вести. Его имя Борис Петрович Копылов. Все, что мы знаем о его судьбе, — все из Объединенной базы данных. Родился он в 1910 году в Туле в доме № 33 по улице Максимовского и призван Зареченским военным комиссариатом в 1941 году. Моя бабушка родилась за 8 дней до начала войны. Отца она не запомнила, зато хорошо помнит своего отчима Григория Митрохина, который сжег все документы о Борисе Копылове, моем прадеде: фотографии, письма, извещение... Место захоронения своего отца моя бабушка не знает. В Донесениях послевоенного периода от 15.10.1946 года говорится, что Борис Петрович Копылов был связистом, беспартийным, последнее письмо от него было получено 15 мая 1943 года из-под Ленинграда, а пропал без вести якобы в августе 1943 года. Возможно, что последнее письмо и было последним. Наш друг Константин Степанчиков предположил, что, возможно, погибнуть он мог в Псковской области. По полевой почте 865 пока установить ничего не удалось.

Моя бабушка до сих пор ждет весточки о своем отце. И каждый раз упоминание о нем вызывает у нее нескончаемую грусть.

В декабре 1941 года немецкие колонны прошли по деревне Красное Одоевского района. Шли победоносно, без стрельбы... И так бы и прошли, если бы не местные партизаны, застрелившие немецкого сол-

дата... Войска вернулись и уничтожили деревню. Страшная трагедия произошла и в моей семье. Мой прадед, Александр Забелин, оставшийся в тылу по возрасту, был расстрелян у яблони в своем саду на глазах у всей большой семьи. Долгое время его тело не отдавали семье для похорон, чтобы навести страх на всю деревню. В то время у моего прадеда и прабабушки Анны Стефановны было пятеро детей. Младшего из них, грудного, отобрали у матери и убили, ударив головой об стену. Через несколько дней фашисты отдали тело моего прадеда и разрешили похоронить. Его положили в гроб в доме. Старший сын Алексей, которому было всего 7 лет, побежал к соседям, чтобы помогли хоронить. А когда он вернулся, увидел свой дом горящим. На этом беды не закончились — всего через месяц двое дочерей — Анастасия и Вера, ехавшие на телеге по колхозному полю, подорвались на mine. Всех четверых похоронили в одной могиле. В 2008 году не стало и моего дедушки Алексея. Ему было 74 года.

Мою бабушку, Марию Ивановну Родину, Алексей Забелин взял в жены в 1951 году. Как говорит моя бабушка, «чтобы хозяйство вести». О том, как страшно потерять отца, Мария знала не понаслышке. В 1941 году Ивана Михайловича Родина отправили на военную службу. Для того, чтобы обучиться военной науке Ивана отправили сначала в Тесницкие лагеря, что под Тулой, а потом он попал в 33-ю армию. Что знали о нем в семье? Бабушка рассказывает, что он присылал письма, говорил, что служит в Гороховецких лагерях (Гороховецкий артиллерийский научно-испытательный опытный полигон — главный артиллерийский полигон Вооруженных Сил РФ. Организован в начале 1930-х годов как филиал Артиллерийского научно-исследовательского опытного полигона (бывшего Охтинского опытного поля под Санкт-Петербургом), находится на территории Мулинского сельсовета Володарского района Нижегородской области. На первых порах сюда приезжал на летние учения лишь один артиллерийский полк. В январе 1943 года из г. Барнаул в Гороховецкие лагеря был передислоцирован и военный госпиталь). А в 1943 году пришла похоронка. Все знали, что он погиб в Смоленской области. Совсем недавно по ОБД выяснились некоторые подробности: Иван Михайлович Родин был младшим сержантом и погиб в 800-х метрах восточнее деревни Кошелево Смоленской области, перезахоронен в д. Мзы, потом в д. Вскходы Угранского района Смоленской области. Но в списках захоронений пос. Вскходы я, увы, не смогла найти его имя.

Все-таки я еще верю, что вскроются какие-то новые данные о нем, найдутся неизвестные фотографии. Ищу и верю. К несчастью, из всех фотографий у меня есть только одна, она висит в доме моего дедушки (где был сожжен прадед) и бабушки.

Бреду по лесу и понимаю, что мало мы еще успели сделать для тех, кто ценой собственной жизни защитил нашу мирную жизнь. Слишком мало, если так много *неизвестных и без вести пропавших...*

Литература

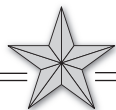
1. Центральный Архив Министерства обороны РФ. Ф. 208, оп. 2511, д. 1033, л. 32. Оперативные сводки Штаба 49 Армии к 5:00 2.01.1942 года. URL: <http://podvignaroda.ru/> (дата обращения: 31.08.2011).
2. Голиков Ф.И. В Московской битве: записки командарма. М.: Наука, 1967. 131 с.
3. Объединенный банк данных «Мемориал». URL: <http://obd-memorial.ru/> (дата обращения: 31.08.2011).

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ УСПЕХЕ И ПАТРИОТИЗМЕ

*Тютюник Ирина Витальевна, 27 лет,
аспирантка Российского государственного
торгово-экономического университета.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

За 20 лет в новой России, живущей в условиях рынка, выросло целое поколение, у которого свои ценности и своя логика поведения, основанная на индивидуальном успехе. Если подбирать условную единицу измерения этого успеха, то это — материальные ценности, выраженные в деньгах, или сами деньги: у кого их больше, тот имеет больше возможностей. Вот только, к сожалению, тратятся эти деньги зачастую не так, как требовалось бы обществу, а люди состоятельные не всегда понимают (точнее — принимают во внимание) свою социальную ответственность. Растет расслоение между богатыми и бедными, растет отчуждение одной части населения от другой. Стоит ли забывать, что однажды на волне социально-экономических противоречий уже было сформировано социально ориентированное общество? Но среди успешных, по сегодняшним меркам, людей не принято задумываться над такими «мелочами». Хотя многие аналитики сегодня отмечают пагубность синдрома «последнего дня Помпеи» — бери от жизни все, а дальше хоть трава не расти.

Получается, что человек живет в своем мирке: занят в основном своими мелкими проблемами и получает радость от жизни в своем

индивидуальном масштабе — ты сам, твои родные, друзья, реже просто знакомые. До остального нет дела. Но Россия всегда была сильна соборностью, когда проблемы решались сообща, всем миром. И именно это создавало возможность каждому сначала просто выжить в суровых условиях, а затем завоевать и сохранить свою территориальную целостность, укрепить величие страны. На сегодняшний день необходимость сохранения этой черты российского менталитета только начала осознаваться. Задача государства и общества — сделать так, чтобы это осознание и восстановление шло все увереннее и быстрее.

Однако информационное поле, в котором растут юные россияне, по большей части культивирует модель успеха именно в его индивидуалистическом варианте. Если задуматься над проблемой патриотизма в России, прекрасным примером альтернативы такого поведения служат примеры жизни наших соотечественников времен Второй мировой войны. Там единица измерения успеха иная — чувство коллективизма, долга перед обществом, готовности к самопожертвованию. Все это и есть проявление любви к Родине. Страна, в которой люди заняты только личными проблемами, в которой гражданское общество находится в зачаточном состоянии, обречена жить в условиях равнодушия одних и произвола других до тех пор, пока в ней не вырастут патриоты, люди, осознающие свою гражданскую, да и просто человеческую ответственность перед страной, обществом, народом. А потому особенно важно, чтобы молодежь видела альтернативу сегодняшней модели общественного устройства, понимала, что настоящее счастье возможно тогда, когда ты выполнил свой долг до конца — и перед своими близкими, и перед страной.

Для подростков авторитетным всегда является живой пример — такова их возрастная особенность. И задача людей, занятых проблемами воспитания, показать примеры достойных, тем более героических поступков. История Великой Отечественной войны оставила нам много имен настоящих героев и патриотов, которые не щадили своей жизни для победы. Во многом благодаря им была достигнута победа, которая одним кажется невероятной, другим — закономерной. История не терпит сослагательного наклонения, но я постоянно ловлю себя на мысли: была бы она достигнута сегодня, при нынешнем состоянии общества?

Я приведу в пример моего родственника, который отдал жизнь за Родину, Героя Советского Союза, пулеметчика 548-го стрелкового полка (116-я стрелковая дивизия, 52-я армия, 1-й Украинский фронт) Иона Сидоровича Солтыса. Он родился в семье пастуха. Окончил начальную школу, работал в колхозе. Как и многие советские люди, был скромный, немного мечтательный. С тех слов, что я слышала от людей, которые его хорошо знали, Ион не выделялся ничем особен-

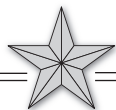
ным среди других. И в семье, и в кругу друзей, и среди односельчан никто не думал, что этот скромный паренек — будущий герой. Когда началась война и родное село Кузьмин Каменского района (Молдавия) захватили враги, Ион, еще 17-летний подросток, ушел в партизанский отряд. Ушел против воли родных, а всем известно, как расправлялись каратели с родственниками партизан. Но он понимал и опасность врага для Родины.

До 1944 года Ион сражался, не являясь формально солдатом, не давая присяги, но будучи верным своей Родине. Через три года Солтыс уже в качестве бойца регулярной армии принял непосредственное участие в освобождении родного села. В составе войск, которые форсировали Днестр в районе Рыбница-Резина, он был ранен, затем проходил лечение в госпитале села Чешуены Резинского района. После выздоровления, когда победа уже была близка, Ион продолжал сражаться уже в составе 548-го стрелкового полка.

Впереди было освобождение Польши, и 11 февраля начался прорыв обороны немецких войск вблизи населенного пункта Луизенталь на реке Бобер. Ион Солтыс преодолел реку одним из первых и обеспечивал огневое прикрытие роты, форсировавшей водную преграду. Жизни многих боевых товарищей спас Ион Солтыс, уничтожив один пулеметный расчет гранатами. Но был и второй пулемет, который продолжал вести смертоносный огонь, будучи надежно защищенным дзотом. Ион уже был ранен, но преодолевая боль и собрав оставшиеся силы, он ценой своей жизни обеспечил победу в бою: он повторил подвиг Александра Матросова, закрыв амбразуру своим телом.

О чем думает человек в такие минуты: о себе или о своем долге? Тот, кто по-настоящему любит свою Родину, выбирает долг. Народ, в котором есть преемственность поколений, никогда не забывает своих героев.

Но если спросить сегодняшних сверстников Героя Советского Союза Иона Солтыса, что бы делали они, если бы, не дай Бог, началась война, то, к сожалению, можно услышать *разные* ответы. И страшно не то, что для многих ответ на этот вопрос неочевиден (хотя в порядке вещей сегодня произносятся такие слова: «Жил бы при немцах», «Уехал бы в другую страну»), а то, с какой легкостью говорят это молодые ребята. Впрочем, вполне в логике нашего циничного времени, ведь каждому хочется казаться оригинальным, быть непохожим на других, успешным, самому решать, как жить. Но становясь людьми западного типа, живя «общечеловеческими» ценностями, не утратили ли мы той загадочной черты, которая во многом отличала нас от других народов, эту «загадку русской души»? Оставаться сдержанным, в чем-то даже кротким, застенчивым в повседневной жизни, быть равнодушным к чужой беде, защищать слабых, стоять насмерть в «минуты роковые» за свою землю, за справедливость в мире. Не привела ли мода доби-

ваться успеха к стремлению продать все, что продается? Не кроется ли за внешней уверенностью в повседневных вопросах многих сегодняшних россиян малодушие в самом важном?

Советское время принято считать временем победившего атеизма. Но в дни войны делом и кровью многих тысяч воинов и просто людей, любящих свою Родину, свой народ, свой дом, подтверждались евангельские слова: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». И примеры, когда люди совершали по-настоящему жертвенные поступки, должны быть известны подрастающему поколению. Ему решать, какой будет Россия: подобной несокрушимой крепости, которую венчает богатырский шлем-купол, или торговой лавке с ценником-бейджем. Нам определять наше время — будет ли оно временем поклонения новому «золотому тельцу» или временем возрождения нашей страны.

КОМИССАР ТУЛЬСКОГО РАБОЧЕГО ПОЛКА

*Мирошина Евгения Юрьевна, 24 года,
аспирантка Российского государственного
торгово-экономического университета.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

Тула. Осень. Я иду по улицам родного города. Тихо шуршат под ногами разноцветные листья, выглядывают из своих колючих домиков блестящие каштаны, робко подглядывают за прохожими из-за облаков скромное осеннее солнышко, и, кажется, ничто не напоминает о событиях семидесятилетней давности. Но нет — вот взгляд остановился на табличке с названием улицы — Тульского рабочего полка, а вот и улица Агеева, комиссара полка, а здесь утопает в осеннем наряде школа №58, которая носит имя Григория Антоновича Агеева.

Вспомнились вдруг слова Виктора Астафьева: «Память моя, память, что же ты делаешь со мной?». Надо же, ведь не могу в силу возраста помнить о той страшной и далекой осени сорок первого, а кажется все же, что именно память рисует картины тех событий. Когда враг рвался к Москве, когда на защиту родных городов встали рабочие Тулы и области.

Григорий Антонович Агеев к началу Великой Отечественной войны возглавлял управление по строительству новых шахт в Черепетском (ныне Суворовском) районе, где намечалось строительство мощ-

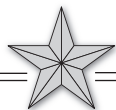
ной по тем временам ГРЭС. Именно он в первые дни войны начал создавать из шахтеров народное ополчение, в цели которого входила борьба с вражескими диверсантами, ракетчиками, работа по обезвреживанию вражеских авиабомб, уничтожение фашистских листовок... Такие истребительные батальоны возникли и на других предприятиях Тулы и области. Когда враг приблизился к границам Тульской области, Агеев предложил объединить батальоны народного ополчения и создать из них сводный отряд с единым штабом. Райком партии поддержал инициативу Агеева и поручил ему руководство сводным отрядом истребительных батальонов черепетских шахтеров и шахтостроителей. Григорий Антонович организовывал занятия по боевой и политической подготовке бойцов, решал вопросы пополнения вооружения. Командиром был строгим, и всегда добивался четкого выполнения дисциплины.

Первый свой бой истребительные батальоны приняли 20 октября 1941 года между селом Рождествено и станцией Черепеть, дав возможность отступающим войнам 50-й армии советских войск оторваться от превосходящих вражеских сил и сосредоточиться на новых рубежах.

23 октября Комитет обороны г. Тулы утвердил постановление об объединении истребительных батальонов, отрядов народного ополчения и создании на их основе в Туле рабочего полка, который должен был сразу же перейти на казарменное положение и разместиться в помещении Механического института.

Как раз на стене того здания, где формировался Тульский рабочий полк, на проспекте Ленина к 65-летию Победы была установлена мемориальная доска памяти первого комиссара полка Григория Антоновича Агеева. Полк был создан в составе пяти батальонов. Командиром назначили А.П. Горшкова. К указанному сроку в формирующийся рабочий полк влились 600 бойцов истребительных батальонов, остальной состав пополнялся рабочими и служащими «по партийной мобилизации» из числа представителей тульских предприятий и учреждений. И. Исаев, автор книги «От Тулы до Кенигсберга», в дни обороны города бывший помощником командира рабочего полка по материально-техническому обеспечению, вспоминает, что Григорий Антонович, «всегда скромный и деятельный,... сразу же взялся за практическую работу по сколачиванию в боевые подразделения всех истребительных батальонов, сведенных в рабочий полк» [1, с. 125].

30 октября началось наступление немецких танков на оборонительную линию рабочего полка по парку Осоавиахима на южной окраине Рогожинского поселка. Комиссар Агеев был на передовой, беседовал с командирами и бойцами, по-отечески поддерживал еще необстрелян-

ных новичков, в трудные минуты сражения брал винтовку, ходил в контратаку, воодушевляя личным примером бойцов, отбивая натиск врага. Фашисты пытались прорваться в город через Красный Перекоп. Около 3 часов дня, когда враг в очередной раз усилил натиск, Агеев заметил, что под угрозой оказался медицинский пункт, в котором находились раненые. Командир полка А.П. Горшков отдал приказ оставить раненых на поле боя до темноты. И, наверное, впервые в своей жизни Григорий Агеев не выполнил приказ командира. Семь раз комиссар лично ходил в пекло и выводил раненых, спасая тем самым жизнь своим боевым товарищам.

Но на восьмой раз фашисты сразили отважного комиссара пулеметной очередью. Тело комиссара Агеева вынесли с поля боя, как только стало возможно.

Похоронен был Г.А. Агеев с воинскими почестями на Всехсвятском кладбище г. Тулы.

8 мая 1965 г. Григорию Антоновичу Агееву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Этот эпизод из истории обороны Тулы от фашистских захватчиков воскресила в моей памяти обычная табличка с названием улицы, которая носит имя комиссара Тульского рабочего полка. О многих героях осени сорок первого могут рассказать названия улиц города — Жаворонкова, Болдина, Чмутова... И хорошо, что память вновь и вновь возвращает нас к событиям Великой Отечественной войны. И на страничке сайта школы №58 любители истории могут прочитать подробную биографию Григория Агеева, в Википедии узнать и о нем, и о других участниках обороны Тулы.

И все же рассказ о комиссаре Тульского рабочего полка был бы неполным, если бы не упомянула я об удивительном факте из биографии Григория Агеева — в 12 лет сбежал он на фронт, услышав проповедь священника, призывавшую к защите и спасению России от наступавшего немца, тогда еще в Первую мировую войну. Оставив домашним записку «Не ищите меня, я сам объявлюсь», мальчик отправился на вокзал. В 1915—1916 годах служил в царской армии, дослужившись до старшего унтер-офицера. А в 16 был уже полным Георгиевским кавалером. Свой первый Георгиевский крест IV степени Г.А. Агеев получил за эпизод, когда он забрался в немецкий окоп и, вытащив вместе с лентами немецкий пулемет, доставил его к своим. Вторым крестом он был награжден за дерзкое пленение немецкого командира роты и его ординарца. Третий Георгиевский крест — награда за то, что «Унтер Агеев в составе пулеметной команды месяц не выходил из боя». Четвертым крестом святого Георгия награжден за тяжелые бои на румынском фронте под Яссами. И вновь задумываешься: время было другим? Или люди?

Литература

1. От Тулы до Кенигсберга: воспоминания о боевых подвигах воинов Тульского рабочего полка / И.П. Исаев, П.С. Ульянов — Тула: Приокское книжное изд-во, 1966.
2. Агеев Г.А. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>
3. Бессмертен подвиг их высокий. Тула: Приокское кн. изд., 1983
4. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Том 1. М.: Воениз., 1987
5. Герои страны [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.warheroes.ru>
6. Калиновский А., Терентьев Н. Боевой комиссар // Коммунар. 1965. 14 мая.
7. Лаврик А. Сердце комиссара / Предисл. А. Горшкова. Тула: Приокское кн. изд., 1974

В ПАМЯТИ И СЕРДЦЕ НАВСЕГДА

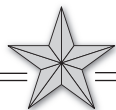
ЛОБАНОВА Татьяна Николаевна, 24 года,
библиотекарь городского филиала №1 МУК
«Ефремовская межпоселенческая централизованная
библиотечная система»,
г. Ефремов Тульской области

Время неумолимо. Стали историей и суровые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Что мы знаем о тех людях, которые в тяжелую годину отстояли нашу Родину? Что мы помним, в первую очередь, о своих близких родственниках — дедах и прадедах, об их вкладе в великую победу над врагом?

Мне очень повезло. Мне есть, что помнить, есть чем гордиться. Я — внучка Дмитрия Степановича Поваляева.

Дмитрий Степанович Поваляев — мой любимый дедушка, участник Великой Отечественной войны, человек, частью жизни, которого стало изучение истории родного края. О нем, удивительном человеке с добрым лицом и спокойным взглядом, прекрасном рассказчике, краеведе, замечательном семьянине, я хочу рассказать.

Родом он из села Закопы Ефремовского уезда (ныне Каменского района) Тульской области. В детстве был любознателен, тянулся к знаниям. В возрасте восемнадцати лет, окончив курсы, стал работать в библиотеке колхоза «На страже» Большекорчажского сельского сове-

та Ефремовского района. В 1939 году его переводят в Ефремовскую районную библиотеку заведующим передвижным фондом. Затем была служба в Красной Армии и участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

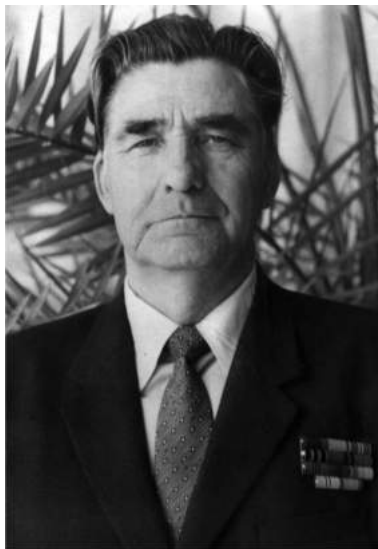
Мысленно перелистываю страницы его боевого пути: бои на Курской дуге, тяжелое ранение, участие в штурме Берлина, освобождение Праги.

Боевал он в качестве воздушного стрелка-радиста. Стрелок-радист находился в хвосте самолета спиной к летчику и штурману, вел огонь из крупнокалиберного пулемета Б-12 по противнику. Во время сражения на Курской дуге самолеты совершали до трех боевых вылетов в день. Смерть косила боевых товарищей у него на глазах.

3 августа 1943 года после нанесения бомбового удара по скоплению живой силы и техники врага в районе станции Томаровка под Белгородом пикирующий бомбардировщик ПЕ-2, в состав Д.С.Поваляев в годы войны экипажа которого входил мой дедушка, был подбит. С большим трудом дотянув до своей территории, самолет врезался носом в землю. Летчик и штурман погибли, а дедушка от сильного удара потерял сознание. Ему повезло: он, получив тяжелейшее ранение, чудом остался жив. После госпиталя продолжал бить фашистов. За мужество и отвагу, проявленные в боях с фашистскими захватчиками, он был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

В 1946 году был по ранению демобилизован из рядов Советской Армии. В апреле 1946 года вернулся на работу в Ефремовскую районную библиотеку на прежнюю должность.

В 1950 году он окончил Московский библиотечный техникум, а в 1956 году — Московский государственный институт культуры. В течение нескольких лет возглавлял Ефремовский отдел культуры. В апреле 1959 года вернулся в районную библиотеку и стал работать ее заведующим. После централиза-

Д.С. Поваляев в мирное время

Д.С. Поваляев в годы войны

ции библиотек города и района возглавил Ефремовскую централизованную библиотечную систему. На этом посту проработал до ухода на пенсию в 1983 году. Ветеран войны и труда, за свой ратный и гражданский труд он имел 11 правительственных наград, много грамот и дипломов.

Дмитрий Степанович удачно сочетал работу в библиотеке с изучением истории родного края. Краеведение помогает сохранить имена и добрые дела наших предшественников и современников. Мой дедушка говорил: «Наши дети и внуки, к сожалению, могут забыть ту Россию, в которой жили их предки. И надо сделать все возможное, чтобы этого не произошло».

Истинный подвижник, он жертвовал личным временем, чтобы собрать, открыть хотя бы еще один факт, радовался каждой уточненной цифре. Тридцать пять лет он изучал архивные материалы, документы, делал запросы, писал письма, записывал воспоминания фронтовиков и тружеников тыла, встречался с земляками — Героями Советского Союза. Им было опубликовано около трехсот статей об истории Ефремовского края, его природе, его людях. Большой интерес вызывали его статьи о связях русских писателей В. Жуковского, М. Лермонтова, И. Тургенева, Л. Толстого, И. Бунина и др. с нашим краем.

Когда я училась в школе, то мы с одноклассниками очень часто использовали сведения из его книг и статей при подготовке рефератов и сочинений. Все эти материалы продолжают пользоваться спросом в библиотеках и в настоящее время.

Всегда с нами

Особое место в его краеведческих исследованиях занимала тема ратного и трудового подвига ефремовцев в годы Великой Отечественной войны.

Уже находясь на пенсии, выступая перед молодежью, однажды он сказал: «Не могу уйти их жизни, не рассказав о земляках, прошедших Великую Отечественную. Сделать это приказывает мне совесть...».

Вышли в свет составленные им библиографические указатели литературы: «Город Ефремов и район в годы Великой Отечественной войны» (1985), «350 лет земле ефремовской» (1987), библиографический справочник «В сердце, в памяти, в литературе» (1990), включающий фотографии Героев Советского Союза, с краткой библиографической справкой о них и описанием

памятников, установленных на братских могилах воинов, находящихся на территории нашего района на Кургане Бессмертия.

Итогом многолетнего, кропотливого и настойчивого труда явилось издание в 1997 году его книги краеведческих очерков «Город Ефремов на старых почтовых открытках и фотографиях конца XIX–начала XX веков».

Дедушка прожил 73 года. Он ушел из жизни, зная, что большая часть задуманного им сделана. Он оставил после себя работающую библиотечную систему, несколько изданных библиографических указателей литературы, книгу очерков и добрую память о себе. Подвижник, воин, библиотекарь, краевед — все это по праву я могу сказать о своем дедушке.

Я очень горжусь, что мой дед внес свой вклад в летопись народной славы. Пока мы интересуемся своим прошлым, своими корнями, нить, связывающая поколения, не прервется. Пусть в нашей памяти и в сердце каждого из нас останется навсегда великий подвиг наших дедов и прадедов в годы Великой Отечественной войны как пример беззаветной любви к своей Родине. Пока мы помним — мы живем.

«И ВРЕМЯ ДОБАВЛЯЕТ В СПИСКИ...»

*Медведева Вероника Вячеславовна, 25 лет,
аспирантка факультета экономики и менеджмента
Тульского государственного университета,
г. Тула*

19 июня 2011 года была юбилейная дата: 115-летие со дня рождения нашего легендарного земляка С.Ф. Кутепова, героя Великой Отечественной войны, насмерть стоявшего со своим полком в июле 1941 года на Днепровском рубеже. Кутепов послужил впоследствии прообразом генерала Серпилина в трилогии о войне К.М. Симонова «Живые и мертвые». Начало победоносной битвы под Москвой — там, на Днепровском рубеже, под Могилевом.

О начале войны Константин Симонов напишет:

*Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет*

*Живым не верится, что живы.
 А к мертвым, выправив билет,
 Все едет кто-нибудь из близких.
 И время добавляет в списки
 Еще кого-то, кого нет.
 И ставят, ставят обелиски...*

Эти строки мне очень близки, так как память о Великой Отечественной войне жива в нашей семье.

Во-первых, потому что воевали наши родственники: мамины дяди и тети, а также мои дедушки и бабушка. Моя бабушка Алтунина Вера Филипповна прошла всю войну с первого дня до последнего, от Москвы до Берлина, расписалась на рейхстаге. Она приехала в Тулу семнадцатилетней девчушкой из Белевского района поступать в пединститут. Но помешала война. Вместе с другими девушками и юношами копала оборонительные рвы под Москвой, потом добровольцем ушла на фронт. Воевала в составе 61-й армии, была комсоргом стрелковой роты. Закончила войну в звании младшего сержанта. Награждена несколькими медалями, в том числе «За взятие Берлина». После войны бабушка стала все-таки учителем. В школе поселка Пристанционного Арсеньевского района Тульской области она проработала почти 50 лет. Она очень любила своих учеников, и они платили ей тем же. Я тоже очень любила бабушку. Умерла она в 86 лет, два года назад. В моем сердце она занимает особое место. Светлая ей память.

Во-вторых, тема войны постоянно присутствует в нашей семье, так как мои родители — журналисты, поэты. Например, я была свидетельницей и участницей (помогала набирать текст) подготовки моей мамой книги о полковнике С.Ф. Кутепове [1]. Кстати, готовится к печати и ее новое, дополненное издание.

Недавно на родине С.Ф. Кутепова, в селе Большие Калмыки Киреевского района, в школе, где он когда-то учился, состоялась выставка «Мой адрес: действующая армия» двух художников — Александра Лялякина и Михаила Левшина, членов Союза художников России и членов Православного братства художников, созданного при Тульской духовной семинарии. Выставка была посвящена С.Ф. Кутепову и его воинам.

А.И. Лялякин живет в городе Ефремове, где перед войной в составе 172-й стрелковой дивизии дислоцировался 388-й полк под командованием С.Ф. Кутепова и откуда воины ушли на фронт в первые же дни войны. Художник с детства слышал рассказы о мужественном полковнике, встречался с немногими оставшимися в живых однополчанами полководца. Эпизоды из предвоенной жизни 388-го стрелкового полка и его командира, проводы воинов на фронт и легли в основу картин.

В Беларуси чтут память тульских защитников, в музеях Могилева и Минска им посвящены большие экспозиции. Одна из надписей в Могилевском музее под фотографиями комдива М.Т. Романова, полковника С.Ф. Кутепова и других героев гласит: «Эта героическая дивизия заслуживает не меньшей признательности советского народа, чем доблестные защитники Брестской крепости. Ибо воины дивизии выстояли 23 дня, сдерживая напор танковых армий Гудериана».

Маршал А.И. Еременко (в конце июня 1941 года в Могилеве он принял командование Западным фронтом) в своих воспоминаниях пишет: «...Бои за Могилев являются составной частью Смоленского сражения, имевшего оперативно-стратегическое значение. Это сражение развернулось на громадной территории... Оно было едва ли не кульминационным пунктом начального периода Великой Отечественной войны...

Оборона Могилева... сыграла выдающуюся роль, так как сразу же в начале войны показала величие духа нашего народа. Значение обороны Могилева состоит также и в том, что она оказалась таким препятствием на пути потока гитлеровских полчищ, которое разорвало и нарушило их оперативное построение, затормозило движение правого крыла группы армий «Центр», нацеленной с самого начала войны на Москву...» [2].

Выяснилось, что до выставки школьники не знали о своем земляк-герое. Из нескольких десятков человек, присутствовавших на открытии выставки — от первоклассников до одиннадцатиклассников — лишь трое что-то слышали о С.Ф. Кутеполе.

Художественная выставка словно оживила минувшие предвоенные и военные годы не только в картинах, но и в рассказах собравшихся гостей: А.И. Лялякина и М.В. Левшина; М.А. Михалевой, заведующей историко-археологическим отделом Тульской духовной семинарии; В.С. Кутепова, сына полководца; Л.Д. Алтуниной, автора книги о С.Ф. Кутеполе.

А.И. Лялякин подарил школе три свои лучшие картины: «Последние учения 388-го полка» (С.Ф. Кутепов на коне), «Три письма и похоронка», «Возвращение домой».

Тут же по предложению гостей и при поддержке руководства школы было решено открыть в школе экспозицию, посвященную легендарному уроженцу этих мест.

Своими впечатлениями поделились школьники.

Одиннадцатиклассница Анна Ульвачева:

— Интересные рассказы о военной истории открыли для меня столько нового, героического о моих земляках. Чувство гордости испытала от того, что родилась на земле, где когда-то жил и учился герой войны С.Ф. Кутепов, а мы ничего и не знали о нем. Теперь, когда будет открыт школьный уголок, посвященный С.Ф. Кутеполе, каждый ученик будет о нем знать и гордиться, что является его земляком.

Восьмиклассник Михаил Кузнецов:

— Я вдруг впервые осознал, слушая выступающих, рассматривая картины, что те парни были такими же молодыми, как мы сейчас, но ценою своей жизни защитили родную страну, а ведь им так хотелось жить!

Восьмиклассница Кристина Исаева:

— Современные художники тоже не равнодушны к теме войны и так глубоко и трогательно ее преподносят, что безучастным просто нельзя остаться. Меня особо затронули картины, изображающие женщин, проводивших на фронт своих мужей и оставшихся с детьми. Мой прадед тоже воевал, и я живо представила, каково было моей прабабушке. И подумала: «Сколько же на земле было таких несчастных женщин. Нельзя допустить, чтобы подобное снова повторилось».

Восьмиклассница Ирина Кузина:

— Такое чувство гордости испытываю за свою школу, за наше село, ведь мы — земляки таких людей! А мы про них и не знали! Появился интерес к военной истории, литературе. Надо почитать Симонова, других писателей, писавших о войне. Все услышанное так тронуло душу! Вспомнила и свою прабабушку, Евдокию Сергеевну Кузину, — солдатскую вдову, воспитавшую пятерых детей. Прадедущка умер от ран во фронтовом госпитале. Поняла, как трудно ей было и какие требовались мужество, душевные и физические силы. Прабабушка такой и была. Она прожила 102 года! И никогда не жаловалась на трудности. Эта выставка — живая история. И экспозиция, посвященная легендарному нашему земляку С.Ф. Кутепову, станет живой памятью для нас — представителей нового поколения. Она воплотит в жизнь девиз: «Никто не забыт! Ничто не забыто!»...

А я после этих интервью с ребятами подумала:

— Хорошо бы увековечить память С.Ф. Кутепова и в Туле, городе, столь тесно связанном с именем легендарного полководца — хотя бы открыть мемориальную доску на улице, где он жил.

Литература

1. Алтунина Л.Д. Солдат войны полковник Кутепов. Тула: Издательство ТулГУ, 2004. 121с.
2. Героический Могилев (Из воспоминаний А.И. Еременко). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mycity.by>

БАБУШКА ИЗ РОДА ОРУЖЕЙНИКОВ ВСПОМИНАЕТ...

*Черникова Людмила Вадимовна, 26 лет,
инженер-технолог по термообработке
и гальванопокрытиям ОАО «Октава»,
г. Тула*

Осенью 1941 года моей бабушке, Успенской Галине Васильевне (Курбатовой Гале) было 15 лет, жила она (как и по нынешний день) в частном доме в Пролетарском районе, на улице Ложевой (в военные годы — улица Мичурина).

В это тяжелое военное время она наравне со взрослыми работала на Тульском патронном заводе, где изготавливали гильзы для снабжения армии, а в дни обороны Тулы ремонтировали день и ночь оружие и все, что потребуется. Так юная Галя помогала своей стране и семье. Иначе и быть не могло, ведь она происходила из известного в Туле рода оружейников.

На других оборонных предприятиях Тулы, в том числе на оружейном заводе, работали и многие близкие родственники: Федоровы, Константиновы, Пушкины, Санаевы, Курбатовы, Черновы.

Вот некоторые воспоминания Гали.

В октябре 1941 года немецкие захватчики довольно сильно продвинулись вглубь России, взяли Орел и уже приближались к Туле. Руководство страны призвало туляков и москвичей плечом к плечу встать на защиту столицы.

В октябре 1941 года в здании нынешнего Концертного зала состоялось собрание представителей партии, где было принято решение о создании оборонительных сооружений на подступах к Туле и в самом городе. Все трудоспособное население Тулы было мобилизовано на выполнение этой задачи. Тула стала прифронтовым городом, вся жизнь здесь была переведена на военный лад.

Патронный завод, где работала бабушка, эвакуировали на Урал (рисковать оборонным предприятием было нельзя), а она осталась в родном доме. Бабушка помнит, как завешивали окна в доме темным материалом для светомаскировки, она и ее родители залезали на крышу, чтобы посмотреть, не летят ли немецкие самолеты. Ночью не спали — дежурили, сменяя друг друга.

Вся Тула была опоясана лентами окопов, выкопаны противотанковые рвы, установлены ежи, построены баррикады и установлены оборудованные боевые позиции. Жители Пролетарского района, в котором жила моя бабушка, построили по внешней границе два укрепленных пояса с противотанковым рвом длиной почти 10 км, опояса-

ли все укрепления проволочными заграждениями. Улица Коммунаров (сейчас проспект Ленина) была перекрыта баррикадами у Толстовской заставы, на перекрестках улиц Толстого и Колхозной. В каменной ограде Всехсвятского кладбища сооружались пулеметные гнезда.

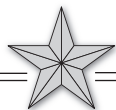
Немцы продвигались быстро, в октябре 1941 года ими были взяты Чернь, Плавск, Щекино, Ясная Поляна, Косая Гора, Ивановские дачи, Басово. Вражеские войска вплотную приблизились к Туле. Атаки фашистов были ожесточенные, в них участвовало до сотни танков, было много убитых и раненых. Бабушка видела отступление наших войск: солдаты сидели на повозках, направляясь в сторону Венева. Бои шли долго, 45 дней. И вот в конце ноября семья моей бабушки услышала грохот орудия, небо озарилось оранжевым заревом. Все подумали, что взорвали оружейный завод, а это оказались залпы легендарной «Катюши». В Тулу вошли наши войска, «сибиряки» (Уральский военный округ) на конях и в белых полушубках. В эти суровые дни Тула выстояла. Враг не смог захватить город. И с этого момента началось тяжелое, долгое, но победное продвижение нашей армии на Запад.

РОМАН ИЗ СОРОК ПЕРВОГО

*Резанович Александра Владимировна, 23 года,
учитель иностранного языка ГУО «Гимназия №6 г. Бреста
имени Маршала Советского Союза Жукова Г.К.»,
Республика Беларусь*

Будучи еще ученицей гимназии №6 г. Бреста я впервые познакомилась с замечательным человеком, ветераном Александром Александровичем Сиденко. Войну начал он в июне 1941 года на границе и окончил в Берлине. Участвовал в обороне Украины, Донбасса. Освобождал Новороссийск, Краснодар, Херсон, Николаев, Тирасполь, Одессу, Белград. Начал войну лейтенантом, окончил майором. Воевал на Южном, Северокавказском, III и IV Украинских фронтах. Участвовал в форсировании Днепра, в боях за Румынию, Болгарию, Югославию, сражался в районе Будапешта. Долгое время служил в Вооруженных Силах в чине полковника. Награжден орденом «Красной Звезды» и десятью медалями.

Александр Александрович неоднократно приходил к нам в гимназию на уроки мужества, был почетным гостем на нашей выпускной линейке, напутствовал нас и делился своим жизненным опытом. Как же интересно он рассказывал о своей военной службе, невероятных историях, происходивших на фронте, разрушенных судьбах и долгожданной победе!

И всегда он говорил о патриотизме, любви, верности, самоотверженности наших людей — тех ценностях, которые помогли одержать эту победу.

В 2008 году, уже после окончания гимназии, мне попала статья об Александре Александровиче, приуроченная ко Дню Победы [1]. К сожалению, я узнала, что его замечательной гостеприимной супруги уже не было в живых. Вспомнилась наша последняя встреча — годом раньше я поздравляла Александра Александровича с 85-летним юбилеем и побывала у них дома. Первое, что бросилось тогда мне в глаза, — фотография необычайно красивой девушки. Это была она, его Валентина Михайловна, в молодости. Тогда я и познакомилась с супругой Александра Александровича. Возвращаясь к статье Ирины Альшовой, я удивилась, насколько точно она передала то же состояние, что было и у меня от той встречи — восхищение столь возвышенными отношениями между людьми, прошедшими страшные испытания и сохранившими свою любовь до последних дней жизни.

А.А. Сиденко

В настоящий момент нет в живых и самого Александра Александровича. Детей, к сожалению, у них не было. Поэтому мне захотелось вспомнить чету Сиденко, поклониться им и познакомить всех с секретом счастья участников Великой Отечественной войны. Это долг, любовь и женское смирение. Такие чувства не подвластны времени длиною в жизнь...

Я ничего бы не изменила в этой статье и хотела бы, чтоб и вы познакомились с ней.

«Знаете, что меня всегда привлекало в старых фотографиях? Лица и глаза, а еще душа человека, которую видно даже сквозь черно-белый муар. Эти пожелтевшие кусочки картона очень интеллигентные, если хотите. Современные портретные снимки другие. Совсем другие. Приглядитесь...

Фотография стояла на буфетной полке. Из ее глубины на меня смотрела молодая женщина удивительной красоты: нежная грустная полуулыбка, таинственность в глазах, крупные локоны и высокая шляпка придавали пристальному взгляду этой потрясающей блондинки оттенок аристократизма и трагичности. С такой красотой только в кино снимать. Как же должен был быть счастлив мужчина, который смог назвать своей такую женщину. Сколько же сердец было разбито этим взглядом...

«Это моя Валентина Михайловна в сорок восьмом! — голос Александра Александровича Сиденко вернул меня в реальность. В его сло-

вах звучали нотки неподдельной гордости. — Мы познакомились в сорок первом, поженились в сентябре сорок шестого».

Они родились в разных местах: Валентина в 1922 г. в Брянской области, Александр в 1921 г. на станции Сердитая под Донецком. Когда Валя была еще совсем девчонкой, ее семья переехала в Донбасс. Потом девушка поступила в театральное училище, где проучилась три

Весна 1944-го.

Валентина пела даже на фронте

курса. Александр к этому времени окончил Рязанское артиллерийское училище, стал лейтенантом и получил распределение на Украину. А Валентине прочили большое будущее на сцене: она обладала великолепным голосом. Но наступил 1941-й ... Вот здесь и вмешался его Величество случай. В районе Ровеньков, когда часть Александра Сиденко отступала, молодой офицер увидел белокурую красавицу. И так запала девушка ему в душу, что через пару месяцев он

вернулся — в подарок Валентина оставила платочек и написала письмо. Наверное, тогда Александр и понял — это она, его любовь.

Но война не оставляла времени на романтику. Командир Сиденко оборонял Кавказ, потом воевал на Южном фронте.

Валентина тоже не осталась дома. В 19 лет инженерно-саперная бригада под Воронежем заменила ей театральную сцену.

Долгих три с половиной года они переписывались. А в апреле 45-го где-то под Будапештом части двух Украинских фронтов, где служили Александр и Валентина, стояли рядом. Как Александр хотел увидеть любимую!.. Но немецкие войска пошли на прорыв, и пути молодых людей разошлись. И снова лишь письма да ожидание встречи. День Победы они оба встретили в Австрии, только в разных местах.

В 1946 году Александр, к тому времени уже майор, продолжал военную службу за границей. Очередная весточка от Валентины: «...Я уволилась и уехала домой. В Донбасс». Их судьбы, словно повинуюсь математическому закону о параллельных прямых, никак не могли пересечься снова. Но жизнь, к счастью, — не математика: он просто приехал и забрал ее с собой. В сентябре 1946-го расписались. Но на этом испытания их чувств не закончились... Потом были Румыния, Грузия — почти 4 года встречи только во время отпусков. Жизнь снова и снова проверяла их: смогут ли, выдержат?

Смогли и выдержали. С 1951 года они не расстаются. А с 1963-го, после возвращения из Германии, семья живет в Бресте.

У Александра Александровича сильный характер и великолепная память: о военном времени рассказывал без лишних сантиментов. Даже о супруге говорит немного жестко: «Я сам не подарок. Но у жены офицера должен быть не просто характер, а двойной характер. Моя Валентина всегда была примером для других. Мужчина — добытчик. Он должен содержать семью, а задача жены — хранить семейный очаг». Два года и семь месяцев назад Валентина Михайловна сломала ногу и уже не встает. Теперь огонь в родном очаге поддерживает муж. Во время нашего общения хозяйка говорила мало. А на мой вопрос, каким главным качеством должна обладать настоящая женщина и жена офицера, тихо произнесла: «Смирением».

...В залитой солнцем комнате лежала на кровати седая красивая женщина — ей скоро 85. На краешек присел высокий привлекательный мужчина — ему 86. Они вместе 60 лет: в богатстве и бедности, в болезни и здравии. Разве это не любовь? И только теперь я поняла, что же так заворожило меня в старой фотографии на буфетной полке. В глазах той, далекой красавицы угадывалось смирение ...»

Александр Сиденко 1947 год

Литература

1. *Альшова И.* Военно-полевой роман длиной в 60 лет // Брестский вестник. 2007. №19. 8 мая.

ДРУГИЕ НЕМЦЫ

*Сушенцова Мария Сергеевна, 23 года,
аспирантка экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва*

Когда началась война, моя бабушка Надя (Надежда Сергеевна Шведова) была семилетней девочкой. В то лето 1941 года, как и

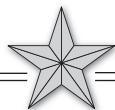
обычно, мама (Вера Александровна Будкина) отвезла ее с маленькими сестрой и братиком в деревню Осинки, что на севере от Москвы. Там и застала их война. Поскольку немцы подступали все ближе к Москве, вернуться в город было невозможно, пришлось оставаться в деревне до зимы.

Стоял лютый мороз, приходили известия о налетах фашистов на окрестные деревни, искавших пристанища и провианта. На усадьбе наспех вырыли землянку, куда спрятали детей. Съестные припасы закопали. В деревне было всего двенадцать домиков, поэтому надеялись, что она не привлечет к себе внимание немцев. Но вскоре и по их деревне пронеслась бригада финнов, особенно жестоко обращавшихся с населением. Они «прочесывали» дома, выбирали те, что почище, чтобы разместить там командный состав. Наконец, очередь дошла до их дома. Ворвавшись внутрь, немцы встретили одну лишь старенькую бабушку, швырнули ей свои плащ-палатки и крикнули: «Жрать!». Бабушка достала из печи картошку, сказав, что больше ничего нет, мол, сами живем впроголодь. Так как дом был чистым и просторным, то был выбран в качестве места расположения фрицев; финны, поев, уехали.

*Будкины Вера Александровна,
Валя, Надя, Сергей Петрович*

Тем временем, неподалеку гроыхнуло, и от взрыва орудий засыпало и без того некрепкую землянку. Детей решили вернуть в дом и поместить в чулане, надеясь, что немецкие офицеры их не тронут. Дом находился на возвышении у самого въезда в деревню, и из окон открывался вид на дорогу, ведущую из соседней, более крупной деревни Тараканово. Там находились и школа, и церковь, и единственный в округе хозяйственный магазин. На следующий день оттуда показалась вереница военных на мотоциклах, закутанных во всевозможные одея-

ла из разоренного магазина. Это были немецкие офицеры, направлявшиеся на запланированную стоянку.

Им была выделена самая большая комната с изразцовой печью. В их поведении не было никакого нахальства, скорее даже чувствовалось какое-то молчаливое уважение к чужому дому и семье. Все понемногу успокоились и все бы хорошо, если бы не одна случайность. Самый маленький из детей, Сашок, которому был всего годик с небольшим, незаметно прополз в офицерскую комнату и написал на их бумаги. Из комнаты показался немецкий офицер, держа в руках промокшие листы. Все оторопели от ужаса, ожидая расправы. Но... ко всеобщему удивлению немец, видя испуганные лица, вытащил из нагрудного кармана фотокарточки с изображением своей семьи и начал что-то говорить по-немецки, так как не знал русского языка. Видимо, он хотел объяснить, что у него такие же дети, и он понимает, что это всего лишь нечаянная шалость. Растрогавшись, немец стал говорить что-то еще, из чего Надя поняла только «Гитлер капут». Офицеры, видя какое сопротивление оказывают русские в боях, как обозлились партизаны, ушедшие в леса и то и дело нападавшие на немецкие отряды, здесь, в глухой деревне, простой семье, застигнутой врасплох, признались в своем разочаровании и неверии в победу. Через несколько дней командование покинуло деревню. Стало известно о начале нашего контрнаступления.

Вскоре после ухода немцев началась проверка. Искали предателей, оказавших помощь фашистам. Одного из соседей, знавшего немецкий язык, увезли. Позже выяснилось, что по доносу местных жителей этот человек был расстрелян. Надо заметить, что пока деревня находилась под контролем немцев, не был убит ни один человек.

Когда стало известно об изгнании немцев из окрестностей Москвы, мама, взяв из детей только Надю, отправилась в покинутую квартиру. До станции «Подсолнечная» нужно было идти 18 километров по морозу. Пройдя 5 километров лесом, они вышли на поле и внезапно остановились. Недалеко впереди в полоборота к ним стоял военный в немецкой форме с оружием, немного провалившись в снег. Некоторое время они стояли без движения, со страхом вглядываясь в фигуру, но мороз не щадил и заставлял двигаться дальше. С замиранием сердца они сделали несколько шагов. Немец не пошевелился. Они прошли еще, но фигура оставалась без движения. Приблизившись, они разглядели, что это был немецкий солдат, намертво замерзший на пустынном поле.

Когда они добрались до станции, выяснилось, что поезда не ходят, железная дорога во многих местах разрушена. Добраться до Москвы можно было только с военными на «студебеккерах», отбитых у немцев. Выяснив, какой путь проделали мать и дочь в надежде добраться до

оставленного дома, солдаты согласились подбросить их до ближайшего пункта в направлении Москвы. Машина была переполнена ранеными, и им выделили место на самом краю открытого кузова, а маленькой Наде дали кусочек хлеба. Все были воодушевлены близостью скорой победы. Снег заскрипел под цепями на огромных колесах, и машина тяжело тронулась вперед, к Москве.

ЖАЖДА ЖИЗНИ

*Бодунова Анна Игоревна, 20 лет,
бывшая студентка ФГОУ СПО
«Кашинский аграрный техникум».
Руководитель — Бабичева Е.Б.,
г. Кашин Тверской области*

*И он, забыв про злые боли,
Шел беспощадно мстить врагу
За Русь — малиновое поле,
За синь, упавшую в реку...»*

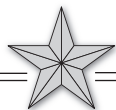
А. Потапов

Много людей было послано на защиту рубежей страны. Историю моего прадедушки Василия Антоновича Крутько рассказала мне моя бабушка, которая узнала ее от прабабушки.

В.А. Крутько призвали на защиту Родины в Северокавказском округе. Однажды с боевыми товарищами-партизанами он переходил дорогу. Тут их увидели немецкие солдаты. Один фашист крикнул: «Стой!». Товарищ выстрелами уложил трех немцев, остальные в панике разбежались. Партизаны продолжили свой путь, ночь застала их в дороге. Нужно было подумать о ночлеге.

Решили, что разведать обстановку пойдет один из партизан. Василий Антонович указал ему безопасный путь движения, предупредил его о мерах предосторожности. Разведчик не выполнил обещаний старшего — пошел своим путем. Вскоре он наткнулся на немецких солдат. Его задержали, стали допрашивать. Не выдержав пыток, он привел немцев в расположение наших. Их было всего трое, а фашистов — не счесть. Из оружия только пистолет и автомат. Казалось, надежды на спасение нет.

Крутько скомандовал: «К бою!». Стали отстреливаться. Несколько фрицев свалились на землю. Гитлеровцы убрали трупы и снова дви-

нулись в атаку. Раненый друг открыл огонь из пистолета и убил двух врагов. Последними патронами Василий подстрелил еще одного немца. В эту самую минуту он сам был ранен. Огляделся по сторонам. Его друг был мертв — он предпочел застрелиться последней пулей, чтобы не попасть в плен к немцам.

А драма боя еще продолжалась. Второй товарищ сдался в плен. Василий Антонович же принял решение биться до последнего. Победил, снова был ранен. Казалось, что фашисты стреляли со всех сторон. В пылу боя вбежал в какой-то дом, вышел на крышу. Фашисты не могли его найти. И тут женщина-немка указала место, где прятался Василий. Немцы открыли огонь, три пули попали в цель. Потеряв сознание, он упал с крыши. Враги первое время боялись подойти к нему. Подъехали на машине, наставили автоматы. Видя, что он не опасен, бросили в машину, увезли в расположение своих войск. Пули попали в руку, ногу, плечо. Но и тут немцы не оставили в покое раненого. Стали допрашивать, пытаться. Василий крепко сжал зубы, ничего от него не добились враги. Немцы и сами понимали, что перед ними коммунист, партизан. Бросили в тюрьму, камеру № 1. Два метра в длину, полтора метра в ширину, маленькое зарешеченное оконце. На полу солома. Его почти не кормили, давали лишь иногда воду. В таком застенке было мало надежд выжить.

Днем Василий смотрел в оконце и видел, как во двор выводили истерзанных людей. Жить ему оставалось, по всей видимости, недолго. Надо бежать, но надежд было ой как мало. Из камеры его не выводили. Территория тюрьмы была обнесена высокой стеной. Гитлеровцы с собаками патрулировали территорию. Но Крутько был не из таких, кто так просто сдается. Ждать смерти или погибнуть в схватке с врагом? Он выбрал второе.

Не без труда удалось вытащить гвоздь из окна. Он расковал руки и попросил немца принести воды. На удивление немец принес воду и вошел в камеру. Крутько бросился на врага и убил его. Взял ключи, вышел из здания тюрьмы. Впереди была непреодолимая стена. Но жажда жизни была сильнее.

Связав веревку из обрывков штанов и рубашки, перелез через стену. Сорвался, полетел вниз. Упал на что-то мягкое. Это были трупы советских солдат, замученных в фашистских застенках.

Через полтора дня Василий Антонович добрался до своих. Он выжил, вернулся домой, но прожил немного. Умер от полученных ран.

Я никогда не видела своего прадеда. Но историю о том, как он воевал, сохранию в памяти, а потом расскажу своим детям.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ СПАСАТЕЛИ

*Чуракова Кристина Дмитриевна, 15 лет,
Бабанова Милена Вадимовна, 16 лет,
студентки бухгалтерского отделения
ФГОУ СПО «Кашинский аграрный техникум».
Руководитель — Бабичева Е.Б.,
г. Кашин Тверской области*

*И все-таки нет славы благородней,
Чем воинская. На века жива!*

М. Львовский

— А было ли вам страшно на войне? — такой вопрос мы задали нашему гостю, фронтовику Александру Ивановичу Багрову.

— Быть убитым не хотелось никому, — ответил он. — Определенная опасность существовала постоянно. Но когда ты знал: рядом с тобой твои боевые товарищи — страх отступал на второй план. Недаром гласит поговорка: на миру и смерть красна. Правда, один раз мне довелось испытать не страх, а самый настоящий ужас.

И ветеран поведал нам такую историю:

— Случилось это в зимнюю пору. Мы с расчетом выдвинулись несколько вперед наших флангов. И тут услышали в воздухе характерный звук — его могла издавать только разрывная мина. Бойцы уже приспособились по этому звуку определять, где примерно произойдет взрыв, иногда даже и не пригибались. Но тут было все по-другому, мина должна была упасть где-то поблизости. Мы ничком попадали на землю, прикрыв головы руками. Спрятаться было практически негде — ни окопчика, ни кустика рядом. Только мерзлая корка снега вперемешку с крупными комьями земли. Хотелось вжаться в нее всем телом...

Прогремел взрыв. Фугас разорвался как раз позади того места, где лежал Багров. На какое-то время боец потерял сознание.

Очнулся. Попробовал пошевелиться. Оказалось, серьезно повреждены обе ноги. Огляделся по сторонам — ни души. Вот тогда-то ему сделалось по-настоящему страшно, даже жутко. Кругом белое безмолвие. Низко нависло серое небо с лениво плывущими по нему облаками.

Он попробовал ползти, но понял, что не сможет. От сильной боли часто впадал в забытие, но постепенно пришел в себя, перевернулся на спину и стал смотреть в безмолвное зимнее небо.

Что вспоминалось, что виделось ему тогда?

Тихий город Кашин с вишневыми садами, милая речка с белыми лилиями и желтыми кувшинками. Его родные, друзья, отчий дом — все эти мирные картинки проносились в сознании.

«Неужели мне судьба умереть таким молодым?» — думал боец. Он хорошо понимал свое положение. Видимо, наступление захлебнулось.

А.И. Багров в музее аграрного техникума

Значит, здесь скоро будут немцы. В плен раненых не брали, добивали на месте. И он тогда стал ждать смерти.

Казалось, спасения нет. Но помощь неожиданно пришла. Краем глаза он заметил какое-то движение. Пригляделся: по полю бежали две собаки в упряжке, а за ними легко скользила по насту дюралевая пластина, наподобие санок. Александр Иванович громко закричал — это ему показалось, что громко, на самом деле он издал еле слышный хрип. Но чуткие собаки услышали его, развернулись и понеслись прямо к раненому. Добежав, умные собаки легли наземь. Превозмогая боль, он тяжело перевалился на санки — пластину. Собаки только этого и ждали. Они быстро помчались в расположение наших войск. Твердый наст как нельзя лучше помогал этой необычной гонке.

Ну, а дальше — госпиталь, люди в белых халатах, долгое лечение — и опять фронтовые версты, полные опасности, долгие военные дороги до самой Победы. Александр Иванович еще дважды был ранен. Участвовал в освобождении Калинина, Ленинграда. Награжден орденами и медалями.

— Прошло уже столько времени, а я и сейчас, как наяву, вижу этих собак, спасших мне жизнь, — говорит ветеран. — Одна была рыженькой, лохматой, другая покрупнее, черная с белыми пятнами. Обыкновенные дворняжки.

Победную весну Александр Иванович Багров встретил в Венгрии. После войны стал учителем, преподавал географию в средней школе №3 города Кашина. Ученики любили его уроки, затаив дыхание, слушали рассказы о дальних странах, о первопроходцах и ученых, об экзотических животных и растениях. А какие увлекательные похо-

ды ребята вместе со своим наставником совершали по родному краю, сколько интересного узнавали во время таких путешествий!

Довелось Александру Ивановичу вместе со своим классом поработать в сельском хозяйстве — существовало тогда движение: молодежь после школы — на фермы. Потом была работа в Барыковской школе. Здесь учитель-фронтовик тоже оставил о себе добрую память.

Он и сегодня не теряет связей с подрастающим поколением, с молодежью. Недавно он выступал перед студентами нашего аграрного техникума.

Александр Иванович — почетный гражданин города Кашина и района. Слушая его рассказ о Великой Отечественной войне, мы прониклись еще большим уважением к людям старшего поколения, выдержавшим в те годы такие страшные, нечеловеческие испытания и отстаившим свободу и независимость нашей Родины.

«КОГДА НА ВОЙНЕ СТРАШНО...» (Фронтовые дороги моей прабабушки Веры Алексеевны Спиридоновой)

*Бахтинова Вера Игоревна, 17 лет,
студентка Брянского медицинского колледжа*

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне...*

Ю. Друнина

Война... Сталинград... Победа...

Эти слова с раннего детства вошли в мое сознание, запали в душу. Каждое из них по-своему. Война — что-то страшное, черное. Сталинград — огромное, неприступное. Победа — светлое, радужное, радостное.

Помню, мне было лет пять, не больше. Утро... Бабуля (так я называла свою прабабушку Веру Алексеевну Спиридонову) тихонько подходит к моей кровати. Гладит меня по голове и тихо говорит:

— Верочка, поднимайся! Пора вставать, соня!

Я открываю глаза и вижу, что бабушка одета необычно: вместо домашнего халата на ней праздничный костюм, на котором легонько позванивают медали.

— Может быть, сегодня День Победы, и мы пойдем на митинг? — думаю я. — Но праздник этот бывает весной, в мае, а сейчас еще зима. Почему же бабушка в этом костюме?

— Да ты погляди хорошенько, — говорит бабуля и показывает на календарь. — Видишь, какой месяц?

И сама отвечает:

— Февраль месяц. А число? Второе. А что было в этот день много-много лет назад, в 1943 году? Забыла? Эх ты, Вера, Веруня, — солдатская внучка! А ведь я тебе говорила, и не раз. И в прошлом году, и в позапрошлом... Ну, припомнила?..

— Нет, — честно признаюсь я. — Я же тогда была маленькой.

Бабушка наклоняется ко мне и показывает на желтую начищенную медаль, наверху, возле самого края которой что-то написано.

— За оборону Сталинграда, — читаю я по слогам.

— Вспомнила, вспомнила! — кричу я обрадованно. — В этот день вы разбили фашистов на Волге!

Бабушка довольно улыбается:

— Молодец, что вспомнила! Не забыла, значит.

Я быстро одеваюсь. Знаю, что вся наша семья соберется сегодня за праздничным столом: мама уже печет пироги.

Бабуля и дедуля (он тоже фронтовик-сталинградец) будут вспоминать эпизоды своей военной биографии, будут звучать военные песни и, конечно, бабушкина любимая «Мы с тобой, сестра, еще станцуем...»

Эти воспоминания детства всегда со мной. Но тогда я, конечно, слабо осознавала значение всех тех событий, о которых часто вспоминали в нашем доме прабабушка, прадедущка и их боевые товарищи, приезжавшие к ним по большим праздникам. Теперь, когда я стала взрослой, прочла уже немало книг о Великой Отечественной войне, побывала в разных военных музеях, я понимаю, что те четыре года были годами страшных испытаний нашего народа. Каждый из них по выстраданному, пережитому, утраченному мог быть приравнен к десятилетию.

В.А. Спиридонова

Подвиг нашего народа в годы войны — это моральный капитал, из которого все новые и новые поколения будут черпать духовную силу. Поэтому очень важно сохранить воспоминания каждого участника тех героических событий — от солдата до генерала.

*Пусть живые запомнят и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.*

*И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат —
это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку...*

Эти строки из стихотворения поэта-фронтовика Семена Гудзенко «Мое поколение» звучат как призыв. Да, «пусть поколения знают... суровую правду солдат». По совету мамы и бабушки (а они у меня обе учителя) я решила записать воспоминания моей прабабушки Веры Алексеевны Спиридоновой о войне. Чтобы сохранилась память о героях-фронтовиках в нашей семье, чтобы можно было рассказать об этих удивительных людях моим друзьям, одноклассникам, всем тем, для кого слова об исторической памяти и связи поколений — не пустой звук. Жаль только, что в полном объеме мне не удалось выполнить задуманное мной дело. Я не успела: бабушки Веры не стало... Но для нас она по-прежнему жива. Она всегда с нами.

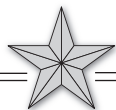
На «незнаменитой» войне

Когда моя бабушка Вера слышала песню «Мы с тобой, сестра, еще станцуем...», то говорила, что она про нее и ее боевых подруг. Их было четверо — молоденьких медицинских сестер из Бежицы. В разное время они закончили Бежицкий медицинский техникум. Кто-то уже работал, а кто-то еще жил воспоминаниями о последних экзаменах и выпускном вечере.

*Подруги. Слева-направо: Вера Ломаченкова,
Мария Колбасова, Тамара Кубекина, Эсфирь Коган*

Думали ли они, юные медсестры, что придется им надевать военные шинели, брать в руки оружие и уходить на войну, как это сделали мужчины того поколения? Разве об этом они мечтали? Конечно, нет.

Мечтали о доме, о семье, о большой и светлой любви, о хорошей мирной жизни. Все планы перечеркнула война.

В субботу, 21 июня, Вера Ломаченкова заступила на ночное дежурство в городском роддоме, где работала акушеркой. А в воскресенье вечером, придя домой, увидела повестку, по которой ей предписывалось явиться в военкомат. Для бабушки Веры это был второй военный призыв.

Впервые на фронт Вера Алексеевна попала еще в 1939 году в финскую кампанию. Лицом к лицу видела смерть. Боль раненых бойцов стала ее душевной болью. Всем старалась помочь, облегчить страдания молоденьких красноармейцев, замерзавших в оледенелых окопах. Страна и армия оказались совершенно не подготовленными к ведению войны в условиях зимы.

Вера Алексеевна Спиридонова вспоминает: «Трудное было время. Наши командиры говорили, что война победно закончится через неделю. Всерьез финскую армию поначалу не принимали. Воевать зимой никто не собирался. Зимнее обмундирование в нашу часть завезли, когда зима уже пришла всерьез и надолго. Среди тех, кому приходилось оказывать медицинскую помощь, было больше обмороженных солдатиков, чем раненых. Тысячи обмороженных бойцов выходили из строя. Морозы выдались сильные — ниже 40 градусов. Пехота увязала в двухметровых сугробах. А как донимали нас финские «кукушки»! Вместе с армией с нами воевал и простой народ: молодежь и даже старики-охотники. Оружие у финнов было много лучше нашего. Активно действовали мобильные отряды лыжников-автоматчиков».

Многое изменилось в характере девушки после той войны «незамеченной». Стала мудрее, хладнокровнее, сильнее духом, отважнее. Но не озлобилось, не зачерствело сердце. Оно осталось таким же горячим и нежным, как раньше. Казалось, все позади. Но так только казалось...

В тяжелых боях 1941–1942 гг.

На этот раз Вере и ее подругам Марии Колбасовой, Тамаре Кубекиной, Эсфирь Коган было приказано 23 июня 1941 года явиться в военкомат города Людиново, где формировался госпиталь. Там Вера Ломаченкова и встретила Великую Отечественную войну.

Однажды под вечер фашистская бомба попала в детский садик. Бабушка не могла без слез вспоминать об этом. Изуродованные тела детей, их крики, игрушки в песочнице, а рядом оторванная детская ручонка, — все это долго стояло перед глазами людей, которым пришлось спасать уцелевших малышей. Это одно из самых страшных воспоминаний бабушки о войне.

Труден боевой путь солдата. Но женщине на войне — труднее вдвойне. Говорят, у войны не женское лицо. Женщина и война — понятия

несовместимые. Женщина — символ мира, покоя, красоты. Женщина призвана давать и оберегать жизнь, а не уничтожать ее.

Моя бабушка стала медицинской сестрой, чтобы помогать людям, спасать их жизни, возвращать к активной созидательной деятельности. Но почти в самом начале войны сама едва не погибла. В тяжелый период отступления весной 1942 года бабушка сломала ногу. Когда ее товарищи начали грузить раненых солдат в санитарный поезд для отправки в Барнаул, командир отдал приказ Ломаченкову не брать: поезд переполнен, сестричка лежащая, что с нее возьмешь: оказывать помощь раненым не сумеет. Пусть спасается сама, как может.

*Вера Ломаченкова (Спиридонова)
(первая справа) с боевыми подругами*

Вера Алексеевна Спиридонова вспоминает: «Всех раненых вынесли, я осталась в палате одна. На время наступила тишина, потом слышался топот. Поняла, что это фашисты. Стала обматывать горло чулком: твердо решила, что лучше удавиться, чем попасть в плен к ненавистным врагам. Но оказалось, что это мои боевые товарищи. Вопреки приказу командира они тайно ночью погрузили меня на третью полку санитарного вагона, где я и ехала без постановки на довольствие. Ребята-санитары и девчонки-медсестры делились своим пайком почти месяц. Показалась я только на вокзале в Барнауле. Командир простил своеволие подчиненных. А вскоре я на костылях уже оказывала помощь раненым».

Благодаря фронтовой дружбе и взаимопомощи моя бабушка осталась жива и прошла дорогами войны до Сталинграда. Потом были Курская битва, освобождение Белоруссии, Прибалтики.

Сталинград

Труднее всего было под Сталинградом. Ни до, ни после не было так тяжело, мучительно тяжело. Шли кровопролитные бои, немцы про-

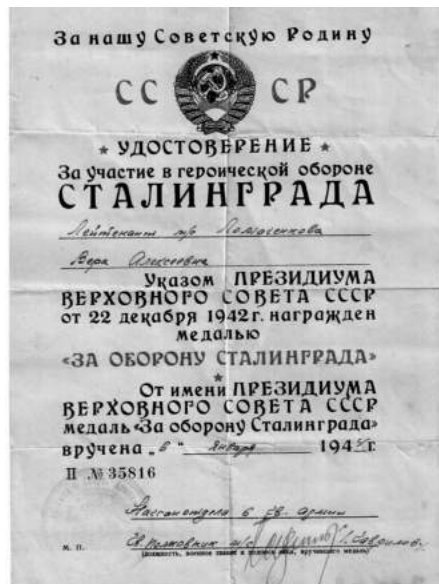
рвались к Волге, город стоял в руинах. Зима была лютой: мороз градусов под тридцать, на лету замерзали и падали птицы. Работать в таких условиях было невероятно трудно. Но долг женщины, долг медицинского работника заставлял трудиться до изнеможения. Бабушка Вера падала от усталости, но оказывала помощь раненым бойцам.

Вера Алексеевна Спиридонова вспоминает: «Надо было ставить огромные палатки, т.е. разворачивать госпиталь. Чтобы палатка держалась, нужна высокая мачта-стойка. И забить ее надо в землю на глубину не менее 80 см. Мужчины воюют либо раненные лежат, а мы, девушки, долбим мерзлую землю. Руки сбивали до крови, а надо еще раненых перевязать, занести в палатки, накормить, обогреть. Страшные холода были зимой на нашем фронте. Помню, как, увидев лежащего на снегу солдата, подумала, что, может, еще живой, и подбежала ему помочь. Схватила его за палец правой руки, а он с хрустом отломался и остался у меня в кулаке. Видно, давно пролежал мертвый боец на морозе...»

Здесь, под Сталинградом, бабушке Вере и ее подругам пришлось стать свидетелями еще одного страшного злодеяния фашистов. Вера Алексеевна вспоминает: «Немцы загнали наших пленных солдат и мирных жителей в огромный сарай, обложили его сеном и подожгли. В ходе наступления наша часть выбила врагов из селения как раз вовремя. Мы успели погасить огонь и стали освобождать людей. Люди гибли от огня, дыма, давки, ведь фашисты забили сарай людьми до самой крыши. Некоторые были еще живы, мы забирали их в госпиталь. Среди спасенных людей, которых я вынесла на своих руках, оказался врач — хирург Борис Николаевич Троицкий. Он остался работать в нашем госпитале и прослужил здесь до конца войны. Впоследствии он получил звание заслуженного врача России».

Медицинская сестра... Не зря придумано это слово. Сестра, сестренка, сестричка — так называли раненые этих девушек. Они успокаивали, писали за них письма, кормили с ложечки, лечили.

Неожиданно здесь, в самом пекле войны, встретила Вера Ломаченкова свою любовь. Алексей Яковлевич Спиридонов стал любимым и единственным мужем на всю жизнь. Вместе после войны вырастили и воспитали двух дочерей, которые стали педагогами. Теперь подросли

Удостоверение к медали

внуки, появились мы, правнуки. И на всех хватало у бабушки Веры внимания, заботы, добрых слов, душевного тепла.

Боевой путь моей бабушки Веры, лейтенанта медицинской службы Веры Алексеевны Спиридоновой, отмечен многими правительственными наградами. Орден Отечественной войны Вера Ломаченкова получила за Сталинград, орден Красной Звезды — за участие в Курской

*Вера Алексеевна и Алексей
Яковлевич Спиридоновы*

битве. Она была награждена медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией».

...Когда я была маленькой, я говорила бабушке, не очень осознавая истинное значение этих слов:

— Ты у меня героинка!

Теперь я хорошо понимаю: моя прабабушка Вера Алексеевна Спиридонова — мужественная и сильная женщина. Я горжусь ею. Она всей своей жизнью доказала: человек сильнее страха. Он может вынести все тяготы и невзгоды, выстоять, если знает, что спасает Родину, свой дом, свою семью.

Но очень хочется, чтобы нам не пришлось повторить тяжелую судьбу наших дедов и прадедов, чтобы на нашу долю войн не досталось. Война противоречит сущности человека. Ведь мы пришли на землю для любви, труда, творчества и созидания. Помните, как сказал поэт: «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце!».

ЯКОВ ПРОКОФЬЕВИЧ ГОЛЕНЧЕНКО: СОЛДАТ, УЧЕНЫЙ, СЕМЬЯНИН

*Чайникова Лия Геннадьевна, 19 лет,
студентка 2 курса*

*ГАОУ СПО «Брянский базовый медицинский колледж»,
г. Брянск*

Семью Голенченко в Дубровке знали все. Голенченко были одними из первых поселенцев поселка, их семья появилась здесь еще в конце XIX столетия. Семья большая, многодетная. Впрочем, в то время это было делом обычным.

Рабочий Василий Голенченко осенью 1917 года стал одним из организаторов первой социалистической молодежной организации поселка, которая называлась «Пролетарский союз молодежи». Через год эта организация вступила в только что образовавшийся РКСМ (Российский Коммунистический Союз Молодежи). Дубровская комсомольская организация стала одной из первых на Брянщине.

Григорий Голенченко тоже был одним из лидеров дубровской молодежи. Он участвовал в Гражданской войне, защищал идеалы пролетарской революции.

Я же хочу рассказать еще об одном человеке из рода Голенченко — о своем прапрадедушке Якове Голенченко.

Яков Прокофьевич Голенченко родился в 1900 году в Дубровке. Как и все Голенченко, он получил образование в Дубровской школе. Это был любимец семьи, человек образованный, одаренный, добрый.

Как и все члены семьи Голенченко, Яков с восторгом принял Октябрьскую революцию с ее ранними романтическими идеалами свободы, равенства, братства. И когда в стране началась Гражданская война, не задумываясь, он вступил в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) и ушел на фронт. В марте 1919 года Яков Голенченко сражался с контрреволюционными силами на Брянщине, затем на Южном фронте, в Украине и, наконец, на Западном фронте против белополяков.

Война закончилась, надо было приступать к мирному труду. Чуть ли не вся страна села за парты. Среди студентов был и Яков Голенченко. Его привлекали философия и история. Получив высшее образование и некоторый опыт практической работы, Яков Прокофьевич сам становится преподавателем. С 1933 года он преподает диалектический материализм в Карельской коммунистической сельскохозяйственной школе. Преподавал также в Петрозаводском учительском институте, затем он стал заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Карело-Финского государственного университета.

Якову Голенченко судьба уготовила участь стать участником трех войн. Когда в ноябре 1939 года началась советско-финляндская война, он вновь оказался на фронте. Немногих тогда, на той «незнаменитой»

Я.П. Голенченко

войне, награждали орденами и медалями. Положение было очень непростым для Красной Армии, победа далась ценой больших усилий и потерь. Но Яков Прокофьевич за храбрость и отвагу был награжден орденом Красной Звезды.

А потом была Великая Отечественная война. Голенченко опять в действующей армии. Дивизионная газета «Во славу Родины» в

Яков в армии

статье «Они всегда впереди» в ноябре 1941 года писала о смелости и отваге Якова Прокофьевича: *«Когда на одном из участков фронта создавалось опасное положение, тов. Голенченко с группой бойцов был послан ликвидировать опасность. Голенченко укрылся у дороги и, подпустив танк на расстояние нескольких метров, метко бросил гранату под гусеницы вражеской машины. Танк остановился, перегородив путь следующим машинам. Вражеских танкистов уничтожили бойцы... В этом бою Голенченко был ранен. Из госпиталя выписался раньше срока. Сейчас он снова в действующих частях на одном из весьма ответственных участков фронта».*

Я.П. Голенченко до последнего дня войны находился в армии.

После капитуляции фашистской Германии кандидат философских наук доцент Я.П. Голенченко продолжил преподавательскую деятельность в качестве старшего научного сотрудника Института философии Белорусской АН СССР.

По воспоминаниям родственников, Яков Прокофьевич был прекрасным семьянином. Он очень любил свою жену Бетти Генриховну (она была родом из Белоруссии), которая платила ему взаимностью. В семье Голенченко было трое детей: дочери Лидия и Галина, и сын Геннадий. Несмотря на большую занятость научной и преподавательской работой, Яков Прокофьевич много времени проводил в семье, с женой и детьми. Это доставляло ему огромную радость, придавало сил для работы и жизни. Все родственники искренне любили Якова Прокофьевича. Это в его честь дали имя моей маме — Яна.

Яков Прокофьевич Голенченко умер в сентябре 1977 года от внезапной остановки сердца. Ему было 77 лет. Но для нас, его потомков, он по-прежнему жив.

ПОДВИГ А.Г. РОГОВА

*Лукьянова Анна Евгеньевна, 15 лет,
студентка 1 курса ГОУ СПО ТО «Тульский
технико-экономический колледж имени А.Г. Рогова»,
г. Тула*

В наше время множество городов, учреждений и улиц названо в честь героев Великой Отечественной войны. Не исключение Тульский технико-экономический колледж, названный в честь Героя Советского Союза А.Г.Рогова. Я живу в Туле и учусь в этом колледже. Я горжусь тем, что это учебное заведение связано с именем героя, о подвиге которого я и хочу сейчас рассказать.

Родился он 16 февраля 1913 года в семье рабочего, в городе Туле, где прошло его раннее детство. С семи лет до окончания семилетней школы Алексей жил в деревне Выглядовка Дубенского района у бабушки. После школы, выдержав конкурсные экзамены, поступил в Тульский металлообрабатывающий техникум (ныне Тульский технико-экономический колледж им. А.Г. Рогова). В 1935 г. окончил 2-ю Краснознаменную военную школу летчиков в г. Борисоглебске, и был направлен на службу в 9-ю авиабригаду Белорусского Особого военного округа, где он начал летать вторым летчиком на самолете «ТБ-3».

Участвовал в Великой Отечественной войне с июня 1941 г. Был командиром эскадрильи 40-го бомбардировочного авиаполка 4-й бомбардировочной авиадивизии Западного фронта. Совершил 60 боевых вылетов для нанесения ударов по железнодорожным узлам, скоплениям войск и переправам противника [1].

29 сентября 1941 года А. Рогов писал жене: «Трудности послевоенного времени переживем, лишь бы скорей война закончилась и уцелеть бы. Ловчить в бою я не умею и не хочу. Всегда иду в бой с готовностью умереть. Эта готовность воодушевляет, создает бесстрашие на уничтожение как можно больше этой коричневой сволочи. Без этого война сейчас бессмысленна» [2].

8 октября 1941 г. при выполнении боевого задания самолет капитана Рогова был подбит. Отважный летчик совершил огненный таран танковой колонны противника на переправе через реку Угра близ города Юхнов Калужской области.

*Командир эскадрильи
А.Г. Рогов*

Отступая под натиском врага к Москве, наши части взрывали все шосейные и железнодорожные мосты, чтобы замедлить продвижение гитлеровских войск. Но железнодорожный мост через реку Угру западнее Юхнова, на главном направлении, взорвать не успели. По этому мосту днем и ночью шли немецкие эшелоны. Приказ уничтожить мост, причем незамедлительно, исходил из Ставки Верховного Главнокомандования. Решить задачу предстояло летчикам 40-го бомбардировочного авиаполка, который успели перевооружить скоростными пикирующими бомбардировщиками Пе-2 и Пе-3. Столь эффективных пикирующих машин ни у кого больше не было до самого конца войны.

И тем не менее разрушить мост не удавалось. Понимая его стратегическое значение, немцы прикрыли мост мощной зенитной артиллерией и истребителями. При подлете к мосту наши самолеты встречали сплошной заградительный огонь. Полк нес потери. Когда же удавалось прорваться к цели, то даже при точном бомбометании мост получал незначительные разрушения: бомбы рвались в воде под ним. Взрыватели не срабатывали мгновенно. Техники-вооруженцы полка придумали даже скобы с якорями, которые прикручивали к бомбам болтами. Но и якоря не могли удержать стокилограммовые бомбы. Время работало на немцев.

8 октября 1941 года при подлете к мосту зенитными снарядами был подбит самолет Пе-3, пилотируемый командиром второй эскадрильи полка капитаном Роговым Алексеем Георгиевичем. Офицер направил горящий самолет на мост и таранил его. Взрыв был огромный силы: самолет весом 7,5 тонны, около трех тонн горючего и 15 стокилограммовых бомб общим весом 1,5 тонны. От моста ничего не осталось [3].

А 5 октября 1941 года А.Г. Рогов написал жене:

«Вчера сопровождал заседавшую у нас комиссию от США и Англии. Нагляделся генералов, полпредов и других чинов. Интересно это было рассказать устно, так как в письме все ни опишешь. А церемония интересная. Одним словом, напослосле войны, расскажу» [1].

23 октября 1941 года в «Правде» был опубликован Указ о посмертном присвоении капитану А.Г. Рогову звания Героя Советского Союза, но об уничтожении моста там не было сказано ни слова. При выполнении боевого задания вместе с А.Г.Роговым героически погиб и штурман В.И. Форносов¹.

На такой подвиг способен не каждый. Не зря ведь Алексей Григорьевич получил высокое звание. Очень жаль, что тогда не было рас-

¹ Василий Иванович Форносов родился 31 декабря 1909 года в деревне Тарасово Талицкого района Свердловской области. До 14 лет учился в сельской школе, затем переехал в город Новгород. В 1918 году был призван в Красную Армию, где был направлен учиться в школу связистов в г. Киев. С 1931 по 1934 г. учился в школе штурманов в г. Оренбурге, по окончании которой был направлен в летную часть.

сказано, за что. Обидно осознавать, что многие не ценят и не помнят подвигов, совершенных во время долгой и кровопролитной Великой Отечественной войны.

Ежегодно студенты-отличники совершают поездку к памятнику А.Г. Рогову под г. Юхновым в Калужской области. Памятник установлен на средства, собранные студентами колледжа

В нашем колледже работают прекрасные преподаватели, которые не забывают героев войны и учат студентов чтить память о людях, защищавших нашу Родину ценой своей жизни. На памятных вечерах, посвященных истории колледжа, мы узнаем, что в 1942 году 11 учащихся были отправлены в отпуск для выполнения заданий в тылу врага, многие из них погибли.

Все их подвиги соединены воедино и остаются в наших сердцах, хотя после войны прошли десятилетия. Зная, какой ценой завоевано наше светлое будущее, я хочу вырасти настоящим человеком и достойным гражданином своей Родины.

День рождения А.Г. Рогова торжественно отмечается каждый год: в колледже проходит концерт и возложение цветов к мемориальной доске и в музее колледжа.

Литература

1. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь, 1988.
2. Последние письма с фронта. 1941 (сборник). — М.: Военное издательство, 1991. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://molodguard.ru>
3. Бессмертен подвиг их высокий. Тула: Приокское кн. изд., 1983.
4. Бессмертные подвиги. Военное издательство, 1980.

Глава 9. Студенты научного кружка о ценностях военной поры

ЧАСТИЧКА ДУШИ ЧЕЛОВЕКА

*Нестерова Екатерина Игоревна, 18 лет,
студентка 2-го курса Тульского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

Я познакомилась с Булгаковой Варварой Васильевной благодаря моим друзьям — она является их близкой родственницей. Знакомство с ней — большая честь для меня, так как не у каждого есть возможность пообщаться с человеком, пережившим блокаду Ленинграда.

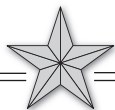

В.В. Булгакова

Варвара Васильевна родилась 7 декабря 1923 года в Туле в семье рабочих. Мать, Дарья Александровна Булгакова, работала до революции на кондитерской фабрике В.Е. Серикова. Отец, Василий Семенович, был переплетчиком в тульской типографии, умер до войны.

В 1941 году Варвара Васильевна поехала в Ленинград поступать в институт культуры имени Н.К. Крупской. Так сложились обстоятельства. Поскольку в семье было трое детей (старший брат Евгений Васильевич и младшая сестра Марья Васильевна), то не было возможности обучать двух детей одновременно, поэтому учиться должен был кто-то один: либо Варвара Васильевна, либо ее брат, но его забрали на фронт. Совершенно случайно она подала документы в институт культуры имени Н.К. Крупской, вскоре оттуда пришел ответ, и последним поездом она отправилась в Ленинград.

В начале августа начались вступительные экзамены, которые Варвара Васильевна благополучно сдала и стала студенткой. Занятия начались, как обычно, 1-го сентября. Необычным было то, что после лекций и семинаров все студенты направлялись рыть противотанковые рвы и окопы. Погода с каждым днем ухудшалась, нача-

лись холодные дожди. Враг все ближе подходил к городу. 8 сентября началась страшная жизнь — блокада Ленинграда.

Холод, голод, постоянная угроза жизни ... Нелегкие испытания выпали на долю 17-летней девушки, оказавшейся в одиночестве в осажденном незнакомом городе, вдали от родных и близких, к тому же без необходимых вещей. Варя приехала в Ленинград в конце июля «лишь в одном платье». Она совсем не взяла теплой одежды, т. к. не знала, поступит в институт или нет.

Потом объявили, что институт культуры им. Н.К. Крупской закрывают и студентов переводят в Педагогический институт. О какой учебе могла идти речь? Главное — остаться в живых и как можно быстрее выехать из города.

Совершенно случайно Варвара Васильевна услышала, как по радио объявили: сельскохозяйственный институт будет эвакуироваться из города Пушкино в первую очередь. Скорее туда! Ее приняли. Так она стала студенткой 1-го курса сельскохозяйственного института.

Нам сегодня трудно представить, что в такой страшный период войны в институте проходили занятия, студентов готовили к зимней сессии. Учащиеся изнемогали от голода, теряя силы с каждым днем, было страшно от бомбежек, но они учились.

В институтском общежитии всех спасал кипяток, который постоянно грелся в титане, в то время как во многих квартирах в городе вода замерзла. Дневной рацион студента составляли 125 г хлеба, соль и стакан кипятка. Все испытывали постоянную слабость и безразличие ко всему. Что оставалось делать? Только ждать. Падать духом не давал директор института Николай Николаевич Богданов-Катков. Он часто ездил в Смольный, где обговаривались сроки эвакуации (которые не раз переносились). Все студенты с нетерпением ждали его возвращения и того самого дня как чуда, как своего спасения, как шанс выжить.

Когда директор возвращался из Смольного, даже если это было поздно ночью, все собирались моментально. Николай Николаевич сообщал дату эвакуации и намечал план подготовки к ней — все должны сдать зачеты и экзамены, а также подготовить теплую одежду. Многие студенты, как и Варвара Васильевна, приехали в Ленинград без теплых вещей, поэтому им выделили вату и солдатские одеяла, чтобы сшить бурки и ватник.

Чтобы студенты меньше отчаивались, директор давал им различные поручения: после учебы сходить проведать преподавателя, справиться о здоровье, передать кому-либо записку, наколоть дров, принести воды.

Однажды директор попросил Варвару Васильевну и ее сокурсницу отвезти больную женщину в госпиталь на саночках. Уже была зима, температура достигала минус 35. Девчонки чувствовали себя не лучше той женщины — не было сил. Укутавшись всем, чем можно, девушки везли больную женщину по тихим улицам. Вот и госпиталь, вошли

в калитку. Им показалось, что во дворе штабелями сложены дрова, но это оказались... заочеченевшие от холода трупы, лежащие один на другом. Сложно представить тот ужас, который охватил Варвару Васильевну и ее спутницу при виде этого. Они быстро довели женщину до входа переполненного ранеными госпиталя, где их встретила медсестра, и, напуганные увиденным, поспешили домой.

Шли дни. Очередной срок, на который намечалась эвакуация, уже прошел. Директор снова едет в Смольный, наконец назначается окончательная дата. Вот оно — долгожданное спасение, благодаря которому студенты выживут!

Путь лежал через Ладожское озеро — «дорогу жизни» — в Алтайский край. Ехали на поезде 3 месяца. К сожалению, не все доехали живыми.

Впоследствии Варвара Васильевна окончила Смоленский сельскохозяйственный институт. Она стала учителем биологии.

У Варвары Васильевны сохранились два письма той поры от ее подруги Тамары из Тулы. Письмо 1942 года — поздравительное с Новым годом, а в первом, от 1941 года, говорилось о событиях в Туле и общем положении дел.

Здравствуй дорогая Варя!! Шлю тебе пламенный привет из твоего родного города — из города Тулы и желаю тебе успехов в твоей студенческой жизни. Милая Варюша, как я была рада, когда получила твое письмо. Я получила от тебя только 2-е письмо 21/IX-41 г. Я пришла с работы поздно, а увидав и прочитав твое письмо, тотчас же стала писать ответ. Варя, ты просила сообщить, как живут твои родные. Ну что ж, я отвечу. Они живут хорошо. Мама работает, Маня учится во 2-ю смену. Сейчас в Туле пока спокойно, и ты за них не беспокойся. Варя! Я очень довольна, что ты будешь научным работником, и желаю, конечно, чтобы окончила этот институт. Это очень хорошо — быть культурным человеком и знать несколько языков. Я хотела поступить на заочное отделение вашего института, но теперь раздумала, так как нет времени. Теперь до будущего года. Я надеюсь, что мы до будущего года с тобой еще увидимся, ты мне кое-что расскажешь о своем институте, посоветуешь, на какой факультет мне поступить и как поступить. Может быть, мне придется туда приехать, и мы будем учиться вместе.

Варя! Я очень часто вспоминаю школу, своих школьных друзей и подруг, преподавателей, наш замечательный выпускной вечер. Только теперь, как стала работать, я поняла, что школьная жизнь — самая веселая и счастливая. Варичка, учись лучше, овладевай наукой и культурой, будь сталинским стипендиатом. Вспомни слова замечательного писателя Чернышевского: «Успехи приобретаются настойчивым, тяжелым, честным трудом... Если наши дети хотят быть людьми в самом деле

образованными — они должны приобретать образование самостоятельными знаниями». Очень жаль, что тебе не удалось послушать лекцию (история книги), это очень интересно, хоть я тоже не слушала, но знаю. Еще Герцен писал: «Книга — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место...» Варечка! Люби литературу и немецкий язык, овладей им в совершенстве. Что я люблю, то и тебе советую любить. Мне очень хочется учиться дальше, овладеть в совершенстве немецким или каким-либо другим иностранным языком и вновь изучать литературу, хотя бы так, как мы изучали ее с Дмитрием Михайловичем. Но что же делать! Приходится заниматься дома самой в свободное время. Кстати, расскажу кое-что о нашей школе. Школа наша теперь переведена в 12-ую школу. Из старых учителей остались только Дмитрий Михайлович, Константин Порфирьевич, Вера Васильевна, Галина Николаевна, Вадим Сергеевич, по химии теперь там новый преподаватель, по истории, военному делу и физкультуре тоже. Наш физкультурник на фронте. Геологию и астрономию теперь совсем не проходят. Теперь о себе.

В моей жизни существенных изменений за время твоего отъезда не произошло. В качестве кого я работаю, ты уже знаешь, моя профессия не изменилась, дела идут потихоньку. Школьных подруг я никого не вижу и не видела. Есть у меня одна единственная подруга из завода — Надя, замечательная девушка. Это, как говорят, душа, а не человек, живем мы с ней очень дружно. Варя! Я очень довольна, что у нас с тобой такие хорошие подруги!

Вот и все. Больше мне писать пока нечего. Жду с нетерпением от тебя ответа.

Пока до свидания, Варя! Крепко целую и жму твою руку. Варя! Будь здорова и счастлива. Пиши скорее! Желаю успеха в твоей учебе. До свидания, пожалуйста, вспомни Туркина из пьесы Чехова «Ионыч».

Передаю привет от родных и знакомых.

Пиши! 19–21/IX-41г. Тамара.

Это письмо произвело на меня сильное впечатление. Читая его, я как будто соприкоснулась с прошлым, с атмосферой 1941-го года. Только что отгремели бои, а девушка восхищается литературой, друзьями, учителями, строит планы на будущее. Какое глубокое письмо! А ведь, написано оно моей ровесницей. В нем отражаются ценности той поры: упорный и честный труд, учеба и самообразование, любовь к книге, дружба.

Мне стало интересно, какие чувства испытывали другие люди, писавшие тогда друг другу письма? Как воспринимали начало войны, как относились к врагу, как реагировали на разлуку с родственниками? На эти и другие вопросы я хотела найти ответ. Мне удалось найти

60 писем, датированных 1941-м годом, и проанализировать их методом контент-анализа.

Бойцы по-разному оценивали продолжительность и исход войны, но в большинстве своем многие считали, что войну мы выиграем, что наша армия сильна и непобедима. Так было написано в 10% писем. «Война будет суровая, большая, пожалуй, длительная, но мы ее готовы вести до конца, у нас хватит сил всех». [1, с. 186].

В 17% писем солдаты выражают свое отношение к врагу. «Цель у всех одна: разбить зло человечества во всем мире — фашизм!» [1, с. 188]. Максимцов Михаил Данилович пишет своим родным такие строчки: «Писать письма трудно, и я беспокоился за Вас, что вы много волнуетесь за своих троих сыновей, которые честно сражаются с озверелым фашизмом» [4, с. 77].

Когда находишься далеко от дома, в непривычной обстановке, возникает желание быть вместе со своими родными. В большинстве писем (40%) солдаты писали, что очень скучают по близким им людям.

Даже во время ожесточенных боев любящие свои семьи сыновья, отцы, мужья интересовались материальным благополучием родственников (12%). Более того, бойцы старались помочь им. Высылали деньги, если получалось, советовали оформлять всевозможные пособия. Вот что пишет Тюрин Илья Никитич своей семье: «Аня, ты старайся оформить получение пособия 100 рублей в месяц на дочку и Ваню, есть закон, и наша семья подходит под него» [1, с. 187].

Никто не знал, в какую часть страны унесет война человека. Кого-то сразу на фронт, где шли ожесточенные бои, а кого-то в более спокойные места, где хотя бы изредка можно было полюбоваться красотой природы. В 9% таких писем бойцы упоминали о красивейших местах России. «... если на минуту забыть о войне, т. е. о самом главном, что заставляет нас быть здесь, и посмотреть кругом, то совсем не плохо. Я вообще любитель нашей русской природы, здесь именно она» [3, с. 97].

Чаще всего бойцы описывали местонахождение и обстановку, в которой находились (45%), погоду, которая влияла на удобства солдат (12%). Некоторые писали совсем кратко, как, например, Василий Хлебцев своей жене: «Привет. Здоров. Сражаюсь. Василий» [4, с. 75]. А также другое письмо, тоже адресованное жене: «Здоров. Бьем стервятников. Привет. Целую. Постарайтесь принести больше пользы Родине» [4, с. 75]. Сразу можно понять, что шли ожесточенные бои и писать было некогда. А некоторые писали детально, чтобы сблизиться с родственниками, как будто поговорить с ними через огромные расстояния.

Очень часто солдаты указывали в своих письмах состояние здоровья (24%), чтобы близкие меньше волновались. «Я пока чувствую себя удовлетворительно, немного приболел, а теперь как будто поправился» [3, с. 272].

Девушки ждали своих любимых с фронта — 18% писем посвящены девушке от любящего всем сердцем молодого человека. Это так трогательно, но иногда и невыносимо грустно, если возлюбленные так и не дождались друг друга. «Я вчера был дневальным, дежурил целый день и часто смотрел на твою карточку и целовал тебя» [3, с.78]. Война была тяжелым испытанием для всех влюбленных пар.

Писем 1941 года в использованных мною источниках приведено значительно меньше, чем за последующие военные годы. Вероятно, это можно объяснить внезапностью войны, неразберихой в первое время. Было не до писем, да и организация почтовой связи требовала времени. Так, в книге «Письмо с фронта» из 140 писем всего 10% посланий датировано 1941 годом.

Как жаль, что не все авторы писем вернулись с войны, встретились со своими адресатами, но мы будем помнить их, потому что письмо — это частичка души человека, которая останется с нами всегда.

Литература:

1. Письмо с фронта. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2010.
2. Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М.Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2010.
3. Голоса из бессмертия: Письма с фронта, воспоминания, даты. Изд. 2-е, испр. и доп. Тула: Гриф и К, 2005.
4. Книга памяти. 1941–1945. Тульская обл. Российской Федерации. В 13 т. Т.13 / Тула: Репроникс, Администрация Тул. обл., 1997.

«ПРИВЕТ ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ МАМЕ...»

*Аленина Вера Юрьевна, 17 лет,
студентка 1 курса Тульского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

Невообразимые тяготы пережили все, кого коснулась Великая Отечественная война: и мирные жители, и офицеры, и простые солдаты, и матери с женами, и дети, и старики... Мы много знаем о воинах-героях, и так мало нам известно о тех, кто страдал и помогал в тылу. А ведь про это нельзя забывать. Слова «Все для фронта, все для Победы» поддерживали в этих людях жизнь и стремление держаться до по-

следнего. Мой прадедущка участвовал в Великой Отечественной войне. Он не относится к числу воинов-героев. Так считал он сам, но, на мой взгляд, каждый человек, защищавший Родину от фашистов, внес свой вклад в общую победу. И труженики тыла тоже — их жизнь была наполнена подвигами.

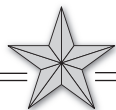
Что же испытывали люди, находясь в тылу? Страх, тоску по родным, усталость, холод, голод? Или все вместе? Сегодня нам одинаково трудно представить, каково это: ждать вестей с фронта или сидеть под дождем в сыром окопе в ожидании чего-то... либо в свободную минутку с безумной тоской по дому писать любимой маме письмо, содержащее радостную весть, что ты жив. Недавно я нашла письма своего прадедущки, которые он писал с войны своим родным. Вот одно из них:

«Привет из Красной Армии Маме, братишкам Коле, Шуре и Славе и сестренке Клаве. Добрый день, мама. Шлю я вам чистосердечный привет и желаю вам всего хорошего. Мама, я ваше письмо получил 26 апреля, за которое очень благодарю. Мама, я опишу, что я жив и здоров. Но как дальше — судьба решать будет. Сама знаешь. Мама, я, когда получил ваше письмо, сразу почувствовал себя веселым и бодрым, а ведь это очень важно. Мама, а когда вы мне поподробнее опишете, что вы сейчас делаете, где находится мой братишка Коля, с которым мы ругались не за что, когда оба недопонимали. Мама, Коля, небось, курит, а табаку нет, наверно. Мама, как получите мое письмо, то пускай Коля и Шура напишут по одному письму и вдобавок в треть, когда я получу, то у меня сердце радоваться будет. Мама, опиши, какой у нас сейчас есть скот, а то ведь пишете, что живем хорошо, а про хозяйство ничего не пишете. Мама, еще я хочу спросить, сколько вы сейчас платите налогу. И что сельсовет знает, что от папы нет слуху. Обо всем мне напишите, а я в сельсовет напишу ответ. Я теперь кое-что знаю. Затем до свидания. Жду ответ».

Каждая строчка пропитана любовью к матери, братьям и сестре. Заметьте, слово «Мама» — непременно с большой буквы. Красноармейцу становится радостно на душе от того, что с каждым письмом он получает новости от родных. Он интересуется братом, с которым ругался «не за что». Важным является каждое словечко. По строчкам можно понять, как сильно солдат скучал и тосковал по родным, считал дни своего отсутствия. Хорошо это видно в следующем письме:

«22-06-43 г.

На защите ... (место пребывания зачеркивалось цензурой. — В.А.). С приветом Мама, а также братишки и сестренка. Добрый

день, Мама, шлю я вам свой командирский привет. Мама, в первых строках своего письма опишу, что я живу в данный момент хорошо. Но, как говорится как волка ни корми, а все в лес смотрит, так и я — все домой хочется, уже 16 месяцев из дому, но про дом никак не забуду. Мама, ты знаешь, какое сейчас время, я вам не буду описывать. Мама, я от дяди Пети Косарева получил письмо и за это письмо очень благодарю. Мама, я в сельсовет написал письмо, и Командир написал, пускай они только не ответят на наши письма — мы знаем куда обратиться. Мама, как получите письмо, то пишите ответ. Мама, больше писать нечего, передавай всем привет. Петр».

Прадедущка пишет письмо в сельсовет. В решении возникших в семье хозяйственных проблем принимает свое непосредственное участие и командир, который ходатайствует за подчиненного. На основе предложения «Мама я в сельсовет написал письмо, и командир написал, пускай они только не ответят на наши письма — мы знаем куда обратиться» можно сделать вывод, что душой прадедущка дома, он готов сделать все, что в его силах, чтобы помочь родным. Он писал многочисленные письма в сельсовет, искал поддержку у капитана, просил помощи у иных лиц, имеющих непосредственное влияние на сельсовет и прочее, что не описано в письме. Явная настойчивость переплетается с тоской по дому.

«25-10-43 г.

Здравствуй, Мама, и братишки, и сестренка. Шлю я вам свой боевой фронтовой привет и массу наилучших пожеланий вашей повседневной жизни, а самое главное — вашим здоровьем. Мама, во-первых, я вам сообщу, что я жив и здоров и пока себя чувствую хорошо, а что дальше будет — никто не знает. Мама, я опишу, почему долго не писал письма. Когда пошли в бой, то тут можно было располагать одно: или жив или нет. Но, конечно я из боя вышел ничего, невредим. Мама, про себя очень нечего писать, и близких знакомых нет. Мама, я опишу тебе о своем командире, который присылал тебе письмо — Чумаков Константин. Его убило. Он находился со мной рядом. И так сейчас нет близких знакомых. Мама, я вас попрошу, чтобы вы мне описали обо всем деревенском и обо всех происшествиях. Ты уже знаешь, как уже будет два года, как я уже не нахожусь дома, итак сейчас происшествий очень много. Но самое главное, мама, — опиши о хозяйстве и как сейчас готовишься на зиму, и как живет Крестная. Мама, прошу тебя описать, как сейчас на тебя — злятся или нет и какое отношение имеет председатель Колхоза и высшее начальство. Мама, опиши

о Папе и о Нюре, что слух есть от их или нету. Мама, затем до свидания, жду ответ. С нетерпением.

Сын Петр».

В последних строчках этого письма можно заметить обеспокоенность моего прадедушки положением дел, как в родительском хозяйстве, так и в колхозе. С одной стороны, он находится далеко от дома, на войне, но с другой — все его мысли о семье, хозяйстве, деятельности сельсовета. Эти переживания можно встретить не только в этом письме.

Но как объяснить, что на фронте в очень трудные моменты люди не теряли стойкости, планов на мирную, послевоенную жизнь? На мой взгляд, единственное, что помогало солдатам «держаться» — это сила духа, это любовь к Родине и к родным. Солдаты, осознавая, что кроме них некому больше защитить свою страну и близких, шли в бой, сражались до последнего, погибали, не предавали Родину, даже когда находились в плену. Они были настроены на победу, когда шли в бой. Пусть не во всех сражениях мы одерживали победу, но в итоге мы победили в этой войне. Страшной войне. Так, за несколько дней до последнего своего сражения мой прадедушка написал следующее письмо:

«Привет из Красной Армии Маме, братишкам Коле, Шуре, Славе и сестренке Клавье от Старикова П.Г. Мама, в первых строках своего письма хочу сказать, что я еду на фронт громить немецких гадов — оккупантов. Мама, письмо я посылаю из Ленинграда. Мама, письма от вас уже не получаю несколько время, и не знаю, где находится Нюра и Папа. И как вы живете. Мама, больше писать нечего. Затем до свидания, передавайте всем привет».

Видно, с каким настроением и отвагой он говорит о предстоящем бое в этом коротеньком письме. В каждом солдате, думаю, присутствовал страх (и мой прадедушка не был исключением), но бойцы преодолевали его, потому что это воспринималось как позор. А нужно было защищать страну, своих родных и близких, наше с вами будущее. Смогли бы мы также себя повести в подобной ситуации? Сможет ли сегодняшний молодой человек, всячески уклоняющийся от военного призыва, склонный к праздности и легкой жизни, так же мужественно встать на защиту родины и, если нужно, «громить оккупантов»? Эти вопросы остаются у меня пока без ответов...

ВЫСТОЯТЬ ПОМОГЛА ВЕРА...

*Журавлева Злата Сергеевна, 19 лет,
студентка 3 курса Тульского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

Каждый раз, затрагивая тему Великой Отечественной войны, невольно вспоминаешь страдания людей, переживших эти страшные годы. Женщины и дети, молодежь, мужчины, старики — все они внесли свой вклад в то, чтобы 9 мая 1945 года наша великая страна воссияла как Солнце над тьмой фашизма. Мужество, стойкость, храбрость, самоотвержение и, наконец, — любовь к ближнему...

Мы знаем, что отношения между церковью и государством в СССР были напряженные. События после революции и особенно репрессии 30-х годов дополнили лик святых земли русской целым сонмом новомучеников. Но что мы видим 22 июня 1941 года? В день начала войны предстоятель Русской Православной Церкви митрополит Сергей обращается с посланием к духовенству и верующим с призывом встать за Отечество и объединиться для борьбы с врагом. Послание сразу же было разослано по всем приходам, которые сохранились после чудовищных сталинских репрессий. Особенно трогательными в нем были завершающие слова: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует Победу!» [1, с. 80].

3 июля И.В. Сталин выступил с обращением к народу «Братья и сестры!». 1943 год можно считать годом официального «потепления» отношения И.В. Сталина к Русской Православной Церкви. В один из июльских дней 1943 года митрополиту Сергию и его ближайшим сотрудникам пришло сообщение о том, что им разрешено возвратиться в Москву (с середины октября 1941 г. до конца августа 1943 г. митрополит находился в эвакуации в Ульяновске). Сталин принял трех митрополитов (Сергия, митрополита Ленинградского Алексия и Киевского Николая) в Кремле. Во время встречи Сталин сказал, что высоко ценит патриотическую роль Церкви. В ходе встречи было принято решение о созыве Поместного собора, на котором будет избран патриарх, а также о создании духовных академий в Москве, Ленинграде и Киеве. Сталин согласился с церковнослужителями по вопросу о необходимости выпуска церковных книг. При патриархе было решено образовать Священный Синод из трех постоянных и трех временных членов. Принято решение об образовании Совета по делам Русской Православной Церкви [2, с. 194–196].

О том подвиге, который во имя Родины понесли сотни монашествующих, церковно- и священнослужителей, в том числе награжденных ор-

денами самого высокого достоинства, еще, безусловно, напишут не один десяток книг. Если же останавливаться только на некоторых фактах социально-экономического характера, то следует особо отметить материальную поддержку армии Русской Православной Церковью. 5 января 1943 г. патриарший местоблюститель предпринял важный шаг на пути к фактической легализации Церкви, использовав сборы на оборону страны. Он послал И.В. Сталину телеграмму, испрашивая его разрешения на открытие Патриархией банковского счета, куда вносились бы все деньги, пожертвованные на нужды войны. 5 февраля председатель СНК дал свое письменное согласие. Активное сочувствие церкви было повсеместно.

Прежде чем перейти к вопросу взаимоотношений церкви и государства в период Великой Отечественной войны на примере Тульской епархии, необходимо проанализировать ситуацию за 1930–1940 гг., когда РПЦ подвергалась сильнейшим репрессиям. Согласно данным Тульского синодика, 7 января 1930 г. в Туле был объявлен День сожжения икон. Только в Центральном районе икон собрали по домам горожан более тысячи и прилюдно сожгли на костре. Иконами, ликами вверх, был вымощен пешеходный мост с городской стороны в Заречье, чтобы люди, проходя по нему, топтали священные изображения [4]. С такой ужасной картины началась страшная история борьбы с верой.

Тесницкий лес. В братских могилах покоится более двух с половиной тысяч человек, расстрелянных чекистами в 1930-е гг., — в большинстве жители Тулы и Тульской области. Расстрелы и захоронения совершались в глубокой тайне. Прикрытием служили выстрелы тут же находящегося испытательного стрелкового полигона. В Тесницком лесу пострадали многие священнослужители, в том числе и монахи Оптиной пустыни во главе с последним настоятелем обители архимандритом Исаакием. Многие из убиенных здесь причислены ныне к лику святых. О страшной тайне Тесницкого леса стало известно только в 1991 году. Тогда же было произведено вскрытие одной из могил и обнаружены останки 30-ти человек. По данным прокуратуры Тульской области, жертвами политических репрессий в конце 30-х–начале 40-х годов стали более 15 тысяч жителей Тульской области. Каждый пятый из них покоится в Тесницком лесу. [3]

Из Тульского синодика я выписала несколько имен тех, кто подвергся репрессиям и был убит в 30–40-х гг.:

АВГУСТА (в миру ЗОЩУК Лидия Васильевна) (1871–1938), преподобномученица, схимонахиня. Расстреляна. Ее имя внесено в хронологический список канонизированных святых (26.12.2001), почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской Православной Церкви (1917–1997). Похоронена в Тесницком лесу.

ИГНАТИЙ (в миру САДКОВСКИЙ Сергей Сергеевич) (1887–1938, погребен в неизвестной могиле на территории лагеря Кулойлаг Архангельской области), священномученик.

ИЛ(Л)АРИОН (ТРОИЦКИЙ Владимир Алексеевич) (1886, с. Липицы Каширского уезда — 1929, г. Ленинград), священномученик и исповедник, архиепископ Верейский.

НИКИТА (в миру **ПРИБЫТКОВ** Николай Григорьевич) (1859, Томская губ. — 1938, Тула), епископ Белевский, викарий Тульской епархии, новомученик и исповедник Российский. Был арестован в 1937 г. Захоронен в Тесницком лесу на 162-м км шоссе Москва–Симферополь. Включен в собор Тульских святых (2001).

ПАВЛУШКОВ Петр Иванович (1865, г. Владимир — 1937), священномученик. Он был расстрелян в Тесницком лесу. Вместе с сонмом тульских новомучеников и исповедников веры Православной последний ректор ТДС был причислен к лику святых в 2001 г.

СЕ(И)НЯВИН Александр Григорьевич (1865, с. Кобелево Тульского р-на — 1937), протоиерей Владимирской (Николо-Завальской) церкви (1916–1919). ТДС, служил в церкви во имя Святого Феодосия Черниговского в Чулковой слободе (1906–1916). Расстрелян в Тесницком лесу [4].

На сайте Тульской епархии указано имя священномученика **ОНИСИМА** (в миру **ПЫЛАЕВ Михаил Владимирович**; 1876–1937 гг.). Он был расстрелян 27 февраля 1937 года в одном из Северных лагерей [5].

Репрессии оставили свой кровавый след в истории. И вот настал страшный 1941 год. Не кара ли это за богоотступничество, ибо «Бог поругаем не бывает» (Гал. 6:7)?

Вспомним, что церковь Христова в самом начале своей истории тоже была потопляема в крови мучеников, но вновь и вновь возрождалась, как птица феникс, из кровавого пепла. Так что же возомнили о себе представители этой власти? Разве под силу было им сломать то, что не ломается ни оружием, ни силой, ни хитростью — то, что имеет свою непоколебимую основу в Боге.

На нашей тульской земле в те кровавые годы были молитвенники, которые помогали своим духовным чадам и верили в физическую и прежде всего в духовную крепость русского народа. Так, в первые годы войны временно управляли Тульской епархией архиепископ Калужский Алексей (Сергеев) (награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») и епископ Калужский Питирим (Свиридов). В 1944 г. архипастырскую кафедру возглавил архиепископ Тульский и Белевский Виталий (Владимир Федорович Введенский). Достоверно известно, что на территории Тульской области было пять действующих храмов, которые никогда не закрывались: в г. Венева — Иоанно-Предтеченский, п. Крапивне — Никольский, в п. Истино Тарусского района — Успенский, в с. Татарском Заокского района — Архистратига Михаила, в г. Туле — Святых Двенадцати Апостолов. Храм Всех Святых в г. Туле был действующим, но принадлежал обновленцам [5].

В тяжелые годы войны в Тульской епархии духовно окормляли русский народ следующие священнослужители:

Храм во имя Всех Святых: *ГЛАГОЛЕВ Василий Николаевич*, протоиерей (1930–1939, 1942–1950), *ТУРБИН Петр Федорович*, протоиерей, настоятель (ранее 1942).

Храм во имя Святых Двенадцати Апостолов: *ПОНЯТ(ОВ)СКИЙ Михаил Дмитриевич*, настоятель (1941–1942), *БЕЛОУСОВ Александр Филиппович*, священник (1945), *ГЛАГОЛЕВ(СКИЙ) Константин Владимирович*, диакон (1941).

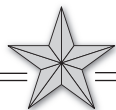
Храм Великомученика Димитрия Солунского (Дмитровская кладбищенская церковь): *САПОЖКОВ Сергей Федорович*, священник (1941–1942).

Богоявленское, Венев-монастырь (ныне Веневский р-н): *БОЖАНОВ Сергей Михайлович*, второй священник (1943), *ГАСТЕВ Алексей*, иерей (1943), *ЗЛОБИН Иоанн*, иерей (1944) [4].

Любовь к ближнему, бесстрашие по отношению к врагу, сильная вера в Бога — все это объединяло многих священнослужителей, которые в первые годы войны не оставляли храмов, бесстрашно и ревностно выполняя свой пасторский долг. Так, протоиерей Михаил Понятский совершал службы и в дни героической обороны Тулы. В своем докладе в Московскую Патриархию в 1941 г. батюшка писал: «Окраина города, где находится церковь Святых Двенадцати Апостолов, непрерывно подвергалась артиллерийскому обстрелу и бомбежке с воздуха. Снаряды ложились возле храма, и их осколками испещрены все стены, выбиты кирпичи, пробита крыша и сбит крест с колокольни. Люди собирались в разбитом храме, где не оставалось ни одного стекла, пели молебны, панихиды и другие службы. 21 ноября, в день памяти святого Архистратига Михаила, подвергли ожесточенному обстрелу сам храм, несколько снарядов разорвались внутри храма. В храме был снег. Несмотря на такую обстановку, верующие под грохот канонады в разбитом, занесенном снегом храме при горящих кострах горячо молились» [6, с. 31]. Интересно заметить, что в годы Великой Отечественной войны в храме проводился сбор пожертвований. Так, 23 февраля 1942 года прихожане и причт передали на нужды армии 3000 рублей и 50 полотенец. Батюшка непрестанно молился о здравии воинов, возглашал вечную память убиенным, положившим жизнь свою на поле брани.

Священники Михаил Понятский и Петр Турбин принимали активное участие в тушении пожаров от зажигательных бомб, руководили прихожанами при рытье окопов и ночных дежурствах по противо-здушной обороне.

В соответствии с Постановлениями Моссовета от 19 сентября 1944 г. и от 3 января 1945 г. около 20 священников московских и тульских

церквей были награждены медалями «За оборону Москвы». 6 октября 1944 года в Совете по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР в торжественной обстановке были вручены медали «За оборону Москвы» православному духовенству, в том числе протоиерею Петру Турбину и Михаилу Понятскому. Отец Михаил от лица всего Тульского духовенства сердечно поблагодарил правительство за внимание к тулякам и сказал, в частности, такие слова: «В минуты трудных дней духовенство работало вместе с рабочими, ковало защиту нашей родины и нашего родного города...» [7]. Этой награды был удостоен также Глаголевский Константин Владимирович (1902–1955), диакон храма во имя Святых Двенадцати Апостолов.

Но не награды, не слава, а только крепкая и ревностная вера в Бога и его всесильная помощь была для них высшей из всех наград! Несмотря на тяжелое время, всеобщее горе, потери близких вера не затухала в сердцах людей, давала надежду.

15 мая 1944 г. осиротела Русская православная церковь. В возрасте 77 лет отошел ко Господу Патриарх Московский и всея Руси Сергей. Всеобщая скорбь охватила весь церковный мир. Первосвятитель был похоронен 18 мая 1944 г. в Никольском приделе Богоявленского кафедрального собора в Елохово. Следует отметить, что патриарх Сергей возглавил Русскую Православную Церковь в самый трагический период ее истории. Одним из итогов его напряженной работы стало то, что И.В. Сталин разрешил открыть многие храмы, монастыри, амнистировал священнослужителей.

В 1945 году патриархом стал епископ РПЦ Алексей (Симанский). Изучив его биографию, я узнала, что он был ректором Тульской духовной семинарии (1906 г.) и что был награжден медалью «За оборону Ленинграда» (1943 г.) [8]. Его духовная деятельность очень интересна и насыщена, но больше связана с блокадным Ленинградом, где в 1941–1943 гг. он нес пастырскую службу.

6 мая 1945 г. — в день светлого праздника Пасхи — Патриарх Алексей I обратился с посланием: «Пасхальная радость Воскресения Христова соединяется ныне со светлой надеждой на близкую победу правды и света над неправдой и тьмой... Свету и силе Христовой не возмogli противиться и препятствовать темные силы фашизма, и Божие всемогущество явилось над мнимой силой человеческой» [9].

Интересно заметить, что в 1945 году главный православный праздник — Пасха Христова — совпал с днем почитания Георгия Победоносца (6 мая) и непосредственно предшествовал Дню Победы. Георгий Победоносец — воин-святый, победитель дракона, олицетворяющего зло. Германская капитуляция была подписана ровно в середине Светлой седмицы Пасхи полководцем также с именем Георгий (Жуков)! [9].

В пасхальную ночь действующие церкви Тульской епархии были переполнены верующими и не могли вместить всех желающих раз-

делить радость Христова Воскресения. По достоверным данным, на службе в храме святых Двенадцати Апостолов присутствовало 5 тысяч верующих, во Всехсвятской церкви — 8 тысяч, во вновь открытых храмах: Казанском — в селе Дубики Ефремовского района — 6 тысяч, Иоанно-Предтеческом — в поселке Епифани — 5 тысяч верующих [10].

В дни Светлой седмицы в храмы приходили не только взрослые, но и дети. Это был поистине праздник православного народа, праздник победы добра над злом, истины над ложью и лицемерием, веры над неверием.

Роль Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны это не что-то обособленное, что ставится ей в отдельную заслугу или кому-то в упрек. Эта роль той части народа, которая помнила не только о своей Родине, но и о Христе, и пронесла эту веру как знамя. Это означало, что русский человек сражался не только за некие политические идеалы, не только за мировой коммунизм, но и за мировую любовь — любовь к тому, кто ждет тебя дома, кто ест с тобой из одной миски, лежит в одном окопе, кто вчера был с тобой, а сегодня его может уже и не быть. Мы можем прочесть в Евангелии: «Нет большей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). И все это соединилось в едином народном порыве и дало нам возможность выстоять и победить!

Литература

1. Патриарх Сергей и его духовное наследство // под ред. И.И. Иванова. М.: Московская Патриархия, 1947.
2. Трофимчук Н.А. История религии в России. М: РАГС, 2002.
3. Права человека в России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.hro.org/node/6330>
4. Тульский синодик. 1568–2009. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://paremia.orthodoxy.ru/Library/sinodik2.pdf>
5. Сайт Тульской епархии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tulaeparhia.ru/hrami/277.html>
6. Журнал Московской Патриархии. 1943. №4.
7. Сайт Отдела по благотворительности и социальному служению Тульской епархии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://deloblago.ru/news/poklonimsja_velikim_tem_godam/2011-05-21-75
8. Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/64694.html>
9. Богославие Завета. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.Boguslava.ru/viewtopic.php?id=1108>
10. Коротков Е.А. Епархиальная жизнь Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны: Дипломная работа. Тула: ТДС, 2008 // Архив Тульской Духовной семинарии.

СОРОК ПЕРВЫЙ — ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

*Ростовцев Григорий Романович, 21 год,
студент 4 курса естественно-научного факультета
Тульского государственного университета.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

*Вспомните, ребята,
Вспомните, ребята, —
Это только мы видали с вами,
Как они шагали
От военкомата
С бритыми навечно головами*
Д. Сухарев

Это строки одной из любимых песен моего деда Ростовцева Николая Михайловича, которому в 1941 году было 6 лет. Он родился в старинном купеческом городе Ельце и был одним из четырех детей в семье. Жили в центре города, на улице Советской. Когда началась война, шестилетний Коля обитал у своих дедушки с бабушкой (моих прапрадедушки и прапрабабушки) в доме напротив, что рядом с храмом, увенчанным хрустальным крестом. Их незамужняя дочь Анна Ильинична работала секретарем в суде. Именно с нею был связан один из потрясших мальчика эпизодов, связанных с первым днем оккупации Ельца.

Когда немцы стали подступать к городу, Анна Ильинична принесла домой с работы пишущую машинку и спрятала в подполе — погребе, расположенном под полом. Одна из соседок знала об этом — трудно было что-либо утаить в жилье с общим коридором, где вся жизнь проходила на глазах у соседей. Когда немцы вошли в Елец, она стала шантажировать тетюшку:

— А как ты думаешь, что будет, если немцы узнают о спрятанной машинке, зачем она тебе?

Конечно же, обе понимали, что это грозит расправой, пишущая машинка — серьезная улика; с ее помощью можно вести пропаганду и агитацию, печатать и размножать листовки, сводки о положении на фронтах, материалы для подпольной работы, да мало ли еще что...

Вскоре в их комнату в бараке ворвались двое немцев и финн — злые, огромного роста, страшные, пьяные, небритые, голодные (так показалось маленькому мальчику) — они рыскали в поисках провианта и ночлега. Комната была маленькая. На лежанке лежала боль-

ная старая бабушка, дед сидел за столом, Коля забился в угол ни жив, ни мертв.

— Яблоки, хлеб?.. — обратился к деду один немец по-русски.

— Какие яблоки в декабре? — то ли самому себе, то ли немцу вопросом на вопрос буркнул дед.

Финн, увидев на деде валенки, потребовал снять их. Но дед был маленького роста и валенки, соответственно, оказались маленькие — при-

Коля Ростовцев (слева)

мерно 39-го размера, как женские. От досады здоровенный финн схватил старика за шиворот, рванул с табуретки, встряхнул так, что тот чуть ли не повис в воздухе. Затем отшвырнул в сторону, дед упал на пол. Видимо, разочарованный, финн резко развернулся и в одно мгновение очутился около лежащей бабушки. Лицо его было страшно от злобы. Он что-то сказал немцу и замахнулся так, будто желая бабушку заколоть. Но немец, покачал отрицательно головой и спешно отодвинул его руку со штыком в сторону.

В общем, обошлось: не убили, не покалечили, на ночлег не остались, а взять было нечего.

Можно ли описать, а тем более представить, ощутить весь тот ужас шестилетнего ребенка, живущего без родителей (отец еще с финской войны был на фронте), когда он увидел почти на уровне своих глаз «знаменитый» немецкий сапог, подбитый 32-мя гвоздями? Сапог, ступивший в его дом, в его маленький мир; сапог, оттолкнувший старого, немощного, сторбленного от возраста деда в угол комнаты и угрожающий раздавить его, маленького мальчика Колю...

А бомбежка, уличные бои?.. Дед говорил, что от страха все жильцы (на этаже жили четыре семьи) выходили в общий коридор, чтобы быть вместе. Сидели перепуганные, не шелохнувшись, и завидовали семье глухонемых соседей (мужа с женой), которым неведом был ужас рева и грохота, раздирающего душу и угрожающего в одно мгновение оборвать жизнь.

Думаю, дедушка описал бы свои детские впечатления о тех днях лучше, но в прошлом году он не смог это сделать из-за болезни, сказал: «Не могу — тяжело, ком подкатывает к горлу, когда вспоминаю все это». А в этом году его не стало...

Оккупация Ельца продолжалась пять дней. 9 декабря 1941 года наши войска во главе с генерал-лейтенантом Костенко разгромили немецко-фашистские войска и заняли Елец. Николай Михайлович рассказывал, что все тогда говорили о Рокоссовском, будто видели

его в городе. И еще о том, что финны в Ельце отличались большей жестокостью, чем немцы. А также о том, что не верили листовкам, которые немцы разбросали с самолета в конце ноября над Ельцом с текстом «МОСКВА, ЕЛЕЦ — ВОЙНЕ КОНЕЦ!».

...Я родился в Туле, в доме № 84-а по проспекту Ленина, который старожилы называют «профкорпусом» (потому что построен он был для профессорско-преподавательского состава и сотрудников Тульского механического института, открывшегося в 1930 г.). В этом доме жили мой дед и прадед. Уже внешний облик этого дома и место, где он расположен, напоминают о том, что здесь проходил передний край обороны Тулы. На фасаде дома видны вертикальные рельсовые скрепы — говорят, что в дом в 1941-м попал снаряд и его поэтому укрепили при восстановлении.

Между нашим домом и вторым корпусом института возвышается на постаменте орудие с табличкой, на которой написано:

*«Здесь в ноябре-декабре 1941 года
вели успешные бои с немецко-фашистскими захватчиками
батареи 732-го зенитно-артиллерийского полка.*

*Установлено
в ноябре 1966-го».*

Первый раз я залез на это орудие, когда мне было тоже 6 лет (как и моему деду в сорок первом), одолеваемый вопросами: «что это?», «зачем оно здесь?» и «как оно устроено?».

Потом я ходил в школу №58 имени Г.А. Агеева, которому 8 мая 1965 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Григорий Антонович был назначен комиссаром Тульского рабочего полка 28 октября 1941 г. постановлением Тульского городского комитета обороны, а погиб в один из самых тяжелых дней обороны Тулы 30 октября [1, с. 28].

Многие близлежащие улицы имеют названия, также напоминающие о военной истории города, его защитниках и героях. Это улицы Тульского рабочего полка, 9 Мая, Агеева, Болдина, Вознесенского, Волнянского, Жаворонкова, Оружейная... Каждый день с самого рождения я хожу по этим улицам. Площадь Победы видна из окна дома, в котором я живу сейчас. Все это приближает те далекие дни, когда 70 лет тому назад началась Великая Отечественная война, и не дает забыть историю.

Хотя надо признаться, мы не всегда знаем, почему возникло то или иное название. Так, к примеру, я совсем недавно узнал, что Григорий Матвеевич Волнянский был командиром огневого взвода 6-й защитной батареи того самого 732-го зенитно-артиллерийского полка и погиб смертью героя. «Под руководством бесстрашного, молодого, преданного делу партии Ленина командира, — написано в наградном листе, — батарея утром 30 октября встретила огнем колонну вражеских танков в количестве до 40 машин, которая двигалась по Орловскому шоссе к Туле.

Благодаря уменью и мужеству, презрению к смерти и героизму лейтенанта Волнянского ни один танк в город не прошел» [1, с. 40–41]. Двумя зенитными 85-мм орудиями было разбито прямой наводкой в упор 14 танков Гудериана. Остальные повернули обратно. Некоторые немецкие танки находились в 50–70 м от расчетов зениток. Многие зенитчики были убиты и ранены, Григорий Волнянский погиб в 8 час.50 мин. 30 октября, защищая ключевой южный рубеж обороны Москвы. Ему было всего 20 лет — почти на два года меньше, чем мне сейчас.

Неподалеку от улицы Волнянского находится улица Вознесенского. Интерес к личности нашего знаменитого земляка председателя Госплана СССР Николая Алексеевича Вознесенского и его брата, ректора Ленинградского университета Александра Алексеевича возник у меня, благодаря книге «Мы помним...» [2, с. 31–42; 3, с. 42–50]. Когда началась война, всего за несколько дней под руководством Н.А. Вознесенского был разработан народнохозяйственный мобилизационный план на третий квартал 1941 г. вместо принятого ранее мирного плана развития экономики. А 16 августа 1941 г. уже был одобрен ЦК ВКП(б) и СНК СССР военно-хозяйственный план на четвертый квартал года и на 1942 год для районов Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Это стало военной программой, способной обеспечить победу над врагом и на фронтах, и в экономике.

Поражает энциклопедическая образованность Николая Алексеевича, высокий профессионализм и работоспособность: без устали он работал почти круглыми сутками, забыв обо всем, что не касалось вопросов войны, дел на фронте. Когда гитлеровские войска подошли к Москве, не было ни одного человека, который бы не волновался за судьбу столицы, судьбу Родины. К Вознесенскому часто приходили самые разные люди, в том числе мирных профессий, с предложениями оборонного характера. Каждый старался помочь. В годы войны Вознесенский в ранге Первого заместителя Председателя СНК был членом Государственного Комитета Обороны (ГКО).

В соответствии с решением ГКО в Туле 22 октября 1941 г. был создан Тульский городской комитет обороны под председательством В.Г. Жаворонкова, первого секретаря обкома партии. Василий Гаврилович в те октябрьские, самые тяжелые для Тулы дни отвечал за оборону и по партийной, и по военной линии, так как 1 декабря 1941 г. он был утвержден также членом Военного Совета 50-й армии. Удивительно, что Жаворонкову тогда было немногим больше 30 лет. Такая ответственность свалилась на его плечи!

А 50-й армией с ноября 1941 г. по февраль 1945 г. командовал Болдин. Каждый день, чтобы попасть в университет, я иду по улице Болдина. В конце июня сорок первого Болдин получил приказ организовать контрудар по немецким войскам силами конно-механизированной группы, в

состав которой входили четыре танковые и две моторизованные дивизии, потом, с октября, командовал 19-й армией до назначения в 50-ю армию. В апреле 1945 Иван Васильевич Болдин был назначен заместителем командующего 3-го Украинского фронта. После войны командовал армией, войсками Восточно-Сибирского военного округа, был 1-м заместителем командующего войсками Кавказского военного округа.

Тула — древний город, об истории которого рассказывают дома, памятники, улицы. О сорок первом в ней тоже есть своя страница, которую смогут прочитать будущие поколения.

Литература

1. Битва за Тулу. Сборник документов и материалов. Тула: Приокское книжное издательство, 1969.
2. Вознесенский Л.А. Стратег экономической победы СССР в Великой Отечественной войне и восстановления народного хозяйства // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений /под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула, 2010.
3. Вознесенский Л.А. Один из самых достойных сынов России // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений /под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула, 2010.
4. Колотов В.В. Николай Алексеевич Вознесенский. М.: Политиздат, 1974.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ПЯТИЛЕТНЕГО РЕБЕНКА

*Лепендина Анастасия Андреевна, 17 лет,
студентка 1 курса Тульского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

Счастье. Именно с этого слова я хотела бы начать свою работу о войне. Потому что к счастью стремятся все люди. Нет войны — уже счастье. А счастье — это живым вернуться домой, увидеть близких, знать, что все кончилось. Война — это всегда горе. Горе человека, семьи, поселка, города, страны, мира. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. унесла жизни 26,6 миллионов советских людей. В России нет ни одной семьи, которую бы обошла стороной война, не принесла горе. Моя семья — не исключение.

В войну погибли родители моей бабушки, Запрудневой Анны Михайловны, которая до самой смерти так и не узнала, где похоронены ее мать и отец. Муж бабушкиной тети — Власов Константин Иванович — попал в плен к немцам, а после этого был объявлен врагом народа. Дедушка моего папы, Мосолов Алексей Васильевич, войну начал с битвы за Сталинград и прошел до Кенигсберга. Там был ранен и демобилизован на родину.

Но рассказать я хотела бы о войне, какой ее запомнил пятилетний мальчик — мой дедушка, Прощалыкин Виктор Григорьевич. Родился он 1 сентября 1936 года в деревне Моховое Богородицкого района.

После ожесточенных боев 1941 года немцы оказались в Моховом. Оккупация длилась с 15 ноября по 15 декабря 1941 года. Сожжено и разрушено было 3097 жилых домов [1].

Боевых действий в деревне не было, но она послужила пристанищем для врага. Видя беспомощность детей, женщин и стариков, немцы вели себя более-менее спокойно. Селились не во все дома — выбирали те, что чище, больше, уютнее. Получилось так, что моему дедушке пришлось пожить под одной крышей с врагом. В доме жили две семьи — дед моего деда (Григорий) и его брат. На половине деда Гриши и расположились немцы.

Дедушка часто наблюдал за врагами с русской печки. Однажды это заметил немец, ему это очень не понравилось, и он крикнул на маленького ребенка, который так испугался, что едва ли не упал от страха со своего убежища.

Когда немцы стали отступать, начались настоящие беды. Враги начали жечь дома, отбирать еду и одежду. В память дедушки врезался один случай.

Когда поджигали дома, людей из них выгоняли. По соседству с нашим домом жил крепко сложенный, но недоразвитый мужик. Он начал упираться, сопротивляться и, обладая недюжинной силой, откинул за шиворот немца. Тот немедля заколол его пикой. И это на глазах у детей, стариков, родственников.

Из колхозов района фашисты забрали 407 лошадей, 430 голов крупного рогатого скота, 490 свиней, 430 овец, около 12000 домашней птицы. Немцы сожгли и расхитили свыше 2200 копен необмолоченного хлеба, 4122 центнера зерна, свыше 19 тысяч центнеров сена. Отнимали все, что лежало в сундуках, комодах, висело на стенках, раздевали и разували население района. Тащили все, что только видели. Грабежу подверглись 3974 семьи [1].

14–16 декабря весь Богородицкий район был освобожден войсками 10-й армии под командованием генерала Филиппа Ивановича Голикова.

Я долго удивлялась, как мог пятилетний мальчик запомнить все, что с ним произошло. Возможно, это хорошая память, а скорее всего,

слишком яркими, потрясшими разум и душу были события, развернувшиеся на глазах у ребенка, а потому и стали они незабываемыми.

Литература

1. <http://www.bogoroditsk.ru/articles/index.php?t=1&art=85>

ИЗ БАБУШКИНЫХ РАССКАЗОВ О ВОЙНЕ

*Игнатова Анастасия Владимировна, 19 лет,
студентка 3 курса Тульского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г.Тула*

Война 1941–1945 гг. была наиболее тяжелой и кровопролитной в истории русского народа. По масштабам использованных человеческих и материальных ресурсов, ожесточенности и напряженности боевых действий, своим результатам эта война явилась самым крупным военным столкновением в мировой истории. Безусловно, Великая Отечественная война затронула каждую семью Советского Союза, для многих стала трагедией. Мне хотелось бы рассказать об истории моих бабушки и дедушки, которые на войне познакомились, а позже зарегистрировали свой брак, продлившийся 48 лет.

Я не могу не восхищаться своими родными, так как их поступки действительно вызывают гордость и уважение. Моя бабушка, Мартюшова Валентина Ивановна, попала на фронт обманным путем: специально указала неправильный возраст в документах (сделала себя старше). Ее неимоверное желание участвовать в борьбе с врагами было настолько велико, что она не побоялась ни бесконечных вооруженных действий, ни тяжелейших военных условий. Она рассказывала, что каждый боец приспособливался к трудностям как мог, все помогали друг другу. Например, женщины в их роте отдавали часть своего пайка бойцам-мужчинам, понимая, что те тратят больше сил и, соответственно, больше хотят есть, а также чинили им одежду.

Слушая об этом, понимаешь, что роль женщины как хранительницы домашнего очага даже в такой сложный период времени сохранялась. Поэтому особенно тяжело бабушке было видеть детей, так жестоко убитых фашистами. Меня поразил ее рассказ о «мертвых колодцах». Их рота остановилась в небольшом населенном пункте, бойцы хотели набрать воды, но, открыв крышку колодца, они увидели трупы людей,

в их числе были и дети. Таких колодцев было несколько, и все они были наполнены человеческими телами.

Жестокость фашистских захватчиков не имела никаких границ. Это подтверждается огромным количеством детских концлагерей на территории Европы, некоторые из которых находились в Латвии, один из них — лагерь Саласпилс, где немцы загубили не менее 7000 детей. Очевидцы этих событий рассказывали, что отобранных детей в возрасте до 5 лет помещали в отдельный барак, там они заболели корью и массово умирали. Больных детей уносили в больницу лагеря, где их купали в холодной воде, от чего они через день-два умирали. У здоровых детей забирали кровь для немецких госпиталей. Так в Саласпилсе немцами было умерщвлено детей в возрасте до 5 лет более 3 000 в течение одного года. По показаниям свидетелей, бывших заключенных Саласпилсского концлагеря, только с конца 1942 и до весны 1944 года через этот лагерь прошло более 12000 детей. Их привозили из оккупированных немцами восточных земель России, Белоруссии, Украины. Попадали дети в Латвию вместе с матерями, где их потом насильно разлучали. Матерей использовали в качестве бесплатной рабочей силы. Детей постарше привлекали к разного рода подсобным работам. По данным Народного Комиссариата просвещения ЛССР, расследовавшего факты угона мирного населения в немецкое рабство, известно, что из концлагеря Саласпилс на 03.04.1945 г. за время немецкой оккупации были распределены 2802 ребенка:

- 1) по индивидуальным хозяйствам — 1564 чел.;
- 2) в детские лагеря — 636 чел.;
- 3) взяты на воспитание отдельными гражданами — 602 чел. [1].

Список составлен на основе данных картотеки Социального департамента внутренних дел Латвийской генерал-дирекции «Остланд». На основе этой же картотеки было выявлено, что детей заставляли работать с пятилетнего возраста. И это лишь малая доля примеров бесконечных издевательств над детьми со стороны фашистских оккупантов.

Военная биография моего дедушки, Мартюшова Григория Николаевича, началась в 1938 году на Халхин-Голе. За заслуги перед Отечеством он был удостоен ордена Красной Звезды и других боевых наград. К моему огромному сожалению, я не застала дедушку, он умер задолго до моего рождения. Но память о нем, о его подвигах живет в нашей семье. Особенно мне запомнился один факт. Часть, в которой служили мои бабушка и дедушка подверглась сильным атакам противника с воздуха. Бабушка, укрываясь от бомбежки, залезла под телегу, не подумав о том, что враг прежде всего стреляет по заметным объектам. Дедушка едва успел ее вытащить, как сразу после этого телега взорвалась. Таким образом, он спас ей жизнь. Впоследствии они поженились и прожили долгую, счастливую жизнь вместе.

Война оставила огромный отпечаток в их жизни. Они всегда с болью в сердце вспоминали о тех событиях, о погибших фронтовых това-

рищах. Бабушки уже нет в живых, но ее фронтовые рассказы я буду помнить всегда и обязательно поведаю о них своим детям, чтобы они знали, *какой* ценой досталась наша Великая Победа.

Литература

1. *Яков Плинер*: 65-е лето без войны. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.news.ramler.ru>

МОЙ ДЕДУШКА МОРОЗ — МОРОЗОВ

*Мороз Вера Сергеевна, 21 год,
студентка 5 курса Тульского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Филиппова Г.В.,
г. Тула*

Часто мальчик Гриша бегал к величавой речке Южный Буг. По его берегу, словно одна улица, простиралось село Копытенцы. По весне оно становилось цветущим садом: яблони, сливы, вишни... До войны там было 180 дворов.

В семье Антона Прокоповича и Анны Васильевны Мороз было четверо детей: три сына и дочь. Анна Васильевна — полевод колхоза, Антон Прокопович — конюх. Трудодень в колхозе невесом. Богаче соседние села — Щедрово и Сусловцы. Там сахарный завод. Но всех одинаково мерил 33-й голодный год.

— Что только не претерпели мы в тот страшный год, — вспоминал Григорий Антонович Мороз. — Помню себя с двух лет... У нас был сад, но самый большой — у Степана Васильевича Горбатюка. Его дети нас угощали разными фруктами.

В Копытенцах мальчик Гриша окончил пять классов.

В войну гитлеровцы быстро дошли до города Летичев Хмельницкой области. При немцах колхозный строй не умер.

От коменданта пришло предписание: нужны молодые и здоровые люди для выполнения экстренного задания. В списке был и Григорий Мороз. Однако Гриша на первый раз сумел скрыться. Отправился к двоюродной сестре Марфе Коломиец, чтобы помочь ей выкопать картофель. Ночью вернулся домой.

Вскоре последовал второй этап отправки в Германию. Запретили отлучаться в чужие села — грозили расстрелом. Да и там тоже такие порядки. Забрали копытенцев Лариона Ревуцкого, Лидию Коновалову, Григория Мороза. Спешно, под охраной, как скот, гнали в Летичев.

Вот и повозки, запряженные парой лошадей. Путь взят на железнодорожную станцию Комаровцы. Здесь ждут несколько вагонов. В пути еще прицепят товарняки.

Германия. Место красивое. Хозяева выбирают живой «товар».

Отправили Григория Мороза в лагерь № 20. Вблизи радиозавод — его заставили таскать кирпич. 250 граммов хлеба да баланда. В лагере

*Григорий Мороз.
Осень 1945 г.*

№ 20 несколько ворот: женщины, иностранцы и «ОСТ» (узники из Советского Союза). Рядом концлагерь — у узников полосатая форма. У столовой виселица. Правда, никто не заметил, чтобы виселица применялась. Сюда мог угодить вор или пытавшийся сбежать...

На получение обеда заранее выдавали номерные железки. Токарь Ларион Ревуцкой выточил номерочки-фальшивки. Он дал три номера и своему другу детства Морозу. И Григорий Мороз однажды пообедал дважды. На этот раз при подсчете оказалось шесть лишних номеров. Делом занялось гестапо. Зашли в барак. Григорий Мороз спал на втором ярусе. Подняли халат, из кармана выпали два номера. Парнишку сунули в каморку, где хранились лопаты и метелки. Обнаружили и главного виновника — Лариона Ревуцкого.

Ему — тяжелая «профилактика». После этого Ларион стал чахнуть... и умер. За номерок претерпел муки и Анатолий Кошелюк.

На фабрике работал шофером старый (так казалось нам, молодым) немец Вилли. До Вилли дошло, что остарбайтер Мороз пострадал. Когда Григорий вышел на работу, разгружал и нагружал машины, Вилли старался незаметно дать яблоко или что-то съестное.

— И это помогло мне выжить, — вспоминал Григорий Антонович. — На фабрике немец Вилли говорил: «Ним эпфел» («Бери яблоко»).

Большим подспорьем был дикий щавель, его ели, им спасались от голода.

...Десятого апреля 1945 года лагерь освободили союзные войска. Эту местность взяли легко. Отступая, фашисты стреляли по лагерю.

50 дней на американском пайке. Жили в лагере, свободно ходили на волю. У всех узников на уме было одно: домой.

Наконец, вот и река Эльба. Григория Мороза переправили по понтонному мосту и передали советским властям. Он сидел у радиорупора, а перед несовершеннолетними выступал генерал Н.А. Петров.

— Вас Родина ждет, — начал Николай Андреевич, — братья, сестры, родители...

После в центральной газете будет опубликован некролог генералу Петрову. Григорий плакал.

Проверяющий на госпроверке спросил:

— Фамилия?

— Мороз.

— Что плетешь?! У меня мороз идет по коже. Твоя фамилия Морозов.

Проверяющий задавал вопросы. Григорий Мороз отвечал. Проверяющий записывал, потом Григорию дал лист бумаги и сказал:

— Напиши все так, как мне рассказывал. Не ошибись! А завтра мне отдашь.

Потом был пеший переход по пятьдесят километров в сутки до Кирова в Калужской области. Затем доставили на Узловскую шахту № 11. Бараки, нары двухъярусные. Командиры военные: капитан Бакалов и старлей Кацманн.

Грише было четырнадцать лет, когда немцы угнали его в Германию. По возвращении домой он считался врагом народа. Почему-то считалось, до четырнадцати лет — это дети, а после — уже взрослые, и если он позволил угнать себя — значит, враг. Плен наложил на деда отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Щавель, который спас их от голода, он ненавидел до конца своих дней. Боялся собак, особенно не любил овчарок — ими затравливали непослушных рабочих. Он всегда боялся неожиданных звонков в дверь, никогда не обращался к властям ни с какими просьбами. Всю жизнь проработал в шахте, с отбойным молотком в руках, по колено в воде. И иногда шутил:

— К немцам везли поездом, а на родину — пешком, через всю Европу...

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА А.А. РОГОЖИН

*Ефремова Мария Владимировна, 17 лет,
студентка 1 курса Тульского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

*Как улей, был класс встревожен.
Повсюду раскатыстый гул:
Проказник Алешка Рогожин
С разбегу в окно сиганул...*

В. Ходулин

С пятого класса я проводила экскурсии для школьников и гостей в музей боевой и трудовой славы при школе №39 города Тулы, в которой

училась. Особое чувство гордости охватывало меня, когда я останавливалась перед стендом о Герое Советского Союза Алексее Арсентьевиче Рогожине. Недавно моей родной школе присвоили его имя, и я хотела бы рассказать всем об этом удивительном человеке.

Будущий полковник в отставке родился 23 февраля 1922 года в городе Тобольске Омской области в семье рабочего. В конце 20-х годов семья переехала на постоянное место жительства под Тулу, в деревню Гостеевка Малёвского сельского совета. В 1929 г. Алексей пошел Малёвскую начальную школу, а с 1933 по 1939 гг. учился в средней школе №58 в г. Тула.

Окончив 8 класс, Алексей пошел учиться в ФЗУ при Тульском оружейном заводе. Освоил профессию слесаря-сборщика. Одновременно посещал Тульский аэроклуб, и в декабре 1940 года был зачислен курсантом Таганрогской военной авиашколы пилотов. 23 февраля 1941 года принял военную присягу. После окончания авиашколы, в

А.А. Рогожин

1941 году, был направлен в Краснодарское объединенное военно-авиационное училище. В 1942 году в качестве пилота-слушателя прошел курс обучения в 1-м отдельном учебно-тренировочном полку в городе Тамбове. В 1943 году был направлен на Калининский фронт. С января по ноябрь 1943 года Рогожин прошел путь от пилота до командира звена 673 штурмового авиаполка.

Полком, в который прибыл Алексей Арсентьевич, командовал майор Козлов. Каждого молодого летчика он проверял в полете лично сам: учил как правильно вести бой, атаковать, уходить от опасности, когда это требовала ситуация. В одном из тяжелых боев майор Козлов пал смертью храбрых. Рогожин написал на своем самолете: «Отомщу за майора Козлова!». Эту надпись он сохранил на борту своего штурмовика до последних дней войны.

Летом 1943 года дивизия, в рядах которой сражался Алексей Арсентьевич, принимала участие в Курской битве. В одном из вылетов, самолет Рогожина попал под обстрел. Молодой летчик маневрировал, как мог, но все же снаряд угодил в мотор самолета. Самолет терял высоту, а по дороге, куда он падал, шли советские танки. С большим трудом ему удалось дотянуть самолет до вспаханного поля и посадить его «на брюхо». Умелыми действиями, личным мужеством солдат спас советские танки и жизни танкистов.

Подлечив раны, он снова начал летать. В 1944 году окончил курсы усовершенствования штурмовиков ВВС Красной Армии в городе Пол-

таве и продолжил участие в войне в составе 142 штурмового авиационного полка 2-го и 1-го Украинских фронтов.

За годы войны Алексей Арсентьевич совершил более 100 боевых вылетов. Несколько раз был ранен, 6 раз был сбит. Вместе с тяжелым самолетом тонул на середине Днепра. Но, несмотря ни на что, остался жив. Дошел до Берлина. За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, Алексей Арсентьевич Рогожин был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» — в 1943 г., орденом Красного Знамени — в 1944 г., орденом Александра Невского, медалями «За освобождение Праги» и «За победу над Германией» — в 1945 г. и др.

А.А. Рогожин у своего самолета. 1943 г.

10 апреля 1945 года Рогожину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением Ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

Рогожин был поклонником певицы Лидии Руслановой. На одном из ее концертов Алексей Арсентьевич подарил певице кованую розу.

Дочь Алексея Арсентьевича рассказала мне о том, что летчик познакомился со своей будущей женой в 1945 году в Польше. Рогожин был контужен после падения с самолетом, а Евгения Ильинична была его врачом, она покорила сердце юноши своей строгостью. Завоевывал руку и сердце доктора Алексей целый год. Расписались они в Советском посольстве в Вене в мае 1946 года. На обручальных кольцах супругов была гравировка с их именами и датой 9 мая 1945 года.

После окончания Великой Отечественной войны Алексей Арсентьевич продолжил службу в армии в качестве командира авиационной эскадрильи 142-го гвардейского штурмового авиационного полка 2-й Воздушной Армии, затем учился в Краснознаменной Военно-воздушной академии Вооруженных Сил СССР. С 1955 года начал полеты на реактивных самолетах, служил в Таганроге, Приморском крае, Латвии,

Эстонии, Польше. В 1968 году уволился в запас и работал в Тульском городском комитете ДОСААФ, был ответственным секретарем Тульской секции Советского комитета ветеранов войны.

*После концерта Л.И. Руслановой.
Рогожин справа от певицы. Берлин. 1945 г.*

Герой Советского Союза гвардии полковник в отставке Алексей Арсентьевич Рогожин — заслуженный работник культуры РСФСР. Он

*С любимой женой Евгенией Ильиничной,
военным хирургом*

вел большую общественную работу, часто выступал перед молодежными коллективами с лекциями и докладами на военно-патриотическую тему. Жизнь его — пример истинного патриота, для которого судьба Родины превыше всего.

К сожалению, в 1992 году Герой Советского Союза, полковник в отставке Рогожин погиб в автомобильной катастрофе. Как жаль, что ушел из жизни такой отважный, смелый, отзывчивый, надежный человек! Мы всегда будем гордиться нашими героями!

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

*Кузина Мария Владимировна, 21 год,
студентка 4 курса Тульского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

Война не обошла стороной ни одну русскую семью, в том числе и моих родственников. Я хочу рассказать про семью моего дедушки Козлова Алексея Тимофеевича, которая жила в Ханинском районе (в настоящее время Суворовский район) в деревне Кочетовка. Когда началась Великая Отечественная война, моему дедушке только исполнилось 8 лет. В семье было четверо детей, на фронт ушли его папа, Тимофей Петрович, и 2 старших брата, Иван Тимофеевич и Семен Тимофеевич. Дома осталась мать с двумя младшими сыновьями.

Тимофей Петрович прошел всю войну, но, к сожалению, информации о его боевом пути у меня нет.

Первый, о ком хочу рассказать из семьи Козловых — Семен Тимофеевич. Пятнадцатилетним подростком он пошел работать учеником жестянщика на чугунолитейный завод, который с начала войны стал выпускать корпуса для гранат и крупнокалиберных зенитных снарядов. Работа нужная и важная, но пареньку было мало этого.

И весной 1943 года он добровольцем от комсомольского актива завода идет в армию. Семнадцатилетнего парня зачисляют артрязведчиком в группу «Кутузов», задачей которой был сбор сведений о противнике, оккупировавшем Тульскую, Калужскую, Орловскую и Брянскую области. Конечно, тогда члены группы не могли в полной мере и представить,

С.Т. Козлов

насколько большое дело они делали. И только позже стало известно, что разведанная «Кутузовым» информация дала возможность быстрее и с меньшими потерями освободить часть Тульской и Орловской областей.

Заметную роль разведгруппа, теперь уже в составе Первого Белорусского фронта, сыграла при подготовке знаменитой операции «Багратион», а затем при подготовке и осуществлении штурма Берлина. И везде Семен Тимофеевич нес боевую службу с честью, показывал мужество и стойкость русского солдата. На груди воина одна за другой появились боевые награды: два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, одиннадцать медалей и в том числе польская «Победа — Свобода». За умелую постановку воспитательной работы, за авангардную роль в бою и мирной учебе комсорг Козлов был принят в ряды ВКП(б) и награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

После войны он трудился в системе Минэнерго СССР. Участвовал в строительстве многих электростанций страны [1, с.1].

У второго моего родственника из семьи Козловых тоже была непростая судьба. Иван Тимофеевич, 1918 года рождения, после окончания Тульского механического техникума был командирован на строительство новой железной дороги. В конце февраля 1940 года был призван в ряды Советской Армии, в которой прослужил на разных должностях политработником. Войну Иван Тимофеевич встретил в 1941 году в Средней Азии. Его часть стояла на границе с Ираном, который в то время собирался вступить в войну против СССР. Но затем в октябре того же года их перебросили под Алексин, где Иван Тимофеевич впервые участвовал в бою.

29 октября 1941 года на яснополянскую землю вступили фашисты. 45 дней продолжалась ее оккупация. Дом великого писателя был превращен в казарму. В последний день пребывания в Ясной Поляне гитлеровцы разожгли костры в доме писателя, и лишь самоотверженными действиями деревенских жителей пожар был потушен.

Для освобождения Ясной Поляны от оккупации туда была направлена 217-я стрелковая дивизия 50-й армии, в которой служил и Иван Тимофеевич. Ему довелось участвовать в операции по освобождению усадьбы.

14 декабря началось отступление фашистов из Ясной Поляны. Отступая, они подожгли амбулаторию и все больничные постройки, школу-десятилетку со всеми пристройками. Погибло все оборудование. Бандиты пытались сжечь дом Толстого, разложив костры и облив их горючим в трех комнатах: спальне писателя, его жены С.А. Толстой и библиотечной. Чудом удалось спасти дом-музей: фашисты очень спешили, поэтому умчались, не дождавшись завершения своей работы. Усилиями сотрудников музея и молодежи дом удалось спасти от пожара. Кстати, за время оккупации немцами была уничтожена вся школьная библиотека в 18 000 томов — в большей части сожжена в печах или кострах, разложенных вокруг школы, а также частично расхищена. [2, с. 248–249].

Далее его боевой путь пролегал по Тульской области, затем он участвовал в Курской битве, боях подо Ржевом, освобождал Белоруссию, Польшу, проявил героизм при взятии Берлина [3].

Во время войны части Красной Армии испытывали нужду в боеприпасах и продовольствии. Иван Тимофеевич был направлен командованием в населенные пункты Тульской области для сбора продуктов питания для бойцов Советской Армии. Так получилось, что во время войны он побывал в родной деревне Кочетовка и ближайших к ней деревеньках. Его поразило то, что, люди, и так живущие бедно, отдавали армии последнее.

Война продолжалась. Как-то ночью Ивана Тимофеевича послали на выполнение задания. И неожиданно он провалился в полыню, намокшая одежда стала тянуть его под воду, но он не сдавался. На его счастье мимо проходили связисты, восстанавливающие связь. Они и помогли ему выбраться. Продрогший, он вернулся в часть, но что удивительно, на следующий день даже не было насморка. Как отмечают многие фронтовики, на войне почти не болели обычными болезнями (гриппом, простудой), в основном в госпиталях лежали с боевыми ранениями. На наши расспросы: «Кто был самым хорошим солдатом?» он отвечал: «Самыми надежными были русские (особенно сибиряки), белорусы и украинцы. Хорошо воевали и немцы, они были очень сильными, дисциплинированными, стойкими, умелыми противниками, тем достойнее наша победа над ними. Очень страшными были бои против власовцев. Они бились насмерть, зная, что наши в плен их не брали».

Особенно запомнилась Ивану Тимофеевичу войсковая операция по взятию Берлина. Немцы отчаянно сопротивлялись, бились за каждый дом. Чтобы сломить немецкое сопротивление, применялись различные приемы. Так Иван Тимофеевич участвовал в ночной операции, перед которой всем бойцам и командирам был объявлен приказ, чтобы они ни в коем случае не оборачивались назад. И вот когда начался бой, за спинами наших бойцов включили мощные прожекторы. Любопытные, обернувшись, навсегда ослепли, а немцы потеряли ориентир в пространстве. Ослепленные и напуганные враги не смогли сопротивляться, и лишь единицы не растерялись, но это ничего не решало.

Немцы сопротивлялись, даже когда Германия подписала акт о капитуляции (8 мая) и командование обратилось к своим войскам прекратить сопротивление. Иван Тимофеевич в Берлине встретил День Победы и еще долгих 3 года там служил в частях Советской Армии, обучал молодых бойцов и поддерживал порядок в Берлине. За свои заслуги перед Отечеством брат моего дедушки был награжден орденом Отечественной войны I степени «за выполнение заданий командования на фронте в борьбе с немецкими захватчиками», орденом Красной

Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы» и другими.

Хочется отметить, что все трое воевавших Козловых прошли всю войну, вернулись домой живыми.

Литература:

1. Районная газета города Суворова «Светлый путь», май 1990.
2. Акт комиссии Академии наук СССР о немецко-фашистских злодеяниях в Ясной Поляне от 27 декабря 1941 г.// Битва за Тулу. Сборник документов и материалов. Тула: Приокское книжное издательство, 1969.
3. Архивные документы Областного военкомата города Тулы.

ВСТРЕЧА С В.Н. КОРОЛЬКОВЫМ

*Загудалова Александра Романовна, 19 лет,
студентка 2 курса Тульского филиала РГТЭУ.*

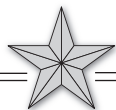
*Научный руководитель — Ростовцева Л.И.,
доктор социологических наук, профессор,
г. Тула*

Давно закончилась Великая Отечественная война, прошло уже 70 лет со времени героической обороны моего родного города Тулы. Но интерес к этим событиям не угасает до сих пор.

Однажды в университете нам объявили о встрече на заседании научного студенческого кружка с ветераном войны, прошедшим огненными дорогами Великой Отечественной от обороны Тулы осенью сорок первого до победы в мае сорок пятого. Это был Василий Никифорович Корольков, который начал свой рассказ о пережитом со слов: «Война — страшное слово».

«Родился я 14 января 1924 года, в деревне Казачье Щекинского района Тульской области, — продолжал ветеран свой рассказ. — Родители, бабушки, дедушки мои — коренные крестьяне, вся жизнь которых прошла в деревне, поэтому с самого рождения я был неразрывно связан с сельским хозяйством, с природой». Именно это, по мнению Василия Никифоровича, помогает ему в жизни: «Я так долго живу, потому что деревенский!».

В 1940 году Василий Никифорович закончил 7 классов. Он мечтал пойти учиться на летчика, однако судьба распорядилась иначе — даль-

нейшее образование получил он в школе ФЗО при Тульском патронном заводе, которую закончил по специальности «механический слесарь».

«...И ведь все было замечательно до войны: в деревнях стали проводить свет, появились трактора, жизнь налаживалась! А тут 22 июня...»

В это воскресное утро Василий Никифорович, как обычно, шел на работу, на завод. Естественно, он не думал о том, что этот день войдет в историю как самый страшный день, что он изменит жизнь всех и каждого...

«Несмотря на то, что уже почти два года шла Вторая мировая война, русский народ не ожидал нападения, тем более внезапного. А на заводе я услышал объявление Молотова о войне. И тогда все повесили головы, почувствовав невероятный страх, смятение на душе.

В первое время настроение у людей было разным. Кто-то, уходя на войну, обещал: «Вернемся с победой!». Было огромное желание скорее разбить врага. И это желание помогало людям победить страх и неуверенность. Кто-то был растерян, не верил в победу. Однако боевой дух постепенно крепчал. Не последнюю роль в этом сыграло и выступление Сталина 3 июля 1941 года, который заявил: «Враг будет разбит! Победа будет за нами!». Объединяли людей и лозунги: «Все для фронта! Все для победы!».

Война для Королькова началась 2 октября 1941 года, когда они с другом осуществили свою мечту — присоединились к строю солдат, идущих по проспекту Ленина в Туле, и оказались в расположении 732-го зенитно-артиллерийского полка.

В ту осень, когда немецко-фашистские захватчики устремились к Туле, Василий Никифорович вместе с другими туляками принимал участие в строительстве оборонительных сооружений на подступах к городу. Приходилось рыть окопы, подвозить на запряженной лошадью подводе лопаты и другой инвентарь, доставлять бутылки с горючей смесью от ликеро-водочного завода на огневые позиции и к бронепоезду №16 в Криволучье.

«Фашисты Тулу не взяли. Крепко их побили под Тулой и Москвой! Не смогли противостоять они нашим «катюшам»! Немцы от наших

*Встреча с В.Н. Корольковым
в Тф РГТЭУ*

спасительниц были в ужасе. Я рад, что внес тоже свой посильный вклад в победу над врагом», — с гордостью сказал В.Н. Корольков.

В Красную Армию Василий Никифорович был призван 17 августа 1942 года. Его направили в Горький, в 10-й танковый учебный полк, где он получил специальность радиста-пулеметчика танка Т-34. Во время участия в прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 г. был ранен. После лечения в госпитале направлен в Винницкое пехотное училище, которое базировалось в Суздале. Затем воевал на Брянском фронте; в составе 247-го стрелкового полка 84-й стрелковой дивизии участвовал в Орловской операции, явившейся частью Курской битвы. Медаль «За отвагу» Василий Никифорович получил за героизм, проявленный в боях на Курской дуге.

После освобождения Брянска 17 сентября 1943 г. дивизию перебросили на 1-й Прибалтийский фронт. За освобождение г. Городок Витебской области последовала еще одна награда — медаль «За боевые заслуги». За успешные военные действия под Ригой 13 октября 1944 г. и подбитый немецкий танк — орден Красной Звезды и назначение старшиной батареи.

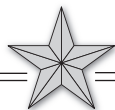
Было ли страшно? «Было! — откровенно признается ветеран. — А также были и жесткие приказы, и постоянный недосып, и материнские письма с молитвами, которые она присылала на фронт». И хотя в Бога ветеран не верит и не признает ничего сверхъестественного, но в душе вера была всегда! Вера в победу, в любовь русского народа к Родине, в фронтовую дружбу...

9 мая 1945 г. Василий Никифорович встретил в литовском городе Салдус. Запомнилось ему всеобщее ликование. В ноябре он был демобилизован по ранению.

Но вся жизнь оказалась связана с армией: 8 лет срочной службы, 20 лет офицерской. Где только не был! Служить пришлось и в Германии, и в Польше, и в Грузии... И даже после того как в 1970 г. майор Корольков уволился в запас, еще более двадцати лет преподавал в средней школе №1 г. Тулы военное дело.

В конце встречи ветеран шутливо добавил: «Да я и сейчас годен в армию! Только хожу плохо». Эта фраза поразила всех. Наверное, после этих слов все поняли, что стойкость, оптимизм, непроходящая любовь к Родине, преданность ей у русского человека в крови, их не сотрет время, не уничтожат трудности... Именно это и помогло выстоять в годы войны.

...А мой сокурсник Иван Матвеев под впечатлением этой встречи даже написал стихотворение.

СПАСИБО ВАМ

*Матвеев Иван Викторович, 18 лет,
студент 2 курса Тульского филиала РГТЭУ,
г. Тула*

Спасибо вам за то, что защитили.
Цена победы была очень велика...
Спасибо вам, ведь вы не отступили.
Спасибо вам за твердость воли и штыка.

Монетой крови за свободу заплатили,
За жизнь, за будущее русских сыновей.
И дочерей своих вы грудью заслонили,
Спасая жизни будущих детей.

Из года в год мы почитаем память тех,
Кто не вернулся, не вернется никогда...
Но сколько б времени не минуло, хоть век,
Мы помним, будем помнить навсегда.

Глава 10. Горжусь подвигом дедов и прадедов

А БЫЛА ЛИ ПОБЕДА?...

*Лопаткина Марина, 22 года,
студентка 4 курса Пермского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Бабошкина М.И.,
г. Пермь*

Однажды я слышала историю: юноши и девушки сидели в парке, разговор у них зашел про Великую Отечественную войну. Они спорили, кто же победил. И одна девушка очень громко доказывала, что победили американцы! Мимо проходила пожилая женщина, услышала часть спора, подошла и плюнула той девушке в лицо. Знаете, я бы тоже плюнула! Не знать свою историю, историю своей страны — это ужасно! Должно быть стыдно и горько. И не только тем, кто не знает, но и тем, кто не объяснил молодежи, что такое Великая Отечественная война и что такое — Победа в ней.

Моя бабушка стала сиротой в 12 лет в эту страшную войну: ее отец ушел на фронт и пропал без вести. Именно от бабушки я узнавала подробности тяжелой жизни тех лет. Мужчины уходили воевать. А женщины и дети работали на износ, у них оставались только вера и надежда. И память о тех, кто уже не вернется...

Все меньше становится ветеранов. Понимание того, какой подвиг совершила наша страна, приходит только тогда, когда есть люди, которые могут об этом рассказать. Фильмы могут не смотреть, книги — не читать, но если тебе рассказывает о войне тот, кто был ее участником, кого ты уважаешь, все меняется. Ты начинаешь сопереживать и гордиться их подвигом.

Митинги, посвященные Победе, заставляли меня гордиться, ведь всегда я аплодировала не просто ветеранам, а еще и своим любимым бабушке и дедушке. Все ветераны вправе требовать от нас уважения за свои подвиги. Но они не требуют, они просто живут. Они думают, что подвига никакого не было, ведь так жила вся страна! Но так ли это?! Малые подвиги каждого сливались в огромный подвиг всех и для всех.

Сейчас все чаще говорят о войнах. Вспоминают и предрекают новые. И неясно, как поведут себя наши сограждане, если развяжется война сейчас. Будут ли они так же самоотверженны, будут ли они так же биться до последнего? Печально, что возникают такие вопросы!

У каждого человека должна быть гордость за свою Родину, ведь другой у нас нет и не будет. Но где взять столь необходимый для нас патриотизм, если постоянно слышишь, что «они» лучше нас, «они» умнее нас. Почему мы с этим так легко соглашаемся? Почему мы готовы забыть все лучшее, что сделала и делает наша страна? Ответить на эти вопросы нам жизненно необходимо, чтоб никогда не возникал самый постыдный и глупый вопрос вроде: «Кто же выиграл войну?».

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ЖИЗНИ МОЕЙ СЕМЬИ

Фигурнов Михаил Викторович,
*студент 4 курса факультета вычислительной
математики и кибернетики МГУ имени М.В. Ломоносова,*

Симановская Микаэла Леонидовна, 71 год,
*кандидат экономических наук,
доцент факультета государственного управления МГУ
им. М.В. Ломоносова*

*Вы думаете просто
Дожить до девяности,
Но все-таки при этом
Остаться человеком?*

*Я был рожден с душой поэта,
Открытой для любви и света,
Но век, который я прожил,
Суровый облик наложил
На чувства, мысли и дела.
Не обошло то и меня...*

Л.Я. Симановский

«Я хочу рассказать военную историю из жизни моего прадеда Леонида Яковлевича Симановского, память о котором бережно хранится в моей семье. До войны мой прадед был преподавателем, одним из основателей Заочного института советской торговли (ныне РГТЭУ).

Мой прадед был призван в армию 23 июня 1941 года. Прабабушка не смогла проводить его на фронт, потому что сталинские законы запрещали самовольно уходить с рабочего места. Но в тот день на фронт их

не отправили, не хватило эшелонов. А те эшелоны, которые направили в сторону Ленинграда, попали под жестокую бомбежку и многие наши солдаты погибли. А на следующий день прабабушке удалось проводить

*Старший лейтенант
Л. Симановский*

мужа на фронт. И прадед писал, что он навсегда запомнил ее спокойное светлое лицо в большой толпе рыдающих женщин.

Он воевал на Калининском фронте и был помощником начальника штаба полка по тылу. В декабре 1941 года на этом направлении шли ожесточенные бои. Два раза полк деда был в окружении, его семья не получала от него вестей. В окружении солдаты боялись попасть в плен больше, чем погибнуть, потому что по сталинским законам семья попавшего в плен репрессировалась.

Прадед был очень мягким и интеллигентным человеком. Он вспоминал, что сначала стеснялся командовать солдатами и отдавал приказы так: «Товарищи солдаты, прошу вас, будьте добры, пожалуйста, стройтесь».

Но требования военного времени воспитывают людей, учат твердости и дисциплине. Прадед рассказывал, как трудно ему было навести порядок с раздачей еды, что было его обязанностью. Еда готовилась ночью, с провизией в окружении было плохо, бойцы подходили к котлу, кто когда хотел, в результате последние оставались голодными. Тогда прадед приказал, чтобы еду выдавали только на все подразделение в присутствии командира. И вот приходит солдат из разведки, весь обвешанный гранатами, и требует, чтобы его немедленно накормили. Повара посылают его за командиром. Он не хочет идти.

Тогда приходит прадед. Солдат ругается, кричит:

— Я в разведку ходил, жизнью рисковал, я сейчас и вас, и себя гранатой подорву!

Прадед ему спокойно отвечает:

— Это вы, конечно, сделать можете, но обед без командира не получите, таков приказ.

— Нет никакого командира, не знаю, где он! — кричит тот.

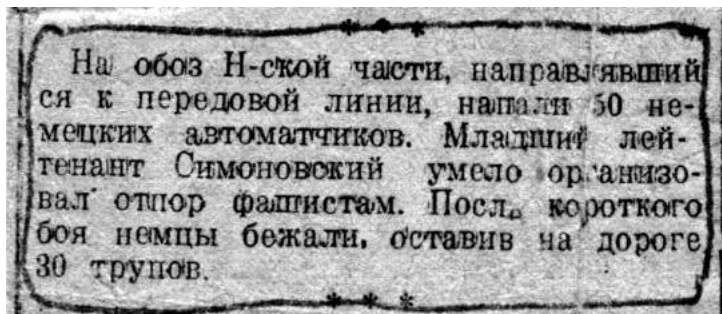
— Вы знаете устав? — спрашивает прадед. — Если на войне вы заметили, что командира нет, вы обязаны принять командование на себя. Принимайте командование!

После этого солдат спокойно пошел за своим командиром.

Прадед говорил, что ему было очень жалко этого солдата, он хотел его поскорее накормить, но понимал, что только строжайшая дисциплина сохраняет на войне жизни людей.

Полк, в котором служил мой прадед, участвовал в освобождении Калинина и после этого получил задание зайти немцам в тыл и помешать им отступать на Запад. Командир полка с бойцами быстро продвинулись вперед и заняли боевую позицию, а тыловые части отстали. В темноте на них напала большая группа немецких автоматчиков (50 человек). Полку угрожала опасность остаться без продовольствия, боеприпасов, медикаментов. Но прадедуська не растерялся, принял на себя командование и умело организовал отпор фашистам. Большая часть их была уничтожена, другие разбежались. Услышав стрельбу, на помощь прибежала группа командиров с бойцами, но атака уже была благополучно отбита. Командир полка обнял и поцеловал прадеда.

Вырезка из газеты — семейная реликвия

Четыре дня его полк, выполняя свою задачу, героически вел ожесточенные бои в полном окружении. Прадед командовал одним из участков полка. Прорвать наши позиции немцам не удалось. Советские солдаты отражали каждую попытку перейти в атаку, экономя при этом боеприпасы. Прадед увидел в бинокль группу немцев, обходивших их справа. Послал туда бойцов на перехват, а сам, став у куста, принялся стрелять из винтовки. Увидел, как падает один из немецких командиров, но тут заметил, что сам ранен — левая рука не держала винтовки, а в груди чувствовалась острая боль. Он пошел на перевязочный пункт, там выяснилось, что кисть руки раздроблена, а грудь иссечена рубцами. Прадеду сильно повезло — пуля скользнула по прикладу, перевернулась, и попала прямо в трофейное зеркальце в нагрудном кармане, что его и спасло.

Вечером к ним прорвалась наша дивизия, и окружение закончилось. Раненых отправляли в тыл. Уже в поезде, увозившем его в госпиталь, прадед узнал, что о нем была статья в фронтовой газете, а затем о нем было сообщение Совинформбюро от 7 января 1942 года. За этот подвиг его наградили орденом Боевого Красного знамени (это была третья по значимости награда в Советском Союзе в начале войны, она присуждалась людям, проявившим настоящую воинскую доблесть) и присвоили внеочередное звание старшего лейтенанта.

В это время моя прабабушка с семьей была в эвакуации в казахстанском городе Чимкенте. Она много месяцев ничего не знала о судьбе своего мужа, бывшего в окружении, посылала запросы, но ей ничего не могли ответить. И вот однажды, моя прапрабабушка услышала по радио среди казахской речи (русского радио там не было) фамилию «Симановский» и стала звать свою дочку: «Иди скорей, там передают про нашего Леню!». Прабабушка решила, что это ошибка, но в русских газетах они действительно прочитали сообщение Совинформбюро. Так семья узнала, что мой прадед жив и героически сражается.

Орден Боевого Красного Знамени и вырезка из газеты с сообщением Совинформбюро хранятся у нас дома как семейные реликвии».

За игрой в шахматы с правнуком

Это сочинение я написал в 2005 году, учась в 8 классе лицея информационных технологий. Мой прадед Леонид Яковлевич Симановский умер в 1998 году, когда мне было шесть с половиной лет, но я его люблю и помню, он меня учил играть в шахматы. В школе я пользовался воспоминаниями, написанными прадедушкой, и рассказами прабабушки Елены Михайловны.

Свое давнее сочинение я хочу дополнить биографической справкой о жизни моего прадеда Леонида Яковлевича Симановского. Она создана на основе сохранившихся документов, официальных автобиографий, личных листков по учету кадров, написанных прадедом в разные годы, а также по воспоминаниям моей бабушки Микаэлы Леонидовны Симановской.

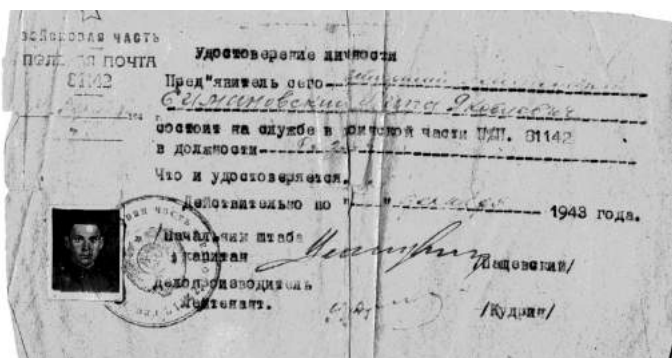
Леонид Яковлевич Симановский родился 13 апреля 1905 года в Белоруссии, в городе Рогачеве Могилевской губернии. Отец его, Яков Филиппович, несмотря на трехклассное образование, работал по найму прорабом. И сейчас Сумскую улицу города Харькова украшает построенный под его руководством дом страхового общества «Саламандра».

В семье было 8 детей. Жили трудно. Прапрабабушке с детьми пришлось переехать на Украину в город Сумы, где они жили в подвале дома более удачливого дяди. Затем в 1921 году переехали в город Харьков. В стране была безработица и прадед брался за любую работу. Он трудился в госпитале; был землекопом на строительстве дома Госпрома — самого большого управленческого здания Харькова; затем стал агентом по распространению литературы Госиздата. Член профсоюза работников госторговли с 1925 года.

В семье был культ учебы. Пять сестер стали врачами и инженерами. Прадед окончил торговый факультет Харьковского института народного хозяйства, аспирантуру и начал преподавать в Украинском институте советской торговли.

В 1936 году мой прадедужка женился на моей прабабушке. В 1937 году они уехали в Москву. Прабабушка поступила и успешно закончила лучшую экономическую аспирантуру того времени у академика С.Г. Струмилина в Плановой академии. А прадед начал работать во Всесоюзном Заочном институте советской торговли преподавателем, заведующим филиалом.

*Удостоверение личности
старшего лейтенанта Л.Я. Симановского*

Л.Я.Симановский в 1931 году прошел «действительную службу» в РККА (в Рабоче-крестьянской Красной армии). Еще до Великой Отечественной войны он участвовал в военных кампаниях, выпавших на долю его поколения: на финском фронте, в Украинском военном округе. После войны прадед говорил, что этот опыт помог ему воевать и выжить в страшный период начала Великой Отечественной войны.

В Отечественную войну Леонид Яковлевич был мобилизован 23 июля 1941 года. 29 декабря 1941 года в героическом бою на Калининском фронте, за участие в котором он получил Орден Боевого Красного знамени, прадед был тяжело ранен. У него была раздроблена кисть левой руки, тяжелая контузия. Прадед говорил, что он благодарен врачам, которые сделали несколько операций, но руку ему спасли. Но увечье ле-

вой руки и последствия контузии остались на всю жизнь. На фронтовую службу он уже не был годен, но служил начальником штаба учебного батальона.

С апреля 1945 года долгие годы Л.Я. Симановский работал в Заочном институте советской торговли, на основе которого был создан Российский государственный торгово-экономический университет. Он был деканом торгово-экономического факультета, преподавал на кафедрах экономики советской торговли и политической экономии. Коллектив института доверял ему очень ответственные общественные посты. Сразу после войны в период «пайкового распределения» его избрали председателем месткома, так как все верили в его честность. А когда начались «идеологические чистки» конца 40-х, его избрали секретарем партийной организации института. И он по ночам редактировал протоколы партийных собраний. Гроза не раз прокатывалась над работниками института, но страшных последствий удавалось избежать. А ему самому, как очень творческому человеку, трудно было оставаться в рамках догматической экономической науки того времени.

Л.Я. Симановский прожил очень большую жизнь. Он умер в июне 1998 года в возрасте 93 лет. Перестройка не вызвала у него потрясений. Как настоящий ученый и мудрый человек он слишком много знал о бедах своего времени. Радовался возможности поиска новых путей. Но его огорчали «горечь несбывшейся мечты» и то, что «по новой трассе двинулись мы с ходу, топчемся в трясине, не найдя в ней броду».

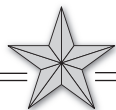
ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

*Бикинеева Регина Сергеевна, 19 лет,
студентка 2 курса факультета управления
Самарского института (филиал) РГТЭУ.
Научный руководитель — Морозов В.Ю.,
г. Самара*

*Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной...*

Юлия Друнина

«Война» — это слово, которое, пожалуй, не вызывает ни у одного человека положительных эмоций. Даже самый последний циник, смеющийся над этим понятием, устыдится своего мнения, если пред-

ставит все ужасы, которые несет в себе любая война. Она отнимает жизни, ломает судьбы, лишает надежды...

Это меня и заставило принять участие в программе поздравления ветеранов. Мы, ученики 11 класса, приходили к ним домой, дарили цветы, разговаривали с ними. Сначала было как-то страшновато: люди чужие, пожилые, но когда мы заходили в дом, вручали скромный букет гвоздик и видели эти счастливые слезы на глазах, страх сам собой исчезал. Тогда-то я и поняла, каково это — когда тебя ценят, любят и оказывают поддержку. Наше поколение, увы, все меньше и меньше интересуется военным прошлым. Ветеранов с каждым годом становится все меньше, а о Великой Победе мы начинаем говорить только лишь за пару месяцев до праздника 9 мая.

Как-то раз, за неделю до 9 мая, я возвращалась домой и увидела ветерана, одетого в парадную форму, увешанную медалями. Поздоровавшись с ним, я узнала в нем нашего соседа с лестничной площадки. Мы разговорились, я рассказала ему про свое желание узнать побольше о войне, и он пригласил меня к себе домой поговорить за чашечкой чая. Радости моей не было конца! На следующий день мы сидели у него в квартире и я с замиранием сердца слушала истории о войне. Одни заставляли наполняться слезами мои глаза, другие вызывали улыбку. Я хочу рассказать самые запомнившиеся мне истории.

Рэм Алексеевич Максимов родился 28 июля 1926 года в поселке Западная Двина Октябрьского района Тверской области, до войны жил в городе Торопце. Война началась, когда он окончил седьмой класс. В августе 1941 года вместе с отступающими войсками оставил Рэм Алексеевич родной город. Тогда это называлось «уйти вглубь страны». Но слишком далеко он «углубляться» не стал и при первой возможности с теми же войсками вернулся.

В январе 1942 года Торопец в ходе нашего зимнего наступления был взят, и тогда казалось, что наши войска безостановочно пойдут вперед. Но пришлось сражаться за Великие Луки. Целый год Торопец находился в прифронтовой полосе, и закипела в нем ожесточеннейшая диверсионная война. В противоборство с коварным врагом вступили чекисты и местные силы самообороны. Вчерашний семиклассник Рэм Максимов стал бойцом истребительного батальона Торопецкого райотдела НКВД.

Многим из бойцов этого батальона было не больше шестнадцати, но действовать им приходилось по-взрослому.

«Торопец был опорным пунктом нашей обороны. Через него поступали на передовую боеприпасы, техника, личный состав; в его окрестностях размещался штаб Калининского фронта, и потому немцы били по городу всеми возможными средствами. Они непрерывно бомбили город, засылали диверсантов», — рассказывал Рэм Алексее-

вич. В борьбу с ними и вступил Торопецкий истребительный батальон, и была эта борьба смертельно опасным делом. Обыкновенным мальчишкам противостоял изворотливый, хитрый враг. Однако все задачи батальон решал успешно: участвовал в ликвидации диверсантов, бойцы батальона тушили пожары, разбирали завалы, охраняли узлы связи и важнейшие прифронтовые объекты. Они действовали добросовестно и даже самоотверженно. Когда в январе 1943 года город Великие Луки был взят, им поручили участвовать в конвоировании пленных.

Во время одной из вражеских бомбежек в январе 1943 года командир отделения Рэм Максимов был контужен, но скоро снова вернулся в строй. А осенью того же года его служба стала действительной. Боец первого истребительного батальона был призван в армию и стал солдатом одной из частей ПВО.

Фашистские воздушные армады все еще рвались к Москве. На подступах к ней встречали их части ПВО, и с ноября 1943 года нес боевую вахту на своем рубеже наводчик зенитного пулемета Максимов. Полтора года он был сначала наводчиком ДШК, потом командиром 37-миллиметрового орудия. Воевал на Северо-Западном, Западном и Центральном фронтах в частях противовоздушной обороны.

В апреле 1945 года его 91-я зенитно-артиллерийская дивизия была отведена в Подмоскowie для подготовки в Первомайском параде. А 24 июня по Красной площади в историческом Параде Победы прошли победоносные полки, и вместе с ними в механизированной колонне наземной и зенитной артиллерии ехал младший сержант Рэм Максимов.

В самых дальних гарнизонах прошла его служба от Волги до Сахалина в разных должностях политсостава: самые последние из них — начальник политотдела спецчастей гарнизона, начальник отдела политуправления ПриВО, старший научный сотрудник института военной истории МО СССР. В 1984 году полковник Максимов вышел в отставку. За мужество и верность воинскому долгу был он награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах» и «Знак Почета», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», Жукова и многими другими. Как святое яркое событие в своей жизни хранит он в памяти светлый день 24 июня 1945 года, когда на виду у всей столицы довелось ему пройти перед мавзолеем в строю победителей.

После войны он окончил Горьковское военно-политическое училище и на всю жизнь связал свою судьбу с Вооруженными Силами. «Несмотря на все трудности, мы не потеряли интерес к учебе, а даже, наоборот, старались преуспеть назло врагу. И вам я тоже советую учиться, чтобы в трудную минуту вы смогли защитить Роди-

ну», — такими словами закончил свое повествование о войне Рэм Алексеевич.

Так нужно ли знать обо всех ужасах войны подрастающему поколению да и всем людям в целом? Мой ответ: конечно же нужно! Мы должны знать и помнить наших героев, чей подвиг обеспечил нам спокойную и мирную жизнь. Жизнь без войны.

ОНИ ПРИБЛИЖАЛИ ПОБЕДУ

*Жаворонкова Екатерина Александровна, 19 лет,
студентка 2 курса социологического факультета РГГУ,
г. Москва*

*Не смять богатырскую силу,
Могуч наш заслон боевой.
Мы выроем немцу могилу
В туманных полях под Москвой!*
А.А. Сурков

Об одном из важнейших сражений Великой Отечественной войны — битве под Москвой 1941—1942 годов — сказано и написано немало. В этой битве Германия потерпела первое крупное поражение, а Советский Союз добился первой крупной победы после серии серьезных неудач летне-осенней кампании 1941 года. Но мне хотелось бы рассказать о сражении за Москву еще и потому, что в ней принимали участие мои близкие люди. И пусть один из них возглавлял Комитет обороны большого города, ставшего неприступной крепостью на пути гитлеровцев, рвавшихся к Москве, а другая, будучи пятнадцатилетней девочкой, работала на одном из московских оборонных заводов, оба внесли вклад в общую победу над врагом.

В 1941 году обыкновенная московская девочка Лиза окончила восьмой класс. Училась она всегда очень хорошо, в планах ее были дальнейшая учеба в школе и поступление в институт. Но 22 июня началась война, отец Лизы добровольцем ушел на фронт, и девочка решила, что она тоже может и должна помогать Родине бороться с фашистами. Осенью Лиза пошла работать на военный завод, выпускающий авиационное оборудование для штурмовиков, истребителей, бомбардировщиков. Ох, и тяжело же ей приходилось... Напряженный рабочий день у станка продолжительностью двенадцать часов — такое иному взрослому не под силу. Но рядом трудились ровесники, ответственные, серьезные, как-

то очень быстро повзрослевшие, и девочка старалась вовсю. Она очень гордилась тем, что у нее теперь рабочая карточка, на которую выдают целых восемьсот граммов хлеба! А работа требовала больших усилий, полной отдачи. После смены, прикорнув часика на два тут же, в холодном цехе, ребятам приходилось снова вставать к станкам.

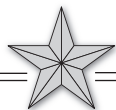
Зато незабываемым стало зимнее утро, когда пришло известие о разгроме немцев под Москвой. Это радостное событие совпало с личным достижением Лизы: работая в ночную смену, она намного перевыполнила план. Наградой ей была заводская «Молния» с сообщением о рекордной выработке и кирпичик хлеба с банкой тушенки.

Много еще было у моей бабушки рабочих смен... До полной победы над фашизмом оставалось много дней и ночей, но день триумфа наших войск под Москвой стал одним из самых памятных в ее жизни. Трудовой подвиг бабушки отмечен медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

А тем временем Василий Гаврилович Жаворонков, первый секретарь Тульского областного комитета партии, возглавил городской Комитет обороны. Моему дедушке было тогда едва за тридцать, но именно ему пришлось взять на себя огромный груз ответственности за оборону Тулы. Если бы оккупантам удалось занять город, южные границы Московской области оказались бы открытыми. Танковые соединения немецкого генерала Гудериана стремились захватить Тулу и тем самым открыть себе путь к Москве. Но этим планам не суждено было сбыться. Возглавляемый моим дедом Комитет обороны начал формирование Тульского рабочего полка, впоследствии ставшего легендарным, вынесшим основную ярость первых немецких атак на город.

Южные границы Москвы защищала 50-я армия Западного фронта. Во время боев за Тулу членом Военного Совета этой армии был утвержден мой дедушка. Он не только руководил обороной, но и сам участвовал в боевых действиях. Вот запись из дневника, который он вел во время войны: «Тридцатого октября фашистская артиллерия и минометы открыли интенсивный огонь по переднему краю нашей обороны и по городу. Затем пошли в атаку танки и мотопехота. В этот час я находился в траншеях рабочего полка. Сквозь мглу взрывов мне удалось разглядеть, как разгружаются машины с гитлеровскими автоматчиками. Связался с артиллеристами. Наши тяжелые орудия ответили двумя точными выстрелами. Хорошо. Есть вилка! Затем залп, второй. И размолотили место высадки автоматчиков! Их атака на этом участке была сорвана».

Угрозу выхода к Москве с юга ликвидировали не только Тульский рабочий полк и 50-я армия Западного фронта. Комитет обороны города организовал работу заводов по выпуску нужных фронту боевых машин и орудий. На улицах строились баррикады, устанавливались надолбы. Гудериан не прошел.

Роль обороны Тулы в защите Москвы огромна. Эта оборона остановила и сковала фашистские группировки, наступавшие на столицу, позволила выиграть время для контрнаступления под Москвой. Туле было присвоено звание «Город-Герой», а мой дедушка удостоился звания Героя Советского Союза. Он был награжден многими другими орденами и медалями, его именем назвали одну из тульских улиц, а также оно увековечено в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Но главной наградой он считал общую со своими соратниками победу над врагом на южных подступах к Москве.

Ева Кюри, первая из иностранных журналистов, попавшая в Тулу после снятия осады, описывала моего деда так: «Жаворонков был молодой, рослый, красивый человек. Его речь была ясна, красноречива и намеренно безлична. Он хотел отнести каждое героическое деяние на счет всего населения города, всей Красной Армии. Он был страстный русский патриот. Этот человек работал день за днем, ночь за ночью, неделя за неделей, имея на плечах страшный груз, и он готов продолжить это делать до Дня Победы».

Много лет спустя маршал А. М. Василевский писал Василию Гавриловичу: «С глубокой благодарностью вспоминаю ту огромную роль, которую выполнили Вы в обороне Тулы и Москвы в те тяжелые дни... Для меня незабываемы октябрьские дни 1941 года, тяжелейшие дни для Тулы, за оборону которой отвечали Вы. Значение Тулы в стратегическом и общетактическом положении для Москвы было невероятное. Спасибо, дорогой, Вам и Вашему славному коллективу за все содеянное вами в те отчаянные для страны дни».

Я рассказала о двух людях, в судьбы которых ворвалась самая страшная из всех войн. Это два близких мне человека — мамина мама и отец моего папы. Они жили, работали и воевали далеко друг от друга, не знали друг друга — московская девчонка и руководитель Тульского комитета обороны. Казалось бы, несопоставимы их вклады в общую победу под Москвой. Но, если вдуматься, понимаешь: соизмерить их можно. Ведь оба они участвовали в одном великом деле. Каждый из них соответственно своему возрасту и умению, на пределе возможностей приближал час победы над ненавистным врагом. И не только триумф под Москвой, но и День Победы 9 Мая 1945 года.

С детства я слышала рассказы о военном прошлом моего деда, воспоминания бабушки о работе на авиационном заводе и всегда была благодарна им и их поколению за то, что они подарили нам будущее.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕГЕНДАРНОМ ДЕДЕ

*Иванова Дарья Андреевна, 20 лет,
студентка 2 курса Пермского института (филиала) РГТЭУ.
Научный руководитель — Гладких Юлия Германовна,
кандидат филологических наук, доцент,
г. Пермь*

Я родилась в счастливое, мирное время, но так много слышала о войне... и слушаю сегодня! Увы, горе и беды не обошли во время войны стороной и моих родных и близких. Родной брат моей бабушки, Леша, погиб в 1942 году, а ведь было ему всего 18 лет! В самом пекле войны побывали мой прадед и оба дедушки. И... остались на ней. Деда Ивана я знаю лишь по рассказам своего папы, который бережно хранит орденскую книжку и фронтовые реликвии своего отца и моего деда.

Мой дед, Гаврилов Иван Андреевич, в марте 1941 года досрочно сдал экзамены в средней школе и поступил в Казанское танковое училище, а через три месяца началась война, Великая... Отечественная... Так и не доучившись в военном училище, дед в звании младшего лейтенанта был направлен на Сталинградский фронт командиром танкового взвода.

Город Сталинград выстоял в жестокой схватке с фашистами. В великой Курской битве дед уже командовал танковой ротой. В этом сражении он лично подбил немецкий танк и «самоходку». Его наградили орденом Красного Знамени, но получил он этот орден уже после госпиталя, потому что сразу после битвы танковую дивизию, в которой он служил, перебросили под Харьков на помощь степному фронту.

На марше танковая рота деда наткнулась на засаду. Первым был подбит танк командира роты, то есть моего деда. Из горящего танка его вытащил заряжающий Ковалев и определил в медсанчасть. Это его и спасло! Очнулся дед только через месяц в Челябинске. Потом лечение — и снова в бой...

Медали, которыми он был награжден, говорят о его боевом пути: медаль «За освобождение Варшавы» — за бои на территории Польши, второй орден Красного Знамени — за три танка и две самоходных артиллерийских установки... Все это вызывает гордость за деда! Всю войну мой дед жег фашистские танки, но и сам не уберегся — семь раз горел, был ранен, контужен. И очень жаль, что он не дожил до праздника Победы. Как много я могла бы сказать ему, а он рассказать мне. Но мы помним его и всех, кто ковал Победу, кто спас всех нас. И будем помнить! Всегда!

И МОЙ ПРАДЕД ВОЕВАЛ

*Кузьмин Павел Евгеньевич, 19 лет,
студент технологического факультета
Тульского государственного университета.
Научный руководитель — Чугунова Н.В.,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Тула*

Великая Отечественная война... Мы знаем и слышали о ней много. Но нам, поколению XXI века, все-таки трудно осознать до конца, что такое — война.

В известной песне есть такие слова:

*Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой...*

Это действительно так. В нашей семье, например, таким героем является мой прадед — Краснорудский Михаил Митрофанович.

Родился он 10 сентября 1913 года в хуторе Елизаветинском Россоспанского района Воронежской области в крестьянской семье. Был человеком самой мирной и самой нужной профессии — пекарем. В первый год войны его даже не призвали в армию, потому что на эту профессию была «бронь».

В 1942 году фашистские войска подошли к Воронежу. Прадед к этому времени уже воевал. Хутор Елизаветинский был захвачен союзниками немцев — венгерскими частями. Поскольку прадед был простым рядовым, а не офицером, его жену и двоих детей не расстреляли.

В начале службы прадед оказался в самом пекле: в составе артиллерийских войск воевал под Сталинградом, потом участвовал в форсировании Днепра, где был контужен. За эту боевую операцию получил медаль «За отвагу». С тяжелым ранением оказался в госпитале.

После госпиталя, в 1944 году, его направили служить в разведывательную пехотную роту. В одном из боев мой прадед совершил настоящий подвиг. Он вместе с пулеметным расчетом находился в засаде. Когда немцы начали атаку, наши пулеметчики отрезали вражескую пехоту, но немецким танкам все-таки удалось прорваться. Пулеметчика убили. Мой прадед, метнув гранату, подбил немецкий танк. За этот бой он был награжден орденом Красной Звезды.

В последние месяцы войны мой прадед участвовал во взятии Кенигсберга, за что был награжден медалью, затем получил медаль «За освобождение Варшавы», участвовал в форсировании Вислы и Одера, был отмечен благодарностями советского командования «За овладение городом Радом», «За прорыв обороны немцев на западном берегу Вис-

лы южнее Варшавы», «За прорыв обороны немцев западнее Ковеля и выход к реке Западный Буг».

Участвовал во взятии Берлина. 8 мая, во время штурма Рейхстага, получил ранение в ногу у Бранденбургских ворот. Прадеда наградили медалью «За взятие Берлина».

Победу он встретил в госпитале. Ранение оказалось очень тяжелым, поврежденную ногу врачи хотели ампутировать, но прадед не согласился. Началась гангрена, полгода он пролежал в больнице. 7 ноября 1945 года прадед получил благодарность от советского командования «За честную службу на благо нашей Родины», подписанную Главнокомандующим Группой советских оккупационных войск в Германии Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым.

В апреле 1946 года прадед вернулся в родной хутор и сразу же устроился на железную дорогу монтером пути. Проработал на этом месте до пенсии. 28 ноября 1981 года он умер из-за последствий от полученной во время войны контузии.

Я родился уже после его смерти и, к сожалению, не довелось мне с ним пообщаться. Наверное, он бы смог меня научить чему-то важному в жизни. Их поколение победило в той войне силой духа: вокруг все рушилось, а в душах людей была вера в светлое будущее. Мне бы хотелось, чтобы мы сохранили в наших душах свет и силу русского духа и нам не стыдно было бы сказать: «Я — русский и горжусь этим!». Ведь русский — это не тот, кто кричит «Россия для русских» и при этом плюет в своем подъезде, а тот, кто сохранил в себе народную культуру, силу и дух своих великих предков.

ЛЕСНАЯ ЖИЗНЬ

*Прокина Яна Владимировна, 19 лет,
студентка 1 курса Смоленского филиала РГТЭУ.*

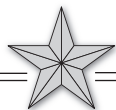
*Научный руководитель — Кошкина М.М.,
кандидат исторических наук, старший преподаватель,
г. Смоленск*

*У нас и детства не было отдельно,
А были вместе детство и война.*

Р. Рождественский

Детство — самая счастливая пора жизни.

У всех у нас были игрушки, книги, цветные карандаши, нас одаривали подарками и покупали сладости, мы ходили в детский сад,

который нам казался сущей мукой... Тогда мы не знали, что может быть другое детство, полное тяжелейших страданий и горькой печали.

Мое детство неразрывно связано с бабушкой. Ее любовь согревала меня на протяжении многих лет, она окутывала меня заботой и теплом. Бабуля всегда переживала, накормлена ли я, тепло ли мне, делала все возможное для того, чтоб каждый мой новый день был лучше прежнего. Будучи маленькой, я не всегда понимала, откуда столько беспокойства...

Именно от бабушки я и услышала впервые о войне, ее рассказы о военном детстве потрясли меня. Мое детское понимание жизни не совмещалось с той суровой военной реальностью. «Война» — пугающее слово, оно заставляло сжиматься мое сердце.

Вот отрывок из одного бабушкиного рассказа: «Военное детство. А было ли это детство? Была война, лесные окопы, голод, слезы, потери. Детская память цепкая, да и выросли мы рано, вместе с взрослыми делили все тяготы. Сегодня, с высоты своих 73 лет, вспоминая то далекое время, с ужасом думаю: как же наши родители смогли выжить сами, выстоять и вырастить нас?.. Как мы, детвора, смогли все вынести?

Бабушкина мама (моя прабабушка) с двумя малышами оказалась 22 июня 1941 года на станции Дно, она ехала к родителям в Струго-Красненский район Ленинградской области. Перед приходом немцев в лесу были выкопаны окопы, и когда враг подходил к району, все жители (женщины, дети, старики) ушли в лес с тем, что могли унести в руках. Бабушка вспоминает, как в один из вечеров все вышли на поляну и со слезами долго смотрели в сторону деревни, которая была объята пламенем.

Началась лесная окопная жизнь. Летом было легче, собирали грибы, ягоды, а зимой совсем туго — лепешки из отрубей и коры дуба — вот и вся еда. Подкармливали чем могли партизаны и жители уцелевших деревень. Долго потом помнила наивкуснейший запах печеной конины: после боя женщины в лесу находили туши убитых коней.

Мы от старших научились определять, где примерно идет бой, какое оружие бьет, когда надо быстро прятаться в окопы.

Удивительно, что мы, четырех-пяти-шести-летние ребята, без страха после очередной перестрелки бродили по лесу, собирая трофеи: губные гармошки, расчески, открытки — все, что находили в карманах убитых немцев. Советских солдат сразу хоронили.

Помню болезни. От дифтерии умирает младший братишка, у меня страшный ожог предплечья.

После лесной жизни, когда немцы были отброшены, все уцелевшие вернулись в деревню. Только деревни уже не было, на ее месте осталось пепелище. Опять рытье землянок... Здесь мы, детвора, были незаменимы: из леса таскали бревна, палки, мох, — все, что могло быть

пригодным для строительства. Мы работали, как взрослые. Мама моя работала на восстановлении железной дороги, получала какой-то паек. Помню, как принесла кирпичик черного замерзшего хлеба, разделив его на кусочки до следующего пайка. Взяв в рот, я его не жевала, смакуя, чтобы насладиться. Нелегким было и послевоенное время.

Каждый год 9 Мая встречаю со слезами, вспоминая солнечный день 1945 года, когда в наше земляное жилище кто-то забарабанил с криком: «Победа!». Вся деревня высыпала на улицу. Что тут началось! Радость, слезы, гармошка, и, конечно, мы, мчавшиеся по всей деревне с криками: «Победа!». Может, поэтому люди моего поколения такие добрые, трудолюбивые, нетребовательные, способные все вытерпеть, выстоять.

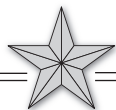
Очень хочется жить! Но большего счастья для меня не надо: лишь бы каждый день на столе моих детей, внуков был ХЛЕБ. И чтобы они не слышали залпов орудий, чтобы их детство и юность были солнечными и безоблачными».

ЗАЩИЩАЯ ОТЧИЗНУ

*Шкут Александр Петрович, 18 лет,
студент 1 курса экономического факультета
Белорусского государственного университета,
Научный руководитель — Адамович Т.И.,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Минск*

Пятилетний Витя в своей родной деревне Сенкевичи (в десяти километрах от поселка Ленин) шел за гробом матери, который несли деревенские мужики, и горько плакал. Он остался один-одинешенек. Год назад, в 1905 году, погиб на русско-японской войне отец, Иван Шуляковский, а теперь смерть унесла и мать. Не думал-не гадал мальчишка, что судьбой ему уготован тернистый путь: пройти через революцию, гражданскую войну, затем охранять рубежи СССР, оказаться в жернове большевистских репрессий, быть реабилитированным, а в 1941 году погибнуть, защищая от немецко-фашистских захватчиков нашу столицу Москву.

Не баловала жизнь сироту. Он пас овец и коз у двоюродной тетки, мальчишкой таскал тяжелый плуг, бороновал, рубил дрова, научился хорошо ездить верхом на коне, что потом очень пригодилось на войне и во время службы в погранвойсках. Любознательный Витя закончил

начальную школу и два класса Высшего начального училища в местечке Ленин Мозырского уезда.

Шла война с кайзеровской Германией, в стране были разруха и нищета. В Сенкевичах Виктор слышал стоны и причитания баб по мужьям-калекам, которые возвратились с войны, а еще больше по тем, кому не суждено было вернуться. Страна бурлила в поисках мира и справедливости. И шестнадцатилетний Виктор отправился в Петроград, где рабочие бастовали, где шли бесконечные демонстрации и митинги, на которых революционеры всех мастей обещали: заводы — рабочим, землю — крестьянам и прекращение так опустылевшей всем войны. Власть ускользала из рук Временного правительства, а в Петрограде создавались революционные отряды Красной гвардии. 7 ноября 1917 года, в день Октябрьского переворота, который спустя десять лет назовут Великой Октябрьской социалистической революцией, в отряд Голушко был зачислен красногвардейцем шестнадцатилетний белорусский парнишка Виктор Шуляковский, мой прадед.

Революционные красногвардейские отряды с их атаманами и анархией большевики начали преобразовывать в регулярные части вновь создаваемой Красной армии. В апреле 1919 года большой отряд Голушко был преобразован в 203 пехотный полк 23 стрелковой дивизии Красной армии. В кровопролитных боях с белогвардейцами красноармеец Виктор Шуляковский показал себя отважным, умелым бойцом и был назначен командиром взвода. А еще спустя три месяца взводного назначили на должность помощника командира роты.

Война была особенно тяжелой не только по причинам военного характера, но и моральным. Ведь и белые, и красные считали себя правыми и сражались за свою родину.

К середине 1920 года части Красной армии разбили белогвардейцев и их союзников-интервентов на всех фронтах гражданской войны. Перестали существовать Северный, Восточный, Южный фронт. Под Петроградом была разбита и армия Юденича, а ее уцелевшие части отступили в Эстонию, где были интернированы.

Красной армии нужны были не только бойцы, но и военные специалисты. Одной из элитных специальностей в Красной армии в то время

Виктор Иванович Шуляковский

считалась телеграфно-телефонная связь. Через полгода смекалистого помощника ротного, имевшего к тому же за плечами два курса высшего училища, Виктора Шуляковского направили на полугодовые курсы: в учебную телефонно-телеграфную команду 9-й армии. 19-летний командир закончил их с «хорошими успехами в науках».

После учебы он был назначен телефонистом 1 разряда в 74 стрелковый полк 9 армии, которую к этому времени передислоцировали на Кавказский фронт. Бывшие колонии царской России — Грузия и Армения — провозгласили независимость. В Баку также была свергнута власть большевиков, и мусаватское правительство Азербайджана расторгло союзнический договор с Советской Россией. Развернулась ожесточенная борьба нескольких стран — Германии, Турции, Англии, Франции — за кавказскую нефть. Эти страны оказывали всяческую экономическую и военную помощь буржуазно-национальным правительствам стран — Закавказья. Москва также не собиралась выпустить из-под своего влияния этот регион, и сюда была направлена 9 армия. Затем она была переименована в Отдельную Кавказскую Рабоче-крестьянскую Красную армию. В эту армию красный командир Виктор Шуляковский был переведен на должность начальника телефонно-телеграфной связи полка. Ему довелось участвовать в многочисленных боях с контрреволюцией в Закавказье.

Из Москвы в 9 армию в 1920 году поступил приказ Главкома Сергея Каменева захватить Баку, где большевики подготовили восстание против мусаватского правительства. Красная армия имела лишь незначительное превосходство в живой силе и технике над войсками мусаватистов, которые насчитывали до 30 тысяч человек. Необходимо было захватить в целости и сохранности нефтяные промыслы и нефтеналивной флот. Реввоенсовет армии принял решение неожиданно ворваться в Баку на бронепоездах. Это была исключительно трудная военная операция, так как необходимо было в горах, захватив мосты, продвигаться вдоль железной дороги.

Особую роль в ней сыграли специальные команды диверсантов-телефонистов. Они, проявив находчивость и смекалку, провели диверсии на коммуникациях противника, лишив его опорные пункты связи между собой. Таким образом была обеспечена внезапность прорыва к городу.

Рейд бронепоездов и захват Баку был настолько стремительным, что даже штаб 11 армии, получив сообщение об этом, сначала не поверил в свершившееся. Орден Красного Знамени был получен прадедом за эту операцию.

В огненном вихре Великой Отечественной войны моей прабабушке удалось сохранить еще несколько семейных реликвий. Среди них грамота, которая в феврале 1921 была ей вручена «в ознаменование

исполнения трехлетия героической борьбы за раскрепощение трудящихся и защиты Социалистического Отечества Красному Воину Армии Шуляковскому Виктору как символ исполнения своего долга перед Рабоче-крестьянским Отечеством». Подписан документ командующим Отдельной Кавказской армией М.К. Левандовским, членами реввоенсовета Серго Орджоникидзе, Александром Мясниковым и Сергеем Кировым, начальником штаба С. А. Пугачевым, секретарем Р.В.С. Ильинским. Рассматривая документы тех лет, я обратил внимание на герб страны, где вместо серпа и молота, который появился позже, был изображен молот и плуг.

Грамота Шуляковскому В.И.

После окончания братоубийственной гражданской войны Виктор Шуляковский служил в пограничных войсках, которые входили в систему органов ВЧК-ОГПУ. Сохранилась грамота о награждении в 1931 году (в день четырнадцатилетнего юбилея органов ВЧК-ОГПУ) Шуляковского Виктора Ивановича именным оружием — пистолетом системы Коровина «за особые заслуги в деле охраны границ Восточно-Сибирского края».

В СССР было широко развито спортивное движение, действовали различные кружки художественной самодеятельности. Красный командир Виктор Шуляковский, который великолепно танцевал, принимал активное участие в работе драмкружков, за что неоднократно награждался Восточно-Сибирским краевым комитетом и Даурским домом Красной армии различными ценными подарками, в числе которых были патефон и охотничье ружье «Зауэр — три кольца».

К сожалению, в тридцатых годах прошлого столетия помимо спортивных и художественных мероприятий в нашей стране наби-

рало обороты на полную мощь другое «мероприятие»: охота на так называемых «врагов народа». В эти инквизиторские жернова попал и Виктор Шуляковский. Его арестовали в 1936 году. Прабабушка рассказывала о пытках в свердловских застенках НКВД, когда истязаемому зажимали руки в двери, сажали на ножки перевернутой табуретки, загоняли под ногти иголки, помещали в ледяной «гроб» — бетонную камеру, настолько узкую, что в ней нельзя было не только лечь, но даже присесть — и в ней держали несколько суток. Ноги отекали, и через некоторое время человек в полусогнутом состоянии, упершись коленками в ледяную стенку, терял сознание. Его отливали водой и снова пытали.

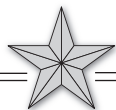

*Виктория Ивановна
Шуляковская*

Закалка в сиротском детстве, а также в суровых пограничных условиях помогли Виктору выдержать жуткие пытки, не сломиться, не оговорить себя и других. Слава Богу, его не успели расстрелять. Сменилось руководство, новый народный комиссар НКВД обвинил предыдущего в незаконных массовых репрессиях, и часть людей, которых палачи не успели отправить на тот свет, была реабилитирована. Среди них оказался и мой прадед.

Мою прабабушку звали Викторией Ивановной, как и прадеда (удивительное совпадение!). Она работала на железной дороге и также участвовала в различных кружках художественной самодеятельности. В Челябинске двое красивых молодых людей встретились, полюбили друг друга и поженились в 1937 году.

После реабилитации прадеда семья переехала в Смиловичи, где жила моя прапрабабушка Мария Марковна Микулич. Здесь в 1940 году родился мой дед. Прадед работал военруком в Смиловичской средней школе и техникуме. Он был заядлым охотником, а такое великолепное немецкое ружье «Зауэр — три кольца» в то время было только у большого начальства. О том, что война с Германией вот-вот начнется, знали все кадровые военные. Прабабушка рассказывала, что незадолго до войны с Германией прадед принес газету, где были изображены две руки во взаимном пожати: одна — с красными звездами, другая — с фашистскими знаками на рукавах. Прадед сказал: «Видишь, Сталин и Гитлержимают друг другу руки, а через несколько дней начнется война».

Как в воду глядел. Уходя на фронт 22 июня 1941 года, прадед закопал ружье на огороде. После войны, повзрослев, мой дед с братом шомполами исследовали огород — искали то редкостное ружье, но не нашли.

Александр Севбо, который до войны был директором школы, показывал место возле моста через речку, откуда он в первый день войны провожал моего прадеда на фронт. Тогда здесь стояла трехэтажная водяная мельница, которую партизаны в конце войны почему-то сожгли. На попутной полуторке Виктор Шуляковский отправился в Руденский военкомат. Мой дед вспоминает, что ему врезалось в память, как прадед держал его над головой, а на западе было красное небо. Это горел Минск. Прабабушка рассказывала, что тогда прадед сказал: «Если я погибну, Родина вас в беде не оставит». Не оставила... Когда в 1964 году у моего деда родилась Леночка, он пошел в ГУМ, чтобы купить детскую коляску. Но там висело объявление: «Детские коляски только для участников Октябрьской революции и Великой Отечественной войны». Кто вернулся с войны, детскую коляску своим внукам мог купить, а кто отдал за нее самое дорогое — свою жизнь, подняться из земли не мог, чтобы это сделать для своих внучат. Это один из многочисленных примеров советской «справедливости», по которой сегодня многие вздыхают.

Виктор Иванович Шуляковский всю жизнь отдал служению Родине и героически погиб 23 декабря 1941 года, защищая Москву от немецко-фашистских захватчиков. Так было сказано в «похоронке». В тех жестоких подмосковных боях сорок первого ежедневно гибло 12–15 тысяч красноармейцев. Раненые замерзали, потому что морозы стояли небывалые — свыше сорока градусов!

Но сколько путаницы было, когда ненасытные жернова войны перемалывали миллионы людских жизней! После войны зашел солдат из соседней деревни, который вернулся с фронта. Он рассказывал, что встретил Шуляковского Виктора Ивановича в декабре сорок второго в Сталинграде, где он командовал полком. Солдат утверждал, что он беседовал с моим прадедом в Сталинграде. До войны знал его по работе в смиловичской школе. Где истина? Ведь есть на Смоленщине могила лейтенанта, а потом — всемирно известного писателя Василя Быкова, хотя умер он несколько десятилетий спустя!

Понятие чести для моего прадеда, как и для прабабушки, было превыше всего. Никогда не забуду его слова: «Детки, никогда не опозорьте свое имя».

Для меня эти слова — закон, и понятия чести и справедливости были, есть и будут превыше всего.

ПАМЯТЬ ЛИСТАЕТ СТРАНИЦЫ...

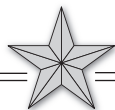
*Генин Всеволод Анатольевич, 18 лет,
выпускник ГУО «Гимназия №6 г. Бреста имени Маршала
Советского союза Жукова Г.К.», студент 2 курса географического
факультета Белорусского государственного университета
Учитель — Шпак Т.В.,
Брест-Минск, Беларусь*

Зимовец Эдуард Михайлович, бывший директор нашей гимназии, родился 15 апреля 1927 г. До войны проживал в Киеве, как он сам говорит, «во дворе Софийского собора». Учился в 13-й киевской школе.

Когда мы задали вопрос, что он помнит о своем детстве, на его глаза навернулись слезы, и он ответил: «Я всегда стараюсь вспомнить мирное детство, но мне трудно это сделать. У меня в памяти все время всплывает концлагерь. Мое детство было прервано войной...»

Войну он встретил подростком. По воспоминаниям Эдуарда Михайловича, война для них была неожиданностью, поэтому все встретили ее с очень большой болью и горечью в душе: «Мирная жизнь сразу же оборвалась, и все начали настраиваться на военный лад, в том числе и мы — мальчишки. Мы стремились скорей попасть в армию, да только нас никто не принимал. В военкомате говорили: «Ваша очередь еще подойдет».

19 сентября 1941 г. в Киеве был введен оккупационный режим. А 21 сентября в здании детского универмага на Крещатике и на почтамте вспыхнули пожары, которые устроили подпольщики. После этой акции немцы забрали много людей в качестве заложников. Был схвачен и Эдуард Михайлович. Сначала заложников отправили расчищать дорогу Киев-Харьков от разбитой техники, а с ноября-декабря они убирали и снег. Затем их переправили в Харьков и в г. Чугуев, откуда часть заложников, в том числе и Эдуард Михайлович, бежали в феврале 1942 года. Только в начале марта ему и еще двум беглецам удалось добраться до Киева. Весь март-апрель мать, Галина Исааковна (Волосюк), прятала сына. Но 1 мая 1942 года во время поквартирного обхода полицейских с дворником Эдуарда Михайловича обнаружили и 2 мая 1942 года его уже вывозили в тесном телячьем вагоне в Германию, в трудовой лагерь Эрфурт. После нескольких побегов Эдуарда Михайловича переводят в трудовой лагерь Тамбах-Дитгарц возле Гота. Содержали узников за колючей проволокой в гараже, спали они на нарах. Была установлена следующая норма выработки в день: выкопать траншею для укладки труб: 8 метров длиной, 1,2 м шириной, 2 м глубиной. А копать приходилось в гористой местности киркой. Заключение на работе пытались вредить: то трубы не так положат,

то закопают не так, как надо, старались сломать технику. Однажды, когда их с работы гнали строем по проезжей части дороги, сбоку по тротуару шли две немецкие женщины. Одна из них говорила, что у нее муж погиб под Сталинградом, вторая жаловалась, что ей сын уже много дней не пишет. (Это было после разгрома 6-й армии Паулюса). А Эдуард Михайлович возьми да скажи: «Паулюс капут, Гитлер капут и Германия капут!» Они это услышали, и когда заключенных привели в лагерь, там уже была полиция. «Надели наручники и сразу в каталажку. До сих пор на руках остались следы от этих наручников. Начались допросы, избиения. Спрашивали: кто научил так говорить? На всех допросах ответ был один: Сталин. Потом Гота, тюрьма, месяц камеры-одиночки, оттуда перевели в Берлин на Александерплац (в «знаменитую» тюрьму). Там допросы велись в течение 10 дней, затем — концлагерь Заксенхаузен. Туда попал в первых числах марта 1943 г., и меня поместили в барак № 10, это был барак для малолетних. Мой лагерный номер — 61566».

О времени заключения в лагере Заксенхаузен Эдуард Михайлович рассказывает с глубоким душевным волнением:

«В лагере Заксенхаузен содержалось около 40 000 заключенных из 38 государств мира. Там были норвежцы, французы, англичане, там были из Южной Африки, там были голландцы, бельгийцы, русские, украинцы, евреи, казахи, узбеки. Но больше всего было немцев-коммунистов, тех, кто с 1933 г. сопротивлялся фашизму. Много было советских людей, начиная от подростков 14 лет, и заканчивая людьми в возрасте, в т.ч. военнопленных. В этом концлагере в ноябре–декабре 1941 г. те первые 8 тыс. военнопленных, которые попались на границе с Польшей, были расстреляны разрывными пулями в затылок в специальной траншее. 8 тыс. в течение этих полутора месяцев. Их там прикапывали, потом находили.

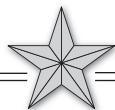
В Заксенхаузен существовала целая система наказаний за малейшие провинности: не снял перед фрицем шапку типа бескозырки, не хлопнул ею по ноге или ему что-то не понравилось, не сделал это на расстоянии трех метров — значит, он над тобой будет 20 минут, а может и больше, издеваться: ложись — встань — присядь сто раз и посчитай — еще ложись — встань... И неважно, какая погода. Повернулся не так, как надо, или рано утром не умылся до пояса — и зимой, и летом — можешь заработать несколько палок по плечу.

Там даже избивали заключенных в специальных станках. Не просто так ставили и били палкой, а в специальных станках типа стола, только он желобообразный, чуть наклонный, и внизу есть небольшой подиум и два отверстия, куда вставляешь ноги. Потом ноги зажимают, руки за спину, и вдоль спины ремнем прижимают. И с двух сторон два палача бьют по заказу коменданта лагеря 10, 15 или 25 ударов,

бьют не жалеючи. Выдержать это невозможно. Это только молодость могла выдержать. Но 25 ударов, чтоб не крикнуть, наверно, никто не выдержал. А ведь после 6–7-го удара уже не понимаешь, что происходит. И после того, как тебе дадут 25 ударов, отвязнут, ты должен еще столько же раз присесть и громко посчитать на немецком языке до 25. Тех, кого били, затем становились инвалидами на всю жизнь: им отбивали прямую кишку, ягодицы и прочее. Это страшно. Сегодня я вспоминаю, и накатываются слезы. И не из-за того, что мы были несмелые или не имели мужества, а из-за того, что мы были бессильны: впереди с оружием против нас, сзади с оружием, а мы безоружны. Но мы были стойкие. Мы помогали друг другу. Даже в лагере было так называемое «сопротивление» — интернациональная группа подпольщиков. В руководстве этой группы со стороны русских были генералы Ткаченко, Зотов (позднее расстреляны) и многие другие: поляки, французы, в том числе и немцы. Немец-коммунист Гайнцбаш был первым старостой лагеря, у него был лагерный номер 711, в концлагере он находился с 1936 г. Они руководили нами, подростками. Мы знали только одного, там конспирация была жесткая, нельзя было иначе. И мы спасали тех, кто самостоятельно не находил мужества для борьбы, ведь всякие люди были. Были такие, кто забивался в угол и сидел и дрожал, ничего не предпринимая. Но большинство из нас были активными, старались поддерживать друг друга, особую помощь оказывали немецкие коммунисты и норвежцы. А мы, советские люди, были в самых плохих условиях. Ошибкой советского руководства было то, что оно не подписало Конвенцию о статусе военнопленных и о Красном Кресте. Мы не получали никаких пособий извне. Все остальные пленные раз в месяц получали от Красного Креста дополнительную посылку. И подпольем было принято решение, что в тот день, когда приходила посылка, эти люди отказывались от своей дневной пищи, которую собирали по баракам, по блокам и отправляли в барак № 10, где содержали малолетних.

А кормили нас так: утром давали пол-литра «кноры» — болтушки на воде из каштановой муки — и полкружки (300 гр.) «эрзац-кофе» из пережженного ячменя. В обед — пол-литра брюквенного супа и 2–3 картошки «в мундире». Ужин — стакан «кофе» и пайка хлеба, грамм 800 на пятерых.

Были попытки друг у друга украсть еду. Одного вора мы поймали: накрошили на хлеб стержень химического карандаша, и когда утром одной пайки не оказалось, проверили рты. Так нашли вора и потом тайно утопили его в туалете. С тех пор никто не украл ни кусочка хлеба. С голоду умирали, но не брали. Это страшнейшее преступление, когда люди находятся в одинаковом положении и начинают друг у друга что-то воровать! А потом в наказание весь наш блок гоняли по плацу».

В концлагере Заксенхаузен использовали труд не только взрослых людей, но и детей. Подростков, в том числе и Эдуарда Михайловича, группами по 10 человек водили на раскопки невзорвавшихся бомб замедленного действия, оставшихся после бомбежек. Бомбы замедленного действия были рассчитаны на 12, 24, 36, 48 и 76 часов. Их нужно было раскопать и достать, а ведь никто не знал, когда она взорвется. А вокруг — немецкое оцепление, убежать было невозможно. Детей делили на две партии: пять человек уходит в сторону метров на 300, а остальные пятеро копают час-полтора, затем сменяются. Копают наудачу — кому повезет? Были случаи, когда возвращалось из десяти только 6–8 человек; иногда отрывало кисти рук, потому что дети сами должны были выкрутить запал из бомбы и он, случалось, взрывался в руках.

Также в концлагере была создана штрафная команда, которая «испытывала» новую немецкую обувь — кованную, с шипами. И если заключенный в чем-либо провинился, то для него начиналась мучительная маршировка по лагерному двору в ботинках на 1,5–2 размера меньше, с тяжелым ранцем за плечами, в котором — 20 кг песка. А иногда, как издевательство, музыканты посреди этой площади играли, и не только немецкие песни, а, бывало, и русские.

В лагерной больнице над заключенными проводились различные эксперименты: отравляли, заражали инфекционными болезнями, испытывали на них новые лекарства, делали операции без наркоза. И Эдуард Михайлович прошел через такую операцию. Вот как он вспоминает об этом: «Представьте: тебя кладут на стол, привязывают, кляп в зубы, чтоб не было слышно, как ты кричишь — ведь операцию делали без наркоза. Выдержать это невозможно. И потом пытаешься приспособливаться: если расслабился, то гораздо меньше болит. Но ведь расслабиться, когда тебя режут, очень сложно, мышцы все напрягаются. Больно было невероятно».

Транспорта в самом лагере не было, и люди сами развозили пищу, собирали по утрам мертвых по баракам и отвозили в крематорий. Он назывался «индустриальным двором». В него входило 4 стационарных крематория и 4 передвижных, потому что вокруг Заксенхаузена было еще около 25 лагерей — небольших филиалов (например, Реверсбрюк, где находились дети, женщины и молодые девушки; Хенкель, где изготавливались бомбардировщики «Хенкель-111»). Для того, чтоб людей не переправлять в основной лагерь для сжигания, использовали эти передвижные крематории. Крематорий не останавливался ни днем, ни ночью. Над концлагерем постоянно стоял приторный, жирный воздух. И многие машины в лагерь даже не заходили, их сразу направляли к крематорию. По воспоминаниям Эдуарда Михайловича, непосредственно через Заксенхаузен прошло около 270 000 заключенных, из

них более 100 000 были замучены, сожжены, а кроме этого, тех, кто не попал в лагерь, а сразу был уничтожен — больше миллиона. Таким образом, в Заксенхаузене было уничтожено более 1 500 000 людей.

И их не просто убивали. У людей состригали волосы и паковали в тюки, затем из них делали коврики, не проводящие электричество. С некоторых снимали кожу и шили из нее зонтики, перчатки, кошельки и т.д. И этому есть свидетельства, есть подтверждающие документы.

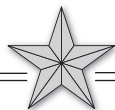
К сожалению, не все заключенные дожили до светлого мига свободы. Весной 1945 г. для того, чтобы замести свои преступные следы, фашисты решили оставшихся в живых заключенных концлагеря Заксенхаузен утопить в Балтийском море. Для этого там были приготовлены баржи, суда. И с начала апреля (до 15 апреля) людей начали выгонять филиалов лагеря, начиная с Хенкеля. Оттуда выгнали 3000 человек и успели пригнать их по этой «дороги смерти» на Балтику через Витшток, там они были утоплены вместе с баржами. До сих пор неизвестны координаты этого места затопления. А остальных, около 40 000 человек, гнали по трем дорогам. На протяжении всей дороги мучили голодом: немцы не давали ни воды, ни пищи. Эдуард Михайлович вспоминает:

«Единственный раз нас догнал швейцарский Красный Крест. Нас остановили у деревни Воловервальд и раздали по одной посылке на пять человек. Там мы и заночевали. А наутро более 300 человек подняться не смогли, их там и расстреляли. Расстреливали также и по дороге. Нагнулся заключенный поднять ботинок (кусок деревяшки с выдолбленным углублением), если он соскочили по дороге, то сразу пуля разрывная в затылок. Покойников укрывали их же тонкими байковыми одеялами, которые узники несли в скрутке. На «дороге смерти» расстреляли более 8 000 заключенных. Сейчас на всех местах, где расстреливали заключенных, каждый день лежат свежие цветы».

Но фашисты не смогли осуществить свой страшный замысел до конца.

Оставшихся в живых узников 20–23 апреля освободили подоспевшие советские войска 18-й танковой бригады возле г. Витштока. Эдуарда Михайловича уже на второй день после освобождения призвали в армию и определили в 18-ю танковую бригаду. А 3 мая он принял присягу и стал служить в комендатуре г. Гресс-Шенебске Берлинского военного округа. Позже был переведен в управление комендатуры Берлинского округа у г. Бернау, в/ч № 62180. Служил в Германии до 1947 г., был водителем.

После демобилизации в 1947 г. Эдуард Михайлович вернулся в свой родной Киев. Мать он нашел на Брестчине, она чудом избежала вывоза в Германию. Галина Исааковна работала на Романовских хуторах учителем начальных классов. Туда определили работать и Эдуарда Михайловича.

Не имея среднего образования, закончив только 6 классов, он учил перво-классников читать и писать. Затем поступил в Бресте в педагогическое училище, сдав экзамены за 7 классов. (Сейчас в этом здании находится краеведческий музей). Уже будучи на последнем, 4 курсе, его вызвал к себе директор училища, бывший летчик Дмитрий Спиридонович (фамилию он не запомнил) и сообщил, что у Эдуарда Михайловича нет никаких документов, что он закончил семь классов, и по новому положению его не имеют права допустить к государственным экзаменам. Эдуард Михайлович просит справку, что он закончил 3 курса педучилища заочно и с этой справкой идет в вечернюю школу в Южном городке, где его принимают сразу в последний 10 класс. Пришлось ходить на учебу за шесть километров пять раз в неделю. Он одновременно закончил 10 класс в вечерней школе, учился на 4 курсе в педагогическом училище и работал в школе в две смены. С 1 июня начинались государственные экзамены в вечерней школе и с 1 июня начинались выпускные экзамены в педучилище. Что делать? Собралась группа, 10–12 человек, и пишут заявление в Министерство просвещения, чтоб им разрешили досрочно сдать экзамены за курс вечерней средней школы. И им разрешили. К 29 мая они сдали все экзамены и получили аттестат зрелости. Эдуард Михайлович с этим аттестатом пришел в педагогическое училище, предъявил директору документ о среднем образовании и в тот же год сдал там экзамены, получил диплом. Таким образом, за один год он закончил два учебных заведения и получил звание народного учителя начальной школы. Это был 1952 г. В том же году Эдуард Михайлович поступил в педагогический институт. Закончил 1,5 курса, и «сорвали» его на строительство школы в Каменной. Затем восстановился в пединститут на 1 курс физико-математического факультета, закончил 1,5 курса и его в 1958 г. выдвигают председателем колхоза имени Чкалова. В 1959-м колхозы имени Чкалова и Ворошилова передают в ведение совхоза Брестский. Администрация совхоза находилась в Тельмах, а председателем был старый товарищ Эдуарда Михайловича Баглаев Юрий Андреевич, фронтовик. После этого в 35 лет он восстановился на 1 курс, но перевелся с заочной формы обучения на очную. К этому времени он уже был членом партии. Его избрали в институте членом партийного бюро и председателем профкома. Эдуард Михайлович вспоминает:

«Закончил 3 курса на стационаре: днем учусь, выполняю общественную работу (распределял общежития, проводил воспитательную работу со студентами, организовывал экскурсии), а ночью идем с товарищами на Северную станцию и разгружаем вагоны, чтоб заработать. Так учились 3 года. На 3-м курсе меня избирают делегатом областной профсоюзной конференции и уже на ней избирают ответственным секретарем обкома профсоюза учителей. Пришлось перейти на заочную форму обучения. На заочном отделении не было физико-математического факультета, только математический. Закончил, получил диплом учителя мате-

матики средней школы, а всю жизнь проработал учителем физики. Был заведующим начальной двухкомплектной школы, потом — директором семилетней школы, директором восьмилетней школы, затем — директором средней школы № 11 (сейчас — гимназия № 6 имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова), потом — директором СШ № 10».

В 1984 г. Эдуард Михайлович исполнилось 60 лет, и он ушел на пенсию. Будучи пенсии отработал 20 лет в школе. Общий стаж педагогической работы — 57 лет. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе, но не прекратил общественную деятельность. Несмотря на возраст, Эдуард Михайлович встречается со школьниками, студентами, военнослужащими. Воспитывает в них патриотический дух и любовь к родине. Он неоднократно посещал нашу школу, рассказывал ученикам о своем нелегком детстве с надеждой, что мы не допустим тех ужасов, что пережил он. Также в 2005 г. Эдуард Михайлович посетил Заксенхаузен, участвовал в открытии памятной доски на стене лагеря.

Подводя итог нашей беседе, Эдуард Михайлович о своей жизни сказал так: «Никому не жаловались, с протянутой рукой не ходили, всего добивались своими руками. Жили честно, добросовестно. Где виноваты — признавали вину, где не виноваты — давали отпор. Помогали людям, и люди нас тоже не забывают, помогают. Мы считаем, что прожили с женой честную трудовую жизнь и оставили добрый след после себя».

Из дома, где живут Эдуард Михайлович с супругой, мы уходили со смешанным чувством боли и одновременно уважения и преклонения перед силой духа простого человека, нашего земляка и бывшего директора нашей школы.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

*Захарова Анастасия Сергеевна, 19 лет,
студентка Кемеровского института (филиала) РГТЭУ.
Научный руководитель — Девяткин Г.Т.,
заведующий кафедрой социально-экономической истории,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Кемерово*

Ярослав Маркович Панчишин — ветеран Великой Отечественной войны. Я с ним познакомилась полтора года назад, когда собирала информацию для написания его биографии. Он очень интересный человек, с ним легко общаться. Вот что Ярослав Маркович рассказал мне о своей жизни.

«Родился 22 июня 1926 года в селе Звенячка Черновицкой области на берегу Днестра, почти у самой западной границы. У нас была многодетная семья: семь братьев и одна сестра; я — самый старший. Отец посезонно работал то на сахарном заводе, то в каменоломне, а мать вела хозяйство и всю жизнь работала в колхозе на поле и в огороде. После окончания восьми классов я со своими двумя одноклассниками работал в топографической партии. В воскресный день 22 июня 1941 года у меня был день рождения, исполнилось 15 лет. Очень хотелось отпраздновать этот день более торжественно. Наш начальник Алексей Павлович Чащин предложил отметить мой день рождения на высоком берегу реки Днестра. Река Днестр до 1940 года была естественной границей между Польшей и Румынией. Мы пришли на место в 10 часов утра, расстелили скатерть, достали продукты: десяток яиц, шмат сала, 2 литра морса и четок горилки (для начальника). Вдруг из-за кустов появились штык и зеленая фуражка. Я шепотом говорю: «Смотрите!». Начальник в ответ: «Тихо! Всем сидеть!» Тут же вышел офицер с двумя пограничниками и осмотрел нас подозрительным взглядом. Он отвел нашего руководителя в сторону и что-то ему сказал. Начальник дал команду: «Скорей домой!» Мы уже почти дошли до села, как вдруг в небе увидели много самолетов с черными крестами. Послышался пронзительный свист и оглушительные взрывы. Нас закидало землей, побило осколками, мне зацепило ногу.

Так и началась война для меня. Ушел в семнадцать, а вернулся в двадцать пять. Об учебе не могло быть и речи. Мне, как и многим ребятам моего возраста, пришлось и окопы копать, и таскать ящики и многое другое. Мы были в курсе всего. Когда исполнилось 17 лет, был призван в армию и зачислен в состав 1-й Гвардейской танковой армии. По сравнению с другими моими сверстниками я уже много знал: и как пробраться незаметно, и как бегать, маскироваться, стрелять.

Почти ничего не боялся. Побывать в логове противника и вернуться живым — была мечта всех солдат! Мне удалось такое испытать. Почти полтора года сражений на территории Белоруссии, Польши, Германии оставили незабываемые впечатления и переживания. С декабря 1943 до 10 марта 1944 года в г. Козельске (тогда Смоленской, а теперь Калужской области) прошел курс молодого бойца в ускоренном темпе и сразу отправился на фронт. С 10 марта 1944 года и до полной Победы участвовал в боевых действиях на 1-м Белорусском фронте, освобождая западные районы Белоруссии, Польшу и непосредственно ее столицу Варшаву, Германию, и, конечно, Берлин.

Страшное было время. Из моих сверстников, с которыми я в один день ушел на фронт из нашей школы, погибли 27 человек, а вернулся невредимым — один я! Всю войну прошел без серьезных ранений. Мне просто очень везло. Однажды заряжающий опустил в ствол миномета

снаряд (мину) взрывателем вниз, что должно было повлечь незамедлительный разрыв орудия и гибель всего боевого расчета. Все, кто заметил эту ошибку, мгновенно укрылись в окопах, а я остался. К счастью, снаряд не взорвался. Такой случай мог быть один из миллиона. Слух об этом разнесся по всей армии, меня многие хотели увидеть и поздравить, словом, сделали из меня смельчака!

В марте 1944 года нас высадили в районе Витебска и направили вглубь леса к пункту назначения. Нас сразу разместили в уже готовые окопы и объявили, что скоро будет ужин. Прошло минут двадцать, и внезапно фашисты открыли огонь. Взрывы снарядов, ржание коней, крики людей — все смешалось. Это длилось пятнадцать-двадцать минут.

Когда все закончилось, выяснилось, что половина пополнения перебита, а мне и здесь повезло — я остался невредимым. Когда оказались на территории Германии у подножья Зееловских высот, из каких-то стратегических соображений нас вдруг отвели на переформирование. В оперативном порядке дополнили техникой, боеприпасами, продовольственным обеспечением, живой силой и объявили полную готовность. Колоннами на машинах двинулись к фронту, но не на запад, а на восток. Мы должны были прорвать фронт и по тылам противника продвинуться на 150–200 км в сторону Кенигсберга. Нам удалось принять участие в разгроме крупной военной группировки, которая могла нас окружить в случае взятия Берлина. Добравшись, мы поняли, что прибыли на другой участок фронта. Утром на рассвете заехали в поселок. Он был совсем не тронут войной. Тихо, никого не слышно... В трехэтажной школе, как оказалось, располагалась целая рота немцев, они спали и не подозревали о нашем присутствии. Вдруг завывла сирена, и объявили тревогу. Немцы начали стрелять в нас из окон. Для нас, как и для них, это было неожиданностью. Наши солдаты захватили одного немца, дали ему белый флаг и отправили к фашистам для переговоров о несопротивлении. Им пришлось отступить. Немцы бежали и оглядывались: не откроют ли по ним огонь.

Самое страшное было в Берлине. Узкие улицы, каменные дома, без перерыва работал ручной противотанковый гранатомет «Фаустпатрон». Это самое эффективное средство для борьбы с танками, использовавшееся пехотой.

При взятии Берлина мы потеряли сотни тысяч солдат, много танков и другой боевой техники. 2 мая 1945 года погиб командир нашей части. Это произошло за 2 часа до капитуляции Берлина.

Второго мая в десять часов утра мы стали первыми, кто узнал, что Берлин капитулировал. Мы кричали «ура!», обнимались, целовались, просто были счастливы. Думали, что это Победа! Но, увы, впереди была еще Прага. И только 9 мая отпраздновали окончательную Победу.

Вскоре в Берлин приехал ансамбль им. А.В. Александрова. Ансамбль выступал перед фронтовиками. На концерт были допущены и несколько тысяч гражданских немцев. Пела и наша любимая певица Лидия Русланова.

Наступил какой-то спад ненависти к немцам. Они подходили к нам просить прощения и говорили, что ненавидят Гитлера, что он обещал им рай на земле, а привел к величайшей катастрофе. Слова Сталина «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается» были тому подтверждением».

Ярослав Маркович служил в 1-й ГМТА (Гвардейской механизированной танковой армии). Он также участвовал в боях по защите Москвы, в Орловско-Курской битве, где, по его словам, особенно отличались танкисты: «Я с первых дней прибытия в эту армию почувствовал ее силу и мощь, славное прошлое и особенное уважительное отношение к своему командиру Михаилу Ефимовичу Катуккову. Старослужащие с гордостью говорили, что они «катуковцы». Это сразу передалось и мне. Тот гвардейский значок, который вручили мне после первого боя, я воспринимаю как первый и самый дорогой орден».

Вот так прошел войну Ярослав Маркович.

«После войны я остался служить в Германии. Туда запрещали везти деньги, газеты, журналы из СССР, но в 1947 году кто-то приехал и привез с собой журнал «Крокодил». Там была любопытная статья под названием «Домок-Теремок», в которой речь шла о Доме пионеров города Кемерово. Это было деревянное, двухэтажное здание площадью 200 квадратных метров, все облепленное вывесками и фото. Я тогда не знал о существовании такого города — Кемерово. Прочитав статью, я дал взглянуть ребятам. Мы взяли карту и начали искать Кемерово по карте. Нашли, что там протекает река Томь, что есть заводы, что город недалеко от Новосибирска. С помощью линейки определили, что это более пяти тысяч километров от нас. Это было невероятно. После о Кемерово слышал по радио. Я стал считать этот город чем-то своим. И к 1950 году накопил обширную информацию о Кемерово. Я мечтал туда поехать!

В 1950 году я поехал на автобусе по поручению командира части в город Хемниц встречать молодых специалистов. Специалисты оказались девушками. Радости не было конца! Девушки, понятно, тут же стали кокетничать. Они были геологами и приехали добывать полезные ископаемые. Скажу прямо — влюбился с первого взгляда в одну из девушек, которую звали Валентиной. И каково же было мое удивление, когда я узнал, что она из Кемерово. 7 октября 1950 года мы поженились. На свадьбе играл полковой духовой оркестр, было много гостей: ее подруги, начальство. Командир части выделил нам второй этаж в своей вилле, где было целых пять комнат. Мы были очень счастливы от такого подарка! И вот уже 60 лет живем вместе в благополучии.

В 1955 году был избран первым секретарем Заводского райкома ВЛКСМ г. Кемерово. В 1958 году был направлен на учебу в Новосибирскую высшую партийную школу, после окончания которой в 1962 году был приглашен на работу в Кемеровский областной комитет КПСС. В 1965 году был избран депутатом и председателем Междуреченского городского исполнительного комитета, где трудился до июля 1971 года, то есть до перевода на другую работу — начальником Управления бытового обслуживания населения Кемеровского областного исполнительного комитета».

Это — история одного молодого русского парня, в жизнь которого так неожиданно ворвалась страшная война и заставила очень быстро повзрослеть.

УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО

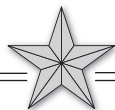
*Леонтьев Артем Владимирович, 20 лет,
студент 3 курса факультета «Сервис
автотранспортных средств» Калужского филиала
Санкт-Петербургского государственного
университета сервиса и экономики,
п. Дугна Ферзиковского района Калужской области*

*Дети войны — и вьет холодом,
Дети войны — и пахнет голодом,
Дети войны — и дыбом волосы:
На челках детских... седые волосы.
Земля омыта слезами детскими
Детьми советскими и не советскими.
Какая разница, где был под немцами —
В Дахау, Лидице или Освенциме?
Их кровь алеет на плацах маками,
Трава поникла, где дети плакали!
Дети войны — и боль отчаянна,
И сколько надо им минут молчания!..*

Л.М. Головяевская

Это стихотворение, которое я еще школьником прочитал на празднике в честь Дня Победы, оставило свой след в моей душе.

Ежедневно я выходил утром из дома и привычно здоровался с соседями. Раньше я никогда не задумывался над их судьбами. А ведь некоторые из них пережили Великую Отечественную войну. В нашем

доме живет женщина, Воробьева Наталья Владимировна, бабушка моей одноклассницы. Родом она из деревни Ловать Хвостовичевского района Калужской области. Войну встретила, когда ей исполнилось 5 лет. В 1941 году в их деревню пришли немцы. «До войны наша семья жила неплохо, — вспоминает Наталья Владимировна. — Нас у матери было шестеро: три дочери и три сына. Держали скотину, ухаживали за огородом. Немцы пришли, и ничего не осталось. Наступило голодное время».

Детям трудно понять, почему в доме нечего есть, но еще тяжелее видеть, как немецкие солдаты избивают их маму за малейшее неповиновение. Такую картину Наталье Владимировне приходилось наблюдать, к сожалению, не один раз.

Сильное впечатление на меня произвел рассказ о том, как немцы согнали всех жителей деревни в сарай и хотели их сжечь. Но им помешал налет русской авиации. Фашисты разбежались и не успели выполнить свой план.

Удивительно было для меня услышать, что не все немцы были изверги. «Один повар-немец, глядя на нашу многодетную семью, частенько подкармливал нас, деревенских ребятишек: то шоколадку принесет, то галеты, — с улыбкой вспоминает Наталья Владимировна. — А еще в нашей деревне была церковь, в которой содержали пленных русских солдат. Невероятно, но немец-охранник освободил русских пленных и сбежал сам».

Тяжело было жить на оккупированной немцами родной земле и в родном доме, но гораздо страшнее было на чужбине. В 1943 году, когда советские войска уже освобождали захваченные врагом районы, всех жителей деревни Ловать, женщин и детей, немцы отправили в Германию, в город Вильдесхаузен, где был расположен трудовой лагерь.

«Жили мы в бараках, где были установлены четырехъярусные нары. На следующий день по приезде, — продолжает рассказ Наталья Владимировна, — пришли фабриканты, которые использовали русских как бесплатную рабочую силу. Мою мать и старших сестер забрали работать на фабрику, старшего брата — на конный завод. Оставшиеся в лагере дети под бдительным контролем надзирательницы-немки выполняли разную работу. Каждый день мы разгружали машины с овощами: неподалеку от нас находился немецкий госпиталь и лагерь власовцев.

У некоторых детей брали кровь для раненых немцев. Оказывается, немецкие ученые установили, что кровь истощенных детей при переливании не дает отрицательных эффектов и прекрасно сочетается с кровью тех, кому ее влили. Но такие дети-доноры долго не жили.

Работали все без выходных, кормили очень плохо: два раза в день давали похлебку из брюквы или свеклы. Мы пухли от голода, всегда хотелось есть. За забором и в каких-то ямах валялись очистки, отходы, мы их тайком от надзирателей собирали. Нас за это били резино-

выми палками. Иногда дети постарше убегали в город, чтобы добыть пропитание для младших. По-другому выжить было невозможно».

В 1945 году лагерь, в котором находилась Наталья Владимировна, был освобожден американцами, которые предлагали пленным ехать жить в Америку. Но в те времена в русских людях был слишком силен дух патриотизма, и все предпочли вернуться к себе на Родину, где их ожидали сожженные дома и похоронки с фронта. И все-таки они были счастливы, не покладая рук стали восстанавливать разрушенные города и села. Очень жаль, что эти многострадальные дети, пережившие ужасы войны наравне со взрослыми, долгие годы не получали от родной страны ни материальной помощи, ни моральной поддержки.

Этот рассказ Натальи Владимировны мне напомнил то стихотворение «Дети войны», которое я читал в Дугнинской школе. Я понял, что сделали для нас люди, отдавшие свою жизнь в годы Великой Отечественной войны: они не позволили украсть у нас детство.

ЧТО ИЗМЕНИЛО МОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ

*Тиунова Анна Андреевна, 19 лет,
студентка 2 курса Пермского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Гладких Ю.Г.
кандидат философских наук, доцент,
г. Пермь*

У каждого человека свое отношение к Великой Отечественной войне: для кого-то это очень важное событие, и он глубоко чтит память о погибших в войне, а для меня война была просто лишь историческим событием прошлого. И только в институте мое отношение к войне изменилось.

На конкурсе патриотической песни, посвященном 65-летию Победы, меня попросили спеть песню «Баллада о матери». Эта песня о том, как мать на протяжении тридцати лет ждала с войны своего сына, ждала и верила, что он вернется. Однажды на показе документального фильма о войне в одном из эпизодов она увидела своего сына. Он шел в бой. Она вскочила со стула и закричала: «Алексей! Алешенька! Сынок!» — она звала его, но он, увы, ее не услышал...

Пришло время выступать, я вышла на сцену и, взглянув на зрительный зал, вдруг поняла, что там, среди ветеранов, в основном женщины! Я начала петь, а у меня голос дрожал, и мурашки бежали по всему телу, и в кульминационный момент я словно сама стала такой же матерью и почти со слезами прокричала: «Алексей! Алешенька!

Сынок!». Никогда я не думала, что смогу так прочувствовать песню, так вжиться в нее. Я видела, как женщины в зале заплакали, по моим щекам тоже текли слезы... Мое сознание словно перевернулось. Только тогда я и поняла, что такое война. Многие говорят, что больше всего жаль детей, которые остались без родителей, а мне матерей жалко, матерей! Для них дети — вся жизнь, все, ради чего они живут, дышат. Вкладывая в ребенка всю свою душу, что они чувствуют, когда теряют его?! Но еще страшнее, если они даже не знают, жив ли их ребенок!

Может быть, многие со мной не согласятся, но для меня трагедия войны состоит именно в этом, и пусть я поняла это поздно, но главное — я это поняла! Поймите и вы! Прошу вас!

КРАСНОФЛОТЕЦ СЕВЕРНОГО ФЛОТА

*Ошуркова Наталья Александровна, 19 лет,
студентка Кемеровского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Девяткин Г.Т.,
заведующий кафедрой социально-экономической
истории, кандидат исторических наук, доцент,
г. Кемерово*

*Вам, труженикам страшной той войны,
Ценою жизни защитившим честь страны,
И всем пролившим на войне той кровь —
Вам наша память и народная любовь.*

Сколько бы лет ни отделяло нас от Великой Отечественной войны, интерес к этому периоду в жизни страны не ослабевает. Одну из наиболее ярких страниц вписали в историю войны моряки заполярья, портовики, судоремонтники, железнодорожники, участвовавшие в обеспечении перевозок по ленд-лизу, это была (система передачи США взаймы или в аренду вооружения, боеприпасов, стратегического сырья, продовольствия и других материальных ресурсов странам антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны. Первые союзные конвои прибывали в Архангельск. К декабрю 1941 года, когда Белое море сковало льдом, Мурманский порт приобрел важнейшее стратегическое значение.

Я хочу рассказать об одном из участников тех событий — моем дедушке Ошуркове Сергее Александровиче. Он родился в городе Котласе Архангельской области 16 октября 1922 г. в простой рабочей семье. После окончания школы (7 классов) в 1938 году он устроился на завод

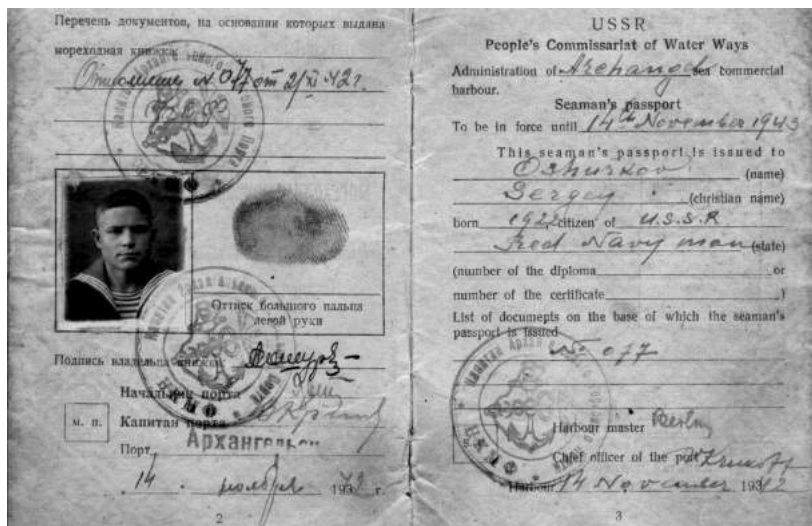
«Лименда» северного речного пароходства, сначала он был учеником, а потом переведен на должность электромонтера.

В сентябре 1941 года мой дедушка был призван в ряды Красной армии. После окончания курсов краснофлотцев в ноябре 1942 года был зачислен на теплоход «Тбилиси».

К зимней навигации 1943—1944 гг. в помощь кадровым грузчикам прибыли бойцы Карельского фронта и Северного флота. Мой дедушка прибыл в то время именно с Северного. В навигацию Мурманский порт принял 92 судна, в числе которых был теплоход «Тбилиси», переработал 624 035 тонн импортного и 42 118 тонн экспортного груза. В 1944 г. грузооборот порта достиг довоенного уровня [1].

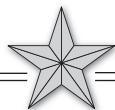
А теперь хочу рассказать более подробно о пароходе, на котором мой дедушка выполнял очередной поход в караване RQ-18.

RQ-18 был отправлен в СССР 2 сентября 1942 года со стратегическими грузами и военной техникой из США, Канады и Великобритании. В его состав входило 40 грузовых судов, одно спасательное судно, один танкер, три минных тральщика и три танкера ВМФ (Военно-Морского Флота). Прикрытие конвоя осуществлялось несколькими группами кораблей союзников, первый конвой — в сопровождении авианосца. Во время прохождения конвоя RQ-18 было сбито не менее сорока немецких самолетов. Успешно боролись с немецкими подводными лодками английские эскадренные миноносцы, а самолеты с авианосца потопили четыре немецких подводных лодки.

Мореходная книжка С.А. Ошуркова

19 сентября суда каравана бросили якоря у острова Мудьюг. Всего из этого конвоя благополучно пришли в Россию двадцать семь грузовых судов, и теплоход «Тбилиси» был одним из них. Противнику

удалось потопить 13 транспортов. 27 транспортов доставили в Архангельск 150 тыс. тонн грузов. Конвой PQ-18 стал последним под литером PQ [2].

Эти пароходы в сопровождении конвоя перевозили груз из России за рубеж: тысячи тонн марганцевой, хромовой руды, ценной древесины, пушнины и так далее. А обратно в Россию везли для Красной армии разобранные танки, пушки, самолеты и другую военную технику.

В.С. Пикуль так описал это в романе «Реквием каравану PQ-17»: «Вопрос о посылке к берегам СССР следующего каравана PQ-18, таким образом, повис в воздухе. Однако, уступая англичанам в их требовании, невзирая на страшное напряжение своих фронтов, советское командование все же отыскало резервы. Скоро на Мурманск, как того и хотел Черчилль, прилетели воздушные эскадрильи. Казалось бы, мы союзникам уступили — дело теперь только за ними: пусть идет караван PQ-18! Но англичане решили помогать СССР по принципу «too little and too late» («слишком мало и слишком поздно»), — караван PQ-18 не шел. А он был необходим сейчас, как никогда, и Северному флоту предстояло наглядно доказать всем сомневающимся, что караваны — даже с боем! — пройдут» [3].

*Награды дедушки,
полученные во время войны*

Ю.Н. Кучепатов в своей статье «Последний конвой из серии PQ» писал:

«...Тяжелые потери понесли конвои PQ-13, PQ-16 и особенно широко известный конвой PQ-17. Из 34 беззащитных транспортных судов этого конвоя погибло 23. Кроме людей были потеряны сотни танков, самолетов, много другой техники и вооружения. Назвав трагедию конвоя PQ-17 «одним из самых печальных эпизодов последней войны», У. Черчилль решил прекратить отправку конвоев

в СССР северным маршрутом. Он писал И. В. Сталину: «Мы не считаем правильным рисковать нашим флотом метрополии к востоку от острова «Медвежий» или там, где он может подвергнуться нападению немецких самолетов, базирующихся на побережье... Поэтому с очень большим сожалением мы пришли к заключению, что попытка направить следующий конвой PQ-18 не принесла бы вам пользы и нанесла бы только невозместимый ущерб общему делу». Нетрудно представить, как могло реагировать советское руководство на подобного рода заявление летом 1942 года, когда Красная Армия истекала кровью, враг рвался к Волге, Сталинграду, был сжат тисками блокады Ленинград, не выполнялось обещание об открытии второго фронта. После двухмесячной паузы, после того, как У. Черчилль побывал в Москве, заявив там о невозможности открытия второго фронта в 1942 году, он все же принял решение направить в северные порты СССР очередной караван. Конвой, которому был присвоен литер PQ-18, вышел из Исландии 2 сентября 1942 г. Это было самое крупное с начала конвойных операций на Севере формирование судов» [4].

В послании И. В. Сталину 7 сентября 1942 г. У. Черчилль писал: «Конвой PQ-18 в составе 40 пароходов вышел... Мы выделяем мощные ударные силы из эсминцев... Мы также включили в сопровождение конвоя... только что построенный вспомогательный авианосец. Далее мы ставим сильную завесу из подводных лодок между конвоем и германскими базами». Караван охраняло, не считая вспомогательных, более 30 боевых кораблей, в том числе 1 крейсер и 14 эсминцев. В ответном послании 8 сентября И. В. Сталин заявил: «Я понимаю всю важность благополучного прибытия конвоя PQ-18 в Советский Союз и необходимость принятия мер по его защите. Как нам ни трудно выделить дополнительное количество бомбардировщиков для этого дела в данный момент, мы решили это сделать». Черчилль в свою очередь в послании 13 сентября 1942 г. поблагодарил советское руководство «за 48 бомбардировщиков дальнего действия, 10 самолетов-торпедоносцев и 200 истребителей, которые, как я теперь узнал, Вы посылаете, чтобы помочь провести PQ-18» [4].

Во время следования каравана на пути в Архангельск начались ежедневные комбинированные атаки подводных лодок и самолетов противника по конвою, продолжавшиеся практически до его прибытия в Архангельск. В составе конвоя наряду с английскими и американскими транспортом было 6 советских: «Сталинград», «Петровский», «Сухона», «Тбилиси», «Андре Марти» и «Комилес».

Именно пароход «Тбилиси» смог уклониться от 6 торпед и отбить все атаки противника, так как он был оснащен спаренными пулеметами, одним из которых управлял мой дедушка.

После восемнадцати дней почти не прекращавшихся боев испытывавшие огромное перенапряжение конвойные эсминцы были вблизи мыса Рат освобождены от своих обязанностей. После проводки «РQ-18» и «QР-14» эсминцы вполне могли уйти на заслуженный отдых.

Очень много людей тогда потонуло, для многих моряков и кораблей могилой стал океан. Нет в местах их гибели ни памятных знаков, ни звезд, ни крестов, только студеное море... Как писал в своих военных записках мой дед: «Чаще всего погибал человек в Атлантике и Баренцевом море. Это самая худшая смерть, которая зовется безызвестной. Это не та общественная смерть, когда тебя подберут, накроют шинелью и уложат в братскую могилу. У этой смерти нет даже могилы... »

За военные заслуги мой дедушка был награжден множеством медалей и орденом Красной Звезды, который, к сожалению, затонул. Восстановить его не представлялось возможным, так как нужны были несколько свидетелей, которых уже не стало в мирное время. За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. Гречко присвоил ему звание младшего лейтенанта.

В послевоенные годы мой дедушка вел большую патриотическую работу, неоднократно выступал перед школьниками и студентами, рассказывая о мужестве моряков Северного флота. К сожалению, я знаю моего деда только по фотографиям, потому что он умер за 6 лет до моего рождения. Вечная память моему деду и всем, кто принес победу нашей Родине!

Литература

1. Государственный архив Мурманской области // Обеспечение перевозок по ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.murmanarchiv.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=170:2010-04-21-06-11-22&catid=38:the-great-patriotic-war-on-the-kola-north&Itemid=82/
2. Котлас в годы Великой Отечественной войны // <http://kotlaslib.aonb.ru/zavod.htm>
3. *Пикуль В.С.* Реквием каравану РQ-17. Документальная трагедия. Роман-газета. 1984, № 9 (991).
4. *Кученатов Ю.Н.* «Последний конвой из серии РQ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <http://arcticwar.pomorsy.ru>

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ ПОБЕДЫ

*Чуркина Наталия Валерьевна, 19 лет,
студентка 1 курса Самарского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Шевкуленко Д.А.,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Самара*

Счастливым мое поколение — мы родились под мирным небом нашей могучей родины, никогда не слышали воя бомб и грохота канонады, не видели ужасов войны. А ведь не всегда небо над нашей чудесной страной было безоблачным и мирным. Люди старших поколений помнят страшное время — грозное лихолетье войны, тяжелейшую битву с фашизмом.

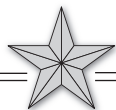
Наша память о Великой Отечественной войне с годами становится все более значимой: время, развитие человечества позволяют глубже и шире видеть результаты подвига советских людей в битве с фашизмом. Эта война явилась труднейшим испытанием для нашей страны, испытанием человека, техники, общественного строя, экономики, науки, вооруженных сил. Испытание длиной в 1400 дней и ночей. И не было среди них ни одного «легкого» дня, даже самый последний день в войне с фашистской Германией был бесконечно опасным и безмерно трудным.

Да, это было суровое время... Но это было и героическое время! Эти тревожные дни и ночи навсегда останутся в памяти народной, в памяти человечества. Ратный и трудовой подвиг не должен быть забыт.

Моя работа — о героическом подвиге таких же людей, как и мы, которые в грозные годы стали в шеренги бойцов, взяли в руки винтовки и гранаты, неутомимо работали в цехах заводов и на колхозных полях, вдохновляемые одной мыслью: «Все — для фронта, все — для победы!»

Важнейшим событием первого года войны была битва за Москву. Она положила начало всем будущим победоносным сражениям Красной Армии, развеяла миф о непобедимости немецких войск, вдохновила советских людей на новые подвиги, укрепила их уверенность в том, что враг будет разбит.

В этой гигантской битве с обеих сторон было задействовано около 7 млн. человек. Общие безвозвратные потери советских войск в сражениях на ближних и дальних подступах к столице составили 926 тыс. человек. Немцам также был нанесен значительный урон — 615 тыс. человек. Было задействовано с нашей стороны до 22 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. танков, более 2 тыс. самолетов. По времени битва продолжалась около 7 месяцев (203 дня и ночи) на огромном

пространстве, равном примерно территории Франции. Битва продолжалась с 30 сентября 1941 г. по 20 апреля 1942 г. [3, с. 14].

К осени 1941 г. обстановка на советско-германском фронте оставалась сложной. Красная Армия вела ожесточенные оборонительные бои. Немецко-фашистские армии занимали выгодное оперативно-стратегическое положение и, несмотря на понесенные потери, по-прежнему имели превосходство в силах и средствах. Они оккупировали Прибалтику, Белоруссию, большую часть Украины и вышли на дальние подступы к Москве. Главный удар противник наносил на западном направлении с целью овладения Москвой. Сжечь Москву, истребить население, сравнять ее с землей, затопить — такова была главная стратегическая цель Гитлера. Первейшей задачей советской стратегии было Москву отстоять. После провала плана захватить Москву с ходу в первые месяцы войны гитлеровское командование подготовило крупную наступательную операцию под кодовым названием «Тайфун».

Наступление по плану «Тайфун» немецкие войска начали 30 сентября на Брянском и 2 октября на Вяземском направлениях. Несмотря на ожесточенное сопротивление советских войск, противник прорвал их оборону. Битва началась в чрезвычайно сложной обстановке. Враг имел превосходство в силах, средствах, маневренности, владел стратегической инициативой и господствовал в воздухе. Красная Армия, наоборот, к этому времени была сильно ослаблена крупными потерями и испытывала острый недостаток в вооружении и боеприпасах. Экономика страны, вследствие утраты территории, которая в 4 раза превышала размеры Германии, и вынужденной эвакуации на восток многих промышленных предприятий, еще не могла удовлетворить необходимые потребности действующей армии.

Наступление врага застало советские войска врасплох. Они не смогли оказать должного противодействия противнику, который прорвал оборону. 6 октября пять армий Западного и Резервного фронтов попали в окружение под Вязьмой, а основные силы Брянского — под Брянском. Поражение советских войск под Вязьмой и Брянском было обусловлено, с одной стороны, тем, что противник умело реализовал свои преимущества. С другой стороны, оно стало следствием просчетов и ошибок советского командования, не сумевшего использовать сильные стороны обороны. Кроме того, для советских войск наступление немцев по плану «Тайфун» оказалось почти столь же внезапным, как и развязывание войны 22 июня 1941 г. [1, с. 69–74].

Овлаждению Москвой немецко-фашистские захватчики придавали исключительное значение. Успех в этом предприятии должен был продемонстрировать всему миру триумф их стратегии и «неотразимость» германского оружия. Битва под Москвой, кроме того, развернулась в условиях, когда германская армия была на подъеме. В течение всего

предшествовавшего периода Второй мировой войны она шла от победы к победе, не имея еще ни одного крупного поражения. Военные успехи, а также всемерное раздувание мифа о непобедимости германской армии и гениальности Адольфа Гитлера развили и укрепили в войсках фанатичное чувство самоуверенности и превосходства над любым противником. Еще в июле 1941 г. в ряде официальных документов руководства Германии была расписана в деталях церемония «московских торжеств». Напечатаны миллионы листовок с призывом: «Немцы! Вывесите флаги! Москва — взята!» О своей долгожданной победе фюрер собирался оповестить мир лично на Красной площади столицы [3, с. 112].

Красная Армия, оказывая ожесточенное сопротивление, неся огромные потери, отступала. Враг имел превосходство в силах и средствах, владел инициативой. Но воля защитников Москвы не была сломлена. Благодаря их беспримерному подвигу, мужеству и непоколебимой стойкости обескровленный противник был остановлен.

В битве за Москву самое активное участие принимал тыл Красной Армии, тыл государства, в том числе — население и промышленность столицы. Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян в 60-е годы XX в. с особым ударением подчеркивал: «Тыл — это половина победы и даже немножко больше, чем половина...» [2, с. 98].

Советские войска одержали первую крупную победу над фашистами. Был развеян миф о «непобедимости» германской армии. Многие отечественные историки считают битву под Москвой началом коренного перелома в Великой Отечественной войне.

Битва под Москвой отмечена массовым героизмом и самопожертвованием советских людей. За доблесть и мужество, проявленные в боях, 40 частям и соединениям было присвоено гвардейское звание, 36 тыс. воинов награждены орденами и медалями, 181 человек удостоены звания Героя Советского Союза [4].

Прошли годы, десятилетия, Великая Отечественная война уже стала частью нашей общей истории. Но память о тех событиях жива. Память великого народа о своих великих героях. Разве можно забыть тех, кто дал нам возможность жить, любить, творить? Разве можно забыть то, что сделали для нас наши деды? Спасибо вам за все, дорогие ветераны! Память о вас и ваших героических делах нам нужна, и она должна жить в каждом человеке вечно. Благодаря вам и вашим подвигам живем мы, ваши дети, внуки и правнуки.

К сожалению, с каждым годом все меньше становится среди нас участников той войны. И тем трепетнее мы должны проявлять заботу и уважение к живым ветеранам; склонять головы и почитать тех, кто ради нас отдал самое дорогое — свою жизнь. Я благодарна солдатам Великой Отечественной за то, что они дали нам шанс — просто жить... И хочу, чтобы каждый из нас, молодых, хоть изредка задумывался,

использует ли он этот шанс в полной мере, чтобы когда-нибудь, оглянувшись, посмотрел на прожитую жизнь и с чистой совестью сказал вам, людям, защитившим нашу Родину, что все сделанное вами не пропало даром и никогда не будет забыто.

Великая Отечественная война продолжает жить в нас, в наших воспоминаниях, в судьбах людей — и тех, кто был на фронте и трудился в тылу, и тех, кто родился уже после того, как отгремели бои. Военное прошлое предстает как пора величайшей стойкости и беспримерного героизма. Великое не может быть забыто! Думается, что и наши далекие потомки будут вновь и вновь осмысливать эти поистине немеркнущие события. Память обязывает нас хранить мир на земле, бережно и трепетно относиться к традициям русского народа и быть готовыми в будущем передать своим детям все, что мы знаем о страшной войне, чтобы они дорожили свободой, которую завоевали наши отцы, деды и прадеды.

Литература

1. О подвигах, о доблести, о славе: Рассказы и очерки / Сост. Г.Н. Яновский. М., 1981.
2. *Куманев Г.А.* 1941–1945. Краткая история, документы, фотографии. М., 1982.
3. *Сорокин К.Л.* Трудные дни сорок первого. М., 1991.
4. Проект-акция «Наша победа. День за днем» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://9may.ru>

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ (Судьба солдата Ивана Романова)

*Секерина Екатерина Ивановна, 23 года,
выпускница Брянского филиала ГБОУ ВПО «Всероссийский
заочный финансово-экономический институт»,
г. Брянск*

Лангеоог — остров из группы Восточно-Фризских островов в Северном море, провинция немецкой земли Нижняя Саксония на северо-западе от города Вильгельмсхафен. Сегодня это чудный бальнеологический курорт, идеальное место для кратковременного отпуска. Остров считается раем для выздоравливающих больных, любителей природы, энтузиастов спорта, для семей с детьми. 14 км песчаных пляжей и 25 км маршрутов для велосипедных и пеших прогулок, проходящих

по лугам, дюнам и рощам, современные спортивные сооружения и оборудование для парусного спорта, тенниса, верховой езды, минигольфа, велоспорта и аква-фитнеса.

Трудно представить, что в годы Второй мировой войны здесь был создан один из многочисленных фашистских лагерей — Шталаг XD (310). (Наверное, следует пояснить, что Шталаг (Stalag) это постоянно действующий (стационарный) лагерь для рядового и сержантского состава сухопутных войск). Сейчас об этом напоминают лишь маленький музейчик и кладбище погибших советских военнопленных — 114 имен. На одной из плит высечено имя моего прадеда — «Романов Иван» и дата смерти — «18.12.1941».

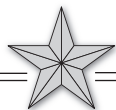

Могила прадеда

Иван Павлович Романов родился в деревне Прусаковка Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области 21 февраля 1913 года в многодетной крестьянской семье. Как и все в деревне, семья Романовых жила в тяжелых праведных трудах. Когда пришло время жениться, Иван посватался к красавице Марфе Аносинцевой, которая ответила на любовь работающего парня. И зажили они своей семьей счастливо, с надеждой на светлое будущее. Оба от зари до зари работали в колхозе. В 1939 году в семье Романовых родилась первая дочь Раиса (моя бабушка), а вот вторая дочь — Валентина — появилась на свет, когда отец был уже на фронте — в июле 1941 года.

Моя бабушка Раиса Ивановна Федосова (урожденная Романова) не раз рассказывала мне, как перемогалась их осиротевшая семья в годы оккупации. Голодали, ютились в землянке, когда дом сожгли фашисты. Позже дед Прохор Иванович Аносинцев помог справиться маленькую хатку в одно окно с земляным полом. Бабушка не может без слез вспоминать те страшные годы.

Несмотря ни на что, Романовы выжили, но они ни разу так и не получили весточки с фронта от мужа и отца. Сначала ждали писем,

потом, когда кончилась война, ждали возвращения Ивана Павловича. Но не было ни солдата, ни вестей о нем. Марфа Прохоровна не раз ездила в военкомат, писала в разные инстанции, искала мужа. «Помню, в один из летних дней 1947 года, — говорит моя бабушка Рая, — в дом постучалась почтальонка и протянула маме какое-то письмо. Мама прочла его, вскрикнула и упала в обморок. Оказалось, что пришло извещение о том, что красноармеец Иван Павлович Романов, мой отец, пропал без вести еще в 1941 году. Больше о его судьбе мы ничего не знали». Марфа Прохоровна ушла из жизни в 2003 году, так и не узнав ничего о судьбе своего пропавшего без вести мужа...

Р.И. Федосова

Иван Романов в числе большой партии мужчин призывного возраста был мобилизован на фронт Дубровским райвоенкоматом в июне 1941 года. Всех мобилизованных отправили в белорусском направлении. Боевое крещение солдат принял в боях под Невелем. Под Невелем бои вели 51-й и 62-й стрелковые корпуса 22-й Уральской армии под командованием генерал-лейтенанта Ф.А. Ершакова (впоследствии погиб в Хаммельбургском лагере). 22-я армия была сформирована в Уральском военном округе и убыла на Западный фронт уже в первые дни войны. В ходе упорных оборонительных боев в Белоруссии соединения и части этой армии проявили исключительную стойкость и мужество. Однако пришлось отступать. 15 июля фашистами был взят Невель. По архивным данным, в тяжелых кровопролитных боях под Невелем красноармеец И.П. Романов 12 июля 1941 года попал во вражеский плен и был отправлен в Шталаг XD (310) на территории Германии, располагавшийся на маленьком острове Лангеоог в Северном море.

По официальной статистике, более 5 миллионов советских солдат и офицеров оказались в годы войны в немецком плену, из них более

3,5 миллионов попали в плен в 1941 году. Родственники подавляющего большинства этих людей получили извещения о том, что их родные и близкие пропали без вести.

Долгие годы о трагедии плена в нашей стране старались не говорить, о миллионах воинов, переживших эту трагедию, сознательно умалчивалось. И лишь в 1994 году Президент России Б.Н. Ельцин подписал указ о полной реабилитации лиц, оказавшихся в немецком плену.

Сегодня о жизни наших военнопленных в фашистском плену мы знаем уже немало. По отношению к ним нацистской Германией проводился настоящий геноцид. Созданы были невероятно тяжелые условия содержания. Первые дни пленных, как правило, не кормили, желая подавить волю, стремление к сопротивлению, добиться покорности, предотвратить попытки к бегству. Режим, установленный в немецких лагерях для советских военнопленных в 1941 году, гарантировал узникам голодную смерть. В результате голодания и нечеловеческих условий существования у военнопленных наступало безразличие ко всему, кроме еды, начинались психические расстройства.

Массовую гибель советских военнопленных вызвала эпидемия сыпного тифа. Эпидемия разразилась в октябре 1941 года и свирепствовала до лета 1942 года. Предшествовало тифу повальное заболевание дизентерией, вспыхнувшее в условиях абсолютной антисанитарии, царившей в лагерях. Все бывшие военнопленные вспоминают, что в лагерных бараках было трудно дышать от смрада. Все без исключения военнопленные были завшивлены.

По официальной статистике, к началу 1942 года от голода и тифа погибло 47% общего числа советских военнопленных, находившихся в Германии. В их числе был и мой прадед Иван Павлович Романов. По данным немецких архивов, он умер 19 декабря 1941 года и похоронен в Ниенбурге (Nienburg).

Установить судьбу солдата Ивана Романова нам помогли юные поисковики из школы №3 подмосковного города Лыткарино, приславшие информацию о месте и времени гибели красноармейца. Дальше в работу включились музейеды школы №1 поселка Дубровка Брянской области, где я училась, и директор Дубровского краеведческого музея Валентина Ивановна Гарбузова, выяснив подробности боев под Невелем в июле 1941 года и данные о Шталаге XD (310) на острове Лангеог в Северном море.

Пришла наконец пора понять всю глубину трагедии советских военнопленных, брошенных своим государством на произвол судьбы. И восстановление истории жизни красноармейца Ивана Павловича Романова — один маленький, но очень важный шаг на этом пути. Одним пропавшим без вести солдатом Второй мировой стало меньше. Спустя семь десятилетий он вернулся на свою родину, в свою семью.

СЕРДЦЕМ ПРИКОСНЕМСЯ К ПОДВИГУ

*Толмачева Анна Олеговна, 19 лет,
студентка 1 курса Курского филиала РГТЭУ.
Научный руководитель — Родионова Т.В.,
г. Курск*

22 июня 1941 г. Война... Она постучалась в каждый дом, принесла беду: матери потеряли своих сыновей, жены не дождались мужей, дети остались без отцов. Разрушенные села, города, голод и холод. Всюду горе и слезы.

Уже не всем моим сверстникам известны имена Александра Матросова, который закрыл своим телом амбразуру, Зои Космодемьянской, бесстрашной партизанки, которая не выдала своих, не назвала даже своего имени, Алексея Маресьева, Человека с большой буквы, ставшего примером стойкости, храбрости и отваги. А сколько еще людей пожертвовали жизнью во имя светлого будущего! Сколько подвигов было совершено!

Я хочу рассказать о человеке, чье имя для меня является святым. Степанов Василий Андреевич, мой дедушка. К сожалению, я не застала его в живых, но по рассказам своей мамы я знаю, что пришлось пережить ему там, на огненных рубежах войны.

Отслужив в армии три года, дедушка вернулся домой в 1931 году в звании старшего сержанта, проявив себя дисциплинированным и ответственным военнослужащим. Желание продолжать военную деятельность привело его на курсы по подготовке офицеров.

В течение десяти лет ничто не мешало тихому счастью семьи. У дедушки с бабушкой уже было трое детей. Но в один миг все планы рушатся — начинается Великая Отечественная война, и в серьезном сражении, происходившем под Смоленском, дедушка принимает участие в качестве командира роты.

Как известно, Смоленское сражение представляло собой комплекс оборонительных и наступательных операций, проведенных советскими войсками с целью не допустить прорыва врага на московском стратегическом направлении. В течение шестидесяти трех суток шли кровопролитные бои. Мой дедушка проявил себя как истинный патриот своей Родины, человек бесстрашный, быстро и четко ориентирующийся в сложных ситуациях. Не раз возникали моменты, от исхода которых зависела жизнь, никогда Степанов не рисковал своими солдатами, за что получил уважение не только среди бойцов, но и руководства.

В ходе Великой Отечественной войны двенадцатого июля тысяча девятьсот сорок третьего года в районе железнодорожной станции Прохоровка и села Александровское произошло крупное танковое сраже-

ние, где с обеих сторон участвовало свыше 1200 единиц танков и самоходных орудий. В этом бою дед получил свое первое ранение в ногу и на некоторое время вышел из строя, однако, спустя уже пару недель, преодолевая ноющую боль, вернулся в свою роту, чтобы продолжить бороться против немецко-фашистских войск.

Двадцатого октября тысяча девятьсот сорок третьего года на юго-западном направлении был образован Третий Украинский фронт. Будучи капитаном, военнослужащий Степанов принял непосредственное участие в битве за Днепр и в освобождении городов Днепропетровска и Днепродзержинска.

Восьмого сентября тысяча девятьсот сорок четвертого года войска этого же фронта вступили на территорию Болгарии и к концу месяца освободили ее, а с октября тысяча девятьсот сорок четвертого по февраль тысяча девятьсот сорок пятого года Третий Украинский фронт частью сил участвовал в Будапештской стратегической операции. Его войска форсировали Дунай и захватили плацдарм на его правом берегу. В это время дед получает второе огнестрельное ранение, на этот раз в плечо. И снова, не дождавшись окончательного выздоровления, покидает госпиталь и отправляется на огненный рубеж.

В январе тысяча девятьсот сорок пятого года войска Третьего фронта отразили контрудары противника, пытавшегося деблокировать окруженную в Будапеште группировку, а в марте во время Балатонской операции сорвали контрнаступление немецких войск в районе озера Балатон. Успешное завершение этой операции позволило без оперативной паузы начать шестнадцатого марта во взаимодействии с левым крылом Второго Украинского фронта Венскую стратегическую операцию, завершить освобождение Венгрии, изгнать врага из восточной части Австрии и освободить ее столицу Вену, за что дедушка был удостоен медали.

Он прошел весь сложный путь Второго и Третьего Украинских фронтов с сорок первого по сорок пятый год. Капитан Степанов был настоящим образцом мужества, отваги и стойкости для своих бойцов, умел проявить блестящую тактику в ведении боев. Был дважды ранен при наступлениях, но, несмотря на ужасную боль, продолжал бороться и все-таки дождался победы!

С фронта вернулся с медалями «За боевые заслуги», «За взятие Вены», «За мужество» и «За победу над Германией», которая стала для него самой главной наградой за все годы мучений.

Я горжусь тем, что являюсь внучкой этого великого человека. Да-да, именно так, ведь все, кто прошел войну, кого коснулись эти страшные годы, являются поистине ВЕЛИКИМИ, героями, имена которых должны остаться в наших сердцах.

СУДЬБА КРЕСТЬЯНКИ

*Зюлин Станислав Геннадьевич, 19 лет,
студент 3 курса Смоленского филиала ГОУ ВПО «Московский
энергетический институт (Технический университет)»,
г. Смоленск*

Война — это горе, слезы. Она постучалась в каждый дом: у матери отняли сыновей, у жен мужей, дети остались без отцов. Тысячи людей прошли сквозь горнило войны, но выстояли и победили. И живы еще те люди, которые в тяжелейших боях защищали Родину. Война в их памяти всплывает самым страшным горестным воспоминанием, но она же напоминает им о стойкости, мужестве, несломленности духа, дружбе и верности.

Я много читал о людях, которые прошли эту страшную войну, бывал на встречах с ветеранами. Они вновь и вновь рассказывают о том, что стало не только их личной болью, но и трагедией всего поколения. Ветераны не могут уйти из жизни, не предупредив людей об опасности, которую несет забвение уроков прошлого.

Еще одну страницу Великой Отечественной войны открыла передо мной моя прабабушка Петракова Анастасия Ефремовна. Когда фашисты пришли на брянскую землю, 20-летняя Анастасия была одна с маленьким сыном на руках (ее муж, мой прадед Илья уже был на фронте). Она вспоминает, что немцы сразу объявили, что забирают домашний скот: коров, овец, свиней, кур. Все закричали, заплакали — ведь это их спасение. Люди как могли противились этому, но среди местных жителей нашлись предатели, полицаи, которые помогали провести операцию. Полицаи сгоняли скот, который сразу резали и укладывали в ящики. Некоторые пытались прятать свою скотину, но предатели рассказывали об этом немцам. А те тут же приходили в дом и избивали хозяев. Наутро у многих стариков и женщин виднелись кровоподтеки и синяки. Так семья Анастасия Петракова лишилась своей кормилицы.

Фашисты ездили на машинах по деревне и стреляли куда вздумается. Стук их сапог слышал каждый житель. Они побывали в каждом доме. Дверь открывали ногой и с такой силой, что у некоторых она слетала с петель. Зайдя в дом, шарили по всем углам, забирали вещи, съестное. Чувство страха и голода испытывали многие.

Бабушка очень плакала, когда не могла накормить своего сына. Она рассказывала: «Ком к горлу подкатывался от горя и голода. Судороги сводили мальчика. И чтобы хоть как-то утолить чувство голода, я в марлю заворачивала небольшой кусочек хлеба и давала ребенку. Он рассасывал материю и через нее вытягивал содержимое. Хлеб тогда не так быстро заканчивался. Пить давала отвар, заваренный на травах. Сахар кусковой был, но редко. Так и выживали. Но ни на минуту мы

не забывали, что война кончится, и верили в это. Так оно и случилось. Мы выжили, выстояли!»

Я слушал рассказ бабушки и на глаза накатывались слезы: мой близкий человек пережил такое, что даже спустя полвека воспоминание об этом тревожит душу. Говорят, что время лечит, но горечь воспоминаний о войне не может вылечить ничто.

Моя прабабушка вынесла много горя и страдания, как и все ее односельчане. После освобождения на женские плечи легли все заботы по восстановлению разрушенного хозяйства. Много приходилось работать, ведь все, выращенное на полях, приходилось отдавать на нужды фронта. Собирали также для солдат продукты, одежду, теплые носки и варежки. Прабабушка все отдавала, ей ничего не было жалко. Она знала, что на фронте ее муж, и он тоже нуждается во всем этом, как и многие другие мужчины.

Закончилась война, а прабабушка так и не отошла от этого ужаса. Муж не вернулся с войны. Многие ее подруги, потерявшие мужей, повторно вышли замуж. А она все ждала, ждала, да так и не дождалась. Умерла вдовой солдата, имея на руках похоронку и портрет довоенной поры.

Я не хочу, чтобы повторились ужасы войны. Пусть мирно растут дети, не пугаясь взрывов бомб. И пусть никто из нас не забудет, кто и как завоевал нашу свободу и счастье, кто сохранил для меня и миллионов моих соотечественников язык, культуру, обычаи, традиции и веру моих предков.

«МЫ НЕ ДРОГНЕМ В БОЮ ЗА СТОЛИЦУ СВОЮ...»

*Трамбовецкая Олеся Викторовна, 19 лет,
студентка 1 курса финансового факультета Омского филиала
ФГОУ ВПО АБиК Минфина России.
Научный руководитель — Кормильцева Е.А.,
кандидат исторических наук, доцент*

*И хоть на полюсе живи,
Ты вспоминай слова святы,
Слова надежды и любви:
«Стоит Москва —
Стоит Россия»*

М. Танич

Я убеждена, что в истории всех государств и народов мира есть такие события, которые можно назвать эпохальными, события величайшего на-

ционального значения, переходящие в памяти народа от поколения к поколению, сохраняя при этом свое величие и национальную гордость. Для нашего государства таким событием, естественно, явилась Победа в годы Великой Отечественной войны над сильным врагом, над фашистской Германией и ее союзниками. Мы никогда не забудем тех людей, которые ежедневно трудились на благо Родины, тех людей, которые, не жалея сил, помогали фронту, тех людей, которые, не щадя себя, защищали родную землю. И, конечно, мы не забудем ни одну битву, вошедшую в историю не только нашей страны, но всего мира. Одна из таких битв — прославленная битва под Москвой. Победа в ней явилась решающим военным событием первого года Великой Отечественной войны и первым крупным поражением Германии в ходе всей Второй мировой войны.

Мои родители, работавшие в Омском пехотном дважды Краснознаменном училище имени М.В. Фрунзе, принесли однажды интереснейшую книгу под названием «В Сибири рожденное». Она была посвящена истории этого училища, и в ней упоминались различные дивизии и батальоны, принявшие непосредственное участие в битвах под Москвой. Я была удивлена, узнав, как много прославленных соединений, защищавших нашу столицу, было сформировано в Омске. Теперь я с уверенностью могу сказать, что омичи внесли большой вклад в эту победу. На фронтах войны прославились выпускники Омского пехотного училища имени М.В. Фрунзе, Омского авиационного училища, Омского интендантского училища. С началом Великой Отечественной войны тысячи омичей добровольно ушли на фронт, чтобы с оружием в руках защищать Родину. На берегах Иртыша в Омске и области были сформированы прославленные воинские части и соединения. В первые дни войны из Омска выступили 178-я и 362-я стрелковые дивизии, которые принимали непосредственное участие в битвах под Москвой.

Одной из первых на фронт ушла 178-я стрелковая дивизия. Она была сформирована на базе Омского пехотного училища, и в период формирования ее штаб располагался на улице Таубе дом 7 (Музей воинской славы). На десятый день после начала Великой Отечественной войны первые эшелоны начали отправляться на фронт, а 8 июля 1941 года дивизия в полном составе сосредоточилась в районе станции Сычевка. Через 5 дней 178-я стрелковая дивизия уже приняла участие в своем первом бою. Солдаты храбро сражались на фронтах Осташково и Черногубово, вели активный бой на рубеже Денисиха и вклинились в оборону врага на глубину до 5 км! Личный состав дивизии показал высокую стойкость, упорство и умение бить врага.

В сентябре 1941 года на фронт из Омска ушла и 362-я стрелковая дивизия, которая отважно сражалась под Москвой. С 1 сентября по 9 ноября 1941 года были полностью сформированы входящие в состав войскового соединения стрелковые и артиллерийские полки. Рядовыми этих полков стали труженики заводов и фабрик, колхозов и совхозов Омской

области. В начале февраля 1942 года дивизия заняла позиции на Калининском фронте в районе Осташково. 15 февраля 1942 года вступила в бой с противником в районе города Нелидово. Здесь сибиряки получили свое первое боевое крещение, проявив исключительную стойкость и упорство. Дивизия участвовала в наступлении под Москвой в невероятно тяжелых условиях зимы. Несмотря на упорное сопротивление фашистов, части соединения врываются в окопы и траншеи, захватывали опорные пункты. В бою за деревню Плавно воины-сибиряки сокрушили укрепленную оборону противника, заставив его отойти на Ржев. Весь 1942 год части 362-й стрелковой дивизии продолжали активные боевые операции по ликвидации ржевской группировки гитлеровцев, по освобождению Калининской области. Дивизия была награждена орденами Красного Знамени и Кутузова I степени.

Говоря о соединениях, сформированных в Омске и принявших участие в битве под Москвой, следует упомянуть и 712-й отдельный линейный батальон связи. В ноябре 1941 года он прибыл на фронт и вошел в состав 1-й ударной армии, участвовавшей в тяжелых боях за Москву. Ее части освободили более 700 населенных пунктов Подмоскovie! Солдаты-сибиряки проявили высокое воинское мастерство, отвагу и мужество.

Грудью встала на защиту Москвы и 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия. Командовал соединением 37-летний полковник Виктор Иванович Полосухин, выпускник Омского пехотного училища имени М.В. Фрунзе, первый секретарь комсомольской организации Омской пехотной школы. Дивизия получила ответственную задачу: оборонять прославленное Бородинское поле. 13 октября дивизия вступила в бой с фашистами. 5 дней продолжался неравный бой. Налеты авиации сменялись атаками танков и пехоты. И только по приказу командующего 5-й армией дивизия отошла на новый рубеж. Отошла, чтобы снова уничтожить врага, чтобы вскоре вместе с другими соединениями участвовать в контрнаступлении под Москвой, в освобождении Можайска. В этих боях погиб, до конца исполнив свой долг, Виктор Иванович Полосухин. Память о нем свято чтут жители не только столицы нашей родины, но и омичи. Его имя носит одна из улиц города Омска.

И в заключении хотелось бы сказать, не забывайте! Никогда не забывайте подвиг людей, так отчаянно боровшихся за Победу, за благополучие, за мир! И не важно из какой области, района или края они родом, главное, чтобы мы никогда не забыли, что мирное небо над головой — это их заслуга!

*«Зима сорок первого года —
Тебе ли нам цену не знать!
И зря у нас вышло из моды
Об этой цене вспоминать»*

Константин Симонов

Глава 11. Школьники о своих родных в Великую Отечественную

ЕДИНСТВО ФРОНТА И ТЫЛА

*Шереметьев Юрий Олегович, 15 лет,
ученик школы № 169 г. Киева.
Руководитель — Шереметьева О.Ю.,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Киев, Украина*

Великая Отечественная война сплотила всех людей нашей страны. С первых же дней войны фронт и тыл работали вместе на нашу общую победу. Каждый стремился внести свой посильный вклад в общее дело. Я хочу рассказать о старшем поколении моей семьи, которое на фронте и в тылу боролось с немецко-фашистскими захватчиками.

Мой дедушка Шереметьев Юрий Алексеевич родился 1 марта 1926 г. в селе Краишевка Балашовского района Саратовской области. В конце 1941 года, когда ему было всего 15 лет и немецко-фашистские войска подошли к Волге, дедушка записался добровольцем, прибавив себе 2 года. Его направили курсантом в военную школу 358 запасного стрелкового полка в г. Татищево. После школы, он закончил также Ленинградское Краснознаменное артиллерийское училище, находившееся в то время в г. Энгельс и был отправлен на фронт. Таким образом, он стал одним из самых молодых командиров.

Дедушка воевал в Германии и других странах Европы. В 1945 г. он был направлен на 1-й Дальневосточный фронт командиром отдельного взвода 1056 Краснознаменного стрелкового полка 264-й Уссурийской стрелковой дивизии, где участвовал в боях с японскими войсками, выступавшими на стороне фашистской Германии. Юрий Алексеевич

*Шереметьев Ю.А. — курсант
военной школы 358-го запасного
стрелкового полка (г. Татищево
Саратовской области)*

рассказывал, что воевать с японцами было намного труднее, чем с немцами, всюду были подземные ходы, японцы нападали неожиданно и также неожиданно, как тени исчезали, а преследовать их

Ю.А. Шереметьев в военные годы

в подземных ходах было крайне опасно. Командованием было принято решение уничтожить подземные ходы и выдавить от туда японцев. Дедушка успешно справился с поставленной перед ними задачей. Во время войны он был дважды ранен. Но из госпиталей сбежал, чтобы не отстать от своей части, которая передислоцировалась. Юрий Алексеевич Шереметьев был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями: «За отвагу», «За победу над Японией» и другими наградами.

Отец Юрия Алексеевича — Шереметьев Алексей Васильевич был священником. Но духовный сан не мешал ему быть полезным своей ро-

дине. В 1944 г. он также был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Мой прадед по линии отца — Прижибиток Иосиф Иванович, родился 20 сентября 1910 г. На фронт ушел в 1941 году. Прошел всю войну, воевал в Польше, освобождал Прагу. Иосиф Иванович был награжден многими государственными наградами, в том числе и иностранных государств (Польши, Чехословакии). Мой второй прадед по линии отца — Шкурко Александр Кондратьевич был мобилизован на фронт в первые дни войны, защищал Украину. Погиб в 1941 г. на Украине, пропал без вести. У него осталось две маленькие дочки 4 лет и 6 месяцев, которые так и не узнали, где погребен их отец.

Моя бабушка по линии матери — Сорокина (Шереметьева) Евгения Терентьевна была в годы войны школьницей и находилась в тылу. Она родилась 8 июня 1931 г. в г. Новосибирске. Бабушку застала война в Алтайском крае (деревня Шарчино). Интересны ее рассказы, как они помогали эвакуированным, у которых с собой не было порой ничего, даже теплой одежды. Местные жители как могли старались помочь им. Бабушка помнит, как ее отец — Терентий Прокопьевич, отдал свой последний тулуп кому-то из очередной партии эвакуированных. Несмотря на то, что их семья находилась в тылу, они сполна хлебнули всех тягот войны. Школьники вместе со своими учителями рубили дрова для шко-

лы, больницы и других учреждений в глубоком снегу, в 40-градусные морозы; собирали после уборки урожая колоски на полях и сдавали их в колхозы для уменьшения потерь зерновых, ведь хлеб ждали везде: и в блокадном Ленинграде, и на фронте. В 1944 г. после освобождения практически всей территории нашей страны, семья бабушки переехала в Краснодарский край. Это был сильно разрушенный регион. Школьники помогали тем, кто потерял на войне своих близких. Отстраивали дома для вдов, у которых погибла вся семья на фронте. Для этого делали кизяки — кирпичи из навоза и глины — и строили саманные дома. Люди были очень им благодарны. Воспоминания о войне у бабушки сохранились на всю жизнь. Некоторые из них вылились в стихотворные строчки, которые хочу предложить вниманию читателей.

Солдатам Великой Отечественной

Уходят из жизни солдаты,
Солдаты второй мировой,
Что путь преградили когда-то
Живой неприступной стеной.

Фашизму, что рвался к столице,
Столице, что общей была
Для русских, татар, осетинцев,
Для жителей Минска, Орла,

Казахов, грузин и узбеков,
Украинцев и молдаван,
Якутов, нанайцев, чеченцев,
Евреев, туркмен и армян.

От Волги до Бреста и Эльбы
Дорога войны пролегла.
В земле той дороги навечно
Лежат побратимов тела.

Шли в бой ради общей цели
С фашизмом в смертельный бой.
Они не могли, не хотели
Выжить любой ценой.

Дать мир и свободу народам
Своей и других стран.

Ради великой цели
Без страха шли на таран.

Закрыв амбразуру дзота
Грудью своей, солдат
Смертью поднял в атаку
Тех, кто стал ближе, чем брат.

Солдаты, что мир отстояли
От страшной нацистской чумы.
Они понимали и знали:
Не каждый вернется с войны.

В боях их единство роднило.
Единство — «советский солдат».
Была в нем огромная сила
Живых и погибших ребят.

Мы помним о подвиге вашем.
Всем тем, кто остался в живых,
А также в честь памяти павших
Наш низкий поклон до земли.

«ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН...»

*Шулепов Кирилл Дмитриевич, 17 лет,
ученик 11 класса МОУ СОШ № 33
им. Героя Советского Союза Л.П. Тихмянова.
Учитель — Захватова Т.С.,
г. Тула*

Лица времени... Какие они? Каждый из нас на уроках истории сталкивался с историческими личностями разных эпох. В контексте истории рисуются лица царей, видных военачальников, деятелей культуры и искусства: Иван Грозный, Петр I, Александр II, И.Е. Репин, П.И. Чайковский, А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов, Г.К. Жуков и многие другие. Они мирно или с оружием в руках вершили историю государства. Но за этими именитыми людьми, как бы в тени их славы стоят сотни, тысячи тех, кто также отстаивал независимость и свободу своей Отчизны.

Задача моей работы рассказать о людях, внесших значительный вклад в историю страны. Но как оценить этот вклад, как определить его размер? Его нельзя измерить линейкой, взвесить на весах. Мой рассказ будет о судьбе, на первый взгляд, незначительной, незаметной, но... История его жизни показала нечто другое.

Октябрь 1941 года. Гитлеровские войска уже на подступах к столице, от Москвы их отделяет всего 20–30 км. Планам Рейхстага практически суждено сбыться, остается лишь небольшой рывок: овладеть старинным провинциальным городом под названием Тула. Разве мог предположить Гитлер, что за этот населенный пункт, будут сражаться так, что он станет непреодолимым препятствием! Моя история посвящена одному из тех защитников Тулы, двадцатилетнему безусому лейтенанту Григорию Волнянскому. Представим себе, что Тула пала под натиском немцев и враг двинулся дальше на столицу, оборона не выдержала и гитлеровцы одержали победу не только на этом рубеже, но и во Второй мировой войне... Как бы повернулась

история? Наверное, не было бы самого большого государства, а все население, которому удалось бы выжить, работало бы на армию Вермахта... Это страшное предположение, но так могло бы произойти. И кто сможет сказать, что судьба Г.М. Волнянского — это маленький эпизод большой войны, а ведь он мог бы перевернуть историю...

Южная окраина Тулы, бывший Механический переулоч (с 1972 года эта улица носит имя Григория Волнянского). Именно здесь осенью 1941 года проходил передний край обороны Тулы и стоял расчет передового противотанкового заслона под командованием лейтенанта Григория Волнянского и политрука Михаила Сизова. В книге тульского краеведа Сергея Гусева «Тайны тульских улиц» [1, с. 38] со ссылкой на бывшего командира 732-го зенитно-артиллерийского полка противовоздушной обороны Михаила Трофимовича Бондаренко говорится, что захватить город с оружейными заводами, которые можно было запустить в кратчайший срок, немцы поначалу собирались пятью машинами пехоты и дюжиной танков, заехав сюда «с ходу», на грузовиках. Но это, увы, не произошло.

А ведь первые бои за Тулу проходили в обстановке нарастающей паники среди гражданского населения. Народ видел, что «на орловско-

*Командир 732 ЗАП
Бондаренко М.Т.*

тульском направлении наших войск нет. А на рубежах города действует один рабочий полк в 600 бойцов и вооружен он старыми трофейными

М.Т. Бондаренко

ми винтовками, пулеметами из запасов учебного оружия, ручными гранатами и бутылками с горючей смесью, а зенитные пушки вынужденно используются против танков».

В тот день, когда враг пошел на штурм, в городе началось разграбление складов и магазинов, ведь милиционеры и части НКВД, призванные охранять порядок, все уже были на передовой. Позже, 31 октября, когда все-таки начали подходить регулярные войска, милицейский батальон сняли с позиций у деревни Михалково — на этом участке расположилась прибывшая дивизия регулярных войск — и вернули наводить порядок в городе. Ну а тогда, в самый первый день обороны Тулы, все виделось в ином свете. Разграбленные магазины, горящие элеваторы — это при-

меты того, что надежды долго продержаться почти не было. Общая тревожная атмосфера в городе сказывалась на зенитчиках лейтенанта Григория Волнянского. Его расчет состоял лишь из двух орудий: слева от Орловского шоссе стояла зенитка под командованием Михаила Сизова, справа другая — под командованием Григория Волнянского, еще два орудия стояли сзади. Предполагалось, что они понадобятся для противовоздушной обороны, но так получилось, что в ходе боя, когда передовые пушки были разбиты, пришлось выкатывать их на замену.

С 1985 г. в нашей школе работает музей этого героического воинского подразделения. Инициаторами создания музея стали ветераны 732-го зенитно-артиллерийского полка, они поделились воспоминаниями, фотографиями военных и послевоенных лет, трофеями и личными вещами, что и по сей день составляет основной фонд музея. Из воспоминаний политрука М. Сизова: «...нас было всего двадцать один человек. Командиру группы Волнянскому только что исполнилось двадцать лет» (2, с. 2). Да и остальные были его ровесниками. Знали ли они, что шли на верную гибель? О чем думали там, на поле боя? Страшно ли было умирать молодыми? Самым старшим был Михаил Сизов — через месяц ему исполнилось 45.

Вечером 29 октября заморосил дождь, который прекратился только ночью. Казалось, все замерло. Лишь слева и справа доносились какие-то

шорохи с позиций рабочего полка. Немцы пошли на Тулу с рассветом 30 октября, со стороны Орловского и Сталиногорского (теперь Новомосковского) шоссе. Этот день, когда пал смертью храбрых парень Григорий Волнянский, стал ключевым в обороне города. Враг беспрестанно атаковал с раннего утра и до позднего вечера, а всех защитников южного направления было мало: полк чекистов с одной стороны шоссе и рабочее ополчение — с другой. Атаки немецких танков сдерживали орудия 732-го зенитно-артиллерийского полка, стоявшие отчасти в укрытиях, а отчасти, как у лейтенанта Волнянского, для отражения лобовой атаки «в ровиках». Поле справа от батареи Григория Матвеевича было заминировано, считалось, что там танки не пройдут, левая сторона шоссе была надежно защищена от танков глубоким оврагом.

Когда в 6 часов 30 минут синяя ракета, выпущенная нашими разведчиками, оповестила о начале выдвижения немецких танков, Волнянский, ожидал их подрывов на минах. Однако танки свободно шли через минное поле. Что случилось? Теперь можно только догадываться. А тогда пришлось спешно разворачивать орудия и корректировать прицелы. Первый танк был подбит в трехстах метрах от зенитной батареи. И сразу же на наши позиции обрушился шквал артиллерийского, минометного и пулеметного огня. Из-за грохота молодому лейтенанту приходилось подавать команды не голосом, а жестами, встав в полный рост, чтобы его видели наводчики зениток. «Разгоряченный боем, Волнянский командовал организованно, без растерянности», хотя «даже дышать временами было трудно» из-за дыма и гари. Двигались танки группами с интервалом 500–600 метров. Зенитчики стреляли наугад, осевший туман еще прикрывал передний край обороны».

Первая атака была отбита, немцы отошли, оставив восемь подбитых танков. Но не успели бойцы докурить самокрутки, как атаки возобновились. Адские машины Гудериана маневрировали, прятались за стенами кирпичного завода. Зенитчикам порой приходилось разворачивать свои пушки под непрерывающимся огнем на 90 градусов.

В строю оставалось все меньше и меньше бойцов. Но эти мальчишки, которых перед боем заверили, что зенитный снаряд пробивает танковую броню, выполнили поставленную перед ними задачу: враг

*Сизов М.И., комиссар
6-й зенитной батареи*

не прошел. Самонадеянным гитлеровцам не удалось преодолеть этот рубеж, казалось бы — ничтожное препятствие для такой силищи. Со стороны Орловского шоссе в атаку шли до 50 танков — и это против двух зенитных расчетов! Практически все зенитчики были ранены, многие убиты. Политрук Сизов на время потерял слух. Командир огневого взвода 6-й батареи лейтенант Григорий Волнянский действовал за орудием уже в роли наводчика и заряжающего, но осколком снаряда его смертельно ранило, и вскоре он скончался. Есть расхождение относительно числа подбитых в тот день зенитчиками Волнянского танков. Иногда почему-то приводится цифра в тринадцать танков, в других документах указано, что шестой батареей было подбито четырнадцать. Но это не меняет сути дела, главное — хваленый Гудериан так и не смог преодолеть силу духа горстки героев, ценой своих жизней оставивших врага.

Боевой расчет 732-го зенитно-артиллерийского полка. Осень 1941 года

Более двадцати шести миллионов погибших оставила после себя самая страшная и разрушительная война. Нет практически ни одной семьи в России, которую бы она не опалила своим огненным крылом. Все больше лет отделяет нас от Великой Отечественной, но память прорастает в нас чувством благодарности, уважения, гордости за свершения наших прадедов. Пусть не каждого солдата нашла награда, но имя каждого из них вписано золотыми буквами в нашу память.

Литература

1. Гусев С. Тайны тульских улиц. Тула, 2007.
2. Личные воспоминания политрука М. Сизова (школьный музей 732-го зенитно-артиллерийского полка)

ИХ ПОДДЕРЖИВАЛА ЛЮБОВЬ

*Баринова Виктория Дмитриевна, 16 лет,
ученица 10 класса филиала
МБОУ «Бородинская СОШ №2 — Бородинская СОШ № 1».
Учитель — Баринова С.В.,
п. Бородинский Киреевского района Тульской области*

Мой прадедущка Ермишин Дмитрий Тихонович был участником трех войн: Советско-финляндской, Великой Отечественной и Советско-японской. Его призвали в армию после окончания сельскохозяйственного техникума в 1939 году. Восемь долгих лет прослужил дедушка Дима на Краснознаменном Балтийском флоте.

К сожалению, уже тридцать семь лет дедушки нет в живых, поэтому о его военных годах я знаю со слов бабушки Нины, старшей дочери моего прадеда. Бабушка рассказывала, что дедушка был очень скромным человеком, о войне говорил с неохотой, как будто пытался забыть то тяжелое время. Знаем только, что он летал на самолетах-амфибиях, дослужился до старшего лейтенанта, получил орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», медаль «За боевые заслуги». За что такие награды? За сбитые фашистские самолеты, за доблесть и отвагу — считали его однополчане. За загубленные души, за осиротевшие семьи — считал он сам, и поэтому старался не говорить о войне, никогда не считал себя героем.

*Ермишин Юрий Дмитриевич (первый слева)
с боевыми друзьями. 1943 г.*

После демобилизации в 1946 году вернулся в родное село Волчью-Дубраву Тепло-Огаревского района. Мать его не дождалась — умерла. Еще одна беда ожидала дома — известие об исчезновении любимой сестры Насти, которая служила вместе со своим мужем на западной

границе Советского Союза. До сих пор нет официального признания ее смерти. Короткая фраза «без вести пропала» принесла столько боли родным!

Я много размышляла над тем, что помогло дедушке справиться с ударами судьбы. Наверное, работа, которую он очень любил. По словам бабушки, целыми днями пропадал в колхозе, не зная ни выходных, ни праздников. Все свои силы отдавал земле, ведь работал главным агрономом МТС района. Внедрял новые технологии в зерноводство и овощеводство, стремился сделать свой колхоз передовым.

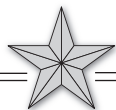
Там на колхозных полях молодой агроном и встретил красивую учительницу Леонтьеву Марию Алексеевну, которая вместе со своими учениками полола пшеницу в поле. Серьезный агроном невольно залюбовался ее работой, суровое сердце стало постепенно оттаивать. Завязавшаяся дружба переросла в сильное чувство.

Леонтьев Николай Алексеевич (третий слева, стоит) на занятиях политкружка. 1941 г.

Прабабушка, также как и ее супруг, нуждалась в поддержке и помощи со стороны любящего человека: война тоже сломала ее жизнь. В 1941 году бабушка Маша окончила среднюю школу, мечтала стать врачом. Но на следующий день после выпускного вечера была объявлена война. Мачеха с отцом не пустили девушку учиться в Москву, побоялись за ее жизнь, убедили, что в родном селе она больше пользы принесет стране. 1 сентября 1941 года двадцатилетнюю Марию Алексеевну назначили работать учителем начальных классов в Волчье-Дубравскую начальную школу.

Я всегда с удовольствием слушала ее рассказы о том времени. Бабушка говорила, что было очень страшно: сначала боялась, что дети ее не полюбят и она не сможет их ничему научить, потом переживала за мобилизованных на фронт братьев. Однако настоящий страх испытала тогда, когда фашисты стали подступать к Туле, когда рыла

окопы, когда отдавала оккупантам продукты, когда успокаивала учеников, плачущих по отцам, на которых пришли «похоронки». Как праздник вспоминала бабушка освобождение деревни от фашистов лютой зимой 1941 года.

К окончанию войны Мария Алексеевна работала уже заведующей школой. А когда открыли детский сад, ее как опытного руководителя пригласили туда заведующей. Бабушка пользовалась уважением у односельчан. Она очень любила детей. С ними ходила в поле полоть сорняки и собирать колоски. Мне кажется, что любовь к детям бабушка передала своим дочерям. Они обе стали педагогами.

Война отняла у моей прабабушки брата Колю. Прадедущка Леонтьев Николай Алексеевич учился в Литературном институте имени М. Горького и работал внештатным корреспондентом газеты «Красная Звезда». Мобилизован был 16 июля 1941 года. Писал домой оптимистические письма, никогда не жаловался на тяжелые полевые условия, наоборот, старался словом поддержать своих родных.

Однажды бабушке принесли треугольник с незнакомым почерком. Внутри все оборвалось, буквы слились, не могла ничего понять. У меня сжимается сердце, когда представляю бабушку в этот момент. В письме, написанном другом, говорилось, что Николай «погиб при обороне Сталинграда при высадке десанта». Ему только исполнилось тридцать лет.

Официальной «похоронки» не было. Долгие годы бабушка пыталась узнать, что на самом деле случилось с ее любимым братом, надеялась на то, что однополчанин ошибся и Коля жив. Только в 1982 году родным были сообщены данные об исключении дедушки Коли из списка офицерского состава. В нашем семейном архиве до сих пор хранится выписка из приказа ГУФ КА № 0251 от 08.03.1943 г.: «Политрук Леонтьев Николай Алексеевич — инструктор по информации 36 гвардейской стрелковой дивизии погиб 29 октября 1942 года в районе д. Бекетовка г. Волгограда». Останки Николая Алексеевича были перенесены в большую братскую могилу у подножия Главного монумента «Родина-мать» памятника-ансамбля Героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане. Прадедущка мечтал писать для нас, потомков, теперь мы пишем о нем, но не для него. Когда у меня появится возможность, я обязательно съезжу на Мамаев курган, поклонюсь братской могиле.

Прабабушка Маша и прадедущка Дима встретились, когда их сердца были истерзаны войной. Любовь помогла пережить им потерю близких людей. Любовь дала силы для восстановления страны после разрухи. Ежедневно, ежечасно они трудились на благо Родины. Я горжусь скромными подвигами своих прадедушек и прабабушки и надеюсь, что не посрамлю их памяти.

МОЯ СЕМЬЯ В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

*Высоцкий Анатолий Романович, 14 лет,
ученик 7 класса МОУ Гимназия.
Учитель — Тупицына В.А.,
г. Ливны Орловской области*

*Не забыли. Не забудем. Помним.
Того вовеки не затмить годам...*

Б. Серман

Война была более чем за пятьдесят лет до моего рождения. Мамы и даже бабушки еще не было на свете. Я знаю о войне только из фильмов, художественных произведений или рассказов старших.

Война — это всегда тяжелое испытание не только для страны, но и для каждого отдельного человека. И только, знакомясь с историей жизни близких тебе людей, эти события становятся ближе и понятнее. Война не обошла стороной и нашу семью.

Когда моя прабабушка Павлюк (Павленко) Евгения Васильевна слышит слово «война», у нее на глазах наворачиваются слезы. И мне тоже становится тяжело, когда она плачет.

Родилась прабабушка 14 марта 1927 года на Украине в селе Харьковцы Старосинявского района Хмельницкой области. Война началась, когда ей было всего 14 лет. Она вспоминает день 22 июля 1941 г. Было воскресенье, и в этот день они семьей пошли в город Острополь на рынок. Когда они уже были на рынке, по радио объявили, что началась война.

За неделю до этого старшего брата моей бабушки Антона (р. 1922) призвали в Красную армию. Его взвод участвовал в одном из самых страшных и кровопролитных сражений Великой Отечественной войны — битве на Днепре 1941 года. Взвод Антона вел бои за Киев. Когда солдаты переправлялись с правого берега Днепра на левый, началась бомбежка. Едва Антон успел ступить на землю на левом берегу, как мост обрушился. Однако Антону удалось уцелеть, и через некоторое время он вернулся в родное село. Дорога домой была долгой, и, когда Антон вернулся, он был до такой степени слаб, что родные его едва узнали.

Здесь ему предложили бороться с врагом в партизанском отряде. Во время одной из вылазок немцы захватили партизан. Некоторых для устрашения расстреливали прямо в селе на площади в центре. Антона взяли в плен и отправили работать на один из заводов, на немецко-польской границе, на котором производили оружие.

Но Антон и несколько его товарищей не захотели делать оружие, которое будет использовано против их народа. И тогда они решили отравиться. В своей предсмертной записке Антон написал такие слова:

*Умру я, умру, похоронят меня,
И родные не узнают, где могила моя...*

Так до сих пор никому в нашей семье и неизвестно, где покоится тело моего прадедушки Павленко Антона Васильевича.

Об этой истории моя бабушка Женя узнала уже в городе Берлине. В 1942 году ее, как и многих других жителей Украины, немцы забрали работать к себе в лагеря. Ее брат Сергей (р. 1925) оказался в Германии еще раньше, в самом начале войны.

*Павлюк Ананий Григорьевич (внизу слева).
Фронтное фото*

Бабушка оказалась в городе Берлине. Летом они работали на поле, а зимой — при больнице. Бабушка Женя часто рассказывает, как ревели сирена, взрывались бомбы. Во время одной из таких бомбардировок были взорваны бараки, в которых они жили. Впоследствии их переселили в огромный склад.

Однажды бабушка получила страшную весть о ее брате Сергее. Он находился в лагере смерти в немецком городе Пренцлау. Жене позволили поехать в этот город повидаться с братом. Когда бабушка увидела своего брата, она его едва узнала: он лежал на полу худой и изможденный. Рядом с узниками ставили стакан воды и немного хлеба. Те, кто мог дотянуться до хлеба, еще могли выжить, те же, у кого уже не было сил протянуть руку, умирали. Сергей выжил, но целых три года после войны провел в больницах.

Конечно, самым радостным событием был приход советских солдат, солдат-освободителей. Случилось это в день рождения прабабушки — 14 марта 1945 года. В это день пришли разведчики и сообщили, что Красная армия уже совсем близко от Берлина. Ребята плакали от ра-

дости! Часто в больнице появлялись немецкие солдаты, которые переодевались в штатскую одежду, делая вид, что они больные, понимая, что дни фашистской Германии сочтены!

Вскоре стало понятно, что бои за Берлин будут кровопролитными. Бабушку Женю и других детей вывезли из города Берлина и направили в маленький городок Зеелов на границе Германии и Польши, где

*Павленко Сергей Васильевич
(фото военных лет)*

бабушка и встретила известие о Победе! Так сложилась судьба моей прабабушки Павлюк (Павленко) Евгении Васильевны.

Очень мало мне известно о моем прадедушке Павлюке Анании Григорьевиче, муже Евгении Васильевны. Родился он в 1922 году в селе Фердинандово (ныне Липки) Старосинявского района Хмельницкой области. В 30-х годах его семья была репрессирована и сослана на Урал.

Там прадедушка окончил 7 классов школы и поступил в педагогическое училище в г. Верхотурье. Однако ему не суждено было его окончить, так как началась война. Воевал прадедушка в составе Уральского добровольческого танкового корпуса. Вот что пишут об этом танковом корпусе в современной исторической литературе: «1943 год вошел особой страницей в историю Урала. Трудящиеся «опорного края державы» сформировали уникальный подарок фронту — Ураль-

ский добровольческий танковый корпус. Государство не затратило на его формирование ни одной копейки. Все было сделано трудящимися сверх плана или приобретено на их сбережения. Лучших своих сынов и дочерей направил Урал в это соединение. Уральский добровольческий танковый корпус стал поистине легендарным. После первых же боев на Курской огненной дуге он стал гвардейским. Прошел славный боевой путь от Орла до Берлина и Праги. За отличные боевые действия и отвагу уральских добровольцев Верховный Главнокомандующий 27 раз объявлял корпусу и его частям благодарности. Корпус награжден орденами: Красного Знамени, Суворова II степени и Кутузова II степени».

Воевал мой прадедушка на боевой машине реактивной артиллерии БМ-13, больше известной как «Катюша». В составе корпуса прадедушка прошел по всему Советскому Союзу и Европе, как поется в песне: «ПолЕвропы прошагали полземли».

Прадедущка славно воевал. За мужество и отвагу он был награжден медалями «За взятие Берлина», «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги», двумя орденами Красной Звезды. Умер он в 1968 году.

*Павлюк Ананий Григорьевич и Евгения Васильевна
(послевоенное фото)*

Для меня Великая Отечественная война — это те люди, которые ее пережили. Каждый год 9 Мая на улицы города выходят пожилые люди с орденами и медалями на груди. Я очень благодарен им. Это они защитили наш народ, отстояли нашу сегодняшнюю свободную жизнь. Мне кажется, что самое главное для моего поколения — это сохранить память о тех страшных днях, о героических участниках войны. С каждым годом ветеранов становится все меньше, но это не значит, что мы забудем тех, кто боролся за наше счастье.

Нам, молодому поколению, надо стараться быть достойными памяти своих дедов и прадедов, помнить об их подвигах. Ведь недаром народная мудрость гласит: «Когда забываются прошедшие войны, начинаются новые».

Литература

1. Советский энциклопедический словарь. М., 1984.
2. Что такое. Кто такой: В 3 т. Т.1 М., 2001.
3. Дети военной поры / Сост. Э. Максимов. М., 1988.
4. Симонов К.М. Если дорог тебе твой дом... М., 1982.
5. Уральский добровольческий танковый корпус. <http://www.pobeda.nexcom.ru/index.htm>

«СЕСТРИЧКА»

*Егорова Анастасия Алексеевна, 16 лет,
ученица 10 класса МОУ Гимназия.*

*Учитель — Репина И.Н.,
г. Ливны Орловской области*

*Людей неинтересных в мире нет,
Их судьбы — как истории планет,
У каждой есть особое, свое,
И нет судеб, похожих на нее...*

Е. Евтушенко

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Дошла она и до нашего города. По распоряжению военкомата г. Ливны начался набор девушек на курсы медицинских сестер. Среди них была и молодая девушка Лидия.

Родилась Лидия Федоровна Васильева (Маркова) 29 января 1927 в городе Ливны Орловской области. Училась Лидия Федоровна в школе № 5, закончила семь классов. После начала войны девушка окончила курсы медицинских сестер и начала свой боевой путь в 277-м госпитале. Очень трудно было первое время — казалось, невозможно привыкнуть к страданиям и чужой боли. Вскоре молоденькую «сестричку» — как называли ее раненые — направили в госпиталь города Брянска. Затем Орел, а потом, фронтовая дорога повела ее по другим городам. Она побывала в Белоруссии, Польше, дошла до Берлина.

Прошли десятки лет, но воспоминания о войне по-прежнему бережат ее душу, слезы катятся по щекам Лидии Федоровны, когда она вспоминает своих фронтовых друзей. Говорит, часто видит во сне молодого парня с оторванной головой. «Я тогда участвовала в одном из крупнейших сражений — Орловско-Курской битве. На поле боя постоянно была необходима медицинская помощь. Несмотря на страх, думала только о том, как быстрее помочь раненым и отправить их на санлетучку».

В то время ей было всего лишь 16 лет. Она сама могла погибнуть в любую минуту, но спасение других стало для нее важнее собственной жизни. Вскоре Лидии Васильевне присвоили звание «старшина медицинской службы». Появилось еще больше ответственности.

Помнит Лидия Федоровна и о самом страшном дне, когда их перевозили в Брянск на поезде «Красный крест», и в это время фашисты с воздуха атаковали железную дорогу. Видела, как немцы взрывали мосты, по которым пыталось уйти население, затем бомбили людей, собравшихся у взорванных переправ. Многое осталось в памяти... Долгожданную Победу Лидия Федоровна встречала в Берлине.

Многих наград удостоилась Лидия Федоровна: медалями «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», орденом Отечественной войны 1 и 2 степени. Еще год после окончания войны медицинская сестра долечивала раненых и больных. И только холодной зимой 1946 демобилизовалась на родину в Ливны. Помнит Лидия Федоровна, как в поезде по дороге домой познакомилась с молодым человеком, который оказался ее земляком, а через год стал мужем. Вернувшись, домой, работала медсестрой в поликлинике, затем пришла на завод «Ливгидромаш». Тогда еще не было здравпункта, отдел кадров предложил ей работу табельщицы. За тридцать восемь лет завод стал ей родным домом. Успехов достигала трудом и добросовестностью.

Мы сидим в светлой и просторной комнате, неожиданно воспоминания прерываются длительной паузой... «Странная вещь жизнь, — говорит ветеран, — проходит очень быстро, но почему-то воспоминания о молодости посещают все чаще, хотя, казалось, их надо забыть». Я говорю ей о том, что ее рассказы — это живая история героического прошлого нашей страны, и именно они невидимой нитью связывают наши поколения.

Сейчас у Лидии Федоровны большая и дружная семья. Она заботится о ней, любит ее, живут все дружно и гордятся «боевой» мамой, бабушкой и прабабушкой. И я Вами горжусь, Лидия Федоровна! Ведь мы живем, пока помним, и помним, пока живем. Пусть Ваша судьба как «истории планеты» останется в памяти людей.

*Васильева Лидия Федоровна —
ветеран Великой
Отечественной войны*

СОХРАНИ!

Коновалова Татьяна Сергеевна, 14 лет,
ученица 8 класса МОУ СОШ № 71,
Учитель — Суровцева Н.А.,
г. Тула

Цвели сады. Был месяц май. Был День Победы. Из окон домов звучала музыка. Я случайно оказалась в этом районе на окраине Тулы.

Старый знакомый моих родителей не смог приехать из столицы в эти места в светлый праздник. Он попросил через меня передать небольшую посылку адресату. Это я к тому, почему оказалась здесь.

Подхожу к дому. Из проулка едва не выпал человек, но удержал равновесие и плавно привалился к стене дома. Конечно, в голове промелькнула шальная, праздничная версия. Мало ли что?

Впереди меня шел паренек. Он быстрее меня понял неладное, подбежал к мужчине, присел перед ним на корточки. Подросла и я.

— Что-то худо мне, ребята. Дышать нечем, — прошептал старичок, и на лацкане его пиджака звякнула единственная медаль «За отвагу».

Паренек ловко распахнул ворот рубашки у старичка, повернулся ко мне:

— Похоже движок подвел, губы синюшные, — достал мобильник, набрал номер.

— Мэм! Я, типа, торчу под аркой! Здесь челу, глушняк, выходи! — После этого еще раз набрал номер:

— «Скорая», — описал ситуацию и адрес.

Я не всегда понимаю поведение сверстников. От них можно ожидать любой выходки и, чаще всего негативной, но рядом со мной находился не паинька, мальчишка в навороченном прикиде, виртуозно владеющий слэнгом. Ну, прошел бы себе мимо. Упал человек. Праздник, с кем не бывает. Не прошел, не суетится. В очередной раз кому-то звонит. Ничего не поняла из того, что он сказал. Только появилась в проулке взъерошенная женщина, которую, похоже, оторвали от праздничного стола. Она присела перед старичком,хватила из кармана фонендоскоп, сунула блестящий крупный пятак за отворот рубашки мужчины, потом пощупала пульс за запястьем. Из кармана извлекла небольшую пробирку, высыпала из нее несколько маленьких таблеток, отобрала одну и предложила старичку положить ее под язык.

Подъехала «скорая». Женщина в двух словах объяснила ситуацию. Старичок не соглашался ехать с медиками. Ему явно стало лучше, но тут вмешался парень:

— У тебя, дед, родные есть?

— Один доживаю, — будто пожаловался он.

— Поезжай! — то ли к медикам, то ли к старичку нарочито грубовато обратился паренек.

— Доктор, сними с пиджака медаль, — попросил ветеран фельдшера «скорой». Просьбу выполнили.

— Отдайте медаль внуку.

— Зачем? — спросил парень.

— Помру, сохрани как память. Жив останусь, расскажу, за какие дела наградили. Возьми и сбереги!

«Скорая» увезла старичка. Женщина обняла парня и поцеловала его. Подросток согнул руку в локте, раскрыл ладонь, на которой лежала медаль, и следующим движением обеих рук закрепил медаль на своей пестрой куртке.

— Понимаю, чужая, но это боевая награда фронтовика! Мне такой никогда не получить!

— Кто знает сынок, кто знает, — тревожно сказала женщина и ушла по проулку.

ЛИВЕНСКИЙ СТРЕЛОК

*Куртыкин Денис Сергеевич, 18 лет,
ученик 11 класс МОУ Гимназия.
Учитель — Головина О.А.,
г. Ливны Орловской области*

Среди сотен городов России, есть города, облик которых совершенно неповторим. Мой город Ливны — несравнимый ни с одним другим. Конечно, он — не город-музей, подобный седому Суздалю, но и у него есть свое уникальное героическое прошлое, занимающее в истории Отечества, далеко не последнее место.

История города доказала свое право именоваться Ливнам «Городом воинской славы». О присуждении этого высокого звания мечтают все наши жители. Мы бережно храним традиции ратных подвигов старших поколений. Именами героев названы улицы нашего города. В праздничные даты к памятникам и братским захоронениям приходят мои земляки, чтобы отдать дань уважения памяти павших...

Время неумолимо бежит вперед. Все меньше и меньше становится свидетелей той страшной войны. Сегодня, как никогда, мы должны бережно относиться к тем, кто не по рассказам знает о той великой войне, кто до сих пор живет с огромной душевной раной.

На окраине нашего города есть тихая улица с красивым названием Молодежная. Здесь, в своем домике, живет герой моего рассказа Иван Илларионович Гаврилов, ветеран Великой Отечественной войны и просто счастливый человек! И это действительно так. Ему уже за 80. Но нельзя не подивиться жизненной стойкости этого необыкновенного человека, а его жизненному оптимизму можно только позавидовать.

Имя Ивана Илларионовича Гаврилова до недавнего времени ни мне, ни моим одноклассникам известно не было. Если бы не один случай.

Накануне Дня Победы мне поручили подготовить сообщение о подвиге наших земляков в годы войны. Просматривая местные газеты, я обратил внимание на статью «Ливенский Маресьев». Так произошло мое заочное знакомство с непростой судьбой человека, вся жизнь которого является настоящим подвигом.

На службу в морской флот Ивана Гаврилова, коренастого парня из деревни Кастромитино, что в нескольких километрах от Ливен, призвали в сентябре сорокового года. С детства он мечтал о флоте. И надо же, в военкомате словно угадали его мечту, направили в легендарный Кронштадт, где и начались армейские будни Ивана Илларионовича в бригаде торпедных катеров.

Наступил 1941 год. В воздухе уже запахло надвигающейся с Запада военной грозой. 22 июня Иван Гаврилов с группой матросов, отличившихся на учебных занятиях, готовился к увольнению на целые сутки, и вдруг поступила команда: «Боевая тревога! Всем на катера!»

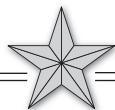
Встреча И.И. Гаврилова со школьниками

Ближе к утру со стороны Ленинграда в небе на небольшой высоте показался немецкий самолет. Так для него началась война.

Свою первую награду, орден Красной Звезды, Иван Илларионович получил в 1942 году, когда их катер потопил немецкий транспорт, через год грудь военного моряка украсил второй такой же пятиконечный орден за потопленный в групповой атаке эскадронный миноносец. А чуть позже Гаврилов удостоился и ордена Отечественной войны II степени. В свои неполные 25, а уже герой! Этому мог бы позавидовать каждый солдат.

Но знал бы он, какие еще испытания ему уготовила судьба?!

Однажды пикирующие самолеты фашистов нанесли бомбовый удар по расположенной неподалеку флотской нефтебазе. Время было вечернее. У самого горизонта, сливаясь с морем, желтела луна. Часть мо-

ряков вышла после ужина на палубу. Кругом тишина. И вдруг один из матросов заметил в небе немецкие самолеты. Иван Илларионович первым бросился к своей скоростной пушке и, поймав на мушку цель, прошелся по ней снарядной скороговоркой. «Юнкерс», густо задымив, круто пошел вниз, и остальные самолеты повернули назад. И снова боевая награда.

Иван Илларионович был тяжело ранен в ноги. Что было потом, он не помнит... Приходил в сознание и снова проваливался в небытие. Одна операция за другой. Сначала ампутация правой, затем левой ноги. И это у молодого парня, у которого все впереди... Не знаю, смог бы я найти силы, чтобы победить судьбу, чтобы выстоять, чтобы жить! А Иван Илларионович смог! Он заново учился ходить, радоваться жизни.

Пробыв в госпиталях почти девять месяцев, домой вернулся уже после Победы, в июне 1945 года. Встретили его как героя, с почестями. Больше других радовалась мать, которая жалела, оберегала сына. Но он не мог усидеть дома. Тянуло к людям, тянуло туда, где можно забыться от боли и дум и где, как он считал, требовалась его помощь, ведь каждые рабочие руки были на вес золота трудно поверить, но Иван Илларионович работал наравне со всеми: подавал вилами снопы из копен в телегу, заготавливал сено, укладывал его в стожки. Такая работа требовала даже от здорового мужчины немалых усилий, но он ни разу не пожаловался, ни на собственную усталость, ни на тяжелые условия. А ведь деревянные колодки весили около пуда. И это ли не подвиг?! Иван Илларионович считает себя счастливым: он прожил достойную жизнь, более 50 лет рядом с ним его супруга, Варвара Федоровна, с которой он вырастил троих детей.

Сейчас Иван Илларионович на заслуженном отдыхе, он окружен заботой, теплом внуков и правнуков. Супруги Гавриловы так оценивают свое «богатство»: дом с огородом, неплохая пенсия, большая семья и алмазная россыпь вместе прожитых лет. Несмотря на слабое здоровье и преклонный возраст, по хозяйству хлопочут сами, поддерживая друг друга.

Смотрю на фотографию Ивана Илларионовича и думаю: «Есть ли еще порох в пороховницах?» Ответ однозначен: есть!

Я склоняю голову перед этим удивительным, мужественным и любящим жизнь человеком. Ведь недаром говорят, что только сильным людям Господь посылает испытания и награждает счастьем.

ФОТОГРАФИЯ ИЗ АЛЬБОМА

*Усольцев Александр Вячеславович, 14 лет,
ученик 7 класса МОУ СОШ № 5.
Методист МУ ПМЦ «Мечта» — Усольцева Н.А.,
г. Кимовск Тульской области*

Фотография. Как много она может рассказать нам!.. Листая страницы семейного альбома, я заново переживаю те события, что запечатлены на фото. «Красиво как! Это мы всей семьей в лесу — воздух там чистый-чистый, прозрачный какой-то! А это я, совсем маленький, в смешных штанишках держу огромного кота в руках. Свадебные цветные фотографии папы и мамы — какие они тут молоденькие, подумать только... А это я в первый класс пошел, помню я из-за этого огромного букета упал тогда на ступеньках и надо мной еще все смеялись!.. Фотографии с прошлогоднего похода — с друзьями на Прощеном колодце, так здорово было!.. А вот мамины школьные фотографии. Ой, а это что за снимок?» Из альбома выпала небольшая черно-белая фотокарточка, пожелтевшая от времени...

— Ма, мама? Смотри, что я нашел!

Мама сидела у компьютера и что-то печатала. Я аккуратно положил фотографию на стол.

— Смотри, лица совсем незнакомые какие-то, кто это?

— Этой фотокарточке больше шестидесяти лет, — ответила она.

— Мальчик в ушанке — это мой папа, твой дедушка, совсем еще подросток, за плечо он держит своего отца, твоего прадеда, рядом с ним твоя прабабушка.

Я всмотрелся в подростка. Неужели это мой дед Толя? Я его плохо помню, он умер, когда мне было три года, а это его папа — мой прадедушка, я ведь его совсем не знаю! И тут мама тихим низким голосом начала свой рассказ:

— 1941 год... Твоего прадеда, Крахмалева Ивана Васильевича, призывали на фронт в первые же дни войны. Вот таким его и запомнил твой дед, мой отец... Следом за ним ушли на фронт и двое его младших братьев. Твоему деду было лет тринадцать-четырнадцать, в общем, твоего возраста и забота о матери, твоей прабабушке, легла на его плечи.

Служить твой дед попал в диверсионный отряд. Вместе с товарищами он перелетал на самолете через линию фронта, прыгал с парашютом в заданном районе, а затем в тылу врага они взрывали мосты, пускали под откосы поезда, уничтожали вражескую технику.

В 1943 году он был тяжело ранен, его отправили на лечение в тыловой госпиталь, а затем в отпуск домой. Дома он пробыл всего пять дней, повидал жену и сына — твоего деда.

Кто мог знать, что виделись они тогда в последний раз.

Вернувшись на фронт, прадедуська получил новое задание, которое необходимо было выполнить, во что бы то ни стало. Они с товарищами его выполнили, а затем еще одно и еще, еще...

— С войны твой прадед так и не вернулся. Прабабушке пришлось письмо, что он пропал без вести. Братья его вернулись оба инвалидами. Дядя Коля — без ноги. Была перестрелка, он и его двое сослуживцев поползли к избушке, где засели фашисты. Взрыв! Дядю Колю ранило в ногу, а его товарищей разорвало прямо у него на глазах.

А дядя Федя почти до Берлина дошел, был ранен в позвоночник, долго лечился, умер через пять лет после окончания войны.

— Да, многие не вернулись с той страшной войны и были награждены посмертно. Уже в мирное время, спустя несколько десятков лет, твоя прабабушка вместе с твоим дедом все же отыскиали, где погиб и был захоронен ее муж и отец твоего деда и даже ездили к нему на могилу. Это было только один раз, поскольку очень далеко, за границей, точно я не знаю где.

— Сколько же им всем пришлось пережить, мама? — сказал я.

Бережно взяв старую фотографию, я тихонько вышел из комнаты.

Какую страшную цену заплатило человечество за мою жизнь, за жизнь моих родителей, за жизнь моих будущих детей! Сколько крови было пролито, сколько жизней унесено войной! Дай бог, чтобы мы знали о войне только из учебников истории.

С той страшной военной поры прошло уже шестьдесят шесть лет. Но память об ужасах Великой Отечественной войны будет жить вечно в наших сердцах. Любой, кто жил в ту пору, навеки ранен душой. Каждая семья потеряла кого-то из близких и любимых. Сколько нужно было силы, мужества, выдержки, отваги, непоколебимой веры и любви к своему Отечеству и народу, чтобы истребить врага, освободить Родину и спасти от гибели Европу? Это мог сделать поистине великий народ. «Братья и сестры» — так называли себя люди в то время, и понятие Родина было одно на всех. Ни танки, ни снаряды, ни боевые единицы, ни даже в тысячи раз превосходящая численность солдат — ничто не могло сломать народ, который обладал таким патриотическим духом.

А кто они — эти герои, которых, к сожалению, сейчас осталось так мало? В основном, это молодые юноши, только что призванные и составляющие основу армии, это партизаны, труженики тыла — это весь советский народ. Когда-то таким же героем был и мой прадед, Крахмалев Иван Васильевич.

Река времени, необратимо текущая из прошлого в будущее уносит в небытие бесценные свидетельства о беспримерных героических подвигах наших отцов, дедов и прадедов. Уносит нас самих! Сколько ушло

из жизни участников великих битв, не оставив никаких письменных воспоминаний?! А именно они на своих тогда молодых плечах вынесли всю неимоверную тяжесть той самой жестокой и кровавой войны, решили судьбу Отечества и всего мира!

Я знаю, что мой прадед был настоящим героем, я горжусь им, и именно благодаря ему и таким же, как он, мы можем радоваться сегодня жизни. Для меня и моих ровесников они всегда будут поколением героев. И пусть они нас простят...

Та самая фотография, вызвавшая столько воспоминаний о далекой и страшной войне

Так давайте никогда не забывать тех, кто ценой своей жизни отстоял мир и свободу всего человечества! Вечная им слава! И вечная память!

Расправив уголки фотографии, я осторожно кладу ее назад в альбом. Как все-таки много может рассказать старое фото из семейного альбома...

ФРОНТОВЫЕ ЭПИЗОДЫ

Ваничкина Ольга Сергеевна, 16 лет,
*ученица 10 класса МОУ Епифанская СОШ.
 Педагог доп. обр. МУ ПМЦ «Мечта» — Чернышева Т.В.,
 р.п. Епифань Тульской области*

Наконец-то каникулы! Слепящий глаза снег, бескрайнее голубое небо и задорный щиплющий нос мороз. Я отправилась в гости к пра-

бабушке, живущей недалеко от меня. Там меня ждали пирожки. Все как у настоящих образцовых бабушек. Пока мы отмечали мой приход с пирожками и молоком, бабушка неторопливо рассказывала мне о своей военной жизни.

В Великую Отечественную Касаткина Анна Дмитриевна служила ефрейтором в составе 1355 зенитного артиллерийского полка 43688 войсковой части. «До войны я работала на свеклопункте. Грузили свеклу на железнодорожные платформы по трапу на носилках. Делали такие деревянные носилки, чтобы в них вмещалось сто килограммов свеклы.

В июле 1941 года меня отправили на трудовой фронт, в Смоленскую область. Там копали противотанковые рвы. Было очень много народа с разных концов страны. Из нашего Воловского района Тульской области было призвано 420 человек. Первые две недели работали от зари до зари — и в дождь, и в зной, почти без отдыха, на руках кровоточили мозоли, обувь рвалась. Подошли немцы, начали бомбить; мы оказались в окружении. Из окружения выходили четверо суток. Босые, усталые, голодные, где ползком, где перебежками, через болота, поля, перелески стремились к своим.

Вышли мы из окружения под станцией Вязьма, совсем обессиленные от голода и усталости. Просить поесть стыдились, потому что везде люди сами были полуголодные. И все же кое что они собрали: молоко, хлеб, картошку — и накормили нас. Потом нас на поезде отправили до станции Волово Тульской области. Из 420 человек не вернулось 300.

Дальше был трудовой фронт в Плавске. В мае 1943 года я добровольно ушла на фронт. Направили в 28 дивизию 1355 полка зенитной артиллерии 2-го Белорусского фронта. До Орла шли без боев. Под Орлом был бой такой страшный, что от деревни, которая там была, не осталось ничего. В лесах укрывались отдельные группы фашистов с дальнобойными орудиями, и мы оттуда выбивали их.

*Касаткина Анна Дмитриевна
ефрейтор 1355-го зенитного
артиллерийского полка
43688-й войсковой части*

Всякое на фронте случалось. Однажды мы с медсестричкой поехали на машине за ранеными и по дороге нас обстреляли немцы. Машина перевернулась, упала в реку, а мы скорее вплавь к другому берегу. Убитые трупы немцев вокруг, тела от жары раздулись — смотреть жутко. Своих, конечно, мы подбирали и хоронили в братских могилах. А однажды мы с солдатом конвоировали пленного немца в штаб. Проходя мимо горящего дома, солдат предложил этого немца бросить в огонь, мол, пусть ответит за дела своих соплеменников. Но я настояла этого не делать, и мы доставили «языка» в штаб невредимым.

От Орла мы выдвинулись в Польшу. Поляки к нам, своим освободителям, относились плохо, если не сказать враждебно. В одном местечке мы вынуждены были ночевать в риге, так как хозяйка дома отказалась нас впустить к себе. Стояла осень, люди заболели. Позднее начальник штаба все же договорился и мы перешли в дом. Удивительно им было видеть, что мы все ели с хлебом. Они с хлебом только чай пили. По улицам города нельзя было ходить без оружия, везде были снайперы, с чердаков расстреливали. Группа наших солдат пошла в костел, так их расстреляли по дороге. Даже в туалет отлучиться, нужно было доложить старшине, чтобы с тобой отправили часового. Были случаи, поляки травили наших молоком и другими продуктами. Нас потом предупреждали: прежде чем что-то брать у них, дать им самим попробовать.

А вот в Германии, как ни странно, к нам относились более спокойно. Несмотря даже на то, что в первое время наши солдаты давали волю своим чувствам. И это вполне объяснимо. Однажды мы вошли в дом и в одной из комнат нашли трех пожилых женщин и двух стариков. Она как-то странно сидели все на одной кровати. Когда их попросили встать, то под перинами обнаружили двух молодых девушек. Но боялись они напрасно, наши охраняли мирных жителей, кормили, всем, кто приходил к нашим кухням, давали еду. Маленьких детей подбирали и отправляли их в детдома.

Шестьдесят пять лет прошло с той Великой войны. Многое забылось, многое не хочется вспоминать, и конечно, дай Бог, чтобы такого никогда не повторилось. Но память почему-то удерживает некоторые картины прошлого: то ли во сне, то ли в глубоком раздумье, почувствуешь вдруг сырость военной землянки, и сквозь треск поленьев в буржуйке послышится веселая песня «о синем платочке».

НЕ ЗАБУДЕМ

*Гаврикова Татьяна Романовна, 15 лет,
ученица 8 класса МОУ СОШ № 71.
Учитель — Суровцева Н.А.,
г. Тула*

Все дальше и дальше уходит от нас война 1941–1945 годов. И все меньше и меньше остается участников и очевидцев тех страшных событий. Но прошлое нельзя забывать. Ведь за то, что мы живем сейчас мирно и счастливо миллионы жизней отданы в борьбе с фашистами. Я знаю об этой страшной войне не только по фильмам и книгам, но и по рассказам моей прабабушки. Она не была участницей военных действий, но трудилась в тылу, где было подчас не легче, чем на фронте.

Прабабушка иногда рассказывала мне о том, как они, подростки, рыли окопы, производили мины на заводе, в свободное от работы время вязали носки для бойцов Красной армии, собирали на фронт посылки и вкладывали в них письма с пожеланиями бить ненавистного врага. Она рассказывала о своих сверстниках, у которых на фронте погибли отцы и о том, как они быстро становились взрослыми, приходя к станкам в заводские цеха. И работали так, что их ставили в пример всем.

Прабабушка с болью и теплотой вспоминала солдатских вдов, у которых на руках оставались маленькие дети, об их будничном героизме, когда даже пайка хлеба делилась на две части — одна детям, а другая для посылки на фронт. Для себя оставались крохи после справедливой дележки черного военного хлеба.

О бомбежках, бессонных ночах, о голоде, о пожарах, о долгожданных, дорогих сердцу треугольных письмах с фронта и одноликих «похоронках», приносивших с собой дикий крик и горе.

Уходит все дальше от нас война, но она продолжает безжалостно уносить с собой участников и очевидцев тех грозных и трагических дней. Я понимаю, что рассказы моей прабабушки не забудутся никогда. Эта память священна и вечна, потому что мужество и героизм людей не имеет срока давности.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Зуева Елена Александровна,
 ученица 9 класса МОУ СОШ № 2.
 Учитель — Сорокин А.В.,
 г. Юхнов Калужской области

*Жди меня, и я вернусь,
 Только очень жди.
 Жди, когда наводят грусть
 Желтые дожди,
 Жди, когда снега метут,
 Жди, когда жара,
 Жди, когда других не ждут,
 Позабыв вчера.
 Жди, когда из дальних мест
 Писем не придет,
 Жди, когда уж надоест
 Всем, кто вместе ждет.*

К. Симонов

«Здравствуйте, моя самая близкая подруга Сафура!

Уехав от тебя, находясь в разлуке, твой муж Сахап посылает тебе огромный привет, также всем детям... старшим братьям, отцу и матери, также младшему брату Инсафу и снохе большой привет.

Если спросят про меня, я жив и здоров, здесь стоят сильные морозы, нас отправят в бой где-то первого октября.

Сафура, почему не пишешь писем, неужели трудно найти бумагу, выделяет ли колхоз продукты?

Продавай быка и купи хлеба, выплачивает ли военкомат деньги?

Пиши обо всем и каждый день, кто еще ушел на фронт, пиши о всех!

Что я не успел написать, пусть мне повезет рассказать при встрече.

Ладно, будьте здоровы, жду от тебя письма, твой муж Сахап.»

Это фронтовое письмо. Письмо солдата, адресованное 27 сентября 1941 года своим близким и родным. Единственное письмо! Весточка с той далекой, страшной войны, принесшей столько горя и страдания в каждый дом.

Шло время. За осенью наступила зима. Писем больше не было. В деревне стало еще тоскливее, работать приходилось целыми днями, не жалея себя и свои силы. С каждым днем становилось все тревожнее и страшнее. Но никакой голод, страх не могли сравниться с чувством неведения. Оставалось только одно — ждать.

А в октябре 1944 года пришло извещение о том, что солдат Марданшин Сахабутдин Низамутдинович в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, пропал без вести в марте 1943 года.

Словно оглушительное эхо далекой войны. Голову Сафуры окутал туман, из горячих глаз катились слезы, в висках стучало, а сердце так сильно билось, что казалось, выскочит из груди. Но все равно Сафура ждала, надеялась, что муж вернется.

С тех пор время текло мучительно медленно. Казалось, что оно остановилось, а война затянулась на века, и больше нет сил ждать. Начался голод, холодная серая зима давила. Хотелось спрятаться, скрыться, может, даже умереть, только не жить так в страшном ожидании. Вокруг все было пусто, ничего не осталось от прежней жизни. Ничего, кроме воспоминаний.

Долго жила в их семье надежда — ведь «пропал без вести» — еще не убит. А потом, после войны, было огромное желание узнать, где, в каком бою это случилось. Дочери и внуки пропавшего Сахапа писали в Москву, обращались в военкоматы, архивы, пытались хоть что-то выяснить о его судьбе, но тщетно! Так и хранились в семье Марданшиных две реликвии: радостная — единственная весточка с фронта от родного человека, и горестная — извещение в несколько строчек, в которых было так много боли и страдания.

Казалось бы и все. Недолгая судьба еще одного солдата, пропавшего без вести. Но память поколений жива, должна жить!

Более 60 лет назад отгремели бои Великой Отечественной войны, но ее летопись еще не закончена. Еще не все подвиги вписаны в ее страницы. Нам учителя говорят: «Никто не забыт, и ничто не забыто». И потому по местам боев, по дорогам славы отцов ходили пионерские дружины, а теперь — поисковые отряды, и на обелисках братских могил появляются новые имена погибших, многие из которых считались без вести пропавшими. Наша история продолжается.

*Дым стелется над речкою Угрой,
И танки мнут некошеную траву.
Под Юхновом идет неравный бой.
Жестокий бой идет за переправу.*

П. Муратов

Это строки из стихотворения о Юхнове, маленьком городке на Угре, который всегда становился для врага препятствием на пути к Москве. Прошло много времени, а героическая земля все еще хранит в себе много тайн.

15 июня 2002 года на живописнейшем берегу Угры, неподалеку от знаменитого Павловского плацдарма расположился палаточный лагерь, где собрались 90 поисковиков сводного отряда профессионально-технических училищ Калужской области. В поисковых работах также принимал участие отряд «Юхновчане», образованный на базе нашей школы.

За несколько дней работы ребята под руководством опытных командиров обнаружили и подняли останки 25 бойцов. Нашли два массовых захоронения, несколько медальонов, которые помогли установить имена без вести пропавших. Но это еще не все!

В одном из захоронений среди останков погибших ученик нашей школы Перченков Дмитрий обнаружил алюминиевую ложку, на которой было нацарапано «МАРДАНШИН», «МСН».

Информация об этом прозвучала в одной из передач радио «Славянка», и сразу же откликнулись два человека. На радио пришли письма от дочери и племянника солдата, пропавшего без вести в марте 1943 года. Того самого солдата, которого всю жизнь ждала и искала его семья.

Научный сотрудник Российского государственного архива И.М. Нагаев, готовивший эту передачу, переслал письма руководителю поискового объединения «Юхновчане» А.В. Сорокину Совпали и другие сведения, сообщенные родственниками в письмах. Завязалась переписка.

«Здравствуйте, Александр Викторович, ребята!

Благодарю Вас, за все, спасибо огромное за вашу работу, за письмо, архивную справку. Когда мне брат Низамов привез эти документы, я была в шоке...

...у меня две сестры, а я у папы любимая дочь была. Он меня всегда с собою брал, мы и в Татарстан на тарантасе ездили.

...потом отец ушел на фронт.... Когда мы остались одни, отец «пришел», а теперь у меня есть Вы.

Всего Вам доброго и только хорошего!

Зайтуна Сахабовна»

22 июня 2002 года состоялось торжественное перезахоронение бойцов и командиров Красной армии, сражавшихся на Юхновской земле и внесших ценой своей жизни вклад в Великую Победу. На мероприятии присутствовали Маршал СССР Д.Т. Язов и наш земляк генерал-полковник М.Д. Попков.

Видеоматериал и фотографии братской могилы в селе Климов-Завод, куда были перезахоронены останки солдат, в том числе и рядового С.Н. Марданшина, ребята из поискового отряда «Юхновчане» отправили дочери погибшего.

А затем были очень трогательные письма и, наконец, долгожданная «длинною в жизнь» встреча дочери погибшего солдата с могилой отца. Это событие освещал первый канал ОРТ.

Слезы боли и радости катились из глаз 70-летней дочери солдата, когда она возлагала горсть родной Башкирской земли на братскую могилу, где спустя 60 лет обрел вечный покой ее отец.

Так завершил свой ратный подвиг С.Н. Марданшин — простой советский солдат, отдавший свою жизнь ради того, чтобы мы жили в свободной и мирной стране.

Вот теперь, пожалуй, и все! И в нашей истории можно поставить точку.

Но нельзя забывать войну, нельзя вычеркнуть из памяти воспоминания...

Честь и слава Марданшину Сахабутдину Низамутдиновичу, не маршалу, не генералу, а простому рядовому солдату! Честь и слава таким же, как и он погибшим, пропавшим без вести, дошедшим до великого Дня Победы! Честь и слава труженикам тыла, женам, матерям, которые «умели ждать, как никто другой»!

Честь и слава всему советскому народу, который в суровых испытаниях выстоял и победил!

Горит вечный огонь на солдатских могилах. Трепещет на ветру пламя. Обжигает наши сердца. Мы все помним! Мы ничего не забыли!

ДЕВУШКА И ВОЙНА

*Урясьев Сергей Алексеевич, 14 лет,
Корнеев Константин Глебович, 14 лет,
ученики 8 класса МОУ СОШ № 21.
Учитель — Дорохина Т.А.,
г. Тула*

Война. Пугает одно только это слово. Это очень страшное событие, унесшее огромное количество жизней. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 года погибло более 25 млн человек. После упорных кровопролитных боев нашим войскам удалось победить врага.

Тула тоже сыграла немалую роль в Великой Отечественной войне. Она стойко выдержала удары противника и не пропустила его к столице. Недаром наш город носит звание Город-герой.

Такой исход событий произошел благодаря стойкости и мужеству наших солдат и мирных жителей. Если бы не их отвага, то неизвестно, как сложилась бы сегодня наша жизнь.

В 2011 году наш город отметит 70-летие со дня героической обороны от немецких захватчиков. С каждым годом ветеранов Великой Отечественной войны становится все меньше и меньше. Мы, пожалуй, последнее поколение, которому удастся узнавать о тех событиях не только из учебников истории, но и из личных встреч и разговоров с участниками военных событий. Накануне юбилейной даты нам удалось встретиться с одним из тех ветеранов, которые стойко и мужественно принимали участие в обороне Тулы — Антониной Никитичной Сурядовой.

*МПВО города Тулы 1941 год.
А.Н. Сурядова во втором ряду, 3-я слева*

Антонине Никитичне было всего 19 лет, когда война вошла в ее жизнь. Она не уехала в эвакуацию, а осталась с матерью и младшей сестрой в Туле. Окончив курсы медсестер Красного Креста, попала на службу в медсанроту. Тогда все школы города были переоборудованы в госпитали, куда каждый день поступали десятки раненых солдат. Ночные дежурства, нехватка продовольствия — ничто не сломило юную девушку.

«Все было трудно», — говорит Антонина Никитична. Но самым запоминающимся событием стал тот день, когда она и еще несколько медсестер, находясь на территории школы № 20, чуть было не погибли от взрыва сброшенной немецкой авиабомбы. Около 30-ти минут они стояли в оцеплении, пока минеры пытались обезвредить и вывезти бомбу. Когда все закончилось, девушки спросили друг у друга: «О чем вы думали в этот момент?». Никто не думал о собственной смерти. Но ведь они легко могли погибнуть — бомба могла взорваться в любой момент. Хорошо, что все обошлось.

Во время обороны Тулы, кроме ПВО и милиции не было никаких военных подразделений. В городе всегда был свет, работали заводы и предприятия.

Тула смогла дать отпор врагам. Антонина Никитична хорошо помнит, как она узнала об окончании войны: «Было 6 часов утра. К нам прибежали ребята из окружного технического училища и сказали, что война закончилась. Все закричали «Ура!».

После окончания войны Антонина Никитична получила очень много наград, одной из которых стал «Орден за вклад в Победу». Им удостоены только два ветерана города Тулы.

Мы выражаем огромную благодарность тем людям, которые защищать нашу Родину. Именно благодаря мужеству и отваге ветеранов мы живем сегодня под мирным небом, осуществляем свои мечты, а главное, не слышим выстрелов за окном.

ХРАНИТЕЛЬ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

*Филимонов Михаил Алексеевич, 14 лет,
ученик 7 класса МОУ СОШ № 33
им. Героя Советского Союза Л.П. Тихмянова.
Учитель — Абрамова Л.В.,
г. Тула*

*Два чувства дивно близки нам
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

*Животворящие святыни!
Земля была б без них мертва,
Как без воды пески пустыни
И как алтарь без божества.*

А.С. Пушкин

Перелистываю самодельную книгу-альбом «Родословная», что не страшно, то интересное повествование о жизни и деяниях предков, то редкий снимок интерьеров и домов, то рассказ о любимых городских уголках... Мои предки — простые русские люди: деревенские мужики и бабы, учителя и военные, шахтеры и рабочие. Они пахали землю, растили детей, проливали кровь и гибли на войнах. Таких называют корни нации, хранители традиций, языка, культуры, русского характера... Они соль земли...

Рассказ о моей семье я бы хотел начать с того, что в нашем роду по маминой линии была заложена традиция вести личные дневни-

ки, которые позволили проследить влияние событий истории на судьбах моих предков и использовать материалы семейного архива для написания книги «Семья Нояновых». Я позволил себе цитировать некоторые строки сборника записок, в которых отражена история поколений.

Моя прабабушка, Ноянова Валентина Константиновна, кропотливо и бережно собирала материалы о своих предках, предках своего мужа, моего прадедушки, Ноянова Михаила Сергеевича, о близких

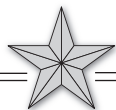

В.К. Ноянова

и дальних родственниках, о каждом члене семьи. В районной газете поселка Теплое «Наша жизнь» за 27 апреля 2002 года, где жили мои прадеды, коллега по школе моей прабабушки, Зинаида Петровна Ланина, даже поместила статью с очень метким названием — «Хранитель семейного архива», где среди прочего отметила: «...собирателем, хранителем семейного архива была... Валентина Константиновна. Она знала все о каждом человеке из своего рода. Помнила все их достижения, поощрения и награды, собирала вырезки из газет и журналов (а их было много!)».

К счастью, мои прадедушка и прабабушка, составили генеалогическое древо своих семей и даже написали воспоминания о своей жизни и о жизни своих предков. Хотя записки эти слишком кратки и не так подробны, как хотелось бы, все же ценность этих воспоминаний огромна: они-то как раз и составили ядро, основу нашей семейной книги, подготовленной моей бабушкой Залеской Татьяной Михайловной и ее братом Нояновым Михаилом Михайловичем.

Из воспоминаний моей прабабушки В.К. Нояновой я узнал, что в 1941 году она окончила девять классов Теплинской средней школы Тульской области. Из семидесяти учеников в десятый класс пришло только тринадцать, потому что многие ушли на фронт. Желание учиться было столь велико, что не пугали ни разбитые стекла в классах после бомбежек, ни морозная зима, ни голод. Бабушка так и напишет: «Нами распорядилась судьба. Знания получали без скидки на войну». И поэтому она пошла учиться дальше, в Учительский государственный институт на физико-математический факультет. Днем — лекции в здании на улице Советской 33, а вечером — работа

в госпитале, который располагался неподалеку, на Менделеевской 7. Уставшим и голодным, им казалось, что если будут хорошо трудиться, преодолевая усталость, то победа придет быстрее. Мне было очень интересно узнать, что во время войны бабушка даже в кино ходила: они с подругами продавали продуктовую карточку и на вырученные деньги покупали билеты в кинотеатр имени Бобякина, что располагался когда-то на улице Советской.

Жизнь моей прабабушки оказалась нелегкой, как и у многих, кто жил в те годы. Но всегда рядом с ней был ее муж, одноклассник, один из тех, кто в 1941 году не пошел в десятый класс, а по зову сердца и велению совести отправился на фронт. Не единожды раненный на полях сражений, он до 1946 года служил в армии, а потом, как и бабушка, стал учить детей. Это мой прадед, родоначальник династии учителей в нашей семье — Ноянов Михаил Сергеевич. Ведь Тульский государственный педагогический университет окончили двенадцать членов нашей семьи. С 1948 года они с бабушкой всегда вместе, причем до сих пор не покладая рук трудятся: прабабушка пишет книгу, дед увлечен резьбой по дереву и принимает участие в выставках народного творчества.

М.С. Ноянов

В моем роду много людей с удивительными судьбами, но одно общее у всех: они достойные граждане своей страны. И когда я вырасту, буду военным, как мой папа, Филимонов Алексей Михайлович, как мой дед Миша и как мой прадедущка Миша буду защищать Родину. И так же, как мои родственники, я буду передавать и хранить воспоминания о своих предках. Ведь «где родился, там и пригодился» — гласит народная мудрость. Что-то лукавое слышится в этой пословице. Словно бы ты нигде, кроме как на своей малой родине, больше и не нужен. Или будто нигде не сможешь пригодиться, только как на родной земле. Сколько судеб опровергает эту народную мудрость! Но хочется надеяться (так думает мой дедушка), что своей стране мы все-таки нужнее, как необходимо и нам знание родословной своих корней.

Многие ли из нас знают, как и чем жили наши далекие предки, знаем ли мы свою родословную? Может, кто-то из предков сражался под знаменами Минина и Пожарского, кто-то своим мастерством за-

служил всесоюзных похвал?.. В каждой семье — свои предания, свои реликвии. Сегодня важно их восстановить, сохранить, передать детям.

В семейных альбомах хранятся фотографии дальних родственников, о которых уже никто не может вспомнить даже то, кто именно изображен на снимке. Ценность дневниковых записей воспоминаний в том, что они не позволят забыть имена тех, кому мы обязаны жизнью.

ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО

*Солопов Виталий Геннадиевич, 14 лет,
читатель Мирновского сельского
филиала № 50 МУК «Ефремовская межпоселенческая
централизованная библиотечная система».
Руководитель — Максимов Т.А., библиотекарь,
п. Мирный Ефремовского района Тульской области*

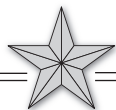
Дети военной поры... Вместе со взрослыми они вынесли на своих хрупких плечах тяжесть невзгод и горя тех лет. Идут годы. Все меньше остается тех, кто может поведать, как жили, что чувствовали, о чем думали они в те трудные годы. Никто не расскажет о событиях тех лет более правдиво, чем сами очевидцы.

Моя бабушка проживает в старинном селе Тормасово Ефремовского района Тульской области. Когда началась война, ей было всего два года, и она хорошо помнит только послевоенное детство. А вот Прасковья Ивановна Иевлева, жительница этого села, помнит военные годы хорошо.

Ее семья жила в небольшой деревушке Кадеевка, где было всего шестнадцать дворов. Было ей в начале войны двенадцать лет, и она отчетливо помнит все, что происходило. Особенно запомнились ей суровые дни ранней зимы сорок первого года. Немцы прошли через Кадеевку в конце ноября и заняли деревню Глинки.

Фашисты каждый день делали обход деревни. Они заходили в избы, рылись в сундуках, укладках, забирали посуду, одежду, продукты. Словом, мародерствовали. Какие такие ценности могли быть у колхозников тогда?

Семья, в которой росла Прасковья Ивановна была многодетной. Отец умер весной 1941 года. Старшие братья уехали работать на Север. Когда началась война, ушли на фронт братья Серафим, Василий и старшая сестра Мария. Дома осталась она, две сестренки и больная мать. Какое уж тут богатство!

Деревенские мальчишки были настроены патриотически. Они воровали у зазевавшихся немцев патроны и гранаты, затем прятали их в соломе. Через овраги и перелески ребята пробирались к своим в Натальино, которое находилось в трех километрах от Кадеевки. Там стояли советские войска. Между ними и фашистами регулярно велась перестрелка. Иногда открывала огонь «катюша». Ее огня немцы боялись панически.

Перед отступлением немцы согнали в маленькую Кадеевку народ из окрестных населенных пунктов. Людьюми были забиты все дома, погреб, сарай, где они спали, зарывшись в солому. Потом немцы всех выгнали на улицу, а избы и все строения подожгли. Растерянные, испуганные люди почти ничего не успели спасти из домашнего скарба. Прасковья смогла вытащить из огня только старую шубу да подушку. Скотина же вся сгорела. Один дом только от всей деревни и остался. Замерзшие, голодные люди побрели искать пристанища по уцелевшим деревням. Не бросили сельчане погорельцев, одели, поделились тем немногим, что у них было. Мать Прасковьи Ивановны с девочками так до конца войны и ютилась у добрых людей в деревне Глинки. Хозяева очень ценили расторопную Прасковью. Она в свои 12 лет была уже хорошей работницей. И не только она. Все подростки ее возраста трудились наравне со взрослыми женщинами и девушками. Дети военного времени быстро и рано выросли.

Вера Дмитриевна Романова, проживающая сейчас в поселке Мирный, считает, что во время войны она была уже взрослой, хотя ей было всего тринадцать лет. В семье было семеро детей. Два старших брата уже служили в армии. Один на Дальнем Востоке, другой в Брестской крепости. Он пропал без вести в первые дни войны. Так ничего о нем больше узнать и не удалось. Самой младшей сестренке было полтора года.

Запомнился ей и такой случай. Раз в избу зашел немец. Все перерыл, но ничего ценного не нашел. Решил взять махотку с медом. Он осмотрел ее, понюхал, заставил мать Веры попробовать мед. А тут маленькая Клашенька некстати разыгралась, развеселилась. Все испугались и замерли. Но немец вдруг погладил девочку по головке и улыбнулся, наверное, своих детей вспомнил. Он все повторял: «Рус солдатик!» Перепуганная мать начала твердить, что это девочка, а не солдатик. В это время на улице раздались выстрелы, и немец, бросив махотку, выскочил из избы.

А вскоре пришли наши. Солдат и эвакуированных скопилось столько, что колодец до дна вычерпывали.

Шла первая военная зима. Суровая и голодная. Весной сорок второго года дети и подростки ходили на поле за мороженной картошкой, которую не успели убрать осенью. Домой приносили обычно по два ведра, перетирали на крахмал и этим питались. В колхозе работали все. Много

и тяжело. Никто не жаловался. Все понимали — надо. Семенное зерно носили пешком со станции Сафоновка, убирали сено, молотили зерно...

Вера Дмитриевна и еще три колхозницы были награждены медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Так Родина оценила их труд.

Мальчишки и девчонки военной поры... Детства в моем понимании у большинства из них не было, а была взрослая жизнь с ее трудностями и заботами. Дай Бог вам, милые бабушки, спокойной и достойной старости, счастья и радости на всю оставшуюся жизнь. А радость они привыкли черпать в труде и в нас, своих внуках и правнуках. Давайте же оправдаем их доверие!

ДОРОГИЕ ФОТОГРАФИИ

*Куликова Юлия Андреевна, 13 лет,
ученица МБОУ СОШ № 11.
Учитель — Саватеева Т.В.,
г. Донской Тульской области*

Много раз мы вместе с бабушкой листали страницы в нашем семейном альбоме. Когда я подросла, мне стало интересно узнать о моих предках. Привлекла мое внимание пожелтевшая от времени фотография человека в военной форме. Это был мой прапрадедушка — Барский Анатолий Евсеевич. Бабушка рассказала о нем (это ее дедушка) все, что знала.

Молодым человеком он служил в 25-й Краснознаменной Чапаевской стрелковой дивизии и занимал должность политрука, был знаком с Тухачевским и Блюхером. После окончания Коммунистического университета им. Артема был назначен первым секретарем Самгородского райкома партии Винницкой области. Самгородок — небольшой районный центр, до войны жил тихо и мирно. Но мирная жизнь была нарушена, пришел 1941 год.

Бабушка сказала, что погиб прапрадедушка в первый год войны, но, как и где — ничего не знала. И мы решили это выяснить. Написали письмо в Самгородок, где жил и работал до войны мой прапрадедушка. И ответ пришел.

Писали нам следопыты из школы № 1 Андрушевского района. Много сил и времени ушло у ребят на то, чтобы по крохам собрать сведения об Анатолии Евсеевиче. И выяснили они следующее.

В сентябре 1941 года была сформирована группа подпольщиков, которая должна была работать в тылу врага. Командиром этой груп-

пы был назначен мой прапрадедущка Анатолий Барский (подпольная кличка Барс). Группа, в количестве 10 человек, должна была десантироваться в заданном районе. Через час лёта первым прыгал Анатолий, за ним все остальные. Когда он приземлился, собрал парашют, то услышал разговор двух людей о том, что хорошо бы взять парашютистов живыми, мол, за них дадут хорошую награду. Как потом выяснилось, это были местные полицаи — предатели. Стало ясно, что десантники попали в засаду. Мой прапрадедущка отстреливался до последнего патрона, оставалась граната, которая полетела в полицаев, но не достигла цели. Тяжелораненый Барс потерял сознание. Очнулся он уже около сельского клуба, куда притащили его полицаи. К нему подошел полицаи Белик: «Говори, куда летел, где место встречи с остальными десантниками»? В ответ было молчание. — «Может ты глухой»? Он достал нож и взмахом руки отсек ухо моему деду. «Ну, говори», но в ответ опять было молчание. И тогда полицаи резанул уже по носу. Потеряв сознание, дед упал на землю, заливаясь кровью. Полицаи достали пистолет и дважды выстрелили ему в голову. Мертвое тело закопали в яру на деревенском кладбище. Только после освобождения Украины тело его было перезахоронено в Самгородке. Могила находится на территории, где, когда-то был райком партии, а теперь располагается школа-интернат.

А.Е. Барский

Так мы узнали о том, как погиб мой прадедущка, отдав жизнь за нас, ныне живущих. Из того десанта в живых остались только двое, они и жители того села помогли восстановить страшные события тех далеких дней.

В 1986 году в селе Андрушевском, где зверски был замучен мой прапрадедущка, состоялся суд над теми полицаями, от чьих рук погиб мой дед и многие те, кто боролся против фашистов. Предателей Родины приговорили к смертной казни, и приговор был приведен в исполнение.

А вот еще одна страничка из альбома, на ней фотография двух близких мне людей — мужчины и женщины — это мои прадедущка — Барский Владимир Анатольевич и прабабушка — Барская Анна Васильевна — это родители моей бабули.

Прадедущке было всего 17 лет, когда пришла весть о гибели его отца, а находились они с мамой в эвакуации в Караганде. Парень стал

проситься на фронт, но его мама не поддавалась на уговоры сына, и тогда он заявил: «Если не отпустишь, то все равно убегу». Мама сда-лась. Володя был направлен в город Термез в военное артиллерийское

*Молодой командир
В.А. Барский*

училище. Успешно окончил училище и сразу на фронт. Тяжело приходилось, ведь был еще совсем мальчишкой. Воевал он под командованием маршала А.М. Василевского на 3-м Белорусском фронте. Бойцы полюбили молодого командира, и он отвечал им взаимностью. А командиром он был, как говорят, от бога. Дорожил каждым солдатом. Был такой случай: его отделение, выполняя боевое задание, попало в окружение, но мой прадедуська сделал все, чтобы без потерь вывести своих бойцов в расположение своей части. За это он был награжден боевым орденом Александра Невского.

Впереди было много трудных фронтовых дорог. Были и победы и поражения, но мой прадедуська оставался всегда добрым, любил своих солдат и оберегал их. И Бог помогал ему. Он дошел до Кенигсберга, был награжден боевыми медалями и орденами. За взятие города Кенигсберга его наградили орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны. Война еще продолжалась, а 3-й Белорусский был отправлен на Дальний Восток воевать против Японии. Молодой, красивый офицер пользовался вниманием у девушек, но свою любовь он повстречал в городе Даэрен, когда освобождали Китай. Это была моя прабабушка — Барская Анна Васильевна.

В 19 лет бабушка ушла на фронт, как и многие ее сверстники. Попала в роту связистов. Тяжело было девочкам на войне, но они выстояли и победили. Бабуля награждена была за участие в боевых действиях против Японии медалями «За победу над Японией», «За победу над Германией» и многими другими. Это о ней тоже писала известный поэт:

*Худенькой, нескладной недотрогой
Ты пришла в окопные края,
И была застенчивой и строгой
Полковая молодость твоя.*

Юлия Друнина

И еще одна фотография из нашего семейного альбома. Это мой прадедуська по другой линии (со стороны дедушки) — Саватеев Яков Пав-

лович. Он был призван на военную службу еще в 1938 году и в 1941 году должен был демобилизоваться, но началась война, которая застала его под Смоленском. С боями пришлось отступать. Прадедушка был ранен и отправлен в госпиталь, подлечился и снова на передовую. Впереди была Курская дуга. Прадедушка был танкистом и в бою загорелся его танк, но экипажу удалось спастись. Дедушка был ранен и опять госпиталь. Родина оценила подвиги солдата и наградила его дважды орденом Красной Звезды.

*Прадедушка Владимир Анатольевич
и прабабушка Анна Васильевна Барские*

Гордостью переполняется мое сердце за моих предков. Они защищали святое — свою Родину, чтобы их детям и внукам жилось счастливо, чтобы мы не знали, что такое война. Я постараюсь быть достойной старшего поколения. Я состою в детской организации «Радуга», девиз которой звучит: «За Родину, добро и справедливость». Надеюсь, когда-нибудь кто-то из моих внуков также посмотрит альбом и, глядя на мою фотографию, скажет: «Как я хочу быть похожим на нее».

СВИДЕТЕЛЬНИЦА ЭПОХИ

*Фадейчева Наталия, 16 лет,
ученица 8 «Б» класса гимназии № 23 им. А.Г. Столетова,
г. Владимир*

В год 70-летия начала Великой Отечественной войны мне 16 лет, а в июне 1941 года моей бабушке Лие Тимофеевне было 11. Детство ее ровесников опалила война. В классе, в котором после войны училась

бабушка, отцы с фронта вернулись только у трех человек из сорока. Бабушка не защищала страну с оружием в руках, но она стала невольной свидетельницей исторических событий, которые долгое время находились под спудом. Ведь только в начале 80-х годов стали собирать свидетельства малолетних узников фашистских концлагерей.

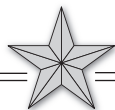

Лия Верташ с мамой Клавдией Александровной

В нашей семье бережно хранят память о Великой войне. Эта война не обошла стороной ни одну семью нашей Родины, в том числе и нашу. Один мой прадед, Василий Андреевич Семененко, был врачом, и, рискуя своей жизнью и жизнью своей семьи, спасал в оккупированном Краматорске наших раненых. Другой прадед, Алексей Владимирович Фадейчев работал на военном заводе в тылу на Урале. Два других прадеда воевали в действующей армии. Но я расскажу о судьбах моей бабушки Верташ Лии Тимофеевны, ее мамы Клавдии Александровны и ее отца Тимофея Акимовича.

Жизнь моих прадеда и прабабушки была нелегкой. Прадед Тимофей Акимович — легендарная личность: после революции был в красном правительстве Харькова, в годы Гражданской войны состоял в штабе армии Буденного. Клавдия Александровна и Тимофей Акимович поженились в годы Гражданской войны. В 1935 году родилась моя бабушка Лия Тимофеевна. В конце второй половины 30-х Тимофей Акимович был репрессирован как враг народа, а в 1940 году после известных процессов был полностью реабилитирован, но не захотел оставаться в Кирове. Весной 1940 года они переехали в Орел.

Бабушка вспоминает: «В Орле к отцу отнеслись хорошо. Родители мои устроились на работу, а меня отдали в садик на нашей улице, где они в частном доме сняли у хозяйки «зал». Отцу к лету 1941 года обещали квартиру на центральной улице (Московской), там строился

из светлого кирпича большой многоэтажный дом, и в мае мы ходили смотреть на этот дом... А дальше была война...

Я ходила в детский сад, в старшую группу. Хорошо помню сразу начавшиеся налеты немецких самолетов, бомбежки вокзала, мостов через Оку, близкий разрывающий уши грохот и красное небо ночью над Медведевскими заводами, рытье щелей и бомбоубежищ во всех дворах и огородах на нашей улице. За детским садом тоже вырыли глубокие щели со ступеньками, туда нас прятали во время воздушной тревоги. Папа мой в первые же дни пошел в армию, а мама работала. Хотя я была ребенком, но хорошо помню ощущение надвигающегося на нас беды. По нашей улице шли машины, обозы, что-то увозили, шли и шли в сторону вокзала люди.

Папа был в войсках города и иногда приходил на несколько минут домой. Он говорил, что Орел не сдадут, никогда не сдадут. А однажды он принес нам с мамой баночку сгущенки (совсем такую же сине-белую, как и сейчас продают) и сказал маме, что если все же будем уходить, то за нами пришлют машину. Мы ждали трое суток, на столе лежал узел с вещами. Мимо дома проходили наши бойцы, пыльные, угрюмые. Было очень тревожно. Помню, мама выносила на крыльцо воду и вареные макароны в голубой тарелке, кормила высокого солдата и пить давала, кто хотел. Машина не пришла, а люди все уходили из города...».

Клавдия Александровна с моей бабушкой также, как и многие другие жители вышли из Орла на Елец пешим ходом. Они успели дойти до деревни Демидовка, когда им сказали, что на Елец идти нельзя: дорогу перерезали немцы. Пришлось возвращаться домой, но это был совсем не тот Орел, в котором они раньше жили.

«Меня поразило какое-то отчуждение, исчезновение всего того, что делало нашу жизнь нашей. Это была оккупированная территория. Здесь в любой момент могут пристрелить маму, соседку, меня. Там, где был наш детский сад, устроили гаражи и конюшни. На нашей улице из школьной библиотеки выкинули все книги, свалив их в кучу посреди двора, чтобы сжечь. Чтобы как-то выжить, мама с соседками ходила в деревню менять на любую еду, какую дадут, оставшиеся папины вещи и свои платья. Страшно было без мамы оставаться у соседей на три-четыре дня. Но еще страшней было, когда немцы гоняли

*До войны. Клавдия
Александровна с Лицей*

взрослое население на расчистку аэродрома... Известно, что в войну быстро взрослеют. В оккупации, не умея еще писать и читать, мы многое узнали о жизни, так как непрерывно чувствовали над собой смерть. Смерть расстрелянных в овраге, смерть повешенных, забитых, замученных, смерть от голода, унижений, рабства...».

Весной 1942 года прабабушку с дочкой Лией угнали в Германию. Людей загоняли в переполненные вагоны-теплушки, закрывали дверь и увозили. Ночью наши партизаны хотели отбить людей, но им не уда-

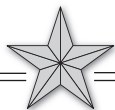
*Май 2011, бабушка Лия
и дедушка Сева*

лось. Наконец, добрались до места. Бабушка вспоминает: «Меня поразил совсем не военный вид перрона: двигались чистые, ярко одетые люди в красных, синих блестящих дождевиках, с разноцветными веселыми зонтиками. Все это казалось картинкой из раскрытой красивой книги...».

Русских продавали на многих станциях, но Клавдию Александровну и ее дочь никто покупать не хотел, слишком неважный вид у них был для продажи: маленькую Лию еще в начале войны остригли наголо, так как от голода и вшей на голове появились болячки, а ее мама была слишком худая. Но и их купили. В немецком городе Зальцведеде их приобрел

хозяин ресторана. Клавдию Александровну определили судомойкой. Она начинала работать в шесть утра, а в двенадцать ночи заканчивала. Бабушке доверили чистку овощей. Вот что Лия Тимофеевна пишет об этом городе: «Город был старинный, но он был фашистским. Русским на рукавах полагалось носить сине-белые полосатые квадратные нашивки со словом «Ost», украинцам — овальные беловатые с оранжевым веночком. Появляться на улице можно было только с разрешения хозяев в определенное полицейей время».

За чисткой картошки дни тянулись ужасно долго. Было тоскливо и тревожно, хоть тут и не стреляли. Через некоторое время Клавдию Александровну с Лией перевели работать на консервный завод. Но и там они пробыли не больше месяца. Их вновь отправили в концлагерь. Он находился в местечке Альтенграбен. Все переводили это название как «Старые гробы», что было близко к действительности. «Слева по шоссе тянулась колючая проволока и вышки охраны. Лагерь стоял на совсем

голом месте. Бесконечные унылые ряды грязно-желтых дощатых длинных бараков хорошо просматривались. Снаружи лагерь был обнесен в два ряда колючей проволокой, а внутри еще разбит проволочными колючими ограждениями на зоны. По углам и у ворот въезда стояли вышки с охранниками в черной форме и черных накидках, с автоматами. Со стороны шоссе влево от ворот лагеря шла зона, где держали французов и итальянцев; за ними шла зона поляков, а справа тянулись лагеря русских, то есть советских, большие лагеря. Первый наш — женский, а за проволокой дальше — мужской. Все бараки, кроме больничного и хозяйственного, стояли торцами к шоссе».

Каждое утро в шесть часов утра в барак приходил охранник и кричал: «Aufstein!». Всех выгоняли во двор и начинали перекличку. Затем выводили на дорогу, сажали в грузовики и увозили на работу. Бабушку не гоняли на работу, потому что ей не было еще десяти лет, и она целый день сидела в лагере одна, так как детей там больше не было. Кормили в лагере один раз в день нечищенными овощами. Очень редко давали по несколько картофелин. Раз в несколько дней давали пару буханок хлеба.

Перед Новым 1945 годом бабушка с одной женщиной пошла за хворостом в лес. Там они нашли много серебряных нитей, которые сбрасывали американские самолеты, чтобы замаскироваться от зенитчиков. Бабушка набрала этих нитей. А потом кто-то из барака достал настоящую елочку, которую украсили этими ниточками. В новогоднюю ночь женщины стали гадать. Они вызывали дух Пушкина. Лия Тимофеевна помнит, что Пушкин обещал совсем скорый конец войны. Это очень обнадеживало, чувствовалось, что все рады.

Близился конец войны. Шоссе ожило. Немцы отступали. Они бежали днем и ночью. Наши люди радовались. На стене барака кто-то написал большими буквами: «Смерть фашистским захватчикам!». Моя бабушка специально бегала туда, чтобы это прочитать. Народ ликовал — наши близко. «И вот днем девятого мая снизу от деревни, по шоссе, верхом на конях прискакали три наших, советских бойца. Это были разведчики. Сразу на шоссе хлынули узники всех лагерей. Люди кричали приветствия, плакали, от радости поднялись даже самые слабые», — вспоминает Лия Тимофеевна.

*Прадед Тимофей
в военной форме*

Клавдия Александровна и Лия возвращались домой. Радостно им было узнать, что и Тимофей Акимович оказался жив. Он защищал Орел, потом участвовал в битве под Сталинградом, дошел до Кенингсберга. После чего был отправлен на японский фронт. Но не успел он доехать до места назначения, как война закончилась. Вскоре они все встретились.

На фронт мой прадед ушел солдатом, а вернулся старшим лейтенантом. Был удостоен ордена Красной Звезды, медали «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». Через десять лет после войны моя бабушка поступила в МГУ на экономический факультет, где встретила своего будущего мужа Всеволода Васильевича. В июле 1960 года они поженились года и через несколько лет у них родилась моя мама Галина Всеволодовна.

Я горжусь моими предками, которые испытали все ужасы войны. Хочется верить, что этот тяжелый период нашей истории никогда не будет забыт, и люди вечно будут помнить и благодарить тех, кто спас нашу Родину.

МОЙ ПРАДЕД СЕМЕН КОЛЕСОВ

*Панков Никита Сергеевич, 9 лет,
ученик 4 класса МБОУ Дубровской №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.
Учитель — Писарева Т.В.,
п. Дубровка Брянской области*

Я родился в мирное счастливое время, но слово «война» в нашем доме я слышал часто, потому, что мой прадедуська Семен Денисович Колесов был участником Великой Отечественной войны. В раннем детстве я еще не понимал значения слова «война». Теперь я школьник, много читаю книг, смотрю фильмов о войне и уже знаю, как это страшно воевать, быть на передовой под пулями и снарядами.

Прадедуську своего я помню плохо: когда он умер, мне было всего три года. Но в моей памяти осталась одна ясная картинка: дед Семен лежит на белоснежной кровати (он уже был тяжело болен и не мог вставать), а я захожу к нему каждое утро и мы здороваемся,жимаем друг другу руки. Моя маленькая ручонка просто терялась в широкой натруженной ладони деда, и он тихонько сжимал ее, пытаясь улыбнуться.

В нашем семейном архиве есть много старых фотографий, на которых мой прадедуська изображен в военной форме с наградами. Мы с бабуш-

кой Розой Семеновной часто беседуем по вечерам. Бабушка много рассказывает мне о своем отце и говорит о том, что я очень похож на него.

Из ее рассказов я узнал, что когда началась война, прадедушке было 27 лет. Он работал комбайнером в далеком сибирском колхозе. У него была семья: жена и трое маленьких детей, старшему исполнилось 4 года, моей бабушке — 2 года, а самому младшему было всего 10 дней от роду.

Война началась 22 июня 1941 года, а уже 25 июня мой прадедущка был призван на фронт. Начал он войну пулеметчиком, был первым номером. После войны фронтовик часто рассказывал близким о том, что во время боя, можно было оглохнуть от пулеметной и автоматной стрельбы, грохота снарядов, взрывов мин. Вокруг все застилал едкий дым и гарь, ничего не было видно. Но каждый боец понимал, что перед ним враг, и нужно, не щадя жизни, бороться с ним, защищать свою землю, свою семью.

Редко случались минуты тишины, особенно в самом начале войны, когда фашисты все время наступали, а наши войска с тяжелыми боями отступали. В одном из таких боев прадедущка был тяжело ранен, его отправили на лечение в военный госпиталь в город Калинин (ныне Тверь). Прадедущке было тяжело вспоминать госпиталь. Там хозяйничала смерть, каждый день умирали раненные бойцы, не хватало лекарств, бинтов. Но даже в такие тяжелые минуты солдаты верили, что обязательно победят, просто не может быть иначе.

После излечения прадедущка опять был отправлен на фронт. В одном из боев его контузило. И вновь госпиталь, теперь уже в городе Мичуринске. По выздоровлении Семен Колесов вернулся в армию, стал военным водителем. Работал на больших машинах «студебеккер», которые обслуживали самолеты на аэродроме.

С.Д. Колесов

*Семен Колесов (сидит)
с боевыми товарищами*

Прадедущка прошел всю войну, освобождал Польшу, Чехословакию. Он рассказывал о том, что наступать было тоже очень тяжело. Повсюду изрытая взрывами, израненная земля. От большинства городов, где хозяйничали фашисты, остались лишь груды развалин. Осо-

Последнее фото ветерана

бенно тяжело Семену Колесову было смотреть на босоногих голодных детей, потому что дома его ждали трое своих маленьких ребятишек.

Им тоже было трудно, хотя до Сибири фашисты не дошли. Жена солдата Анастасия Яковлевна сама заготавливала на зиму дрова, оставляя детей одних дома, ежедневно ходила на работу в колхоз. По вечерам тоже работала: брала на слюдяной фабрике куски слюды, при тусклом свете керосиновой лампы расщепляла ее, потом сдавала и за это получала такую необходимую для семьи муку. А еще она вязала шерстяные рукавицы, носки и отправляла их солдатам на фронт. По ночам читала газеты, чтобы утром рассказать о положении на фронте. И ждала своего любимого мужа.

Когда закончилась война, прадедущка не сразу вернулся домой, нужно было еще подготовить смену, сдать машины. Возвращаться пришлось через Западную Украину, что было опасно, потому что там хозяйничали националисты-бендеровцы, которые убивали наших солдат. Семену Колесову повезло: он выжил, вернулся на родину, к любимой семье и вновь стал работать в колхозе на комбайне.

За личное мужество мой прадедущка был награжден орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», Жукова, юбилейными медалями, в том числе «60 лет освобождения Республики Беларусь», именными часами.

Семен Денисович Колесов умер в 2005 году. В нашей семье всегда с любовью и гордостью вспоминают старого солдата, который прошел всю войну. Когда я вырасту, я тоже обязательно буду рассказывать своим детям, о том каким был мой прадедущка, герой войны, фронтовик.

Глава 12. О Родине, о мужестве, о подвиге

ПОКОЛЕНИЕ XXI ВЕКА О ВОЙНЕ

*Материал предоставлен Советом музея
МОУ Дубровской №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.,
п. Дубровка Брянской области*

Совет музея школы № 1 п. Дубровка Брянской области регулярно проводит опрос учащихся. Всем респондентам задается один и тот же вопрос: «Что вы знаете об участии членов вашей семьи в Великой Отечественной войне?» Кого-то этот вопрос приводит в замешательство: «Конечно, кто-то воевал, как во всех семьях в те годы, но точно ничего не знаю». Другие называют имена дедов и прадедов, рассказывают, где они сражались, где погибли. Третьи начинают собирать материал, беседовать с родителями, перебирать семейные архивы и писать очерки о своих родственниках-участниках войны. Итак, что знает о Великой Отечественной войне поколение начала XXI века?

Т.Г. Жукова, учитель истории, руководитель музея

Полякова Екатерина (10 класса): «Я недавно узнала, что моей родственницей является Герой Советского Союза, руководитель Сещенского подполья Анна Афанасьевна Морозова. Она родилась 23 мая 1921 года в деревне Поляны Мосальского района Калужской области. С 1936 года жила на Брянщине. Окончила 8 классов Сещинской средней школы, курсы бухгалтеров. В годы Великой Отечественной войны руководила подпольной интернациональной советско-польско-чехословацкой организацией в поселке Сеща в составе 1-й Клетнянской партизанской бригады. Добывала ценные сведения о противнике, организовывала диверсии по взрыву самолетов и выводу из строя другой военной техники. Получив из партизанской бригады магнитные мины, подпольщики заминировали и взорвали двадцать самолетов, шесть железнодорожных эшелонов, два склада с боеприпасами. На основании их разведывательных данных 17 июня 1942 года партизаны разгромили гарнизон вражеской авиационной базы в селе Сергеевка, уничтожив 200 человек летного состава, 38 автомашин. За эти подвиги Анна Морозова была удостоена медали «За отвагу».

В сентябре 1943 года, выйдя из подполья, она вступила в Советскую армию. В июне 1944 окончила курсы радистов. С 30 декабря 1944 года А. Морозова — боец специальной диверсионно-разведывательной группы «Джек» капитана Черных, заброшенной на территорию Польши (радистка с позывным «Лебедь»). Утром 31 декабря разведчики и партизаны подверглись внезапному нападению эсэсовцев. Сержант А. Морозова, будучи раненой, прорывалась к лесу в группе польских партизан. Свидетелем гибели Анны стал Павел Янковский. По его словам, к укрытой ветками Анне карателей вывели шедшие по следу две служебные собаки. Прицельными выстрелами из трофейного «вальтера» девушка уложила наповал трех фашистов. Затем бросила одну из двух имевшихся лимоннок. Осколками были ранены обе собаки. Расстреляв обойму, Анна зубами вырвала чеку гранаты. Дождавшись, когда фашисты подошли ближе, подорвала себя вместе с ними. Похоронили Анну в Польше, восточнее города Плоцка, в селе Радзаново. Долгое время родившимся в польских семьях девочкам давали имя Аня в честь Анны Морозовой.

За особые заслуги, за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, в 1965 году Анне Морозовой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза».

Савватеев Максим (10 класс): «Мой прадед Сенькин Василий Матвеевич был партизаном Первой Клетнянской бригады Ф.С. Данченко-ва. А потом ушел на фронт. Принимал участие в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии. Был контужен, потом вернулся в действующую армию. А в марте 1945 года его жена Наталья Петровна получила похоронку. Василий Матвеевич не дожил до Победы менее трех месяцев».

Храпкин Павел (9 класс): «Моя бабушка, Варвара Афанасьевна Изотова (урожденная Чернякова), родилась в деревне Жуково в 1932 году в большой крестьянской семье. Она была самой младшей из пяти детей, старше нее были братья Николай и Василий и сестры Наталья и Зинаида. Отец семейства был участником Гражданской войны, уважаемым на селе человеком. С первых дней Великой Отечественной войны он ушел на фронт, воевал с фашистской Германией. А после победного мая 1945 года был переброшен на Дальний Восток на войну с милитаристской Японией.

А семья фронтовика на долгие два года оказалась на оккупированной врагом территории. Деревню, в которой оставались в основном женщины, дети и старики (взрослые мужчины ушли на фронт или в партизанские отряды), фашисты заняли в августе 1941 года. Жителей выгнали из домов в сараи и землянки, отобрали продукты питания, птицу, скот. Было страшно и голодно.

Но самым главным воспоминанием бабушки стал день, когда их повели на расстрел. Фашисты и полицаи окружили деревню, выгнали всех жителей на улицу и приказали построиться перед уже установленными пулеметами. Взрослые понимали: это конец. Заголосили женщины, за ними заплакали ничего не понимающие, испуганные малыши, старики молча нервно курили. Но так случилось, что в это время в деревню приехал какой-то высокий фашистский чин, говорили, сам генерал. Он что-то сказал своим подчиненным и распорядился отменить расстрел. Что им двигало, в чем была причина столь неожиданного решения генерала, жители Жуково так и не узнали. Но жизни людей были спасены. Однако то, как их вели на расстрел, бабушка помнит и по сей день.

Моя бабушка великая труженица. После войны она работала в колхозе, потом возила торф на торфозаготовках. Четыре года пешком ходила из своей деревни в Дубровку на работу на спиртзавод. А после переезда семьи в Дубровку трудилась в спецшколе. Сейчас бабушка на заслуженном отдыхе».

Рябеченкова Екатерина (9 класс): «Мой дед Дмитрий Лукьянович Рябеченков родом из деревни Артемовка на Смоленщине. В 1940 году он окончил семь классов. Сразу после оккупации Смоленщины фашистами в лесах стали создаваться партизанские отряды для организации сопротивления врагу. Стал лесным мстителем и Дмитрий Рябеченков. После освобождения области от немецко-фашистских захватчиков вчерашний партизан стал солдатом, вступив в ряды Красной армии. Стал командиром расчета станкового пулемета. За форсирование Днепра был награжден орденом Красной Звезды. Участвовал в освобождении многих городов и сел Советского Союза, в освобождении Польши, в боях за Кенигсберг в Восточной Пруссии. Форсировал Одер, участвовал в битве за Берлин. Здесь, в столице Германии, он и встретил великий День Победы».

Хануженкова Ксения (10 класс): «Я люблю бывать в гостях у бабушки Саши. Сейчас ей уже 85, она часто болеет, но по-прежнему молода душой. Александра Никифоровна Орешкова (урожденная Яшина) воспитала мою бабушку и ее брата, оставшихся в годы войны без родителей.

Александра Яшина родилась и жила в деревне Жуково Рогнединского района. По окончании школы уехала в Брянск, где работала на машиностроительном заводе и училась на вечернем отделении медицинского училища. Когда началась Великая Отечественная война, она вернулась в родную деревню. Там после гибели родителей осиротели ее маленькие племянники (это моя бабушка Валя и ее брат). Дети остались на руках восемнадцатилетней девушки, которая по сути сама еще была ребенком. Но в войну дети выросли очень рано.

Вскоре рогнединские партизаны стали использовать Сашу в качестве связной. С риском для жизни она выполняла задания командования отряда. А потом произошла трагедия: фашисты согнали молодежь окрестных сел и деревень и отправили их на принудительные работы в лагерь, находившийся на территории Белоруссии. Об этом времени бабушка Саша вспоминать не любит. «Жили как скот, работали как тягловый скот, и относились фашисты к нам по-скотски», — говорит она.

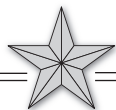
Вместе с частями Советской армии наконец пришло освобождение. Вернулась на родину, где ее ждали маленькие племянники. После Победы в деревню вернулся с фронта бравый молодой лейтенант Сергей Орешков. Вся грудь в орденах! Молодые люди полюбили друг друга, поженились, переехали в деревню Березовка. В счастливой семье появилось на свет пятеро детей. Всех вырастили, выучили, дали путевку в жизнь. Такая вот судьба...».

Антоникова Наталья (10 класс): «Про войну мне рассказала моя бабушка Нина Григорьевна Силенок. Когда фашисты пришли в их село, ей было всего шесть лет. Из всего периода оккупации ей запомнилось, как фашисты проводили карательную операцию в их селе. Многие погибли, а остальных старики увели на болото, вырыли там ров (наподобие подвала) и укрыли там женщин и детей. В этом болоте люди просидели трое суток до тех пор, пока каратели ушли. А потом вернулись в деревню и увидели, что от нее осталось только пепелище. Фашисты сожгли почти все дома, осталось лишь несколько изб в центре села, до которых огонь (а каратели подожгли деревню с обоих концов) не добрался. Хозяева оставшихся домов пригласили к себе соседей, в избах стали жить по три-пять семей, остальные строили землянки.

Бабушка рассказала мне про своего брата. Тимофей Григорьевич Силенок был 1914 года рождения, участвовал в трех военных кампаниях: в Советско-финляндской войне, в освободительном походе Красной армии в Западную Белоруссию и в Великой Отечественной войне. Он был лейтенантом. В 1942 году он погиб. Уже после войны бабушка с сестрой Валентиной ездили в поселок Мурашки, где погиб их брат, но могилу его не нашли.

Воевал и мой прадедущка Павел Васильевич Масленко. Он родился в 1912 году. В 1941 ушел на фронт, а в 1943 вернулся с тяжелым ранением в голову и в плечо. Прожил он всего три месяца и умер от ран.

В этом же 1943 году на фронт был призван его сын Николай Павлович Силенок, ему было лишь 17 лет. Через полтора года он вернулся домой без руки, которую потерял в бою, когда подбивал немецкий танк.

Аделев Николай (9 класс): «Моя бабушка Мария Даниловна Конорина потеряла отца в годы войны, он погиб на фронте. А сама она, будучи совсем маленькой перенесла все тяготы жизни в оккупации.

А мой дедушка Михаил Иосифович Конорин, которому было 11 лет, когда началась война, не может забыть, как на глазах всей деревни Водоглядовка Клетнянского района фашисты расстреляли двух советских солдат-военнопленных. Немцы долго допрашивали солдат, потом вывели их на улицу и заставили каждого копать себе могилу прямо на огороде за одним из домов. А потом расстреляли и заставили местных жителей закопать трупы. А еще он часто вспоминает, как фашисты выгнали жителей из домов и закрыли в сараях, откуда их не выпускали. Но один из немцев сжалился над ними и предупредил о том, что утром будет расстрел и сожгут всю деревню. Он помог людям бежать, а деревню утром сожгли».

Хануженков Дмитрий (8 класс): «Моя прабабушка Зинаида Николаевна Кулдыкина до войны была учительницей начальных классов в Дубровке. Когда фашисты оккупировали наш поселок, она создала подпольную группу из старшеклассников для сбора разведанных, которые передавались партизанам Дубровского отряда и бригады Данченкова. В группу входило 15 человек, ее секретарем был избран Олег Шишкарев, который потом погиб на фронте. А мой прадед, первый дубровский землеустроитель Василий Кулдыкин, перед войной был репрессирован и отправлен в ГУЛАГ».

Ромадина Алина (5 класс): «Мой прадедуська Анатолий Соломников во время войны был ребенком. Вся их семья ушла в партизаны. Отряд находился на территории Раменной дачи. Дети помогали взрослым во всем, в том числе и в разведке, сборе нужных данных о враге. Мой прадед не имел государственных наград, но у него была благодарность командира партизанского отряда».

Чивикова Анна (7 класс): «Мой дедушка, Алексей Ильич Хадкевич, сибиряк-окруженец, человек опытный, храбрый, был командиром диверсионно-подрывного взвода Дубровского партизанского отряда, первым секретарем Дубровского подпольного райкома комсомола. А бабушка, Анна Ивановна Хадкевич (у нее был псевдоним «Журавель»), служила разведчицей этого отряда. Ушел из жизни дедушка рано, ему было всего 54 года. А моя любимая бабушка живет и здравствует и ныне».

P.S. Дети вспоминают славные дела своих дедов и прадедов... Вряд ли можно говорить о том, что нынешнее поколение молодежи «иваны,

родства непомнящие». Это было бы несправедливо. В семьях россиян до сих пор свято хранят старые, пожелтевшие фотографии, на которых запечатлены безусые мальчишки с боевыми орденами на груди, фронтовые письма, написанные домой в редкие минуты затишья на передовой, пахнущие порохом боевые награды солдат Великой Отечественной. Хранят и передают своим детям и внукам рассказы фронтовиков о тех грозных и героических годах, когда на поле брани и в заводских цехах ковалась наша Великая Победа. Одна, общая на всех. И до тех пор, пока жива эта память, пока не прервется связь поколений, Россия будет жить, у нашей страны будет будущее.

Я — ПАТРИОТ

*Титов Владимир Олегович, 16 лет,
ученик 9 класса МОУ СОШ № 2.
Учитель — Нуреева И.А.,
г. Юхнов Калужской области*

*Патриот — человек,
проникнутый преданностью
и любовью к своему Отечеству,
к своему народу.*

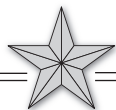
С.И. Ожегов

Для каждого человека любовь к Родине начинается с любви к малой Родине. Моя малая Родина — Юхновская земля.

До недавнего времени я как-то не задумывался о том, насколько интересна и богата событиями история нашего края. Став бойцом военно-патриотического поискового объединения «Юхновчане», тесно соприкоснулся с ратными страницами истории Отечества.

Мы, бойцы ВППО «Юхновчане», изучаем военную историю нашего района, области, ходим по дорогам сражений Великой Отечественной войны, ведем переписку с архивами, музеями, военкоматами, встречаемся с ветеранами войны и военной службы.

Мои друзья с интересом смотрят фильмы, читают произведения о Великой Отечественной войне, забывая порой о том, что рядом с нами живут самые настоящие, невымышленные участники тех событий. Шестьдесят с лишним лет назад эти люди были молоды так же, как и мы; они многое видели, пережили и о многом могут рассказать. Наша задача — слушать, запоминать, записывать, пока есть такая возмож-

ность. Их рассказы помогают нам раскрывать значимость борьбы и победы, истоки героизма советских людей, узнать все трудности борьбы с фашизмом, мысли и чувства героев военных лет. И мы не остаемся к этому равнодушными.

Недавно наш отряд обратился к Александре Ивановне Чистяковой, жительнице деревни Пречистое, которая, будучи ребенком, пережила оккупацию в одной из землянок Дуная (так местные жители называли большой овраг в деревне).

Александра Ивановна поведала, что в 1942 году ей было 9 лет и очень многое она помнит сама, но больше знает со слов своей мамы, которая рассказывала, что в феврале 1942 года ночью из домов на окраине деревни наши солдаты взяли в плен около 150 немцев. В деревне Коммуна было сражение; окруженные советские солдаты под снегом подобрались к немецким позициям, завязался рукопашный бой, который длился несколько часов. После боя по приказу немцев местные жители стаскивали убитых красноармейцев в воронки, ямы и забрасывали снегом, ветками.

Александра Ивановна рассказала, что и после войны в лесу очень часто находили красноармейцев в маскхалатах с оружием: «Раздвигая заросли малины, а там наш солдат лежит, как будто вчера погиб, маскхалат, каска, винтовка, а то и автомат. Мы, девчонки, закричим от страха, но любопытство одолевает: подходим, смотрим. Лежит солдат, вроде целый. А чуть тронешь — сразу рассыпается. Оружие, какое было, мальчишки забирали, а про медальоны мы тогда и не знали».

Подобных рассказов хранится в комнате Боевой Славы немало. Все они собраны учениками нашей школы и свидетельствуют о мужестве и героизме советского народа.

В 12 лет я стал бойцом поискового объединения: через его ряды за 5 лет существования прошло более 70 юношей и девушек. На счету этих ребят много добрых, хороших, а главное — значимых дел. Ими были обнаружены, подняты и перезахоронены останки свыше полутора тысяч солдат и командиров рабоче-крестьянской Красной армии, а найденные медальоны помогли установить имена без вести пропавших.

Например, 15 июня 2003 года состоялось открытие областной Вахты памяти, которая проходила на Юхновской земле. В течение последующей недели было обнаружено 628 останков воинов РККА, 12 солдатских медальонов, 3 из которых удалось прочитать: Менщиков Дмитрий Николаевич, Баранов Егор Федорович, Волков Александр Степанович.

Информация о найденных в ходе поисковых работ медальонах, их содержании была озвучена по радио «Славянка». Никто не отозвался. Но поисковики не опускали руки, не останавливались на достигнутом. В течение всего года делали запросы в центральный архив РФ, писали в военкоматы по месту жительства погибших солдат. И их надежды оправдались, спустя год поступил долгожданный отклик. В отряд об-

ратился полковник ФСБ А.В. Волков, внук того самого Волкова, который сложил голову в кровопролитных боях под Юхновом, честно выполняя свой долг перед Родиной и своим народом.

Александр Викторович в телефонном разговоре рассказал, что его дядя, старший сын погибшего солдата, всю жизнь искал место гибели и захоронения отца, но не дожил до этого долгожданного дня.

В сентябре 2005 года, спустя 60 лет со дня окончания войны, внук и 70-летний сын старшего сержанта Волкова приехали в маленький среднерусский городок Юхнов. Приехали, чтобы побывать на месте боя, того самого последнего боя, чтобы преклонить головы на братской могиле, где обрел вечный покой их отец и дед.

Виктор Александрович показал ребятам фотографии отца, подписанные тем же почерком, что и на медальоне, рассказал о письмах с фронта. В последнем письме отец писал, что «родился в рубашке», под ним убили уже три лошади, ему же все нипочем. А в последнем бою пришлось пустить себе кровь и притвориться убитым, потому что немецкие солдаты ходили и добивали раненых. Когда же стемнело, солдат выполз к своим.

А вот супруга Д.Н. Менщикова всю жизнь ждала с фронта своего мужа. Они поженились в июне 1941 года, всего за неделю до войны. Не познав радости замужества и материнства, женщина осталась одна. После извещения о пропаже без вести так и не вышла больше замуж. Долгожданная весточка нашла ее в доме для престарелых. Информацию о найденном медальоне услышала по радио медицинская сестра, она же и связалась с поисковым отрядом. Оплакивая своего мужа, вдова сказала: «Теперь я могу спокойно умереть».

Родственники Е.Ф. Баранова до сих пор не найдены, но мы надеемся, что и они услышат нас.

Чем больше мы занимаемся поисковой работой, тем больше возникает вопросов. О многом мы не задумывались раньше, о многом узнали. А сколько еще предстоит понять и узнать. Воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны помогают нам представить такое эпохальное событие как Великая Отечественная война не только по официальным материалам исторических источников, но и увидеть эти события глазами непосредственных участников, ощутить причастность отдельной человеческой судьбы к истории страны и народа.

Работа в отряде помогает нам почувствовать дух времени. Подчас в отдельных поступках, бытовых деталях заключается большой исторический смысл. Мы видим нашу историю глазами участников боев, свидетелей героических, страшных событий.

10 октября 2007 года я вместе с отрядом, был участником международной военно-научной конференции «Армия как инструмент войны и мира в период глобализации», где мне посчастливилось встретиться и пообщаться с Маршалом Советского Союза Д.Т. Язовым. Дмитрий

Тимофеевич рассказал нам о своем боевом пути и подарил свою книгу «Удары судьбы» с дарственной надписью: «Музею поискового отряда «Юхновчане» средней школы № 2 города Юхнова, с глубоким уважением, добрыми пожеланиями и надеждой, что вы будете ПАТРИОТАМИ земли Российской!». Я с уверенностью могу сказать, что встречу с Маршалом Д.Т. Язовым запомню на всю жизнь.

Для всех ребят, которые прошли через ряды поискового объединения, патриотизм не пустое слово. Многие из них по окончании школы поступили в институты МВД, военные академии. Защищать Родину — их будущая профессия.

В этом году ВППО «Юхновчане» в номинации «Лучший поисковый отряд» награждено Законодательным Собранием Калужской области точной копией Знамени Победы, а руководитель объединения, учитель истории и одновременно мой классный руководитель Сорокин Александр Викторович — медалью «Патриот России».

Я горжусь своими старшими товарищами, своим учителем и всеми теми, кто вносит вклад в дело увековечения памяти павших в годы Великой Отечественной войны.

Мне уже 14 лет, и я многое могу сделать для своей Родины. Я хорошо учусь, увлекаюсь историей своего края, помогаю ветеранам по хозяйству, ухаживаю за памятниками и мечтаю стать защитником Отечества. Потому что я люблю свой город, свой народ, свою Родину!!! Потому что я — патриот.

ЮНЫЙ ПАРТИЗАН ВАСИЛИЙ АНИКАНОВ

*Стойловская Виктория Николаевна, 11 лет,
ученица 6 класса*

*МБОУ Дубровской №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.
Учитель — Жукова Т.Г.,
п. Дубровка Брянской области*

До войны семья Аникановых жила в деревне Болваны Радичского сельсовета Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области. Стояла деревенька на небольшой речушке с поэтическим названием Смородинка. По имени речки деревню даже иногда называли Смородинец. Не пытайтесь сегодня найти эту деревню на карте Брянщины. Она исчезла, как сотни и тысячи других деревень России. Причем, эта судьба постигла ее раньше многих — еще в 60-е годы прошлого века.

Семья Аникановых была большой, дружной, работающей. Главным ее богатством были дети — в доме их бегало десять, мал мала меньше. И хоть работали все от зари до зари, но хором каменных не нажили. Бедствовали, дети часто болели, в конце концов выжили лишь четверо: сыновья Фаддей и Василий (герой моего рассказа) и дочери Евдокия (моя прабабушка) и Анна.

Все дети Ивана Аниканова были трудолюбивыми, добрыми, с большим уважением относились к родителям, старшим. Сыновья в рот не брали спиртного, не курили. Дочери были рукодельницами. Так их воспитали в семье. Правда, образования большого они не получили: не до того было, работали с малолетства в колхозе «Рассвет».

Василий Аниканов, мой прадед, родился в 1923 году. Поучившись в Радичской школе и поработав в колхозе, по достижении совершеннолетия уехал в Бежицу к старшему брату. Фаддей уже давно работал там на заводе, женился, завел семью.

Василий сразу устроился рабочим на знаменитый Бежицкий завод «Красный Профинтерн» (сейчас это БМЗ). Работа ему нравилась, все спорилось в трудолюбивых руках молодого пролетария. Он гордился званием «рабочий». По дому, правда, скучал, часто приезжал проводить родителей, привозил заработанные нелегким трудом деньги, помогал семье.

Черный день 22 июня 1941 года перечеркнул мирную жизнь советских людей. Началась Великая Отечественная война.

В июле 1941 года в Бежице был сформирован истребительный батальон. В его задачу входило патрулирование улиц, охрана правопорядка в городе, поимка мародеров, сигнальщиков, вражеских парашютистов-десантников. Усиленно велась подготовка минеров, разведчиков. Командиром батальона был назначен Александр Иванович Виноградов, начальник цеха завода «Красный Профинтерн». Одним из первых добровольцем записался в истребительный батальон 18-летний рабочий Вася Аниканов.

В сентябре 1941 года истребительный батальон был преобразован в Орджоникидзеградский партизанский отряд под командованием Виноградова, которого бойцы уважительно называли Батей.

Прижимая к груди винтовку, слегка срывающимся от волнения голосом Василий Аниканов плечом к плечу со своими боевыми товарищами-виноградовцами давал клятву брянского партизана: «Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен... Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей».

7 октября 1941 года отряд Виноградова принял боевое крещение. Партизаны держали рубеж обороны города у Первомайского и Бежицкого мостов через Десну. Но силы были неравны...

На рассвете следующего дня, перебравшись через Болву, отряд ушел в Карачижско-Крыловский лес. А вскоре виноградовцы нанесли врагу первый урон: 12 октября на Жиздринском большаке разгромили обоз, 14 октября на дороге Брянск — Карачев уничтожили три немецких грузовика с солдатами.

День 16 октября 1941 года стал последним в жизни бойца Василия Аниканова. Предатель Латышев привел карателей в лагерь отряда Виноградова, прямо к землянке второй роты Григория Климова. На часах стоял Вася Аниканов. Он первым принял удар врага: фашисты ножом вспороли ему живот. Через минуту они бросили в землянку ящики с самовоспламеняющейся жидкостью. Партизаны погибли от удушья, но не сдались. До самого последнего момента своей жизни они пели песню о несломленном «Варяге»:

*Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!*

Тяжело раненный Василий Аниканов больше версты полз, пока его нашли бойцы отряда, чтобы предупредить командира и боевых товарищей о пробравшемся в их ряды предателе. Он лежал на плащ-палатке, истекая кровью. Весь живот у него был разворочен. Врач отряда Иван Тихонович Батюнин, став на колени, завернул рубашку и взглянул на рану. «Тут я бессилен, — подумал врач, — все внутри порвано». Вслух же сказал: «Крепитесь, молодой человек!».

Но Аниканов, по воспоминаниям боевых товарищей, был мужественен до конца. Открыв глаза, он тихо сказал: «Не трудитесь, не поможет...». Умирая, он успел предупредить партизан о том, что Александр Латышев — предатель.

Предатель не ушел от возмездия, бойцы отомстили за смерть Васи Аниканова и партизан Климова, которых похоронили недалеко от места их последнего боя. Латышев был повешен 18 сентября 1943 года, на следующий день после освобождения Брянска и Бежицы от врага.

В 1963 году брянский драматург Алексей Козин написал пьесу «Виноградовцы», которую вскоре поставил Брянский драматический театр. В этой героической драме в 2-х действиях почти все действующие лица взяты из жизни. Один из эпизодов драмы описывает трагедию гибели моего прадеда Василия Аниканова и бойцов роты Климова.

Вскоре после этого трагического события Виноградов увел свои роты в Соколовский лес и основал новый лагерь в районе озера Круглое. Боевая жизнь отряда продолжалась. 24 июля 1942 года при невыясненных обстоятельствах Виноградов погиб. Похоронили

Батю в сосняке на братском кладбище недалеко от озера. Но уже через несколько дней отряд стал носить имя А.И. Виноградова и продолжал громить врага.

*Могила В.И. Аниканова и других партизан
2 роты, погибших 16 октября 1941 г.*

В боях с немецко-фашистскими оккупантами погибли смертью храбрых 135 бойцов. Среди них и мой прадед 18-летний партизан Василий Иванович Аниканов. Его имя выбито золотом на мемориале Славы в Бежицком районе города Брянска, на месте базовой стоянки партизанского отряда Виноградова на Круглом озере, на новом памятнике в Радице-Крыловке, на мемориале Славы в Сеще, внесено в Книгу Памяти Брянской области. И, конечно же, его помнят и чтят все члены нашей семьи.

ПО МЕСТАМ БОЕВОЙ СЛАВЫ

*Королёва Анна Владимировна, 16 лет,
ученица 10 класса МОУ СОШ № 1.
Учитель — Лазуткина Н.М.,
г. Ливны Орловской области*

Много памятных мест, связанных с Великой Отечественной войной, есть в нашем городе и районе. Поэтому ученики нашей школы регулярно посещают места былых сражений и братские захоронения, совершая многодневные и однодневные походы. Это дает возможность почувствовать локоть товарища, познакомиться с новыми людьми, прикоснуться к истории родного края.

Пятидневный пеший поход учеников нашей школы пролегал по маршруту Ливны–Речица–Маркино–Колпны–Ливны. Маршрут этого похода выбран неслучайно: это места, где сражалась 143 стрелковая дивизия. Первым населенным пунктом была Речица. В годы войны село было разграблено, разрушено и сожжено фашистами, но сегодня это утопающий в зелени населенный пункт, бережно восстановленный местными жителями. Здесь прошла наша первая встреча с ветераном Великой Отечественной войны Агарковым Алексеем Федоровичем. Из беседы мы узнали, что он уроженец этого села, в годы войны воевал на Воронежском фронте в составе 66 гвардейского минометного полка. Участвовал в освобождении Харькова, Киева, сражался на Орловско-Курской дуге, освобождал Венгрию и Чехословакию. В мирное время много работал и как результат — рядом с военными наградами появились и трудовые.

Выбрав удобное место для ночлега, мы остановились на привал на окраине села. Утром наш путь лежал в Ушаково. Мы шли по местам сражений 143 стрелковой дивизии. Кругом все говорило о том, что здесь были тяжелые бои: мы находили покрытые ржавчиной стреляные гильзы, воронки, заросшие травой, — молчаливых свидетелей, израненных войной. Ночлег устроили в километре от Ушаково, а наутро пришли поклониться праху погибших воинов, захороненных в братской могиле, почтив их память минутой молчания и возложив полевые цветы. В деревне мы встретились с ветераном Великой Отечественной войны Казановым Фомой Павловичем. Он был призван на фронт 6 июля 1941г. и свое первое боевое крещение получил в г. Орел, затем был направлен в г. Рассказов Тамбовской области, был ранен и пробыл в лазарете до октября 1941 года. В 1943 г. принимал участие в боях на Орловско-Курской дуге, участвовал в форсировании Днепра, был награжден медалью «За Отвагу». Всю войну он прошел в 744 полку. Принимал участие в освобождении Польши. Под городом Познань был ранен, День Победы встретил в госпитале.

Дальше наш путь лежал на Маркино. После тяжелого перехода мы расположились на ночлег у села, а утром нас ждали новые встречи.

Давыдов Иван Васильевич — инвалид Великой Отечественной войны. Свой боевой путь начал в г. Орел в 1941 году. Воевал на Смоленском направлении, форсировал Днепр. В боях за Смоленск был ранен. За время своего боевого пути был шофером, сапером... В июне 1943 года участвовал в боях на Орловско-Курской дуге, освобождал Польшу, Берлин. Был демобилизован в 1946 году.

М.И. Рогожин служил заместителем командира полка. Под Ельней в 1941 г., находясь на передовой с писарем полка, увидел подбитые советские танки. Немцы были в нескольких шагах, но отважные парни

под носом у фашистов забрались в один из танков, завели его, и на глазах у ничего не понимающего врага, угнали танк в свое расположение, за что были представлены к правительственным наградам. Из-под Ельни подразделение Рогожина перебрасывалось во Мценск, а затем через населенный пункт Чернь пошли на Ефремово. На орловской дороге нашего собеседника ранили, а оправившись от ранения, он принимал участие в обороне Верховья. Во время сражений на Орловско-Курской дуге, когда вышли из строя все орудия, М.И. Рогожин вытащил с нейтральной зоны пушку, отремонтировал ее в полевых условиях под огнем противника за короткий срок и продолжил сражение. За этот бой был награжден орденом Красной Звезды. Принимал участие в форсировании Днепра, на реке Эльба встретился с союзниками и в совместной операции освобождал Прагу.

А.Ф. Кузьмин свой первый бой принял под Ельней. Уничтожил 10 танков, за что был награжден орденом Красной Звезды. В октябре–декабре 1941 г. принимал участие в уничтожении врага, который рвался к Туле и Москве, под Мценском. Командуя батареей сорокамиллиметровых пушек, успешно жег танки врага. С июня по август 1943 года сражался под Поньями на Орловско-Курской дуге. Вместе со своим полком форсировал Днепр, Припять, за что был награжден орденом Отечественной войны 1-й и 2-й степеней. Закончил войну освобождением Праги. За свои подвиги А.Ф. Кузьмин был отмечен орденами Красного Знамени, Александра Невского и другими наградами.

После встреч с ветеранами мы отправились в Колпну, где посетили краеведческий музей. Сотрудники музея подробно рассказали об истории 143 дивизии, о ветеранах, проживающих в данный момент в Колпне, о военных годах.

Посещая ветеранов войны и труда, мы не оставляли их без внимания. Как могли старались им помочь. Кому-то нарубили дров, у кого — то навели порядок во дворе, а кому-то помогли и в огороде. Нам было приятно общаться с этими людьми. Ведь это лишь малая толика нашей безмерной благодарности ветеранам войны и труда. Приятно было видеть цветущие поля, луга, реки, по которым сегодня можно ходить, радуясь началу нового дня. За это все мы искренне говорили этим людям спасибо.

НА ЮХНОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Прошкин Денис Вячеславович
ученик 7 класса МОУ СОШ № 2.
Учитель — Сорокин А.В.,
г. Юхнов Калужской области

А сами полегли за землю русскую.
Никнет трава от жалости,
А древо с тоской к земле приклонилось.
Слово о полку Игореве

На западной окраине города Юхнова Калужской области у развилки дорог высится монумент освободителям города и района от немецко-фашистских захватчиков — советским воинам 50, 49, 43-й и 33-й армий, парашютистам-десантникам Западного фронта, курсантам Подольских военных училищ, аэродромным командам, летчикам: 1-го тяжелого бомбардировочного полка Первой воздушной армии, ПВО Москвы, 40-го бомбардировочного полка, 24-го гвардейского Юхновского ордена Кутузова III степени легкобомбардировочного полка, ополченцам Тульского рабочего полка, воинам 1-го гвардейского конного корпуса [1, с. 66].

Нетленна память о героических сынах Родины. На территории района находится более двадцати памятников и обелисков над братскими могилами. В город Юхнов и район каждый год приезжают бывшие солдаты, офицеры и генералы, чтобы склонить головы над прахом боевых товарищей, родственники погибших.

Среди дремучих лесов и раздольных полей тихо несет свои воды Угра, левый приток Оки. Но Угра дарит нам не только заповедную природу и прекрасные пейзажи. Тут смыкаются еще и минувшие века с веком нынешним. Берега Угры помнят яркие события славной истории нашей Родины, а память народная еще и сейчас хранит предания и легенды об освободительных боях русских воинов с ордами монголо-татарских ханов, польско-литовскими рыцарями, о партизанской народной борьбе с наполеоновским нашествием, о кровопролитных боях с фашистскими захватчиками. Каждое поколение многонационального российского государства отстаивало свободу и независимость своего Отечества, беря пример ратной доблести со своих героических предков.

В конце сентября и начале октября 1941 года на Рославль—Юхновском направлении оборонялась 43-я армия Брянского фронта. Стрелковые дивизии на смежных флангах подвергались атакам ударной группировки врага, которая состояла из 10 пехотных, 5 танковых и 2 моторизованных дивизий. Они наносили удар на узком 60 километровом участке фронта, вдоль шоссе Рославль—Юхнов и

южнее по частям 53-й стрелковой дивизии 43-й армии и 217-й стрелковой дивизии 49-й армии [2, с. 559].

5 октября 1941 года в 16 часов 20 минут генерал Телегин сообщил генералу Шорохину, что «на шоссе к Малоярославцу продолжается отход большого количества населения, группы военных. Медынь горит, но в ней танков противника нет. На дороге Спас-Деменск–Юхнов, Юхнов–Гжатск — танки, в обратную сторону автомашины...» [3, с. 612].

По пути на Юхнов Г.К. Жуков встретился с командиром танковой бригады резерва Ставки полковником И.И. Троицким.

«— Ну что у вас тут делается, докладывайте. Прежде всего, где противник?

Полковник Троицкий рассказал:

— Противник занимает Юхнов. Его передовые части захватили мост на реке Угре» [4, с. 72].

Позже Г.К. Жукову стало известно о том, что мост через Угру был захвачен немцами только после того, как его взорвал отряд майора И.Г. Старчака, начальника парашютно-десантной службы Западного фронта.

Отряд И.Г. Старчака после этого занял оборону по реке Угре.

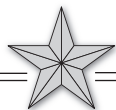
Вскоре он был поддержан отрядом курсантов Подольских военных училищ под командованием старшего лейтенанта Л.А. Мамчика и капитана Я.С. Россикова.

Попытки вражеских войск форсировать реку Угру и прорваться на Медынь успешно отражались, своим героическим самопожертвованием они сорвали план быстрого захвата Малоярославца и тем помогли нашим войскам выиграть необходимое время для организации обороны на подступах к Москве [5, с. 112].

Наступила зима. 6 декабря 1941 года Красная армия, остановив полчища врага под стенами Москвы, начала грандиозное контрнаступление. За 36 дней гитлеровцы были отброшены от столицы на 120–250 километров. Под ударами советских войск рушилась оборона противника и на Юхновском направлении.

Чем ближе советские войска подходили к Юхнову, тем усиливалось сопротивление противника. Гитлеровцы, обеспокоенные судьбой 4-й полевой армии, отступавшей от Малоярославца, перебросили в район Юхнова танковую дивизию. 6 января 1942 года наступление наших частей было остановлено.

В январе—феврале 1942 года в районе Барсуков, Вышнего (Мосальский район), Ситского (Юхновский район) и окрестных деревень яростно сражались воины 173, 340, 415, 413-й стрелковых дивизий и 32-й танковой бригады, удерживая захваченный ими участок Варшавского шоссе. Связь с основными силами армии они осуществляли по узкой простреливаемой долине между опорными пунктами врага в Вышнем и Ситском. Подтянув сюда 4-й полк СС, четыре полнокровных пехотных полка, 19-ю танковую дивизию, 19-й арtpолк и другие

части, фашисты взяли наших воинов в кольцо. Окруженные воины испытывали острейшую нужду в продовольствии и боеприпасах.

В ночь на 15 февраля части окруженной группы 50-й армии под командованием генерал-майора А.Д. Терешкова, используя сильную метель, начали прорыв из окружения. Техника, оставшаяся без боеприпасов и горючего, была уничтожена. Сломив сопротивление противника на трех рубежах, соединения северной (окруженной) группы 50-й армии соединились с южной группой. В тех боях наши войска понесли тяжелые потери — было убито и ранено 8090 человек [1, с. 66].

Потом это место между Вышним и Ситским народ справедливо называл Долиной Смерти.

В память о доблести и мужестве советских воинов, павших за Родину в тех неравных и кровопролитных боях, стараниями общественности у деревни Барсуки был возведен величественный мемориал. Ежегодно в Долину Смерти приезжают поисковые отряды, которые находят останки сотен и сотен наших воинов и достойно, с отдачей воинских и христианских почестей захоранивают их у мемориала.

Из сообщения Совинформбюро 17 февраля 1942 года вся страна знала, что со 2 по 14 февраля продолжались кровопролитные бои за износковскую деревню Захарово. Сильно укрепленный захаровский рубеж обороняли 4-й полк дивизии СС и другие отборные фашистские части. Здесь в боях с обеих сторон участвовали тысячи людей. Земля была обильно полита кровью. Советские воины совершили здесь немало подвигов, обессмертивших их имена.

В материалах Чрезвычайной государственной комиссии приводятся многочисленные факты злодеяний фашистов в Юхновском районе Смоленской области за период оккупации. 350 деревень в Смоленской области постигла печальная участь Хатыни [6, с. 135]. При отступлении каратели сжигали все деревни на своем пути. После войны многие отстраивались заново, но некоторые так и не восстали из пепла.

Литература:

1. *Маслов В.Е.* Юхнов. Калуга, 1995. С. 66.
2. Военный энциклопедический словарь / Пред. гл. ред. С.Ф. Ахромеева. М., 1986.
3. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / Гл. ред. М.М. Козлов М., 1985.
4. *Смирнов В.С.* Мой Юхновский край: Учебно-методическое пособие. Калуга, 2004.
5. Калужские рубежи: Сборник документальных и художественно-публицистических произведений / Сост.: Т.В. Романова, Р.В. Панфёров. Калуга, 2003.
6. *Емельянова Н.Г.* Все судьбы в единую слиты... Смоленск, 2004.

«ИДУ ЗАЩИЩАТЬ ЛЮБИМУЮ РОДИНУ»

*Токорева Полина Григорьевна, 15 лет,
ученица 10 класса МОУ «Гимназия № 11»,
г. Тула*

Кто ждал такой поворот событий? Кто мог предвидеть, какое горе обрушится на страну? Все, что было в те годы, тяжело представить современному человеку. Фильмы, картины, книги воссоздают нечеткий образ трагедии. Читаю старые военные письма. Уже почти истлевшие, написанные неровным почерком — потому что в землянке, на коленях... Эти пожелтевшие листочки — участники всенародной трагедии, полной ужаса, неясности, непредсказуемости... Они слышали разрывающиеся снаряды, стоны, слезы. Впитали в себя те чувства, которыми жили тогда люди. Какой путь проделывали эти странички!.. Сколько радости и надежды они приносили! Главное — живой!

Время безжалостно стирает память. Уходят люди, которые еще могут рассказать нам о тех тяжелых годах. Письма же становятся единственными скудными свидетелями... В моих руках несколько военных писем моего прадеда — Ткачева Григория Селиверстовича.

Накануне войны жизнь в Туле шла в гору. Открылся Новотульский металлургический завод, со всех концов России потянулись в город специалисты, которым предстояло налаживать новое производство, обустривать город. Среди пионеров новой тульской металлургии был молодой инженер-металлург, окончивший в 1936 году Ленинградский металлургический институт, уроженец деревни Горенка Краснопольского района Могилевской области Белорусской ССР, Ткачев Григорий Селиверстович. В июне 1941-го он, начальник смены доменного цеха, прошедший к тому времени все этапы металлургического дела — от смазчика мартеновского цеха до мастера доменной печи, не мог представить, что через несколько дней его родная Белоруссия будет оккупирована немцами, что придется поспешно эвакуировать оборудование и людей, свою семью, жену, трехлетнего Эдуарда и годовалую Галочку, на Урал, в Нижний Тагил.

В первые дни войны, несмотря на непреодолимое желание идти на линию фронта, выгнать фашистов из Белоруссии, увидеть дом своего детства, родных, Григорий Селиверстович выполнял не менее важное задание советского командования — обеспечить бесперебойную работу завода сначала в Туле, а затем и в тылу. Цену победы определял чугун и сталь.

Когда враг подошел к рубежам Тулы металлургическое оборудование необходимо было эвакуировать. Для этого требовались хорошие

инженерные знания и организационные способности — то, что и было у Григория Селиверстовича.

Конечно, можно было поехать на Урал. Но для Григория такое решение было бы проявлением трусости. Здесь, в Туле, оставались сослуживцы, друзья, дом. Нужно было во что бы то ни стало отбить противника. Вернуть завод, семью. Поэтому еще во время эвакуации Григорий Селиверстович вступает в истребительный отряд при заводе, а с 20 октября 1941 года уходит рядовым бойцом в Тульский рабочий полк. В эти дни он пишет своим близким: «С нашего завода по линии партийного комитета мобилизовали 22-х коммунистов в действующую армию, в число которых я также вошел. Иду защищать любимую родину».

Вера в победу, сила духа, злость к врагу отличали молодого бойца. Его назначают политруком роты. Каждый день он писал своей семье, понимая, что почта работает с перебоями и из десяти написанных писем дойдет только одно. Писал, чтобы успокоить близких, поднять дух. «Я пока жив-здоров. Нахожусь в обороне, окопы наши хорошие. Со стороны наших позиций враг не продвигается, сдерживаем крепко, по-рабочему». (1.12.1941) Линию фронта не покидал.

Несмотря на гибель товарищей не терял бодрости духа. «Сегодня после упорных контратак враг откатился несколько назад от наших родных рубежей Тулы. Я с гордостью сообщаю, что мне лично подряд 12 дней пришлось быть на передовой линии огня. Сегодня рассмеялся над собой: бородатый стал, как примерный партизан. Я состою в рабочем полку, который с гордостью защищает свой город».

Ночь с 27-го на 28-е декабря 1941-го года стала для Григория Селиверстовича роковой. Снаряд вражеского миномета ранил его в левую руку. Спас жизнь овчинный тулуп. Ранение было тяжелым. Боец был отправлен в ханинский госпиталь, потом эвакуирован в Тулу. Несмотря на непреодолимое желание вернуться в бой, тяжелораненого перевели в киргизский госпиталь (село Калининское Фрунзенской области). Там он находился на лечении несколько месяцев. Инвалидность не дала Григорию Селиверстовичу вернуться в бой, левая рука почти не работала.

В эти дни он беспрестанно думает о семье. Родные потеряли его. Он пишет письма на Урал, разыскивает свою семью. Мечтает о скорой встрече.

Г.С. Ткачев

Тем временем враг был отброшен от рубежей Тулы. О возвращении на линию фронта из-за полученной контузии не могло быть и речи. Нужно было восстанавливать завод. Обеспечивать надежность трудового тыла. В октябре 1942-го Григорий Селиверстович возвращается на родной завод начальником смены доменного цеха, становится председателем завкома профсоюза завода, а с июля 1943-го секретарем партбюро завода. На его плечи возлагается контроль над всем производством.

Он всегда верил в жизнь, в победу. Его не сломило известие о гибели родного брата. Григорий Селиверстович с большими усилиями вернул свою семью в Тулу еще в годы войны, нашел родителей жены.

За проявленный героизм Ткачев Григорий Селиверстович был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией».

ДЕТИ, ПЕРЕЖИВШИЕ ВОЙНУ

*Аксенов Антон Александрович, 12 лет,
ученик 7 класса*

*МБОУ Дубровской №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.
Учитель — Жукова Т.Г.,
п. Дубровка Брянской области*

Дети войны... Это те, чье детство и юность пришлись на страшные годы войны. Они мерзли и голодали, видели смерть и бомбежки, они стояли у станков и выращивали хлеб для фронта. Многие из них потеряли отцов, матерей, близких родственников, но они выжили, они выучились, они честно работали. Их становится все меньше и меньше... И до сих пор их мучает боль воспоминаний...

Моя прабабушка Анна Ивановна Филюшина родилась в 1926 году. Когда началась война, ей было всего 15 лет. Немцы пришли в ее родную деревню осенью 1941 года и установили свой «новый немецкий порядок», сопровождавшийся насилием и разграблением.

Всю семью Филюшиных: Анну, ее родителей и сестру, выселили из дома, в котором поселились фашисты. Семья перебралась в погреб, где было холодно и сыро. Такая же участь постигла почти всех жителей оккупированной деревни.

Самым тяжелым воспоминанием того периода, по словам моей прабабушки, это постоянное, ничем не истребимое чувство голода. Захватчики уничтожили всю живность, изъяли у крестьян запасы продоволь-

ствия. До сих пор старики, пережившие оккупацию, рассказывают о лакомстве тех лет — «лындиках» из мерзлой картошки...

Всех подростков немцы гоняли зимой расчищать железнодорожные пути, по которым должны были беспрепятственно проходить на Дубровку и Сещу их составы. За отказ работать били палками, а однажды даже загнали всех в сарай и собирались поджечь. Целую ночь люди провели в панике, в ожидании скорой страшной смерти. Но утром их неожиданно выпустили и вновь погнали на работу.

Ни голод, ни ночевки в снегу, ни тяжелый, надрывный труд в лютые морозы, ни издевательства оккупантов не смогли сломить волю людей. Многие уходили в лес к партизанам или помогали им: пекли хлеб, валяли валенки, передавали продукты, одежду, кто-то вел разведывательную работу по заданию лесных мстителей.

А когда пришла долгожданная свобода и наша армия прогнала гитлеровцев, все люди, в том числе и подростки, помогали копать окопы, расчищать аэродром, работали на полях. Они приближали Победу, как могли.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Анна Ивановна Филюшина была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Я очень горжусь моей прабабушкой.

Исхожено много дорог километров.
Истрачено нервов и сил.
Нам выли вдогонку сирены и ветры.
Фашист нас, как зверя, травил.

Кровь брали фашисты из тоненьких веноч,
Спасая немецких солдат.
Мишенью детишки стояли у стенок.
Злодейства вершился обряд.

А в голод спасала лишь корочка хлеба,
Очистки картофеля, жмых.
И падали бомбы на головы с неба,
Не всех оставляя в живых.

Нам, детям войны, много горя досталось.
Победа наградой была.
И летопись лет страшных в память вписалась.
Боль отклик у эха нашла.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

*Данкина Ксения Александровна,
ученица 11 класса МБОУ СОШ № 11.
Руководители — Саватеева Т.В.,
Крюкова Г.И.,
г. Донской Тульской области*

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.*

С. Орлов

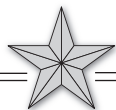
С каждым годом все меньше и меньше остается тех, кто знает о Великой Отечественной войне не понаслышке. Когда умирают ветераны, от нас уходят не просто люди, умирает целая эпоха. Их единицы. Мы смотрим на них как на живую легенду и чувствуем великую благодарность и бесконечное уважение. Для тех же воинов, которые никогда уже не смогут увидеть солнечный свет, голубое небо, дышащее радостью, зеленую травку, для них теперь лишь земля, которую они спасли; она осталась для них пристанищем. Навеки...

В нашем микрорайоне есть братская могила, где похоронены бесстрашные защитники города Донского. Осенью 1941 года на подступах к Москве проходили жестокие бои. Наша местность несколько раз переходила из рук в руки. Советские воины остановились в деревне Крутой Верх за два дня до боя. Бойцы заняли свои позиции и ждали.

*Такою все дышало тишиной,
Что вся Земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
Всего каких-то пять минут осталось.*

С. Щипачев

Ровно через два дня со стороны Богородицка немцы пошли в атаку. Завязался кровавый бой, силы оказались неравными, и наши бойцы были вынуждены отступить. Враг занял деревню. Для обороны Тулы с Дальнего Востока перебросили 31-ю гвардейскую дивизию 97-го полка, в котором служили сибиряки. Вскоре после их прибытия, в ночь с 21 на 22 ноября, советские воины атаковали немцев. Противник сделал хитрый ход, расположив свои пулеметные точки за снопами. Когда наши бойцы начали атаковать, из-за снопов застрочили пулеметы. Под прицельным огнем полегли многие солдаты. Кому-то из солдат

удалось поджечь снопы, и только тогда немцы стали отступать. Этот бой до сих пор вспоминают оставшиеся в живых жители Крутого Верха. В восемь часов вечера было светло, как днем. Кругом полыхало огромное пожарище. К утру на поле боя лежало множество погибших солдат. Осень выдалась очень холодной, и к утру тела примерзли к земле. Лишь когда потеплело, люди смогли собрать трупы и захоронить их в общей яме, которая в дальнейшем стала братской могилой. На мраморной доске памятника надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Вдоль аллеи, ведущей к памятнику, расположены плиты с фамилиями павших в бою солдат. Кто они? Какими они были? На эти вопросы мы нашли ответы в альбоме-дневнике похода боевой славы, который написан бывшими учащимися нашей школы вместе с их классной руководительницей А.А. Михайловой и по сей день хранится здесь. Авторы этого дневника окончили школу уже очень много лет назад, ушла на заслуженный отдых и Анна Андреевна, но то, что они узнали о героическом прошлом нашего микрорайона, о людях, которые подарили нам свободу и жизнь, стало достоянием для многих поколений учеников. Шесть лет назад, на шестидесятилетний юбилей со Дня Победы нашей армии над фашистами, в нашу школу пригласили ту самую учительницу и услышали от нее очень интересный рассказ о том, как пионеры, работавшие над созданием этого альбома, узнали в военкомате адреса родственников погибших и захороненных здесь солдат. Между ними завязалась долгая и интересная переписка. Некоторые из родственников в дальнейшем даже посетили могилы убитых.

Пожелтевшие страницы альбома и по сей день хранят поистине бесценные реликвии — письма родных и близких тех, кто свой последний приют нашел в нашем крае, фотографии.

Из письма Тимофея Тарасовича Юрасова: «Дорогие ребята. Вы спрашиваете о моем сыне Митрофане Тимофеевиче Юрасове. Взят он был на действительную службу в 1940 году, а уже в ноябре 20 числа 1942 мы получили похоронную, которой нас извещали о месте гибели нашего сына. Убит он был под Тулой... Ребятки, вы просили прислать фотографии Митрофана. Фотографий военных лет нет, высылаю ту, где ему 12 лет.

Учился он хорошо, до войны работал в колхозе. Очень вас прошу, ответьте мне, когда получите письмо. Еще очень прошу, дайте точный адрес, я в мае или июне хочу побывать на этой братской могиле.

Учитесь лучше, чтобы никогда это не повторилось. Тимофей Тарасович».

На фотографии я увидела мальчика с очень волевым и серьезным лицом. Он выглядел гораздо старше своих лет... Как же тяжело было его отцу прийти на могилу собственного сына!

На письмо учеников Анны Андреевны также откликнулись родители и сестра Шишова Александра. Из письма Марии Шишовой: «Здравствуйте, дорогие ребята! Это пишет из Сибири сестра Саши Шишова. Вы сообщили нам тревожную, но вместе с тем и радостную весть. Теперь мы знаем, где похоронен наш брат и сын, и по возможности сможем побывать на его могиле.

Провожали мы Сашу служить Родине совсем еще молодым и безусым мальчишкой. Таким он и остался в нашей памяти навсегда. Не дослужив положенного срока, он пошел на фронт. Письмо он мог при-

Митрофан Юрасов, 12 лет

слать нам только из Москвы. А с фронта не получили. Затем пришла нам горькая весть — похоронная. Нам сообщили, что сын погиб на Тульском направлении в Донском районе, деревня Крутой Верх... Брат хотел стать учителем по окончании срока службы. Но не довелось. Служба его оказалась бессрочной...

Большое вам спасибо за ваши письма и поздравления. Вы сделали такое большое дело. Воскресли в памяти давно прошедшее, но для нас оно никогда не забывается. А вот сейчас он как будто пришел к нам, открыл дверь и рассказал, как он там воевал за нас, чтобы нам теперь было хорошо...».

Родители Саши приехать на могилу сына так и не смогли, так как им на тот момент было уже по 73 года. А вот Тимофей Тарасович с женой приезжали из Сибири, чтобы поклониться праху сына. Шло время, а ученики по-прежнему вели переписку с родными погибших.

Стихи из альбома под фотографией братской могилы, автор неизвестен:

*Геройством своим навсегда заслужили
В день армии нашей вы память народа:
Кладутся венки на священной могиле
Погибшим зимой 41-го года.*

Сегодня наша школа выражает великую благодарность Анне Андреевне и ее ученикам. Они сделали по-настоящему большое дело.

Теперь, когда мы вновь придем на братскую могилу, все будет совсем иначе. Сегодня она стала для нас еще дороже, еще родней, словно здесь лежат близкие нам люди. И среди множества фамилий мы с особенным волнением отыщем теперь знакомые нам имена тех, кто приблизил вели-

кую и столь долгожданную победу. Они навсегда останутся здесь, рядом с ними, будто давая нам гарантию того, что и завтра, и через месяц, и через год над нами будет все то же чистое небо, яркое солнце, что наши дети будут улыбаться, зная, что они свободны.

*Нам не дано спокойно сгнить в могиле...
Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.*

Н. Майоров

Мы никогда вас не забудем, мы пронесем ваш подвиг сквозь года и столетия, для нас всегда будет примером ваша самоотверженность и бесстрашие. От вас нам осталось так мало, и в то же время так много. Вы дали нам самое главное — жизнь и память. И что для нас теперь проблемы, если мы знаем цену нашей жизни и свободы? Наша цель сегодня — рассказать всем о том, что вы сделали ради нас. Это было совсем недавно. Это было так близко к нам. Мы ходим по земле, на которой лежали ваши бездыханные тела, где была пролита ваша кровь, где вы отдавали свои жизни ради нашего будущего. Сегодня здесь уже не прогремят взрывы. Сегодня никто не посмеет стрелять в нас. Теперь тут нет следов пожара. Здесь поле, новые дома и ваша могила. Это единственное, что досталось вам в благодарность за победу. Мы будем приходить на могилу, убирать ее, сажать цветы, как приходят на могилу к родным людям.

БОЕВОЙ ПУТЬ СОЛДАТА

*Циолта Кристина Николаевна, 16 лет,
Циолта Екатерина Николаевна, 16 лет,
ученицы 10 класса ГУО «Гимназия № 6
им. Маршала Советского союза Жукова Г.К.».
Учитель — Зайцева В.А.,
г. Брест*

Про человека-легенду, увидевшего Великую Отечественную своими глазами, прошедшего ее от начала и до конца мы узнали случайно. Александр Иванович Соколов, а именно так, зовут нашего героя, живет в микрорайоне Южного городка, где находится наша гимназия.

Мы с ребятами поздравляем ветерана с праздниками, а однажды просто зашли на чай, поговорить, о пережитом.

Родился Александр Николаевич 15 марта 1916 года. Воевал на 2-м Белорусском фронте. Командир, сапер. Участвовал в обороне Ленинграда, в освобождении Белоруссии. Награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Сейчас проживает в Бресте.

Александр Соколов

Александр Иванович был мобилизован на войну 20 дней спустя после ее начала. До войны работал в райисполкоме, налоговым инспектором. В 25 лет молодой человек отправился на фронт, оставив жену Евдокию Васильевну и двух маленьких сыновей Колю и Виктора.

Свой военный путь Соколов начал в г. Льгове (Курская обл.), там был 27-й инженерно-саперный батальон (запасной). В этот батальон попадали те, кто имел среднее образование, то есть закончил 7 классов. Создали школу по подготовке кадров

*Александр Николаевич
Соколов*

в военное училище, оттуда Александр Иванович отправился на Восток. До Воронежа военные шли пешком, через Дон переправились на транспорте, а затем на товарном поезде отправились на Урал (Камышловский р-н, Еланские военные лагеря). Туда они прибыли в декабре 1941-го, во время сильных морозов. Жили саперы в лесу в землянках, спали на еловых ветках. В начале апреля был перевод в г. Кыштым (Дерябенская обл.), жили в церкви, питались в столовой, учились.

В июле 1942-го Соколова отправили в Свердловск, в 9-й инженерно-саперный запасной батальон. Вручили ему взвод, в числе 45 человек. Оттуда три таких взвода отправили в Ленинград, где отряд ночевал

на берегу Гладышевского озера. Ночью отдыхали, а днем уже окружили Ленинград. Далее отряд направили в лесотехническую академию, где находился резерв инженерных войск. Трех командиров, в том числе Александра Ивановича, поселили в отдельную комнату, а затем перевели в резерв офицерского состава. Случилось так, что зам-

полит инженерно-саперного батальона отправил Соколова на фронт (р-н восьмого ГЭС, на Ниве). Александр Иванович принял взвод и начал боевые действия. И вот, 17 января 1943 осуществлен прорыв блокады Ленинграда. После этого Соколов попал в г. Колпино, где был сапером в инженерных войсках. Боевые действия тут разворачивались тяжелые...

Соколов Александр Иванович встретил победу в г. Росток (под Берлином). После войны службу продолжил в Польше в г. Легницы. Год не мог забрать семью. Когда дети подросли до дошкольного возраста, семья переехала в Минск. С декабря 1955 семья проживала в Бресте. Тут Соколов работал в штабе дивизии, командовал саперным батальоном. И в 1963 году ушел на пенсию в звании майора.

Во время беседы я заметила, что глаза Александра Ивановича полны слез. Солдат опять переживал эту войну день за днем.

На наш вопрос, о чем он больше всего жалеет в этой жизни, майор в отставке твердо ответил, что ни о чем Единственное то, что уже нет рядом, его верного друга, спутницы жизни, жены — Евдокии Васильевны. Ну тут уж ничего не поделаешь... Одни умирают, другие рождаются, а жизнь продолжается, жизнь продолжается...

СПАСЕНИЕ ЛЕТЧИКОВ

*Арапов Александр Владимирович, 11 лет,
ученик 6 класса МБОУ Дубровской №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.
Учитель — Жукова Т.Г.,
п. Дубровка Брянской области*

Уже 70 лет отделяют нас от грозных событий 40-х годов XX века. Нет в России семьи, которую не затронула бы Великая Отечественная война.

Мой прадед Иван Федосеевич Арапов находился дома, в военных событиях не участвовал по состоянию здоровья. Когда немцы оккупировали Дубровский район, его семья жила в деревне Понизовка.

Однажды произошел такой случай. По деревенской пыльной дороге шел немец и предупреждал жителей, что их дома сейчас будут поджигать: «Кто успеет, выносите вещи и уходите». Подошел немецкий солдат и к моей прабабушке Катерине. Она сказала, что в их доме лежат какие-то немецкие ящики. Солдат стал помогать хозяйке выносить ящики на улицу. И вдруг из сада прибежали маленькие дети

Араповых Леня и Лида, стали доставать из карманов мелкие, еще не созревшие зеленые яблоки и бесхитростно угощать ими немца. От неожиданности солдат остолбенел, а потом заплакал. Видно, вспомнил свою семью, жену, детей, которых покинул не по своей воле, уходя на войну в эту далекую и непредсказуемую Россию. Вытер слезы немецкий солдат, погладил детей по голове, развернулся и ушел. Что уж и кому он там сказал, но дом Катерины Араповой фашисты не сожгли, семья осталась с крышей над головой.

И.Ф. Арапов

В один из летних дней старший сын Араповых Миша, как обычно, пошел в лес. Грибы, ягоды, съедобные корни и травы помогали выжить в те трудные голодные годы. Неожиданно он наткнулся на двух раненых летчиков, рядом был самолет, потерпевший крушение. Летчики просили о помощи. Надо было звать взрослых. Миша побежал домой и все рассказал отцу. Иван Федосеевич предостерег: «Сейчас идти в лес нельзя, потому что везде немцы, а вот когда наступит ночь, будем спасать советских пилотов».

Но Мишка не выдержал, опять побежал в лес, чтобы передать летчикам, что им на помощь скоро придут. У летчиков были перебиты ноги. Они лежали на том же месте в лесу и уже не надеялись на спасение, думали, что мальчишка испугался и никому ничего не сказал, а это значит: помощи не будет, грядет верная смерть.

А в это время мой прадед в сарае, где хранилось сено, делал тайник, в котором предполагал прятать летчиков. Когда наступила ночь, Иван Федосеевич с Мишей пошли в лес, перенесли летчиков домой и укрыли их в сарае. В течение двух недель вся семья Араповых с риском для жизни ухаживала за ранеными. Время стерло из памяти подробности тех событий, в нашей семье помнят лишь фамилию одного из спасенных летчиков — Корнеев.

Когда раны пилотов зажили, пришла пора уходить. Летчики переоделись в гражданскую одежду, которую подобрали для них хозяева. Уходили днем, ночью посты усиливали, было больше вероятности наткнуться на фашистов. Но как уйти незамеченными? И вот что придумали. Дети подожгли копны сена по дороге, по которой летчикам нужно было уйти. В радиусе пяти метров от едкого дыма ничего не было видно. Все еще прихрамывая, летчики побежали к лесу. Фашисты их так и не заметили...

В ШАГЕ ОТ СМЕРТИ

*Елисеева Александра Игоревна, 12 лет,
ученица 7 класса МБОУ Дубровской №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.
Учитель — Жукова Т.Г.,
п. Дубровка Брянской области*

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на нашу страну. Началась Великая Отечественная война, которая принесла много горя нашему народу. Все люди: и стар, и млад встали на защиту своей Родины.

Мой прадедущка Илья Степанович Абрамов в то время жил в деревне Гайдуковка Дубровского района. По состоянию здоровья в армию он не был призван, он был инвалидом с детства: у него в колене не сгибалась нога.

За два года Илья Степанович сполна испытал все тяготы оккупации. В занятой немцами деревне жителям, а это были в основном женщины, дети и старики, приходилось голодать, прятаться от фашистов, словом, выживать. Мой прадедущка рассказывал мне много случаев проявления нацистами и их пособниками жестокости, варварства, ненависти и издевательств над мирным населением.

Я хорошо запомнила один из них. Однажды вечером в дом, где жил Илья Степанович, пришли два немца и предложили ему стать старостой деревни. Мой прадед отказался. Тогда они начали ругаться, вывели его на улицу и поставили к стенке сарая, намереваясь расстрелять. Однако один из фашистов почему-то пожалел хромого деревенского мужика и начал убеждать другого не стрелять. Они долго спорили между собой, потом один из гитлеровцев дал автоматную очередь поверх головы моего прадеда, злобно выругался, повернулся и ушел, сильно хлопнув калиткой. За ним удалился и второй, продолжая о чем-то спорить с сослуживцем.

Смерть была в одном шаге от Ильи Абрамова...

МОЙ ПРАДЕД — ЗАЩИТНИК ЛЕНИНГРАДА

*Зименков Антон Андреевич, 16 лет,
ученик МБОУ Дубровская №1 СОШ
им. генерал-майора Никитина И.С.
Учитель — Жукова Т.Г.,
п. Дубровка Брянской области*

Нет в России такой семьи, которой война не коснулась бы своим черным крылом. Не стала исключением и моя семья. Список чле-

нов нашей семьи, погибших в годы войны, составляет более десятка человек.

Я хочу рассказать об одном, кто дожил до Великой Победы. Это мой прадед Григорий Иванович Фролов, защитник Ленинграда.

Г.И. Фролов

Ленинград стал первым городом, который фашисты решили полностью стереть его с лица земли, уничтожить всех ленинградцев. Наступление немецко-фашистских войск на Ленинград началось 10 июля 1941 года с рубежа реки Велюга. К этому времени на дальних подступах к Ленинграду немецкое и финское командование имело 38 дивизий.

Советские войска вместе с гражданским населением создавали вокруг Ленинграда систему обороны, состоявшую из нескольких поясов. В короткий срок были сформированы 10 дивизий народного ополчения и десятки партизанских отрядов. Из города были эвакуированы дети, часть заводского и фабричного оборудования, культурных ценностей. Остав-

шаяся в Ленинграде промышленность перестроилась на производство и ремонт вооружения.

В конце августа 1941 года немецко-фашистские войска вышли на ближайшие подступы к Ленинграду. С 4 сентября противник начал мощный артиллерийский обстрел города, начались систематические налеты авиации. 8 сентября замкнулось кольцо блокада Ленинграда.

Прорвались все-таки. Бомбят.

Горят бадаевские склады.

В огне пожаров Ленинград.

Пришел он — первый день блокады.

За время блокады фашисты выпустили по городу 150 тысяч тяжелых артиллерийских снарядов, сбросили 5 тысяч фугасных бомб и 10 тысяч зажигательных бомб. Полностью было разрушено и сожжено снарядами и бомбами 3174 здания и сильно повреждено 7143 здания. Почти треть жилья стала непригодной для проживания.

Очень тяжелым было снабжение населения и войск продовольствием и водой. С 20 ноября 1941 года нормы на питание стали самые низкие: рабочие в день получали 250 граммов хлеба, а дети и служащие — по 125 граммов. Кусочек хлеба был так мал, что че-

ловец не ощущал его веса на руке, а это было все, что можно было съесть.

Были и другие испытания: не работал водопровод, канализация, не было электричества, топлива, стоял транспорт. Истощенные голодом, обессиленные ленинградцы жили в холодных квартирах с выбитыми стеклами, а зимой было -41° .

Счет умерших от голода, холода, бомбежек и артобстрелов шел на сотни тысяч.

*Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже недосчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
Что слезы вымерзли у ленинградцев.*

И все же никакие муки и лишения не смогли сломить мужества и стойкости защитников Ленинграда, не смогли поколебать веры ленинградцев в победу над фашизмом.

Молодежь и школьники наравне со взрослыми боролись за победу. Девушки-комсомолки обошли 282 000 квартир и обнаружили там 70 тысяч беспомощных больных. Их доставляли в больницы. За другими — ухаживали на дому. 10 тысяч детей были устроены в дома малюток и детские сады.

У станков стояли подростки. Чтобы дотянуться до станка, подростки становились на подставки. Они наравне со взрослыми работали без отдыха, делали снаряды, оружие. Город боролся.

Единственной артерией, которая связывала блокадный город с Большой землей, была «Дорога жизни» — 45-км ледовая трасса по Ладожскому озеру.

По этой ледовой трассе водил свою фронтową полуторку мой прадед Григорий Иванович Фролов.

Он родился в 1916 году в деревне Буда Дубровского района. Сегодня каждый дубровчанин знает о трагедии этой небольшой подлесной деревни, постигшей ее 4 июля 1942 года. Теперь здесь есть общий памятник-обелиск всем погибшим в тот день.

Моя прабабушка Анастасия Герасимовна Фролова, всю жизнь помнила, как пришел в ее родную деревню карательный отряд немцев. Как мужчин и подростков, в том числе и ее отца, расстреляли фашисты. Их же вскоре выселили в Жуковку, где они жили в окопах. А сестру прабабушки — Пашу фашисты угнали на работы в Польшу, где она пробыла два года.

Прадед же до войны работал в Дубровской МТС. В 1939 году он был призван в армию. Сначала служил в Прибалтике, окончил в Риге школу младших командиров. А потом был направлен в батальон аэродромного обслуживания под Ленинград. Там и застала его война.

Часть, где служил мой прадед, с тяжелыми боями отступала к городу. 8 ноября врагу удалось захватить Тихвин. Однако в середине ноября советские войска смогли на этом участке перейти в контрнаступление. Началась Тихвинская наступательная операция, участие в которой принимал и мой прадед. 20 ноября наши войска овладели Малой Вишерой, а 9 декабря — Тихвином и отбросили врага за реку Волхов.

С 21 ноября 1941 года начала действовать «Дорога жизни». Шли днем и ночью по льду озера машины и доставляли в город до 6–7 тысяч тонн продовольствия, вооружения, боеприпасов, всего более полумиллиона тонн. Из Ленинграда вывозили детей, стариков, больных, раненых жителей. Многие умирали в пути. Всего на Большую землю было переправлено более полумиллиона человек.

Вот как вспоминал мой прадед об этом трудном времени: «Нас постоянно обстреливали самолеты. Снег слепил глаза. Морозный ветер пронизывал насквозь. Работать приходилось почти вслепую, особенно ночью. Машиной часто управляли стоя, с открытыми дверцами кабин. Во время сильных налетов немецкой авиации мы останавливали машины, ложились на лед. А после бомбежки — снова за руль. Ведь главное было — доставить продовольствие, которое так ждали ленинградцы. От нашей работы тогда зависела жизнь тысяч людей. От взрывов снарядов и бомб лед часто ломался. Машины уходили под воду, гибли мои товарищи... Тогда мы наводили мосты. Работали на лютom морозе, в воде. За все время существования трассы таких мостов было построено около 150».

Особо запомнилось Григорию Ивановичу, что, несмотря на все ужасы блокады, 1 января 1942 года ленинградским детям Дед Мороз вручил новогодние подарки с мандаринами из далекой Грузии. А перевез их мой прадед и его героические товарищи — военные водители.

24 апреля 1942 года с таянием льда «Дорога жизни» прекратила свое существование. Об этом в газете «Правда» за 9 мая 1942 года было написано: «История Ладожской дороги — это поэма о мужестве, настойчивости и стойкости советских людей». Чтобы отстоять Ленинград, надо было совершить подвиг. Защитники Ленинграда и жители блокадного города совершили его.

Мой прадед, защищая Ленинград, получил тяжелое ранение. За мужество и героизм, проявленные при защите города на Неве, он награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Позднее отважному водителю пришлось освободить столицу Латвии Ригу.

День 27 января — день полного снятия блокады Ленинграда, был любимым праздником моего прадеда, не меньшим по значимости, чем День Победы.

Мой прадед Григорий Иванович Фролов ушел из жизни в 1982 году. Но мы, его внуки и правнуки, помним подвиг нашего деда и этот великий день. Верно сказал поэт:

Я не напрасно беспокоюсь, Чтоб не забылась та война: Ведь эта память — наша совесть. Она, как сила, нам нужна.

На уроке истории я узнал имена еще нескольких дубровчан, выпускников нашей школы, которые защищали Ленинград.

Старший лейтенант Борис Абрамович Левитин, 1921 г.р., командир артиллерийской батареи, погиб в бою 16 ноября 1943 года на Ленинградском фронте. Последнее письмо домой он написал 14 ноября 1943 года, за два дня до своей гибели. Как всегда краткое, но теплое: «Здравствуйте, дорогие! Сообщаю, что я жив и здоров... Пишите, как вы там? Как здоровье мамы? Обо мне не беспокойтесь. Не так уж много осталось до нашей окончательной победы. А тогда непременно встретимся. Держитесь там, а мы здесь. Будьте здоровы. Целую крепко. Ваш сын и брат Борис».

Капитан Петр Игнатьевич Новиков (Минаков), командир батареи 113 стрелкового полка, принимал активное участие в обороне Ленинграда, был тяжело ранен, участвовал в прорыве блокады города, в освобождении Прибалтики. Погиб в бою близ Клайпеды 29 января 1945 года.

Гвардии капитан Иван Ильич Никулин был командиром артиллерийской роты. В боях под городом на Неве получил тяжелое ранение. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

Наш бывший завуч *гвардии сержант Василий Ефимович Родиков*, радист 15-й артиллерийской дивизии армии прорыва РГК, участвовал в снятии блокады Ленинграда, освобождении Прибалтики, Польши.

Гвардии полковник Алексей Александрович Гайдуков в составе Волховского фронта защищал Ленинград 793 дня.

Рядовой Иван Алексеевич Власов прошел дорогами войны в составе Волховского, Карельского, Ленинградского фронтов.

Мой прадед и все защитники Ленинграда — мужественные и сильные люди. Я горжусь ими. Всей своей жизнью они доказали: человек сильнее страха. Он может вынести все тяготы и невзгоды, выстоять, если знает, что спасает Родину, свой дом, свою семью.

СЛУЧАЙ В ПЕКЛИНО

*Терехов Виталий Валерьевич, 19 лет,
студент 3 курса ГОУ ВПО «Брянская
инженерно-техническая академия»,
г. Брянск*

Будучи школьником я написал следующее сочинение, которое очень хотел бы увидеть опубликованным.

«Моя бабушка, Зинаида Тимофеевна Позднякова, была совсем ребенком, когда началась война, ей было всего 11 лет. Ее отец умер от тифа в 24 года, и мать, безутешная вдова, осталась с тремя детьми на руках. Без отца-кормильца семье жилось тяжело, голодно. Одна из сестер моей бабушки вскоре умерла.

Бабушка часто вспоминала, как всей семьей они ездили в лютый мороз в лес за дровами, как плакали мать и маленькие дочки от холода, беспомощности, усталости и обиды. Плакали, но рубили деревца, собирали хворост и тащили их в деревню. Они знали: тепло это жизнь.

Жила семья моей бабушки в деревне Пеклино Дубровского района. Здесь размещался большой немецко-полицейский гарнизон. Фашисты чувствовали себя хозяевами жизни, они упивались страхом и полной зависимостью от них местного населения. Правда, им здорово мешали своими боевыми операциями партизаны, но населению от этого становилось еще тяжелее: всю злобу на лесных мстителей оккупанты и их приспешники вымещали на женщинах, детях, стариках.

Самым страшным воспоминанием моей бабушки о войне стал день, когда на ее глазах едва не расстреляли мать. Дело было так. Мать Зинаиды Тимофеевны была женщиной красивой, статной, чистоплотной. Несмотря на все тяготы жизни, она следила за собой, одевалась аккуратно (особенно любила сшитый собственными руками красный сарафан), ходила по селу с гордо поднятой головой. На нее многие мужики заглядывались, но она была верна памяти умершего мужа и строга ко всем ухажерам. Привлекла она и внимание одного из фашистов, который стал к ней нагло приставать, уверенный в своем успехе и безнаказанности. Но женщина ему не подчинилась, вырвалась, убежала и спряталась среди людей в окопе, накинув на плечи большой тулуп, чтобы немец ее не узнал.

Разозленный неудачей гитлеровский солдат поднял автомат, дал длинную очередь вверх, подбежал к окопу и выгнал из него всех укрывшихся там людей. Приглянувшуюся ему женщину он узнал сразу, схватил за руку, вырвал из толпы и, приставив к груди оружие, пригрозил убить. Но ее маленькие дочери со страшным криком бросились к матери и, уткнувшись ей в подол, сильно заплакали. Они молили немца отпустить их мать. Видно, что-то человеческое проснулось в душе у гитлеровца. Как

знать, может, вспомнил родину, свою семью, мать, детей. Фашист опустил автомат, ударил женщину в лицо, что-то пробурчал, развернулся и ушел. Больше он никогда не пытался помогать к селянкам.

Маленький эпизод войны, знакомый многим пережившим оккупацию. Для моей бабушки это воспоминание стало самым страшным и памятным событием военного детства».

РАССКАЗ БАБУШКИ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ НА АЛТАЕ

*Базылева Карина Александровна, 16 лет,
ученица 10 класса Губернаторской
женской гимназии-интерната.
Учитель — Кузьменко Н.А.,
с. Елыкаево Кемеровской области*

Моя бабушка, Степанова (Молоканова) Руфина Алексеевна, родилась 24 января 1934 г. в Алтайском крае Каменского района, в селе Столбово. В 1941 году бабушке было 6 лет от роду. Она пошла в первый класс в Алтайском крае, Каменского района, с. Дресвянка.

Мне хотелось бы привести здесь рассказ бабушки о ее военном детстве, который я слушала всегда затаив дыхание. «Отца, Молоканова Алексея Ивановича, — вспоминала она, — забрали на фронт, как только началась война.

Мама, Молоканова Александра Ивановна, работала в цехе по производству саней, лыж, а впоследствии деревянных ложек, которые отправляли на фронт. По вечерам она охраняла этот цех.

Нас было четверо детей: брат Анатолий, сестра Аза, я и младшая сестра Тамара. Все дети рано повзрослели. Мы ходили в лес за дровами одни, топили печь, варили еду, хотя нам было по 6–7 лет. Помню, как с сестрой ездили через Обь за дровами. Весь огород, все домашнее хозяйство было на наших детских плечах, так как родители работали.

*Молоканов
Алексей Иванович
(отец Руфины Алексеевны)*

В 1951 году закончила 10 классов, поступила в электромеханический техникум в г. Новосибирске, по окончании которого она уехала работать в г. Кемерово на завод «Кузбассэлектромотор» мастером обмоточного участка.

Руфину Алексеевну выбрали комсоргом. А в 1957 году за хорошую общественную работу ее, в числе делегатов от комсомольского завода, послали на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в г. Москву.

Москва превратилась в праздничный город: днем это были сотни площадок из кинотеатров и театров, с выступлениями самодеятельных артистов, а ночью — город из тысяч разноцветных огней и фейерверков. Словами это чудо нельзя передать — это надо видеть. Вся, съехавшаяся со всего мира молодежь была как одна дружная семья. Иногда пользовались словарями, которые были у каждого, так как все разговаривали на разных языках. Улыбки, дружеские рукопожатия, обмен сувенирами и словами «дружба» понимали все без словарей.

Работала бабушка очень хорошо. В 1958 году в газете «Электромотор» о Руфине Молокановой, мастере на обмоточном участке цеха № 3, написала начальник этого цеха: «Скромная и дисциплинированная, она пользуется непререкаемым авторитетом среди комсомольцев и молодежи. Любое общественное мероприятие в цехе не обходится без активного участия комсомольцев и молодежи. И это понятно почему: комсорг Руфина Молоканова личным примером агитирует своих сверстников».

В 1959 г. бабушка вышла замуж за Степанова Эдуарда Амирджановича, в 1960 г. — вступила в партию. Я горжусь своей бабушкой!

Вырезка из газеты «Электромотор»
24 октября 1958 года

ПОДВИГИ ВО СЛАВУ РОДИНЫ

*Шевченко Любовь Сергеевна, 14 лет,
читатель Медведского сельского филиала
№ 24 МУК «Ефремовская межпоселенческая
централизованная библиотечная система».
Руководитель — Чернова О.В., библиотекарь,
д. Большие Медведки Ефремовского района Тульской области*

22 июня 2011 года. 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны. День памяти и скорби...

70 лет — целая жизнь! Сколько всего прошло за эти годы?! Поражения и победы, расставания и встречи, горести и радости, предательства и подвиги.

Подвиг... В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова читаю: «Героический, самоотверженный поступок, совершить подвиг. Воинский п. Трудовой п. Подвиг во славу Родины.». Существует понятие «жизненный подвиг». Я действительно горжусь подвигом своих прадедов, прабабушек и бабушек.

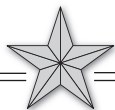

Прадед П.В. Кравцов

Мой прадед по материнской линии Кравцов Петр Васильевич имел боевые награды. Дошел до Берлина. Был ранен, пролежал в госпитале — и опять на фронт. Вот он смотрит на меня с фотографии военной поры. Высокий лоб, открытый суровый взгляд (время было такое), чуть сомкнуты губы, внешне подтянутый и строгий, гимнастерка застегнута на все пуговицы, медали на груди... Как хочется мне обнять его, рассказать о себе и нашем времени, просто поговорить по душам! Но молчит красноармеец Кравцов, лишь взглядом своим призывает помнить его и никогда не забывать о военном лихолетии.

Другой прадед — Сотников Николай Иванович — лежит в братской могиле под Полоцком. Есть

такой город в Белоруссии. Он был смертельно ранен в неравном бою. Имя моего прадеда выбито на одной из гранитных плит мемориаль-

ного комплекса в его родном уральском городе Серове, откуда он и ушел на войну. И этим я горжусь!

Василий Фролович Аверкин — родной брат моей прабабушки — тоже участник Великой Отечественной. Пехотинец. Освобождал Польшу и Чехословакию. Дважды был ранен и контужен. В мирное время — художник, на фронте он оформлял боевые листки, прекрасно рисовал шаржи, выпускал стенгазеты.

Милые мои прабабушки и бабушки! Сколько же вам выпало пережить! Сошникова Александра Фроловна всю войну работала в глубоком тылу на уральском военном заводе. Не раз сопровождала поезда с боеприпасами в прифронтовые города. Однажды попала под бомбежку в Курской области. Уцелела чудом, вернулась на завод и, не жалея сил, продолжала трудиться. Порой неделями не выходили люди из цехов и она в том числе. Брат прабабушки В.Ф. Аверкин.

После войны Александру Фроловну наградили медалью «За трудовую доблесть».

Жаль, что не знала их лично, не могла сказать слова благодарности, но посвятила им несколько поэтических строк:

*Пусть я с ними не встречалась,
Их не увижу больше я,
Частичка их во мне осталась,
Ведь вместе мы — одна семья.*

*Одна семья, одна порода,
Едина вера и земля,
Частица русского народа —
И наша дружная семья!*

Много интересного и полезного узнаю я от бабушки, которая уже много лет воспитывает нас с младшим братом. Так случилось, что родители умерли, а мамина мама заменила нам их. И здесь уместно сказать

Брат прабабушки В.Ф. Аверкин

о жизненном подвиге. Четверых детей вырастила бабушка, пережила смерть взрослой дочери, сейчас проходит с нами все этапы жизненного пути: детский сад, первый класс, годы учебы, взросление... А мы подчас такие ершистые, упрямые, несговорчивые. Но бабушка умеет убеждать и разъяснять. Рассказывать начнет — заслушаешься!

Я ценю ее жизненный опыт и стараюсь не огорчать.

Жизнь бабули по отцовской линии тоже сложилась нелегко. Когда была совсем девчонкой, пришлось эвакуироваться. Подсаживала на ступеньки вагона младшего братишку, состав тронулся неожиданно. Лязг, крик, окровавленные шпалы... Две культы вместо ног. Но не сдалась моя бабуля! Когда пришло время, вышла замуж, родила детей. Всю работу по дому делала сама. Не терпела, когда ее жалели. Обижалась, когда называли инвалидкой. Много лет она проработала на Ефремовской швейной фабрике. Разве нельзя назвать эту жизнь подвигом, когда подчас каждый шаг — это боль (натирали протезы), каждая ступенька — непреодолимое препятствие. И так по жизни шаг за шагом...

Да, порой не нужны высокие слова о мужестве и героизме. Иногда намного полезнее послушать рассказы старших, посмотреть старый семейный альбом, записать услышанное — вот тогда и не прервется нить, связывающая поколения, и память о прадедах будет жива, а нам будет что рассказать своим детям и внукам. Чтобы помнили...

Чтобы помнили и гордились!

РОЖДЕННЫЙ В ДЕКАБРЕ 1941-ГО **(Вместо послесловия)**

70 лет тому назад Красная Армия и наш народ выиграли битву под Москвой. План молниеносного разгрома Советского Союза был сорван. Тягчайшие испытания пришлось пройти и тем, кто сражался на фронте, и тем, кто предпринимал небывало напряженные усилия в тылу.

Велик вклад в оборону Москвы и страны коллектива Московского университета: славен ратный подвиг его питомцев; не забываем труд студентов и сотрудников на строительстве противотанковых рвов и окопов, на оборонных заводах и в колхозах; вызывают гордость крупные научные победы, способствующие укреплению боеспособности армии и упрочению тыла. Огромный научный потенциал, накопленный многими поколениями русских и советских ученых, позволил организовать научную помощь фронту и тылу по многим направлениям.

Коллективы естественнонаучных факультетов сосредоточили свои усилия на решении научно-технических проблем обороны. Огромную роль сыграли прославленные математики и механики. В тематических планах научно-исследовательских работ кроме тем чисто теоретического характера, появился ряд тем, продиктованных запросами обороны страны. Большое значение имела работа о наиболее выгодном рассеивании снарядов при стрельбе по площадям, подготовка номограмм, применяемых Военно-Морским Флотом, а также зенитной артиллерией, защищавшей города от налетов вражеской авиации. Совершенствование авиации опиралось на интенсивную научную деятельность ученых механико-математического факультета МГУ в области аэродинамики. Исследования прочности артиллерийских снарядов оказали помощь промышленности боеприпасов.

Физиками было создано большое число различных приборов военного значения для авиации, артиллерии, боевых кораблей Военно-Морского Флота. После разгрома немцев под Москвой для восстановления промышленности Москвы и Московской области, эвакуированной в глубокий тыл, потребовалось ее обеспечение металлом, различными сплавами и другими материалами, которые требовали быстрого анализа. В кратчайший срок физический факультет организовал исследовательскую, проектную и производственную работу по выпуску серий спектральных приборов для автомобильной, танковой, авиационной промышленности и некоторых других предприятий и фронтовых лабораторий.

Большой размах получила научно-исследовательская работа в помощь фронту и оборонной промышленности ученых-химиков. Это и работа над химическими методами чистки оружия, и по получению новых видов синтетических морозостойких каучуков, пенообразующих противопожарных смесей для тушения горящих нефтепродуктов,

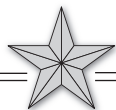
лекарственных препаратов, и изобретение новых артиллерийских смазок, антиобледенителей, нового моторного топлива, антикоррозийных средств, заменителей дефицитных материалов и многое другое.

Научные поиски ученых-биологов были связаны с проблемами медицины, интенсификации сельского хозяйства, военного собаководства и голубеводства, сохранения зеленой окраски сорванных растений, что имело важное значение в военной маскировке. Особого упоминания заслуживает разработанный профессором Б.А. Кудряшовым лабораторным путем тромбин — фермент, уже давно открытый в крови животных и человека и обладающий способностью свертывать кровь. Работу над этим он начал еще в 30-е гг. параллельно с изучением витаминов. Осенью 1941 г. испытания были закончены, 6 октября хирургической комиссией, назначенной Наркоматом обороны, было сделано заключение о применении его не только во время операций, но и при обработке ран. Но слишком дорогим и сложным был метод получения. Работа была продолжена в Ашхабаде, куда был эвакуирован МГУ. Подвигом было не только закончить в сжатые сроки разработку нового препарата, останавливающего кровотечение, но и организовать его производство.

Психологи интенсивно разрабатывали проблемы зрения и слуха применительно к военным условиям, что представляло большой интерес для разведчиков пехоты и артиллерии, наблюдательных постов ВНОС, ПВО, наблюдателей на кораблях морского флота, работников связи, гидроакустиков. Разработка методов ускорения процесса темновой адаптации была особенно важна для летчиков ночных истребителей и бомбардировщиков, как и тема борьбы с ослеплением экипажа ярким белым светом при попадании самолетов в луч прожектора.

Геологи, почвоведы и географы с самого начала войны также переключились на помощь фронту. Исследовались месторождения полезных ископаемых, природного газа, что содействовало выявлению новых минеральных ресурсов. Было открыто вольфрамовое месторождение в Средней Азии — крупнейшее в Советском Союзе, что имело громадное значение. Вольфрам применялся при изготовлении сверхтвердых сплавов, необходимых для производства бронбойных снарядов и режущего инструмента. Решались задачи, связанные с оборонным дорожным и аэродромным строительством, изучались вопросы уплотняемости грунтов. Географы занимались военно-географическим описанием различных театров военных действий и составлением специальных физико-географических карт. Кроме того, важным направлением их работы явилась помощь в новом размещении производительных сил страны, что служило укреплению военной экономики.

Сотрудники единственного на начало войны гуманитарного факультета — исторического — активизировали работу над темами, связанными с военным прошлым России. Уже в первые месяцы после гитлеров-

ского нападения крупные ученые-историки выступили с брошюрами, статьями в периодической печати, по радио о героическом прошлом славян и русского народа, о русском военном искусстве, о выдающихся отечественных полководцах и флотоводцах, героях освободительных войн. Это было необходимо для поднятия патриотического духа народа и разоблачения фашистской идеологии превосходства одной нации над другой, а также фальсификации истории славяно-германских отношений. Исследовательская и публицистическая деятельность дополнялась пропагандистской работой: историки — от студента до академика — выступали с лекциями и докладами в частях действующей армии на фронте, в госпиталях, на фабриках, заводах, в колхозах, на партийных и комсомольских собраниях различных учреждений. Потому что понимали — от осознания людьми целей и причин войны, от состояния духа и тех, кто проливает кровь на поле брани, и тех, кто самоотверженно помогает в тылу, зависит победа.

6 декабря 1941 г., как известно, началось контрнаступление Красной армии под Москвой. Это вселило в людей оптимизм и надежду. В том же декабре 1941 года был создан экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Практика социалистического хозяйствования требовала теоретического осмысления экономических явлений, чтобы результаты научных обобщений могли быть использованы в руководстве народным хозяйством. Поэтому как только миновала угроза столице, началась деятельность по подготовке новых кадров, необходимых для послевоенного развития, по теоретическому осмыслению вопросов политической экономии. Профессора и преподаватели созданного в ходе войны факультета сразу же приступили к разработке вопросов, связанных с укреплением экономической мощи Советского государства.

Будущие преподаватели и студенты экономического факультета так же, как и многие миллионы соотечественников, защищали с оружием в руках право на мирную жизнь. Сегодня в ветеранской организации экономического факультета пять участников Великой Отечественной войны. Низкий поклон вам, дорогие профессора экономического факультета! Ваш жизненный путь — пример для нас и будущих поколений.

Осьмова Маркиана Николаевна

Родилась 8 октября 1928 года в г. Владимире. В армию вступила добровольно в конце октября 1942 года. После окончания Ульяновского училища связи была направлена на Северо-Западный фронт в 33 полк связи, где служила в качестве связиста до конца 1943 года. Полк участвовал в боях, поэтому приходилось налаживать связь в самых тяжелых условиях, часто в болотистой местности. В результате острейшего заболевания тромбофлебитом она была направлена на лечение в госпиталь, а затем демобилизована из армии.

После фронта работала в Министерстве обороны СССР, а в 1945 году поступила в МГУ на экономический факультет на кафедру экономики зарубежных стран и внешнеэкономических связей. После окончания аспирантуры работала на кафедре сначала в качестве преподавателя, затем старшего преподавателя. В 1955 году защитила кандидатскую диссертацию, а в 1972 году — докторскую. В 1974 году ей присвоили звание профессора на той же кафедре.

С 1962 года — заместитель заведующего кафедрой, в период 1975–1982 гг. — заведующая кафедрой.

В настоящее время она является заслуженным профессором МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженным работником Высшей школы, членом Совета факультета, членом редколлегии журнала «Вестник МГУ. Серия Экономика», заместитель председателя Ученого Совета по защите докторских диссертаций по специальности 080014.

Награждена орденом, имеет семь медалей.

Ремизов Константин Сергеевич

Родился 25 февраля 1923 года в городе Златоуст Челябинской области. В 1938 году поступил в Свердловский электромеханический техникум, в 1940 году — в Свердловское военное пехотное училище. После его окончания в 1941 году в звании «лейтенант» был направлен в 1243-й стрелковый полк 375-й стрелковой дивизии 29 армии, входившей в состав Калининского фронта. Участвовал в боях под Москвой, Ржевом. Получил легкое ранение. После недолгого пребывания в госпитале был направлен в 910-й стрелковый полк 243-й стрелковой дивизии 30-й армии Юго-Западного фронта. В сентябре 1942 года присвоено звание «капитан». В тяжелых боях по освобождению Донбасса под Ворошилградом был тяжело ранен. С февраля по август 1943 года находился на излечении в госпитале.

Послевоенная жизнь Константина Сергеевича связана с различными сферами деятельности. Несмотря на последствия ранения, работал на Ростокинском меховом комбинате, был заместителем директора ФЗУ.

С 1946 по 1949 годы — студент Высшей школы профдвижения ВЦСПС имени Н.М. Шверника. Затем работа в Свердловской школе профдвижения: от старшего преподавателя до заведующего кафедрой экономических наук и заместителя директора.

С 1954 по 1955 годы — аспирант и одновременно преподаватель, а после защиты кандидатской диссертации — доцент кафедры экономики труда в Высшей школе профдвижения. С 1960 года — доцент кафедры экономики труда в МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1992 г. защитил докторскую диссертацию, с 1996 г. и по настоящее время — профессор.

Подготовил 34 кандидата экономических наук, четверо из которых впоследствии защитили докторские диссертации.

Награжден орденами Красного Знамени (март 1943 года) и Отечественной войны 1-й степени, 26 медалями, в том числе «За победу над Германией», «За оборону Москвы» и др.

Папулов Павел Александрович

Родился 5 марта 1920 года в селе Байкалово Краснополянского района Свердловской области. После завершения среднего образования был призван в 1937 году в Красную армию и направлен на учебу в Саратовское училище пограничных и внутренних войск, которое окончил в 1939 году. Дальнейшее прохождение службы связано с внутренними войсками в городе Челябинске на различных офицерских должностях.

С началом Великой Отечественной войны находился в действующей армии с 1 июля по 20 ноября 1941 года в войсках Северо-Западного фронта. После тяжелого ранения и излечения в госпитале, приказом Наркома внутренних дел направлен в город Челябинск в войска по охране особо важных предприятий промышленности. Участвовал в ликвидации диверсионных групп в районе горы Магнитной (г. Магнитогорск) в качестве командира роты. В 1944 году направлен в город Свердловск на должность сотрудника штаба 18 дивизии НКВД.

В январе 1945 года направлен в Военную академию имени М.В. Фрунзе, которую окончил в 1947 году, защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата военных наук. Работал заместителем заведующего кафедрой научно-исследовательского института, занимавшегося проблемой подготовки военных кадров. В 1962 году вышел в отставку в чине полковника.

В 1987 году после окончания философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук.

С 1962 г. — научный сотрудник лаборатории экономических методов управления производством. Научные интересы лежат в области теории и практики управления производством и подготовки управленческих кадров. Опубликовано научных работ общим объемом более 70 печатных листов, в том числе монография «Кадры управления производством: деятельность, формирование».

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями, в том числе «За победу над Германией».

Протопопов Владимир Александрович

Родился 21 декабря 1925 года в городе Епифань Тульской области. Вместе с родителями переехал на постоянное место жительства в г. Ленинград. После окончания в 1941 году 8 классов надолго прервал

учебу. С первых дней войны участвовал в группах ПВО, созданных жильцами домов, ликвидировал последствия налетов вражеской авиации на город.

Жизнь в эвакуации складывалась различно: это и работа слесарем на военном заводе в г. Варгаши Курганской области, и труд в сельском хозяйстве в Иркутской области.

После допризывной подготовки осенью 1943 года был призван в Красную армию. Короткое пребывание в стрелковом батальоне сменилось учебой в школе младших авиаспециалистов. Осенью 1944 года в качестве воздушного стрелка-радиста прибыл в авиационный полк. С октября 1944 года по май 1945 года — в действующей армии в составе 3-го Прибалтийского фронта 14 воздушной армии, а с августа по сентябрь 1945 года — в составе Забайкальского фронта 12 воздушной армии, 30 ближнебомбардировочной Хинганской дивизии в звании старшина.

После войны с летной работы был переведен на политработу с присвоением в 1951 году офицерского звания.

В 1960 году уволен в запас. Имея незаконченное высшее образование, полученное на заочном отделении Кутаисского пединститута, без экзаменов был принят на экономический факультет МГУ.

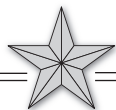
Окончив с отличием очное отделение, а затем аспирантуру факультета, был оставлен на кафедре учета и анализа в качестве младшего научного сотрудника, а после защиты кандидатской диссертации в 1968 году переведен на должность преподавателя, затем старшего преподавателя и в 1971 г. доцента. В 1972 году был избран секретарем парткома МГУ, а в 1975 году — первым секретарем Ленинского РК КПСС г. Москвы.

В 1986 году вернулся на преподавательскую работу в университет. В 1991 году присвоено звание профессор.

Научные интересы лежат в области конкретной экономики и менеджмента. Имеет публикации, общим объемом более 50 печатных листов. Подготовил четырех кандидатов наук. Награжден тремя орденами и 18 медалями, в том числе «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Награжден двумя Почетными Грамотами Верховного Совета РСФСР. Заслуженный работник высшей школы, лауреат премии Совета Министров СССР. Военское звание: полковник в запасе.

Черковец Виктор Никитич

Родился 26 марта 1924 г. в г. Городня Черниговской области в семье служащего. Среднюю школу окончил в 1941 г. в г. Бельцы Молдавской ССР, куда был направлен на работу отец в 1940 г. С началом Великой Отечественной войны был эвакуирован в Сталинградскую об-

ласть, откуда поступил на 1-й курс историко-филологического факультета Казанского университета. В июне 1942 г. был призван в Красную армию, направлен курсантом в Астраханскую военно-авиационную школу механиков. В августе–сентябре 1942 г. в составе сводного курсантского полка астраханских училищ находился на оборонительном рубеже Юго-Восточного фронта в калмыцкой степи западнее Астрахани. В июле–сентябре 1943 г. в качестве стажера-механика 61-го штурмового авиаполка 291-й штурмовой авиадивизии принимал участие в составе Воронежского фронта в боевых действиях на Курской дуге (Белгородское направление) и в Сумской области на Украине.

С февраля 1944 г. по ноябрь 1945 г. — авиамеханик, старший сержант 904-го штурмового авиаполка 300-й штурмовой авиадивизии 16-й воздушной армии. В составе 1 Белорусского фронта участвовал в операции «Багратион», Висло-Одерской операции, освобождении Варшавы, взятии Берлина. На Берлинском аэродроме «Шенефельд» завершился боевой путь полка, его офицеров и сержантов. За участие в боях за Берлин полк был награжден орденом Суворова III степени с присвоением наименования «Берлинского».

С ноября 1945 г. по июнь 1950 г. В.Н. Черковец — в составе 175 (830) гв. штурмового авиаполка 11-й гв. штурмовой авиадивизии 6-го гв. штурмового корпуса 16-й Воздушной армии Группы советских оккупационных войск в Германии.

Отмечен 18-ю государственными наградами: орденом «Отечественной войны I степени» (1985 г.) и 17-ю медалями СССР, среди которых «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу на Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другие.

В 1949 г. поступил на первый курс заочного отделения экономического факультета МГУ, с 1950 г. — на очном обучении. Окончил экономический факультет с отличием в 1954 г. по специальности политическая экономия, аспирантуру — в 1957 г. Кандидат экономических наук (1959 г.), доцент кафедры политической экономии с 1960 г. Доктор экономических наук (1966 г.), профессор кафедры — с 1967 г., звание профессора присвоено в 1968 г. С мая 1965 г. по март 1971 г. — заместитель декана экономического факультета по научной работе.

С февраля 1972 г. по апрель 1981 г. — заместитель директора Института экономики АН СССР, одновременно заведующий отделом общих проблем политической экономии социализма и заведующий сектором системы экономических законов и категорий социализма, заместитель председателя Совета института, председатель одного из специализированных (диссертационных) советов по присуждению ученых степеней доктора и кандидата экономических наук по специальностям «поли-

тическая экономия» и «история экономических учений», заместитель председателя Научного совета АН СССР по проблеме «Экономические закономерности развития социализма».

С 1981 по 1987 гг. — декан, председатель Ученого совета экономического факультета, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, член Ученого совета МГУ. С 1987 г. по 1998 гг. — заведующий научно-исследовательской лабораторией совершенствования социалистических производственных отношений (впоследствии — проблем собственности) экономического факультета МГУ, председатель специализированного (диссертационного) совета по присуждению ученой степени доктора экономических наук. С 1998 г. — главный научный сотрудник кафедры политической экономии экономического факультета.

Член ВАК при Совмине СССР, заместитель председателя, председатель Экспертной комиссии по политической экономии, член Экспертного совета по политической экономии, истории экономических учений и народного хозяйства (1971–1990 гг.). Подготовил 42 кандидата и 8 докторов наук.

С 1982 по 1987 год — главный редактор журнала «Вестник Московского университета. Серия Экономика», член редколлегии журнала «Вопросы экономики», реферативного журнала «Общественные науки за рубежом» (1974–1988 гг.).

За трудовую деятельность награжден орденом «Знак почета» (1975 г.), тремя государственными медалями.

Заслуженный деятель науки РСФСР, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Долгие годы на экономическом факультете МГУ трудились его выпускники — ветераны Великой Отечественной войны:

Алексеев Александр Александрович
Битумов Владимир Владимирович
Василевский Ефим Григорьевич
Городецкий Евгений Семенович
Калинин Николай Григорьевич
Капустин Евгений Иванович
Краснопояс Юрий Иустинovich
Майер Владимир Федорович
Рачинский Юрий Михайлович
Скипетров Павел Александрович
Солодков Михаил Васильевич
Станис Владимир Францевич
Федоров Вячеслав Михайлович

Хессин Николай Владимирович
Чеканский Николай Анатольевич
Шейн Александр Иванович
Шехет Натан Иосифович
Юдкин Анатолий Иванович

Мы помним выпускников других вузов, участников Великой Отечественной войны, работавших на экономическом факультете:

Ашметков Иван Павлович
Богданов Леопольд Борисович
Валентей Дмитрий Игнатьевич
Геращенко Борис Сергеевич
Драгилев Михаил Самойлович
Ермилов Юрий Васильевич
Жамин Виталий Алексеевич
Лагуткин Владимир Мартынович
Мамрыкин Григорий Иванович
Петрусь Василий Дмитриевич
Подварков Георгий Александрович
Трудова Мария Георгиевна
Харахашьян Григорий Михайлович
Хасин Лев Григорьевич
Шкредов Владимир Петрович

Вечная им память!

Мы, руководители проекта «Горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», и другие авторы работ, включенных в эту книгу, являемся выпускниками экономического факультета. Ряд работ этой книги подготовлен членами наших семей: родителями, детьми и внуками.

Огромная благодарность родному факультету за путевку в жизнь многим тысячам его воспитанников и поздравления с 70-летием!

Л.И. Ростовцева,
*доктор социологических наук, профессор
Тульского филиала Российского государственного
торгово-экономического университета,
действительный член Академии
философии хозяйства*

СОДЕРЖАНИЕ

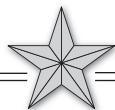
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ О ВОЙНЕ ИЗ ПЕРВЫХ УСТ (продолжение)

Глава 6. Герои рядом

<i>Хрунова Ю.А.</i> Благодатное наследство	7
<i>Белов А.Г.</i> Победу приближали все	10
<i>Кутепов В.С.</i> Жизнь ради людей	30
<i>Преснова Н.М.</i> Родное имя на обелиске	37
<i>Белёвская (Журавлева) В.В.</i> И эхом отзывается война	42
<i>Лялина Г.Н.</i> Знаменосец Тульского рабочего полка	46
<i>Василенко О.Н.</i> Константин Поваров – руководитель Сещинского подполья	49
<i>Пищулин В.И.</i> Герои не умирают	62
<i>Пищулин О.В.</i> Подвиг политрука Соломина	78
<i>Веренич М.А.</i> Связист	84
<i>Залетин С.В.</i> Наставник	87

Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний

<i>Наумова Г.Р.</i> Наше военное родословие	90
Письма с войны – духовности нашей истоки	94
<i>Залесский Е.С.</i> Дважды пропавший	104
<i>Фомичева А.А.</i> Октябрь сорок первого в жизни рядового солдата Быкова	119
<i>Спиридонова М., Демченко Н.А.</i> История семьи Кривоноговых . . .	132
Добровольец Иван Орлов. Дневник боевых дней. Год 1941-й.	145
Из воспоминаний Н.И. Безгина	151
<i>Дубенский Г.Г.</i> «Просто ты умела ждать...»	163
<i>Цыганок Н.Л.</i> Первый год Великой Отечественной войны глазами немецкого солдата (По страницам дневника Эберхарда фон Ханксleden)	179
На службе в Красном Кресте (По страницам дневника Эрнста Гербера).	187
<i>Фауска Ф., Фауска Э.</i> История не повторяется!	198
<i>Филиппова Г.В.</i> Переплетение судеб.	206

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ЦЕННОСТНОМ МИРЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Глава 8. Молодежь о патриотизме и подвигах непобежденных

<i>Забелина А.А.</i> Нет неизвестных – есть непомнящие.	213
<i>Тютюник И.В.</i> Об индивидуальном успехе и патриотизме	216
<i>Мирошина Е.Ю.</i> Комиссар Тульского рабочего полка.	219
<i>Лобанова Т.Н.</i> В памяти и сердце навсегда.	222
<i>Медведева В.В.</i> «И время добавляет в списки...»	225
<i>Черникова Л.В.</i> Бабушка из рода оружейников вспоминает...	229
<i>Резанович А.В.</i> Роман из сорок первого	230
<i>Сушенцова М.С.</i> Другие немцы	233
<i>Бодунова А.И.</i> Жажда жизни	236
<i>Чуракова К.Д., Бабанова М.В.</i> Четвероногие спасатели.	238
<i>Бахтинова В.И.</i> «Когда на войне страшно...» (фронтовые дороги моей прабабушки В.А. Спиридоновой)	240
<i>Чайникова Л.Г.</i> Яков Прокофьевич Голенченко: солдат, ученый, семьянин	246
<i>Лукьянова А.Е.</i> Подвиг А.Г. Рогова	249

Глава 9. Студенты научного кружка о ценностях военной поры

<i>Нестерова Е.И.</i> Частичка души человека.	252
<i>Аленина В.Ю.</i> «Привет из Красной армии Маме...»	257
<i>Журавлева З.С.</i> Выстоять помогла вера...	261
<i>Ростовцев Г.Р.</i> Сорок первый — далекий и близкий.	267
<i>Лепендина А.А.</i> Война глазами пятилетнего ребенка	271
<i>Игнатова А.В.</i> Из бабушкиных рассказов о войне.	273
<i>Мороз В.С.</i> Мой Дедушка Мороз — Морозов	275
<i>Ефремова М.В.</i> Герой Советского Союза А.А. Рогожин	277
<i>Кузина М.В.</i> Солдаты победы	281
<i>Загудалова А.Р.</i> Встреча с В.Н. Корольковым	284
<i>Матвеев И.В.</i> Спасибо вам.	287

Глава 10. Горжусь подвигом дедов и прадедов

<i>Лопаткина М.</i> А была ли победа?..	288
<i>Фигурнов М.В.</i> Великая Отечественная война в жизни моей семьи	289

<i>Бикинеева Р.С. Жить и помнить</i>	294
<i>Жаворонкова Е.А. Они приближали победу</i>	297
<i>Иванова Д.А. Воспоминания о легендарном деде</i>	300
<i>Кузьмин П.Е. И мой прадед воевал</i>	301
<i>Прокина Я.В. Лесная жизнь</i>	302
<i>Шкут А.П. Защищая отчизну</i>	304
<i>Генин В.А. Память листает страницы...</i>	310
<i>Захарова А.С. Воспоминания о войне</i>	316
<i>Леонтьев А.В. Украденное детство</i>	320
<i>Тиунова А.А. Что изменило мое отношение к войне</i>	322
<i>Ошуркова Н.А. Краснофлотец Северного флота</i>	323
<i>Чуркина Н.В. Немеркнущий свет победы</i>	328
<i>Секерина Е. Пропавший без вести</i> <i>(Судьба солдата Ивана Романова)</i>	331
<i>Толмачева А.О. Сердцем прикоснемся к подвигу</i>	335
<i>Зюлин С.Г. Судьба крестьянки</i>	337
<i>Трамбовецкая О.В. «Мы не дрогнем в бою за столицу свою...» . . .</i>	338

Глава 11. Школьники о своих родных в Великую Отечественную

<i>Шереметьев Ю.О. Единство фронта и тыла</i>	341
<i>Шулепов К.Д. «Подвиг твой бессмертен...»</i>	344
<i>Барина В.Д. Их поддерживала любовь</i>	349
<i>Высоцкий А.Р. Моя семья в Отечественную войну</i>	352
<i>Егорова А.А. «Сестричка»</i>	356
<i>Коновалова Т.С. Сохрани!</i>	357
<i>Куртыкин Д.С. Ливенский стрелок</i>	359
<i>Усольцев А.В. Фотография из альбома</i>	362
<i>Ваничкина О.С. Фронтовые эпизоды</i>	364
<i>Гаврикова Т.Р. Не забудем</i>	367
<i>Зуева Е.А. Возвращение солдата</i>	368
<i>Урясьев С.А., Корнеев К.Г. Девушка и война</i>	371
<i>Филимонов М.А. Хранитель семейного архива</i>	373
<i>Солопов В.Г. Взрослое детство</i>	376
<i>Куликова Ю.А. Дорогие фотографии</i>	378
<i>Фадеечева Н. Свидетельница эпохи</i>	381
<i>Панков Н. Мой прадед Семен Колесов</i>	386

Глава 12. О Родине, о мужестве, о подвиге

<i>Поколение ХХI века о войне</i>	389
<i>Титов В.О. Я – патриот</i>	394

<i>Стойловская В.Н.</i> Юный партизан Василий Аниканов	397
<i>Королёва А.В.</i> По местам боевой славы	400
<i>Прошкин Д.В.</i> На Юхновском направлении	403
<i>Токорева П.Г.</i> «Иду защищать любимую Родину»	406
<i>Аксенов А.А.</i> Дети, пережившие войну.	408
<i>Данкина К.А.</i> Никто не забыт, ничто не забыто	410
<i>Циолта К.Н., Циолта Е.Н.</i> Боевой путь солдата	413
<i>Арапов А.В.</i> Спасение летчиков.	415
<i>Елисеева А.И.</i> В шаге от смерти	417
<i>Зименков А.А.</i> Мой прадед – защитник Ленинграда	417
<i>Терехов В.В.</i> Случай в Пеклино.	422
<i>Базылева К.А.</i> Рассказ бабушки о военном детстве на Алтае	423
<i>Шевченко Л.С.</i> Подвиги во славу Родины	426
 <i>Ростовцева Л.И.</i> Рожденный в декабре 1941-го (Вместо послесловия).	 429

МЫ ПОМНИМ...

Книга воспоминаний
и размышлений
поколений

1941

Часть 2

**Авторы проекта,
редакторы-составители
Ю.М. Осипов, Л.И. Ростовцева**

Авторы проекта и редакторы-составители выражают благодарность за организационную и консультативную помощь генеральному директору Н.Б. Немовой и сотрудникам ГУК ТО «Объединение “Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей”»; исполнительному директору Международного общественного фонда имени полководца Г.К. Жукова В.В. Якунину; директору районного краеведческого музея г. Юхнова В.В. Шленской, директору ГБУК УО «Государственный музей Г.К. Жукова» М.А. Федоровой, профессору кафедры стрелково-пушечного вооружения ТулГУ В.А. Власову и заместителю директора Института высокоточных систем имени В.П. Грязева М.С. Воротилину.

Художественное оформление: *Гиндин М.Б., Волков В.Ю.*

Редактор: *Романов С.М.*

Компьютерная верстка: *Колабин Е.В.*

Корректоры: *Токарева О.Е., Скоробогатова О.М.*

Научно-организаторская работа: *Цехмистренко И.Н., Мясоедова Н.А.*

Научно-вспомогательная работа: *Мирошина Е.Ю.*

В оформлении использованы фотографии из семейных архивов

*Письма, дневниковые записи и др. архивные документы
приведены в авторской редакции*

Формат 70х100/16. Печ. л. 27,75.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 499.

ЗАО «Гриф и К»

300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96

grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru

90 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

94 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

98 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

100 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

102 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

106 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

116 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

164 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

202 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

208 — Глава 7. Правда о сорок первом. Из писем, дневников, воспоминаний —

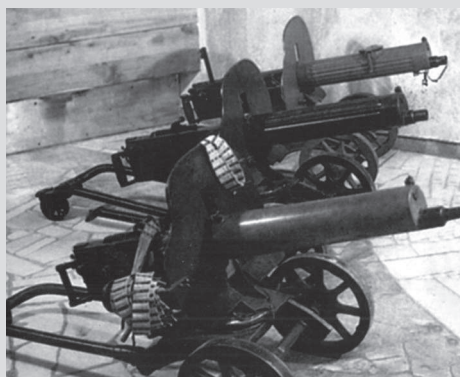
С.И. Мосин (1849–1902)

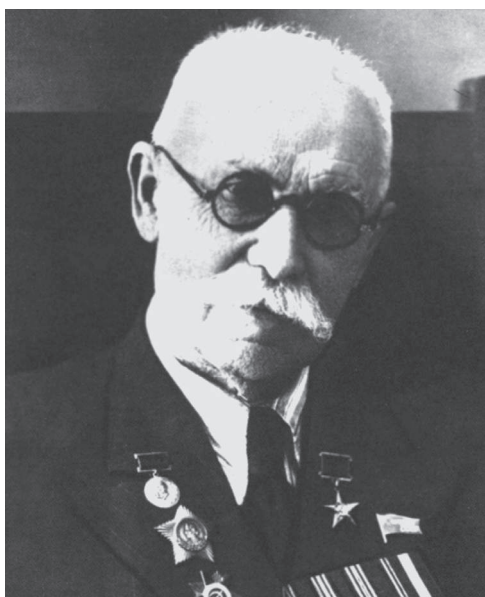
3-линейная винтовка образца 1891 г.

П.П. Третьяков (1864–1937)

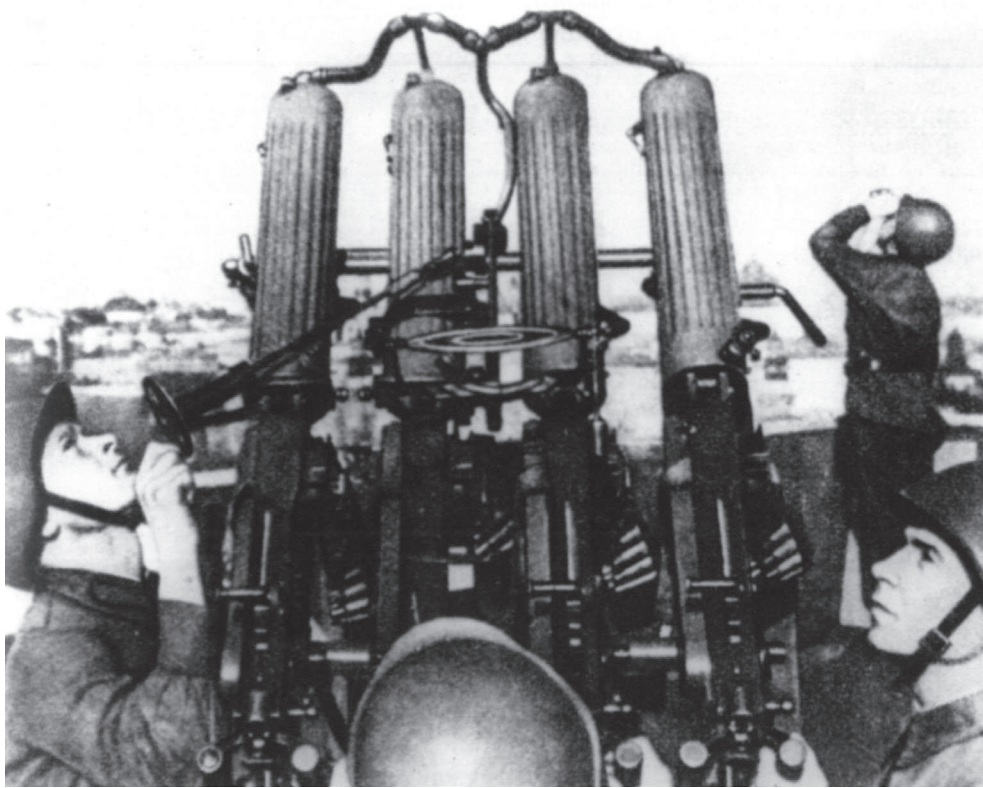
Пулемет «Максим»

Ф.В. Токарев (1871–1968)

Н.Ф. Токарев (1899–1972)

Счетверенная зенитная установка Н.Ф. Токарева под пулемет «Максим»

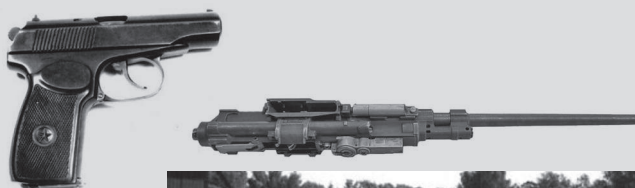
*М.Е. Березин
(1906–1950)*

20-мм авиационная пушка Березина

*Н.Ф. Макаров
(1914–1988)*

*Пистолет
Макарова
(ПМ)*

*23-мм авиационная автоматическая
пушка системы Афанасьева-Макарова*

*И.А. Стечкин
(1922–2001)*

*Автоматический пистолет Стечкина
(АПС)*

Револьвер «Кобальт»

*7,62-мм (СП-4) револьвер
специальный Стечкина
(ОЦ-38)*

*А.А. Волков
(1905–1968)*

*С.А. Ярцев
(1906–1981)*

*Б.Г. Шпитальный
(1902–1972)*

*С.В. Владимиров
(1895–1956)*

*И.А. Комарицкий
(1891–1971)*

*23-мм авиационная
автоматическая пушка
системы Волкова - Ярцева*

Пушка ВЯ

Пушка Б-20

Пушка ШВАК

Пулемет ШКАС

Пулемет УБС

Винтовка СВТ-40

В.П. Грязев (1928–2008)

А.Г. Шипунов среди военных

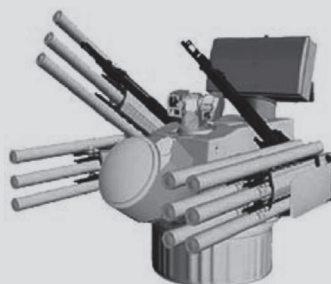
Корабельный зенитный ракетно-артиллерийский комплекс "КАШТАН-М"

Зенитная управляемая ракета (ЗУР)

Зенитный автомат (ЗА)

*Зенитный ракетно-пушечный комплекс «Тунгуска-М1» 2А38М —
30-мм зенитный автомат*

Зенитный ракетно-пушечный комплекс "ПАНЦИРЬ-С1"